

Александр Дюма Джузеппе Бальзамо. Том 1

ВВЕДЕНИЕ. ГРОВОВАЯ ГОРА

На левом берегу Рейна, в нескольких милях от бывшей королевской резиденции Вормс, неподалеку от того места, где берет свое начало речушка Зельц, появляются первые горные отроги. Ощетинившиеся горные вершины кажутся убегающим к северу стадом испуганных буйволов, которые словно исчезают в тумане.

Горы эти нависают над почти безлюдной равниной. Кажется, будто они почтительно шествуют за самой высокой из них. Каждая гора носит звучное имя, каждая напоминает нечто своими очертаниями или связана с каким-нибудь преданием: одна зовется Королевским Троном, другая – Шиповником, вот эта – Соколиная гора, а та – Змеиный Хребет.

Самая высокая из всех – та, что решительнее Других устремлена ввысь, вершина которой увенчана нагромождением камней, – зовется Громовой горой.

Когда вечер опускается на землю и густеет тень под дубами, когда последние лучи заходящего солнца играют в вершинах горных исполинов, то кажется, что покой снисходит с небесных высот. Невидимая властная рука набрасывает на утомленных за день обитателей равнины длинное голубоватое покрывало, в глубине которого мерцают звезды. И тогда жизнь постепенно замирает. Все засыпает на земле и в воздухе.

Среди этого покоя одинокая речушка, о которой мы уже упоминали, – Зельцбах, как ее называют в местечке, – продолжает свой таинственный путь под прибрежными елями. Она неспешно несет свои воды в Рейн, и ничто не остановит ее. Песок в ее русле всегда прохладен, тростник гибок, утесы густо поросли мхом и камнеломкой; ни единой волной не вспенится она от Моршейма до самого Фрейвенхейма.

Немного выше того места, где река берет свое начало, между Альбисхеймом и Кирхейм-Поландом, проходит дорога, изрезанная глубокими колеями. Она петляет меж Двух отвесных скал и приводит в Даненфельс. После Даненфельса дорога превращается в тропинку, затем и тропинка сужается, становится все незаметнее, наконец, вовсе теряется из виду. Взгляду открывается необъятный склон Громовой горы, вершина которой нередко осеняется священным огнем, давшим горе имя. Деревья непроницаемой стеной опоясывают склон, надежно укрывая его от любопытных глаз.

В самом деле, оказавшись под сенью деревьев, могучих, словно дубы античной Дидоны, путешественник может двигаться дальше, оставаясь не замеченным с равнины, проезжай он хоть среди бела дня. И будь его лошадь увешана бубенцами, как испанский мул, – никто не услышит их звона; будь лошадь покрыта затканной золотом попоной, словно конь самого императора, ни один отблеск не проникнет сквозь листву. Пышные ветви не пропускают ни малейшего звука, густая тень заглушает все краски.

В наши дни самые внушительные горы стали просто наблюдательными пунктами, а мрачные предания вызывают у путешественника лишь улыбку сомнения. Однако и сегодня этот пустынный край заставляет местных жителей трепетать от ужаса и безлюдности. Несколько жалких на вид домишек, будто забытые часовые соседних деревень, стоят на почтительном расстоянии от колдовского леса.

Обитатели этих затерянных домишек – мельники, которые охотно доверяют реке свое зерно, а муку отвозят потом в Рокенхаузен или Альзей. Живут здесь еще пастухи, они гоняют стада в горы. И пастухам, и их собакам случалось вздрагивать при звуке рухнувшей от старости вековой ели. Кто знает, в каких лесных дебрях исчезает она!

Как мы уже говорили, предания в этом краю мрачны и зловещи. Рассказывают, что тропинка, которая теряется за Даненфельсом среди вересковых зарослей, не всегда приводила истинных христиан к вратам рая.

Вероятно, кто-нибудь из нынешних жителей Даненфельса слышал от отца или Деда историю, подобную той, которую мы хотим рассказать.

Случилось это 6 мая 1770 года. Приближался час, когда вода в реке становится молочно-

розовой. Это время знакомо каждому жителю Рингау: солнце опускается на крышу Страсбургского собора, и его шпиль делит солнечный диск надвое.

Всадник, ехавший из Майенса, миновал Альзей и Кирхейм-Поланд, затем оставил позади Даненфельс и свернул на едва различимую тропинку, а тропинка вскоре и вовсе исчезла. Тут он спешился, взял коня под уздцы О и собрался было привязать его к дереву. Конь тревожно заржал. Казалось, мрачный лес дрогнул – так необычен был здесь этот звук.

– Ну-ну, успокойся, мой славный Джерид, – прошептал незнакомец, – позади двенадцать миль, и для тебя по крайней мере путешествие закончилось.

Он огляделся, словно пытаясь увидеть что-то сквозь листву; но сумерки уже стусились, лишь смутно угадывались тени, наплывавшие одна на другую.

Оставив тщетные попытки хоть что-нибудь различить в темноте, незнакомец обернулся к лошади. Ее арабское имя свидетельствовало одновременно о ее происхождении и о скаковых качествах. Притянув к себе морду лошади обеими руками, он коснулся губами ее пылавших ноздрей.

– Прощай, мой верный друг, – сказал он, – больше мы не увидимся, прощай!

С этими словами он бросил беглый взгляд вокруг, словно надеясь быть услышанным.

Конь тряхнул шелковистой гривой, стукнул копытом об землю и заржал так, будто почувствовал смертельную опасность.

На этот раз всадник лишь кивнул головой, и его улыбка будто говорила:

– Ты прав, Джерид, опасность совсем рядом.

Вероятно, решив заранее, что бороться с этой опасностью бесполезно, отважный незнакомец выхватил пару великолепных пистолетов с инкрустированными стволами и золочеными рукоятками, затем разрядил их один за другим, вытолкнув шомполом пыжи и пули, а порох развеял по ветру.

Покончив с этим, он убрал пистолеты в седельную кобуру.

Но и это было еще не все.

У незнакомца висела на перевязи шпага со стальным эфесом. Он расстегнул поясной ремень, обмотал им шпагу, просунул ее под седло, приторочив к стремям таким образом, что острие шпаги оказалось на одном уровне с пахом, а эфес – с лопаткой лошади.

Затем всадник отряхнул пыль с сапог, снял перчатки, пошарил в карманах. Нащупав там крошечные ножницы и перочинный ножик с черепаховым черенком, он небрежно швырнул их, даже не взглянув, куда они упали.

Незнакомец в последний раз погладил Джерида, вздохнул полной грудью и, сделав безуспешную попытку отыскать хоть какую-нибудь тропинку и так и не найдя ее, пошел наугад в глубь леса.

Мы полагаем, что настала пора рассказать поподробнее о незнакомце, который только что предстал перед читателем, так как ему суждено сыграть немаловажную роль в нашей истории.

Человеку, который, спешившись, так отважно устремился в лесную чащу, было за тридцать лет. Роста он был выше среднего, прекрасно сложен. В нем угадывались сила и ловкость, он был гибок и подвижен. На нем был сюртук черного бархата с золочеными петлицами, полы расшитой куртки выглядывали из-под сюртука, а кожаные штаны плотно облегали ноги, стройность которых не портили лакированные сапоги.

Живость лица выдавала в нем южанина, в нем угадывались сила и вместе с тем утонченность. Глаза его способны были выразить любые оттенки чувств. Когда незнакомец задерживал взгляд на собеседнике, казалось, будто он проникал до самых глубин его души. Бросалось в глаза, что его смуглые щеки загорели под лучами непривычно горячего солнца. Рот у него был большой, но тонко очерченный, загар лишь подчеркивал белизну прекрасных зубов. Ступни его ног были длинные, но изящные, руки – маленькие и нервные.

Незнакомец едва успел сделать несколько шагов в кромешной темноте, как вдруг услышал, что кто-то торопливо подходит к его лошади. Первым его движением было немедленно вернуться, но он сдержался. Ему захотелось увидеть, что случилось с Джеридом, и он, поднявшись на носки, бросил назад молниеносный взгляд. Но Джерид уже исчез: невидимая рука отвязала повод и увела

коня.

Незнакомец слегка нахмурился, затем едва заметная улыбка пробежала по его губам.

И он вновь стал углубляться в лесную чащу.

Он прошел еще несколько шагов – сумерки едва угадывались сквозь кроны деревьев, однако вскоре и этот, слабый отсвет пропал. Незнакомец очутился в полной темноте, такой плотной, что не видно было, куда ступает нога. Боясь заблудиться, он остановился.

– Я благополучно добрался до Даненфельса, – произнес он громко, – потому что из Майенса в Даненфельс ведет дорога; я доехал до Брюйер-Нуара, потому что из Даненфельса в Брюйер-Нуар меня привела тропинка; я дошел из Брюйер-Нуара сюда, хотя не нашел ни дороги, ни тропинки, только лес кругом. Ну, а здесь мне, видно, придется остановиться: ничего не вижу.

Только он произнес эти слова на каком-то наречии – смеси французского с сицилийским, как приблизительно в пятидесяти шагах от него вспыхнул свет.

– Благодарю! – сказал он. – Раз появился этот свет, я иду на него.

Свет Поплыл вперед, не качаясь. Он походил на свет театральной сцены, движением которых руководил хороший режиссер.

Незнакомец прошел еще сотню шагов, потом почувствовал возле уха чье-то дыхание.

– Не оборачивайся, – произнес голос справа от него, – иначе тебе конец.

– Хорошо, – не моргнув глазом, ответил невозмутимый путешественник.

– И не разговаривай, – раздался голос слева от него, – или ты умрешь!

Незнакомец молча кивнул.

– Если боишься, – едва слышно произнес третий голос, похожий на голос отца Гамлета, который, казалось, исходил из самых недр земли, – если боишься, возвращайся той же дорогой к Даненфельсу: это будет означать, что ты отказываешься, и тебе будет позволено уйти туда, откуда ты пришел.

Незнакомец махнул рукой и зашагал дальше.

Ночь была темная, а лес такой непроходимый, что, несмотря на свет, который маячил перед путником, он шагал спотыкаясь. Так продолжалось около часа, и все это время незнакомец следовал за лучом света, не проронив ни звука, не испытывая ни малейшего страха.

Внезапно свет погас.

Лес остался позади. Незнакомец взглянул вверх: на темно-лазурном небе мерцало лишь несколько звезд.

Он продолжал идти в том направлении, где только что погас путеводный луч, и вскоре оказался перед развалинами замка.

В тот же миг он нащупал ногой обломки.

Что-то холодное коснулось его висков, и на глаза опустилась пелена, наступила полная темнота. Ему обмотали голову влажной повязкой. Несомненно, это был какой-то ритуал; во всяком случае, он был к нему готов, потому что не пытался сорвать повязку. Он лишь протянул руку в полном молчании, как слепой, требующий поводыря.

Это движение было понято, тотчас кто-то подхватил незнакомца холодной костлявой рукой. Он сообразил, что это костлявая рука скелета. Но ничто не дрогнуло в нем.

В то же мгновение незнакомец почувствовал, что кто-то увлекает его вперед. Через сотню туаз

они остановились.

Пальцы скелета разжались, повязка спала с глаз, и незнакомец замер: он очутился на вершине Громовой горы.

«Я ТОТ, КТО Я ЕСМЬ»

Посреди поляны, окаймленной старыми голыми березами, уцелел нижний этаж одного из разрушенных замков. Такие замки строили по всей Европе феодальные сеньоры по возвращении из крестовых походов.

Резные портики украшены были изящным орнаментом. Вместо искалеченных статуй, сва-

ленных под стенами замка, в каждой нише притаились кустики вереска или пучки горных цветов, которые выделялись на бледном фоне небес своими кружевными головками.

Открыв глаза, незнакомец увидел, что стоит перед главным портиком, ступени которого были влажны и поросли мхом. На нижней ступеньке стоял призрак с костлявой рукой, которая и привела сюда незнакомца.

Призрак был закутан с головы до пят в длинный саван. В складках савана виднелись пустые глазницы, костлявая рука указывала на развалины. Незнакомец подумал, что рука показывает на цель его долгого пути – комнату, которая несколько возвышалась над землей и потому была скрыта от глаз, но сквозь ее местами обвалившиеся своды сочился сумрачный и таинственный свет.

Незнакомец кивнул головой в знак того, что он понял, куда ему надо идти. Призрак медленно и бесшумно поднялся по лестнице и исчез среди развалин. Путешественник, следуя за ним так же спокойно и торжественно, поднялся по той же лестнице, что и призрак, и вошел в залу.

За ним с оглушительным грохотом захлопнулась, словно железный занавес, парадная дверь.

Войдя в круглую пустую залу, призрак замер. Задрапированные черным стены залы освещались тремя светильниками – от них исходил слабый зеленоватый свет. Незнакомец остановился шагах в десяти от призрака.

– Открой глаза, – вымолвил призрак.

– Уже открыл, – отозвался незнакомец. Стремительно выхватив из складок савана обоюдоострую шпагу, призрак ударил по бронзовой колонне – ей глухо ответило эхо.

Тотчас вдоль стен зашевелились камни, из-за них показались такие же призраки, вооруженные обоюдоострыми шпагами. Они заняли скамьи амфитеатра, расположенные вдоль стен залы, и замерли, будто холодные неподвижные статуи на своих пьедесталах, причудливо освещаемые зеленоватым мерцанием ламп.

Каждая живая статуя отчетливо выделялась на черном фоне стен, о которых мы уже упоминали.

Впереди стояло семь кресел; шесть из них были заняты призраками, по-видимому, начальниками, седьмое кресло пустовало.

Сидевший на председательском месте поднялся.

– Сколько нас, братья? – спросил он, обращаясь к собранию.

– Триста, – ответили призраки в один голос, отозвавшийся эхом, которое, впрочем, немедленно потонуло в черных складках мрачной драпировки на стенах залы.

– Триста, – подхватил председатель, – и каждый из вас представляет десять тысяч братьев; это триста клинков и три миллиона кинжалов.

Затем он повернулся к незнакомцу.

– Для чего ты пришел сюда? – спросил он.

– Хочу видеть свет, – отвечал незнакомец.

– Путь, ведущий к священному огню, труден и тернист, не боишься ли ты вступать на него?

– Я ничего не боюсь!

– Однажды вступив на этот путь, ты уже никогда не сможешь свернуть с него.

– Я не остановлюсь, пока не достигну цели.

– Готов ли ты принести клятву верности?

– Читайте, я буду повторять.

Председатель медленно поднял руку и торжественно произнес:

– Во имя распятого Бога-сына поклянитесь разорвать плотские связи, которые еще соединяют вас с отцом, матерью, братьями, сестрами, женой, близкими, друзьями, любовницами, монархами, благодетелями – с любым существом, которому вы могли обещать свою верность, повиновение или помощь.

Незнакомец уверенно повторил слова клятвы, произнесенные председателем. Перейдя ко второму параграфу, председатель продолжал с тою же медлительностью и торжественностью:

– С этого момента вы освобождаетесь от мнимой клятвы, принесенной родине и законности: поклянитесь же открыть высшему чину ордена, которому вы обещаете повиноваться, то, что вы видели или совершали, читали или слышали, о чем узнали или догадались, а также выведывать

или искать то, что, может быть, не сразу откроется вашему взору.

Председатель замолчал, и незнакомец повторил услышанное слово в слово.

– Никогда не пренебрегайте aqua toffana

, – продолжал председатель в том же тоне, – это средство быстродействующее, надежное и необходимое для того, чтобы стереть с лица земли тех, кто стремится обесценить истину или вырвать ее у нас из рук.

Незнакомец эхом вторил председателю. Тот продолжал:

– Избегайте Испании, избегайте Неаполя, избегайте всякой проклятой Богом земли, избегайте искушения открыть кому бы то ни было то, что вам доведется увидеть или услышать здесь. В противном случае не успеет гром грянуть, как невидимый и неминуемый меч поразит вас, где бы вы ни находились.

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа! Невозможно было, несмотря на угрозу, прозвучавшую в последних словах клятвы, заметить ни малейшего волнения в лице незнакомца. Он произнес окончание клятвы и воззвание, за ним последовавшее, так же спокойно.

– А теперь, – продолжал председатель, – повяжите новому члену общества священную повязку.

Два призрака приблизились к незнакомцу, склонившему голову. Один из них наложил ему на лоб алую ленту с серебряными иероглифами и ликом Лореттской Богоматери; другой завязал концы ленты узлом на затылке.

Затем они отступили, вновь оставив незнакомца одного.

– Чего ты просишь? – спросил его председатель.

– Три вещи, – ответил новый член общества.

– Какие же?

– Железную руку, огненный меч, алмазные весы.

– Зачем тебе железная рука?

– Чтобы задушить тиранию.

– Зачем тебе огненный меч?

– Чтобы очистить землю от скверны.

– Зачем тебе алмазные весы?

– Чтобы измерять судьбы человеческие.

– Готов ли ты к испытаниям?

– Готов ко всему.

– Испытания! Испытания! – раздались голоса.

– Обернись, – произнес председатель.

Незнакомей повиновался и оказался лицом к лицу с человеком, бледным как смерть, связанным по рукам и ногам, кляпом во рту.

– Кто перед тобой? – спросил председатель.

– Преступник или жертва.

– Это преступник, который, дав такую же, как и ты, клятву, выдал тайну ордена.

– В таком случае он – преступник.

– Да. Какого наказания он заслуживает?

– Смерти!

Триста призраков повторили:

– Смерти!

В тот же миг осужденного, несмотря на отчаянное сопротивление, оттащили в глубину залы: незнакомец видел, как тот отбивался, пытаясь вырваться из рук палачей; он слышал его хриплые стоны, рвавшиеся сквозь кляп. Сверкнул кинжал, отразившись в свете ламп, словно молния, послышался глухой удар, и тело тяжело рухнуло наземь.

– Справедливость восторжествовала, – произнес незнакомец, оборачиваясь к собранию. Призраки пристально следили за происходившим горящими глазами, видневшимися в складках сава-нов.

– Итак, – воскликнул председатель, – ты одобряешь эту казнь?

- Да, если жертва в самом деле виновна.
- Готов ли ты выпить за смерть любого, кто, как он, выдаст тайны святого общества?
- Да, готов.
- Какой бы напиток тебе ни предложили?
- Любой!

– Подайте кубок! – приказал председатель. Один из палачей приблизился к новому члену общества и подал ему красный дымившийся напиток в человеческом черепе на бронзовой подставке.

Незнакомец принял кубок из рук палача и, подняв его над головой, провозгласил:

- Пусть смерть покарает того, кто выдаст тайну святого ордена!

Поднеся кубок к губам, он залпом осушил его и хладнокровно вернул палачу.

Ропот удивления прошел среди собравшихся; призраки, казалось, переглянулись сквозь саваны.

- Хорошо, – сказал председатель. – Подайте пистолет!

Один из призраков приблизился к председателю, держа в одной руке пистолет, в другой – свинцовую пулю и пороховой заряд.

Новый член общества едва взглянул на них.

- Итак, ты обещаешь безропотно подчиняться святому ордену? – спросил председатель.

– Да.

- Даже если повиновение обернется против тебя?

– Тот, кто приходит сюда, не принадлежа себе, он принадлежит обществу.

- Гак значит, ты подчинишься мне, чего бы я от тебя ни потребовал?

– Я готов повиноваться.

- Сию минуту?

– Сию минуту.

- Без малейшего колебания?

– Да.

- Возьми пистолет и заряди его.

Незнакомец взял пистолет, насыпал порошу на полку, забил заряд шомполом, потом вкатил пулю и дослал ее другим шомполом.

Угрюмые обитатели мрачного замка наблюдали за ним в гробовом молчании. Только ветер завывал среди обвалившихся арок.

- Пистолет заряжен, – холодно произнес незнакомец.

– Ты в этом уверен? – спросил председатель. Улыбка пробежала по губам незнакомца. Он взял шомпол и вставил его в ствол пистолета. Шомпол оказался на два пальца длиннее ствола.

Председатель удовлетворенно кивнул.

- Да, он действительно заряжен, – сказал он, – и заряжен, как следует.

– Что же дальше? – спросил новый член общества.

- Взведи курок.

Незнакомец повиновался, и среди полной тишины, в которой происходил этот разговор, слышался щелчок собачки.

- А теперь, – продолжал председатель, – приставь пистолет ко лбу.

Новый член общества повиновался без колебаний. Присутствующие замерли. Казалось, свет ламп померк, призраки стали похожи на настоящих привидений, они больше не дышали.

- Огонь! – скомандовал председатель.

Щелкнул курок, кремь чиркнул по колесцу, порох на полке вспыхнул, однако выстрела не последовало.

Радостный крик вырвался из груди почти всех присутствовавших, а председатель инстинктивным движением простер руку к незнакомцу.

Но двух испытаний оказалось недостаточно самым придиричивым членам, и несколько голосов вскричало:

- Кинжал! Кинжал!

– Вы настаиваете? – спросил председатель.

– Да! Кинжал! Кинжал! – раздалось те же голоса.

– Ну что же, подайте кинжал, – приказал председатель.

– Это ни к чему, – проговорил незнакомец, презрительно покачав головой.

– Как это ни к чему? – опешили присутствовавшие.

– Да, незачем, – громко повторил новый член общества, перекрывая гул голосов, – повторяю, что это бесполезно: вы теряете драгоценное время.

– Что вы говорите? – воскликнул председатель. – Говорю, что знаю все ваши хитрости, что испытания, которым вы меня подвергаете, – детские игры, не достойные серьезных людей. Говорю, что этот мертвец жив, что его кровь, которую я пил, – всего-навсего вино, спрятанное в плоской фляге на его груди под одеждой. Говорю, что порох и пуля упали в рукоятку пистолета в тот самый момент, когда я, взведя курок, нажал на спуск. Возьмите же это безобидное оружие, годное разве для того, чтобы пугать им трусов. Поднимайся же, мертвец: тебе не напугать смельчака!

Страшный крик разнесся под сводами залы.

– Так ты знаешь наши тайны!.. – вскричал председатель. – Кто же ты: ясновидящий или предатель?

– Кто же ты? – в один голос вскричали триста человек, в то время как два десятка шпаг сверкнули в руках призраков, ближе других стоявших к незнакомцу и готовых в едином порыве спуститься со скамей и поразить его.

Улыбаясь, он спокойно поднял голову и встряхнул ненапудренными волосами, которые держала лента, повязанная на его голове.

– Ego sum qui sum, – сказал он, – я тот, кто я есмь. Он обвел взглядом тесно окруживших его людей. Под его властным взглядом шпаги медленно опускались по мере того, как незнакомец переводил взгляд от одного призрака к другому. Одни призраки опускали шпаги немедленно, подчиняясь влиянию незнакомца, другие – нехотя, как бы пытаясь противодействовать ему, – Ты произнес неосторожное слово, – вымолвил председатель, – ты не говорил бы так, если бы знал о последствиях.

Незнакомец, улыбаясь, покачал головой.

– Я ответил так, как должен был ответить, – произнес он.

– Так откуда же ты прибыл? – спросил председатель.

– Я пришел к вам из Страны восходящего солнца.

– Однако согласно полученной инструкции мы ожидаем посланца из Швеции.

– Идущий из Швеции может прибыть с Востока, – возразил незнакомец.

– Повторяю: мы не знаем, кто ты.

– Кто я!.. Хорошо, – сказал незнакомец, – я скажу вам, кто я, когда придет время, раз уж вы делаете вид, что не понимаете, кто перед вами. Но прежде я скажу вам, кто вы.

Призраки содрогнулись, поспешно переложили мечи из левой руки в правую и вновь подступили к незнакомцу. – Начнем с тебя, – проговорил незнакомец, указав на председателя. – Ты мнишь себя Богом, на самом деле

– ты только его глашатай. Ты представляешь шведскую ложу; я назову твое имя, чтобы избавить себя от необходимости называть остальных. Сведенборг, неужели ангелы, с которыми ты непринужденно беседуешь, не сообщили тебе, что тот, кого ты ожидаешь, уже в пути?

– Да, – отвечал председатель, приподняв капюшон, чтобы лучше видеть собеседника. – Они мне сказали.

Откинув капюшон савана, он нарушал обычаи ложи. Перед собравшимися предстал восьмидесятилетний старец с благородными чертами лица и благообразной седой бородой.

– Прекрасно! – воскликнул незнакомец. – Итак, слева от тебя – представитель английского кружка и председатель каледонской ложи. Приветствую вас, милорд! Если вы унаследовали величие своего предка, Англия может надеяться на возрождение былой славы.

Шпаги опустились, гнев мало-помалу сменялся удивлением.

– А, вот и вы, капитан! – продолжал незнакомец, обращаясь к крайнему слева от председателя чину ордена. – В какой гавани оставили вы прекрасный корабль, с которым вы обращаетесь

нежно, словно с любовницей? Фрегат столь же славен, как и его имя – «Провидение», которое должно принести удачу Америке, не так ли?

Он обратился к чину ордена, сидевшему справа от председателя.

– Теперь твоя очередь, цюрихский пророк, – произнес он. – Ну-ка, посмотри мне в глаза, ведь ты предсказываешь судьбу по лицу, так скажи во всеуслышание, не доказывают ли линии моего лица высокого предназначения?

Тот, к кому он обратился, отступил на шаг.

– Ну что ж, – продолжал незнакомец, взглянув на его соседа, – тебе, потомок королевского рода Пелайо, предстоит вторично изгнать мавров из Испании. Это было бы нетрудно, если только кастильцы не навсегда потеряли шпагу Сиды.

Пятый чин ордена словно онемел и сидел не шелохнувшись. Казалось, слова незнакомца обрвали его в камень.

– Ну, а мне, – заговорил шестой чин, подавшись к незнакомцу, который, казалось, забыл о нем, – мне ты ничего не скажешь?

– Отчего же? – отвечал незнакомец, пронизывая его взглядом. – Я могу сказать тебе то же, что Иисус сказал Иуде: узнаешь в свой час.

Тот, к кому обращены были эти слова, стал бледнее савана, в то время как все собрание роптало. Присутствовавшие, казалось, требовали у нового члена общества доказательств столь странного обвинения.

– Ты забыл представителя Франции, – вымолвил председатель.

– Его нет среди нас, – высокомерно отвечал незнакомец – и ты хорошо это знаешь, вот его кресло. Теперь же хочу напомнить тебе, что твои уловки смешны тому, кто видит в темноте, действует, несмотря на непреодолимые препятствия, и не боится смерти.

– Ты молод, – возразил председатель, – а говоришь с такой уверенностью, словно ты Бог. Подумай вот о чем: наглостью можно ошеломить нерешительного либо несведущего.

Губы незнакомца тронула презрительная улыбка:

– Все вы нерешительны, так как бессильны против меня; вы несведущи, потому что не знаете, кто я, а я вас знаю. Значит, я мог бы одержать над вами верх, прибегнув к наглости, да только зачем наглость тому, кто всемогущ?

– Где доказательства твоего всемогущества? – спросил председатель. – Представь нам доказательства.

– Кто вас создал? – в свою очередь, спросил незнакомец.

– Верховная ложа.

– Очевидно, есть какой-то смысл в том, что вы съехались сюда, – произнес незнакомец, обращаясь к председателю и пяти высшим чинам, – вы

– из Швеции, вы – из Лондона, вы – из Нью-Йорка, вы – из Цюриха, вы – из Мадрида, вы – из Варшавы, наконец – все вы, – продолжал он, обращаясь к собравшимся, представлявшим различные уголки земного шара, – за тем только, чтобы собраться в этом мрачном храме веры?

– Разумеется, – отвечал председатель, – мы собрались, чтобы встретить создателя таинственной Восточной ложи. Он объединил два полушария в одной вере, благодаря ему сплелись в дружеском пожатии руки всех людей.

– Есть ли какой-нибудь знак, по которому вы могли бы узнать его?

– Да, – отвечал председатель. – По милости Божией ангелы открыли мне этот знак.

– Так вы один владеете тайной?

– Да.

– И вы никому не говорили о нем?

– Ни одной душе!

– Огласите его! Председатель колебался.

– Говорите же, – настаивал незнакомец. – Говорите, настало время открыть тайну.

– На груди у него должна быть алмазная пластинка, – проговорил высший чин ордена. – На пластинке – три начальные буквы девиза, значение которого известно ему одному.

– Какие же это буквы?

– L. P. D.

Незнакомец распахнул сюртук и жилет: поверх батистовой рубашки сияла алмазная звезда, на ней сверкали три рубиновые буквы.

– Это ОН! – в страхе воскликнул председатель. – Неужели это он?!

– Тот, которого так ждут! – озабоченно добавили высшие чины общества.

– Великий Копт! – выдохнули триста человек в один голос.

– Ну что же! – вскричал незнакомец, не скрывая своего торжества. – Теперь вы поверите мне, если я повторю: я тот, кто я есмь?

– Да! – выдохнули призраки, простираясь ниц.

– Приказывай, учитель! – воскликнули председатель и пять высших чинов, поклонившись до земли. – Приказывайте, и мы будем повиноваться. L P D Наступила мертвая тишина. Казалось, незнакомец собирался с мыслями.

Спустя несколько минут он заговорил:

– Господа! Вы можете опустить шпаги – они только мешают вам. Слушайте меня внимательно, потому что вам многое предстоит узнать, хотя я буду немногословен.

Присутствующие слушали с удвоенным вниманием.

– Источник великой реки почти всегда – божественного происхождения и потому невидим. Когда плывешь по Нилу, Гангу или Амазонке, знаешь, куда направляешься, но понятия не имеешь, откуда держишь путь! Я начал себя помнить с того дня, как душа моя стала воспринимать окружающий мир; я тогда жил в Медине, святом городе, и резвился в садах муфтия

Салааима.

Это был почтенный старец, которого я любил, как отца. Однако он не был моим отцом. Взгляд его был нежен, а тон – почтителен. Трижды в день он оставлял меня, уступая место другому старцу. Когда я произношу его имя, я испытываю признательность и вместе с тем страшно робею. Имя этому уважаемому старцу – светочу, прошедшему все науки, постигаемые человечеством, обученному семью небесными духами всему, что должны знать ангелы для общения с Богом, имя ему – Альтотас. Он был моим наставником, учителем. Теперь это мой друг, к которому я отношусь с глубоким почтением, так как он вдвое старше старейшего из вас.

Торжественная речь, величественные движения, строгий тон незнакомца произвели на собравшихся сильнейшее впечатление. Время от времени их охватывало необъяснимое беспокойство.

Путешественник продолжал:

– К пятнадцати годам я был уже посвящен в великие таинства природы. Я знал ботанику, но не ту науку, которой владеет рядовой ученый, ограничившись знанием своей местности, – я знал шестьдесят тысяч видов различных растений на всей земле. С помощью моего учителя, который, возложив руки мне на голову, посылал сквозь мои опущенные веки луч божественного света, я умел путем почти сверхъестественного самосозерцания проникать взглядом в морскую пучину. Я изучал неописуемо чудовищные заросли, покачивавшиеся в зеленовато-мутной воде, где обитали безобразные и бесформенные существа. Чудовища эти никогда не попадают на глаза: должно быть. Господь забыл про них в то самое мгновение, когда сотворил их своею властью, не устояв перед искушением сатаны.

Помимо ботаники, я с удовольствием отдавался изучению как мертвых, так и живых языков. Я знал все наречия, на которых говорят от Дарданелл до Магелланова пролива. Я разбирал таинственные иероглифы в гранитных книгах, зовущихся пирамидами. Я охватил все человеческие знания, от Санкониатона до Сократа, от Моисея до блаженного Иеронима, от Зороастра до Агриппы.

Я учился медицине не только по Гиппократу, Галену, Аверроэсу, но также у такого великого учителя, коим является природа. Я разгадал тайны коптов и друидов. Я собрал семена добра и зла. Когда самум или тайфун проносились над моей головой, я посылал с ними семена жизни или смерти. Ветер уносил их за тысячи миль, а вместе с ними – мое проклятие или благословение. В этих занятиях, трудах, странствиях я достиг двадцатилетнего возраста.

Однажды учитель нашел меня в мраморном гроте, где я прятался от полуденного зноя. Вы-

ражение его лица было строгим, и в то же время он улыбался. В руке он держал пузырек.

– Ашарат! – обратился он ко мне. – Я всегда говорил тебе, что все в этом мире не имеет ни начала, ни конца, что колыбель и гроб сродни друг другу. Чтобы осмыслить свои прошлые жизни, человеку не хватает той ясности ума, которая сделала бы его равным Богу. Итак, я составил напиток, позволяющий прозреть. Надеюсь, что скоро я также открою секрет вечной молодости. Ашарат! Я вчера отпил немного из этого пузырька. Ты должен выпить сегодня то, что осталось.

Я безгранично доверял ему, я боготворил моего великого учителя, однако рука моя дрогнула, когда я коснулся флакона, протянутого Альтотасом. Так, должно быть, дрожала рука Адама, взявшая яблоко, которое дала ему Ева.

– Пей! – произнес он, улыбаясь. Он возложил руки мне на голову, как делал всегда, когда хотел, чтобы ко мне пришло прозрение.

– Усни, – сказал он, – и прозревай!

Я мгновенно уснул. Мне привиделось, будто я лежу на ветках сандала и алоэ, приготовленных для жертвенного костра. Надо мной пролетел ангел, переносивший волю Всевышнего с Востока на Запад. Ангел осенил меня крылом; вспыхнул огонь. И, странное дело, не испытывая ни малейшего волнения и страха, я свободно раскинулся, отдавшись языкам пламени, словно феникс, черпая новые силы в источнике жизни.

Плоть моя исчезла, осталась одна душа, принявшая форму тела, но было оно прозрачно, неосязаемо, легче воздуха, которым мы дышим и в котором оно парило. В тот момент я, подобно Пифагору, увидевшему себя на Троянском троне, припомнил тридцать две жизни, прожитые моей душой.

Перед глазами вереницей глубоких стариков проходили столетия. Я узнавал себя под разными именами, которые носил со дня своего первого рождения вплоть до последней смерти. Как вы знаете брачья, в этом заключается один из важнейших постулатов нашей веры. Души – это многочисленные божественные эманации, наполняющие мировое пространство. Они сверху донизу занимают ступени иерархической лестницы. В час своего рождения человек принимает наугад одну из ранее живших в ком-то душ, а в смертный час отдает ее для новой жизни и последующих ее превращений.

Незнакомец говорил убежденно, обращая свой взор к небесам. Гнев присутствовавших сменился удивлением, а когда он заговорил о вере, восхищенный шепот прошел по рядам собравшихся.

– После пробуждения, – продолжал ясновидец, – я почувствовал себя больше, чем просто человеком, я ощутил себя почти Богом.

Я решил посвятить счастью человечества не только настоящую, но и все ранее прожитые жизни.

На следующий день, будто угадав мои мысли, ко мне явился Альтотас и сказал:

Сын мой! Двадцать лет тому назад ваша Мать умерла, родив вас. Вот уже двадцать лет невидимое препятствие не позволяет вашему прославленному отцу открыться вам. Мы с вами продолжим путешествие, ваш отец будет среди тех, с кем мы будем встречаться. Он благословит вас, но вы об этом не узнаете.

Итак, все во мне, как в богоизбраннике, становилось таинственным: прошлое, настоящее, будущее.

Я простился с благословившим и щедро меня одарившим муфтием Салааимом. Мы с Альтотасом присоединились к каравану, который отправлялся в Суэц.

Господа! Простите мне волнение, которое я испытываю при этом воспоминании. Случилось так, что достойнейший муж благословил меня. Меня охватила дрожь, я почувствовал, как в моей груди сильно забилося сердце.

Это был знаменитый шериф Мекки, прославленный владыка. В тот момент он наблюдал за сражением и одним мановением руки мог подчинить себе три миллиона человек. Альтотас отвернулся, чтобы не выдать волнения... Мы продолжали путь.

Мы отправились в глубь Азии, поднялись вверх по Тигру, побывали в Пальмире, Дамаске, Смирне, Коноантинополе. Вене, Дрездене, Москве, Стокгольме, Петербурге, Нью-Йорке, Буэнос-

Айресе, Ле Капе, Адене. Затем мы вернулись туда, откуда начиналось наше путешествие. Мы направились в Абиссинию, спустились вниз по Нилу, достигли Родоса, затем Мальты. В двадцати милях от берега нас встретил корабль. Два рыцаря ордена, приветствовав меня и обняв Альтотаса, торжественно проводили нас во дворец великого магистра Пинто.

Вероятно, вы спросите меня, господа, каким образом мусульманин Ашарат был с почестями принял теми, кто в молитвах поклялся уничтожать. Дело в том, что католик Альтотас, как и сам мальтийский рыцарь, всегда говорил мне о Боге едином и всемогущем, который с помощью своих посланников – ангелов – устроил всеобщую гармонию и назвал ее прекрасным и великим именем – Космос. Таким образом, я был то, что называется теософ.

Мои странствия кончились. Многоликие города и противоречивые нравы их жителей несколько не удивляли меня: я уже все это видел в прожитых мною тридцати двух жизнях. Я был поражен тем, как изменились жители этих городов. Мне удавалось мысленно опережать события и предвидеть людские судьбы. И я видел, что все духовное стремится к прогрессу, а прогресс ведет к свободе. Я понял, что пророки, сменяющие друг друга, посланы Богом, чтобы помочь людям в их нелегкой борьбе. Путь человечества, начинаясь во мраке, с каждым столетием приближается к свету; век – это миг в мировом летосчислении.

Я сказал себе, что высшие тайны были открыты мне не для того, чтобы я похоронил их в себе. Тщетно гора прячет в недрах золотую жилу, а океан – жемчужину: упрямый старатель проникнет в недра, а ныряльщик спустится в морские глубины. Не в пример горам и океанам я готов осыпать мир своими сокровищами, подобно щедрому солнцу.

Итак, вы теперь понимаете, что вовсе не для того прибыл я с Востока, чтобы исполнить таинства братства. Я пришел, чтобы сказать вам: «Братья! Расправьте крылья и окиньте весь мир орлиным взором, поднявшись вслед за мной на вершину горы, с которой Сатана похитил Иисуса, и полюбуйте земными просторами».

Народы идут нескончаемой вереницей. Родившись в разное время и в различных условиях, они готовы, каждый в свой час, достигнуть цели, для которой были рождены. Движение это бесконечно, хотя тот или иной человек время от времени останавливается, чтобы передохнуть. Если им случается отступить на шаг, это вовсе не значит, что движение вперед прекратилось. Просто они хотят собраться с духом, чтобы преодолеть очередное препятствие.

Народ Франции опережает другие нации – дадим же ему в руки факел! Пламя, которое охватит Францию, будет очистительным огнем, потому что спасет весь мир.

Вот почему нет среди нас представителя французской ложи.

Возможно, он отступил, испугавшись своей миссии... Нужен человек, который ничего не боится... Я отправляюсь во Францию!

– Вы едете во Францию? – переспросил председатель.

– Да, это самое опасное и ответственное дело, я беру его на себя.

– Так вы знаете, что происходит во Франции? – продолжал председатель. Ясновидец улыбнулся.

– Знаю, потому что сам подготовил эти события: король стар, труслив, развратен, но еще более стара и безнадежна монархия, которую он олицетворяет, восседая на французском троне. Ему остались считанные годы. Необходимо подготовиться надлежащим образом, чтобы будущее благоприятствовало нам в день его кончины. Франция – опора монархического здания. Пусть шесть миллионов рук, готовых подняться по знаку Верховной ложи, вырвут этот камень, и здание монархии рухнет. В тот день, когда станет известно, что во Франции нет больше короля, у европейских монархов, даже у тех из них, кто уверенно сидит на троне, закружится голова и перед ними ор– кроется бездна, после того как рухнет трон Людовика.

– Извините меня, глубокоуважаемый учитель, – прервал его чин ложи, стоявший справа от председателя. Он говорил на одном из немецких диалектов, который выдавал в нем жителя горной Швейцарии. – Вне всякого сомнения, вы все взвесили, прежде чем излагать нам это?

– Да, – коротко ответил великий Копт.

– Надеюсь, уважаемый учитель, вы простите мне мою смелость: живя на вершинах гор или в глубоких ущельях, мы привыкли говорить так же свободно, как дышит ветер или плещутся волны.

Повторяю: я считаю, что время выбрано неудачно, потому что именно сейчас готовится важное событие, которому французская монархия, возможно, будет обязана своим возрождением. Имеющий честь говорить с вами видел собственными глазами, как с большими почестями дочь Марии-Терезии провожали во Францию, чтобы заключить брачный союз между наследницей семнадцати цезарей и потомком шестидесяти одного короля. Народ радовался слепо, как, впрочем, и всегда, когда ему ослабляют хомут или показывают пряник. Итак, я повторяю от своего имени, а также от имени пославших меня братьев: я считаю, что время выбрано неудачно.

Все настороженно посмотрели на того, кто так спокойно и смело рассуждал, не испугавшись недовольства великого учителя.

– Говори, брат, – произнес великий Копт совершенно спокойно, – мы готовы следовать твоему совету, если он окажется хорош. Мы, Божьи избранники, никого не отвергаем и готовы жертвовать своим самолюбием в общих интересах.

Швейцарский представитель продолжал в полной тишине:

– Великий учитель! Благодаря своим занятиям, я убедился в следующей истине: на лице человека написаны, для того, кто умеет читать, все его пороки и добродетели. Пусть человек умеет владеть лицом, смягчая взгляд, заставляя губы улыбаться, – все эти ужимки в его власти. Однако сквозь них всегда проступает основная черта характера – видимое и неоспоримое свидетельство того, что происходит в его душе. Тигр тоже умеет улыбаться и ласково смотреть, однако низкий лоб, выдающиеся скулы, мощный затылок, кровожадный оскал выдают в нем хищника. Собака хмурит брови, скалит зубы, изображает бешенство, но в спокойном и открытом взгляде, в умной морде, в заискивающей походке угадывается доброе, услужливое существо. Господь указал имя и звание на лице каждого создания. Итак, на лбу у девушки, которая должна стать французской королевой, были написаны гордость, отвага и милосердие, свойственное немкам. В лице молодого человека, ее будущего супруга, я угадал хладнокровие, христианскую доброту и наблюдательный ум. Французский народ не помнит зла и никогда не забывает добра. Ему достаточно было пережить Карла Великого. Людовика Святого и Генриха Четвертого, чтобы после них терпеливо сносить правление двадцати трусливых и жестоких королей. Народ, никогда не терявший надежды, не может не полюбить молодую, прекрасную, добрую королеву и кроткого, милосердного короля после губительной эпохи расточительного Людовика Пятнадцатого, его публичных оргий и скрытной мстительности, после правления Помпадур и Дю Барри! Разве не благословит Франция государя, являющего собою образец добродетелей, о которых я упомянул? Кроме того, будут восстановлены мир и согласие в Европе. И вот уже наследница престола Мария-Антуанетта пересекает границу, в Версале готовят престол и брачную постель. Так разумно ли начинать задуманное вами во Франции и для Франции? Еще раз прошу меня извинить, уважаемый учитель, я должен был сказать вам то, что идет из глубины сердца и что я считал своим долгом доверить вашей непогрешимой мудрости.

Слова цюрихского пророка были встречены одобрительным шепотом всех присутствовавших. Он поклонился и устремил взор на великого Копта в ожидании ответа. Тот не заставил себя ждать:

– Вы определяете характер по чертам лица, прославленный брат мой, – сказал великий Копт, – а я умею предсказывать будущее. Мария-Антуанетта

– горячка, она будет упорствовать в борьбе, навязанной нами, и погибнет под нашим натиском. Наследник престола, Луи-Огюст, излишне добр и мягок, он уступит в борьбе и погибнет так же, как его супруга. Они умрут вместе, но один – будучи излишне добродетельным, другая – слишком жестокой. Они пока уважают друг друга, но мы не дадим им времени на то, чтобы испытать взаимную любовь, а через год они уже будут относиться друг к другу с презрением. Так зачем нам, братья, искать источник истины, если она открыта мне? Я пришел с Востока, словно пастух, следуя за утренней звездой, возвещающей возрождение. Завтра я принимаюсь за дело и с вашей помощью надеюсь завершить его через двадцать лет: этого времени нам будет достаточно, если мы объединим наши усилия и вместе пойдем к общей цели.

– Двадцать лет!.. – воскликнули несколько призраков. – Как долго ждать!

Великий Копт обернулся на нетерпеливые возгласы.

– Да, бесспорно, это долго, – сказал он, – Для того, кто думает, что уничтожить принцип так же легко, как убить человека кинжалом Жака Клемана или перочинным ножом Дамиена. Безумцы!.. Ножом можно убить человека, это правда; но, подобно секатору, он подрезает ветви, на месте которых прорастает по десятку молодых побегов. Смерть же монарха вызывает к жизни какого-нибудь Людовика Тринадцатого – глупого деспота, или Людовика Четырнадцатого – деспота умного, или Людовика Пятнадцатого

– идола, омытого слезами и кровью его поклонников, как те отвратительные божества, которые я видел в Индии: с застывшей улыбкой на губах они давили колесами женщин и детей, устилавших гирляндами их путь. Так вы полагаете, что двадцать лет – слишком много для того, чтобы изгладить монаршее имя из памяти тридцати миллионов подданных, еще недавно готовых пожертвовать детьми ради жалкого Людовика Пятнадцатого! Вы полагаете, что легко привить французам отвращение к королевским лилиям, совсем недавно олицетворявшим собой ароматные цветы, в продолжение целого тысячелетия несшим с собой ласки, свет, милость, всемирную славу? Что ж, попытайтесь, братья, попытайтесь: не двадцать лет дал бы я вам на это, а сто!

Вы разобщены, вы колеблетесь, вы незнакомы между собой. Я один знаю всех вас, только я способен правильно оценить ваши возможности, я держу в своих руках нить, связывающую вас в братство. Итак, слушайте меня, философы, экономисты, мыслители! Вы тайком излагаете свои принципы в тесном кругу, вы с опаской доверяете их бумаге в темных кельях, вы делитесь ими друг с другом, вооружившись кинжалом, готовые поразить им предателя или болтуна, который осмелится повторить ваши слова чуть громче вас. Я желаю, чтобы вы объявили ваши принципы толпе, чтобы вы обнародовали их в печати, чтобы вы распространили их по всей Европе через посланцев мира, либо принесли на штыках пятисот тысяч, верных солдат, готовых сразиться за свободу, провозглашенную на их знаменах. Вы вздрагиваете при одном упоминании Лондонской башни, или подвалов инквизиции, или Бастилии, которые я хочу взять приступом. Я желал бы, чтобы мы вместе снисходительно улыбались, попирая развалины страшных тюрем, чтобы на этих развалинах танцевали женщины и дети. Все это произойдет, если умрет не монарх, но монархия, если ослабнет влияние церкви, если исчезнет социальное неравенство, если, наконец, угаснут аристократические Династии и не будет несправедливого распределения благ. Я прошу дать мне двадцать лет, чтобы разрушить старый мир и построить новый. Двадцать лет – лишь двадцать мгновений вечности, а вы говорите, что этого слишком много!

Угрюмого пророка была встречена одобрительным шепотом. Было очевидно, что он окончательно завоевал симпатии таинственных призраков – представителей европейской мысли.

Великий Копт выдержал паузу, наслаждаясь триумфом, затем, почувствовав, что достиг апогея, продолжал:

– Сейчас, братья, когда я собираюсь сразиться со львом в его логове, когда я рискую своей жизнью во имя всеобщей свободы, я хочу знать, что готовы сделать вы для успеха того дела, которому все мы отдаем себя, свое достояние и свою свободу? Скажите, что каждый из вас может сделать? Вот о чем я пришел спросить вас!

Наступило пугающе торжественное молчание. Казалось, призраки застыли на своих местах, размышляя о том, что должно сотрясти двадцать тронов.

Присутствующие разделились на группы. Посовещавшись с каждой из них, шесть верховных членов обратились к великому Копту.

– Я представляю Швецию, – сказал председатель. – От имени Швеции я могу предложить для свержения династии Ваза подданных, которые в свое время возвысили эту династию, а кроме того, сто тысяч экю серебром.

Великий Копт достал записные таблички и пометил в них поступившее предложение.

Вслед за председателем заговорил чин, стоявший слева от него.

– Представляя ирландские и шотландские кружки, – сказал он, – я ничего не могу обещать от имени Великобритании, которая всегда готова вступить с нами в жаркий спор. Но от имени бедной Ирландии, от имени бедной Шотландии я обещаю участие трех тысяч человек, готовых вносить по три тысячи крон ежегодно.

Великий Копт записал это предложение рядом с предыдущим – Ну, а что скажешь ты? – об-

ратился он к третьему чину.

– Я представляю Америку, где каждый камень, каждое дерево, каждая капля воды и крови готовь к восстанию, – ответил тот, чья сила и природная живость бросаюсь в глаза, несмотря на сковывавший его движения ритуальный наряд. – Мы отдадим все золото, всю кровь до последней капли. Существует, правда, одно препятствие: мы сможем действовать, только когда будем свободны. А сейчас, будучи разобщены, каждый в своем углу, когда нас можно пересчитать по пальцам, мы представляем собой цепь, звенья которой разъяты. Если найдется властная рука, Которая спаяет два первых звена, то остальные соединятся сами. Начинать нужно с нас, уважаемый учитель. Прежде чем освобождать французов от королевской власти, освободите нас от иностранного ига.

– Так и будет, – ответил великий Копт, – вы первыми обретете свободу, и Франция вам в этом поможет. Бог сказал, обращаясь ко всем: «Помогайте друг другу». Подождите! Во всяком случае, для вас, брат, ожидание будет недолгим, за это я ручаюсь.

Затем он обратился к представителю Швейцарии.

– Я могу давать обещания только от своего имени, – сказал тот. – Лучшие сыны нашей республики давно заключили союз с французской монархией. Они платят за него кровью со времен Мариньяна и Павии. Они – честные должники: сполна поставят то, что обещали. Впервые в жизни, уважаемый учитель, мне стыдно за нашу верность.

– Да будет так, – отвечал великий Копт. – Мы одержим победу, будь то с их помощью или без нее. Теперь ваша очередь, представитель Испании.

– Мы бедны, я могу предложить поддержку всего трех тысяч братьев, но каждый из них будет вносить по тысяче реалов в год. Испания – страна лентяев, готовых уснуть хотя бы на ложе страданий, лишь бы поспать.

– Так, – произнес Копт, – а вы что скажете?

– Я представляю Россию, а также польские кружки. Наши братья – изверившиеся аристократы или нищие рабы, обреченные на каторжный труд и преждевременную смерть. Я ничего не обещаю от имени рабов, потому что у них ничего нет. Зато могу обещать от имени трех тысяч аристократов по двадцать луидоров с каждого ежегодно.

Другие посланцы тоже дали ответ. Каждый из них был представителем либо крошечного королевства, либо крупного княжества, или обнищавшего государства. Все продиктовали Копту свои предложения и дали клятву сдержать обещания.

– А теперь, – произнес великий Копт, – я оглашу пароль, по начальным буквам которого вы меня узнали. Он был открыт мне в одной части света, а теперь станет достоянием другой. Пусть каждый посвященный носит эти буквы не только в своем сердце, но и на сердце, потому что мы, ваш господин и Верховный жрец лож Востока и Запада, повелеваем растоптать лилии. Приказываю тебе, шведский брат, и тебе, шотландский брат, и тебе, американский брат, и тебе, швейцарский брат, тебе, испанский брат, а также тебе, русский брат: LILIAS PEDIBUS DE-STRUE

Тут раздался мощный единоклассный возглас, подобный реву бушующего моря, несколько раз повторившийся и отозвавшийся эхом в горном ущелье.

– А теперь, во имя всемогущего Бога, расходитесь, – произнес Верховный жрец, когда крики смолкли. – Спускайтесь в подземный ход, ведущий к каменоломням Громовой горы, а затем, кто – рекой, кто – лесом, остальные – через равнину – должны исчезнуть до восхода солнца. В следующий раз увидимся в день нашей победы. Ступайте!

Он закончил свое обращение масонским жестом, понятным только шестью верховными членами. Они оставались, окружив Копта, пока нижние чины общества не разошлись.

Верховный жрец отвел шведа в сторону.

– Сведенборг! – обратился он к нему. – Ты действительно Божий избранник, и Господь благодарит тебя. Пошли деньги во Францию по адресу, который я тебе укажу.

Председатель отвесил низкий поклон и удалился, пораженный ясновидением Копта, угадавшего его имя.

– Приветствую тебя, отважный Ферфакс, – продолжал великий Копт, – вы достойны славно-

го имени своего предка. Напомните обо мне Вашингтону в первом же письме.

В ответ Ферфакс поклонился и вышел вслед за Сведенборгом.

– Подойди ко мне, Поль Джонс, – обратился Копт к американцу. – Мне понравилась твоя речь, я этого от тебя и ожидал. Ты станешь национальным героем Америки. Готовься выступить со своими товарищами по первому сигналу.

Американец вздрогнул, будто его коснулась Божья десница, и вышел.

– Ты, Лафатер, – продолжал богоизбранник, – должен оставить свои теории – пришло время действовать. Пусть тебя интересует не столько сам человек, сколько то, на что он способен. Ступай! Горе тем из твоих братьев, кто встанет у нас на пути, – народная месть беспощадна, как Божий гнев!

Швейцарский посланник, затрепетав, поклонился и исчез.

– Слушай меня, Хименес, – обратился великий Копт к тому, кто говорил от имени Испании, – ты усерден, но ты противоречишь себе. Ты утверждаешь, что твоя страна дремлет, – значит, надо разбудить ее. Ступай и помни:

Кастилия остается родиной Сида.

Последний чин общества тоже хотел подойти к великому Копту. Но не успел он сделать и трех шагов, как Копт жестом остановил его.

– Не пройдет и месяца, как ты, Сиефорд из России, предашь наше дело. Но через месяц ты умрешь.

Московский посланец пал на колени. Великий Копт угрожающим жестом заставил его подняться. Приговоренный самой судьбой, посланец, пошатываясь, вышел.

Оставшись один, странный человек, которого мы представили, как главного героя нашего повествования, огляделся. Увидев, что зала опустела, он наглухо застегнул бархатный сюртук с расшитыми петлицами, надвинул шляпу и вышел, дверь на бронзовой пружине захлопнулась за ним с грохотом.

Человек уверенно пошел через горные ущелья, будто они были давно ему знакомы. Добравшись до леса, он без проводника, без путеводного луча, прошел лес, словно невидимая рука указывала ему дорогу.

Выйдя на опушку леса и не увидев своего коня, он прислушался. Ему показалось, что он слышит далекое ржание. Путешественник протяжно свистнул. Спустя мгновение Джерид выскочил из темноты, верный послушный Джерид! Путешественник легко вскочил в седло, и оба вскоре исчезли в темных зарослях вереска, простиравшихся от Даненфельса до самой вершины Громовой горы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. ГРОЗА

Неделю спустя после описанной нами сцены, около пяти часов вечера, карета, запряженная четверкой лошадей, которой правили два фореитора, выехала из Понт-а-Муссона, небольшого городка, расположенного между Нанси и Мецем. Лошадей только что переменили на постоялом дворе. Не обращая ни малейшего внимания на приветливую хозяйку, стоявшую на пороге в ожидании запоздалых гостей и приглашавшую их остановиться у нее, путешественники отправились в Париж.

Пока меняли лошадей, ребяташки и деревенские кумушки обступили экипаж. Когда четверка лошадей унесла карету, скрывшуюся за углом, толпившийся народ, размахивая руками, стал расходиться по домам. Одних развеселил, других удивил невиданный доселе экипаж, переехавший мост. Мост был построен по приказу славного короля Станисласа, пожелавшего связать с Францией свое крошечное королевство. Много разных экипажей проезжало по мосту из Эльзаса. Местным жителям не в диковинку были причудливые фургоны, привозившие по базарным дням из Фалсбурга уродцев о двух головах, дрессированных медведей, бродячий цирк с акробатами, цыганский табор.

Однако не только смешливых ребят да старых сплетниц способен был ошеломить своим видом громоздкий экипаж на огромных колесах с крепкими рессорами. Тем не менее он катился с такой скоростью, что зрители не могли не воскликнуть:

– Непохоже на почтовую карету!

Читателю повезло, что он не видел подобного экипажа; позвольте же нам описать это чудовище.

Начнем с главного кузова (мы называем его главным кузовом, потому что впереди него было еще нечто вроде кабриолета). Итак, главный кузов был выкрашен светло-голубой краской, а посреди каждой стенки – изящные вензеля из замысловато переплетенных между собой «Д» и «Б». Два окна, именно окна, а не окошка, с занавесками из белого муслина, освещали карету изнутри. Но окна эти были почти невидимы для непосвященных, так как находились на передней стенке кузова и выходили на кабриолет. Решетка на окнах позволяла разговаривать с тем, кто находился в кузове, и вместе с тем можно было откинуться на нее, не разбив стекол, задернутых занавесками.

Кузов этот, находившийся позади, был, очевидно, основной частью диковинного экипажа. Он имел восемь футов в длину и шесть – в ширину, освещался только через окна, а свежий воздух поступал через застекленное окошко второго этажа. Продолжая описание удивительных особенностей экипажа, привлекавших внимание прохожих, добавим, что на крыше была еще жестяная черная труба по меньшей мере в фут высотой, из которой клубился голубоватый дым, превращавшийся затем в белые облачка, волнами стлавшиеся вслед за уносившейся каретой.

В наши дни подобное сооружение могло бы навести на мысль об изобретении, в котором инженер гениально сочетал мощность пара с выносливостью лошадей.

Это казалось еще более вероятным оттого, что к карете, запряженной, как мы уже говорили, четверкой лошадей, управляемых парой форейторов, была привязана сзади еще одна лошадь. Маленькая, вытянутая голова лошади, тонкие изящные ноги, узкая грудина, густая грива и летевший по ветру хвост свидетельствовали о том, что это скакун. Лошадь была оседлана – значит, время от времени кто-то из путешественников, будто заключенных в Ноевом ковчеге, доставлял себе удовольствие проехаться верхом и скакал галопом рядом с каретой, которая, пожалуй, не вынесла бы такой скорости.

В Понт-а-Муссоне сменившийся кучер получил, помимо вознаграждения, двойные прогонные; прогонные протянула ему белая мускулистая рука, высунувшись между кожаных занавесок, отгораживавших переднюю часть кабриолета почти так же надежно, как муслиновые занавески скрывали переднюю часть главного кузова.

Обрадованный кучер проворно снял шляпу и воскликнул:

– Благодарю вас, ваша светлость!

Звучный голос ответил на немецком языке, который еще понимают в окрестностях Нанси, хотя уже не говорят на нем:

– Schnell, schneller!

В переводе на французский это означало:

– Быстро, скорее!

Форейторы понимают почти все языки, когда обращенные к ним слова сопровождаются звоном металла, который очень любит эта порода людей, о чем прекрасно осведомлены все путешественники.

Вот почему два новых кучера делали все возможное, чтобы заставить лошадей помчаться галопом в начале пути. Однако после невероятных усилий, больше делавшим честь их крепким рукам, чем лошадиным ногам, они вынуждены были, устав от бесполезной борьбы, перейти на рысь, позволявшую делать по две с половиной – три мили в час.

Около семи переменили лошадей в Сен-Михеле, та же рука протянула между занавесок плату за почтовый прогон, тот же голос отдал прежнее приказание.

Само собой разумеется, что необычайная карета вызвала столь же сильное удивление, как в Понт-а-Муссоне, экипаж выглядел еще фантастичнее в надвигавшихся сумерках.

После Сен-Михеля дорога поднималась в гору. Лошади пошли шагом: полчаса ушло на то, чтобы преодолеть около четверти мили.

Одолев подъем, фореиторы дали лошадям передохнуть, и путешественники могли, откинув кожаные занавеси, окинуть взором широкий простор, постепенно исчезающий в вечернем тумане.

Погода была ясная и теплая до трех часов пополудни. К вечеру стало душно. Огромное белое облако, тянувшееся с юга, будто пыталось угнаться за каретой. Прежде чем путешественники успели доехать до Бар-ле-Дюка, где фореиторы предлагали на всякий случай остановиться на ночлег, облако едва не настигло карету.

Продолжая надвигаться, огромная туча опускалась все ниже, расползалась по земле, смешиваясь с туманом, как бы расталкивая другие голубоватые облачка, которые пытались расположиться по ветру, словно корабли во время морского сражения.

Вскоре за огромной, пугающе белой тучей, расползавшейся по небу со скоростью прибывающей во время прилива воды, исчезли последние солнечные лучи. Тускло-серый свет просачивался сквозь облако, едва освещая землю. Листья на деревьях затрепетали, хотя даже слабый ветерок не колебал их, и потемнели, как бывает после захода солнца.

Внезапно вспышка молнии распоролла тучу, небо словно расколосось на тысячу огненных кусков, испуганный взгляд проникал в неизмеримую глубь небосвода, пылавшую, словно адская бездна.

В тот же миг удар грома, достигший лесной опушки, вдоль которой проходила дорога, потряс землю и подстегнул огромную грозовую тучу, словно бешеного коня. Карета, однако, продолжала свой путь, пуская сквозь трубу яшл, черный вначале и превратившийся постепенно в прозрачно-опаловый.

Небо потемнело, и сейчас же оконце на крыше кареты засветилось ярко-красным огнем; было очевидно, что обитатель этой коробки на колесах, не привыкший к дорожным случайностям, принимал возможные меры, чтобы не прерывать дело, которым он был занят.

Карета все еще находилась на плоскогорье. Путешественники не начали еще спускаться, как раздался другой, более мощный, зазвеневший металлом удар грома, а затем пошел дождь, вначале падавший редкими каплями, потом хлынул частый и сильный, – можно было подумать, что небо пускает множество стрел.

Фореиторы совещались; карета остановилась.

Тот же голос, только на сей раз на чистейшем французском языке спросил:

– Какого черта мы здесь торчим?

– Мы спрашивали друг друга, стоит ли ехать дальше.

– Сначала у меня надо было спросить. Вперед! Голос был такой властный и мощный, что фореиторы повиновались, и карета покатила вниз по горе.

– В добрый путь! – добавил голос.

На минуту приподнявшись, кожаные занавеси вновь упали, скрыв говорившего от фореиторов.

Глинистая дорога, залитая потоками дождя, стала такой скользкой, что лошади не могли идти.

– Сударь! – сказал кучер, придерживая коренную. – Дальше ехать нельзя.

– Это почему же? – переспросил уже знакомый нам голос.

– Лошади скользят.

– Сколько нам осталось до постоянного двора?

– Далеко, сударь, мы от него в четырех милях.

– Вот что, любезный, подкуй своих лошадей серебром и поезжай, – произнес незнакомец, отодвинув занавеску и протянув четыре экю по шесть ливров.

– Вы очень добры, – сказал кучер, зажав монеты в огромном кулаке, потом засунул их в широкий сапог.

– Мне показалось, господин что-то тебе сказал? – спросил второй кучер, услышав, как звякнули упавшие в сапог монеты. Ему тоже хотелось принять участие в интересном разговоре, принимавшем столь любопытный оборот.

– Да он говорит: надо ехать!

– Вы что-нибудь имеете против, друг мой? – спросил путешественник ласково, но твердо,

давая понять, что не потерпит возражений.

– Да не я, сударь, – лошади не идут! Видите, не слушаются...

– А для чего же существуют шпоры? – спросил путешественник.

– Да хоть проткни я им живот, они ни шага больше не сделают. Пусть меня Бог накажет, если...

Не успел кучер договорить, как вспыхнула молния и раздался оглушительный грохот, в котором потонули последние слова кучера.

– Не вовремя я Бога помянул! – проговорил кучер. – Ох, сударь, глядите: карета сама пошла, ох, сейчас она и понесется! Господи Боже, сами едем!

В самом деле, лошади не могли сдерживать тяжелую повозку, давившую им на круп, ноги их оступались, скользили, карета катилась все стремительнее.

Лошади обезумели от боли и понесли, экипаж стрелой полетел вниз по темному склону навстречу неизбежной гибели.

Путешественник высунулся из кареты.

– Бездельник! – закричал он. – Мы все из-за тебя погибнем! Держи левее, да левее же!

– Вас бы на мое место, сударь! – прокричал в ответ перепуганный насмерть кучер, безуспешно пытаясь поймать вожжи и обуздать непослушных лошадей.

– Джузеппе! – вскричала женщина, которую до тех пор не было слышно. – Джузеппе, на помощь! На помощь! Царица небесная!

Этот призыв к Божьей матери вполне был уместен, так как катастрофа казалась неизбежной, ужасной, невообразимой. Тяжелая карета, потеряв управление, неслась к пропасти, над которой уже, казалось, занесла копыта передняя лошадь. Еще три оборота колес, и лошади, экипаж, фореиторы – все было бы смято, погибло бы в бездне. В тот самый миг путешественник прыгнул из кабиолета прямо на дышло, схватил кучера одной рукой за шиворот, другой – за ремень, приподнял, словно младенца, отшвырнул шагов на десять, вскочил вместо него в седло и схватил вожжи.

– Левее! Левее, дурак! – диким голосом крикнул он другому кучеру. – Не то башку сверну!

Окрик возымел магическое действие: кучер, управлявший двумя передними лошадьми, подхлестнутый криками своего товарища, сделал нечеловеческое усилие и, вывернув карету, вывел ее с помощью незнакомца на мощеную дорогу, по которой карета помчалась со страшной скоростью, подгоняемая громовыми раскатами.

– В галоп! – прокричал путешественник. – В галоп! Если посмеешь ослушаться, я сверну шею тебе и твоим лошадям!

Кучер понимал, что это не пустая угроза; он принялся нахлестывать лошадей с удвоенной энергией, и бешеная скачка продолжалась.

Можно было подумать, глядя со стороны на грохочущий экипаж с дымившей трубой, слыша приглушенные крики, доносившиеся из кареты, что это мчится дьявольская колесница, запряженная сказочными лошадьми, подгоняемыми ураганом.

Не успели путешественники прийти в себя после пережитого волнения, как столкнулись с другой опасностью. Туча летевшая, будто на крыльях, над равниной, неслась столь же стремительно, что и лошади. Время от времени незнакомец задирал голову, и когда молния вспарывала тучу, на его лице при свете вспышек можно было прочесть беспокойство, которое он не пытался скрыть, так как был уверен, что никто, кроме Всевышнего, его не видит. Едва карета достигла подножия горы, из-за внезапного перемещения воздушных масс возникло два электрических разряда, которые разодрали тучу с ужасным треском, сопровождавшимся громом и молнией. Лошадей словно охватил огонь, сначала фиолетовый, затем зеленоватый, перешедший потом в белый. Лошади, мчавшиеся сзади, взметнулись на дыбы, в воздухе запахло серой, впереди лошади рухнули, будто под их копытами разверзлась земля. В тот же миг одна из них, подхлестываемая фореитором, поднялась и, почувствовав, что ее больше не сдерживают постромки, лопнувшие от сильного толчка, умчалась в темноту, унося седока. Карета, проехав еще немного, остановилась, натолкнувшись на труп убитой лошади.

Вся эта сцена сопровождалась душераздирающими воплями женщины, сидевшей в карете.

Наступила минута крайнего замешательства, когда никто не мог бы сказать, жив он еще или

уже мертв. Путешественник поспешил ощупать себя.

Он был жив и здоров, дама лежала без сознания.

Путешественник догадывался, что с ней произошло, судя по глубокой тишине, последовавшей за криками, только что доносившимися из кабриолета. Однако он не бросился к ней немедленно на помощь, как того следовало ожидать.

Спрыгнув на землю, он подбежал к арабскому красавцу скакуну, о котором мы уже рассказывали. Конь был сильно напуган, напряжен, грива у него ходила ходуном. Он дергал дверцу кареты, натягивая корду, которой был привязан к ручке. После тщетных усилий освободиться, гордое животное застыло, словно зачарованное бурей. Хозяин коня свистнул и ласково погладил его, конь отпрянул и тревожно заржал, будто не узнавая его.

– А-а, опять эта проклятая лошадь, – проворчал надтреснутый голос из глубины фургона, – будь она проклята, опять раскачивает карету!

Затем тот же голос, но значительно громче, закричал нетерпеливо и угрожающе:

– *Nhe goullac hogoud shaked, haffrit!*

– Не сердитесь на Джерида, учитель, – проговорил путешественник, отвязывая коня и собираясь привязать его сзади кареты, – он испугался только, да и было, по правде говоря, чего испугаться.

При этих словах путешественник открыл дверцу, откинул подножку и, шагнув внутрь, хлопнул за собой дверь.

Глава 2. АЛЬТОТАС

Путешественник оказался лицом к лицу с сероглазым крючконосый стариком; руки у него тряслись. Сидя в огромном кресле, старик правой рукой перелистывал объемистый пергаментный манускрипт, озаглавленный *La Chivre del Gabinetto*, а в левой держал серебряную шумовку.

Поза старика, его занятие, неподвижное морщинистое лицо, на котором живыми были только глаза и губы, – все показалось бы странным читателю. Однако незнакомцу все это, очевидно, было привычно, потому что он не удостоил необычную обстановку даже беглым взглядом, не смотря на то, что она этого заслуживала.

Три стены – старик, если помнит читатель, именно так называл перегородки экипажа, – три стены, уставленные заполненными книгами этажерками, окружали кресло, принадлежавшее исключительно странному старику, в угоду которому сверху над книгами были прикреплены полки, где разместились в большом количестве разнообразные склянки, коробки в деревянных футлярах, как это делается со столовой посудой на корабле. Любой из этих футляров или ящиков старик мог достать без посторонней помощи, потому что свободно передвигался вместе с креслом, которое поднималось и опускалось по мере надобности при помощи боковых рычагов, и старик легко сам справлялся с управлением.

Комната – так мы будем называть ее – имела восемь футов в длину, шесть – в ширину и столько же – в высоту. Напротив двери, помимо склянок и перегонных аппаратов, ближе к четвертой стене, остававшейся свободной для входа и выхода, громоздилась печурка с навесом, кузнечными мехами и колосниками. В тот момент в печке раскалился добела тигель, в котором что-то кипело. Поднимавшийся над тигелем пар выходил через трубу, которую читатель уже видел на крыше кареты, тот самый таинственный пар, который неизменно вызывал удивление и любопытство у прохожих любого возраста, пола и любой национальности.

Помимо всего прочего, среди банок, склянок, книг, картонок, лежавших на полу в живописном беспорядке, можно было заметить медные щипцы, а также несколько угольков, плававших в разнообразных растворах. Там же стоял большой сосуд, наполовину наполненный водой, а с потолка свисали подвешенные за нитки пучки трав, одни из которых, казалось, могли быть собраны накануне, другие – лет сто назад.

В комнате стоял сильный запах, который в менее экзотической обстановке можно было бы назвать благоуханием.

Путешественник вошел, когда старик, развернув кресло с удивительной ловкостью, подъехал

к печке и стал снимать накипь с почтительной осторожностью.

Его отвлекло появление незнакомца, правой рукой он глубже надвинул бывший когда-то черным бархатный колпак, из-под которого выбивалось несколько редких прядей, блестевших, словно серебряные нити. Старик с замечательной легкостью выдернул из-под колесика кресла пол-лу длинной шелковой мантии, подбитой ватой, которая за десять лет превратилась в выцветшую бесформенную тряпку.

Старик, казалось, был в скверном настроении; он ворчал, снимая накипь и придерживая другой рукой мантию:

– Боится он, видите ли, проклятая животина! А чего ему бояться, хотел бы я знать? Дернул дверь за ручку, толкнул печку, и почти половина моего эликсира пролита в огонь. Ашарат! Богом прошу, бросьте эту скотину в первой пустыне.

Путешественник в ответ улыбнулся.

– Прежде всего, дорогой учитель, – сказал он, – пустынь мы больше не встретим на своем пути, потому что мы уже во Франции. Кроме того, я не могу себе позволить просто так бросить лошадь стоимостью в тысячу луидоров, точнее, бесценную, так как она из породы Аль-Бораха.

– Подумаешь, тысяча луидоров! Да я их вам хоть сейчас выложу: тысячу луидоров или что-нибудь на ту же сумму. Ваша лошадка и так обошлась мне уже больше чем в миллион, не считая дней, которые она унесла из моей жизни.

– Да чем же так провинился Джерид? Ну, рассказывайте!

– Чем провинился? Да еще несколько минут, и эликсир так закипел бы, что ни одна капля не успела бы испариться. Правда, ни Зороастр, ни Парацельсий не указывают на то, что именно так должно проходить кипение, но зато Борри настоятельно это рекомендует.

– Дорогой учитель! Еще две-три секунды, и эликсир закипит.

– А-а, да, как же, закипит! Видите, Ашарат? Наверное, надо мной проклятье тяготеет: огонь гаснет, не знаю, что там падает через трубу...

– Зато я знаю, что падает через трубу, и воскликнул со смехом ученик, – это вода!

– То есть как вода? Вода! Раз так – пропал эликсир! Опять начинай сначала! Можно подумывать, у меня есть на это время! Господи, Боже мой! – в отчаянии вскричал старик, воздев руки к небу. – Вода! Какая еще вода, Ашарат!

– Чистейшая дождевая вода, учитель. На улице ливень, вы разве не заметили?

– А разве я что-нибудь замечаю, когда работаю? Вода!.. Так вот это что... Знаете, Ашарат, это так меня взволновало! Подумать только! Я уже полгода прошу у вас дымник на трубу... Полгода!.. Да что я говорю – целый год. А вот вы о нем не подумали, а о чем вам еще думать-то? Но вы молоды. Ну и что вышло из-за вашей небрежности? Сегодня дождь, завтра ветер нарушают все мои расчеты и опыты. А ведь я должен спешить, клянусь Юпитером! Вы хорошо знаете, мой час близок, и если я не буду готов, если не найду эликсир жизни – прощай, мудрец, прощай, ученый Альтотас! Тринадцатого июля в одиннадцать часов вечера мне исполняется сто лет. К этому времени эликсир должен достигнуть совершенства.

– Мне кажется, все идет прекрасно, дорогой учитель, – заметил Ашарат.

– Вне всякого сомнения! Я даже снял пробу: левая рука была почти полностью парализована, теперь я могу согнуть ее. И, кроме того, я сэкономил время, которое раньше тратил на еду: при всем своем несовершенстве эликсир поддерживает мои силы. О, иногда я думаю, что мне не хватает всего одной какой-нибудь травки, одного-единственного стебелька этой травы, чтобы эликсир был готов. Ведь мы могли уже сто, тысячу раз пройти мимо нее, эту траву могли растоптать наши лошади, мы могли раздавить ее колесами, да, Ашарат, ту самую, о которой говорит Плиний и которую ученые так и не нашли или, вернее, не узнали, ведь ничто не исчезает! Послушайте, а что если вы спросите ее название у Лоренцы во время одного из ее откровений?

– Конечно, учитель, будьте спокойны, я узнаю у нее!

– А пока, – глубоко вздохнув, проговорил старый ученый, – опять мой эликсир не готов, мне понадобится еще полтора месяца, чтобы снова прийти к тому, чего я достиг сегодня, да вы знаете! Имейте в виду, Ашарат, вы потеряете по крайней мере столько же, сколько и я, в день моей смерти... Что там за шум? Карета так гроыхает?

– Нет, учитель, гроза.

– Какая гроза?

– Та, что едва всех нас не погубила, особенно мне досталось. Правда, на мне шелковая одежда, это меня и спасло.

Хлопнув себя по колену, щелкнувшему, словно высохшая кость, старик произнес:

– Итак, вот к чему приводит ваше ребячество, Ашарат: погибнуть в грозу, глупейшим образом, от электрического разряда, который я мог бы отвести, имея я на это время, в свою печку. По-вашему, недостаточно того, что я подвергаюсь риску сломать шею по вине неловких или злых людей. Вы заставляете меня преодолевать трудности, которые посылает небо, иными словами, те, которые мне было бы легче всего избежать.

– Простите, учитель, вы еще не объяснили мне...

– Как! Разве я не излагал вам свою систему начал, лежащую в основе всего мироздания? Когда я открою секрет вечной молодости, мы еще вернемся к этой теме, а сейчас, понимаете, у меня нет времени.

– Так вы полагаете, можно остановить грозу?

– Не только остановить, но и отвести ее, куда вам заблагорассудится. В тот день, когда мне перевалит за сто лет и я смогу спокойно жить дальше еще лет пятьдесят, в тот самый день я обучаю ее и поведу за собой так же свободно, как вы водите Джерида. А пока, Ашарат, прикажите поставить дымник на трубу, умоляю вас!

– Будет исполнено, не беспокойтесь.

– «Будет исполнено»! «Будет исполнено»! Опять в будущем, точно будущее принадлежит нам двоим! О, никто и никогда не поймет меня! – вскричал ученый, заматавшись в кресле и кусая кулаки. – «Не беспокойтесь»!.. И вы говорите, чтобы я не беспокоился! Да ведь если через три месяца эликсир не будет готов, все будет кончено для меня. Но уж если я переживу тот день, если я снова обрету молодость, гибкость мышц, свободу движений, тогда мне никто не будет нужен, никто мне не скажет «Я сделаю...», уж тогда я скажу: «Я сделал!»

– Можете ли вы сказать то же по поводу нашего с вами общего великого дела? Вы уже думали о нем?

– О, Господи, разумеется, да если бы я был так же уверен в моем эликсире, как уверен в формуле алмаза...

– Вы действительно в ней уверены, учитель?

– Конечно, потому что я его уже получил.

– Получили?

– Держите, вернее, смотрите.

– Куда?

– Справа от вас, вон в том небольшом стеклянном сосуде, да-да, вот в этом.

Путешественник с жадностью схватил сосуд, на который указывал Альтотас. Это был маленький хрустальный кубок тонкой работы, дно и стенки которого покрывал мельчайший порошок.

– Алмазная пыль! – вскричал молодой человек.

– Точно, алмазная крошка, а что в середине? Вглядитесь хорошенько.

– Да-да, вижу: алмаз величиной с ячменное зерно.

– Размер не имеет значения. Мы можем собрать воедино весь порошок, из ячменного зерна получим конопляное, из конопляного – горошину. Но ради Бога, дорогой Ашарат, в обмен на уговор, который я заключаю с вами, прикажите, пожалуйста, поставить мне дымник на трубу, чтобы в нее не попадала вода, а также подыщите хорошего кучера, чтобы гроза обходила нас стороной.

– Да-да, хорошо, не беспокойтесь.

– Опять! Снова ваше вечное «Не беспокойтесь», что за мучение! Молодость! Безрассудная, самонадеянная молодость! – воскликнул он, мрачно усмехнувшись и открывая в улыбке беззубый рот; казалось, глаза его еще глубже ввалились.

– Учитель! – обратился к нему Ашарат. – Огонь гаснет, тигель остывает, что там?

– Взгляните сами.

Молодой человек повиновался, открыл тигель и обнаружил в нем кусочек остекленевшего уголька величиной с небольшой орех.

– Алмаз! – вскричал он. Затем добавил:

– Да, но непрозрачный, неровный, не имеющий ценности.

– Так ведь огонь погас, Ашарат, потому что на трубе не было дымника, понимаете?

– Ну, простите меня, учитель, – проговорил молодой человек, так и этак поворачивая алмаз в пальцах. Камень то играл гранями, то оставался темным. – Простите меня и скушайте что-нибудь, нужно подкрепиться.

– Пустое! Я уже выпил ложку эликсира часа два назад.

– Ошибаетесь, учитель, это было в шесть утра.

– Вот именно! А который теперь час?

– Скоро половина третьего ночи.

– Боже мой! – сложив руки на груди, вскричал ученый. – Еще один день позади, целый день потерян! Так дни стали короче? В сутках уже не двадцать четыре часа?

– Раз вы не хотите поесть, учитель, то поспите хоть немного.

– Ну что ж, я, пожалуй, сосну часика два. Но уж через два часа – заметьте время – через два часа вы меня разбудите.

– Обещаю.

– Видите ли, в чем дело, Ашарат: когда я засыпаю, – ласково проговорил старик, – я боюсь, что это уже навсегда. Так вы разбудите меня, не так ли? Не обещайте, лучше поклянитесь.

– Клянусь, учитель.

– Через два часа?

– Через два часа.

В это самое мгновение послышался топот копыт пущенной в галоп лошади. Раздался чей-то крик, выражавший беспокойство и вместе с тем удивление.

– Что бы это значило? – распахнув дверь, вскричал путешественник. Он спрыгнул на землю, не обращая внимания на подножку.

Глава 3. ЛОРЕНЦА ФЕЛИЦИАНИ

Пока путешественник и ученый беседовали, сидя в карете, снаружи произошло следующее.

Удар молнии поразил лошадей, ехавших впереди, поднял на дыбы тех, что скакали сзади; дама, находившаяся в кабриолете, как мы уже сказали, потеряла сознание.

Она оставалась несколько минут без чувств, затем мало-помалу пришла в себя, так как причиной обморока был лишь страх.

– О Боже, – вымолвила она, – неужели все покинули меня и никто не сжалится надо мной?

– Сударыня, – послышался робкий голос. – Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Услышав эти слова, которые, как ей показалось, кто-то произнес совсем рядом, молодая женщина встрепенулась и, просунув голову и руки сквозь кожаные занавеси кабриолета, оказалась лицом к лицу с молодым человеком, стоявшим на подножке.

– Это вы сейчас говорили, сударь? – спросила она.

– Да, сударыня, – отвечал молодой человек.

– Вы предлагаете мне помощь?

– Да.

– Скажите сначала, что здесь произошло?

– Случилось вот что, сударыня: молния почти угодила в карету, разорвав построжки лошадей, ехавших впереди. Они унесли с собой форейтора.

Женщина огляделась, ее лицо выражало сильное беспокойство.

– А.., тот, кто правил лошадьми, ехавшими сзади, где он? – спросила она.

– Только что поднялся в фургон, сударыня.

– С ним ничего не случилось?

– Ничего.

– Вы в этом уверены?

– Во всяком случае, когда он спешился, он был жив и здоров.

– Слава Богу!

Женщина облегченно вздохнула.

– А вы-то где были, сударь, как это вы оказались рядом так кстати и предлагаете мне помощь?

– Сударыня! Меня захватила гроза, когда я гулял в этом мрачном месте; это не что иное, как вход в каменоломню. Вдруг я увидел, что из-за поворота показалась карета. Сначала я подумал, что лошади понесли, но потом я понял, что ими управляет крепкая рука. Вдруг со страшным треском полыхнула молния, – я даже подумал, что она угодила в меня, и это конец. Все, что я рассказываю, происходило как во сне.

– Так, значит, вы не уверены в том, что человек, который правил лошадьми, сейчас в фургоне?

– Напротив, сударыня. Я пришел в себя и видел ясно, как он туда поднялся.

– Не могли бы вы убедиться в том, что он все еще там?

– То есть как?

– А вот как. Если он в карете, вы услышите два голоса.

Молодой человек спрыгнул с подножки, подошел к стенке фургона и прислушался.

– Да, сударыня, – вернувшись, сообщил молодой человек, – он там.

Молодая женщина кивнула головой, словно желая сказать: «Хорошо!» – и несколько минут просидела неподвижно в глубоком раздумье, опустив голову на руку.

Тем временем молодой человек успел разглядеть ее.

Это была молодая женщина лет двадцати трех – двадцати четырех. Лицо у нее было смуглое, но того матового оттенка, который бывает ярче и красивее розового и румяного лица.

Прекрасные голубые глаза, устремленные ввысь в немом вопросе, сияли, словно звезды. Темные волосы были не напудрены; вопреки тогдашней моде, они ниспадали черными как смоль завитками на смуглую шею.

Будто решившись на что-то, она спросила:

– Сударь! Где мы находимся?

– Это дорога, ведущая из Страсбурга в Париж.

– А какое место дороги?

– Мы в двух милях от Пьерфита.

– Что такое Пьерфит?

– Предместье.

– А что за ним?

– Бар-ле-Дюк.

– Это название города?

– Да, сударыня.

– Большой это город?

– Кажется, четыре или пять тысяч жителей.

– А нет ли здесь проселочной дороги, которая вела бы прямо к Бар-ле-Дюку?

– Нет, сударыня, во всяком случае, я о такой не слыхал.

– Реccato, – прошептала она, скрываясь в кабриолете. Молодой человек выждал некоторое время, чтобы убедиться, не хочет ли она еще о чем-нибудь спросить. Она молчала, и он собрался уходить.

Это его движение, по-видимому, вывело ее из состояния задумчивости; она снова выглянула из кабриолета.

– Сударь! – позвала она. Молодой человек обернулся.

– Я слушаю, – приближаясь, сказал он.

– Вы позволите еще один вопрос?

– Пожалуйста.

– К задку фургона был привязан конь, не так ли?

– Да, сударыня.

– Он все еще там?

– Не совсем так, сударыня: человек, скрывшийся в фургоне, отвязал его, а затем привязал к рессорам.

– С конем тоже ничего не случилось?

– Думаю, что нет.

– Это дорогая лошадь, я ее очень люблю. Я бы хотела собственными глазами убедиться, что она цела и невредима. Но как я могу пройти по такой грязи?

– Я могу привести лошадь сюда, – предложил молодой человек.

– Пожалуйста, – воскликнула женщина, – приведите ее! я буду вам так признательна!

Молодой человек подошел к коню, конь поднял голову и заржал.

– Не бойтесь, – проговорила женщина, – он добрый, как ягненок.

Затем, понизив голос, она позвала:

– Джерид! Джерид!

Конь, очевидно, узнал ее голос и, признав в ней хозяйку, повел головой и трепещущими ноздрями в сторону кабриолета.

Не теряя времени, молодой человек отвязал коня.

Едва конь почувствовал, что повод в чужих руках, он сделал резкое движение головой и одним махом отскочил футов на двадцать от кареты.

– Джерид! – вновь позвала женщина как могла мягче. – Ко мне, Джерид, ко мне!

Арабский скакун встряхнул умной прекрасной головой, с шумом втянул ноздрями воздух и, пританцовывая, словно под музыку, приблизился к кабриолету.

Женщина наполовину высунулась из кабриолета.

– Сюда, Джерид, сюда! – позвала она.

Конь послушно потянулся к знакомой ласковой руке.

В это мгновение изящная ручка ухватила за конскую гриву, и, держась другой рукой за кожаный фартук кабриолета, женщина прыгнула в седло с легкостью валькирии из немецких баллад, взлетающих на круп коня, обняв путешественника за талию.

Молодой человек бросился к ней, но она остановила его властным жестом.

– Послушайте, – сказала она, – хотя вы молоды, вернее, так как вы молоды, вам, должно быть, еще не чужды человеческие чувства. Не противьтесь моему отъезду. Я бегу от человека, которого люблю. Однако прежде всего я – римлянка и истинная католичка. Так вот этот человек может погубить мою душу, если я останусь с ним. Он – безбожник, некромант, которого Бог только что предупредил, послав на его голову гром и молнию. Если бы он внял предупреждению! Передайте ему все, что я вам сказала. Желаю вам счастья в благодарность за вашу помощь! Прощайте!

С этими словами легкая, словно облачко, она исчезла, уносимая Джеридом, пущенным в галоп.

Видя, что она уезжает, молодой человек удивленно вскрикнул.

Крик этот достиг слуха находившихся в карете и разбудил путешественника.

Глава 4. ЖИЛЬБЕР

Крик этот, как мы сказали, разбудил путешественника. Он поспешно вышел из фургона, тщательно прикрыв за собой дверь, и окинул местность беспокойным взглядом. Первый, кого он заметил, был перепуганный молодой человек.

Сверкнувшая в этот миг молния позволила путешественнику рассмотреть его с ног до головы, он устремил свойственный ему пристальный взгляд на того, кто привлек его внимание.

Перед ним стоял юноша лет шестнадцати-семнадцати, небольшого роста, худощавый, подвижный. Его черные глаза бесстрашно устремлялись на интересовавший его предмет; взгляд его, возможно, был лишен нежности, однако был полон очарования. Нос у него был крючковатый, но тонко очерченный, тонкие губы и выступающие скулы свидетельствовали о хитрости и осторожности, выпуклый округлый подбородок говорил о решительном характере.

– Это вы сейчас кричали? – спросил путешественник.

– Да, сударь, – отвечал молодой человек.

– А почему вы кричали?

– Потому что...

Молодой человек запнулся.

– Потому что...? – повторил путешественник.

– Сударь! В кабриолете была дама, не так ли?

– Да.

Бальзамо устремил взгляд на карету, словно пытаясь заглянуть внутрь сквозь стены.

– А конь был привязан к рессорам кареты?

– Да, а почему вы об этом спрашиваете?

– Сударь! Дама, сидевшая в кабриолете, усакала на коне, которого вы привязывали к рессорам.

Не издав ни единого звука, не произнеся ни слова, Бальзамо бросился к кабриолету, откинул кожаные занавески: полыхнувшая в этот момент молния осветила опустевший кабриолет.

– Проклятье! – издал он вопль, подобный громовому раскату, сопровождавшему его крик.

Он стал озираться, словно ища способ отправиться в погоню, но очень скоро был вынужден признать, что это бесполезно.

– Пытаться нагнать Джерида на одном из этих коней так же невозможно,

– произнес он, качая головой, – как черепахе угнаться за газелью. Впрочем, я всегда могу узнать, где она, если только...

С озабоченным видом он поспешно сунул руку в карман куртки, достал небольшой бумажник и раскрыл его. В одном из отделений бумажника он нашел сложенный лист бумаги, из которого выпала прядь черных волос.

При виде волос лицо путешественника просияло, он совершенно успокоился, – во всяком случае, так могло показаться.

– Вот и славно, – проговорил он, отерев со лба пот. – А она ничего не говорила вам перед отъездом?

– Говорила, сударь.

– Что же она вам сказала?

– Просила передать, что покидает вас не потому, что сердится, а потому что боится вас, будучи истинной христианкой, тогда как вы...

Молодой человек остановился в нерешительности.

– Тогда как я...? – подхватил путешественник.

– Не знаю, надо ли продолжать, – произнес молодой человек.

– Да говорите же!

– Тогда как вы безбожник и нечестивец, которому Бог нынешней ночью послал последнее предупреждение. Она желала бы, чтобы вы вняли ему.

– И это все? – переспросил тот.

– Все.

– Что же, поговорим о чем-нибудь другом. Остатки его беспокойства улетучились; казалось, путешественник совершенно успокоился.

Молодой человек следил за всеми движениями души путешественника, отражавшимися на его лице, с любопытством, которое свидетельствовало о том, что молодой человек также не был лишен наблюдательности.

– А теперь, – спросил путешественник, – скажите, как вас зовут, молодой человек?

– Жильбер, сударь.

– Просто Жильбер? Насколько я понимаю, это имя, которое вам было дано при крещении?

– Это моя фамилия.

– Ах вот как, дорогой Жильбер! Знаете, сама судьба мне вас послала. Вы должны мне помочь.

– К вашим услугам, сударь, все, что от меня зависит...

—..вы готовы исполнить, благодарю! Да, в вашем возрасте человек готов услужить ради удовольствия услужить, мне это знакомо. Кстати, то, о чем я собирался попросить вас, совсем не-сложно: я всего-навсего хочу от вас услышать, где я мог бы провести эту ночь.

— Прежде всего под этой скалой, — отвечал Жильбер, — я прятался здесь от грозы.

— Да, да, конечно, — сказал путешественник, — однако я предпочел бы дом, где можно было бы поужинать и хорошенько выспаться.

— Это сложнее...

— Нет ли поблизости деревни?

— Вы имеете в виду Пьерфит?

— Так он называется Пьерфит?

— Да, сударь, до него около полутора миль.

— Полторы мили в такую ночь, в такую непогоду, имея всего двух коней,

— да мы там будем не раньше, чем часа через два! Вот что, дружок, подумайте-ка хорошень-ко, неужели нет никакого жилья поближе?

— Здесь недалеко замок Таверне. До него триста футов, не больше.

— Что ж, прекрасно... — начал было путешественник.

— Что вы говорите, сударь? — воскликнул молодой человек, широко раскрыв удивленные гла-за.

— Я только повторяю то, что сказали вы.

— Да ведь замок Таверне — не постоянный двор!

— Там живет кто-нибудь?

— Разумеется.

— Кто же?

— Как это кто? Барон де Таверне!

— Кто такой барон де Таверне?

— Отец мадмуазель Андре, сударь.

— Очень приятно, — с улыбкой заметил путешественник, — но я вас спрашиваю, что за человек барон де Таверне.

— Сударь! Это пожилой господин лет шестидесяти — шестидесяти пяти, был когда-то богат, судя по тому, что о нем рассказывают.

— Знаю, знаю, а теперь он беден — все они одинаковы. Друг мой! Проводите меня к барону де Таверне, прошу вас!

— К барону де Таверне? — в испуге вскричал молодой человек.

— Вы ведь не откажете мне в этой услуге?

— Разумеется, нет, но дело в том, что...

— Что еще?

— Дело в том, что он не примет вас.

— Он не примет заплутавшегося дворянина, пришедшего просить у него приюта? Так он зверь, этот ваш барон?

— О! — воскликнул молодой человек, будто желая сказать: «Похоже на то, сударь».

— Не важно, — произнес путешественник, — я готов рискнуть.

— Не советую, — возразил Жильбер.

— А! — вскричал путешественник. — Будь он трижды зверь, не проглотит же он меня живьем!

— Нет, конечно, но он может не отпереть дверь.

— В таком случае я ее взломаю, лишь бы вы не отказались сопровождать меня.

— Я не отказываюсь, сударь.

— Ну так показывайте дорогу.

— Я готов.

Путешественник поднялся в кабриолет и вынес оттуда небольшой фонарь.

Фонарь не горел, но молодой человек ждал, что путешественник вернется в карету, и тогда Жильбер мог бы разглядеть через приоткрытую дверь, что находится внутри.

Однако путешественник не подходил к двери фургона.

Он вручил фонарь Жильберу.

Тот повертел его в руках.

– Что мне делать с этим фонарем, сударь? – спросил он.

– Вы будете освещать дорогу, а я поведу коней.

– Ведь фонарь не горит!

– Сейчас зажжем.

– Ну да, у вас, наверное, есть в карете огонь?

– Ив кармане, – ответил путешественник.

– Под таким ливнем трудно будет поджечь трут. Путешественник улыбнулся.

– Откройте фонарь! – приказал он. Жильбер повиновался.

– Держите шляпу над моими ладонями.

Жильбер снова повиновался; он с нескрываемым любопытством следил за всеми этими приготовлениями. Жильбер не знал другого способа добычи огня, как высечь его при помощи огнива.

Путешественник достал из кармана серебряный портсигар, вынул оттуда спичку, затем, открыв портсигар снизу, окунул спичку в горючую смесь: спичка мгновенно вспыхнула и продолжала гореть, чуть слышно потрескивая.

Все произошло так стремительно и неожиданно для Жильбера, что он вздрогнул.

Путешественник улыбнулся, заметив его изумление, вполне естественное, так как в те времена лишь немногие химики знали секрет фосфора и сохраняли его в тайне для своих опытов.

Путешественник поднес магический огонь к свече, потом закрыл портсигар и спрятал в карман.

Молодой человек провожал портсигар горящим от зависти взором. Было очевидно, что он много бы дал за правообладания подобным сокровищем.

– Ну, а сейчас, когда у нас есть свет, соблаговолите проводить меня,

– попросил путешественник.

– Следуйте за мной, сударь, – сказал Жильбер.

Молодой человек пошел вперед, а его спутник взял коня под уздцы и повел за собой.

Гроза пошла на убыль, дождь почти прекратился, раскаты грома едва доносились издалека.

Путешественник первым почувствовал необходимость нарушить молчание.

– Мне показалось, что вы знакомы с бароном де Таверне, друг мой, – произнес он.

– Да, сударь, я его знаю, потому что вырос у него в доме.

– Так он ваш родственник?

– Нет, сударь.

– Опекун, стало быть?

– Нет.

– Неужели хозяин?

При слове «хозяин» молодой человек вздрогнул, яркий румянец выступил на его обычно бледных щеках.

– Яне слуга, сударь, – сказал он.

– Так кто же вы в конце концов? – спросил путешественник.

– Я сын бывшего управляющего барона, а моя мать была кормилицей мадмуазель Андре.

– Теперь я понял. Вы живете в замке на правах молочного брата той юной особы, – ведь я полагаю, что дочь барона молода?

– Ей шестнадцать лет, сударь.

Жильбер ловко уклонился от вопроса, который касался лично его.

Вероятно, путешественник, как и читатель, это заметил. Он переменил тему, продолжая задавать вопросы.

– Как вы оказались на дороге в такую непогоду? – спросил он.

– Я был не на дороге, сударь, я укрылся под скалой, которая идет вдоль дороги.

– А что вы делали под скалой?

– Читал.

– Читали?

- Да.
- Что же вы читали?
- «Общественный договор» Жан-Жака Руссо. Путешественник взглянул на него с нескрываемым удивлением.
- Вы нашли эту книгу в библиотеке барона?
- Нет, сударь, я купил ее.
- Где же? В Бар-ле-Дюке?
- Нет, сударь, здесь, у проезжего торговца. С некоторых пор у нас в деревне стали появляться торговцы, предлагающие хороший товар.
- А кто вам сказал, что «Общественный договор» – хорошая книга?
- Я понял это, читая ее, сударь.
- Значит, вам приходилось читать и плохие книги, раз вы могли почувствовать разницу?
- Приходилось.
- Что вы называете плохими книгами?
- «Софа, Танзай и Неадарне», например, ну и другие, вроде этой.
- Где же вы откопали эти книжки?
- В библиотеке барона.
- Каким образом барон достает такие новинки, живя в дыре?
- Ему присылают их из Парижа.
- Если барон беден, как вы говорите, как же он может тратить на подобный вздор?
- Он их не покупает, а получает в подарок.
- Ах, в подарок?
- Да, сударь.
- От кого?
- От одного своего друга, знатного дворянина.
- Знатного дворянина? А вы не знаете, как зовут этого знатного дворянина?
- Его зовут граф де Ришелье.
- Как? Это тот старый маршал?
- Так точно, маршал.
- Я надеюсь, барон не позволяет мадмуазель Андре читать подобную литературу?
- Напротив, сударь, он оставляет книги повсюду – Мадмуазель Андре согласна с вами, что это плохие книги? – лукаво посмеиваясь, спросил путешественник.
- Мадмуазель Андре их не читает, сударь, – сухо отвечал Жильбер.
- Путешественник ненадолго замолчал. Нетрудно было заметить, что эта необычная натура, сочетавшая в себе хорошие и дурные качества, бесстыдство и дерзость, невольно притягивала его к себе.
- Зачем же вы читали эти книги, если знали, что они дурны?
- Да потому что, беря их в руки, я еще не знал, чего они стоят.
- Однако вы сразу сумели верно их оценить?
- Да, сударь.
- И тем не менее продолжали читать?
- Да.
- Зачем?
- Я узнавал из них то, чего не знал раньше.
- А «Общественный договор»?
- В нем я нашел то, о чем уже догадывался.
- Что вы имеете в виду?
- Что все люди – братья, что общества, в которых есть крепостные или рабы, устроены неправильно и что наступит тот день, когда все будут равны.
- Ага! – воскликнул путешественник. На минуту оба замолчали, продолжая идти. Путешественник вел коня за уздечку, Жильбер нес фонарь.
- Вы, вероятно, хотели бы учиться, друг мой? – тихо спросил путешественник.

– Да, сударь, это самое большое мое желание!

– А что вы хотели бы изучать? Ну, говорите!

– Все, – ответил молодой человек.

– Зачем вам учиться?

– Чтобы возвыситься.

– До каких пределов?

Жильбер колебался. Было видно, что он мысленно преследовал какую-то цель, но скрывал ее и не хотел о ней говорить.

– До тех пределов, каких только может достигнуть человек, – отвечал молодой человек.

– Так вы, по крайней мере, уже изучали что-нибудь?

– Ничего. Как я мог что-нибудь изучать, не будучи богат и живя в Таверне?

– Как! Вы не знаете хоть сколько-нибудь математику?

– Нет.

– А физику?

– Нет.

– Химию?

– Нет. Я умею читать и писать, и только. Но я всему научусь.

– Когда?

– Когда-нибудь.

– Каким образом?

– Пока не знаю, но научусь.

«Какой странный юноша!» – неслышно прошептал путешественник.

«Ну так что же?» – подумал Жильбер.

– Что же?

– Да!

– Что?

– Ничего.

Жильбер и путешественник, которого он сопровождал, шли уже около четверти часа. Дождь прекратился, от земли поднимался терпкий запах, как обычно весной после грозы. Казалось, Жильбер глубоко задумался.

– Сударь! – неожиданно заговорил он. – А вы знаете, что такое гроза?

– Вне всякого сомнения.

– Вы?

– Да, я.

– Вы знаете, что такое гроза? Вы знаете, откуда берется молния?

Путешественник улыбнулся.

– Это бывает, когда встречаются два электрических заряда, один – в облаке, другой – с земли. Жильбер вздохнул.

– Ничего не понимаю, – признался он.

Возможно, путешественник объяснил бы все молодому человеку более доступно. К несчастью, в это время сквозь листву блеснул свет.

– Ага! – воскликнул путешественник. – Мы пришли?

– Да, это Таверне.

– Так это здесь?

– Вон ворота.

– Отворите.

– О нет, сударь, ворота замка так просто не отворишь.

– Это что же, ваш Таверне – крепость? Стучите же! Поколебавшись, Жильбер подошел к двери и робко ударил один раз молотком.

– Ого! – вскричал путешественник. – Да вас так никогда не услышат, мой друг. Стучите громче.

В самом деле, ничто не указывало на, то, что стук Жильбера был услышан. Все было по-

прежнему тихо.

– Вы все берете на себя, не так ли? – спросил Жильбер.

– Можете не сомневаться.

Жильбер осмелел. Он отложил молоток и повис на колокольчике, так что его оглушительный звон разнесся на милю вокруг.

– Черт побери! Если ваш барон и теперь не слышит, он просто глух! – воскликнул путешественник.

– А, вот залаяла Маон! – сообщил молодой человек.

– Маон! – подхватил путешественник. – Как это любезно со стороны вашего барона по отношению к его другу герцогу де Ришелье!

– Не понимаю, сударь, о чем вы говорите?

– Маон – последняя победа маршала. Жильбер еще раз вздохнул.

– Увы, сударь, я уже признался вам, что ничего не знаю.

Незнакомец понял, что за вздохами Жильбера скрывалась боль ущемленного самолюбия. В это мгновение послышались шаги.

– Ну, наконец-то! – проговорил незнакомец.

– Это господин Ла Бри, – пояснил Жильбер. Дверь распахнулась. При виде незнакомца и странной кареты Ла Бри, захваченный врасплох, так как ожидал увидеть одного Жильбера, попытался захлопнуть дверь.

– Прошу прощения, мой друг, – сказал путешественник, – мы шли именно сюда, не надо хлопать дверью у нас перед носом.

– Однако, сударь, я должен предупредить господина барона о неожиданном визите...

– Нет нужды предупреждать его, поверьте мне. Я рискую вызвать его неудовольствие, но если меня и выставят, то только после того, как я согреюсь, обсохну и отужинаю, уж за это я ручаюсь. Я слышал, здесь хорошие вина, вы должны бы это знать, а?

Не отвечая на вопрос путешественника, Ла Бри попытался затворить дверь, но путешественник одержал верх. Он успел провести коней и карету в ворота, а Жильбер в это время запер дверь. Ла Бри поспешил сам возвестить о своем поражении. Он бросился со всех ног к дому, крича во всю мочь:

– Николь Леге! Николь Леге!

– Кто эта Николь Леге? – спросил на ходу путешественник, сохраняя полное спокойствие.

– Николь, сударь? – переспросил Жильбер с едва заметной дрожью в голосе.

– Да, Николь, которую зовет мэтр Ла Бри.

– Это камеристка госпожи Андре, сударь. Крики Ла Бри всех подняли на ноги. Вспыхнул свет, осветив кроны деревьев и прелестную фигурку молодой Девушки.

– Что такое, Ла Бри? – спросила она. – Что тут за шум?

– Скорее, Николь, скорее! – закричал старик дрожащим голосом. – Поди доложи господину, что незнакомец, захваченный грозой, просит оказать ему гостеприимство на эту ночь.

Николь не заставила повторять сказанное, сразу все поняла и с легкостью устремилась к замку, мгновенно пропав из виду.

Ла Бри, уверенный теперь в том, что барон не будет захвачен врасплох, позволил себе на минутку перевести Дух.

Скоро новость возымела действие. С верхней ступеньки порога, скрывавшегося в зарослях акаций, послышался недовольный и властный голос негостеприимного хозяина:

– Незнакомец!.. Кто там еще? Когда являются к порядочным людям, по крайней мере представляются.

– Это барон? – спросил у Ла Бри тот, кто явился причиной всей этой суматохи.

– Увы! Да, сударь, – отвечал бедняга с сокрушенным видом.

– Вы слышали, о чем он спросил?

– Он спрашивает мое имя, не так ли?

– Вот именно. А я и забыл у вас спросить...

– Доложи, что прибыл барон Джузеппе де Бальзамо, – приказал путешественник. – Тот же,

что и у него, титул, возможно, смягчит твоего хозяина.

Титул незнакомца придал смелости Ла Бри.

– Ну что ж, – проворчал в ответ хозяин. – Проси, раз уж он здесь. Входите, сударь, прошу вас: туда..., вот так, теперь вот сюда...

Незнакомец устремился вперед, однако, поднявшись на первую ступеньку крыльца, оглянувшись, желая убедиться, идет ли за ним Жильбер.

Жильбер исчез.

Глава 5. БАРОН ДЕ ТАВЕРНЕ

Хотя человек, назвавшийся бароном Джузеппе де Бальзамо, был предупрежден Жильбером о бедности барона де Таверне, он тем не менее был весьма удивлен скудостью жилища, которое Жильбер не без гордости называл замком.

Дом был двухэтажный, имел форму вытянутого прямоугольника, по краям которого были пристроены квадратные флигели в виде башен. Это нелепое сооружение было, однако, не лишено привлекательности в неверном свете бледной луны, мелькавшей сквозь рваные облака, разметавшиеся по небу во время урагана.

Шесть окон первого этажа, а также по два окна в каждой башне, расположенные одно над другим, ветхое крыльцо с разваливающимися ступеньками – все это вместе поразило незнакомца прежде, чем он достиг порога, где, как мы уже сказали, его ждал барон в шлафроке с подсвечником в руках.

Барон де Таверне оказался невысоким стариком, которому можно было дать лет шестьдесят – шестьдесят пять; у него были живые глаза, высокий и узкий лоб. На голове у него был ужасный парик: пряди, до которых не успели добраться крысы в шкафу, были подпалены языками пламени из камина. Барон держал в руке салфетку сомнительной белизны, которая свидетельствовала о том, что его отвлекли в тот самый момент, когда он собирался сесть за стол.

Лукавое выражение лица, в котором обнаруживалось некоторое сходство с Вольтером, выдавало сразу несколько чувств, охвативших барона; они не скрылись от пронизательного взгляда незнакомца. Вежливость требовала, чтобы барон улыбался незваному гостю, тогда как нетерпение превращало любезное выражение в гримасу, сообщавшую барону желчный и угрюмый вид. Одним словом, в неверном свете пламени черты лица барона де Таверне бросались в глаза, и он казался на редкость некрасивым.

– Сударь, – вымолвил он. – Могу ли я узнать, какому счастливому случаю я обязан удовольствием видеть вас у себя?

– Сударь! Все дело в грозе, напугавшей лошадей. Они понесли и едва не опрокинули карету. Так я оказался посреди дороги без фореиторов: один упал с лошади, другой сбежал. В это время я повстречал молодого человека, который и указал мне дорогу, ведущую к вашему замку. Он уверил меня, что вы слывете гостеприимным хозяином.

Барон приподнял подсвечник, желая получше осветить двор в надежде обнаружить несчастного, которому был обязан тем счастливым случаем, о котором он говорил выше.

Путешественник огляделся по сторонам и убедился в том, что его юный спутник действительно исчез.

– Не знаете ли вы имени того, кто указал вам на мой замок, сударь? – спросил барон де Таверне, похожий в тот миг на человека, который хотел бы знать, кому выразить свою благодарность.

– Этот молодой человек представился Жильбером, если не ошибаюсь.

– Ага, Жильбер! Никогда бы не подумал, что он способен хотя бы на это. А! Так это бездельник Жильбер, наш дорогой философ!

Поток эпитетов и угрожающие интонации ясно дали понять путешественнику, что сюзерен отнюдь не пылал любовью к своему вассалу.

– Итак, – произнес барон, выдержав внушительную паузу, столь же выразительную, как его слова, – входите, сударь, прошу вас.

– Позвольте мне сначала поставить в сарай карету – там много дорогих для меня вещей.

– Ла Бри! – вскричал барон. – Ла Бри, поставьте карету господина барона под навес, там она хотя бы отчасти будет защищена от непогоды, принимая во внимание, что, кое-что от крыши еще осталось. Вот насчет лошадей, то; тут дело сложнее: я не могу поручиться, что их есть чем; накормить. Однако раз они не ваши, а почтовые, это обстоятельство не должно сильно вас беспокоить.

– Сударь! – в нетерпении воскликнул путешественник. – Если я слишком вас обременяю, как мне начинает казаться...

– О, нет, сударь! – вежливо прервал его барон, вы ничуть не обременяете меня, должен лишь предупредить вас, что вам будет не слишком удобно.

– Поверьте, сударь, я буду весьма обязан вам...

– Да что вы, сударь, я вовсе не обольщаюсь на этот счет, – проговорил барон, вновь поднимая подсвечник, чтобы получше рассмотреть Джузеппе Бальзамо, который в это время с помощью Ла Бри устраивал под навесом карету. По мере того, как гость удалялся, барон повышал голос, – я далек от иллюзии, что Таверне может произвести на вас благоприятное впечатление, скорее напротив, и все из-за того, что я беден.

Путешественник был поглощен своим занятием и ничего не отвечал. Он выбирал местечко посуше под навесом, следуя совету барона. Когда более или менее подходящее место для кареты было найдено, он дал Ла Бри луидор и вновь приблизился к барону.

Ла Бри опустил луидор в карман, совершенно уверенный в том, что это мелкая монета, благодаря судьбу за такую удачу.

– Бог мне судья, если я плохо подумал о вашем замке, сударь, – ответил Бальзамо, отвесив барону поклон. Будто желая доказать искренность своих слов, барон повел его, качая головой, через просторную и сырую переднюю, ворча на ходу:

– Я знаю, что говорю. К сожалению, я свои возможности хорошо знаю, и они весьма ограничены. Если вы француз, господин барон, хотя ваш немецкий выговор говорит скорее об обратном, а итальянское имя... Впрочем, это к делу не относится. Так вот, если вы француз, как я уже сказал, имя Таверне должно вызывать у вас представление о роскоши: когда-то говорили «Таверне Богатый».

Бальзамо думал, что за этими словами последует вздох, но он ошибся.

«Философ», – подумал он.

– Сюда пожалуйста, господин барон, теперь сюда, – продолжал хозяин, распахивая дверь столовой. – Ну-ка, мэтр Ла Бри, обслужите нас так, будто у вас не две ноги, а двадцать.

Ла Бри бросился исполнять приказание.

– У меня остался только этот лакей, сударь, – пояснил Таверне, – он не справляется со своими обязанностями. Этот дурак служит мне уже лет двадцать задаром, не получая ни единого су, ну а я кормлю его так, как он работает... Он глуп, вот вы увидите...

Бальзамо продолжал присматриваться к тому, что его окружало.

«До чего бессердечен! – подумал он. – Впрочем, возможно, это напускное».

Барон притворил дверь столовой. Подняв подсвечник над головой, путешественник окинул взглядом залу.

Он оказался в большой комнате с низким потолком, бывшей когда-то главной залой небольшой фермы, возведенной владельцем в ранг замка. Она так скудно была меблирована, что казалась почти пустой. Плетеные стулья с резными спинками, гравюры, изображавшие сцены битвы при Лебрене в черных лакированных рамках, дубовый шкаф, почерневший от копоти и старости, – вот и вся меблировка. Посреди залы возвышался небольшой круглый стол, на котором дымилось единственное кушанье, Приготовленное из куропаток с капустой. Вино было подано в пузатой керамической бутылке. Столовое серебро – истертая, почерневшая – состояло из трех приборов, кубка и солонки. Солонка была тонкой работы, но очень массивная; она казалась бесценным брильянтом среди бесцветных камней.

– Вот сюда, сударь, прошу вас, – предложил барон стул гостю, не спуская с него пытливого взгляда. – Вижу, вы обратили внимание на солонку, вы любуетесь ей, что ж, это свидетельствует о прекрасном вкусе. Это тем более любезно с вашей стороны, что солонка – единственная вещь, до-

стойная внимания. Сударь! Разрешите от всего сердца поблагодарить вас. Впрочем, я ошибся. У меня есть еще кое-что, клянусь честью! Моя дочь!

– Мадмуазель Андре? – спросил Бальзамо.

– Да, Андре, – отвечал барон, не скрывая своего удивления осведомленностью гостя. – Я желал бы представить ей вас. Андре! Андре! Поди сюда, дитя мое, тебе нечего бояться.

– Я не боюсь, отец, – отвечала нежным мелодичным голосом молодая особа, без тени смущения или робости появляясь в дверях.

Джузеппе Бальзамо умел хорошо владеть собой, в чем мы уже имели случай убедиться; однако он не смог удержаться и низко поклонился красавице.

Андре де Таверне, словно осветившая своим появлением залу, в самом деле, была хороша собой. Ее светло-рыжеватые волосы были чуть светлее на висках и затылке. Черные глаза, большие и ясные, смотрели пристально, невозможно было отвести взгляд от ее притягивающих глаз. Влажные коралловые губы капризно изгибались. Восхитительные, античной формы, длиннее обыкновенного, белые руки поражали красотой. Гибкая талия была словно заимствована у языческой статуи, которая чудом ожила. Изгибом изящной ножки она могла бы соперничать с Дианой-охотницей; казалось, она не шла, а плыла, словно бестелесное чудо. И, наконец, ее платье, несмотря на простоту, было шито с таким вкусом, так чудесно сидело на ней, что самый богатый королевский наряд мог бы показаться менее элегантным и дорогим, нежели ее скромное платье.

Все эти подробности поразили Бальзама. Он одним взглядом охватил все за то время, пока мадмуазель де Таверне входила в залу. Барон ревниво следил за впечатлением, которое произвела на гостя редкая красота девушки.

– Вы совершенно правы, – проговорил Бальзамо едва слышно, – мадмуазель на редкость красива.

– Не говорите бедняжке Андре слишком много комплиментов, – небрежно отвечал барон, – она только что из монастыря и поверит всему, что вы скажете. Это не значит, – продолжал он, – что я могу заподозрить ее в кокетстве – напротив, моя дорогая дочь недостаточно кокетлива, сударь; будучи заботливым отцом, я пытаюсь развить в ней это качество, – главное оружие всякой женщины.

Андре потупилась, краснея. При всем желании она не одобряла странной теории своего отца.

– Скажите, а в монастыре мадмуазель тоже этому учили? – со смехом спросил Джузеппе Бальзамо у барона. – Это также предписывалось воспитанием, которое давали ей монахини?

– Сударь! – отвечал барон. – Я имею честь излагать свои собственные идеи, как вы, должно быть, уже могли заметить.

Бальзамо поклонился в знак того, что всецело согласен с бароном.

– Да нет, – продолжал тот, – я далек от того, чтобы повторять вслед за теми отцами семейства, которые говорят своим дочерям: «Будь осмотрительной, непоколебимой, слепой, гордись своей честью, деликатностью, холодностью...» Глупцы! Они ведут борцов на ристалище, совершенно обезоружив их перед схваткой с противником, вооруженным до зубов. Нет, черт возьми! Не бывать тому, хоть Андре и воспитывается в такой дыре, как Таверне. Бальзамо счел своим долгом из вежливости изобразить на лице несогласие.

– Да ладно уж, – махнул рукой барон, словно отвечая на возражения Бальзамо. – Я-то знаю, чего стоит Таверне. Но как бы там ни было, как мы ни далеки от блеска Версаля, моя дочь узнает свет, который я сам так хорошо знал когда-то. Если ей суждено когда-нибудь войти в высшее общество, я постараюсь вооружить ее согласно своему опыту и сообразно воспоминаниям... Однако я должен признать, сударь, что монастырь сильно ей напортил. Моя дочь – надо же такому случиться! – дочь моя оказалась благодарной воспитанницей, взявшей все лучшее у монахинь и почитающей Священное писание. Тысяча чертей! Согласитесь, барон, что это большое несчастье!

– Мадмуазель – сущий ангел, – отвечал Бальзамо, – по правде говоря, меня ничуть не удивляет все, что вы рассказываете.

Андре кивнула гостю в знак признательности и симпатии, затем села на место, которое указал ей глазами отец.

– Садитесь, барон, – пригласил Таверне путешественника, – если голодны – покушайте. Это

отвратительное рагу состряпал скотина Ла Бри.

– Куропатки! И вы называете это отвратительным рагу? – с улыбкой переспросил гость. – Да вы просто несправедливы! Куропатки в мае! Они, должно быть, из ваших лесов?

– Мои леса... Все, что у меня было – должен признаться, батюшка оставил мне неплохое состояние – так вот, все, что у меня было, давно уже продано, съедено и переварено! О Господи, да нет, благодаренье Богу, у меня и клочка земли не осталось. Это все бездельник Жильбер: он украл

– уж не знаю, где, – ружье, немного пороху да свинца, теперь тайком охотится на землях моих соседей. А ведь он способен только валяться с книжкой и мечтать... Угодит на галеры, а я ни за что не буду вмешиваться, я жду не дожусь, когда от него избавлюсь. Правда, Андре любит дичь, только поэтому я и терплю этого бездельника.

Бальзамо пристально всматривался в лицо прекрасной Андре, но не заметил и тени смущения.

Он занял место между бароном и его дочерью, она стала ухаживать за ним, нисколько не смущаясь скудостью стола, состоявшего из дичи, подстреленной Жильбером, приготовленной мэтрм Ла Бри и возмущившей барона.

Бедняга Ла Бри не пропускал ни единой похвалы путешественника в свой адрес. Он переменил тарелки с сокрушенным видом, сменявшимся мало-помалу торжествующим выражением по мере того, как Бальзаме расхваливал приправы.

– Да он даже не посолил это дрянное рагу! – вскричал барон, обглодав пару крылышек, которые дочь положила ему на тарелку вместе с плававшей в жиру капустой.

– Андре! Передайте солонку господину барону! Андре послушно протянула руку с необычайной грациозностью.

– Обратите внимание на мою солонку, прошу вас, раз уж она попала к вам в руки, барон. Восхитительная солонка, вы сразу оценили ее по достоинству. Рассмотрите ее повнимательней, она выполнена знаменитым Лукасом по заказу члена Генерального Совета французского банка. Вы видите на ней сатиров и вакханок, это несколько вольно, но премило.

Только тогда Бальзамо отметил, что, несмотря на тонкое изящное исполнение, изображенная на солонке сцена была не просто вольна, но скорее непристойна. Он был восхищен спокойным безразличием Андре, – подчиняясь приказанию отца, она подала путешественнику солонку, не моргнув глазом, и невозмутимо продолжала ужин.

Однако барон, как видно, стремился хотя бы поцарапать лак невинности, свойственной его дочери. Он продолжал подробно расписывать прелести серебряной безделушки, несмотря на усилия Бальзамо переменить тему разговора.

– Ах да, кушайте, кушайте, барон! – воскликнул Таверне. – Должен предупредить вас, что, кроме этого блюда, ничего нет. Вы, может быть, думаете, что принесут еще жаркое или вас ждут закуски – не обольщайтесь, не то будете сильно разочарованы.

– Прошу прощения, сударь, – произнесла Андре со свойственной ей холодностью, – надеюсь, Николь правильно меня поняла, – она, должно быть, уже начала готовить десерт по моему рецепту.

– Рецепт? Вы дали кулинарный рецепт Николь Леге, вашей камеристке? Ваша камеристка занимается стряпней? Не хватало только, чтобы вы сами начали стряпать! Разве герцогиня де Шатору или маркиза де Помпадур готовили еду? Напротив, король подавал им омлеты собственного приготовления... Господи Боже! Что я вижу: в моем доме женщины на кухне! Барон, извините мою дочь, умоляю вас!

– Да ведь надо же что-то есть, отец! – спокойно возразила Андре. – Леге, милочка, – продолжала она громким голосом, – готово?

– Да, госпожа, – отвечала девушка, внося блюдо, распространявшее изумительный аромат.

– Я знаю, кто ни за что на свете не притронется к этому! – вскричал взбешенный Таверне, швырнув на пол тарелку.

– Может быть, вы, сударь, попробуете? – холодно произнесла Андре.

Затем она обратилась к отцу:

– Вам хорошо известно, сударь, что у вас осталось всего семнадцать тарелок этого сервиза,

который мне завещала матушка.

С этими словами она разрезала на куски дымившийся пирог, который подала к столу хорошенькая камеристка.

Глава 6. АНДРЕ ДЕ ТАВЕРНЕ

Наблюдательный ум Джузеппе Бальзамо замечал малейший недостаток в жизни странных обитателей замка, затерявшегося в одном из уголков Лотарингии.

Одна история с солонкой столько ему поведала о характере барона де Таверне! Призвав на помощь всю свою проницательность, он следил за выражением лица Андре в тот самый момент, когда она кончиком ножа провела по серебряным фигуркам, словно замершим после одной из ночных оргий регента, по окончании которых Каниллаку вменялось в обязанности гасить свечи.

То ли из любопытства, то ли под влиянием других чувств, Бальзамо наблюдал за Андре с такой настойчивостью, что несколько раз в течение по меньшей мере десяти минут взгляды их встретились. Сначала чистая целомудренная девушка выдержала его необычный взгляд без тени смущения. Однако путешественник смотрел все пристальнее. В то время, как барон кончиком ножа кромсал шедевр, приготовленный камеристкой, Андре почувствовала легкое нетерпение, заставившее ее слегка покраснеть, а затем это нетерпение охватило все ее существо. Скоро она смутилась под странным взглядом Бальзамо, попыталась выдержать его, в свою очередь устремив на него свои огромные ясные глаза. Но скоро она вынуждена была сдаться, ее веки тяжело опустились под гипнотическим влиянием горящего взора путешественника. Теперь она лишь изредка и со страхом взглядывала на него.

Пока шла молчаливая борьба между девушкой и таинственным незнакомцем, барон изрыгал проклятья, хохотал и бранился, как настоящий деревенский сеньор. Он набрасывался на Ла Бри всякий раз, как тот оказывался к своему несчастью поблизости от хозяина, когда нервное напряжение барона достигало апогея и ему необходимо было кого-нибудь ушипнуть.

Очевидно, он собирался накинуться и на Николь, как вдруг взгляд барона упал на ее руки.

Барон был большим ценителем женской красоты, ради нее он наделал столько глупостей в молодые годы!

– Взгляните-ка, – произнес он, – до чего хороши пальчики у этой мерзавки. Как удлинен ноготок, он вот-вот закруглится, это был бы верх совершенства..., если бы не надо было этим ручкам колоть дрова, откупоривать бутылки, чистить кастрюли – все это источило коготки, ведь у вас, мадмуазель Николь, на пальчиках настоящие коготки...

Николь не привыкла к комплиментам барона. С губ ее просилась улыбка, в которой сквозило больше удивления, чем тщеславия.

– Да, – продолжал барон, догадавшись о том, что творилось в сердце молодой кокетки, – побольше ржавчины, мой тебе совет! Должен вам сказать, дорогой мой гость, что мадмуазель Николь Леге, которую вы видите перед собой, совсем не такая скромница, как ее хозяйка, ее комплиментами не смутишь!

Бальзамо поспешно перевел взгляд на дочь барона: он заметил в выражении прекрасного лица Андре снисходительное превосходство. Тогда он постарался придать своему лицу такое же выражение. Андре заметила это и, должно быть, желая выразить признательность, взглянула на него не так смущенно, как смотрела до сих пор.

– Поверите ли, сударь, – продолжал тем временем барон, проведя тыльной стороной ладони по подбородку Николь – казалось, только теперь он заметил, какая она хорошенькая, – поверите ли, что эта чертовка приехала вместе с моей дочерью из монастыря, где получила почти такое же воспитание. Кроме того, мадмуазель Николь ни на минуту не отходит от хозяйки. Такая преданность могла бы вызвать улыбку у господ философов, утверждающих, что у людей этой породы есть душа.

– Сударь, – возразила Андре с недовольным видом, – Николь вовсе не из преданности не отходит от меня, а потому, что я приказала ей всегда быть поблизости.

Бальзамо поднял взгляд на Николь, желая видеть впечатление, которое произвели на нее

слова хозяйки, почти оскорбительные в своей гордыне. По тому, как Николь поджала губки, он понял, что девушка была весьма чувствительна к унижениям, которые ей доводилось испытывать, будучи служанкой.

Однако выражение это едва успело промелькнуть в ее лице; когда она отвернулась, чтобы смахнуть набежавшую слезу, ее взгляд упал на окно столовой, выходившее во двор.

Бальзамо интересовало все, что могло хоть отчасти прояснить характер действующих лиц, среди которых он оказался волею судьбы; все интересовало Бальзамо, как мы уже сказали, поэтому он проследил за взглядом Николь: ему показалось, что в окне, на которое она смотрела, мелькнуло лицо мужчины.

«В самом деле, – подумал он, – все весьма любопытно в этом доме, у каждого своя тайна, но, я надеюсь, не пройдет и часа, как я узнаю все, что касается мадмуазель Андре. Я уже знаю тайну барона и догадываюсь о том, что скрывает Николь».

Он на миг погрузился в свои мысли, но этого времени оказалось довольно, чтобы барон заметил его задумчивость.

– Вы тоже мечтаете, – вскричал он, – ну что ж, однако, вам следовало бы по крайней мере дожидаться ночи. Мечтательность заразительна, и сейчас эта болезнь готова нас одолеть, так мне кажется. Сочтем мечтателей. Прежде всего грезит мадмуазель Андре; я вижу, как всякую минуту предается мечтам этот бездельник Жильбер, подстреливший куропаток, мечтавший, вероятно, даже в тот момент, когда охотился на них...

– Жильбер? – перебил его Бальзамо.

– Да, философ вроде Ла Бри. Кстати, о философях: вы не из их числа? Должен предупредить, что в этом случае мы вряд ли найдем общий язык!

– Ни да, ни нет, сударь, я не знаком с философией, – отвечал Бальзамо.

– Тем лучше, тысяча чертей! Это гнусные скоты, еще более ядовитые, чем безобразные! Они погубят монархию своей болтовней. Во Франции больше не умеют смеяться, все теперь читают, и что читают?! Фразы вроде этой:

«Монархическое правление не дает народу возможности стать добродетельным», или, например: «Существующая монархия – не более, чем надуманное построение, созданное для того, чтобы повредить нравы общества и поработить народы», или вот еще: «Если королевская власть от Бога, следует рассматривать ее как болезнь или стихийное бедствие, посланные поразить род людской». Как это все забавно! Добродетельный народ! Кому он нужен, я вас спрашиваю? А, все пошло кувыркком, понимаете? С тех пор, как его величество имел беседу с господином Вольтером и прочел книги господина Дидро!

В это мгновение Бальзама показалось, что в окне опять мелькнуло то же бледное лицо. Но оно так быстро исчезло, что Бальзамо не успел его как следует рассмотреть.

– Мадмуазель тоже любит философствовать? – спросил, улыбаясь, Бальзамо.

– Я понятия не имею о философии, – отвечала Анд-ре. – Могу только сказать, что мне нравятся серьезные вещи.

– Ну, мадмуазель, – перебил ее барон, – нет ничего серьезнее, на мой взгляд, чем хорошо пожить, так любите жизнь.

– Однако, по-моему, нельзя сказать, чтобы мадмуазель не любила жизнь,

– заметил Бальзамо.

– Все, сударь, зависит от обстоятельств, – возразила Андре.

– Еще одно дурацкое словцо, – воскликнул Таверне. – Поверите ли, сударь, что в точности такие слова я слышал уже от своего сына?

– У вас есть сын, дорогой хозяин? – спросил Бальзамо.

– Господи, да, я имею несчастье быть отцом виконта де Таверне, лейтенанта охраны его высочества дофина; мой сын – прелюбопытный субъект!

Барон процедил последние слова сквозь зубы, словно желая раздробить каждую букву.

– Поздравляю вас, сударь! – сказал Бальзамо, отвесив поклон.

– Да, – продолжал старик, – еще один философ. Все это приводит меня в замешательство, клянусь честью! Вот он мне недавно говорил об освобождении негров. «А как же сахар? – спросил

я. – Я люблю кофе с сахаром, и король Людовик Пятнадцатый – тоже». А он мне: «Можно скорее обойтись без сахара, чем видеть, как страдает целая раса...»

«Раса обезьян!» – возразил я. Да и то много будет чести. Знаете, что он заявил? Клянусь Богом, должно быть, есть что-то такое в воздухе, что кружит им головы. Он заявил, что все люди – братья! Я – брат какого-нибудь мозамбикца, каково?

– Это уж чересчур!.. – воскликнул Бальзамо.

– Ну что вы скажете? Что мне повезло, не так ли? У меня двое детей, а нельзя сказать, что я в них найду свое продолжение. Сестра – ангел, брат – апостол!.. Выпейте, сударь... Ох, до чего же отвратительное у меня вино!

– На мой вкус, оно превосходно, – возразил Бальзамо, взглянув на Андре.

– В таком случае вы самый что ни на есть философ! Будьте осторожны, не то я заставлю дочь прочесть вам молитву. Да нет, философы не религиозны. А ведь как удобно иметь веру: веришь в Бога и в короля, вот и все. А в наше время, чтобы не верить ни в то, ни в другое, надо сперва очень много узнать и прочесть кучу книг; я же предпочитаю ни в чем не сомневаться. В мое время учились приятным вещам: хорошо играть в фараон, например, в бириби или в пасди; учились хорошо владеть шпагой, несмотря на эдикты, разорять герцогинь и проматывать собственное состояние, бегая за танцовщицами. Это как раз мой случай: я все имение Таверне ухнул на Оперу, и это единственное, о чем я сожалею, принимая во внимание то обстоятельство, что разоренный человек – уже не человек. Я вам кажусь старым, не так ли? Так вот это как раз оттого, что я разорен, что живу в берлоге, что на мне истрепанный парик и допотопное платье. Но взгляните на моего Друга маршала: он ходит в платье с иголки, во взбитом парике, живет в Париже и имеет двести тысяч ливров годового дохода. Уверяю вас, он еще молод, он еще зелен, бодр, отважен! А ведь на десять лет старше меня, сударь мой, на десять лет!

– Вы изволите говорить о господине де Ришелье, не так ли?

– Вот именно.

– О герцоге?

– Да не о кардинале же, черт побери! Я полагаю, до этого я еще не дошел. Кстати сказать, ему далеко до племянника, он не смог так же долго продержаться...

– Меня крайне удивляет, сударь, что, имея таких могущественных друзей, как он, вы покинули двор.

– О, это всего лишь временная отставка. Когда-нибудь я вернусь, – произнес старый барон, взглянув на дочь как-то по-особенному.

Бальзамо перехватил его взгляд.

– Скажите, а господин маршал помогает по крайней мере продвинуться по службе вашему сыну? – спросил он.

– Моему сыну? Да что вы, он терпеть его не может!

– Сына своего друга?

– Да, и он имеет на это основание.

– Как вы можете так говорить?

– Черт побери! Так ведь мой сын – философ. Он его просто ненавидит.

– Ну и Филипп платит ему тем же, – произнесла Андре с полным хладнокровием. – Убирайте, Леге!

Девушка, поглощенная тем, что неусыпно следила за окном, не сводя с него глаз, бросилась исполнять приказание.

– Да-а, – вздохнул барон, – когда-то сживали за столом до двух часов ночи. Правда, было, чем поужинать, а когда не могли больше есть, продолжали пить! Но как тут будешь пить плохое вино, если еще и закусить нечем... Деге! Подайте графин с мараскином, если там еще что-нибудь осталось.

– Подайте, – приказала Андре камеристке, которая, казалось, ждала знака хозяйки, прежде чем исполнить приказание барона.

Барон откинулся в кресле и, прикрыв глаза, меланхолично вздохнул.

– Вы мне начали рассказывать о маршале де Ришелье, – вновь заговорил Бальзамо.

- Да, верно, я вам о нем рассказывал, – отвечал Таверне и принялся напевать мелодию, такую же меланхоличную, как и его вздохи.
- Если он ненавидит вашего сына, имея лишь то основание, что ваш сын философ, – продолжал разговор Бальзамо, – он, должно быть, сохраняет дружеское расположение к вам, потому что вы далеки от философии?
- Я – философ? Разумеется, нет, слава Богу!
- У вас, я полагаю, предостаточно титулов. Ведь вы были на королевской службе, не так ли?
- Я отслужил пятнадцать лет. Был адъютантом маршала, мы вместе прошли Маонскую кампанию, наша дружба началась..., хм..., подождите-ка..., во время осады Филиппсбурга, то есть с тысяча семьсот сорок второго по сорок седьмой год.
- Ага, прекрасно! – отвечал Бальзамо. – Так вы участвовали в осаде Филиппсбурга... Знаете, я тоже там был в то время.
- Старик подскочил в кресле и посмотрел на Бальзамо широко раскрытыми от удивления глазами.
- Простите, – возразил он, – сколько же вам лет, дорогой гость?
- У меня нет возраста, – отвечал Бальзамо, протягивая свой стакан Андре. Она налила ему мараскину.
- Барон по-своему понял ответ гостя, подумав, что Бальзамо имеет причины скрывать свой возраст.
- Сударь! Позвольте заметить, что вы не похожи на солдата, воевавшего под Филиппсбургом. Осада происходила двадцать восемь лет назад, а вы выглядите самое большее – лет на тридцать.
- О Господи, да кому из нас не тридцать лет! – небрежно бросил путешественник.
- Мне, черт возьми! – вскричал барон. – Потому что как раз тридцать лет тому назад я вышел из этого возраста.
- Андре не сводила глаз с путешественника; она находилась во власти непреодолимого любопытства. В самом деле Бальзамо с каждой минутой открывался ей новой стороной.
- Так вы, сударь, намеренно меня сбиваете или, что весьма вероятно, путаете Филиппсбург с другим городом. Я Дал бы вам не более тридцати лет,
- ты согласна со мной, Андре?
- Пожалуй, – отвечала та, безуспешно пытаясь вновь выдержать властный взгляд гостя.
- Да нет же, вовсе нет! – вскричал путешественник. – Я знаю, что говорю, а говорю то, что есть. Я имею в виду знаменитую осаду Филиппсбурга, во время которой его сиятельство герцог де Ришелье убил на дуэли своего кузена принца де Ликсена. Это произошло в тот самый момент, когда я выбрался из траншеи, клянусь честью. Они находились на обочине дороги, по левую сторону; герцог проткнул его шпагой. Я как раз проходил мимо в ту минуту, когда он умирал на руках у принца де Депонта, сидевшего на краю траншеи; господин де Ришелье спокойно обтирал шпагу.
- Сударь! – воскликнул барон. – Клянусь честью, вы потрясли меня до глубины души. Все происходило в точности так, как вы рассказываете.
- Вы, должно быть, уже слышали от кого-нибудь об этом деле? – спокойно спросил Бальзамо.
- Да я был там, я имел честь быть секундантом господина маршала; правда, в то время он еще не был маршалом, но это не меняет дела.
- Погодите-ка, – произнес Бальзамо, пристально вглядываясь в лицо барона.
- В чем дело?
- Вы были в то время в звании капитана, не так ли?
- Совершенно верно.
- Вы служили в королевском полку легкой кавалерии, который был потом разбит под Фонтенуа?
- А вы и в Фонтенуа были? – насмешливо спросил барон.
- Нет, – спокойно отвечал Бальзамо, – к тому времени я уже был мертв.
- Барон широко раскрыл глаза, Андре вздрогнула, а Никель торопливо перекрестилась.
- Позвольте мне вернуться к тому, с чего я начал рассказ, – продолжал невозмутимо Бальза-

мо. – Итак, вы были в форме лейтенанта легкой кавалерии, я прекрасно помню. Проходя мимо дерущихся, я обратил на вас внимание: вы держали лошадей, свою и маршала. Я к вам подошел и спросил, что происходит; вы мне ответили...

– Я?

– Ну да, черт побери, именно вы! Теперь я узнаю вас, тогда вы были шевалье, вас еще называли «малыш-шевалье».

– Тысяча чертей! – в изумлении вскричал Таверне.

– Простите, что не сразу узнал вас. За тридцать лет любой человек меняется. Итак, за маршала де Ришелье, дорогой барон!

Подняв бокал. Бальзаме залпом осушил его.

– Вы, вы видели меня в то славное время? – спросил барон. – Но это невозможно!

– Однако я вас видел, – проговорил Бальзамо.

– На главной дороге?

– На главной дороге.

– С конями?

– Вот именно.

– Во время дуэли?

– В ту самую минуту, как принц испустил дух, как я уже имел честь сообщить вам.

– Так вам, должно быть, лет пятьдесят?

– Мне достаточно лет, чтобы я запомнил вас тогда.

Барон откинулся в кресле с таким видом, будто совершенно был сбит с толку. Николь не могла сдержать улыбку.

Однако Андре вместо того, чтобы весело рассмеяться, как ее камеристка, глубоко задумалась, не сводя с Бальзамо глаз.

Можно было подумать, что Бальзамо ждал этой минуты и был к ней готов.

Резким движением поднявшись, он несколько раз окинул девушку горящим взглядом. Она вздрогнула, как от электрического удара.

Руки ее застыли, голова поникла, она словно против воли улыбнулась незнакомцу, затем прикрыла глаза.

Продолжая стоять, путешественник коснулся ее руки, она снова сильно вздрогнула.

– А вы, мадмуазель, – произнес он, – тоже считаете меня лжецом, потому что я утверждаю, что участвовал в осаде Филиппсбурга?

– Нет, сударь, я верю вам, – едва вымолвила Андре, сделав над собой нечеловеческое усилие.

– Выходит, я горожу вздор? – вспыхнул старый барон. – Ах, извините, вы, сударь, часом не приведенье ли, а может, вы не более, чем тень?

Николь следила за происходившим расширенными от ужаса глазами.

– Как знать! – отвечал Бальзамо с такой важностью, что окончательно сразил камеристку.

– Нет, поговорим серьезно, господин Бальзамо, – снова заговорил барон. Казалось, он полон был решимости внести окончательную ясность в это дело. – Вам ведь должно быть больше, чем тридцать лет, верно? По правде говоря, вы выглядите моложе.

– Сударь! – обратился к нему Бальзамо. – Поверите ли вы мне, если я вам скажу что-то такое, во что и поверить-то трудно?

– Не могу вам ответить на этот вопрос, – насмешливо покачал головой барон, тогда как Андре, напротив, слушала, затаив дыхание. – Должен вас предупредить, что я крайне недоверчив.

– Зачем же в таком случае задавать мне вопрос, если вы сомневаетесь в моей правдивости?

– Ну хорошо, я готов вам поверить. Вы довольны?

– В таком случае, сударь, я могу лишь повторить то, что уже сказал. Я не только видел вас, но и был с вами знаком во время осады Филиппсбурга.

– Так вы были тогда ребенком?

– Конечно.

– Вам, должно быть, было не больше пяти лет?

– Нет, сударь, мне тогда был сорок один год.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся барон.

Николь эхом вторила ему.

– Я говорю совершенно серьезно, сударь, – с важностью произнес Бальзамо, – но вы мне не верите.

– Да как же можно этому верить, помилуйте! Представьте какие-нибудь доказательства!

– Но ведь это же так понятно! – продолжал Бальзамо без тени смущения.

– В то время мне был сорок один год, и это правда. Я же не утверждаю, что сейчас перед вами тот же человек, каким я был в то время.

– Ха-ха! Это что-то языческое! – вскричал барон. – Кажется, был какой-то древнегреческий философ, – опять эти подлые философы, они водились во все времена! Так вот, был один древний грек, который не ел бобов, утверждая, что у них есть душа; прямо, как мой сын, который утверждает, что у негров тоже есть душа; кто это выдумал? Его имя.., э-э.., вот черт, как же его звали-то?

– Пифагор, – подсказала Андре.

– Да, да, Пифагор, – подхватил барон. – Когда-то я учился этому у иезуитов. Отец Поре ставлял меня слагать на эту тему латинские вирши, и я соперничал в этом занятии с маленьким Вольтером. Я даже помню, что отец Поре отдавал предпочтение моим стихам... Пифагор, да, да, так его звали.

– Вот видите, а кто вам сказал, что я не, мог быть Пифагором? – очень просто заметил Бальзамо – Не буду отрицать, что вы были Пифагором, – возразил барон, – да только Пифагор не участвовал в осаде Филиппсбурга. Во всяком случае, я его там не видел.

– Несомненно, – сказал Бальзамо, – однако вы видели там виконта Жана де Барро, черного мушкетера, не правда ли?

– Да, да, я даже был с ним знаком.., уж он-то не был философом, хотя терпеть не мог бобов и ел их только в самом крайнем случае.

– Вот именно! Прошу вас припомнить, что на следующий день после дуэли господина де Ришелье де Барро находился в траншее рядом с вами.

– Совершенно верно. Как вы, очевидно, помните, черные мушкетеры всю неделю стояли бок о бок с легкими кавалеристами.

– Верно, но что из этого следует?

– Так вот, пули сыпались градом в тот вечер. Де Барро был в грустном настроении, он подошел к вам и попросил щепотку табаку. Вы протянули ему золотую табакерку.

– На ней была изображена женщина!..

– Совершенно верно. Она так и стоит у меня в глазах – блондинка, не так ли?

– Черт возьми! Так! – в растерянности проговорил барон. – А что было дальше?

– Дальше, – продолжал Бальзамо. – в то самое время, когда он нюхал табак, в него угодило ядро, оторвав ему голову, как в свое время господину Бервику.

– Увы, так оно и было! Бедный де Барро!

– Что ж, сударь, вы понимаете теперь, что я не только видел, но и знал вас во времена Филиппсбурга? – проговорил Бальзамо. – Я и был тем самым де Барро.

Старый барон отпрянул в страхе или скорее в изумлении. Это развеселило незнакомца.

– Вы, стало быть, колдун? – вскричал барон. – Лет сто назад вас бы сожгли на костре, дорогой мой гость. О Господи, кажется, здесь уже пахнет привидениями, висельниками, – пахнет жареным!

– Господин барон, – с улыбкой возразил Бальзамо, – настоящий колдун не может быть ни сожжен, ни повешен, зарубите это себе на носу! Только дураки попадают на костер или на виселицу. Однако не довольно ли на сегодня? Я вижу, мадмуазель де Таверне засыпает? Кажется, метафизические споры и оккультные науки почти не трогают ее.

Андре не могла дольше противостоять неизвестной ей дотоле силе: она медленно поводила головой, словно цветок, чашечка которого переполнилась росой.

Услышав последние слова Бальзамо, она попыталась прогнать овладевшее ею наваждение. Андре с силой трянула головой, поднялась и, покачиваясь, с помощью Николь вышла из столо-

вой.

Бальзамо внимательно следил за ней, за ее нетвердой поступью.

В ту же минуту исчезло лицо, все это время заглядывавшее через окно. Бальзамо успел узнать в нем Жильбера.

Спустя мгновение из комнаты Андре послышались громкие звуки клавесина.

После ухода Андре Бальзамо воскликнул, не скрывая торжества:

– Итак, теперь я могу повторить вслед за Архимедом: Eureka.

– Кто такой Архимед? – спросил барон.

– Один славный ученый, с которым я был знаком две тысячи сто пятьдесят лет тому назад, – отвечал Бальзамо.

Глава 7. ЭВРИКА!

То ли бахвальство на этот раз показалось чрезмерным барону, то ли он попросту не слышал слов Бальзамо, то ли, наконец, слышал, но не слишком рассердился, чтобы вышвырнуть из своего дома странного гостя. Он провожал взглядом Андре, пока за ней не затворилась дверь. Затем, когда звуки клавесина убедили его в том, что она в соседней комнате, барон предложил Бальзамо доставить его до ближайшего города.

– У меня скверная лошадь, для нее, вероятно, это будет последнее путешествие, но туда-то она вас довезет, и вы можете по крайней мере быть уверены, что найдете подходящее место для ночлега. Это не значит, что в Таверне не нашлось бы комнаты или кровати. Но я по-своему понимаю гостеприимстве. «Все или ничего» – вот мой девиз.

– Так вы меня гоните? – спросил Бальзамо, пытаясь скрыть в улыбке противоречивые чувства, охватившие его. – Стало быть, я вам надоел.

– Да нет, черт побери! Я к вам по-дружески расположен, мой дорогой. Оставить же вас здесь на ночлег означало бы, напротив, что я желаю вам зла. Я с величайшим сожалением говорю вам это, скорее для очистки совести. По правде говоря, вы мне очень нравитесь.

– Так если я вам нравлюсь, не тоните меня, я устал, и не заставляйте меня скакать на коне – вместо того чтобы вытянуться в постели. Не умаляйте своих возможностей, если, конечно, вы не хотите, чтобы я поверил, что вы плохо ко мне относитесь.

– О, если так, то вы остаетесь здесь!

Поискав взглядом Ла Бри, он заметил его в углу.

– Поди сюда, старый негодяй! – обратился он к нему. Ла Бри робко приблизился.

– Подойди ближе, черт тебя побери! Как ты думаешь, красная комната подойдет?

– Конечно, сударь, – отвечал старый слуга. – Ведь в ней живет господин Филипп, когда приезжает в Таверне.

– Может, она и годится для бедного лейтенанта, приезжающего на лето к нищему отцу, но совершенно не подходит богатому сеньору, который путешествует в карете, запряженной четверкой.

– Уверяю вас, сударь, – вмешался Бальзамо, – она мне подойдет.

Барон поморщился, словно хотел сказать: «Ну-ну, уж я-то знаю, чего она стоит».

Затем громко приказал:

– Приготовь господину красную комнату, раз уж он хочет навсегда избавиться от желания вернуться когда-нибудь в Таверне. Итак, вы хотите остаться?

– Разумеется!

– Погодите! Есть еще одно средство...

– О чем вы говорите?

– Вы ведь можете поехать не только верхом...

– Куда поехать?

– В Бар-ле-Дюк.

Бальзамо ждал, что последует за этим предложением.

– Вы ведь приехали на почтовых лошадях, не так ли?

– Несомненно, если только не сатана ими правил.
– Я сначала тоже так подумал. Мне показалось, вы с ним приятели.
– Слишком большая честь для меня.
– Так вот лошади, которые дотащили вашу карету сюда, могут ведь отвезти ее назад, верно?
– Вот тут вы ошибаетесь. Во-первых, от четверки у меня осталась только пара лошадей.
Кроме того, карета очень тяжелая, лошадям необходим отдых.
– Еще один довод... Решительно вы хотите здесь остаться!
– Я хотел бы сегодня остаться здесь, чтобы завтра снова встретиться с вами, чтобы выразить вам свою признательность.
– Это очень просто.
– Что вы имеете в виду?
– Раз вы водите дружбу с сатаной, попросите его помочь мне отыскать философский камень.
– Господин барон! Если он так вам нужен...
– Философский камень? Черт возьми, еще как нужен!
– В таком случае вам следует обратиться к другому лицу.
– Кто же это другое лицо!
– «Я», как сказал Корнель в, не помню точно, какой комедии, которую он читал мне..., погодите-ка..., да, ровно сто лет назад, когда мы с ним проезжали по Новому мосту в Париже.
– Ла Бри, старый мошенник! – закричал барон, почувствовав, что разговор начинает принимать нежелательный оборот в столь поздний час, да еще с таким собеседником. – Поищите свечу и проводите барона.

Ла Бри бросился исполнять приказание. Найти в доме свечу было почти так же трудно, как философский камень. Он позвал Николь и приказал ей подняться первой и проветрить красную комнату.

Николь оставила Андре одну, или скорее Андре была рада предлогу выпроводить камеристку: ей было необходимо остаться наедине со своими мыслями.

Барон пожелал Бальзамо спокойной ночи и пошел спать.

Бальзамо вынул часы, вспомнив об обещании, данном Альтотасу. Ученый проспал два с половиной часа вместо двух. Полчаса было потеряно. Бальзамо спросил у Ла Бри, стоит ли карета на прежнем месте.

Ла Бри отвечал, что она должна стоять там, если только ей не вздумалось уехать одной, без лошадей.

Бальзамо поспешил справиться о Жильбере.

Ла Бри уверял его, что бездельник Жильбер лег уже, по крайней мере с час назад.

Бальзамо вышел во двор, собираясь разбудить Альтотаса. Но прежде он выяснил, как пройти в красную комнату.. Господин де Таверне несколько не преувеличивал, говоря о бедности комнаты. Она не отличалась убранством от остальных комнат в замке.. Дубовая кровать была застлана покрывалом из потертой шелковой узорчатой ткани – того же зеленовато-золотистого оттенка, что и обивка стен. В комнате стоял дубовый стол на гнутых ножках. Большой камин эпохи Людовика XIII, которому пламя зимой придавало некоторую пышность», выглядел летом без огня тоскливо: не было ни подставки для дров, ни щипцов, не было и дров, зато был он забит старыми газетами. – Вот и вся обстановка комнаты, случайным обладателем которой оказался в эту ночь Бальзамо.

Добавим пару стульев и деревянный шкаф с продавленными стенками, выкрашенный в серый цвет.

Пока Ла Бри пытался навести в комнате порядок после того, как Николь проветрила ее и ушла к себе, Бальзамо разбудил Альтотаса и вернулся в дом.

Подойдя к гостиной, он остановился и прислушался. Когда Андре вышла из столовой, она заметила, что не испытывает на себе больше таинственного влияния путешественника.

Чтобы не думать больше о нем, она села за клавесин. Звуки и теперь доносились сквозь приотворенную дверь.

Бальзамо, как мы уже сказали, остановился перед этой дверью.

В течение некоторого времени он плавными медленными взмахами рук словно гипнотизиро-

вал Андре. Она стала испытывать уже знакомое волнение, постепенно игра ее смолкла, руки безжизненно повисли, и она медленно обернулась к двери, словно подчиняясь чужой воле, готовая исполнить любое приказание.

Бальзамо улыбнулся в полумраке, будто видел, что происходит за запертой дверью.

Очевидно, он именно этого добивался от Андре и догадался, что его воля исполнена. Протянув в темноте левую руку и ухватившись за перила, он стал подниматься по крутой массивной лестнице, – лестница привела его к красной комнате.

Пока он удалялся, Андре так же медленно отвернулась от двери и обратилась к клавесину. Остановившись на последней ступеньке лестницы, Бальзамо услышал первые аккорды мелодии, которую продолжала исполнять Андре.

Бальзамо вошел в красную комнату и отпустил Ла Бри.

Ла Бри был прекрасно вышколен и привык беспрекословно повиноваться. На сей же раз, двинувшись было к двери, он внезапно остановился на пороге.

– В чем дело? – спросил Бальзамо, Ла Бри не отвечал, опустив руку в карман куртки и пытаясь нащупать что-то на самом дне.

– Вы хотите что-нибудь сообщить мне, друг мой? – переспросил Бальзамо, подходя к нему.

Казалось, Ла Бри сделал над собою нечеловеческое усилие, чтобы вынуть руку из кармана.

– Я хотел сказать вам, сударь, что вы, должно быть, ошиблись нынче вечером, – пролепетал он.

– Я ошибся? – удивился Бальзаме. – В чем же, друг мой?

– Вы, верно, подумали, что подаете мне монету в двадцать четыре су, а вместо нее я нашел в кармане монету в двадцать четыре ливра!

Он разжал кулак: на ладони сверкнул новехонький луидор.

Бальзамо с восхищением посмотрел на старого слугу: нечасто приходилось ему встречать честного человека.

– «And honest», – повторил он вслед за Гамлетом.

Пошарив в кармане, он достал второй луидор и положил рядом с первым.

Не испытанная им еще радость охватила Ла Бри при виде подобной щедрости. Прошло уже почти двадцать лет, как он не видал золота.

Он смог поверить, что стал обладателем такого богатства, только после того, как Бальзамо взял у него монеты и сам опустил их ему в карман.

Ла Бри поклонился до земли и, пятась, двинулся к выходу. Бальзамо остановил его.

– Как обычно проходит утро в замке? – обратился он с вопросом к старому слуге.

– Господин де Таверне встает поздно, а мадмуазель Андре спозаранку на ногах.

– В котором часу?

– Около шести.

– Кто живет надо мной?

– Ваш покорный слуга, сударь.

– А внизу?

– Внизу никого нет, там вестибюль.

– Хорошо, благодарю вас, друг мой; можете идти.

– Покойной ночи, сударь!

– Прощайте! Кстати, позаботьтесь о том, чтобы моя карета была в безопасности.

– О, можете быть совершенно покойны!

– Если оттуда послышится какой-нибудь шум или вы заметите свет, не пугайтесь. Там живет мой старый немощный слуга, которого я повсюду вожу с собой. Передайте господину Жильберу, чтобы он не беспокоил его. Прошу вас также сказать ему, чтобы он не пропадал завтра утром до тех пор, пока я не переговорю с ним. Вы все запомнили, – Конечно, сударь. Вы, надеюсь, не собираетесь покинуть нас завтра так рано?

– Посмотрим, – с улыбкой отвечал Бальзамо. – Хорошо бы завтра к вечеру успеть добраться до Бар-ле-Дюка.

Ла Бри покорно вздохнул, в последний раз окинул взглядом постель и поднес свечу к ками-

ну, где вместо дров лежали старые газеты: он хотел хоть немного обогреть сырую просторную комнату.

Бальзамо остановил его.

– Нет, нет, – воскликнул он, – не трогайте газеты: если мне не удастся заснуть, я с удовольствием прочитаю их.

Ла Бри поклонился и вышел.

Бальзамо подошел к двери, слушая удалявшиеся шаги старого слуги, который поднимался по скрипучей лестнице. Вскоре шаги стали слышны над его головой: Ла Бри был у себя в комнате.

Бальзамо подошел к окну.

Напротив него в другом крыле флигеля светилось окно крошечной мансарды. Там жила Ле-ге. Сквозь неплотно задернутые шторы было видно, как девушка медленно расстегнула платье, развязала косынку. Она время от времени отворяла окно и свешивалась вниз, разглядывая двор.

Бальзамо внимательно изучал ее, так как не успел сделать этого за ужином.

– Поразительное сходство! – прошептал он. В это самое мгновение свет в мансарде погас, хотя было ясно, что камеристка еще не ложилась.

Бальзамо продолжал стоять, привалившись плечом к стене.

Звуки клавесина по-прежнему доносились из гостиной.

Путешественник прислушался, желая убедиться, что никакой другой шум не нарушает ночную тишину. Затем он распахнул дверь, которую уходя прикрыл Ла Бри, бесшумно спустился по лестнице, легонько толкнул дверь в гостиную, повернувшись без малейшего скрипа на изношенных петлях.

Андре ничего не слыхала.

Она опускала свои белые руки на пожелтевшие от старости клавиши слоновой кости. Перед ней висело старинное зеркало с инкрустациями в резной раме с облупившейся позолотой, закрашенной серой краской.

Девушка наигрывала грустную мелодию, вернее, брала аккорды, задумчиво импровизируя. Наверное, она пыталась в музыке выразить мечты, навеянные воображением. Возможно, соскучившись в Таверне, она мысленно устремлялась в бескрайние сады монастыря Аннонсиад в Нанси, где резвились беззаботные воспитанницы. Как бы там ни было, ее затуманенный взор блуждал в мутном зеркале, висевшем напротив, где отражались темные углы просторной гостиной, которую не могла осветить одна-единственная свеча, стоявшая на клавесине.

Иногда она внезапно останавливалась. В эти мгновения она вспоминала о странном появлении незнакомца, и ее охватывали неведомые дотоле ощущения. Раньше, чем она успевала припомнить какую-нибудь подробность вечера, сердце ее начинало отчаянно биться, и дрожь пробегала по всему телу. Несмотря на то, что она была совершенно одна, она трепетала так, словно кто-то прикасался к ней и этими прикосновениями тревожил ей сердце.

В тот самый миг, как она попыталась разобраться в непривычных для нее ощущениях, она испытала их с новой силой. Все ее существо содрогнулось, будто от удара. Она словно прозрела в это мгновение, ее мысль работала ясно и четко. В зеркале отразилось какое-то движение.

Дверь комнаты бесшумно распахнулась.

На пороге появилась чья-то тень.

Андре содрогнулась, уронив руки на клавиши.

Однако, казалось, в этом появлении не было ничего особенного.

Разве эта неясная тень, сливавшаяся с темнотой, не могла принадлежать де Таверне или Николь? Кроме того, Ла Бри имел обыкновение перед сном обходить все уголки замка и сейчас мог зайти за чем-нибудь к ней в гостиную. Это нередко случалось – скромный и верный слуга двигался обычно совершенно бесшумно.

Однако сердце подсказало девушке, что на сей раз вошел кто-то другой.

Человек приблизился к ней, не проронив ни слова, становясь постепенно все более различим в темноте. Когда он попал в круг света, отбрасываемого свечой, Андре узнала в нем незнакомца. Ее испугала бледность его лица, которую подчеркивал сюртук черного бархата.

Из каких-то, без сомнения, таинственных соображений он сменил на сюртук платье из шел-

ка, в котором он был прежде.

Она хотела обернуться, закричать.

Бальзамо простер руки: она не двинулась.

Девушка сделала над собой невероятное усилие.

– Сударь! – чуть слышно произнесла она. – Сударь!.. Именем Бога заклинаю вас: что вам угодно?

Бальзамо улыбнулся, его лицо отразилось в зеркале, и Андре так и впиалась в него взглядом, ловя каждое выражение его лица.

Он не отвечал.

Андре в другой раз попыталась подняться, но безуспешно: необоримая сила, нечто вроде приятной усталости, навалилась на нее. Взгляд ее по-прежнему был прикован к таинственному зеркалу.

Новое незнакомое ощущение было ей отчасти неприятно, потому что она чувствовала себя в полной власти этого человека, а он был ей мало знаком.

Она изо всех сил попыталась позвать на помощь: ее губы дрогнули, но Бальзамо простер руки над головой девушки, и ни один звук не вырвался из ее груди.

Андре оставалась безмолвной, грудь ее наполнилась диким ужасом, голова затуманилась...

Не проронив ни звука, она обессиленно склонила набок безвольную голову.

В это мгновение Бальзамо слышался едва различимый шум со стороны окна. Он с живостью повернулся и успел заметить отпрянувшее лицо мужчины.

Он нахмурился. То же выражение тотчас словно отразилось на лице Андре.

Обернувшись к ней, он опустил руки, которые все это время продолжал держать у нее над головой, поднял их, затем снова опустил и, посылая сильные флюиды, проговорил настойчиво:

– Усните!

Она попыталась сопротивляться этому наваждению.

– Усните! – повторил он властно. – Усните: я так хочу!

Ничто не могло бы устоять перед силой его воли. Андре положила руку на клавиши, уронила голову и крепко уснула.

Бальзамо попятился к двери, вышел, затворив ее за собой, и вскоре его шаги раздались на лестнице. Еще мгновение – и он был в своей комнате.

Как только дверь гостиной затворилась, за окном вновь мелькнуло отпрянувшее было лицо. Это был Жильбер.

Глава 8. ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА

Жильберу не полагалось в силу низкого происхождения присутствовать на ужине, поэтому он с жадностью следил весь вечер через окно за участниками трапезы, которым положение позволяло находиться в столовой замка Таверне. Он видел улыбавшегося и жестикулировавшего во время ужина Бальзамо. Он отметил внимание, которое оказывала ему Андре, неслыханную любезность барона, почтительную услужливость Ла Бри.

Позже, когда все встали из-за стола, он укрылся в зарослях сирени, опасаясь, как бы Николь, затворяя ставни иди возвращаясь к себе, не заметила его и не помешала ему в его расследовании или, вернее, в слежке.

Действительно, Николь обошла весь первый этаж, однако вынуждена была оставить одно окно гостиной отворенным, так как петли его наполовину отошли и ставни не затворялись.

Жильбер знал об этом обстоятельстве. Вот почему, он, как мы уже видели, не покидал своего поста, уверенный в том, что сможет продолжать наблюдения после ухода Леге.

Мы сказали, наблюдения – слово это может показаться читателю не вполне ясным. В самом деле, какими наблюдениями мог быть занят Жильбер? Разве он не знал всех уголков замка Таверне, где он вырос, разве не знал он всех черт характера его обитателей, наблюдая их ежедневно в течение семнадцати или восемнадцати лет?

Итак, в тот вечер у Жильбера были для наблюдений иные основания, – он не столько подка-

рауливал, сколько выжидал.

Когда Николь, оставив Андре одну, покинула гостиную, она небрежно и не торопясь приотворила все двери и ставни, прошла по первому этажу, будто ожидая кого-то встретить и бросая беглый взгляд по сторонам. Наконец, она решила уйти в свою комнату.

Жильбер стоял не шелохнувшись за деревом: он пригнулся, затаил дыхание, но не упустил ни одного движения Николь. Когда она скрылась и засветилось окно ее мансарды, он на цыпочках прошел по двору, подошел к окну и стал ждать, сам в точности не зная, чего, пожирая глазами Андре, небрежно сидевшую за клавесином.

Тут в гостиную вошел Бальзамо.

Увидев его, Жильбер вздрогнул и горящим взором стал следить за обоими участниками сцены, которую мы только что описали.

Ему казалось, что Бальзамо хвалил игру Андре, а она отвечала со свойственной ей холодностью. Он настойчиво улыбался, а она перестала играть, чтобы спроводить гостя.

Жильбер восхитился изяществом, с которым тот удалился.

Он думал, что все уловил, хотя в действительности не понял ничего из того, что между ними произошло: смысл этой сцены был в том, что она происходила в полном безмолвии.

Жильбер ничего не мог слышать, он лишь видел, как шевелились губы и взмахивали руки. Даже будучи очень наблюдательным, он не мог заподозрить тайну, потому что внешне все выглядело вполне естественно.

Когда Бальзамо удалился, Жильбер из наблюдателя обратился в воздыхателя, он восхищался пленительной небрежностью позы, которую приняла Андре. Вдруг он с удивлением заметил, что она спит. Некоторое время он не двигался, желая убедиться в том, что она в самом деле заснула. Когда же у него не осталось в этом никаких сомнений, он выпрямился и обхватил голову руками, будто опасаясь, как бы она не лопнула от переполнявших ее мыслей. Он собрал всю свою волю и воскликнул в испуге:

– О, как бы мне хотелось коснуться губами ее руки! Да! Я, Жильбер, этого хочу!..

Проговорив эти слова и будто подчиняясь внутреннему голосу, он устремился через переднюю к двери, ведущей в гостиную, – дверь так же бесшумно распахнулась перед ним, как несколько ранее перед Бальзамо.

Едва дверь распахнулась и ничто больше не препятствовало ему, чтобы подойти к девушке, он понял всю важность того, что задумал: он, Жильбер, сын управляющего и крестьянки, тихий, почтительный, едва осмеливавшийся робко взглядывать из темного угла на гордую и снисходительную госпожу, вознамерился припасть к краю ее платья или коснуться губами пальчиков спящей богини, которая, пробудившись, могла бы одним своим взглядом обратить его в пепел. Туман опьянения от грез рассеялся при этой мысли, в голове прояснело, и он опомнился. Он застыл, ухватившись за дверной косяк; колени у него задрожали, он едва держался на ногах.

Однако задумчивость или сон Андре были столь глубоки, что Жильбер так и не понял, спит она или грезит: она сидела совершенно неподвижно. Сердце Жильбера трепетало в груди, он безуспешно пытался унять волнение, он задышался.

Андре по-прежнему не шевелилась. Она была так хороша в этот миг! Она сидела, грациозно опершись на руку. Длинные волосы свободно ниспадали, рассыпавшись по плечам. Утихнувшая было под влиянием страха, но не угаснувшая страсть Жильбера вспыхнула с новой силой. Голова его закружилась, он словно опьянел от безумной любви. Он испытывал всепожирающую потребность дотронуться до Андре. Он снова шагнул к ней.

Половица скрипнула под его нетвердой ногой: капли ледяного пота выступили у него на лбу. Однако Андре ничего не слыхала.

– Она спит, – прошептал Жильбер. – Какое счастье, что она спит!

Не пройдя и трех шагов, он опять остановился, испугавшись того, как необычно засветилась лампа, готовая по гаснуть и отбрасывавшая последние яркие отблески перед наступлением полной темноты.

Дом безмолвствовал: не доносилось ни единого звука, ни единого вздоха. Старик Ла Бри лег и, должно быть, уже заснул. Света в окне Николь тоже не было.

– Скорее! – прошептал он и снова двинулся вперед.

Его поразило, что когда вновь скрипнул паркет под его ногой, Андре опять не пошевелилась. Жильберу показалось это очень странным, он ужаснулся.

– Она спит, – проговорил он, словно приучая себя к этой мысли, которая уже раз двадцать то покидала его, то возвращалась, как это бывает с нерешительными любовниками или трусами. А трусу не дано владеть своим сердцем!

– Она спит! Боже мой!

Терзаемый страхом и надеждой, Жильбер продолжал подходить к Андре и наконец оказался в двух шагах от нее. Дальше все происходило как во сне: если бы он захотел убежать, это было бы невозможно; оказавшись в поле притяжения, центром которого была Андре, он почувствовал, что связан по рукам и ногам, сражен – он упал на колени.

Андре по-прежнему оставалась без движения, не проронив ни звука; можно было подумать, что она обратилась в статую, Жильбер поднес к губам край ее платья.

Затем медленно, затаив дыхание, поднял голову, ловя глазами ее взгляд.

Глаза Андре были широко раскрыты, однако она ничего не видела.

Жильбер не знал, что и думать, он был раздавлен. На миг ему показалось, что она мертва. Чтобы убедиться в этом, он осмелился взять ее за руку: она была теплой, едва заметно пульсировала жилка. Но рука Андре неподвижно лежала в руке Жильбера. Испытывая сладострастное чувство от прикосновения к руке Андре, Жильбер вообразил, что она все видит, чувствует и догадывается о его безумной любви. Несчастный юноша, ослепленный любовью, поверил, что она ждала его, что ее молчание – не что иное, как одобрение, а ее неподвижность скрывает благосклонность.

Он поднес руку Андре к губам и жадно припал к ней.

Андре вздрогнула, и Жильбер почувствовал, что она отталкивает его.

– Я погиб! – пролепетал он, выпуская руку девушки. Он упал на колени и коснулся лбом пола.

Андре стремительно поднялась, словно подброшенная Пружиной, даже не взглянув на поверженного Жильбера. Он был настолько раздавлен стыдом и ужасом, что не стал вымаливать прощения, на которое, впрочем, не мог и рассчитывать.

Казалось, таинственная сила увлекает Андре к неведомой цели. Вытянув шею и высоко подняв голову, она, коснувшись плечом Жильбера, прошла мимо и направилась нетвердой походкой к выходу.

Видя, что она удаляется, Жильбер приподнялся на локте, робко обернулся и стал провожать ее изумленным взглядом. Андре приблизилась к двери, открыла ее, прошла переднюю и подошла к лестнице.

Бледный трясущийся Жильбер пополз за ней на коленях.

«Она так возмущена – подумал он, – что не удостоила меня даже гнева; она, наверное, отправилась к барону, чтоб рассказать о моем постыдном безумии, и он вышвырнет меня, как лакея!»

Все поплыло у него в глазах при мысли, что его выгонят из Таверне, что он не увидит больше той, которая была для него светом, жизнью, душой! Отчаяние придало ему смелости: он поднялся на ноги и бросился к Андре:

– Простите меня, мадмуазель, именем всего святого, простите! – пролепетал он.

Ему показалось, что она не слыхала его. Она прошла мимо двери, которая вела в комнату ее отца.

Жильбер облегченно вздохнул.

Андре поставила ногу на первую ступеньку лестницы, затем поднялась на вторую.

– Боже, Боже! – прошептал Жильбер. – Куда же она идет? Лестница ведет в красную комнату, где поселили незнакомца, и в мансарду Ла Бри. А вдруг она позовет его, позвонит в колокольчик? Так она собирается пойти к нему?.. Это невозможно!

Жильбер в ярости сжал кулаки при мысли, что Андре могла пойти к Бальзаме.

Она остановилась у двери незнакомца. Холодный пот выступил у Жильбера на лбу. Он уцепился за перила лестницы, чтобы не свалиться, так как все время следовал за Андре. Все, чему он

явился свидетелем, о чем догадывался, представлялось ему чудовищным.

Дверь Бальзамо была приотворена. Андре толкнула ее и без стука шагнула в комнату. Ее благородные чистые черты осветились на мгновение, а в широко раскрытых глазах запрыгали золотистые отблески от лампы.

Жильберу удалось угледеть незнакомца, стоявшего посреди комнаты: он смотрел не мигая, нахмутив лоб, и повелительным жестом протягивал руку.

Дверь захлопнулась.

Жильбер почувствовал, что силы его оставляют. Одной рукой он выпустил перила, другой коснулся пылавшего лба. Он покатился подобно колесу, соскочившему с оси, и рухнул на нижние ступеньки, растянувшись на холодных плитах. Взгляд его все еще устремлялся к проклятой двери, поглотившей мечту прошлого, счастье настоящего и надежду будущего.

Глава 9. ЯСНОВИДЯЩАЯ

Бальзамо пошел навстречу девушке, вошедшей к нему уверенной поступью командора.

Ее появление могло показаться странным, однако оно ничуть не удивило Бальзамо.

– Я приказал вам уснуть, – обратился он к ней. – Вы спите?

Андре вздохнула и ничего не ответила. Бальзамо подошел к девушке, подчиняя себе ее волю.

– Ответьте мне, – сказал он. Девушка вздрогнула.

– Вы слышите меня? – спросил незнакомец. Андре кивнула.

– Отчего же вы молчите?

Андре поднесла руку к горлу, словно давая понять, что не может говорить.

– Ну хорошо! Садитесь вот сюда, – приказал Бальзамо.

Он взял ее за ту руку, которую недавно целовал Жильбер. На этот раз от одного прикосновения Андре испытала сильнейшее потрясение, свидетелями которого мы с вами уже были, когда приказ был послан ей сверху ее повелителем.

Под властным взглядом Бальзамо она отступила шага на три и упала в кресло.

– Скажите, – обратился он к ней, – вы что-нибудь видите?

Глаза Андре округлились, словно она пыталась охватить взглядом все пространство комнаты, освещенное яркими отблесками двух свечей.

– Я не прошу вас увидеть глазами, – продолжал Бальзамо, – посмотрите внутренним взором.

Выхватив из-под вышитой куртки стальную палочку, он коснулся ею трепетавшей груди Андре.

Она подскочила, будто огненное жало пронзило ее и прошло до самого сердца. Глаза у нее закрылись.

– Прекрасно! – воскликнул Бальзаме. – Вы прозрели, не так ли?

Она кивнула.

– Вы будете говорить?

– Да, – отвечала Андре.

Она поднесла руку ко лбу с выражением нечеловеческого страдания.

– Что с вами? – спросил Бальзаме.

– О, мне так больно!

– Почему больно?

– Потому что вы заставляете меня видеть и говорить. Бальзамо два-три раза взмахнул руками над ее головой и тем словно ослабил слишком сильное для нее воздействие гипноза.

– Вам все еще больно? – спросил он.

– Сейчас легче, – отвечала девушка, – Хорошо. Теперь скажите мне, где вы находитесь. Глаза Андре по-прежнему оставались закрытыми. Она нахмурилась, лицо выразило сильнейшее удивление.

– Я в красной комнате, – пробормотала она.

– Кто с вами рядом?

– Вы! – вздрогнув, проговорила она.

- Что вы сейчас испытываете?
- Мне страшно! Мне стыдно!
- Отчего же? Разве нас не связывает взаимная симпатия?
- Напротив.
- Разве вам не известно, что я мог заставить вас сюда прийти из самых чистых побуждений?
- Известно.

Лицо ее просветлело, затем снова затуманилось.

- Вы недостаточно откровенны со мной, – продолжал Бальзамо. – Не можете меня простить?
- Я вижу, что вы не хотите мне зла, однако готовы причинить страдания кому-то еще.
- Вполне возможно, – прошептал Бальзамо. – Это не должно вас беспокоить, – проговорил он жестко. Лицо Андре разгладилось.

- Все ли в доме спят?
- Не знаю, – отвечала она.
- Так взгляните!
- Куда я должна смотреть?
- Начнем с вашего батюшки. Где он сейчас?
- В своей комнате.
- Чем занимается?
- Он лег.
- Спит?
- Нет, читает.
- Что именно?
- Одну из тех дурных книг, которые он и меня пытается заставить читать.
- А вы их не читаете? – Нет, – проговорила она.
- Ну хорошо. С этой стороны все спокойно. Теперь посмотрите, что делает в своей комнате

Николь.

- У нее нет света.
- Разве вам нужен свет?
- Нет, если вы прикажете видеть в темноте.
- Да, я вам это приказываю!
- Я ее вижу.
- Что она делает?
- Она не одета... Осторожно толкнула дверь своей комнаты... Спускается по лестнице.
- Так... Куда она направляется?
- Стоит у входной двери. По-видимому, кого-то подкарауливает...

Бальзамо усмехнулся:

- Не вас ли она поджидает?
- Нет.
- Это главное. Когда за девушкой не шпионят ни отец, ни камеристка, ей нечего опасаться, если только...

- Нет, – перебила она Бальзамо.
- Вы читаете мои мысли?
- Да.
- Так вы ни в кого не влюблены?
- Я? – высокомерно спросила она.

– Отчего же нет? Разве вы не можете быть влюблены? Из монастыря выходят не для того, чтобы жить в заточении: вы должны быть свободны душой и телом.

Андре покачала головой.

– Мое сердце свободно, – с грустью ответила она. Душевная чистота и непорочность осветили изнутри ее лицо. Бальзамо восторженно прошептал:

– Как вы прекрасны, дорогая ясновидящая! Он прижал руки к груди в немой молитве, затем обратился к Андре:

- Однако если не любите вы, это вовсе не означает, что никто не любит вас, не так ли?
- Не знаю, – мягко возразила она.
- Как не знаете? – строго спросил Бальзамо. – Узнайте! Когда я спрашиваю, надо отвечать!
- Он в другой раз прикоснулся стальной палочкой к ее груди.
- Девушка вздрогнула, но не так сильно, как в первый раз.
- Да, теперь я вижу... Сжальтесь надо мной, вы меня погубите...
- Что вы видите? – спросил Бальзамо.
- Это невероятно! – воскликнула Андре.
- Что там такое?
- Я вижу молодого человека, который следит за мной, не сводит с меня глаз с тех пор, как я вернулась из монастыря.
- Кто этот юноша?
- Лица не видно; судя по одежде, он простолюдин.
- Где он сейчас?
- Внизу у лестницы. Он страдает..., плачет!
- Почему же вы не видите его лица?
- Он закрыл лицо руками.
- Смотрите сквозь ладони! Андре сделала над собой усилие.
- Жильбер! – вскрикнула она. – Я же говорила, что это невозможно!
- Отчего же невозможно?
- Он не посмеет в меня влюбиться, – отвечала она в высшей степени презрительно.
- Бальзамо усмехнулся: он хорошо знал людей и понимал, что для любви нет преград.
- Что он делает на лестнице? – продолжал он.
- Сейчас, сейчас... Он поднял голову... Схватился за перила... Встал... Поднимается по лестнице!
- Куда он направляется?
- Сюда... Но это ничего, он не осмелится войти.
- Почему?
- Боится! – презрительно усмехнувшись, отвечала Андре.
- Он собирается подслушивать?
- Да, он уже прижался ухом к двери... Он нас подслушивает!
- Вас это смущает?
- Да, потому что он может услышать, о чем мы говорим.
- Он из тех, кто может этим воспользоваться даже во вред той, которую любит?
- Да, забывшись в гневе или в порыве ревности... В такие минуты он способен на все!
- В таком случае давайте от него избавимся! – предложил Бальзамо.
- Он решительно направился к двери, громко топая. Очевидно, Жильбер еще был не готов к атаке: услышав шаги Бальзамо и опасаясь быть застигнутым врасплох, он бросился к перилам и торопливо съехал вниз.
- Андре в ужасе вскрикнула.
- Не смотрите туда, – подходя к Андре, приказал Бальзамо. – Расскажите лучше о бароне де Таверне.
- Как вам будет угодно, – вздохнув, отвечала Андре.
- Он в самом деле беден?
- Очень!
- Настолько беден, что не способен предоставить вам никаких развлечений?
- Да.
- Так вы здесь скучаете?
- Смертельно!
- Быть может, вы тщеславны?
- Нисколько.
- Вы любите своего отца?

– Да... – поколебавшись, ответила она.

– Вчера мне показалось, что есть нечто, омрачающее вашу любовь к отцу, – продолжал с усмешкой Бальзамо.

– Я не могу ему простить, что он пустил по ветру состояние моей матери. Теперь Мезон-Руж прозябает в гарнизоне и не может с достоинством носить имя своей семьи.

– Кто это Мезон-Руж?

– Мой брат Филипп.

– Почему вы зовете его Мезон-Ружем?

– Так называется, вернее, когда-то называлось наше имение. Старший сын носил имя Мезон-Руж вплоть до кончины своего отца, потом присоединил имя Таверне.

– Вы любите брата?

– Очень.

– Больше всех?

– Больше всех на свете!

– А как объяснить, что вы так горячо любите своего брата, а отца только терпите?

– У брата благородное сердце, он жизнь готов за меня отдать!

– А отец? Андре потупилась.

– Почему вы молчите?

– Не хочу отвечать.

Бальзамо и не собирался принуждать ее к ответу. Вероятно, он и так уже знал о бароне все, что хотел.

– Где сейчас шевадье де Мезон-Руж?

– Вы спрашиваете у меня, где Филипп?

– Да.

– В своем гарнизоне в Страсбурге.

– Вы его видите?

– Где?

– В Страсбурге.

– Не вижу.

– Вы хорошо знаете Страсбург?

– Нет.

– Зато я знаю. Давайте поищем вместе, вы ничего не имеете против?

– С удовольствием!

– Он в театре?

– Нет.

– Нет ли его в кафе Ла-Пласс среди офицеров?

– Нет.

– Может быть, он в своей комнате? Взгляните туда, где он живет.

– Я ничего не вижу! Мне кажется, его нет в Страсбурге.

– Вам знакома дорога?

– Нет.

– Неважно, я знаю ее хорошо. Давайте проследим его возможный путь. Нет ли его в Саверне?

– Нет.

– Может, он в Саарбрюкке?

– Нет.

– А в Нанси?

– Погодите-ка!

Девушка попыталась сосредоточиться; сердце ее отчаянно билось.

– Вижу, вижу! – обрадовалась она. – Филипп, дорогой! Какое счастье!

– Что такое?

– Дорогой Филипп! – сияя, повторяла Андре.

- Где он?
- Он проезжает город, который хорошо мне знаком.
- Какой же это город?
- Нанси! Нанси! Там мой монастырь.
- Вы уверены, что это ваш брат?
- Да, конечно: его лицо хорошо видно при свете факелов.
- Каких факелов? – удивился Бальзамо. – Откуда там факелы?
- Он едет верхом, сопровождая чудесную золоченую карету!
- Ага! – удовлетворенно воскликнул Бальзамо. – Кто в карете?
- Молодая дама... О, как она величественна! Как грациозна! Боже, до чего хороша! Странно: мне кажется, я ее где-то видела... Нет, нет, просто у нее есть что-то общее с Николь.
- Николь похожа на эту даму – столь гордую, величественную, красивую?
- Да, но только отчасти – как жасмин похож на лилию – Так... Что сейчас происходит в Нанси?
- Молодая дама выглянула из кареты и знаком приказала Филиппу приблизиться... Он по-виновался... Вот он подъехал, почтительно склонился.
- Вы слышите, о чем они говорят?
- Сейчас, сейчас! – Андре жестом остановила Бальзамо, словно умоляя его замолчать и не мешать ей.
- Я слышу! – прошептала она.
- Что говорит молодая дама?
- С нежной улыбкой на устах приказывает прищипорить коней. Говорит, что эскорт должен быть готов завтра к шести утра, так как днем она хотела бы сделать остановку.
- Где?
- Об этом как раз спрашивает мой брат... О Господи!
- Она собирается остановиться в Таверне! Хочет познакомиться с моим отцом... Столь знатная особа остановится в нашем убогом доме?.. Что же нам делать? Нет ни столового серебра, ни белья...
- Успокойтесь! Я об этом позабочусь!
- Да что вы...
- Привстав, девушка снова в изнеможении рухнула в кресло, тяжело дыша.
- Бальзамо бросился к ней и, несколько раз взмахнув руками, заставил ее крепко уснуть. Она уронила прелестную головку на бурно вздымавшуюся грудь.
- Вскоре она успокоилась.
- Наберись сил, – проговорил Бальзамо, пожирая ее восторженным взглядом. – Мне еще понадобится твое ясновидение. О знание! – продолжал он в сильнейшем возбуждении. – Ты одно никогда не подведешь! Человек всем готов жертвовать ради тебя! Господи, до чего хороша эта женщина! Она – ангел чистоты! И ты знаешь об этом, потому что именно ты способен создавать и женщин, и ангелов. Но что значит для тебя красота? Чего стоит невинность? Что могут мне дать красота и невинность сами по себе? Да пусть умрет эта женщина, столь чистая и такая прекрасная, лишь бы уста ее продолжали вещать! Пусть исчезнут все наслаждения бытия: любовь, страсть, восторг, лишь бы я мог продолжать свой путь к знанию! А теперь, моя дорогая, благодаря силе моей воли несколько минут сна восстановили твои силы так, словно ты спала двадцать лет! Проснись! Точнее, вернись к своему ясновидению. Мне еще кое-что нужно от тебя узнать.
- Простерев руки над Андре, он приказал ей пробудиться.
- Видя, что она покорно ждет его приказаний, он достал из бумажника сложенный вчетверо лист бумаги, в котором была завернута прядь иссиня-черных волос. Аромат исходивший от волос, пропитал бумагу настолько, что она стала полупрозрачной.
- Бальзамо вложил прядь в руку Андре.
- Смотрите! – приказал он.
- О, опять эти мучения! – в тревоге воскликнула девушка. – Нет, нет, оставьте меня в покое, мне больно! О Боже! Мне было так хорошо!..

– Смотрите! – властно повторил Бальзамо и безжалостно прикоснулся стальной палочкой к ее груди.

Андре заломила руки: она пыталась освободиться из-под власти экспериментатора.

На губах ее выступила пена, словно у древнегреческой пифии, сидевшей на священном треножнике.

– О, я вижу, вижу! – вскричала она с обреченностью жертвы.

– Что именно?

– Даму!

– Ага! – злорадно пробормотал Бальзамо. – Выходит, знание далеко не так бесполезно, как например, добродетель! Месмер победил Брутуса... Ну так опишите мне эту женщину, дабы убедить меня в том, что вы правильно смотрите.

– Черноволосая, смуглая, высокая, голубоглазая, у нее удивительные нервные руки...

– Что она делает?

– Она скачет..., нет – парит на взмыленном жеребце.

– Куда она направляется?

– Туда, туда, – махнула девушка рукой, указывая на запад.

– Она скачет по дороге?

– Да.

– Это дорога на Шалон?

– Да.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Бальзамо. – Она скачет по дороге, по которой отправлюсь и я; она направляется в Париж – я тоже туда собираюсь: я найду ее в Париже. Можете отдохнуть, – сказал он Андре, забирая у нее прядь волос, которую она до тех пор сжимала в руке.

Руки Андре безвольно повисли вдоль тела.

– А теперь, – обратился к ней Бальзамо, – ступайте к клавишину!

Андре шагнула к двери. Ноги у нее подкашивались от усталости, отказываясь идти. Она пошатнулась.

– Наберитесь сил и идите! – приказал Бальзамо. Бедняжка напоминала породистого скакуна, который из последних сил пытается исполнить волю, даже невыполнимую, безжалостного наездника.

Она двинулась вперед с закрытыми глазами. Бальзамо распахнул дверь, Андре стала медленно спускаться по лестнице.

Глава 10. НИКОЛЬ ЛЕГЕ

То время, когда Бальзамо допрашивал Андре, Жильбер провел в невыразимой тоске.

Он забился под лестницу, не осмеливаясь подняться к двери красной комнаты, чтобы подслушать, о чем там говорили. В конце концов он пришел в такое отчаяние, которое могло бы привести человека с его характером к вспышке.

Его отчаяние усугублялось от сознания бессилия и приниженности. Бальзамо был для него обыкновенным человеком; Жильбер – великий мыслитель, деревенский философ – не верил в чародеев. Но он признавал, что человек этот силен, а сам Жильбер – слаб; человек этот был храбр, а Жильбер пока – не очень... Раз двадцать Жильбер поднимался с намерением, если представится случай, оказать Бальзамо сопротивление. Раз двадцать ноги его подгибались, и он падал на колени.

Ему пришла в голову мысль пойти за приставной лестницей Ла Бри. Старик, который был в доме и поваром, и лакеем, и садовником, пользовался этой лестницей, когда подвязывал кусты жасмина и жимолости. Вскрабавшись по ней, Жильбер не пропустил бы ни единого из уличавших Андре в грехе звуков, которые Жильбер так страстно желал услышать.

Он бросился через переднюю во двор и подбежал к тому месту, где под стеной, как ему было известно, хранилась лестница. Едва он за ней наклонился, как ему почудился шелест со стороны дома. Он обернулся.

Вглядевшись в темноту, он заметил, как в черном проеме входной двери мелькнул кто-то, похожий на привидение.

Он бросил лестницу и побежал к замку. Сердце его готово было выскочить из груди.

Впечатлительные натуры, богатые и пылкие, бывают обычно суеверны: они охотнее допускают выдумку, чем доверяют рассудку; они считают естество слишком заурядным и позволяют своим предчувствиям увлечь себя невозможному или по крайней мере идеальному. Вот почему они могут потерять от страха голову в прекрасном ночном лесу: в темных кронах им чудятся призраки и духи. Древние, среди которых было немало великих поэтов, грезили всем этим среди бела дня. А яркое солнце изгоняло саму мысль о злых духах и привидениях: поэты выдумывали смеющихся дриад и беззаботных нимф.

Жильбер вырос под хмурым небом, в стране мрачных мыслителей. Вот почему ему померещилось привидение. На сей раз, несмотря на то, что он не верил в Бога, Жильбер вспомнил о том, что ему сказала перед своим бегством подруга Бальзамо. Разве чародей не мог бы вызвать призрака, если он оказался способен совратить девушку ангельской чистоты?

Однако Жильбер руководствовался обычно не первым движением души, а, что было значительно хуже, разумом. Он призвал на помощь доводы великих философов, чтобы одолеть призраков. Статья «Привидение» из «Философского словаря» отчасти помогла ему: он испугался еще больше, зато страх его стал более мотивированным.

Если он в самом деле кого-то видел, это должно быть живое существо, которое хотело, вероятно, кого-то подстеречь.

Страх подсказывал ему, что это скорее всего господин де Таверне, однако рассудок называл другое имя.

Он бросил взгляд на второй этаж флигеля: Как уже известно читателю, света в комнате Николь не было.

Ни вдоха, ни единого шороха, ни огонька не было во всем доме, не считая комнаты незнакомца. Он смотрел во все глаза, прислушивался, но, ничего не заметив, опять взялся за лестницу. Он был убежден, что ему померещилось, потому что сердце его сильно билось и глаза застилало пеленой. Жильбер решил, что видение – не более, чем обман зрения.

Он приставил лестницу и занес было ногу на первую ступеньку, как вдруг дверь Бальзамо распахнулась и сейчас же снова захлопнулась. Выйдя от Бальзамо, Андре стала спускаться совершенно бесшумно в полной темноте, словно сверхъестественная сила руководила ею и поддерживала ее.

Андре спустилась на нижнюю площадку, прошла рядом с Жильбером, задев его в темноте своим платьем, и пошла дальше.

Молодой человек подумал, что все неожиданности этой ночи уже позади, барон де Таверне спал, Ла Бри тоже был в постели, Николь – в другом флигеле, а дверь Бальзамо была уже заперта.; Сделав над собой усилие, он пошел следом за Андре, принаравливаясь к ее шагу.

Пройдя переднюю, Андре вошла в гостиную. Жильбер с истерзанным сердцем следовал за ней. Хотя! Андре оставила дверь отворенной, он остановился на пороге, Андре направилась к клавишину, на котором все еще горела свеча.

Жильбер готов был от отчаяния расцарапать себе грудь: на этом самом месте всего полчаса назад он припадал к платью и руке этой женщины, даже не вызвав ее гнева. Вот о чем он мог тогда мечтать и как был счастлив!.. Теперь ему стало понятно, что снисходительность девушки объяснялась ее испорченностью, о которой Жильбер знал из романов, составлявших основную часть библиотеки барона. Распушенность Андре могла объясняться также обманом чувств, о чем ему было известно из трудов по физиологии.

– Ну что ж, – пробормотал он, перескакивая с одной мысли на другую, – если дело обстоит именно так, я вслед за остальными смогу попользоваться ее распушенностью либо извлечь выгоду из ее ослепления. Ангел пускает по ветру свои белые одежды, так почему бы мне не урвать немножко ее целомудрия?

Приняв такое решение, Жильбер устремился в гостиную. Однако едва он занес ногу над порогом, как почувствовал, что чья-то рука, словно вынырнув из темноты, крепко ухватила его за

плечо.

Жильбер в ужасе повернул голову, сердце екнуло у него в груди.

– А, попался, голубчик! – прошипел ему на ухо сердитый голос. – Попробуй теперь сказать, что не бегаешь к ней на свидания, попробуй только сказать, что не любишь ее...

У Жильбера не было сил пошевелить рукой, чтобы высвободиться.

Однако его держали не настолько крепко, чтобы он не мог вырваться. Его зажала, словно в тисках, девичья рука. Это была Николь Леге.

– Что вам от меня нужно? – нетерпеливо прошептал он.

– А, ты, может, хочешь, чтоб всем было слышно? – громко заговорила она.

– Нет, нет, напротив, – процедил Жильбер сквозь зубы. – Я хочу, чтобы ты немедленно замолчала, – сказал он, увлекая Николь в переднюю.

– Ну что ж, ступай за мной.

Жильберу этого только и было нужно: следуя за Николь, он удалялся от Андре.

– Хорошо, идемте, – проговорил он. Он пошел за ней следом. Она вышла во двор, хлопнув дверью.

– А как же госпожа? – спросил он. – Она, верно, будет вас звать, чтобы вы помогли ей раздеться, когда она пойдет к себе в комнату? А вас не будет на месте...

– Вы ошибаетесь, если думаете, что меня сейчас, это волнует. Что мне до того, будет она меня звать или нет? Я должна с вами поговорить.

– Мы могли бы, Николь, отложить этот разговор до завтра: вы не хуже меня знаете, что госпожа может рассердиться...

– Пусть только попробует показать свою строгость, особенно мне!

– Николь! Я вам обещаю, что завтра...

– Он обещает!.. Знаю я твои обещания, так я тебе и поверила! Не ты ли обещал ждать меня сегодня в шесть около Мезон-Ружа? И где ты был в это время, а? Совсем в другой стороне, потому что именно ты привел в дом незнакомца. Я твоим обещаниям теперь так же верю, как священнику монастыря Аннонсиад: он давал клятву соя хранить тайну исповеди, а сам бежал докладывать о наших грехах настоятельнице.

– Николь! Подумайте о том, что вас прогонят, если заметят...

– А вас не прогонят, поклонник госпожи? Уж барон если вспылит...

– У него нет никаких оснований для того, чтобы меня прогнать, – пытался возражать Жильбер.

– Ах вот как? Он что же, сам поручил вам ухаживать за своей дочерью? Неужели он до такой степени философ?

Жильбер мог бы сейчас же доказать Николь, что если Жильбер и виноват в том, что был в доме в столь поздний час, то уж Андре-то ни при чем. Ему стоило лишь пересказать то, чему он явился свидетелем. Конечно, это могло показаться невероятным. Но благодаря тому, что женщины обычно друг о друге бывают прекрасного мнения, Николь, несомненно, поверила бы ему. Он уже приготовился к возражению, но тут другое, более серьезное соображение, чем ревность Николь, остановило его. Тайна Андре была из тех, что бывают выгодны мужчине, независимо от того, захочет он за свое молчание любви или чего-нибудь более осязаемого.

Жильбер жаждал любви. Он сообразил, что гнев Николь – ничто по сравнению с его желанием обладать Андре. Выбор был сделан: умолчать о необычном приключении той ночи.

– Раз вы настаиваете, давайте объяснимся, – предложил он.

– О, это много времени не займет! – вскричала Николь. Она была по своему характеру полной противоположностью Жильбера и совсем не умела владеть своими чувствами. – Ты прав, здесь неудобно разговаривать, идем ко мне.

– В вашу комнату? – испугался Жильбер. – Это невозможно!

– Почему?

– Нас могут застать вдвоем.

– Пойдем же! – презрительно усмехнувшись, проговорила она. – Кто нас может застать? Госпожа? В самом деле, как она может не ревновать такого красавца! Тем хуже для нее: я не бо-

юсь тех, чья тайна мне известна. Ах, мадмуазель Андре ревнует Николь! Я не смею и мечтать о такой чести!

Ее принужденный громкий смех заставил его вздрогнуть сильнее, чем если бы услышал брань или угрозу.

– Я боюсь не госпожи, Николь, я опасюсь за вас, – Да, правда, вы ведь любите повторять, что там, где нет скандала, нет и греха. Философы иногда бывают похожи на иезуитов: вот священник из Аннонсиад тоже так говорил, он мне это сказал раньше вас. Так вы потому и бегаєте к госпоже на свидания по ночам? Ладно, ладно, довольно болтать, пойдем ко мне!

– Николь! – проговорил Жильбер, скрипнув зубами.

– Ну что?

– Замолчи!

Он сделал угрожающий жест.

– Да я не боюсь! Вы меня однажды уже побили, правда, тогда из ревности. Да, тогда вы меня любили... Это было неделю спустя после нашей первой ночи любви. Тогда я вам позволила поднять на себя руку. Теперь этому не бывать! Ведь вы не любите меня, теперь я вас ревную.

– Что же ты собираешься делать? – спросил Жильбер, схватив ее за руку.

– Я сейчас так заору, что госпожа прибежит и спросит вас, по какому праву вы собираетесь отдать Николь то, что должны теперь только ей. Пустите меня, честью вас прошу.

Жильбер выпустил руку Николь.

Подняв лестницу, он осторожно подтащил ее к флигелю и приставил к окну Николь.

– Вот что значит судьба! – проговорила Николь. – Лестница, предназначенная, верно, для того чтобы влезть в комнату к госпоже, пригодится вам, чтоб выбраться из мансарды Николь Леге. Какая честь для меня!

Николь чувствовала себя победительницей, она спешила отпраздновать победу, подобно женщинам, которые, не обладая действительным превосходством, всегда дорого платят за первую победу после того, как поспешили объявить о ней во всеуслышанье.

Жильбер почувствовал, что попал в глупейшую историю: идя за девушкой, он собирался с силами в ожидании неминуемой схватки.

Будучи по природе осмотрительным, он удостоверился в следующем.

Во-первых, проходя под окнами дома, он убедился, что мадмуазель де Таверне продолжала сидеть в гостиной.

Во-вторых, придя к Николь, он отметил, что можно не без риска сломать себе шею дотянуться до первого этажа, а оттуда спрыгнуть на землю.

Комната Николь была столь же скромной, как и другие.

Она была расположена под самой крышей. Стена мансарды была оклеена зеленовато-серыми обоями. Складная кровать да большой горшок с геранью возле слухового окна – вот и все ее убранство. Андре отдала Николь огромную картонку из-под шляпки – она служила девушке и комодом, и столом.

Николь присела на край кровати, Жильбер – на угол картонки.

Пока Николь поднималась по лестнице, она успокоилась. Овладев собой, она чувствовала себя сильной. Жильберу, вздрагивавшему от внутреннего напряжения, напротив, никак не удавалось восстановить привычное хладнокровие.

Он чувствовал, как раздражение поднималось в нем по мере того, как Николь успокаивалась.

В наступившей тишине Николь бросила на Жильбера полный страсти взгляд и, не скрывая досады, спросила:

– Значит, вы влюблены в госпожу и обманываете меня?

– Кто вам сказал, что я влюблен в госпожу? – спросил Жильбер.

– Еще бы! Вы ведь бегаєте к ней на свидания?

– Кто вам сказал, что я шел к ней на свидание?

– А зачем же вы отправились в дом? Не к колдуну ли вы шли?

– Возможно. Вам известно, что я честолюбив.

– Вернее сказать – завистлив.

- Это одно и то же, только названия разные.
- Не нужно разговор о вещах превращать в спор о словах. Итак, вы больше не любите меня?
- Напротив, я вас люблю.
- Почему же вы меня избегаете?
- Потому что при встречах со мной вы ищете повода для ссоры.
- Ну конечно, я думаю, как бы с вами поссориться, будто мы только и делаем, что встречаемся с вами на каждом шагу!
- Я всегда был нелюдимым – вам это должно быть известно.
- Чтобы в поисках одиночества карабкаться по лестнице... Простите, я никогда об этом не слыхала.
- Жильбер проиграл первое очко.
- Скажите откровенно, Жильбер, если можете, признайтесь, что больше меня не любите или любите нас обоих...
- А если так, что вы на это скажете? – спросил Жильбер.
- Я бы сказала, что это чудовищно!
- Да нет, это просто ошибка.
- Вашего сердца?
- Нашего общества. Существуют страны, где мужчины могут иметь семь или восемь жен.
- Это не по-христиански, – в волнении отвечала Николь.
- Зато по-философски, – высокомерно парировал Жильбер.
- Господин философ! Вы бы согласились, если бы я вслед за вами завела еще одного любовника?
- Мне не хотелось бы по отношению к вам быть жестоким тираном. Кроме того, я не хотел бы сдерживать ваши сердечные порывы... Святая свобода заключается в том, чтобы уважать свободу выбора другого человека. Смени вы любовника, Николь, я не смог бы требовать от вас верности, которой, по моему глубокому убеждению, в природе не существует.
- Ах, теперь вы сами видите, что не любите меня! – вскричала Николь.
- Жильбер был силен в разглагольствованиях – и не потому, что обладал логическим умом. Он знал все-таки больше, чем знала Николь. Николь читала иногда для развлечения; Жильбер читал не только забавные книги, но и такие, из которых мог извлечь пользу.
- В споре Жильбер постепенно обретал хладнокровие, которое стало изменять Николь.
- У вас хорошая память, господин философ? – иронически улыбаясь, спросила Николь.
- Не жалуюсь, – парировал Жильбер.
- Помните, что вы говорили мне полгода назад, когда мы с госпожой приехали из Аннонсиад?
- Нет, напомните.
- Вы мне сказали: «Я беден». Это было в тот день, когда мы вместе читали «Танзая» среди развалин старого замка.
- Что же дальше?
- В тот день вы трепетали...
- Вполне возможно: я по натуре робок. Однако я делаю все возможное, чтобы избавиться от этого недостатка, как, впрочем, и от остальных.
- Так вы скоро станете совершенством! – рассмеялась Николь.
- Во всяком случае, я стану сильным, потому что сила приходит с мудростью.
- Где вы это вычитали, скажите на милость?
- Не все ли равно? Вспомните лучше, что я вам говорил под сводами старого замка.
- Николь чувствовала, что все больше ему проигрывает.
- Вы сказали мне тогда: «Я беден, Николь, никто меня не любит, никто не знает, что у меня вот здесь», и прижали руку к сердцу.
- Вот тут вы ошибаетесь: при этих словах я, должно быть, постучал себя по лбу. Сердце – это всего лишь насос для перекачивания крови. Раскройте «Философский словарь» на статью «Сердце» и прочтите, что там написано.

Жильбер удовлетворенно выпрямился. Испытав унижение в разговоре с путешественником, он теперь отыгрывался на Николь.

– Вы правы, Жильбер, вы в самом деле постучали себя по лбу. При этом вы сказали: «Меня здесь держат за дворового пса, даже Маон счастливее меня». Я вам тогда ответила, что вас нельзя не любить; если бы вы были моим братом, я бы любила вас». Эти слова исходили как будто из сердца, а не из головы. Хотя, возможно, я ошибаюсь; я не читала «Философского словаря».

– Вы ошиблись, Николь.

– Вы обняли меня. «Вы сирота, Николь, – сказали вы мне, – я тоже одинок. Бедность и низкое происхождение сближают нас больше, чем брата и сестру. Полюбим же друг друга, Николь, как если бы мы и впрямь были братом и сестрой. Кстати, в таком случае общество запретило бы нам любить друг друга так, как я мечтаю быть любимым». Потом вы меня поцеловали...

– Вполне вероятно.

– Вы действительно думали тогда то, что говорили?

– Несомненно. Так почти всегда бывает: говорим то, что думаем, пока говорим.

– Значит, сейчас...

– Сейчас я на полгода старше; я узнал то, чего не знал тогда, я догадываюсь о том, чего пока не знаю. Сейчас я думаю иначе.

– Так вы лжец, лицемер, болтун! – забывшись, вскричала Николь.

– Не больше чем путешественник, у которого спрашивают его мнение о пейзаже, когда он еще в долине, а потом задают ему тот же вопрос, когда он уже поднялся на вершину горы, которая скрывала от него убегающую даль. Теперь я лучше вижу местность, только и всего.

– Так вы не женитесь на мне?

– Я вам никогда не говорил, что собираюсь на вас жениться, – презрительно усмехнулся Жильбер.

– Однако я думала, – воскликнула в отчаянии девушка, – что Николь Леге – достойная пара для Себастьяна Жильбера.

– Любой человек достоин другого, – возразил Жильбер, – но природа и образование наделяют их разными способностями. По мере того, как развиваются эти способности, люди все более отдаляются друг от друга.

– Так значит, у вас более развиты способности, чем у меня, и потому вы от меня удаляетесь?

– Вот именно. Вы, Николь, еще не умеете рассуждать, зато уже начинаете понимать.

– Да, – в отчаянии вскричала Николь, – да, я понимаю!

– Что вы понимаете?

– Я поняла: вы бесчестный человек!

– Возможно. Многие рождаются с низменными инстинктами, но для того и дана человеку воля, чтобы их исправить. Руссо тоже при рождении был наделен низменными инстинктами, однако ему удалось от них избавиться. Я последую примеру Руссо.

– О Господи! – воскликнула Николь. – Как я могла полюбить такого человека?

– А вы меня и не любили, – холодно возразил Жильбер, – я вам приглянулся, только и всего. Вы только что вышли тогда из монастыря, где видели одних семинаристов, способных разве что рассмешить вас, да военных, которых вы боялись. Мы с вами были зелены, невинны, мы оба страстно желали повзрослеть. Природа громко заговорила в нас. Когда кровь закипает от низменных желаний, мы ищем утешения в книгах, а они лишь раззадоривают. Помните, Николь: когда мы с вами читали вместе одну из таких книг, вы не то чтобы уступили, – я ведь ни о чем вас и не просил, а вы ни в чем не отказывали, – мы сумели найти разгадку этой тайны. Месяц или два продолжалось то, что называется счастьем. Месяц или два мы жили полнокровной жизнью. Неужели за то, что мы были счастливы, проведя вместе два месяца, мы должны быть несчастны и мучить друг друга всю оставшуюся жизнь? Знаете, Николь, если бы человек был обязан брать на себя подобное обязательство только за то, что любит или любим, ему пришлось бы навсегда отказаться от свободы выбора, что само по себе абсурдно.

– Вы что же, вздумали философствовать? – усмехнулась Николь.

– А почему бы нет? – спросил Жильбер.

– Значит, для философов нет ничего святого?

– Напротив. Существует разум.

– Ага! Когда я хотела остаться честной девушкой...

– Простите, теперь слишком поздно об этом говорить. Николь то бледнела, то краснела, словно по капле теряла кровь оттого, что по ней безжалостно проехали колесом.

– Будешь с вами честной! – проворчала она. – Не вы ли мне говорили, что женщина всегда остается порядочной, если хранит верность своему избраннику? Вы помните эту свою теорию брака?

– Я называл это союзом, Николь, принимая во внимание, что вообще не собираюсь жениться.

– Вы никогда не женитесь?

– Нет, я собираюсь стать ученым, философом. А наука требует уединения для духа, как философия – для плоти.

– Господин Жильбер! Я уверена, что заслуживаю более завидной доли, чем связать себя с таким ничтожеством, как вы!

– Подведем итоги, – поднимаясь, предложил Жильбер. – Мы попусту теряем время: вы – говорю мне колкости, я – выслушивая их. Вы меня любили, потому что вам этого хотелось, не так ли?

– Совершенно верно.

– Ну так это недостаточная причина для того, чтобы делать меня несчастным, потому что вы лишь исполнили свою прихоть.

– Глупец! – вскричала Николь. – Ты считаешь меня развратной и думаешь, что тебе нечего меня бояться?

– Мне вас бояться, Николь? Что вы говорите? Да что вы мне можете сделать? Вы ослепли от ревности.

– От ревности? Я ревную? – неестественно рассмеялась Николь. – Вы ошибаетесь, если думаете, что я ревнива. И с какой стати мне ревновать? Да найдется ли в целой округе кто-нибудь привлекательнее меня? Мне бы еще такие руки, как у госпожи; впрочем, они сразу же побелеют, как только я перестану заниматься тяжелой работой. Разве я не сравниюсь тогда с госпожой? А волосы! Только взгляните, какие у меня волосы, – она потянула за ленточку, и волосы рассыпались по плечам, – я могу в них спрятаться, как в плащ, с головы до пят. Я высока, хорошо сложена. – Николь кокетливо подбоченилась, – у меня зубы – словно жемчуг. – Она взглянула в зеркальце, висевшее у изголовья. – Когда я хочу произвести на кого-нибудь впечатление, я улыбаюсь и вижу, как этот человек краснеет, трепещет под моим взглядом. Вы были моим первым мужчиной, это правда. Но вы далеко не первый, кому я строила глазки.

Послушай, Жильбер, – продолжала она еще более угрожающим тоном, зловеще улыбаясь. – Ты смеешься? Можешь мне поверить, что лучше тебе не наживать в моем лице врага. Не заставляй меня оступаться: я иду по узкой тропинке, на которой меня удерживают полузабытые советы моей матушки да зыбкие воспоминания детских молитв. Если мне будет суждено хоть раз пренебречь своим целомудрием, – берегись, Жильбер! Тебе придется пожалеть не только о том, что ты сделал для себя, но и раскаяться в несчастьях, которые ты приносишь окружающим!

– В добрый час! – усмехнулся Жильбер. – Вы сейчас на такой высоте, Николь, что я убежден...

– В чем же?

–...что если бы я сейчас согласился на вас жениться...

– То что?..

–...то вы бы мне отказали!

Николь задумалась. Потом, сжав кулаки и заскрежетав зубами, процедила:

– Думаю, что ты прав, Жильбер. Мне кажется, я тоже поднимаюсь в гору, о которой ты говорил; думаю, что мне тоже начинают открываться новые дали. Вероятно, я тоже могу кое-чего достигнуть. И уж, во всяком случае, мне недостаточно быть только женой ученого или философа. А теперь, Жильбер, ступайте к лестнице и постарайтесь не свернуть себе шею. Хотя мне начинает

казаться, что это было бы большим счастьем кое для кого, а может, и для вас самого.

Повернувшись к Жильберу спиной, девушка начала раздеваться, словно его тут не было.

Жильбер стоял в нерешительности: озаренная пламенем ревности и гнева, Николь была просто очаровательна! Однако он твердо решил порвать с Николь: она могла погубить не только его любовь, но и честлюбивые планы. Итак, он устоял.

Спустя несколько минут Николь, не слыша за спиной ни малейшего звука, обернулась: в комнате никого не было.

– Удрал! – прошептала она. – Удрал... Она поспешила к окну: во всем доме не было ни огонька.

– Где же сейчас госпожа? – проговорила Николь. Девушка бесшумно спустилась по лестнице, подкралась к двери хозяйки и прислушалась.

– Ага! – прошептала Николь. – Она легла одна и спит. Подождем до завтра! О, уж завтра-то я узнаю, любит она его или нет!

Глава 11. ХОЗЯЙКА И КАМЕРИСТКА

Николь вернулась к себе в крайнем возбуждении. Девушка понимала, что, пытаясь показать свою стойкость и лукавство, она на самом деле только хвасталась тем, что может стать опасной, а также старалась казаться порочной. Богатое воображение и развращенный дурными книгами ум давали выход ее пылавшим чувствам. Душа ее горела. Будучи от природы самолюбивой, она умела иногда сдерживать слезы, но горечь оседала в ее душе и разъедала ее изнутри, подобно кипящему свинцу.

Только в улыбке можно было прочесть то, что переполняло ее сердце. Первые же оскорбления Жильбера были встречены презрительной усмешкой, которая выдавала всю боль ее души. Разумеется, Николь была далеко не добродетельна, у нее не было никаких принципов. Но она не могла не придавать значения своему поражению. Отдаваясь Жильберу душой и телом, она думала, что осчастливит его. Холодность и самодовольство Жильбера принижали ее в собственных глазах. Она только что была жестоко наказана за свою оплошность и тяжело переживала боль наказания. Она стремительно вскочила, словно от удара кнута, и дала себе слово, что сполна воздаст Жильберу за причиненное ей зло.

Молодая, крепкая, полная сил, умевшая забывать обиду, столь желанная для того, кто хотел бы повелевать любимой женщиной, Николь уснула, составив предварительно план мести. Для этого были призваны все демоны, гнездившиеся в ее юном сердечке.

В конце концов ей стало казаться, что мадмуазель де Таверне еще более провинилась, чем Жильбер. Знатная девушка, напичканная предрассудками, кичившаяся знатным происхождением, в монастыре Нанси обращалась в третьем лице к принцессам, говорила «вы» графиням, «ты» – маркизам и не замечала остальных. Она напоминала холодностью статую, но под мраморной оболочкой скрывалась чувствительная натура. Николь забавляла мысль, что статуя эта могла бы вдруг обратиться в смешную и жалкую жену деревенского Пигмалиона – Жильбера.

Надобно отметить, что Николь обладала редким даром, которым природа наделила всех женщин. Николь считала, что уступает в умственном отношении только Жильберу, зато превосходит всех остальных. Если не принимать во внимание этого превосходства духа, который ее любовник имел над ней благодаря пяти-шести годам, в течение которых он прочел несколько книг, то это она – камеристка нищего барона – чувствовала себя униженной, отдавшись крестьянину.

Что же тогда должна была чувствовать ее хозяйка, если она в самом деле отдавалась Жильберу? Николь поразмыслила и решила, что если она расскажет то, чему явилась свидетельницей, точнее, то, о чем она догадывалась, господину де Таверне, это будет величайшей глупостью. Во-первых, зная характер господина де Таверне, она могла предположить, что он надает оплеух Жильберу и вышвырнет его вон, а потом посмеется над этой историей. Во-вторых, ей был известен нрав Жильбера, и она понимала, что он никогда ей этого не простит и найдет способ для коварной мести.

А вот заставить Жильбера страдать из-за Андре, подчинить себе их обоих, наблюдать за тем,

как они то бледнеют, то краснеют под ее взглядом, стать настоящей хозяйкой положения и, возможно, заставить Жильбера пожалеть о том времени, когда ручка, которую он нежно целовал, была жесткой только снаружи – вот что тешило ее самолюбие и казалось соблазнительным. Вот на чем она решила остановиться.

С этими мыслями она и уснула.

Солнце уже поднялось, когда она проснулась – свежая, бодрая, отдохнувшая. Она провела за туалетом, как обычно, около часа: менее ловкие или более старательные руки потратили бы вдвое больше времени на то, чтобы расчесать ее длинные густые волосы. Николь принялась изучать свои глаза в треугольном зеркальце, о котором мы уже упоминали. Глаза показались ей красивее, чем когда-либо. Продолжая осмотр, она перешла от глаз к соблазнительному роту: губы не потеряли своей яркости и были сочны, словно спелые вишни. Носик был небольшой и слегка вздернутый. Шея, которую она самым тщательным образом прятала от солнечных лучей, белела подобно лепесткам лилии. Но верхом совершенства были ее прекрасная грудь и дерзкие очертания бедер.

Убедившись в том, что все так же хороша собой, Николь подумала, что могла бы пробудить в Андре ревность. Пусть не подумает читатель, что она была окончательно испорченной, ведь речь шла не о капризе или пустой фантазии: эта идея пришла ей в голову только потому, что она была уверена, что мадмуазель де Таверне влюблена в Жильбера.

Готовая и душой и телом к сражению, она распахнула Дверь в комнату Андре. Хозяйка приказывала ей входить к ней по утрам в том случае, если до семи утра Андре не вставала с постели.

Едва войдя в комнату, Николь замерла от удивления.

Андре была бледна, ее лоб был в испарине, ко лбу прилипло несколько волосков. Она с трудом дышала, вытянувшись на кровати. Забывшись тяжелым сном, она покусывала во сне губы с выражением страдания на лице.

Простыни были скомканы, было видно, что она металась во сне. Вероятно, она не успела снять с себя перед сном все одежды. Теперь она спала, подложив одну руку под голову, а другой прикрывала белоснежную грудь.

Время от времени ее неровное дыхание прерывалось стонами, она хрипела от боли.

Некоторое время Николь наблюдала за ней в полном молчании, качая головой: она отдавала должное красоте Андре и понимала, что у нее не могло быть достойных соперниц.

Николь направилась к окну и распахнула ставни.

В комнату хлынул свет, и утомленные веки мадмуазель де Таверне дрогнули.

Она проснулась и хотела было подняться, однако почувствовала сильную усталость и, сраженная пронзительной болью, вскрикнув, уронила голову на подушку.

– О Господи! Что с вами, госпожа? – прошептала Николь.

– Который теперь час? – спросила Андре, протирая глаза.

– Уж поздно, госпожа должна была встать час тому назад.

– Не понимаю, Николь, что со мной творится, – проговорила Андре, обводя взглядом комнату, словно желая убедиться, что она у себя. – Меня всю ломает, и такая боль в груди!

Прежде чем ответить, Николь пристально на нее посмотрела.

– Должно быть, простуда после сегодняшней ночи, – предположила она.

– После сегодняшней ночи? – удивленно переспросила Андре. – О, так я даже не раздевалась? – оглядев себя, произнесла она. – Как это могло случиться?

– Ну, конечно! – вскричала Николь. – Пусть госпожа постарается вспомнить!

– Я ничего не помню, – схватившись за голову, пробормотала Андре. – Что со мною было? Должно быть, я схожу с ума!

Она села в кровати, в другой раз обводя комнату блуждавшим взглядом.

Затем, сделав над собой усилие, произнесла:

– А, да, вспоминаю: вчера я так устала.., это, наверное, из-за грозы; потом...

Николь указала пальцем на смятую кровать, на которой, несмотря на беспорядок, продолжало лежать покрывало.

Андре замолчала. Она вспомнила о незнакомце, так странно на нее смотревшем.

– И что потом? – не скрывая удивления, спросила Николь, – должно быть госпожа вспомнила?

– Потом, – продолжала Андре, – я задремала, сидя за клавесином. Начиная с этого времени я ничего не помню. По всей вероятности, я как во сне поднялась к себе и без сил упала на кровать не раздеваясь.

– Надо было меня позвать, – слащавым голосом пропела Николь, – разве это не входит в мои обязанности?

– Я об этом не подумала, а может, у меня на это не было сил, – простодушно отвечала Андре.

– Лицемерка! – пробормотала Николь. – Однако госпожа, должно быть, довольно долго оставалась за клавесином, потому что, прежде чем вы вернулись к себе, я услышала внизу какой-то шум и спустилась...

Николь замолчала в надежде заметить какое-нибудь движение Андре или румянец – Андре оставалась спокойной, а лицо – зеркало души – было безмятежным.

– Я спустилась... – повторила Николь.

– И что же? – спросила Андре.

– Госпожи не было в гостиной. Андре подняла голову: в ее прекрасных глазах можно было прочесть удивление – и только!

– Как странно! – воскликнула она.

– Однако это было именно так.

– Ты говоришь, меня не было в гостиной, но я никуда не выходила.

– Надеюсь, госпожа меня простит! – отвечала Николь.

– Так где же я была?

– Госпоже это должно быть известно лучше меня, – пожав плечами, отвечала Николь.

– Думаю, что ты ошибаешься, Николь, – как можно Мягче возразила Андре. – Я не сходила с места. Мне только кажется, что было холодно, потом я почувствовала тяжесть, и мне было трудно передвигаться.

– О! – насмешливо воскликнула Николь. – В тот момент, когда я увидела госпожу, она шла довольно скоро.

– Ты меня видела?

– Да.

– Только что ты сказала, что меня не было в гостиной.

– Я и не говорю, что видела вас в гостиной.

– Так где же?

– В передней, у лестницы.

– Это была я?

– Госпожа собственной персоной, я неплохо знаю госпожу, – проговорила Николь, добродушно посмеиваясь.

– Тем не менее я уверена, что не выходила из гостиной, – Андре простодушно надеялась найти ответ в своей памяти.

– А я не сомневаюсь, что видела госпожу в передней. Я тогда подумала,

– добавила она и удвоила внимание, – что госпожа возвращается из сада с прогулки. Вчера вечером после грозы была такая чудесная погода! Приятно прогуляться ночью: свежий воздух, аромат цветов, не так ли, госпожа?

– Ты прекрасно знаешь, что я боюсь выходить по ночам, – с улыбкой возразила Андре, – я такая трусиха!

– Можно гулять не одной, – подхватила Николь, – тогда и бояться нечего.

– С кем же прикажешь мне гулять? – спросила Андре, не подозревая, что камеристка задавала все эти вопросы неспроста.

Николь решила не продолжать дознание. Хладнокровие Андре казалось ей верхом лицемерия и обескураживало ее.

Она сочла за благо перевести разговор на другую тему.

– Госпожа говорит, что плохо себя чувствует? – « – спросила она.

– Да, мне очень плохо, – отвечала Андре. – Я совершенно разбита, я чувствую себя очень уставшей без всякой на то причины. Вчера вечером я не делала ничего особенного. Уж не заболела ли я?

– Может, госпожа чем-нибудь огорчена? – продолжала Николь.

– И что же? – воскликнула Андре.

– А то, что огорчения производят нередко такое же действие, что и усталость. Уж я-то знаю!

– Так ты чем-то опечалена, Николь? Слова эти прозвучали с такой пренебрежительной небрежностью, что Николь не сдержалась.

– Да, госпожа, у меня неприятности, – опустив глаза, проговорила она.

Андре лениво поднялась с постели, собираясь переодеться.

– Расскажи! – приказала она.

– Я как раз шла к госпоже, чтобы сказать... Она замолчала.

– Чтобы сказать что? Боже, какой у тебя растерянный вид, Николь!

– Я растеряна, а госпожа утомлена; должно быть, мы обе страдаем.

Это «мы» не понравилось Андре; она нахмурила брови и проронила:

– А!

Николь не было дела до восклицаний, хотя интонация Андре должна была бы навести ее на размышления.

– Раз госпожа настаивает, я позволю себе начать, – продолжала она.

– Ну, ну, послушаем, – отвечала Андре.

– Я хочу выйти замуж, госпожа, – заявила Николь.

– Да? – удивилась Андре. – Не рано ли тебе об этом думать, ведь тебе еще нет семнадцати?

– Госпоже тоже только шестнадцать лет.

– И что же?

– А то, что хотя госпоже только шестнадцать, разве она не подумывает о браке?

– С чего вы взяли? – сухо спросила Андре. Николь раскрыла рот, чтобы сказать дерзость, но она хорошо знала Андре, она понимала, что едва начатому объяснению немедленно будет положен конец, поэтому, она спохватилась.

– Да нет, откуда мне знать, о чем думает госпожа, я простая крестьянка и живу так, как того требует природа.

– Как странно ты изъясняешься! – Странно? Разве не естественно любить кого-нибудь и отдаваться любимому?

– Пожалуй. Так что же?

– Ну вот, я люблю одного человека.

– А этот человек тебя любит?

– Надеюсь, госпожа.

Николь поняла, что сомнение прозвучало слишком вяло, необходимо было отвечать уверенно.

– Я в этом убеждена, – поправила она.

– Прекрасно! Мадмуазель не теряет времени даром в Таверне, как я вижу!

– Надо же подумать о будущем. Вы – барышня и можете получить наследство от какого-нибудь богатого родственника. А я сирота и могу надеяться только на то, что сама кого-нибудь найду.

Все это казалось Андре настолько естественным, что она мало-помалу забыла о том, что вначале сочла эти разговоры неприличными. Кроме того, врожденная доброта взяла верх.

– Так за кого же ты собираешься замуж? – спросила она.

– Госпожа знает его, – отвечала Николь, не сводя прекрасных глаз с Андре.

– Я его знаю?

– Отлично знаете.

– Кто же это? Ну не томи меня!

– Боюсь, что мой выбор будет неприятен госпоже.

– Неприятен?

- Да!
- Так ты сама находишь его неподходящим?
- Я этого не сказала.
- Тогда смело говори, – ведь господа обязаны интересоваться судьбой тех, кто хорошо им служит, а я тобой довольна.
- Госпожа очень добра.
- Ну так говори скорее и застегни мне корсет. Николь собралась с силами.
- Это... Жильбер, – проговорила она, проницательно глядя на Андре.
- К великому удивлению Николь, Андре и бровью не повела.
- Жильбер! А, малыш Жильбер, сын моей кормилицы?
- Он самый, госпожа.
- Как? Ты собираешься выйти за этого мальчика?
- Да, госпожа, за него.
- А он тебя любит?
- Николь подумала, что настала решительная минута.
- Да он сто раз мне это говорил! – отвечала она.
- Ну так выходи за него, – спокойно предложила Андре. – Не вижу к тому никаких препятствий. Ты осталась без родителей, он – сирота. Вы оба вольны решать свою судьбу.
- Конечно, – пролепетала Николь, ошеломленная тем, что все произошло не так, как она ожидала. – Как! Госпожа позволяет?..
- Ну разумеется. Правда, вы оба еще очень молоды.
- Значит, мы будем вместе больше времени.
- Вы оба бедны.
- Мы будем работать.
- Что он будет делать? Он ведь ничего не умеет. На этот раз Николь не сдержалась: лицемерие хозяйки вывело ее из себя.
- С позволения госпожи, она несправедлива к бедному Жильберу, – заявила она.
- Вот еще! Я отношусь к нему так, как он того заслуживает, а он бездельник.
- Он много читает, стремится к знанию...
- Он злобен, – продолжала Андре.
- Только не по отношению к вам, – возразила Николь.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Госпожа лучше меня знает: ведь по ее распоряжению он ходит на охоту.
- По моему распоряжению?
- Да. Он готов пройти много миль в поисках дичи.
- Клянусь, я этого не подозревала.
- Не подозревали дичь? – насмешливо спросила Николь.
- Андре, возможно, посмеялась бы над этой остротой и в другое время могла бы не заметить желчи в словах камеристки, если бы находилась в привычном расположении духа. Но ее измученные нервы были натянуты, как струна. Малейшее усилие воли или необходимость движения вызвали в ней дрожь. Даже при небольшом напряжении ума она должна была преодолевать сопротивление: говоря современным языком, она нервничала. Удачное словцо
- филологическая находка – обозначающее состояние, при котором все дрожит от нетерпения; состояние сродни тому, что мы испытываем, когда едим какой-нибудь терпкий плод или прикасаемся к шероховатой поверхности.
- Чем я обязана твоему остроумию? – оживилась вдруг Андре. Вместе с нетерпимостью к ней вернулась проницательность, которую она из-за недомогания не могла проявить в самом начале разговора.
- Я не остроумна, госпожа, – возразила Николь. – Остроумие – привилегия знатных дам, а я – простая девушка, я говорю то, что есть.
- Ну и что же ты хочешь сказать?
- Госпожа несправедлива к Жильберу, а он очень внимателен к госпоже. Вот что я хотела

сказать.

– Он исполняет свой долг, будучи слугой. Что же дальше?

– Жильбер не слуга, госпожа, он не получает жалованья.

– Он сын нашего бывшего управляющего. Он ест, спит и ничего не платит за стол и угол. Тем хуже для него, – значит он крадет эти деньги. Однако на что ты намекаешь, почему ты так горячо защищаешь мальчишку, на которого никто и не думал нападать?

– О, я знаю, что госпожа на него не нападает, – с ядовитой улыбкой проговорила Николь, – скорее напротив.

– Ничего не понимаю!

– Потому что госпожа не желает понимать.

– Довольно, мадмуазель, – холодно отрезала Андре. – Немедленно объясни, что все это значит!

– Госпоже лучше меня известно, что я хочу сказать.

– Нет, я ничего не знаю и даже не догадываюсь, потому что мне некогда разгадывать твои загадки. Ты просишь Моего согласия на брак, не так ли?

– Да, госпожа. Я прошу госпожу не сердиться на меня за то, что Жильбер меня любит.

– Да мне-то что, любит тебя Жильбер или нет? Послушайте, мадмуазель, вы начинаете мне надоедать.

Николь подскочила, как петушок на шпорах. Долго сдерживаемая злость нашла, наконец, выход.

– Может, госпожа и Жильберу сказала то же самое? – воскликнула она.

– Да разве я хоть однажды разговаривала с вашим Жильбером? Оставьте меня в покое, мадмуазель, вы, верно, не в своем уме.

– Если госпожа с ним и не разговаривает, то есть больше не разговаривает, то не так уж и давно.

Андре подошла к Николь и смирив ее презрительным взглядом.

– Вы битый час мне дерзите, я требую немедленно Прекратить...

– Но... – взволнованно начала было Николь.

– Вы утверждаете, что я разговаривала с Жильбером?

– Да, госпожа, я в этом уверена. Мысль, которую Андре до сих пор не допускала, показалась ей теперь вероятной.

– Так несчастная девочка ревнует, да простит меня Бог! – рассмеялась она. – Успокойся, Ле-ге, бедняжка, я не смотрю на твоего Жильбера, я даже не знаю, какого цвета у него глаза.

Андре готова была простить то, что уже считала не дерзостью, а глупостью.

Теперь Николь сочла себя оскорбленной и не желала прощения.

– Я вам верю, – отвечала она, – ночью нелегко было рассмотреть.

– Ты о чем? – спросила Андре, начиная понимать, но еще отказываясь верить.

– Я говорю, что если госпожа говорит с Жильбером только по ночам, как это было вчера, то, конечно, трудно при этом рассмотреть черты его лица.

– Если вы не объяснитесь сию минуту, то берегитесь! – сильно побледнев, проговорила Андре.

– О, нет ничего проще, госпожа! – сказала Николь, забывая всякую осторожность. – Сегодня ночью я видела...

– Тише! Меня кто-то зовет, – перебила ее Андре. Снизу в самом деле раздавался голос:

– Андре! Андре!

– Ваш батюшка, госпожа, – сказала Николь, – и с ним вчерашний незнакомец.

– Ступайте вниз. Скажите, что я не могу отвечать, потому что плохо себя чувствую, что я разбита, и немедленно возвращайтесь: я хочу покончить с этим нелепым разговором.

– Андре! – снова послышался голос барона. – Господ дин де Бальзамо хотел бы пожелать вам доброго утра.

– Ступайте, я вам говорю! – приказала Андре, властно указав Николь на дверь.

Николь беспрекословно повиновалась, как все в доме повиновались Андре, когда она прика-

зывала.

Но едва Николь вышла, как Андре почувствовала нечто странное. Несмотря на то, что она твердо решила не выходить, неведомая сила заставила ее подойти к окну, которое оставалось приотворенным из-за Николь.

Она увидела Бальзаме. Он низко ей поклонился и смотрел на нее не отрываясь.

Она покачнулась и ухватила за ставень.

– Здравствуйте, сударь! – в свою очередь, отвечала она.

Она произнесла эти слова в тот самый момент, когда Николь подошла к барону предупредить его, что его дочь не может отвечать. Открыв рот, Николь в изумлении замерла, ничего не понимая в этом капризе.

Почти тотчас же обессилевшая Андре рухнула в кресло.

Бальзамо не сводил с нее глаз.

Глава 12. ДНЕВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Путешественник поднялся засветло, чтобы проверить, на месте ли карета, и справиться о самочувствии Альтотаса.

В замке все еще спали, за исключением Жильбера, притаившегося за оконной решеткой отведенной ему комнаты рядом с входной дверью. Он с любопытством следил за каждым движением Бальзамо.

Притворив за собой дверцу кареты, в которой спал Альтотас, Бальзамо куда-то ушел. Он был уже далеко, когда Жильбер выскользнул из дому.

Поднимаясь в гору, Бальзамо был поражен тем, как при дневном освещении изменился пейзаж, показавшийся ему таким мрачным накануне.

Небольшой замок, сложенный из белого камня и красного кирпича, был окружен непроходимыми зарослями смоковниц и альпийского ракитника. Их душистые ягоды Гроздьями падали на крышу замка и словно венчали его золотой короной.

Перед входом был расположен бассейн, имевший около тридцати футов по периметру. Он был окаймлен широким газоном и кустами цветущей бузины Глаз отдыхал при виде этого великолепного зрелища, особенно при виде высоких каштанов и осин, росших вдоль дороги.

По обеим сторонам замка от флигелей расходились широкие аллеи, состоявшие из кленов, платанов и лип. Они поднимались невысоким, но густым лесом. В их кронах нашли приют бесчисленные птицы. По утрам они будили своими звонкими трелями обитателей замка. Бальзамо отправился по аллее, отходившей от левого флигеля, и, пройдя шагов двадцать, оказался среди кустов жасмина и роз, которые источали нежный аромат, особенно сильный после прошедшей накануне грозы. Сквозь заросли бирючины пробивались ветви жимолости и жасмина; под ногами расстился ковер из ирисов вперемешку с дикой земляникой; над головой переплетались цветущая ежевика и розовый боярышник.

Так Бальзамо оказался в самом живописном месте. Его взору открывались развалины, по которым еще можно было судить о былом величии старинного замка. Наполовину уцелевшая башня возвышалась над грудой камней, густо поросших плющом и диким виноградом – верными спутниками разрушения, которых природа поселила в руинах, словно пытаясь доказать, что и в развалинах возможна жизнь.

Теперь владение Таверне площадью не более восьми арпанов выглядело вполне прилично и привлекательно. Дом напоминал пещеру, вход в которую природа украсила цветами, лианами и причудливыми нагромождениями камней; однако при ближайшем рассмотрении пещера испугала бы и могла бы оттолкнуть заблудившегося путника, который хотел бы остаться среди скал на ночь. Около часа побродив среди развалин, Бальзамо пошел по направлению к дому. Вдруг он увидел барона в широченном пестром ситцевом шлафроке. Барон выбежал через боковую дверь, выходящую на лестницу. Он побежал через сад, не замечая роз и давя улиток.

Бальзамо поспешил к нему навстречу.

– Господин барон! – заговорил он; его вежливость становилась все изысканней по мере того,

как он убеждался в бедности хозяина замка. – Позвольте мне принести свои извинения и вместе с тем выразить восхищение. Мне же следовало выходить раньше, чем вы проснетесь, но я был очарован видом из окна моей комнаты: мне захотелось познакомиться поближе с чудесным садом и прелестными развалинами.

– Развалины в самом деле внушительные, сударь, – согласился барон, отвечая на его приветствие. – Впрочем, это все, что заслуживает внимания.

– Это старый замок? – спросил путешественник.

– Да, он когда-то принадлежал мне, вернее, моим предкам. Он назывался Мезон-Руж, и мы долго носили это имя вместе с Таверне. Баронский титул, кстати сказать, принадлежит Мезон-Ружу. Впрочем, дорогой гость, давайте не говорить о том, чего нет.

Бальзамо кивнул.

– Я желал бы, со своей стороны, принести вам свои извинения, – продолжал барон. – Дом мой беден, я вас предупреждал.

– Я себя чувствую здесь прекрасно.

– Это конура, дорогой гость, настоящая конура, – сказал барон. – Теперь это еще и прибежище для крыс, которые появились здесь с тех пор, как лисы, ужи и ящерицы выжили их из старого замка. Черт побери! – воскликнул барон. – Ведь вы колдун или что-то вроде этого! Что вам стоит одним взмахом волшебной палочки возродить старый замок Мезон-Руж, прибавив тысячи две арпанов близлежащих луговых земель и лесов. Держу пари, что вы об этом не подумали, вы провели ночь в отвратительной постели.

– Сударь...

– Не спорьте со мной, дорогой гость, постель отвратительна, я хорошо это знаю, ведь она принадлежит моему сыну.

– Готов поклясться, господин барон, что постель показалась мне превосходной. Во всяком случае, я тронут вашей заботой и хотел бы от всей души иметь случай доказать вам свою признательность.

Неутомимый старик не преминул пошутить.

– Что же, – подхватил он, указывая на Ла Бри, который подавал ему в это время стакан воды на великолепной тарелке саксонского фарфора, – вот удобный случай, господин барон. Не угодно ли вам будет сделать для меня то, что Господь сотворил в Ханаанской пустыне: обратите эту воду в вино, хоть в бургундское – в шамбертен, например, – это было бы сейчас неоценимой услугой с вашей стороны.

Бальзамо улыбнулся; старик по-своему истолковал его улыбку и одним махом выпил воду.

– Прекрасно! – воскликнул Бальзамо. – Вода – благороднейший напиток, господин барон, принимая во внимание то обстоятельство, что Бог создал воду прежде, чем сотворил мир. Ничто не может перед ней устоять: она точит камень, а скоро, возможно, мир удивится, узнав, что вода растворяет алмаз.

– Ну так и меня, значит, вода растворит! – воскликнул барон. – Не, хотите ли выпить со мной за компанию, дорогой гость? У воды то преимущество перед моим вином, что ее еще много, не то, что мараскина.

– Если бы вы приказали принести стакан и для меня, дорогой хозяин, я бы, вероятно, смог быть вам полезен.

– Я не совсем понимаю, так я опоздал?

– Отнюдь нет! Прикажите подать мне стакан воды!

– Вы слышали, Ла Бри? – вскричал барон. Ла Бри со свойственной ему проворностью бросился исполнять приказание.

– Итак, – продолжал барон, повернувшись к гостю, – стакан чистой воды, которую я пью по утрам, содержит какую-то тайну, о чем я даже и не подозревал? Так, значит, я десять лет занимался алхимией, как господин Журден – прозой, даже не подозревая об этом?

– Мне неизвестно, чем вы занимались, – с важностью отвечал Бальзамо.

– Я знаю, чем занимаюсь я!

Обратившись к Ла Бри, уже стоявшему перед ним со стаканом воды, он произнес:

– Благодарю вас, милейший!

Взяв в руки стакан, он поднес его к глазам и принялся изучать содержимое хрустального стакана, в котором солнечный луч дробился, рассыпая жемчуга, а по поверхности пробежала рябь, переливавшаяся алмазными гранями.

– Должно быть, вы увидели нечто весьма любопытное в этом стакане воды, черт меня побери! – вскричал барон.

– О да, господин барон, – отвечал Бальзамо. – Сегодня, во всяком случае, я вижу кое-что интересное!

Барон не сводил глаз с Бальзамо, который с все возрастающим интересом продолжал свое занятие, в то время как изумленный Ла Бри, забывшись, продолжал протягивать ему тарелку.

– Так что же вы там видите, дорогой гость? – насмешливо переспросил барон. – Признаться, я сгораю от нетерпения. Может, меня ожидает наследство, еще один Мезон-Руж, который поправит мои дела?

– Я вижу весьма важное сообщение, которое я вам сейчас передам: приготовьтесь!

– В самом деле? Уж не собирается ли кто-нибудь на меня напасть?

– Нет, однако сегодня утром вы должны быть готовы к визиту.

– Так вы, должно быть, пригласили ко мне кого-нибудь из своих знакомых? Это дурно, сударь, очень дурно!

Должен вас предупредить: может так случиться, что сегодня не будет куропаток!

– То, что я имею честь сообщить вам, весьма серьезно, дорогой хозяин! – продолжал Бальзамо. – Очень серьезно! Важная персона направляется в этот момент в Таверне.

– Да с какой стати, о Господи! И что это за визит? Просветите меня, дорогой гость, умоляю вас! Должен признаться, что для меня любой визит нежелателен. Скажите точнее, дорогой господин чародей, точнее, если это возможно!

– Не только возможно, но и, должен заметить, чтобы вы не чувствовали себя слишком мне обязанным, это совсем несложно.

Бальзамо вновь вперил взгляд в стакан, по поверхности которого расходились опаловые круги.

– Ну как, видите что-нибудь? – спросил барон.

– Да, и очень отчетливо.

– Так я вам и поверил!

– Я вижу, что к вам едет весьма важная персона.

– Да ну? И эта важная персона прибывает просто так, без приглашения?

– Ей не нужно приглашения. Это лицо прибудет в сопровождении вашего сына.

– Филиппа?

– Так точно!

Барона обуяло веселье, весьма оскорбительное для чародея.

– В сопровождении моего сына? Это лицо прибудет в сопровождении моего сына? Вот тебе раз!

– Да, господин барон.

– Так вы знакомы с моим сыном?

– Нет, мы не знакомы.

– А мой сын сейчас..?

– В полумиле отсюда, даже в четверти мили, вероятно!

– От Таверне?

– Да.

– Дорогой мой! Сын сейчас в Страсбурге, несет службу в гарнизоне, если только не дезертировал, чего он никогда не сделает, могу поклясться! Так что мой сын просто не может никого привезти.

– Однако он кое-кого привезет вам в гости, – продолжал Бальзамо, не сводя глаз со стакана с водой.

– А этот кое-кто – мужчина или женщина?

- Это дама, барон, очень знатная дама... Погодите-ка, там происходит что-то странное...
- И важное? – подхватил барон.
- Да, клянусь честью.
- Говорите же!
- Вам лучше удалить служанку – забавницу, как вы ее называете, у которой на пальчиках коготки.
- С какой стати я должен ее удалять?
- Потому что у Николь Леге есть нечто общее в лице с прибывающей сюда дамой.
- Так вы говорите, что эта знатная дама похожа на Николь? Вы же сами себе противоречите.
- В чем же противоречие? Мне случилось однажды купить рабыню, которая до такой степени была похожа на Клеопатру, что подумывали даже о том, чтобы отправить ее в Рим для участия в праздновании победы Октавиана.
- Вы опять за свое! – вздохнул барон.
- Вы вольны поступать как вам угодно, дорогой хозяин. Надеюсь, вам ясно, что меня это не касается, это в ваших интересах.
- Однако я не понимаю, каким образом сходство с Николь может задеть знатную даму.
- Представьте, что вы – король Франции, чего я вам не пожелал бы, или дофин, чего я вам желаю еще меньше: были бы вы довольны, если бы, приехав в какой-нибудь дом, увидели среди прислуги слепок с вашего августейшего лица?
- О черт! – воскликнул барон. – Непростая задача! Значит, из того, что вы говорите, следует...?
- Что прибывающая дама, занимающая весьма высокое положение, была бы недовольна, если бы ей пришлось увидеть как бы свою копию в короткой юбке и простой косынке.
- Ну хорошо, – со смехом продолжал барон, – мы об этом подумаем, когда придет время. Во всей этой истории меня больше всех радует сын. Дорогой Филипп! Какой же счастливый случай может привести его сюда просто так, без предупреждения?
- Барон совсем развеселился.
- Я вижу, – с важностью заметил Бальзамо, – мое предсказание доставляет вам удовольствие? Я в восторге, клянусь честью! Однако на вашем месте, господин барон...
- Что на моем месте?
- Я отдал бы некоторые распоряжения, я подготовился бы...
- Вы не шутите?
- Нет.
- Я подумаю, дорогой гость! Подумаю!
- Самое время...
- Вы серьезно мне все это говорите?
- Как нельзя более серьезно, господин барон; если вы хотите достойно встретить особу, которая оказывает вам честь своим посещением, у вас нет ни одной лишней минуты.
- Барон покачал головой.
- Я вижу, вы сомневаетесь? – спросил Бальзамо.
- Должен признаться, дорогой гость, что вы имеете дело с крайне недоверчивым собеседником, клянусь честью...
- Барон направился к флигелю, где жила его дочь, – ему хотелось поделиться с ней предсказаниями гостя. Он стал звать ее:
- Андре! Андре!
- Читатель уже знает, как девушка отвечала на приглашение отца и как пристальный взгляд Бальзамо увлек ее к окну.
- Николь тоже стояла там, с удивлением поглядывая на Ла Бри, который в полном недоумении делал ей какие-то знаки.
- Трудно поверить, – повторял барон. – Вот если бы можно было посмотреть...
- Раз вам непременно хочется увидеть, обернитесь, – предложил Бальзамо, указывая рукой на аллею, в конце которой появился всадник; в тот же миг послышался стук копыт.

– О! – вскричал барон. – В самом деле...

– Господин Филипп! – воскликнула Николь, поднимаясь на цыпочки.

– Молодой хозяин! – радостно проворчал Ла Бри.

– Брат! Это мой брат! – воскликнула Андре, протягивая из окна руки.

– Не ваш ли это сын, господин барон? – небрежно бросил Бальзамо.

– Да, черт побери! Он самый, – отвечал ошеломленный барон.

– Это только начало, – заметил Бальзамо.

– Так вы в самом деле колдун? – воскликнул барон. На губах незнакомца заиграла торжествующая улыбка. Лошадь росла на глазах. Вот она замелькала среди деревьев и не успела замедлить свой бег, как обляпанный грязью молодой офицер среднего роста соскочил с разгоряченной быстрым бегом и взмыленной лошади и подбежал к отцу. Они обнялись.

– А, черт! Ах, черт меня подери! – повторял барон; куда делась его непонятливость!

– Да, отец, – проговорил Филипп, желавший рассеять Последние сомнения, написанные на лице старика, – это я, точно я!

– Конечно, ты, – отвечал барон, – прекрасно вижу, что это ты, черт возьми! Но каким образом?

– Отец! – обратился к нему Филипп. – Нашему дому оказана великая честь. Старик поднял голову.

– В Таверне с минуты на минуту прибудет именитая гостья. Скоро здесь будет эрцгерцогиня Австрии и дофина Франции Мария-Антуанетта-Жозефина.

Растеряв весь запас сарказма и иронии, барон обратился к Бальзамо.

– Прошу прощения, – смиренно произнес он, уронив руки.

– Господин барон, – молвил Бальзамо, поклонившись Таверне. – Позвольте мне оставить вас наедине с сыном, вы давно не видались; должно быть, вам много надо сообщить Друг другу.

Он отвесил поклон Андре; Андре обрадовалась приезду брата и бросилась ему навстречу. Затем Бальзамо удалился, знаком приказав Николь и Ла Бри следовать за ним. Они скрылись в аллее.

Глава 13. ФИЛИПП ДЕ ТАВЕРНЕ

Филипп де Таверне, шевалье де Мезон-Руж, был совершенно не похож на сестру; он был красив редкостной мужской красотой, она была прекрасна как женщина. Его глаза светились нежностью и гордостью; безупречно правильный овал лица, великолепные руки, точеные ноги, прекрасная фигура – все в нем было очаровательно.

Как во всех утонченных натурах, стесненных житейскими обстоятельствами, в Филиппе угадывалась печаль, которая, однако, была светлой. Очевидно, этой печалью он был обязан своей природной нежности. Не будь ее, он был бы властен, величествен, недоступен. Вынужденная жизнь среди бедных, но равных ему по достатку, так же как среди богатых, равных по происхождению, смягчала его нрав, задуманный Творцом жестоким, властным, самолюбивым: так в благодушии льва есть нечто пренебрежительное.

Едва Филипп успел обнять отца, как Андре, выйдя из оцепенения благодаря радостному потрясению, бросилась молодому человеку на шею.

Все это сопровождалось рыданиями, свидетельствовавшими о том, как рада была этой встрече скромная девушка.

Филипп взял за руки Андре и отца и увлек их в гостиную, они остались одни.

– Вы растеряны, отец, а ты, сестра, удивлена, – усадив их рядом с собой, произнес он. – Однако это правда: через несколько минут ее высочество прибудет в наш бедный дом.

– Необходимо этому помешать любой ценой, черт меня побери! – вскричал барон. – Если это произойдет, мы навсегда будем опозорены. Если именно здесь ее высочество надеется увидеть образец французской знати, мне ее жаль. Я хочу знать, почему она выбрала именно мой дом?

– О, это целая история, отец.

– История? – переспросила Андре. – Расскажи нам ее, брат!

– Да, настоящая история, которая способна заставить снова поверить в Бога тех, кто забыл имя нашего Спасителя и Отца.

Барон вытянул губы в трубочку, всем своим видом давая понять, что сомневается в милости Высшего Судии людей и их деяний, соблаговолившего, наконец, заметить его, барона де Таверне, и вмешаться в его дела.

Глядя на Филиппа, Андре повеселела и пожала ему руку, благодаря за новость и радуясь за него.

– Брат! Дорогой брат! – шептали ее губы.

– Брат! Дорогой брат! – передразнил барон. – Ей-богу, она довольна!

– Вы же видите, отец, что Филипп счастлив!

– Господин Филипп – восторженный юнец! А я, к счастью или к несчастью, привык все взвешивать, – проворчал Таверне, с тоской оглядывая убранство гостиной. – Я не вижу в этом ничего веселого!

– Надеюсь, вы измените свое мнение, отец, – сказал молодой человек, – когда узнаете о том, что со мной произошло.

– Ну так рассказывай! – проворчал старик.

– Да, да, расскажи, Филипп, – попросила Андре.

– Итак, я находился, как вы знаете, в Страсбургском гарнизоне. Как вам, должно быть, известно, ее высочество въехала через Страсбург.

– Разве можно знать что-нибудь, живя в этой дыре? – пробормотал Таверне.

– Так ты говоришь, дорогой брат, что именно через Страсбург ее высочество...

– Да! Мы с самого утра ожидали ее, стоя на плацу под проливным дождем, – мы промокли насквозь. У нас не было точных сведений о времени прибытия ее высочества. Майор отправил меня в разведку навстречу кортежу. Я проехал около мили, как вдруг на повороте нос к носу втолкнулся с передними всадниками эскорта. Мы обменялись несколькими словами, и они проехали вперед. Ее королевское высочество выглянула из кареты и спросила, как меня зовут.

Мне показалось, что меня окликнули, однако я очень торопился передать долгожданную весть тому, кто меня послал, и летел галопом. Усталости шестичасового ожидания как не бывало.

– А ее высочество? – спросила Андре. – Как она выглядит?

– Она так же молода, как и ты, и прекрасна, словно ангел, – отвечал шевалье.

– Скажи, Филипп... – замялся барон.

– Что отец?

– Ее высочество похожа на кого-нибудь из твоих знакомых?

– Моих знакомых?

– Да.

– Никто не может быть похож на ее высочество! – восторженно воскликнул молодой человек.

– Подумай хорошенько. Филипп задумался.

– Нет, – отвечал он.

– Ну..., на Николь, может быть?

– Как странно! – вскричал пораженный Филипп. – Да, у Николь в самом деле есть нечто общее с именитой путешественницей. Конечно, сходство весьма отдаленное, Николь до нее далеко! Откуда вам это известно, отец?

– Я узнал об этом от колдуна, клянусь честью!

– От колдуна? – удивился Филипп.

– Да! Он, кстати, предсказал мне твой приезд.

– Незнакомец? – робко спросила Андре.

– Незнакомец... Не он ли стоял рядом с вами, когда я приехал, а потом незаметно удалился?

– Да, да, именно он. Но продолжай рассказывать, Филипп.

– Может, стоило бы подготовиться к визиту? – предложила Андре.

Барон удержал ее за руку.

– Чем больше мы будем готовиться, тем смешнее будем выглядеть, – сказал он. – Продол-

жай, Филипп, продолжай!

– С удовольствием, отец. Итак, я прискакал в Страсбург и передал сведения. Мы дали знать губернатору, господину де Стенвилю – он незамедлительно явился. Когда предупрежденный вестовым губернатор явился на плац, мы выступили походным порядком. Впереди показался кортеж и мы поспешили к Кельнским воротам. Я оказался рядом с губернатором.

– Господином де Стенвилем? – переспросил барон. – Подожди-ка, я знавал одного Стенвиля...

– Это зять министра, господина де Шуазеля.

– Так, так! Продолжай, – приказал барон.

– Ее высочество молода, ей, очевидно, нравятся молодые лица. Когда она с рассеянным видом выслушивала комплименты господина губернатора, ее взгляд остановился на мне; я почти totalmente отступил на шаг.

– Не этот ли господин был выслан мне навстречу? – указав на меня, спросила она.

– Вы совершенно правы, сударыня, – отвечал господин де Стенвиль.

– Подойдите, сударь, – приказала она. Я приблизился.

– Как вас зовут? – спросила ее высочество приятным голосом.

– Шевалье де Таверне Мезон-Руж, – едва мог вымолвить я.

– Запишите это имя, дорогая, – приказала ее высочество, обращаясь к старой даме, которую, как я позже узнал, зовут графиня де Лангесхаузен,

– это фрейлина ее высочества. Она в ту же минуту внесла мое имя в записную книжку.

Затем ее высочество вновь обратилась ко мне:

– Ах, что с вами сделала эта скверная погода! По правде говоря, я упрекаю себя, когда думаю, что вам пришлось столько вынести из-за меня.

– Как это любезно с ее стороны, какие добрые слова! – сложив на груди руки, воскликнула Андре.

– Я запомнил их точно, а также интонацию, выражение лица, с которыми они были произнесены, – все, все, все!

– Прекрасно! Просто превосходно! – пробормотал барон с какой-то особенной улыбкой, в которой сквозило отеческое самодовольство и вместе с тем угадывалось невысокое мнение о женщинах, в том числе и о королевах. – Продолжай, Филипп!

– Что ты ответил? – спросила Андре.

– Ничего. Я поклонился до самой земли, и ее высочество прошла мимо.

– Как? Ничего не ответил? – вскричал барон. – Я лишился голоса, отец. Душа моя ушла в пятки, я чувствовал, как сильно стучит сердце. – Какого черта! В твоём возрасте я был представлен принцессе Лещинской; думаешь, я не нашел, что сказать? – Вы очень остроумны, отец, – с поклоном отвечал Филипп.

Андре пожала ему руку.

– Я воспользовался отъездом ее высочества, – продолжал Филипп, – и вернулся к себе на квартиру, чтобы привести себя в порядок. Я насквозь промок и чертовски вымазался.

– Бедный! – прошептала Андре.

– Тем временем, – продолжал Филипп, – ее высочество прибыла в ратушу – здесь она принимала приветствия жителей. Когда церемония закончилась, было объявлено, что обед подан, и она села за стол.

Мой друг, майор нашего полка, тот самый, что послал меня навстречу ее высочеству, уверял меня, что принцесса несколько раз пробежала взглядом по рядам офицеров, присутствовавших на обеде.

– Почему я не вижу, – спросила ее высочество после безуспешных попыток заметить того, кого она искала взглядом, – молодого офицера, который выехал мне навстречу утром? Разве ему не передали, что я хочу его поблагодарить?

Майор выступил вперед.

– Ваше высочество! – заговорил он. – Господин лейтенант де Таверне зашел, должно быть, к себе, чтобы переодеться перед тем как представиться вашему королевскому высочеству.

Не прошло и нескольких минут, как я вошел в залу. Ее высочество заметила меня.

Она знаком приказала мне подойти, я приблизился.

– Сударь, – заговорила она, – не согласитесь ли вы сопровождать меня в Париж?

– О сударыня! – воскликнул я. – Вы оказываете мне великую честь! Однако я состою на службе в Страсбургском гарнизоне и...

– И..?

– Не принадлежу себе!

– Кому вы подчиняетесь?

– Военному губернатору.

– Хорошо, я с ним поговорю.

Она жестом отпустила меня, и я удалился.

Вечером она обратилась к губернатору:

– Не могли бы вы удовлетворить одну мою прихоть?

– Скажите мне, что это за прихоть. Это будет приказом для меня, ваше высочество.

– Я не так выразилась: это не прихоть, а скорее клятва, которую я себе дала перед отъездом.

– Для меня это еще более свято. Я слушаю вас, ваше высочество.

– Я дала себе слово взять в свиту первого француза, кем бы он ни оказался, которого я встречу, ступив на французскую землю. Я поклялась осчастливить его и его семью, если, конечно, во власти царствующих особ осчастливить кого бы то ни было.

– Царствующие особы выражают Божью волю на земле. Как имя того, кому выпало счастье первым встретить ваше высочество?

– Это господин де Таверне Мезон-Руж, молодой лейтенант, предупредивший вас о моем прибытии.

– Мы все будем завидовать господину де Таверне, ваше высочество, – сказал губернатор, – но не станем мешать счастью, которого он удостоен. Он связан присягой – мы освобождаем его от присяги. Он состоит на службе

– мы освобождаем его от службы. Он отправится одновременно с вашим королевским высочеством.

– В самом деле, в тот день, когда карета ее высочества покинула Страсбург, я получил приказ верхом сопровождать ее. С этого времени я не удаляюсь от дверцы ее кареты.

– Хе, хе, – все еще посмеиваясь, заметил барон. – Как все необычно! Однако ничего невозможного в этом нет!

– Что вы имеете в виду? – наивно спросил молодой человек.

– О, я кое о чем догадываюсь, – продолжал барон, – начинаю догадываться, хе-хе!

– Дорогой брат! – заметила Андре. – Я не совсем понимаю, как вышло, что ее высочество пожелала посетить Таверне?

– Сейчас расскажу. Вчера вечером, около одиннадцати, мы прибыли в Нанси. Мы с факелами проехали через весь город. Ее высочество окликнула меня.

– Господин де Таверне, – обратилась она ко мне, – поторопите эскорт.

Я показал знаком, что ее высочество желает ехать скорее.

– Я хочу завтра утром выехать пораньше, – прибавила ее высочество.

– Ваше высочество желает завтра успеть побольше проехать? – спросил я.

– Нет, мне бы хотелось сделать в пути остановку. Словно какое-то предчувствие шевельнулось у меня в сердце.

– В пути? – переспросил я.

– Да, – отвечала она. Я молчал.

– Вы не догадываетесь, где я хочу остановиться? – с улыбкой продолжала она.

– Нет, ваше высочество.

– Я хотела бы остановиться в Таверне.

– Почему в Таверне? – воскликнул я.

– Чтобы познакомиться с вашим отцом и сестрой.

– С отцом! С сестрой!.. Как, ваше высочество, вы знаете?..

– Я узнала, – сказала она, – что они живут всего в двухстах шагах от дороги, по которой мы будем следовать. Прикажете остановиться в Таверне.

Меня прошиб пот, я поспешил заметить ее высочеству с понятным вам волнением:

– Ваше высочество! Дом моего отца не достоин чести принимать столь знатную принцессу.

– Почему же? – поинтересовалась ее высочество.

– Мы бедны.

– От этого прием только выиграет в сердечности и простоте, я в этом уверена! – заметила ее высочество. – Как бы ни был беден дом Таверне, у вас, верно, найдется чашка молока для Друга, который желает хоть на минуту забыть, что он, то есть я, – эрцгерцогиня Австрии и дофина Франции.

– О сударыня! – только и мог проговорить я, склонившись до земли.

– Вот и все. Из почтительности я не осмелился продолжать спор.

– Я надеялся, что ее высочество забудет о своих намерениях или что ее фантазия развеется поутру вместе со свежим ветром в дороге. Однако этого не произошло. На почтовой станции в Понт-а-Муссоне ее высочество спросила меня, далеко ли до Таверне. Мне ничего не оставалось, как признаться, что мы всего в трех милях отсюда.

– До чего ты неловок! – вырвалось у барона.

– Что поделаешь!.. Можно было подумать, что ее высочество догадалась о моем смущении: «Ни о чем не беспокойтесь, – сказала она, – я недолго у вас пробуду. Однако так как вы угрожаете мне тем, что прием может быть мне неприятен, мы будем квиты, потому что я тоже заставила вас страдать, когда въезжала в Страсбург». Как можно было устоять перед такой любезностью? Научите, отец!

– О, это было совершенно невозможно! – воскликнула Андре. – Да потом, ее высочество, кажется, очень снисходительна и довольствуется моими цветами и чашкой молока, как она выражается.

– Да, однако ее не могут удовлетворить ни мои кресла, которые обломают ей бока, ни обшивка стен, которая приведет ее в уныние. К черту капризы! Повезло же Франции: ею будет править женщина, которой приходят в голову такие фантазии! Черт побери! Занимается заря будущего необыкновенного правления!

– Отец! Как вы можете говорить подобные вещи о принцессе, которая осыпает нас милостями, оказывает нам такую честь?

– Да она скорее обесчестит меня! – вскричал старик. – Кто сейчас помнит о Таверне? Никто. Славное имя покоится под развалинами Мезон-Ружа. Я лелеял надежду, что оно выйдет на свет в подходящий момент. Так нет же, напрасно я надеялся: явилось юное создание, пожелавшее из прихоти воскресить наше имя, поблекшее, запылившееся, жалкое, ничтожное. А следом за ней придут газетчики, которые так и вынюхивают, где бы посмеяться, как бы выудить скандалчик, которыми они только и живут! Уж они распишут в своих грязных листках, как принимали принцессу в лачуге у Таверне! Черт побери, у меня мелькнула мысль!

Последние слова барона заставили молодых людей вздрогнуть.

– Что вы надумали, отец? – спросил Филипп.

– Я неплохо знаю историю, – процедил сквозь зубы барон, – если граф де Медина поджиг свой дворец ради удовольствия обнять королеву, то я готов спалить свою хибару, лишь бы не принимать ее высочество. Пусть приезжает!

Молодые люди услышали последние его слова и беспокойно переглянулись.

– Пусть приезжает! – повторил Таверне.

– Она будет здесь с минуты на минуту, – сообщил Филипп. – Я проехал напрямик через Пьеррфитский лес, чтобы выиграть время и опередить кортеж хотя бы на несколько минут. Теперь он, должно быть, совсем близко.

– В таком случае не будем терять время даром! – воскликнул барон.

С проворством двадцатилетнего юноши барон выскочил из гостиной, вбежал на кухню, схватил из очага пылавшую головню и бросился к ригам с соломой, сухой люцерной и конскими бобами. Он поднес было огонь к вязанке, как вдруг словно из-под земли вырос Бальзамо и схватил

его за руку.

– Что это вы надумали? – воскликнул он, вырывая из его рук головню. – Эрцгерцогиня Австрии – не коннетабль де Бурбон! Она не может до такой степени опорочить дом, что его лучше спалить, чем пустить ее на порог!

Старик замер, бледный, трясущийся, улыбка исчезла с его лица. Ему понадобилось собрать все свои силы: в ущерб чести, которую он понимал весьма своеобразно, ему предстояло перейти от едва терпимой бедности к полной нищете – Идите в дом, сударь, идите! – продолжал Бальзамо – У вас мало времени, а вы должны еще успеть снять этот шлафрок и одеться более подобающим образом. Барон де Таверне, с которым я познакомился во время осады Филиппсбурга, был удостоен Большого креста Святого Людовика. Я не знаю костюма, которого бы не украсила подобная награда.

– Сударь, – возразил Таверне, – несмотря ни на что, ее высочество увидит то, чего я не хотел бы показать даже вам: она поймет, что я несчастен.

– Будьте спокойны, господин барон, я так ее займу, что она даже не заметит, новый у вас дом или старый, бедный или богатый. Помните о гостеприимстве, сударь: это долг дворянина. Чего ждать ее высочеству от врагов – а их у нее предостаточно, – если друзья будут сжигать свои замки, лишь бы не принимать ее у себя? Не будем предвосхищать событий, предсказывая ее неудовольствие: всему свое время.

Господин де Таверне повиновался со смирением, которое он уже однажды проявил. Он пошел к детям, обеспокоенным его отсутствием и повсюду его искавшим.

А Бальзамо бесшумно удалился, словно для того, чтобы завершить начатое.

Глава 14. МАРИЯ-АНТУАНЕТТА-ЖОЗЕФИНА, ЭРЦГЕРЦОГИНЯ АВСТРИИ

В самом деле, как сказал Бальзамо, нельзя было терять ни минуты: оглушительный стук колес, топот копыт, громкие голоса донеслись с дороги, обычно столь безлюдной, которая вела от главной дороги к дому барона де Таверне.

Показались три кареты, одна из которых была украшена позолотой и мифологическими барельефами. Однако, несмотря на пышность отделки, она была так же покрыта пылью и забрызгана грязью, как две другие кареты. Кorteж остановился у ворот, которые распахнул Жильбер. Его широко раскрытые глаза и сильнейшее возбуждение свидетельствовали о необычайном волнении, которое он переживал при виде такого величия.

Двадцать всадников, все как один молодые и блестящие, выстроились перед главной каретой, и из нее вышла девушка. Ей можно было дать лет пятнадцать или шестнадцать, ее волосы были не напудрены, она носила высокую прическу. Ее сопровождал человек, одетый в черное, с широкой орденской лентой на груди.

Мария-Антуанетта – это была именно она – прибыла во Францию с репутацией красавицы, что нечасто выпадало на долю принцесс, которым надлежало разделить трон с королями Франции. Было трудно сказать что-либо определенное о ее глазах: нельзя сказать, что они были очень красивы, однако могли по ее желанию принимать любое выражение, сочетавшее подчас такие противоположные оттенки, как, например, нежность и презрение. Нос ее был правильной формы, верхняя губка была очаровательна, а вот нижняя – аристократическая черта семнадцати цезарей – слишком широкая и отвисшая; она не очень шла к ее милому лицу, если только оно не выражало гнева или возмущения. Цвет лица был восхитителен, нежный румянец просвечивал сквозь прозрачную кожу; ее грудь, шея, плечи были изумительной красоты, руки – античной формы. Поступь ее была твердой, благородной, стремительной, однако, забывшись, она передвигалась вяло, неуверенно и как бы крадучись. Ни одна женщина не могла столь же грациозно, как она, склониться в реверансе. Ни одна королева не умела, как она, приветствовать своих подданных. Кивнув разом нескольким лицам, она могла воздать должное каждому.

В тот день Мария-Антуанетта чувствовала себя обычной женщиной и улыбалась, как женщина, притом женщина счастливая. Она решила забыть хотя бы на один день, что она – ее высочество. Ее лицо было спокойно, теплая благожелательность оживляла взгляд. На ней было белое

шелковое платье, прекрасные обнаженные руки прятались под плотной кружевной накидкой.

Едва выйдя из кареты, она обернулась, чтобы помочь свитской даме преклонного возраста выйти из кареты. Отказавшись от помощи человека в черном, она свободно пошла вперед, вдыхая полной грудью свежий воздух и оглядываясь, словно пыталась как можно полнее насладиться редкими минутами свободы, которые могла себе позволить.

– О, какое очаровательное место, до чего хороши деревья, какой прелестный домик! – восклицала она – Какое, должно быть, счастье дышать свежим воздухом под этими тенистыми деревьями!

В это самое мгновение появился Филипп де Таверне в сопровождении Андре, которая заплела свои длинные волосы в косы и надела шелковое платье цвета льна. Ее вел барон, одетый в парадный камзол голубого бархата, – остатки прежней роскоши. Само собой разумеется, что по совету Бальзамо барон не забыл надеть орденскую ленту Святого Людовика.

Ее высочество остановилась, как только заметила шедших ей навстречу хозяев.

Молодую принцессу окружили офицеры, державшие под уздцы лошадей, и придворные, обнажившие головы. Они чувствовали себя свободно, держали друг друга под руку и едва слышно переговаривались между собой.

Бледный от волнения Филипп де Таверне с важным видом приблизился к дофине.

– Сударыня! – обратился он к ней. – Имею честь представить вашему высочеству моего отца, господина барона де Таверне Мезон-Руж, и мою сестру, мадмуазель Клер-Андре де Таверне.

Барон низко поклонился как человек, умеющий приветствовать королеву. Андре присела в грациозном реверансе с присущей ей скромной и ласковой вежливостью, выражая своим видом самое искреннее уважение.

Мария-Антуанетта разглядывала молодых людей. Памятуя об их бедности, о которой ее предупреждал Филипп, она догадалась, что им сейчас тяжело.

– Ваше высочество! – с достоинством произнес барон. – Вы оказываете слишком высокую честь замку де Таверне. Наше скромное жилище недостойно принимать столь знатную и прекрасную даму.

– Я знаю, что нахожусь в гостях у старого солдата, защищавшего Францию, – отвечала принцесса. – Моя мать, императрица Мария-Терезия, любившая воевать, рассказывала мне, что у вас в стране самые отважные бывают, как правило, самыми бедными.

С невыразимой грацией она подала свою точеную ручку Андре – та поцеловала ее, преклонив колено.

Барон, находившийся под влиянием своей идеи, не переставал ужасаться при виде огромной свиты, которая должна была вот-вот наводнить его домишко, а ему, барону, даже некуда было их посадить.

Принцесса вывела его из затруднительного положения.

– Господа! – воскликнула она, обращаясь к свите. – Вам не следует терпеть все мои прихоти и не следует пользоваться привилегиями, которыми обладает принцесса. Прошу вас ждать меня здесь. Я вернусь через полчаса. Следуйте за мной, дорогая Лангесхаузен, – обратилась она по-немецки к той даме, которой она помогла выйти из кареты. – Проводите нас, – приказала она господину в черном.

Человек, к которому она обращалась, был, несмотря на простое платье, необычайно элегантен. Ему было около тридцати лет, это был красивый мужчина с приятными манерами. Он отступил на шаг, пропуская принцессу вперед.

Мария-Антуанетта взяла Андре под руку и знаком приказала Филиппу идти рядом с сестрой.

Барон оказался рядом с, без сомнения, знатным вельможей, которому принцесса оказывала честь, пригласив сопровождать ее.

– Так вы из рода Таверне Мезон-Руж? – спросил он барона, с аристократической небрежностью поправляя великолепное жабо из английских кружев.

– Как мне называть вас: сударь или монсеньер? – не уступая в бесцеремонности господину в черном, спросил барон.

– Можете говорить мне просто принц, – отвечал тот, – или ваше высокопреосвященство, ес-

ли вам так больше нравится.

– Прекрасно! Так вот, ваше высокопреосвященство, я из рода Таверне Мезон-Руж, самый настоящий Таверне, – произнес барон все тем же насмешливым тоном, который он редко менял.

Его высокопреосвященство, обладавший тактом знатного вельможи, сразу смекнул, что имеет дело с мелкопоместным дворянином.

– Это ваша летняя резиденция? – продолжал он.

– Летняя и зимняя, – воскликнул барон, желавший как можно скорее покончить с неприятным разговором; он сопровождал каждый свой ответ низким поклоном.

Филипп время от времени беспокойно оборачивался и смотрел на отца. Дом неумолимо надвигался, угрожающий и жалкий, готовый предстать во всей своей беспощадной нищете.

Барон приготовился было, смиренно протянув руку к парадному крыльцу, пригласить гостей в дом. В это самое мгновение принцесса обратилась к нему:

– Простите, сударь, но мне не хотелось бы заходить в дом. В этой тени так хорошо, я готова провести здесь всю жизнь! Мне надоели комнаты. Вот уже две недели меня принимают в комнатах, а я так люблю свежий воздух, тень деревьев и аромат цветов!

Затем она обратилась к Андре:

– Мадмуазель! Прикажите принести сюда чашку молока, прошу вас!

– Ваше высочество! – воскликнул, бледнея, барон. – Как можно предлагать вам столь скромное угощение?

– Это как раз то, что я люблю. Молоко и свежие яйца – вот чем я любила полакомиться в Шенбрунне.

Внезапно сияющий и важный Ла Бри в великолепной ливрее, с салфеткой, перекинутой через руку, появился на пороге беседки, обвитой жасмином, где принцесса наслаждалась прохладой.

– Ваше высочество, завтрак подан! – провозгласил он с непередаваемым выражением спокойного благоговения.

– О, так я попала к волшебнику! – со смехом воскликнула принцесса.

Она почти бегом устремила к другой благоухавшей беседке.

Обеспокоенный барон, забыв об этикете, оставил вельможу в черном и бросился вслед за принцессой.

Филипп и Андре обменивались удивленными, в еще большей степени тревожными взглядами.

Оказавшись под зелеными сводами, принцесса не смогла не выразить изумления.

Барон, шедший за ней следом, облегченно перевел дух.

Андре уронила руки с таким видом, точно она спрашивала: «Господи, что все это значит?»

Юная принцесса краем глаза наблюдала за этой пантомимой; ум ее был достаточно проницателен, чтобы проникнуть во все тайны, если только сердце уже не подсказывало ей разгадку.

В зарослях ломоноса, жасмина и жимолости, узловатые стволы которых проросли густыми ветвями, был накрыт продолговатый стол овальной формы, сверкавший белизной узорчатой скатерти и столовым серебром с позолотой.

Десять приборов ожидали столько же сотрапезников.

Их внимание прежде всего привлекло редкое сочетание изысканнейших кушаний.

Тут были экзотические фрукты в сахаре, варенья со всех уголков земли, бисквиты из Алеппо, мальтийские апельсины, лимоны неслыханных размеров,

– все это было разложено в огромных вазах. Благородные вина знаменитых на весь мир марок переливались, словно рубины и топазы, в четырех восхитительных графинах персидской работы.

Молоко, заказанное принцессой, было налито в кувшин золоченого серебра.

Дофина оглянулась на хозяев и заметила, что их лица бледны и растерянны.

Придворные восхищались зрелищем, ни о чем не догадываясь, да и не пытались что-либо понять.

– Так вы меня ждали? – обратилась дофина к барону де Таверне.

– Я, сударыня? – пролепетал он.

– Ну да! За десять минут всего этого не приготовить, а я нахожусь у вас не более десяти минут, не так ли?

С этими словами она взглянула на Ла Бри, словно желая сказать: «Особенно если в распоряжении имеется один-единственный лакей».

– Ваше высочество! – отвечал барон. – Я в самом деле ожидал вашего прибытия, вернее, был о нем предупрежден.

Принцесса обернулась к Филиппу.

– Так, значит, господин Филипп успел вам написать? – спросила она.

– Нет, ваше высочество.

– Никто не знал, что я собираюсь у вас остановиться, даже я. Я скрывала это намерение от самой себя, не желая причинять вам беспокойства, которое я обычно вношу с собой. Я говорила об этом с вашим сыном сегодня ночью. С тех пор он находился при мне, отлучившись лишь час назад. Ему, вероятно, удалось опередить меня всего на несколько минут.

– Да, ваше высочество, не больше, чем на четверть часа.

– Значит, какая-нибудь добрая фея вам обо мне сообщила? Ваша крестная мать, мадмуазель? – с улыбкой прибавила принцесса, взглянув на Андре.

– Ваше высочество! – произнес барон, жестом приглашая принцессу за стол. – Об этой счастливой случайности нас уведомила не фея, а...

– Кто же? – спросила принцесса, видя, что барон колеблется.

– Клянусь честью, он волшебник!

– Волшебник? Не может быть!

– Я ничего в этом не понимаю, потому что не интересуюсь магией, однако именно ему, сударыня, я обязан возможностью оказать вашему высочеству более или менее приличный прием, – признался барон.

– Так, значит, мы не можем ни к чему прикоснуться, – проговорила принцесса, – потому что стоящее перед нами угощение – следствие колдовства. Его высокопреосвященство слишком поторопился, – прибавила она, повернувшись к господину в черном, – разрезав этот страсбургский пирог: мы, конечно, не станем его есть. А вы, моя дорогая, – обратилась она к фрейлине, – не пейте этого кипрского вина. Лучше последуйте моему примеру.

С этими словами принцесса налила в золотой кубок воды из пузатого графина с узким горлышком.

– А ведь ее высочество права! – с испугом произнесла Андре.

Не имея понятия о том, что произошло накануне, Филипп дрожал от нетерпения и удивления, переводя взгляд отца на сестру и пытаясь прочесть в их лицах то, о чем они сами едва догадывались.

– Это противоречит догмату веры, – сказала принцесса, – как бы господин кардинал не согрешил!

– Ваше высочество, – отвечал прелат. – Мы слишком близки к свету – я говорю о..., принцах Церкви, чтобы верить в Божий гнев из-за еды; кроме того, мы слишком человеколюбивы, чтобы сжигать на костре любезных колдунов, которые нас так вкусно кормят.

– Не шутите, ваше высокопреосвященство, – произнес барон. – Могу поклясться, что, человек, который все это приготовил, – настоящий колдун; примерно с час назад он мне предсказал прибытие ее высочества, а также приезд моего сына.

– С час назад, вы говорите? – переспросила принцесса.

– Да, если не больше.

– И вам хватило этого времени, чтобы накрыть такой стол, выставив фрукты со всех концов земли, приказав доставить вина из Токая, Констанцы, Кипра и Малаги? В таком случае вы еще больший колдун!

– Нет, ваше высочество, это все он.

– Как это он?

– Да, по его приказанию словно из-под земли появился накрытый стол, тот самый, за которым вы сидите!

– Поклянитесь! – потребовала принцесса.
– Клянусь честью! – вскричал барон.
– Да что вы? – совершенно серьезно воскликнул кардинал, отодвинув тарелку. – Я было подумал, что вы шутите.
– Нет, ваше высокопреосвященство.
– Так у вас живет колдун, настоящий колдун?
– Настоящий! Я не удивлюсь, если окажется, что золото на этих приборах – его работа!
– Так ему, верно, известна тайна философского камня! – вскричал кардинал, в глазах которого мелькнула зависть.
– Ах, как это было бы кстати для господина кардинала, – проговорила принцесса, – ведь он всю жизнь его ищет, и все без толку!
– Должен признаться вашему высочеству, – заметил кардинал, – что я не знаю ничего интереснее сверхъестественных вещей, ничего любопытнее вещей невозможных.
– А я, кажется, задела вас за живое, – проговорила принцесса, – у каждого великого человека есть свои тайны, особенно у дипломатов. Предупреждаю вас, что я чрезвычайно сильна в магии, я даже иногда угадываю вещи если не невозможные или сверхъестественные, то по крайней мере такие, в которые трудно поверить.
Это был, по-видимому, намек, понятный одному кардиналу: он смутился. Надобно заметить, что когда принцесса с ним заговорила, в ее глазах вспыхнул огонек, свидетельствовавший о бушевавшей в ее душе ярости.
Однако она овладела собой и продолжала:
– Итак, господин де Таверне, покажите же нам своего чародея для полноты праздника. Где он? В какой коробочке вы его прячете?
– Скорее уж он запрячет меня и весь мой дом в какую-нибудь коробочку! – заметил барон.
– Откровенно говоря, вы раздражили мое любопытство, – призналась Мария-Антуанетта. – Я желаю его видеть!
Мария-Антуанетта умела придавать очарование своим речам, однако тон у нее был властный. Барон, оставшись стоять вместе с сыном и дочерью и прислуживая принцессе, это уловил. Он подал знак Ла Бри, который, вместо того чтобы ухаживать за именитыми гостями, вознаграждал себя за двадцать лет воздержания тем, что рассматривал их, разинув рот.
Ла Бри поднял глаза, – Ступайте к господину барону Джузеппе де Бальзамо, – приказал Таверне, – и передайте ему, что ее высочество желает его видеть.
Ла Бри исчез.
– Джузеппе Бальзамо! – повторила принцесса. – Какое необычное имя, не правда ли?
– Джузеппе Бальзамо! – задумчиво повторил кардинал. – Мне кажется, я уже слышал это имя.
Пять минут прошли в полной тишине.
Внезапно Андре вздрогнула: она раньше других услышала шаги.
Ветви раздвинулись: Джузеппе Бальзамо оказался лицом к лицу с Марией-Антуанеттой.

Глава 15. МАГИЯ

Бальзамо низко поклонился. Подняв умные, выразительные глаза, он остановил почтительный взгляд на дофине, ожидая ее вопросов.
– Если вы тот человек, о котором нам только что рассказывал господин де Таверне, – проговорила Мария-Антуанетта, – то подойдите ближе, чтобы мы могли видеть, из чего сделан колдун.
Бальзаме сделал еще шаг и снова поклонился.
– Вы занимаетесь тем, что предсказываете будущее? – спросила принцесса, не сводя с Бальзамо любопытных глаз и продолжая маленькими глотками пить молоко.
– Я не занимаюсь этим, ваше высочество, – отвечал Бальзамо, – мне случается предвидеть, вот и все.
– Мы воспитаны в светлой вере, – сказала принцесса, – единственная тайна, в которую мы

верим, – это таинства католической церкви.

– Они достойны всякого уважения, – почтительно проговорил Бальзамо. – Однако господин кардинал де Роан, будучи представителем католической власти, может сказать вашему высочеству, что уважения заслуживают не только упомянутые вами таинства.

Кардинал вздрогнул: он никому из присутствовавших не назвал своего имени, никто его не произносил, однако незнакомцу оно было известно.

Казалось, Мария-Антуанетта не обратила на это обстоятельство никакого внимания.

– Вы не можете не признать, что это единственные таинства, которые невозможно опровергнуть, – сказала она.

– Наряду с верой существует уверенность, – все так же почтительно и вместе с тем твердо заявил Бальзамо.

– Вы выражаетесь слишком туманно, господин колдун. Я настоящая француженка душой, но пока еще не разумом: я не очень хорошо понимаю тонкости языка. Правда, мне обещали, что господин де Бьевр займется со мной. Однако пока я вынуждена просить вас не говорить загадками, если вы хотите, чтобы я вас понимала.

– А я осмелюсь просить у вашего высочества позволения оставаться непонятым, – с грустной улыбкой возразил Бальзамо, качнув головой. – Мне бы так не хотелось приоткрывать великой принцессе будущее, которое, возможно, не оправдает ее надежд.

– О, это уже серьезно! – проговорила Мария-Антуанетта. – Господин желает раззадорить мое любопытство для того, чтобы я приказала ему предсказать свою судьбу!

– Боже сохрани, напротив, я буду вынужден это сделать! – холодно возразил Бальзамо.

– Неужели? – рассмеялась дофина. – А вам что же, не хочется?

Смех принцессы постепенно затих; присутствовавшие молчали – они находились под влиянием необыкновенного человека, который привлекал к себе всеобщее внимание.

– Признайтесь откровенно! – сказала принцесса.

Бальзамо молча поклонился.

– Говорят, вы предсказали мое прибытие в дом господина де Таверне? – с едва заметным нетерпением продолжала Мария-Антуанетта.

– Да, ваше высочество.

– Как это было, барон? – обратилась принцесса к Таверне. Ей не хотелось продолжать разговор с Бальзамо. Она уже пожалела, что начала его, но не могла остановиться.

– Ваше высочество! – воскликнул барон. – Клянусь небом, все было очень просто: господин Бальзамо смотрел в стакан с водой...

– Это правда? – взглянув на Бальзамо, спросила принцесса.

– Да, ваше высочество, – отвечал тот.

– В этом и состоит все ваше колдовство? Это по крайней мере неопасно, лишь бы ваши предсказания были бы столь же безобидны.

Кардинал улыбнулся. Барон приблизился к принцессе.

– Вашему высочеству нечему учиться у господина де Бьевра, – заметил он.

– Дорогой хозяин! – весело проговорила принцесса. – Не льстите мне или, напротив, говорите смелее. Я не сказала ничего особенного. Давайте вернемся к нашему разговору, – обратилась она к Бальзамо.

Ей казалось, что ее влечет к нему помимо ее воли – так порой нас тянет к месту, где нас ожидает несчастье.

– Раз вы прочли будущее господина барона в стакане воды, не могли бы вы и мне предсказать судьбу ну, хоть, скажем, читая в графине с водой?

– С удовольствием, сударыня, – сказал Бальзамо.

– Отчего же вы с самого начала отказывались?

– Будущее неясно, сударыня, а я заметил небольшое облачко...

Бальзамо замолчал.

– И что же? – спросила принцесса.

– Как я уже имел честь сообщить вашему высочеству, мне не хотелось огорчать вас.

- Вы видели меня раньше? Где мы встречались?
- Я имел честь видеть ваше высочество, когда вы еще были ребенком. Это было у вас на родине, вы стояли рядом с вашей матерью.
- Вы видели мою мать!
- На мою долю выпала эта честь. Ваша матушка – могущественная королева.
- Императрица, сударь!
- Я хотел сказать, что она – королева сердцем и разумом, однако...
- Что за недомолвки, сударь, да еще когда речь идет о моей матери! – воскликнула принцесса.
- И у великих людей бывают слабости, вот что я имел в виду, в особенности, когда они думают о счастье своих детей.
- Надеюсь, потомки не заметят ни единой слабости у Марии-Терезии, – возразила Мария-Антуанетта.
- Потому что история никогда не узнает того, что известно императрице Марии-Терезии, вашему высочеству и мне.
- У нас троих есть общая тайна? – с пренебрежительной улыбкой спросила принцесса.
- Да, ваше высочество, она принадлежит нам троим, – спокойно отвечал Бальзамо.
- Что же это за тайна?
- Если я отвечу вам вслух, это перестанет быть тайной.
- Все равно, говорите.
- Ваше высочество настаивает?
- Да.
- Бальзамо поклонился.
- В Шенбруннском дворце, – сказал он, – есть кабинет, который носит название Саксонского благодаря стоящим там восхитительным фарфоровым вазам.
- Да, и что же? – спросила принцесса.
- Этот кабинет является частью личных апартаментов ее величества императрицы Марии-Терезии.
- Вы правы.
- В этом кабинете она имеет обыкновение заниматься частной перепиской...
- Да.
- Сидя за великолепным бюро работы Буля, который был подарен императору Франциску Первому королем Людовиком Пятнадцатым.
- Все, что вы до сих пор сказали, верно. Однако то, о чем вы говорите, может знать кто угодно.
- Наберитесь терпения, ваше высочество. Однажды, около семи утра, когда императрица еще не вставала, ваше высочество вошли в этот кабинет через дверь, известную лишь вашему высочеству, так как из всех августейших дочерей ее величества императрицы ваше высочество – самая любимая дочь.
- Дальше?
- Вы, ваше высочество, подошли к бюро. Ваше высочество, должно быть, помнит об этом, потому что с тех пор прошло ровно пять лет.
- Продолжайте.
- Вы, ваше высочество, подошли к бюро, где лежало незапечатанное письмо, которое императрица написала накануне.
- И что же?
- Ваше высочество прочли это письмо. Принцесса слегка покраснела.
- Прочтя письмо, ваше высочество остались им недовольны, потому что потом вы взяли перо и собственноручно...
- Казалось, принцесса почувствовала стеснение в груди. Бальзамо продолжал:
- Ваше высочество зачеркнули три слова.
- Какие же это были слова? – с живостью спросила принцесса.

– Это были первые слова письма.

– Я вас не спрашиваю, где были эти слова, я спрашиваю, что они выражали.

– Должно быть, слишком сильное выражение привязанности к лицу, которому было адресовано письмо. Вот в чем заключалась слабость, о которой я говорил и которую в определенных обстоятельствах можно было бы вменить в вину вашей матери.

– Так вы помните эти три слова?

– Да, я их помню.

– Вы можете их повторить?

– Разумеется.

– Повторите.

– Вслух?

– Да.

– «Мой дорогой друг».

Закусив губу, Мария-Антуанетта побледнела.

– Не желает ли ваше высочество, – спросил Бальзамо, – чтобы я сказал, кому было адресовано письмо? – Нет, я хочу, чтобы вы мне это написали. Бальзамо Достал из кармана что-то вроде записной книжки с золотой застежкой, написал на первом листке несколько слов золотым карандашом, оторвал листок и с поклоном протянул его принцессе.

Мария-Антуанетта взяла листок и прочла:

«Письмо было адресовано любовнице короля Людовика Пятнадцатого госпоже маркизе де Помпадур».

Принцесса удивленно взглянула на человека, выразившегося так ясно, четко, почти не испытывая волнения. Несмотря на то, что, разговаривая с ней, Бальзамо почтительно кланялся, она чувствовала, что он подчиняет ее себе.

– Все это правда, сударь, – сказала она, – и хотя мне неизвестно, каким образом вы узнали все эти подробности, я готова повторить во всеуслышание, потому что не умею лгать: все это правда.

– В таком случае, – проговорил Бальзамо, – прошу позволения вашего высочества откланяться. Надеюсь, ваше высочество убедились в безобидности моих премудростей?

– Отнюдь нет, сударь, – возразила задетая за живое принцесса. – чем больше я убеждаюсь в вашей премудрости, тем больше настаиваю на том, чтобы вы предсказали мне судьбу. Вы ведь говорили о прошлом, а я хочу знать, что меня ожидает в будущем.

Принцесса разволновалась, чего ей не удалось скрыть от присутствовавших.

– Я готов, – сказал Бальзамо, – однако осмелюсь просить ваше высочество не торопить меня.

– Я никогда не повторяю дважды «я хочу», а вы помните сударь, что я однажды уже произнесла эти слова.

– Позвольте мне хотя бы посоветоваться с оракулом, сударыня, – умоляюще проговорил Бальзамо. – Я должен узнать, могу ли я открыть будущее вашему высочеству.

– Доброе ли, плохое ли, я хочу его знать, вы меня поняли, сударь? – продолжала Мария-Антуанетта. – В хорошее предсказание я не поверю, сочтя его за лесть. Плохое буду считать предупреждением. Но каким бы ни было ваше предсказание, обещаю, что буду вам за него признательна. Итак, начинайте.

Принцесса произнесла последние слова тоном, не допускавшим ни замечаний, ни промедления.

Бальзамо взял пузатый графин с узким и коротким горлышком – мы о нем уже упоминали – и поставил на золотую тарелку.

Вода осветилась, запрыгали зайчики, отражаясь в перламутровых стенках сосуда и в сверкавшей воде. Казалось, пристальный взгляд прорицателя читал таинственные знаки, начерченные в глубине сосуда.

Все смолкло.

Бальзамо поднял хрустальный графин и, в последний раз внимательно на него взглянув, опустил на стол и покачал головой.

– Что там? – спросила дофина.

– Не могу сказать, – отвечал Бальзамо.

Выражение лица принцессы словно говорило: «Ну подожди, я умею заставить заговорить даже тех, кто любит молчать».

– Так вам нечего мне сказать? – громко спросила она.

– Есть вещи, которые нельзя говорить царствующим особам, ваше высочество, – отвечал Бальзамо, всем своим видом давая понять, что готов послушаться даже приказания принцессы.

– В особенности, – продолжала она, – когда они выражаются в слове «ничего».

– Меня останавливает совсем не это, сударыня, скорее напротив.

Бальзамо казался смущенным. Кардинал смеялся ему в лицо; барон, подходя к нему, проворчал:

– Ну вот, мой колдун истощился: ненадолго его хватило. Теперь недостает только, чтобы на наших глаза все эти золотые чашки превратились в фиговые листки, как в восточной сказке.

– Я бы предпочла простые фиговые листки всему этому великолепию, устроенному господином Бальзамо для тою, чтобы быть мне представленным.

– Ваше высочество! – сказал Бальзамо, заметно побледнев. – Соболаговолите припомнить, что я не добивался этой чести.

– Ах, сударь, совсем не трудно было догадаться, что я захочу вас увидеть.

– Простите его, ваше высочество, – едва слышно пролепетала Андре, – он думал, что хорошо поступает.

– А я вам говорю, что он поступил дурно, – возразила принцесса так тихо, что ее слышали только Бальзамо и Андре. – Неприлично высказывать свое превосходство, унижая старика. А когда наследница французского престола готова пить из оловянной кружки, принадлежащей честно-му дворянину, ее не следует заставлять брать в руки золотой кубок шарлатана.

Бальзамо выпрямился, вздрогнув как от укуса змеи.

– Ваше высочество, – дрогнувшим голосом обратился он к дофине, – я готов предсказать ваше будущее, раз вы, в ослеплении, настаиваете на этом.

Бальзамо произнес последние слова столь строгим и угрожающим тоном, что присутствовавшие почувствовали, как холодок пробежал у них по спинам.

Юная эрцгерцогиня заметно побледнела.

– *Gieb ihm kein gehoeer, meine Tochter*, – обратилась к ней по-немецки старая фрейлина.

– *Lass sie hoeien, sie hat weissen gewollen, und so soil isie wissen!* – возразил Бальзамо.

Слова, произнесенные на языке, понятном всего нескольким лицам, сообщили происходившему еще большую таинственность.

– Итак, – проговорила принцесса, не слушая возражений старой опекунши, – пусть говорит. Если я ему прикажу замолчать, он подумает, что я его боюсь.

Едва были произнесены эти слова, как на губах Бальзамо мелькнула мрачная усмешка.

– Так я и думал, – прошептал он, – пустое бахвальство.

– Говорите, – приказала принцесса, – говорите, сударь.

– Ваше королевское высочество по-прежнему настаивает, чтобы я говорил?

– Я никогда не отказываюсь от принятого решения.

– Что же, ваше высочество, я готов, но нас никто не должен слышать, – со вздохом проговорил Бальзамо.

– Пусть будет так, – согласилась принцесса. – Я отрежу все пути к отступлению. Оставьте нас.

Повинуясь ее жесту, относившемуся ко всем, присутствовавшие удалились.

– Это один из способов, – поворачиваясь к Бальзамо, заметила принцесса, – добиться аудиенции, не так ли, сударь?

– Не пытайтесь меня задеть, ваше высочество, – отвечал Бальзамо, – я не более чем орудие в руках Божиих, которым Господь пользуется для того, чтобы вас просветить. Не дразните судьбу, иначе она ответит вам тем же: она сумеет за себя отомстить. А я только передаю ее волю. Так не пытайтесь же направить на меня свой гнев: он к вам вернется; не мне отвечать за несчастья, о ко-

торых я призван вас известить.

– Так меня ждут несчастья? – удивилась принцесса; уважение, с которым говорил Бальзамо, смягчило и обезоружило ее.

– Да, ваше высочество, и очень большие несчастья, – с показным смирением добавил он.

– Расскажите мне об этом подробнее.

– Попытаюсь.

– Итак?

– Задавайте мне вопросы.

– Будет ли счастлива моя семья?

– О какой из них вы спрашиваете: о той, которую вы оставили, или о той, которая у вас будет?

– Я спрашиваю о своей настоящей семье: о матери Марии-Терезии, брате Иосифе, сестре Каролине.

– Ваши несчастья их не коснутся.

– Так они ожидают одну меня?

– Вас и вашу новую семью.

– Не могли бы вы сказать точнее, о каких несчастьях идет речь?

– Мог бы.

– В королевской семье три принца, не так ли?

– Совершенно верно.

– Герцог де Берри, граф де Прованс и граф д'Артуа.

– Совершенно верно.

– Какая судьба их ожидает?

– Все они будут царствовать.

– Означает ли это, что у меня не будет детей?

– Нет, будут.

– У меня не будет сыновей?

– Будут и сыновья.

– Мне будет суждено пережить их? – Вам будет жаль потерять одного, вы так же пожалеете, что другой останется жить.

– Буду ли я любима супругом?

– Он будет вас любить.

– Сильно?

– Слишком сильно.

– Какие же несчастья могут мне угрожать, позвольте вас спросить, если я буду любима супругом и меня будет поддерживать моя семья?

– Вам этого будет недостаточно.

– Мне останется еще любовь и поддержка подданных.

– Любовь и поддержка подданных!.. Да ведь это океан во время затишья... А вам не приходилось, ваше высочество, видеть бушующий океан?

– Я буду делать добро и помешаю разразиться буре, а если она начнется, я поднимусь на ее волне.

– Чем выше волна, тем глубже открывающаяся бездна.

– Со мной будет Бог.

– Бог не защищает тех, кого обреч на гибель.

– Что вы хотите этим сказать? Разве мне не суждено быть королевой?

– Напротив, сударыня, но лучше бы вас миновала чаша сия.

Молодая женщина презрительно улыбнулась.

– Слушайте, ваше высочество, и запоминайте, – проговорил Бальзамо.

– Я вас слушаю, – сказала принцесса.

– Обратили ли вы внимание, – продолжал пророк, – на гобелен, висевший в той комнате, в которой вы провели свою первую ночь на французской земле?

- Да, – вздрогнув, отвечала принцесса.
 - Что было изображено на гобелене?
 - Избиение невинных.
 - Признайтесь, что зловещие лица убийц запечатлелись в памяти вашего высочества!
 - Да, запечатлелись.
 - Хорошо. А скажите, вы ничего не заметили во время грозы?
 - Молния угодила в дерево слева от меня, и, падая, оно едва не раздавило мою карету.
 - Вот это и есть предзнаменования, – мрачно произнес Бальзамо.
 - Роковые предзнаменования?
 - Мне кажется, было бы трудно истолковать их иначе.
- Принцесса уронила голову на грудь и замолчала.
- Какая смерть ожидает моего супруга? – собравшись с духом, спросила она.
 - Он будет обезглавлен.
 - Что ждет графа де Прованса?
 - Ему отрежут ноги.
 - Как умрет граф д'Артуа?
 - Потеряв двор.
 - А я?

Бальзамо покачал головой.

- Говорите... – настаивала принцесса, – говорите же!
- Мне нечего вам сказать.
- Я жду вашего ответа! – воскликнула охваченная дрожью Мария-Антуанетта.
- Помилуйте, ваше высочество!
- Говорите же, – повторила принцесса.
- Ни за что, ваше высочество, никогда!
- Говорите! – угрожающе проговорила Мария-Антуанетта. – Говорите, или я подумаю, что все это не более чем забавная комедия. Но тогда берегитесь: с дочерью Марии-Терезии шутки плохи; не шутите с женщиной, которая держит в своих руках жизнь тридцати миллионов человек!

Бальзамо молчал.

– Так вы ничего больше не знаете, – презрительно пожав плечами, сказала принцесса. – Или, вернее, вы исчерпали свое воображение.

– Повторяю, мне известно все, ваше высочество, – возразил Бальзамо, – и раз вы настаиваете...

– Да, я требую!

Бальзамо взял графин, стоявший на золотой тарелке, и перенес его в углубление из камней, сложенных наподобие грота. Взяв эрцгерцогиню за руку, он увлек ее под темные своды грота.

– Вы готовы? – спросил он принцессу, напуганную его горячностью.

– Да.

– Опуститесь на колени, ваше высочество, на колени: молитесь Богу, чтобы он уберег вас от развязки, которая вам уготована.

Принцесса машинально опустилась на колени.

Бальзамо коснулся палочкой хрустального сосуда, в котором отчетливо стало видно чье-то мрачное и ужасное лицо. Принцесса попыталась подняться, пошатнулась и упала. Вскрикнув, она потеряла сознание.

Барон вбежал и увидел, что принцесса лежит без чувств.

Спустя несколько минут она пришла в себя.

Она схватилась за голову, будто что-то припоминая.

С невыразимым ужасом она вскричала:

– Графин! Графин!

Барон подал ей графин. Вода в нем была чиста и прозрачна.

Бальзамо исчез.

Глава 16. БАРОН ДЕ ТАВЕРНЕ НАЧИНАЕТ ВЕРИТЬ, ЧТО ЗАГЛЯНУЛ В БУДУЩЕЕ

Как мы уже сказали, барон де Таверне первым заметил, что ее высочество потеряла сознание: все это время он держался наготове, более других обеспокоенный тем, что должно было произойти между нею и колдуном. Он услышал крик, вырвавшийся из груди ее высочества, и увидел убегавшего Бальзамо; барон бросился к ней на помощь.

Придя в себя, принцесса потребовала показать ей графин; затем велела не трогать колдуна. Приказание принцессы последовало вовремя: Филипп де Таверне, словно разъяренный тигр, уже напал на его след, но голос принцессы остановил пылкого юношу.

Фрейлина принцессы подошла к ней и заговорила по-немецки; принцесса не отвечала на ее вопросы, сказав только, что Бальзамо ничем ее не оскорбил. Принцесса добавила, что утомление от долгого пути, а также прошедшая накануне гроза послужили, по-видимому, причиной ее нервной лихорадки. Ее слова были переданы г-ну де Роану, ожидавшему объяснений, но не осмеливавшемуся расспрашивать принцессу.

Придворные обычно вполне довольствуются отговорками: ответ принцессы не мог быть принят, однако всех, казалось, удовлетворил. Филипп подошел к ней.

– Ваше высочество! – заговорил он. – Я пришел выполнить приказание вашего королевского высочества и, к своему огромному сожалению, должен вам напомнить, что полчаса, которые ваше высочество рассчитывали здесь провести, уже истекли. Лошади поданы.

– Хорошо, – отвечала она с очаровательной небрежностью, вполне извинительной в ее состоянии. – Однако я возвращаюсь к своему первому намерению. Я не могу сейчас ехать... Мне бы хотелось отдохнуть несколько часов; надеюсь, сон восстановит мои силы.

Барон побледнел. Андре беспокойно взглянула на отца.

– Ваше высочество знает, что мой кров совершенно не достоин вас, – пролепетал барон де Таверне.

– Прошу вас не беспокоиться, – слабым голосом отвечала принцесса.

– Все будет хорошо, только бы мне отдохнуть.

Андре стремглав бросилась приводить свою комнату в порядок. Ее комната была не самой большой и, может быть, не самой нарядной; однако в комнате любой девушки благородного происхождения, каковой и являлась Аид-ре, даже столь же бедной, как Андре, есть всегда нечто кокетливое, что не может не радовать глаз любой другой женщины.

Все засуетились вокруг принцессы. Печально улыбаясь, она, не имея сил говорить, жестом отпустила всех, давая понять, что желает остаться одна.

Придворные удалились. Мария-Антуанетта провожала их взглядом до тех пор, пока они не исчезли из виду. Тогда она уронила затуманившуюся голову на свою прелестную ручку.

Неужто и в самом деле то были зловещие предзнаменования, сопровождавшие ее прибытие во Францию? Комната в Страсбурге, в которой она остановилась, впервые ступив на французскую землю, где ей предстояло занять трон, поразила ее гобеленом, изображавшим избиение невинных; гроза, повалившая накануне дерево рядом с ее каретой; наконец, предсказания человека столь необычайного, за которыми последовало страшное явление в сосуде, о чем принцесса, по-видимому, решила никому не рассказывать.

Минут десять спустя возвратилась Андре и сообщила, что комната принцессы готова. Запрет принцессы на нее не распространился, и она смело шагнула под своды грота.

Она несколько минут стояла перед принцессой, не осмеливаясь заговорить. Казалось, ее высочество погрузилась в глубокое раздумье.

Наконец Мария-Антуанетта подняла голову и, улыбнувшись, жестом приказала ей говорить.

– Комната ее высочества готова, – объявила она. – Умоляю ваше высочество быть...

– Большое спасибо, – перебила ее принцесса. – Позовите, пожалуйста, графиню де Лангерсхаузен и проводите нас.

Андре пошла звать фрейлину; старая фрейлина торопливо подошла к принцессе.

– Подайте мне руку, дорогая Бригитта, – обратилась к ней принцесса по-немецки, – при-

знаться, я чувствую, что не смогу дойти одна.

Графиня исполнила приказание принцессы; Андре тоже протянула ей руку.

– Так вы понимаете немецкую речь, мадмуазель? – обратилась к ней Мария-Антуанетта.

– Да ваше высочество, – отвечала Андре по-немецки, – понимаю и говорю немного.

– Превосходно! – радостно воскликнула принцесса. – Это мне очень важно.

Андре не посмела расспрашивать свою августейшую гостью о ее намерениях, несмотря на страстное желание о них узнать.

Оперевшись на руку г-жи де Лангерсхаузен, принцесса медленно направилась к выходу. Ей казалось, что земля уходит у нее из-под ног.

Дойдя до проема, она услышала голос г-на де Роана:

– Как, господин де Стенвиль! Вы настаиваете на том, чтобы говорить с ее королевским высочеством, несмотря на ее приказание никого не впускать?

– Это совершенно необходимо, – отвечал непреклонный губернатор, – я уверен в том, что ее высочество меня извинит.

– Право, не знаю, должен ли я...

– Господин де Роан! Пропустите господина губернатора, – приказала принцесса, появляясь в проеме грота, прятавшегося в зелени. – Войдите, господин де Стенвиль.

Никто не осмелился ослушаться приказа Марии-Антуанетты: придворные расступились, пропуская зятя всевышнего министра, крепко державшего в руках всю Францию.

Господин де Стенвиль окинул взглядом присутствовавших, давая понять, что хочет говорить с глазу на глаз. Мария-Антуанетта поняла, что губернатор собирается сообщить ей нечто важное. Ей не пришлось приказывать оставить их одних: придворные удалились.

– Деша из Версаля, ваше высочество, – вполголоса сообщил г-н де Стенвиль, подавая принцессе письмо, которое он прятал под расшитой шляпой.

Принцесса прочла на конверте:

– Господину барону де Стенвилю, губернатору Страсбурга.

– Письмо адресовано не мне, а вам, – заметила она, – прочтите его мне, если там есть что-нибудь, касающееся меня.

– Письмо в самом деле послано на мой адрес, ваше высочество, однако в уголке, взгляните, стоит условный знак моего брата господина де Шуазеля, который указывает на то, что письмо предназначено лично вашему высочеству.

– Да, да, вы правы, вот крестик, я его не сразу заметила. Дайте мне письмо.

Принцесса распечатала письмо и прочла:

«Вопрос о представлении ко двору госпожи Дю Барри решен при условии, что она найдет поручительницу. Нам остается надеяться, что это ей не удастся. Наиболее верный способ помешать назначению – ускорить прибытие вашего высочества. Как только ваше высочество будет в Версале, никто не осмелится предлагать подобную нелепость».

– Прекрасно! – воскликнула принцесса, в глазах которой не отразилось ни малейшего волнения. Казалось, письмо несколько ее не заинтересовало.

– Не желает ли ваше высочество отдохнуть? – робко спросила Андре.

– Нет, благодарю вас, мадмуазель, – отвечала эрцгерцогиня, – свежий воздух придал мне сил. Взгляните, как я бодра и весела.

Она отпустила руку графини и сделала несколько быстрых шагов, будто ничего не произошло.

– Лошадей! – приказала она. – Я еду.

Господин де Роан с удивлением взглянул на г-на де Стенвиля, словно ожидая от него объяснений столь резкой перемене.

– Дофин сгорает от нетерпения, – шепнул губернатор на ухо кардиналу.

Он так ловко это сделал, что г-н де Роан принял ложь за пустую болтовню губернатора и остался весьма этим доволен.

Отец давно приучил Андре не удивляться любым прихотям знатных особ, и сейчас она тоже отнеслась спокойно к причудам Марии-Антуанетты.

Андре смотрела на нее с невыразимой кротостью. Обернувшись к ней, принцесса проговорила:

– Благодарю вас, мадмуазель, я очень тронута вашим гостеприимством.

Затем она обратилась к барону:

– Должна вам сообщить, что, покидая Вену, я поклялась осчастливить первого француза, которого встречу, как только окажусь во Франции. Этим французом оказался ваш сын... Но я на этом не останавлиюсь: мадмуазель... Как зовут вашу дочь?

– Андре, ваше высочество.

– Мадмуазель Андре не будет забыта...

– О ваше высочество! – прошептала девушка.

– Да, да, я хочу, чтобы она стала фрейлиной. Таким образом, мы сдержим нашу клятву, не так ли, барон?

– О ваше высочество! – вскричал барон, чьи самые заветные мечты исполнялись. – Тут нам нечего беспокоиться: наша семья гораздо более знатна, чем богата..., хотя..., столь высокая честь...

– Вы ее заслужили! Брат будет сражаться за короля на поле брани, сестра будет служить принцессе во дворце; советы отца научат сына верности, а дочь – добродетели... У меня будут достойные слуги, не так ли, сударь? – продолжала Мария-Антуанетта, обратившись к молодому человеку, который, стоя на коленях, внимал ей, затаив дыхание.

– Однако... – пробормотал барон, к которому вернулась способность рассуждать.

– Да, понимаю, – сказала принцесса, – вам необходимо собраться в дорогу.

– Разумеется, ваше высочество, – отвечал Таверне.

– Я с вами согласна, но сборы должны быть скорыми. Грустная улыбка мелькнула на губах Андре и Филиппа; барон горько усмехнулся, но взял себя в руки, щадя самолюбие семейства Таверне.

– Нет, в самом деле, я сужу по усердию, с каким вы пытались мне услужить, – прибавила принцесса. – Кстати, вот что: я вам оставляю одну из своих карет, на ней вы меня догоните. Господин губернатор, подойдите.

Губернатор приблизился.

– Я оставляю одну карету господину де Таверне, – я беру его вместе с мадмуазель Андре в Париж, – сказала принцесса. Назначьте кого-нибудь, кто мог бы сопровождать карету и в случае необходимости подтвердить, что она из моего эскорта.

– Сию минуту, сударыня, – отвечал барон де Стенвиль. – Подойдите, господин де Босир.

Молодой человек лет двадцати четырех – двадцати пяти с умными живыми глазами уверенной походкой вышел из рядов сопровождавших и подошел, обнажив голову.

– Вы отвечаете за карету, предназначенную для барона де Таверне, – сказал губернатор. – Вам надлежит сопровождать ее.

– Постарайтесь, чтобы карета как можно скорее нас нагнала, – добавила принцесса. – Разрешаю вам в случае надобности удвоить прогонные.

Барон и его дети рассыпались в выражениях благодарности.

– Столь поспешный отъезд, надеюсь, не причинит вам слишком много хлопот? – спросила принцесса.

– Мы рады служить вашему высочеству! – отвечал барон.

– Прощайте, прощайте, – с улыбкой сказала принцесса. – Едемте, господа!.. Господин Филипп, садитесь на коня!

Филипп поцеловал у отца руку, обнял сестру и вскочил в седло.

Четверть часа спустя кавалькада исчезла из виду. Обычно безлюдная дорога, ведущая из замка Таверне, вновь опустела, если не считать молодого человека, сидевшего у ворот замка. Он жадно ловил взглядом последние клубы пыли, вылетающие из-под конских копыт.

Этот молодой человек был Жильбер.

Оставшись наедине с Андре, барон некоторое время не мог прийти в себя.

Гостиная Таверне являла собой необычайное зрелище.

Сложив на груди руки, Андре думала о множестве неслыханных событий, неожиданно во-

рвавшихся в ее тихую жизнь; ей казалось, что все это сон.

Барон пощипывал густые седые брови и безжалостно теребил свое жабо.

Прислонившись к дверному косяку, Николь наблюдала за хозяевами. Ла Бри уставился на Николь, разинув рот и разведя руки.

Первым пришел в себя барон.

– Скотина! – обращаясь к Ла Бри, взревел он. – Стоишь тут, как истукан, а тот господин, офицер его величества, ждет на улице!

Ла Бри отскочил; спотыкаясь, он поспешил к выходу.

Спустя минуту он возвратился.

– Сударь! Господин ждет внизу, – сообщил он.

– Что он делает?

– Скармливает лошади наш синеголовник.

– Пускай делает, что хочет. А карета?

– Стоит на дороге.

– Запряжена?

– Четверкой лошадей! Ох, до чего хороши лошади, государь! Щиплют гранатовую поросль.

– Королевские лошади могут есть все, что пожелают. А где, кстати, колдун?

– Колдун, сударь? Исчез...

– И оставил на столе всю сервировку? – спросил барон. – Не может быть! Должно быть, скоро вернется, или кто-нибудь придет от его имени.

– Не думаю, – заметил Ла Бри. – Жильбер видел, как он уехал вместе со своим фургоном.

– Жильбер видел, как он уехал вместе с фургоном? – задумчиво повторил барон.

– Да, сударь.

– Ох, уж этот бездельник Жильбер: все-то он видит! Ступай укладывать вещи!

– Я все уложил, сударь.

– Как это уложил?

– Да. Как только я услышал приказание ее высочества, я пошел в комнату господина барона и упаковал его костюмы и белье.

– Как ты посмел вмешиваться не в свое дело, негодяй?

– А как же, сударь, я хотел предупредить ваше желание – Бестолочь! Ну хорошо, помоги моей дочери.

– Благодарю вас, отец, мне поможет Николь. Барон снова задумался.

– Ах, мошенник ты эдакий! – снова закричал он на Ла Бри. – Да ведь это же Бог знает что!

– О чем вы изволите говорить, сударь?

– Да о том, о чем ты и не подумал, потому что ты вообще ни о чем не думаешь!

– Что такое, сударь?

– А что если ее высочество уехала, ничего не оставив господину де Босиру, а колдун исчез, ничего не передав Жильберу?

В это самое мгновение во дворе кто-то тихонько свистнул.

– Сударь! – проговорил Ла Бри.

– Чего тебе?

– Вас зовут.

– Кто там еще?

– Этот господин.

– Офицер его величества?

– Да И там еще Жильбер: прогуливается с таким видом, будто хочет что-то сообщить.

– Ну так зови его сюда, скотина!

Ла Бри повиновался с обычной поспешностью.

– Отец! – заговорила Андре, подходя к барону. – Я понимаю, что вас сейчас беспокоит. Вам известно, что у меня есть тридцать луидоров, а также прелестные часики, отделанные бриллиантами, которые подарила моей матери королева Мария Лещинская.

– Да, дитя мое, – сказал барон. – Береги все это, тебе будет нужно красивое платье для пред-

ставления ко двору... А пока я найду денег. Тише! Вот и Ла Бри.

– Сударь! – входя в гостиную, вскричал Ла Бри, в одной руке держа письмо, в другой – несколько золотых монет. – Вот что мне оставила принцесса: десять луидоров! Десять луидоров, сударь!

– Что у тебя за письмо, болван?

– Это вам, сударь; письмо оставил колдун.

– Колдун? А кто передал?

– Жильбер.

– Я же тебе говорил, что ты скотина! Давай, давай скорее сюда!

Барон выхватил письмо из рук Ла Бри, поспешно распечатал его и вполголоса прочитал:

«Господин барон! С тех пор, как августейшая рука прикоснулась к этой посуде, она принадлежит Вам. Свято ее храните и вспоминайте иногда признательного Вам гостя.

Джузеппе Бальзамо».

– Ла Бри! – вскричал барон после минутного размышления.

– Да, сударь?

– Нет ли хорошего ювелира в Бар-ле-Дюке?

– Как же, сударь! А тот, который запаял серебряный кубок мадмуазель Андре?

– Отлично! Андре! Отложи бокал, из которого пила ее высочество, и прикажи снести в карету остальные приборы. А ты, бездельник, беги в погреб и подай господину офицеру хорошего вина.

– Осталась одна бутылка, сударь, – задумчиво отвечал Ла Бри.

– Больше и не нужно. Ла Бри вышел.

– Ну, Андре, – продолжал барон, взяв дочь за руки, – смелее, дитя мое! Мы едем ко двору. Там немало свободных титулов, монастырей в ожидании настоятелей, полков без полковников, пенсий, которые так и поджидают нуждающихся. Что за прекрасная страна – двор, теплое место под солнцем! Стой всегда под его лучами, дочь моя, – ведь ты так хороша собой! Вперед, дитя мое!

Подставив для поцелуя свой лоб барону, Андре вышла из гостиной.

Николь последовала за ней.

– Эй, чудовище Ла Бри, – закричал Таверне, выходя последним. – Позаботься о господине офицере, понял?

– Да, сударь, – отвечал Ла Бри из погреба.

– А я, – продолжал барон, отправляясь в свою комнату, – пойду уложу бумаги... Пройдет час – и в этой конуре нас уже не будет, слышишь, Андре? Наконец-то я выберусь из Таверне, и как кстати! Что за славный человек этот колдун! По правде сказать, я становлюсь суеверным. Живей поворачивайся, Ла Бри, увалень ты эдакий!

– Сударь, мне пришлось двигаться ощупью; в замке не осталось ни одной свечи.

– Кажется, самое время отсюда сбежать, – пробормотал барон.

Глава 17. ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛУИДОРОВ НИКОЛЬ

Вернувшись к себе в комнату, Андре снова начала поспешно готовиться к отъезду. Николь с радостью помогала ей, и в конце концов обе забыли об утренней размолвке.

Андре, улыбаясь, незаметно наблюдала за Николь, и ей приятно было сознавать, что та ей все простила.

«Она хорошая, добрая девушка, – думала Андре, – преданная и благодарная. Как у всех у нас, у нее есть свои слабости. Не стоит обращать на это внимание!»

А Николь внимательно следила за спокойным выражением лица своей красивой госпожи и видела, как улучшается ее расположение духа.

«Какая же я глупая! – думала она. – Из-за этого мерзавца чуть не поссорилась с госпожой, которая берет меня с собой в Париж, а в Париже почти всем удастся устроить свою судьбу».

Было очевидно, что при таком взаимном расположении они должны вот-вот заговорить.

Андре начала первой.

– Уложите кружева в коробку, – сказала она.

– В какую коробку, госпожа? – спросила горничная.

– Вам лучше знать! Разве у нас нет коробок?

– Конечно, есть. Я только сейчас вспомнила о коробке, которую мне дала госпожа. Она у меня в комнате.

И Николь так стремительно бросилась за коробкой, что Андре все ей простила.

– Да это же твоя коробка, – сказала она Николь, когда та вернулась, – она может тебе понадобиться, дитя мое.

– Но, госпожа, она вам больше нужна, пусть она будет ваша.

– Когда собираются обзавестись хозяйством, всегда чего-нибудь не хватает. И сейчас как раз тот момент, когда она больше нужна тебе.

Николь покраснела.

– Тебе нужны коробки, – продолжала Андре, – чтобы складывать приданое.

– Госпожа, – возразила Николь, кокетливо покачивая головой, – мое приданое нетрудно будет уложить, оно займет немного места.

– Почему ты так думаешь? Если ты выйдешь замуж, Николь, я хочу, чтобы ты была не только счастлива, но и богата.

– Богата?

– Да, богата, соответственно твоему положению, конечно.

– А что, госпожа нашла мне в мужья откупщика?

– Нет, но я приготовила для тебя приданое.

– Госпожа не шутит?

– Ты же знаешь, что у меня в кошельке?

– Да, госпожа, двадцать пять настоящих луидоров.

– Ну так вот, Николь, они твои.

– Двадцать пять луидоров! Но это же целое состояние! – вскрикнула Николь, приходя в восторг.

– Тем приятнее для меня, если ты говоришь это серьезно, бедняжка.

– И госпожа дарит мне эти двадцать пять луидоров?

– Да, я тебе их дарю.

Сначала Николь была удивлена, затем ее охватило волнение, потом на глаза навернулись слезы, – она бросилась к Андре и поцеловала ей руку.

– Как ты думаешь, твой муж будет доволен? – спросила госпожа де Таверне.

– Еще бы ему не быть довольным! – ответила Николь. – Я в этом не сомневаюсь.

Она подумала, что Жильбер не хотел на ней жениться, так как боялся нищеты, а теперь, когда она стала богатой, она, возможно, покажется этому честолобцу более привлекательной. Она тут же дала себе слово, что разделит с ним небольшое приданое, полученное от Андре. Николь хотела, чтобы он был обязан ей, таким образом она могла бы привязать его к себе и спасти от гибели. Планы Николь были поистине великодушны. Недоброжелательный наблюдатель заметит, конечно, в ее щедрости намерения на гордость, а вместе с тем и потребность унижить того, кто уже заставил ее однажды испытать унижение.

Отвечая этому пессимисту, мы утверждаем, что в тот момент ее любовь брала верх над расчетливостью.

Андре наблюдала за Николь.

– Бедное дитя, – со вздохом прошептала она. – Если бы не ее заботы, она могла бы быть счастлива.

Услышав эти слова, Николь вздрогнула. Пред взором легкомысленной девушки предстал Эльдorado, где она видела себя разодетой в шелка и кружева, увешанной брильянтами и окруженной мужчинами.

Андре, напротив, никогда не думала об этом, она видела счастье в спокойной жизни.

Но Николь отвела взгляд от этого пурпурно-золотистого видения, которое, как мираж, стоя-

ло у нее перед глазами.

Она устояла перед соблазном.

– Я и здесь могу найти свое счастье, госпожа, – сказала она.

– Подумай хорошенько, дитя мое.

– Хорошо, госпожа, я подумаю.

– Будь благоразумной, устраивай свое счастье по-своему, но не делай глупостей.

– Да, госпожа. А теперь наступило время, когда я могу признать, что я вела себя глупо и чувствую себя виноватой, но речь идет о любви, поэтому я прошу госпожу простить меня.

– Так ты в самом деле любишь Жильбера?

– Да, госпожа. Я., я любила его, – ответила Николь.

– Невероятно! Что тебя в нем привлекало? Как только мне доведется его увидеть, нужно будет, получше рассмотреть этого сердцееда.

Николь посмотрела на Андре с сомнением. Что скрывалось за словами Андре: тонкое лицемерие или простая наивность?

«Андре, может быть, в самом деле ни разу не взглянула на Жильбера, – думала Николь, – но уж Жильбер-то наверняка обратил на Андре внимание».

Прежде чем изложить свою просьбу, она хотела разузнать все подробности.

– Жильбер не едет с нами в Париж, госпожа?

– А зачем? – возразила Андре.

– Но...

– Жильбер не слуга, он не может быть управляющим в Париже. Николь, дорогая моя! Бездельники в Таверне подобны птицам, которые порхают с ветки на ветку в саду или сидят на изгородях вдоль дороги. Как бы ни была скудна земля, она их прокормит. Но бездельник в Париже обходится слишком дорого, и там мы не сможем допустить, чтобы он ничего не делал.

– А если я все-таки выйду за него замуж... – прошептала Николь.

– Ну что ж, Николь, если ты выйдешь за него замуж, ты останешься с ним в Таверне, – решительно сказала Андре, – и вы будете охранять дом, который так любила моя мать.

Этот ответ ошеломил Николь. Андре говорила правду. Она отрекалась от Жильбера без малейшего сожаления и отдавала другой того, кто нравился ей накануне. Это было необъяснимо.

«Вероятно, девушки из высшего общества так уж устроены, – подумала Николь, – вот почему в монастыре ордена Аннонсиад я не раз наблюдала, как легко они влюблялись, но были не способны на сильное чувство».

Андре, вероятно, заметила, что Николь обуревали сомнения; ей нужно было сделать выбор между удовольствиями, которые ожидали ее в Париже, и однообразием тихой и спокойной жизни в Таверне. Поэтому она обратилась к Николь мягко, но в то же время решительно:

– Николь! От твоего решения будет зависеть вся твоя жизнь; подумай как следует, дитя мое, в твоём распоряжении только час. Час – это немного, но я знаю, что ты умеешь принимать решения очень быстро: итак, ты остаешься у меня на службе или выходишь замуж, выбирай – я или Жильбер. Я не хочу, чтобы моя служанка была замужней женщиной, я терпеть не могу семейных интриг.

– Всего-навсего час, госпожа! – повторила Николь.

– Да, только час.

– Ну что ж! Госпожа права, мне хватит и часа.

– Тогда уложи мои платья и платья моей матери, к которым я отношусь, как к реликвиям, а потом сообщишь мне о своем решении. Каким бы оно ни было, вот тебе двадцать пять луидоров. Если ты выйдешь замуж, это твое приданое; если последуешь за мной, это твое жалованье за два года вперед.

Девушка не хотела терять ни минуты отпущенного ей времени; она выбежала из комнаты, быстро спустилась по лестнице, перебежала двор и исчезла в аллее парка.

Глядя на убегающую девушку, Андре прошептала:

«Безумная! Неужели она так счастлива? Неужели любовь так соблазнительна?»

Несколько минут спустя, не теряя ни секунды драгоценного времени, Николь стучала в окно

первого этажа, где жил Жильбер, которого Андре так метко назвала бездельником, а барон – тунецем.

Жильбер что-то делал в глубине своей комнаты, повернувшись спиной к окну, которое выходило на аллею.

Услышав стук в окно, он тут же оставил свое занятие, Как воришка, застигнутый врасплох, и обернулся так поспешно, будто его подбросило.

– А, это вы, Николь? – сказал он.

– Да, это опять я, – ответила с решительной улыбкой девушка, заглядывая в окно.

– Милости просим, Николь! – приветствовал ее Жильбер, открывая окно.

Николь была рада, что ее так любезно встречают; она протянула Жильберу руку – Жильбер пожал ее.

«Вот все и устроилось! – подумала Николь. – Прощай, Париж!»

Здесь мы должны отдать должное Николь, которая при этой мысли лишь глубоко вздохнула.

– Вы знаете, что господа уезжают из Таверне? – спросила девушка, облокотившись на подоконник.

– Знаю, – ответил Жильбер.

– И знаете, куда они направляются?

– В Париж.

– А знаете ли вы, что они берут меня с собой?

– Нет, этого я не знал.

– Что вы на это скажете?

– Ну что ж! Я вас поздравляю, это доставит вам удовольствие, – Как вы сказали? – переспросила Николь.

– Я сказал: если это доставит вам удовольствие; по-моему, я выразился ясно – Доставит ли мне это удовольствие., это зависит от... – продолжала Николь.

– Что?

– Я хочу сказать, что от вас зависит, чтобы это не доставило мне удовольствия.

– Я вас не понимаю, – сказал Жильбер, усаживаясь на подоконник таким образом, что его колени касались рук Николь. Так они продолжали свою беседу в тени вьюнков и настурций, переплетавшихся над их головами. Николь бросила на Жильбера нежный взгляд. Но по всему было видно, что он не понимал не только ее слов, но и ее нежного взгляда.

– Хорошо... Раз вы вынуждаете меня все вам сказать, выслушайте меня,

– продолжала Николь.

– Я вас слушаю, – холодно отвечал Жильбер.

– Госпожа предлагает мне ехать с ней в Париж.

– Прекрасно, – сказал Жильбер.

– Если только...

– Если только?.. – повторил молодой человек.

– Если только я не выйду здесь замуж.

– А вы все-таки намерены выйти замуж? – равнодушно спросил Жильбер.

– Да, особенно теперь, когда я стала богатой, – повторила Николь.

– Ах, вы богаты? – так флегматично продолжал Жильбер, что все сомнения Николь окончательно рассеялись.

– Очень богата, Жильбер.

– В самом деле?

– В самом деле.

– А как совершилось это чудо?

– Госпожа позаботилась о моем приданом.

– Да, это большая удача, поздравляю вас, Николь.

– Посмотрите, – сказала девушка, поигрывая золотыми монетами.

Она смотрела на Жильбера, пытаясь уловить в его взгляде намека на радость или по крайней мере зависть.

Но Жильбер оставался безучастным.

– Да, это кругленькая сумма, – заметил он.

– Это еще не все, – продолжала Николь, – господин барон скоро вновь разбогатеет. Поговаривают о том, чтобы восстановить Мезон-Руж и заняться отделкой Таверне.

– Охотно верю.

– И тогда нужны будут люди для охраны замка.

– Конечно.

– Так вот! Госпожа предлагает место...

– Сторожа счастливому избраннику Николь, – подхватил Жильбер с нескрываемой иронией, которую мгновенно уловила Николь.

Однако она взяла себя в руки.

– Но вы же знаете, кто этот счастливый избранник Николь? – продолжала она.

– О ком вы говорите, Николь?

– Вы что, поглупели или я объясняюсь не по-французски? – сказала девушка, повышая голос. Эта игра, начинала выводить ее из себя.

– Да нет, я вас прекрасно понимаю, – сказал Жильбер, – вы предлагаете мне стать вашим мужем, не так ли мадмуазель Леге?

– Да, Жильбер.

– Разбогатея, вы не изменили своих прежних намерений, – поспешил добавить Жильбер. – Я вам очень признателен.

– В самом деле?

– Конечно.

– Итак, – от всего сердца предложила Николь, – вот вам моя рука.

– Мне?

– Но вы же согласны, не так ли?

– Нет, я отказываюсь.

Николь отпрянула.

– Знаете, Жильбер, – сказала она, – у вас злое сердце или по Крайней мере злой ум. Поверьте мне, вы пожалеете об этом. Если бы я еще любила вас и мой поступок был вызван иными чувствами, нежели честью и порядочностью, у меня бы разорвалось сердце. Но, слава Богу, нет! Я просто не хотела, чтобы вы подумали, что Николь, разбогатея, стала презирать Жильбера и захотела заставить его страдать, потому что он ее оскорбил. Теперь, Жильбер, между нами все кончено.

На Жильбера это не произвело никакого впечатления.

– Вы даже не представляете, что я о вас думаю, – продолжала Николь. – Неужели вы воображаете, что такая девушка, как я, с таким же свободолюбивым и независимым характером, как у вас, могла похоронить себя заживо здесь, в то время как ее ждет Париж? Понимаете, Париж – театр, где я буду играть первые роли. Решиться на то, чтобы каждый день в течение всей жизни видеть ваше холодное непроницаемое лицо, скрывающее ничтожные мысли? С моей стороны это была бы жертва. Вы этого не поняли – тем хуже для вас. Я не хочу сказать, Жильбер, что вы будете сожалеть обо мне. Я хочу сказать, что вы будете меня опасаться и краснеть от того, что я сделаю из презрения к вам. Я хотела вновь стать честной, мне не хватало дружеской руки, чтобы остановиться на краю пропасти, к которой я приближаюсь, в которую я уже устремляюсь и куда я вот-вот упаду! Я позвала на помощь: «Помогите мне! Поддержите меня!» Вы оттолкнули меня, Жильбер. Я качусь в пропасть, я падаю, я гибну. Вы ответите перед Богом за это преступление. Прощайте, Жильбер, прощайте!

Успокоившись, девушка отвернулась. Она больше не Гневалась. Николь обнажила перед Жильбером безграничную щедрость своей души, на что способны только избранные.

Жильбер спокойно закрыл окно и, вернувшись в комнату, занялся делом, от которого его оторвала Николь.

Глава 18. ПРОЩАЙ, ТАВЕРНЕ

Перед тем, как вернуться в комнату госпожи, Николь задержалась на лестнице, чтобы утишить последние всплески ярости, продолжавшие бушевать в ее душе.

Барон увидел, как она застыла в задумчивости, подперев рукой подбородок и нахмутив брови. Сраженный ее красотой, он забыл о делах и обнял ее, как это сделал бы де Ришелье в тридцать лет. Эта выходка барона вывела Николь из задумчивости. Она торопливо поднялась в комнату Андре, и та затворила за ней дверь.

– Итак? – спросила мадмуазель де Таверне, – ты приняла решение?..

– Решение принято, мадмуазель, – ответила Николь.

– Ты выходишь замуж?

– Вовсе нет.

– Ах так! А как же страстная любовь?

– Она не может сравниться с милостями, которыми беспрестанно осыпает меня госпожа. Я принадлежу госпоже и хочу навсегда остаться при ней. Я знаю свою госпожу так хорошо, как никогда не смогла бы узнать своего будущего мужа.

Преданность Николь растрогала Андре – она не ожидала, что у ее ветреной служанки могут быть такие чувства. И, конечно, она не подозревала, что у Николь просто не было другого выхода, как остаться при Андре.

Андре улыбнулась, радуясь мысли о том, что девушка оказалась лучше, чем она о ней думала.

– Ты хорошо делаешь, Николь, что остаешься со мной, – заметила Андре.

– Я никогда этого не забуду. Доверь мне свою судьбу, дитя мое, любая моя удача будет отчасти твоей, обещаю тебе.

– О госпожа! Ведь все уже решено, Я следую за вами.

– Без сожаления?

– Не задумываясь!

– Это не ответ, – сказала Андре. – Мне не хотелось бы, чтобы однажды ты пожалела о том, что слепо последовала за мной.

– Упрекать в этом я могла бы только себя, госпожа.

– Итак, ты все обсудила со своим женихом? Николь покраснела.

– Я? – переспросила она.

– Ну да. Я видела, что ты разговаривала с ним. Николь закусила губу. Ее комната была расположена на одном уровне с комнатой Андре, и она прекрасно знала, что оттуда можно было видеть окно Жильбера.

– Да, госпожа, – ответила Николь.

– И что ты ему сказала?

Николь восприняла это, как допрос, и ответ ее прозвучал враждебно:

– Я сказала ему, что не хочу его больше видеть. Было очевидно, что этим женщинам, одна из которых своей чистотой напоминала брильянт, а другая была порочна от природы, не суждено сдружиться.

На сей раз Андре не почувствовала язвительности в словах Николь: она приняла их за лесть.

– Тем временем барон любовно перебирал то, что, по его мнению; составляло его гордость: старую шпагу, с которой он не расставался со времен битвы при Фонтенуа, королевскую грамоту, дававшую право ездить в дворянских каретах, кипы газет, наилучшим образом свидетельствовавшие о его учености, и избранные письма из его переписки, – вот что составляло самую ценную часть в его багаже. Подобно Биасу, он никогда не расставался с этими предметами.

Согнувшись под тяжестью чемодана. Ла Бри делал вид, что ноша очень тяжела, хотя чемодан был наполовину пуст.

Офицер опустошил бутылку и прогуливался по аллее парка.

Галантный кавалер успел заметить тонкую талию и стройные ножки Николь и теперь бродил по парку, вокруг фонтана и между каштанами, в надежде вновь увидеть очаровательную девушку, которая так же внезапно появилась, как и исчезла в гуще деревьев.

Приятная прогулка господина де Босира, как мы решили его называть, была прервана бароном, который послал его за каретой. Вздрыгнув от неожиданности, он поклонился господину де Таверне и приказал кучеру выезжать на аллею.

Показалась карета. Ла Бри, не помня себя от радости, поставил чемодан на запятки с невыразимым достоинством.

– Я поеду в дворянской карете! – прошептал он в восторге, думая, что его никто не слышит.

– На запятках, дорогой мой, – сказал Босир с покровительственной улыбкой.

– Как! Вы увозите Ла Бри, господин барон? – спросила Андре. – А кто будет охранять Таверне?

– Этот философ-шалопай, черт бы его побрал!

– Жильбер?

– Конечно, ведь у него есть ружье.

– А что он будет есть?

– Да у него же есть ружье! Он прекрасно прокормится: в Таверне полным-полно дроздов.

Андре посмотрела на Николь – та засмеялась.

– Вот как ты его жалеешь, злая девчонка! – воскликнула Андре.

– О госпожа, он очень ловок, – возразила Николь, – будьте спокойны, он не умрет с голоду.

– Нужно оставить ему луидора два, – обратилась Андре к барону.

Ну уж нет! У него и так довольно пороков. Чтобы окончательно избаловать его?

– Надо же ему на что-то жить!

– Если он попросит, мы ему что-нибудь пришлем.

– Не волнуйтесь, госпожа, он не станет просить, – сказала Николь.

– В любом случае. – продолжала Андре, – оставь ему три-четыре пистоля.

– Он не возьмет.

– Не возьмет? Ну и гордец же он, твой Жильбер!

– О госпожа, он, слава Богу, больше не мой!

– Довольно! – сказал Таверне, прерывая эти никчемные, с его точки зрения, разговоры, от которых он уже устал, – к черту этого Жильбера, у нас впереди долгий путь. В дорогу, дочь моя!

Андре не стала возражать, – окинув взглядом небольшой замок, она поднялась в громоздкую карету.

Господин де Таверне сел рядом с ней. Ла Бри в великолепной ливрее и Николь, забывшая и думать о Жильбере, устроились на козлах. Форейтор сел на одну из пристяжных.

– А как поедет господин офицер? – закричал Таверне.

– Верхом, господин барон, верхом, – отвечал Босир, нахально разглядывая Николь, краснеющую от удовольствия: ей льстило, что вместо грубого крестьянина ее кавалером был теперь элегантный всадник.

Четверка выносливых лошадей стронула карету с места. По обе стороны поплыли деревья центральной аллеи, которую так любила Андре. Под порывами восточного ветра верхушки деревьев склонялись, будто прощаясь с покидавшими их хозяевами. Карета подъехала к воротам, где неподвижно стоял Жильбер. Держа в руках шляпу, он делал вид, что не смотрел на уезжавшую карету; однако он прекрасно видел Андре.

Андре, напротив, не видела его: она прощалась взглядом со своим любимым замком.

– Придержите лошадей! – крикнул г-н де Таверне форейтору, Форейтор повиновался.

– Ну вот, господин бездельник, – сказал барон, обращаясь к Жильберу, – теперь вы будете счастливы, вы остаетесь в полном одиночестве, как настоящий философ, вам ничего не нужно будет делать, и никто не будет читать вам нравоучения. Последите по крайней мере за тем, чтобы ночью в камине не горел огонь, и позаботьтесь о Маоне.

Жильбер молча поклонился. Под взглядом Николь ему стало невыносимо тяжело. Он не поднимал глаз, боясь увидеть, как она торжествует и смеется над ним.

– Трогай! – крикнул г-н де Таверне.

Но Николь не засмеялась, чего опасался Жильбер.

Ей потребовалось собрать все свои силы, всю свою волю, чтобы не подать вида, что ей было

жалко этого несчастного малого, которого оставляли без хлеба насущного, не проявляя ни малейшего уважения к нему, не оставляя ему никакой надежды на лучшее будущее. Ее отвлек молодцеватый г-н Босир, ловко гарцевавший на своем коне.

Кокетничая с г-ном Босиром, она не замечала, что Жильбер пожирал глазами Андре.

Андре, с заплаканными глазами, видела только дом, где она родилась и где умерла ее мать.

Жильбер и в минуту расставания ничего не значил для отъезжавших, теперь же о нем окончательно забыли. Покинув замок, г-н де Таверне, Андре, Николь и Ла Бри попали в другой мир.

Каждый думал о своем.

Барон рассчитывал, что в Бар-ле-Дюке ему без труда дадут пять-шесть тысяч фунтов под золоченый сервиз Бальзамо. Чтобы отогнать от себя искушения демона гордости и тщеславия, Андре шептала молитву, которой ее научила мать.

Николь придерживала косынку, которая мешала Босиру получше разглядеть ее.

Ла Бри перебирал в кармане десять луидоров, полученных от королевы, и шесть луидоров Бальзамо.

Господин Босир гарцевал на коне.

Жильбер затворил большие ворота Таверне, и несмазанные петли привычно заскрипели.

Затем Жильбер бросился в свою комнату, отодвинул дубовый комод, за которым был спрятан приготовленный пакет. Он нацепил на кизилую трость узелок, в котором лежал пакет.

Затем, достав складную кровать, он вспорол матрац, набитый сеном. В матраце он нащупал лист бумаги, в который была завернута монета, новехонький сверкающий экую достоинством в шесть ливров. Это были сбережения Жильбера за три-четыре года.

Он разглядывал монету так, будто хотел удостовериться, что с ней ничего не произошло, и, завернув ее в бумагу, опустил в карман.

Маон прыгал, натянув цепь. Несчастливая собака жалобно скулила, видя, что ее, один за другим, покидают друзья, и чуя, что Жильбер тоже ее покинет.

Собака завывала громче.

– Молчать! – закричал Жильбер. – Молчать, Маон! Улыбнувшись пришедшей ему в голову мысли, он сказал Маону:

– Разве меня не бросили, как собаку? Так почему я не могу бросить тебя, как человека? Поразмыслив, он добавил:

– Правда, меня оставили свободным, по крайней мере я свободен выбирать дальнейшую судьбу. Ладно, Маон, я сделаю для тебя то же, что сделали для меня, – ни больше, ни меньше.

Жильбер подбежал к конуре и, отвязав цепь, сказал Маону:

– Вот ты и на свободе, делай, что хочешь. Маон подбежал к дому, двери которого были заперты, затем бросился к развалинам и исчез за деревьями.

– Ну, а теперь посмотрим, у кого сильнее развито чутье – у собаки или у человека, – произнес Жильбер.

Он вышел через дверку, заперев ее на два оборота, и с крестьянской ловкостью забросил ключ в фонтан.

Природа чувств едина, в то время как их проявления разнообразны. Жильбер, покидая Таверне, страдал так же, как Андре. Правда, Андре сожалела о том, что оставляла, а Жильбер думал только о счастливом будущем.

– Прощай! – сказал он, повернувшись к дому, и, окинув прощальным взглядом огромный замок, крыша которого просвечивала сквозь листву смоковниц и цветущих эбеновых деревьев, – прощай, приют, где я столько выстрадал, где каждый презирал меня, где мне бросали хлеб, говоря при этом, что я его не заслужил, прощай и будь проклят! Я свободен, сердце мое прыгает от радости, вырвавшись из заключения. Прощай, тюрьма! Прощай, ад! Логово тиранов! Прощай навсегда! Прощай!

Выкрикнув эти проклятия, Жильбер бросился вдогонку за каретой, стук колес которой еще раздавался вдалеке.

Глава 19. ЭКУ ЖИЛЬБЕРА

После получасовой бешеной гонки Жильбер издал радостный крик, увидев в четверти мили перед собой карету барона, которая медленно поднималась в гору.

Жильбер испытал необыкновенную гордость за себя, понимая, что, будучи таким молодым и сильным, он мог помериться силами с богатыми и могущественными аристократами.

Господин де Таверне мог бы назвать Жильбера философом, если бы увидел, как он бежал по дороге с тростью в руке и скромным багажом. Жильбер бежал очень быстро, перепрыгивая через кочки, чтобы выиграть время, отдыхая на каждом подъеме и как будто с презрением обращаясь к лошадям: «Слишком медленно вы бежите и вынуждаете меня ждать вас!»

Да, Жильбера можно было назвать философом, если под философией понимать презрение ко всякому наслаждению и беззаботной жизни. Он не был избалован судьбой, но многих делает стойкими любовь.

Это было прекрасное зрелище, достойное Творца, создавшего сильных и умных людей, подобных этому раскрасневшемуся юноше, уже два часа бежавшему за каретой по пыльной дороге. Он с наслаждением отдыхал в то время когда выдыхались лошади.

В тот день Жильбер мог бы вызвать только восхищение. Возможно, надменная Андре была бы растрогана его видом; презрение, вызванное его ленью, сменилось бы уважением к его неиссякаемой энергии.

Так прошел первый день. В Бар-ле-Дюке барон задержался на час – это позволило Жильберу не только догнать, но и перегнать карету. Услышав, что барон должен заехать к ювелиру, Жильбер обежал весь город в поисках его дома. Увидев карету барона, он спрятался в кустах. Когда карета вновь тронулась в путь, Жильбер, как прежде, последовал за ней.

К вечеру карета барона догнала кортеж принцессы в деревушке Брийон. Жители, собравшись на холме, встречали ее криками радости и желали ей благополучия. За весь день Жильбер съел немного хлеба, который он захватил в Таверне, и мог напиться воды из речушки, через которую был переброшен мост. Ее вода, поросшая желтыми кувшинками, была так чиста и прохладна, что по просьбе Андре карету остановили. Андре вышла из кареты, зачерпнула воды и наполнила золоченую чашку принцессы, единственную из сервиза, которую барон сохранил по просьбе дочери.

Жильбер наблюдал, спрятавшись за одним из придорожных вязов.

Когда карета отъехала, Жильбер вззошел на пригорок, куда поднималась Андре, и, как Диоген, зачерпнул рукой воду в том самом месте, где утолила жажду мадмуазель де Таверне.

Освежившись, он продолжал путь.

Теперь Жильбера волновало одно: остановится ли принцесса на ночлег. Если бы остановилась, что было вполне вероятно, так как в Таверне она жаловалась на усталость, Жильбер был бы спасен. Можно было переночевать в Сен-Дизье. Чтобы его одеревеневшие ноги отдохнули, Жильберу было бы достаточно поспать часа два в каком-нибудь сарае. Потом он отправился бы в путь и за ночь не спеша опередил бы их на пять-шесть миль. А как хорошо прогуляться в прекрасную майскую ночь, когда тебе восемнадцать лет!

Наступил вечер; на дорогу, по которой бежал Жильбер, спустились сумерки. Вскоре Жильбер уже не различал карету, только на левой дверце мерцал большой фонарь, напоминавший привидение, летевшее вдоль дороги.

Затем наступила ночь. Карета проехала двенадцать миль и прибыла в Комбль. Экипажи, казалось, остановились. Жильбер окончательно поверил, что небо ему покровительствует. Он приблизился, чтобы услышать голос Андре. Карета стояла на месте, Жильбер притаился возле дверцы. При свете факелов он увидел Андре и услышал, как она спросила, который час. Ей ответили: «Одиннадцать». В это мгновение Жильбер вовсе не чувствовал себя усталым, и если бы ему предложили сесть в карету, он с презрением отказался бы.

Его пылкое воображение рисовало сверкающий Версаль, город вельмож и королей, и Париж, темный, мрачный, огромный, – город, где жил простой народ.

Никогда бы Жильбер не согласился променять эти видения на все золото Перу.

Из восторженного состояния его вывели стук колес и удар, который он получил, наткнув-

шись на забытый на дороге плуг.

Голод также давал о себе знать.

«К счастью, – подумал Жильбер, – я богат: у меня есть деньги».

Читатель помнит, что у Жильбера был с собой эсю.

В полночь кареты прибыли в Сен-Дизье. Жильбер надеялся, что именно там остановятся на ночлег, – ведь он пробежал шестнадцать миль за двенадцать часов.

Он сел на обочине дороги.

Оказалось, что в Сен-Дизье остановились, чтобы переменить лошадей. Жильбер услышал звон бубенцов. Кареты знатных путешественников стремительно удалялись, окруженные факелами и цветами.

Жильберу пришлось собрать все свое мужество. Невероятным усилием воли он вновь поднялся на ноги, забыв о том, что несколько минут тому назад ноги не слушались его.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – можете продолжать! Я сейчас тоже остановлюсь в Сен-Дизье, куплю хлеба и кусок сала, выпью стакан вина; я истрачу всего пять су, но на эти деньги я подкреплюсь лучше, чем господа.

Жильбер произнес это слово с пафосом.

Жильбер прибыл в Сен-Дизье, когда там закрывали ставни и двери домов, так как эскорт уже проехал.

Философ заметил приличный постоялый двор служанки были нарядно одеты, слуги расхаживали с бутоньерками, – и это в час ночи!

В больших фаянсовых блюдах, расписанных цветочками, было подано жаркое из птицы – проголодавшиеся путешественники отведали его.

Жильбер решительно вошел в большую залу, когда уже закрывали ставни. Ему пришлось отправиться на кухню.

Хозяйка постоялого двора наблюдала за происходившим и подсчитывала выручку.

– Простите, сударыня, – обратился к ней Жильбер, – дайте мне, пожалуйста, кусок хлеба и ветчины.

– Ветчины нет, дружок, – ответила хозяйка. – Хотите цыпленка?

– Да нет же, я попросил ветчины, потому что я ветчины хочу; я не люблю цыплят.

– Очень жаль, дружок, – сказала хозяйка, – ничего другого нет. Поверьте, – добавила она с улыбкой, – цыпленок обойдется вам не дороже ветчины. Возьмите половина или целого за десять су, он вам пригодится завтра. Мы думали, что ее высочество остановится у господина Бальи, а нам придется кормить свиту. Но кортеж не остановился, и теперь все пропадет.

Читатель может подумать, что Жильбер не мог упустить случай плотно поужинать, да и хозяйка была хороша собой. Значит, вы совсем не поняли его характера.

– Спасибо, – сказал он, – я удовлетворюсь более скромной едой, я не принц, но и не лакей.

– Ну тогда я вас угощаю, мой милый Артабан, – продолжала хозяйка, – Бог с вами.

– Я не нищий, моя милая, – сказал Жильбер, чувствуя себя униженным, – и могу заплатить.

Чтобы подкрепить свои слова делом, он с важным видом засунул руку глубоко в карман.

Напрасно Жильбер перерыл глубокий карман – он нашел там только лист бумаги, в которую была завернута монета достоинством в шесть ливров. Жильбер побледнел. Монета прорвала истертую бумагу, завалилась за еще крепкую подкладку кармана и проскочила через подвязку.

Дело в том, что Жильбер ослабил подвязки, чтобы они не стесняли его во время бега.

Монета, должно быть, лежала на берегу ручья, которым любовалась Андре.

Вода, которую Жильбер зачерпнул из этого ручья, обошлась ему в шесть франков. Когда Диоген философствовал о никчемности деревянной посуды, у него не было монеты, которая протерла бы карман и выпала на дорогу.

Хозяйка разволновалась, заметив, как Жильбер побледнел и задрожал от стыда. Другая на ее месте торжествовала бы, оттого что гордыня наказана, а она страдала за него, видя, что он находит в себе силы не терять присутствия духа.

– Послушайте, дитя мое! Поужинайте и заночуйте у нас, – предложила она, – а завтра снова отправитесь в путь, если это необходимо.

– Да, да! Необходимо, но только не завтра, а сейчас.

Ничего больше не слушая, он, схватив пакет, выбежал из дома, чтобы скрыть в ночном мраке стыд и душевную боль.

На постоялом дворе ставни закрыли. В деревне погасли последние огни, и даже уставшие за день собаки затихли.

Жильбер был совсем одинок, насколько может быть одинок человек, только что потерявший последнюю монету, единственную, которой он когда-либо обладал.

Вокруг была беспросветная тьма. Что ему было делать? Он колебался. Вернуться назад в поисках монеты, значит заранее обречь себя на бесплодные поиски; кроме того, он тогда уже не сможет догнать карету.

Жильбер решил продолжать путь, но едва он пробежал милю, как его опять стал мучить голод. На время заглушенный душевной болью, голод проснулся с новой силой, как только Жильбер ускорил шаг.

А вскоре дала о себе знать верная спутница голода – усталость. Жильбер сделал над собой невероятное усилие, и ему опять удалось догнать вереницу карет. Но, казалось, все было против него. Кареты останавливались для того, чтобы переменить лошадей; к тому же все происходило так быстро, что во время первой остановки бедный путник смог отдохнуть всего несколько минут.

И все-таки он продолжал бежать. Занималась заря. Солнце над широкой полосой облаков всходило во всем своем блеске и величии. Ожидался один из жарких дней, как это бывает месяца за два до наступления лета. Сможет ли Жильбер вынести полуденный зной?

На какое-то мгновение самолюбие Жильбера успокоилось при мысли, что лошади, люди и сам Господь Бог объединились против него. Подобно Аяксу, он погрозил небу кулаком, однако не повторил вслед за ним: «Я убегу, и боги мне не помеха», потому что знал «Одиссею» хуже, чем «Общественный договор».

Как он и ожидал, наступил момент, когда он понял, что ему не хватит сил, что положение его плачевно. Гордость бросала вызов усталости. Подгоняемый отчаянием, Жильбер напряг последние силы и настиг вереницу карет, которая скрылась вдаль; он видел теперь кареты как сквозь кровавую пелену. Стук колес отдавался у него в висках. С открытым ртом, с прилипшей ко лбу прядью волос, он походил на механизм, движения которого были более резкими и четкими, чем у человека. Он пробежал около двадцати двух миль. Уставшие ноги его не слушались, глаза засломила пелена; ему казалось, что земля уходит у него из-под ног, он хотел крикнуть, но не смог, хотел устоять на ногах, так как чувствовал, что вот-вот упадет, но лишь беспомощно взмахнул руками.

Гневные крики, которые вырвались у него из груди, свидетельствовали о том, что голос к нему вернулся. Жильбер посмотрел туда, где, по его мнению, должен был находиться Париж, и обрушил ужасные проклятья на тех, кто отнял у него силы и отвагу.

Он схватился за голову, завертелся волчком и рухнул посреди дороги, утешая себя мыслью, что, подобно античному герою, боролся до конца.

Падая, он все еще бросал угрожающие взгляды и сжимал кулаки.

Глаза его закрылись, мышцы ослабли: он потерял сознание.

– С дороги, с дороги, сумасшедший! – кричал осипший голос, сопровождая свой окрик ударами кнута. Жильбер ничего не слышал.

– Уйди же с дороги, или я раздавлю тебя, черт побери! За криком последовал удар кнута, который должен был привести его в себя.

Кнут обвил его.

Жильбер ничего не почувствовал. От дороги между Тьеблсмоном и Воклером сворачивала проселочная дорога, по которой неслась карета, будто подхваченная ураганом. Вскоре она выскочила на дорогу, где без сознания лежал Жильбер.

Послышался душераздирающий крик.

Несмотря на нечеловеческие усилия, кучеру не удалось удержать лошадь, скакавшую впереди: она стрелой взвилась над Жильбером. Кучер успел остановить других лошадей. Из окна почтовой кареты высунулась женщина.

– Боже мой! – в ужасе закричала она. – Бедняжку, верно, задавило?

Пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь пыль, летевшую из-под копыт, кучер проговорил:

– Похоже, что так, сударыня.

– Безумец! Бедный мальчик! Стойте на месте! Стоять, стоять!

Открыв дверцу, незнакомка вышла из кареты. Кучер спрыгнул с лошади и попытался вытащить из-под колес Жильбера, думая, что тот, истекая кровью, умер. Непризнакомка бросилась на помощь кучеру.

– Вот это называется повезло! – вскричал кучер. – Ни царапины, ни синяка.

– Но он без сознания.

– Верно, испугался. Давайте оттащим его к обочине и поедем дальше, ведь госпожа спешит.

– Ни в коем случае! Я ни за что не брошу бедное дитя.

– Он цел и невредим, он сам придет в себя.

– Нет, нет. Такой молодой, такой несчастный! Наверное, сбежал из коллежа и предпринял путешествие, которое оказалось ему не под силу. Посмотрите, как он бледен: еще немного – и он бы умер. Нет, я ни за что его не брошу. Перенесите его на переднее сиденье.

Кучер повиновался. Непризнакомка поднялась в карету. Жильбера положили на переднее сиденье, голова его покоилась на мягких подушках.

– Трогай, – приказала молодая дама, – мы потеряли десять минут, вы получите один пистоль, если наверстаете упущенное время.

Кучер угрожающе взмахнул кнутом. Услышав знакомый звук, лошади поскакали галопом.

Глава 20. ГЛАВА, В КОТОРОЙ ЖИЛЬБЕР УЖЕ НЕ ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЕТ О ПОТЕРЯННОЙ МОНЕТЕ

Когда, спустя некоторое время, Жильбер пришел в себя, он был приятно удивлен, увидев, что лежит у ног женщины, которая внимательно его разглядывала.

Это была молодая женщина лет двадцати четырех – двадцати пяти, с большими серыми глазами, вздернутым носиком и лицом, загоревшим под южным солнцем. Маленький тонко очерченный капризный рот придавал ее открытому и веселому лицу выражение осмотрительности. Красоту ее рук выгодно подчеркивали рукава из фиолетового бархата с золотыми пуговицами. Юбка серого шелка в цветочек, с пышными складками, закрывала все сиденье кареты. Еще больше Жильбер был удивлен тем, что ехал в почтовой карете.

Улыбаясь, дама внимательно изучала Жильбера. Он смотрел на нее до тех пор, пока не понял, что это не сон.

– Кажется, вам лучше, дитя мое, – сказала дама.

– Где я? – произнес Жильбер вовремя вспомнившуюся фразу, которую он часто встречал в романах.

– В безопасности, мой юный друг, – ответила дама с ярко выраженным южным акцентом. – Но вас только что едва не раздавила карета. Как могло случиться, что вы упали посреди дороги?

– Я почувствовал слабость, сударыня.

– Сипы оставили вас? А что случилось?

– Я очень долго шел.

– Вы давно в пути?

– С четырех часов дня. Со вчерашнего дня.

– И с четырех часов вы прошли?..

– Я прошел шестнадцать или восемнадцать миль.

– За двенадцать – четырнадцать часов?

– Так я же почти все время бежал!

– Куда вы направляетесь?

– В Версаль, сударыня.

– А откуда вы идете?

– Из Таверне.

- Что это, Таверне?
- Это замок, расположенный между Пьерфитом и Бар-ле-Дюком.
- Вы, наверное, не успели поесть?
- Не только не успел, сударыня, мне не на что было поесть.
- Что вы говорите?
- Я потерял деньги, когда бежал.
- Значит, вы ничего не ели со вчерашнего дня?..
- Только немного хлеба, который я взял из дома.
- Бедняжка! Почему же вы нигде не попросили дать вам поесть?

Жильбер презрительно усмехнулся.

- Потому что я горд, сударыня.
- Но когда умираешь с голоду...
- Лучше умереть, чем быть униженным.

Ответ рассудительного собеседника привел даму в восторг.

- Но кто вы, друг мой? – спросила она.
- Я сирота.
- Как вас зовут?
- Жильбер.
- Жильбер, а дальше?
- Дальше – никак.
- Ах, вот что! – сказала молодая дама, не переставая удивляться.

Жильбер подумал, что своей замысловатостью его ответы не уступали остроумию Жан-Жака Руссо.

- Вы слишком молоды, чтобы бродить по большим дорогам, – продолжала незнакомка.
- Хозяева оставили меня одного в старом замке. Я последовал их примеру и покинул замок.
- Без всякой цели?
- Земля круглая: говорят, что под солнцем всем хватит места.

«Наверно, это какой-нибудь незаконнорожденным, который убежал из дворянской усадьбы», – решила незнакомка.

- Вы говорите, что потеряли кошелек? – спросила она.
- Да.
- Там было много денег?

– У меня была только одна монета достоинством в шесть ливров, – ответил Жильбер, стыдясь выдать свое отчаяние и боясь назвать слишком большую сумму, что могло навести на мысль о том, что он приобрел их нечестным путем, – но я бы сумел их приумножить.

– Монета достоинством в шесть ливров для столь долгого путешествия! Этого хватило бы дня на два – и то только на хлеб! А какой долгий путь вас ожидал! Вы сказали, из Бар-ле-Дюка до Парижа?

- Да.
- Я думаю, что это приблизительно шестьдесят – шестьдесят пять миль.
- Я не считал мили, сударыня. Я сказал себе: я должен проделать этот путь, вот и все.
- Безумец! И вы отправились пешком?
- У меня сильные ноги.

– Какими бы сильными они ни были, в конце концов они устают, в чем вы сами смогли убедиться.

- Меня подвели не ноги, я потерял надежду.
- В самом деле, мне показалось, что вы были в полном отчаянии.

Жильбер горько усмехнулся.

– Какие же мысли вас одолевали? Вы готовы были от отчаяния биться головой и рвать на себе волосы.

- Вы так думаете, сударыня? – в замешательстве спросил Жильбер.
- Да! Я уверена, что в таком состоянии вы не слышали стука колес.

Жильбер подумал, что не мешало бы еще больше возвысить себя в глазах этой дамы, рассказав ей чистую правду. Чутье подсказывало ему, что его история могла заинтересовать незнакомку.

– В самом деле, я был в отчаянии, – сказал он.

– Отчего же? – спросила дама.

– Оттого, что не мог больше следовать за каретой, которую хотел догнать.

– Ах вот как! – с улыбкой продолжала дама. – Но это настоящее приключение. Речь идет о любви?

Жильбер покраснел, он еще не совсем овладел собой.

– Что же это за карета, мой милый Катон?

– Карета из свиты принцессы.

– Как! Что вы говорите? – воскликнула молодая дама. – Значит, принцесса впереди нас?

– Вне всякого сомнения.

– Я думала, что она еще в Нанси. Разве ее не встречают с почестями?

– Нет, нет, встречают, но, видимо, ее высочество очень торопится.

– Принцесса торопится? Кто вам сказал?

– Я так думаю.

– Вы так думаете?

– Да.

– На чем основаны ваши предположения?

– Принцесса собиралась остановиться в Таверне на два-три часа.

– И что же потом?

– А пробыла она там едва ли три четверти часа.

– Не знаете ли вы что-нибудь о письме, которое она получила из Парижа?

– Я видел господина в расшитом камзоле, который принес письмо.

– Вы знаете, как его зовут?

– Нет, я знаю только, что это губернатор Страсбурга.

– Господин де Стенвиль, зять господина Шуазеля! Ай-ай! Быстрее, кучер, быстрее!

Мощный удар кнута последовал за этим приказанием, и Жильбер почувствовал, что лошади, которые и так уже неслись галопом, помчались еще быстрее.

– Итак, – продолжала молодая дама, – принцесса впереди нас.

– Да, сударыня.

– Но она должна остановиться, чтобы позавтракать, – продолжала дама, как бы говоря сама с собой, – вот тогда мы ее и нагоним, если только ночью... Она останавливалась ночью?

– Да, в Сен-Дизье.

– В котором часу?

– Около одиннадцати.

– Это был ужин. Значит, теперь она будет завтракать! Кучер! Какой первый город мы будем проезжать?

– Витри, госпожа.

– Сколько осталось до Витри?

– Три мили.

– Где мы будем менять лошадей?

– В Воклере.

– Хорошо. Когда на дороге покажутся кареты, предупредите меня.

Пока дама разговаривала с кучером, Жильбер почувствовал ужасную слабость. Садясь в карету, дама заметила, что он побледнел и закрыл глаза.

– Бедное дитя! – вскрикнула она. – Он опять теряет сознание. Это я во всем виновата, я заставляю его разговаривать, а он умирает от голода и жажды.

Не теряя больше времени, дама вытащила из кармана в дверце хрустальный флакон, к горлышку которого был прикреплен золотой цепочкой стаканчик из позолоченного серебра.

– Выпейте немного этого южного вина, – сказала она, наполняя стакан и предлагая его Жильберу.

На этот раз Жильбер не заставил себя просить то ли потому, что стаканчик протягивала изящная ручка, то ли оттого, что пить он теперь хотел гораздо сильнее, чем в Сен-Дизье.

– Теперь съешьте бисквит, а часа через два я прикажу подать вам солидный завтрак.

– Спасибо, сударыня, – поблагодарил Жильбер.

Он проглотил бисквит так же быстро, как выпил вино.

– Прекрасно! Теперь вы немного восстановили силы, – продолжала дама,

– и если вы можете мне довериться, скажите мне, зачем вы преследовали карету из эскорта ее высочества.

– Вот в двух словах вся моя история, сударыня, – сказал Жильбер. – Я жил у барона де Таверне, когда ее высочество прибыла в замок и приказала господину де Таверне следовать за ней в Париж. Он повиновался. Так как я сирота, обо мне никто не подумал, меня бросили без денег и еды. Я поклялся, что пойду в Версаль, так как все отправлялись туда. Только они намеревались доехать туда в прекрасных каретах, запряженных сильными лошадьми, а я в свои восемнадцать лет дойду туда пешком так же быстро, как они доедут в каретах. К несчастью, ноги подвели меня, или скорее судьба обернулась против меня. Если бы я не потерял деньги, я смог бы поесть, а если бы я поел ночью, утром я бы уже догнал кареты.

– Bravo, вот это отвага! – вскричала дама. – Поздравляю вас, друг мой. Однако мне кажется, вы не все знаете.

– Чего я не знаю?

– В Версале одной храбростью не проживешь.

– Я дойду до Парижа.

– Париж в этом смысле очень похож на Версаль.

– Если недостаточно храбрости, я буду работать, сударыня.

– Вот достойный ответ, дитя мое! Но что вы будете делать? Ваши руки не привыкли к тяжелой работе.

– Я буду учиться, сударыня.

– Вы мне кажетесь достаточно образованным.

– Да, я знаю, что я ничего не знаю, – глубокомысленно ответил Жильбер, вспомнив слова Сократа.

– Простите мое любопытство: какую науку вы собираетесь изучать, дорогой друг?

– Сударыня! – отвечал Жильбер. – Я считаю лучшей из наук ту, которая позволяет человеку быть полезным обществу. Кроме того, человек так ничтожен, что он должен знать, в чем его слабость, чтобы познать источник своей силы. Я хотел бы понять, почему голод не позволил моим ногам двигаться утром. Я желал бы также узнать, не явился ли тот же голод причиной моей ярости, не из-за него ли меня бросало то в жар, то в холод.

– О, да из вас выйдет превосходный врач! Вы и сейчас хорошо разбираетесь в медицине. Обещаю, что через десять лет я буду лечиться только у вас.

– Постараюсь оправдать эту честь, сударыня, – сказал Жильбер.

Кучер остановил лошадей. Они подъехали к постоялому двору, так и не встретив ни одной кареты.

Молодая дама попросила узнать, когда проехал кортеж дофины. Ей ответили, что это произошло около четверти часа тому назад и что кортеж остановится в Витри, чтобы переменить лошадей и позавтракать.

На козлы сел новый кучер.

Из деревни выехали шагом, но когда поравнялись с последним домом, молодая дама обратилась к кучеру:

– Вы можете нагнать кортеж дофины?

– Конечно!

– Раньше, чем он будет в Витри?

– Черт побери, их лошади мчались рысью.

– А если пустить лошадей в галоп? Кучер посмотрел на нее.

– Я плачу в три раза больше.

– С этого надо было начать, – ответил кучер, – мы были бы уже в четверти мили от деревни.

– Вот вам задаток в шесть ливров, постарайтесь наверстать упущенное.

Кучер обернулся, молодая дама наклонилась, и монета перекочевала из рук незнакомки в карман кучера.

На спины лошадей пришелся мощный удар кнута: карета полетела, будто уносимая ветром.

Пока меняли лошадей, Жильбер успел умыться, отчего он только выиграл, и расчесал свои красивые волосы.

Молодая дама заметила: «Он вовсе недурен для будущего врача».

Она улыбнулась Жильберу.

Жильбер покраснел, будто догадываясь, что вызвало улыбку его спутницы.

После разговора с кучером незнакомка опять обратилась к Жильберу: ее очень занимали его оригинальные мысли и необычное поведение.

От души смеясь над ответами доморощенного философа, она время от времени поглядывала на дорогу.

Когда прекрасная незнакомка рукой или ногой случайно касалась Жильбера, она с удовольствием замечала, как будущий доктор краснел и опускал глаза.

Так они проехали еще одну милю. Вдруг молодая дама радостно вскрикнула и без всякого стеснения пересела на переднее сиденье, очутившись в объятиях Жильбера.

Она только что заметила кареты, сопровождавшие принцессу, – они тяжело въезжали на высокую гору. На горе стояло около двадцати карет, из которых вышли путешественники, чтобы размяться.

Сначала Жильбер отпрянул, затем прильнул к плечу незнакомки, встав на колени на переднем сиденье. Пылкий взгляд его искал мадмуазель де Таверне в толпе пигмеев, поднимавшихся на гору.

Ему показалось, что он узнал Николь по чепцу.

– Мы догнали их, сударыня, – сказал кучер, – что дальше?

– Обогнать.

– Это невозможно, сударыня. Обгонять принцессу нельзя.

– Почему?

– Это запрещено. Черт побери! Обогнать королевский кортеж! Да я ужогу на каторгу.

– Послушай, друг мой, делай, что хочешь, но я должна их обогнать.

– Ваша карета не из кортежа? – спросил Жильбер; он думал, что незнакомка опаздывает и поэтому хочет как можно скорее догнать эскорт.

– Стремление к знаниям прекрасно, – ответила молодая дама, – нескромность же ничего не стоит.

– Прошу меня извинить, сударыня, – покраснев, произнес Жильбер.

– Что же нам делать? – спросила кучера незнакомка.

– Поедем за ними до Витри. Если ее высочество там остановится, мы попросим разрешения обогнать кортеж.

– Да, но тогда спросят мое имя, и станет известно... Нет, это не годится, надо придумать что-нибудь другое.

– Сударыня! – начал Жильбер. – Осмелюсь высказать свое мнение...

– Говорите, друг мой, говорите, и если ваш совет хорош, мы ему последуем.

– Нужно поехать по какой-нибудь проселочной дороге, чтобы обогнуть Витри, и тогда мы окажемся впереди ее высочества, не выказав ей неуважения.

– Устами ребенка глаголет истина, – вскричала молодая дама. – Кучер! Нет ли здесь проселочной дороги?

– Какой?

– Какой угодно, лишь бы мы обогнали ее высочество.

– Да, правда, – отвечал кучер, – справа есть дорога на Мароль; она огибает Витри и выходит на Ла Шоссе.

– Браво! – воскликнула молодая женщина. – Вот прекрасный выход из положения.

- Сударыня, – добавил кучер, – вы понимаете, что таким образом я проделаю двойной путь.
- Предлагаю два луидора, если вы будете на Ла Шоссе раньше принцессы.
- Сударыня не боится, что карета не выдержит?
- Я ничего не боюсь. Если карета сломается, я поеду верхом.

Повернув направо, карета съехала с большой дороги и попала в глубокую колею проселочной дороги, которая шла вдоль маленькой речушки. Речка эта впадала в Марну между Ла Шоссе и Мютиныи.

Кучер сдержал слово. Он сделал почти все возможное, чтобы разбить карету, но добраться вовремя, Много раз Жильбера бросало на его спутницу, а та столько же раз попадала в его объятия.

Его галантность была так ненавязчива, что незнакомка ни разу не смутилась. Он сумел удержаться от улыбки, хотя взгляд его говорил спутнице, что он восхищен ее красотой.

Ухабы скверной дороги и путешествие вдвоем очень быстро сближают в пути. Жильберу казалось, что он знает свою спутницу по меньшей мере лет десять, а молодая дама была уверена, что знает Жильбера с рождения.

К одиннадцати часам они выехали на большую дорогу между Витри и Шалоном. От гонца узнали, что принцесса остановилась в Витри не только позавтракать, но и отдохнуть часа на два, так как почувствовала себя усталой.

Гонец добавил, что его отправили на ближайшую почтовую станцию, чтобы передать приказание свитским офицерам быть готовым к трем-четырем часам пополудни.

Незнакомка была вне себя от радости, узнав эту новость.

Она заплатила кучеру, как обещала, и повернулась к Жильберу:

– Клянусь, мы тоже пообедаем на ближайшей станции.

Однако и на этот раз Жильберу было не суждено пообедать.

Глава 21. ГЛАВА, В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С НОВЫМ ДЕЙСТВУЮЩИМ ЛИЦОМ

На холме, куда поднималась почтовая карета, находилась деревня Ла Шоссе, где должны были менять лошадей, Разбросанные в беспорядке, крытые соломой дома деревеньки расположились, казалось, по воле жителей, посреди дороги, на опушке леса, вдоль берега реки, о которой мы уже говорили и через которую были переброшены мостики и мостки напротив каждого дома.

Единственной достопримечательностью этой красивой деревушки был человек, который стоял посреди дороги, будто получив приказание свыше, и то жадно смотрел на большую дорогу, то разглядывал прекрасную лошадь серой масти с длинной гривой, привязанную к ставню хижины. Ставень при каждом движении лошади сотрясался. Она нетерпеливо встряхивала головой, так как была оседлана и ждала своего хозяина.

Время от времени незнакомцу, как мы успели это заметить, надоедало смотреть на дорогу; он подходил к лошади и изучал ее с видом знатока, позволяя себе погладить опытной рукой ее мощный круп или тонкие ноги. Всякий раз, как ему удавалось избежать удара копытом нетерпеливого животного, он возвращался на свое место и продолжал смотреть на пустынную дорогу.

Устав ждать, он постучал в ставень.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнул он.

– Кто там стучит? – спросил мужской голос. Ставень распахнулся.

– Сударь! Если ваша лошадь продается, покупатель перед вами.

– Вы же видите, что под хвостом нет соломенной затычки, – захлопывая ставень, сказал человек, по-видимому, простолюдин.

Этот ответ, казалось, не удовлетворил незнакомца, и он опять постучал.

Ему было лет сорок, он был высок и силен, с обветренным лицом и черной бородой, жилистыми руками в широких кружевных манжетах. Обшитая галуном шляпа была сдвинута набок, как это было принято у офицеров из провинции, желавших произвести впечатление на парижан. Он постучал в третий раз и нетерпеливо заговорил:

– Знаете ли, дорогой мой, вы невежливы, и если вы не отворите ставень, я его выломаю.

При этой угрозе ставень раскрылся и показалось то же лицо.

– Вам ведь сказано, что лошадь не продается, – повторил крестьянин. – Этого вам недостаточно, черт побери?

– А я говорю вам, что мне нужна скаковая лошадь.

– Если вам нужна скаковая лошадь, обратитесь на почтовую станцию. Их там штук шестьдесят, и все из конюшни его величества, у вас будет большой выбор. А эту лошадь оставьте тому, у кого, кроме нее, ничего нет.

– Повторяю вам, что мне нужна эта лошадь.

– Губа не дура – арабский скакун!

– Вот почему я и хочу купить ее.

– Очень может быть, что вы хотите ее купить, да она-то не продается.

– А чья же она? Кому она принадлежит?

– Вы очень любопытны.

– А ты чересчур скромн – Ну так вот! Лошадь принадлежит тому, кто живет у меня и любит ее, как ребенка.

– Я хочу поговорить с этим человеком.

– Она спит.

– Это женщина?

– Да.

– Хорошо! Скажи ей, что если ей нужны пятьсот пистолей, она получит их за лошадь.

– Ничего себе! – сказал крестьянин, широко раскрыв глаза. – Пятьсот пистолей! Кругленькая сумма!

– Можешь добавить, что эту лошадь хочет купить король.

– Король?

– Да, сам король.

– А вы случайно не король?

– Я его представитель.

– Вы представляете короля? – переспросил крестьянин, снимая шляпу.

– Пошевеливайся, дружок, король торопится. Силач бросил на дорогу внимательный взгляд.

– Хорошо! Когда дама проснется, – сказал крестьянин, – будьте спокойны, я замолвлю словечко.

– Прекрасно, только я не могу ждать, пока она проснется.

– Что же делать?

– Разбуди ее, черт подери!

– Я не осмеливаюсь...

– Ладно! Подожди! Я разбужу ее сам.

Человек, который утверждал, что является представителем его величества, замахнулся длинным хлыстом с серебряной ручкой.

– Этого только не хватало!

Офицер уронил занесенную было руку, так и не дотронувшись до ставня, так как заметил почтовую карету, запряженную тройкой лошадей, которые неслись рысью.

Наметанный глаз незнакомца узнал герб кареты; он бросился вперед с такой скоростью, которой мог бы позавидовать арабский скакун, которого он хотел купить.

Это была карета, в которой ехала наша незнакомка, ангел-хранитель Жильбера.

Увидев человека, который подавал знаки, кучер, не уверенный, что его лошади благополучно доберутся до почтовой станции, с удовольствием остановился.

– Шон! Дорогая Шон! – воскликнул незнакомец. – Неужели это ты? Ну, здравствуй, здравствуй!

– Да, это я, Жан, – ответила незнакомка, носившая столь странное имя,

– ты что здесь делаешь?

– Черт возьми! Что за вопрос? Я жду тебя! Наш силач вспрыгнул на подножку и, обняв мо-

лодную женщину, осыпал ее поцелуями.

Вдруг он заметил Жильбера, который не догадывался об отношениях между этими людьми и имел вид побитой собаки, у которой отбирают кость.

– Так, а кого это ты подобрала?

– Молодого забавного философа, – отвечала мадмуазель Шон, не думая о том, заденут ее слова Жильбера или польстят ему.

– А где ты его нашла?

– На дороге. Но это к делу не относится.

– Ты права, – отвечал тот, кого звали Жаном. – Как поживает наша старая графиня де Беарн?

– Она чувствует себя хорошо.

– Хорошо, говоришь?

– Да, она придет.

– Придет?

– Да, да, да, – повторила мадмуазель Шон, кивая головой.

Во время этого разговора Жан по-прежнему стоял на подножке, а мадмуазель Шон сидела в карете.

– Что ты ей наговорила? – спросил Жан.

– Что я дочь ее адвоката, мэтра Флажо, что я проезжала через Верден и что мне было поручено моим отцом сообщить о начале ее процесса.

– И все?

– Конечно. Я добавила, что ее присутствие в Париже необходимо.

– Что она сделала?

– Она широко раскрыла свои маленькие глазки, понюхала табаку, заметила, что мэтр Флажо был большим человеком, и распорядилась об отъезде.

– Великолепно, Шон! Ты будешь моим чрезвычайным послом.

– Позавтракаем?

– Непременно, этот несчастный юноша умирает с голоду. Только побыстрее, хорошо?

– Почему?

– Потому что они туда уже подъезжают.

– Старая сутяга! Ладно! Лишь бы опередить их часа на два, чтобы успеть поговорить с господином Монеу.

– Нет, с принцессой.

– Но принцесса еще, наверное, только в Нанси.

– Она в Витри.

– В трех милях отсюда?

– Ни больше, ни меньше.

– Черт возьми! Это меняет дело. Трогай, кучер, трогай!

– Куда прикажете?

– На почтовую станцию.

– Сударь садится в карету или выходит?

– Я поеду на подножке, трогай!

Карета покатила, а с ней и наш путешественник, стоя на подножке. Минут через пять карета остановилась около почтовой станции.

– Быстро, быстро, быстро! – приказала Шон. – Отбивных, жареного цыпленка, яиц, бутылку бургундского и десерт. Мы должны немедленно ехать дальше.

– Простите, сударыня, – обратился к ней хозяин станции, – если вы собираетесь сейчас же ехать дальше, вас повезут те же лошади.

– То есть как те же лошади? – спросил Жан, тяжело спрыгивая с подножки.

– Очень просто: вас повезут лошади, на которых вы ехали.

– Это невозможно, – сказал кучер, – они и так проделали двойной путь. Посмотрите, в каком состоянии несчастные животные.

– Да, верно! Они не могут ехать дальше.

- Кто мешает вам дать мне свежих лошадей?
- Да у меня их больше нет.
- У вас они должны быть... Есть же инструкция, черт возьми.
- Сударь! По инструкции в моих конюшнях должно быть шестнадцать лошадей.
- Ну и что же?
- А у меня их восемнадцать.
- Это больше, чем достаточно, – мне нужно всего три.
- Но все они уже в пути.
- Все восемнадцать?
- Все восемнадцать.
- Тысяча чертей! – выругался путешественник.
- Виконт! Виконт! – воскликнула молодая женщина.
- Хорошо, хорошо, Шон! – сказал незнакомец. – Успокойтесь, я буду сдержаннее.
- Когда вернутся твои клячи? – продолжал виконт, обращаясь к начальнику станции.
- Господи, да я понятия не имею, сударь! Это зависит от кучеров: может, через час, а может, через два.
- Не понимаю, хозяин, – сказал виконт, сдвигая набок шляпу, – вы знаете, что со мной шутки плохи?
- Я в отчаянии, я бы предпочел, чтобы это была шутка.
- Ладно, запрягайте – и как можно скорее, а то я рассержусь.
- Пойдемте со мной в конюшню, и если вы найдете в стойле хоть одну лошадь, вы получите ее бесплатно.
- Хитрец! А если я найду там шестьдесят?
- Это все равно, как если бы вы не нашли ни одной, сударь, потому что все они принадлежат его величеству.
- Ну и что же?
- Как что же! Этих лошадей никому не дают.
- Тогда зачем они здесь?
- Для ее высочества.
- Что! Шестьдесят лошадей в стойле и ни одной для меня?
- Что поделать, черт побери...
- Я знаю только одно: я очень спешу.
- Очень сожалею...
- А так как ее высочество, – продолжал виконт, не обращая внимания на замечание хозяина станции, – будет здесь только к вечеру...
- Что вы говорите?.. – переспросил ошеломленный хозяин.
- Я говорю, что лошади вернутся сюда до прибытия ее высочества.
- Сударь! – вскрикнул бедняга. – Вы хотите сказать...
- Черт побери! – продолжал виконт, входя в стойло. – Кого мне стесняться?
- Но, сударь.
- Мне нужно только три лошади. Я не прошу у вас восемь лошадей, как того требуют королевские высочества, хотя у меня есть на это право, по крайней мере благодаря моему браку, – мне достаточно и трех лошадей.
- Вы не получите ни одной! – закричал хозяин, вставая между лошадьми и незнакомцем.
- Негодяй! – воскликнул виконт, побледнев от гнева. – Ты знаешь, с кем ты разговариваешь?
- Виконт! – кричала Шон. – Виконт, ради Бога! Не надо скандала!
- Ты права, дорогая Шоншон, ты совершенно права! После минутной паузы он добавил:
- Итак, пора перейти от слов к делу Он обратился к хозяину как можно любезнее.
- Дорогой друг! Я снимаю с вас всякую ответственность.
- То есть как это? – не понял хозяин, сбитый с толку любезным выражением лица своего собеседника.
- Я все сделаю сам. Вот три совершенно одинаковые лошади. Я беру их.

– Как это вы их берете?

– Ну да, беру.

– И вы называете это: снять с меня ответственность?

– Конечно: не вы отдали лошадей – у вас их забрали силой.

– Повторяю: это невозможно.

– Так. А где тут у вас сбруя? Вот она, верно?

– Никому не двигаться! – крикнул хозяин станции двум или трем конюхам, слонявшимся во дворе под навесом.

– Ох, идиоты!

– Жан, дорогой! – вскричала Шон, видевшая и слышавшая через дверной проем все, что произошло. – Не делайте глупостей, друг мой! Исполняя такое поручение, как у вас, нужно все терпеливо сносить.

– Все, кроме промедления, – отвечал Жан как нельзя более флегматично.

– Чтобы мне не пришлось слишком долго ждать, пока эти бездельники запрягут лошадей, я готов все сделать сам.

Перейдя от угрозы к делу, Жан снял со стены одну за Другой три конские сбруи и набросил их на спины лошадям.

– Ради Бога, Жан! – умоляюще воскликнула Шон. – Будьте благоразумны.

– Ты собираешься ехать или нет? – скрипнув зубами, пробормотал виконт.

– Конечно, собираюсь! Если мы не приедем, все погибло!

– Ну так не мешай мне!

Выбрав трех далеко не самых плохих лошадей, виконт направился к карете, ведя их за собой.

– Что вы делаете, сударь, подумайте! – воскликнул хозяин почтовой станции, следуя за Жаном по пятам, – взяв лошадей, вы совершите преступление против короля.

– Да я не краду их, дурак, я всего-навсего собираюсь их взять на время. Вперед, лошадки, вперед!

Хозяин хотел было вцепиться в вожжи, но незнакомец грубо его оттолкнул.

– Брат! Брат! – закричала мадмуазель Шон. «Так это ее брат!..» – Жильбер, забившийся в глубину кареты, облегченно вздохнул.

В доме на противоположной стороне улицы распахнулось окно, выходившее как раз на конюшни. В окне показалась очаровательная женщина, напуганная доносившимися со двора криками.

– А, вот и вы, сударыня! – заметил Жан.

– Что значит: вот и я? – переспросила дама с сильным акцентом.

– Вы как раз вовремя проснулись. Не продадите ли вы мне своего коня?

– Моего коня?

– Да, арабского скакуна серой масти, который привязан к ставню. Я готов предложить за него пятьсот пистолей.

– Конь не продается, сударь, – затворяя окно, отвечала дама.

– Решительно, мне сегодня не везет, – проговорил Жан, – мне не хотят ни продать, ни дать на время лошадей. Черт возьми! Да я отберу скакуна, если не куплю его; я перебью этих гнедых, если немедленно их не получу! Ко мне, Патрик!

Лакей незнакомца прыгнул с высоких козел.

– Запрягай! – приказал Жан лакею.

– Слуги, ко мне! Скорее сюда! – завопил хозяин. Прибежали два конюха.

– Жан! Виконт! – кричала мадмуазель Шон, – от волнения ей не удавалось отворить дверцу кареты. – Вы с ума сошли! Вы все погубите!

– Все погубить!.. Надеюсь, что мы всех их перебьем! Ведь нас трое против одного. Ну, юный философ, – во все горло закричал Жан, обращаясь к Жильберу, застывшему в полном недоумении. – Выходите же, выходите! Сейчас мы их отделаем кто палкой, кто камнями, а кто и кулаками! Идите же скорее, черт побери! Что вы застыли, словно изваяние?

Жильбер вопросительно и вместе с тем умоляюще взглянул на мадмуазель Шон; она удер-

жала его за руку.

Хозяин станции вопил во всю мочь и тянул к себе лошадей, а Жан пытался тащить их к себе.

Стоял невообразимый шум.

Необходимо было положить конец этой свалке.

Усталый, измученный виконт Жан, собрав остаток сил, нанес хозяину станции столь мощный удар, что тот, перелетев через голову, угодил в пруд, распугав уток и гусей.

– На помощь! – закричал он. – Убивают! Грабят!

Виконт, не теряя ни минуты, бросился к упряжке.

– На помощь! Убивают! Грабят! На помощь! Именем короля! – не переставал надрываться хозяин, пытаясь привлечь на свою сторону ошеломленных кучеров.

– Кто здесь звал на помощь именем короля? – прокричал всадник, влетевший галопом на постоянный двор, едва не наскочив на участников описанной нами сцены, и спрыгнул с взмыленной лошади.

– Господин Филипп де Таверне! – съезжившись, пробормотал Жильбер.

Шон, от которой ничто не могло укрыться, услышала его слова.

Глава 22. ВИКОНТ ЖАН

Молодой лейтенант из охраны принцессы, – а это был именно он, – спешил при виде нелепой сцены, уже собравшей вокруг постоянного двора любопытных женщин и ребятишек из деревни Ла Шоссе.

Увидав Филиппа, хозяин почтовой станции бросился в ноги нежданному заступнику, посланному самой судьбой.

– Господин офицер! – завопил он – Если бы вы только знали, что здесь происходит!

– Что такое, друг мой? – холодно поинтересовался Филипп.

– У меня силой собираются захватить прекрасных лошадей ее высочества.

Филипп насторожился, услышав столь невероятную новость.

– Кто же собирается забрать у вас лошадей? – спросил он.

– Вот этот господин, – отвечал хозяин станции, указывая пальцем на виконта Жана.

– Вы, сударь? – удивился Филипп.

– Да, черт побери! Я, – отвечал виконт.

– Вы, должно быть, ошибаетесь, – покачал головой Таверне. – Этого не может быть: либо господин сошел с ума, либо он не дворянин.

– Это вы ошибаетесь, дорогой лейтенант, – возразил виконт. – Я пока в своем уме и вышел из кареты его величества в надежде, что скоро опять в нее сяду.

– Как, будучи в своем уме и путешествуя в каретах его величества, вы смее посягать на лошадей, предназначенных принцессе?

– Начнем с того, что здесь шестьдесят лошадей. Ее высочеству может понадобиться только восемь. Я имел несчастье, выбрав три наугад, взять именно тех лошадей, которые были приготовлены для принцессы.

– В конюшне шестьдесят лошадей, это верно, – отвечал молодой человек.

– Ее высочеству нужно восемь, это тоже верно. Однако все шестьдесят лошадей от первой до последней, принадлежат ее высочеству, поэтому вам и было трудно отличить восемь лошадей для принцессы от всех остальных.

– Однако вы видите, что мне все-таки удалось их отличить, раз я беру эту упряжку, – насмешливо отвечал виконт. – Или я, по-вашему, должен шагать пешком, в то время как презренные лакеи поскачут в каретах, запряженных четверкой? Черт побери! Пусть следуют моему примеру, довольствуясь тройками, у них еще останутся на смену свежие лошади.

– Если лакеи и ездят в каретах, запряженных четверкой лошадей, – попытался убедить виконта Филипп, жестом останавливая его возражения, – значит, таков приказ короля, вот они так и ездят. Сдоблаговолите, сударь, приказать своему лакею отвести лошадей на место.

Слова эти были произнесены столь же твердо, сколь и вежливо; не подчиниться ему было

невозможно.

– Вероятно, вы имели бы основание так разговаривать, дорогой лейтенант, – возразил виконт, – если бы в ваши обязанности входило следить за этими животными. Но до сих пор я не слышал, что офицеры принцессы повышены в звании и стали конюхами. Закройте глаза, прикажите своим людям сделать то же и поезжайте с Богом!

– Вы ошибаетесь. Меня ни повысили, ни понизили до конюха... Просто то, что я сейчас делаю, входит в мои обязанности, так как ее высочество лично выслала меня вперед проследить за почтой.

– Тогда другое дело, – отвечал Жан. – Однако, позвольте вам заметить, у вас незавидная служба, господин офицер. Если юная особа так начинает помыкать армией...

– О ком вы изволите так выражаться? – прервал его Филипп.

– Как, черт возьми! Об австриячке, разумеется. Молодой человек стал бледнее полотна.

– Как вы смеете так говорить? – вскричал он.

– Не только говорить, но и делать! – продолжал Жан. – Патрик, запрягай, друг мой, да поскорее: я очень спешу.

Филипп схватил одну из лошадей под уздцы – Сударь, – не теряя спокойствия, заговорил Филипп де Таверне, – могу ли я просить вас об удовольствии назвать мне ваше имя?

– Вы настаиваете?

– Да.

– Извольте: я виконт Жан Дю Барри.

– Как! Вы брат особы...

– Той самой, которая сгноит вас в Бастилии, господин офицер, если вы сейчас же не замолчите! Виконт направился к карете. Филипп подошел к дверце.

– Господин виконт Жан Дю Барри! – сказал он. – Имею честь настаивать на том, чтобы вы вышли.

– Ах, вот как! Я спешу! – отвечал барон, безуспешно пытаясь захлопнуть дверцу.

– Еще одна минута, сударь, – продолжал Филипп, придерживая левой рукой дверцу кареты, – и я даю вам честное слово, что проткну вас насквозь.

Свободной правой рукой он выхватил шпагу.

– О Боже! – вскричала Шон. – Да это просто убийство! Отдайте лошадей, Жан, отдайте скорее!

– А, вы мне угрожаете? – рассвирепел виконт и, в свою очередь, схватил шпагу, лежавшую на переднем сиденье.

– Я готов перейти от угрозы к действию, если высию же минуту не выйдете, вы меня поняли? – взмахнув шпагой, воскликнул молодой человек.

– Мы так никогда не уедем, – шепнула Шон на ухо Жану. – Уговорите этого офицера.

– Никто не может меня ни уговорить, ни заставить силой, когда речь идет о моем долге, – вежливо поклонившись, возразил Филипп, слышавший совет молодой дамы. – Лучше посоветуйте господину виконту подчиниться; в противном случае именем короля, которого я представляю, я буду вынужден либо его убить, если он согласится драться, либо арестовать, если он откажется.

– А я вам говорю, что уеду, и вы не сможете мне помешать! – взревел виконт, выпрыгнув из кареты и взмахнув шпагой.

– Это мы сейчас увидим, – заметил Филипп, приготовившись к защите, – вы готовы?

– Господин лейтенант! – обратился к нему капрал, возглавлявший шестерку находившихся в подчинении Филиппа солдат эскорта – Господин лейтенант! Не прикажете ли, – Не двигайтесь, сударь, – отвечал лейтенант, – это вопрос чести. Итак, господин виконт, я к вашим услугам.

Мадмуазель Шон пронзительно вскрикнула; Жильбер мечтал только об одном: чтобы карета стала такой же глубокой, как колодец, где он мог бы укрыться.

Жан ринулся в наступление. Он безупречно владел этим видом оружия, требующим не столько физической силы, сколько расчетливости. Однако злость, очевидно, изрядно мешала виконту. Филипп, напротив, легко и изящно взмахивал клинком, словно находился в зале на тренировке.

Виконт отскакивал, затем делал резкий выпад, атаковала то справа, то слева, громко вскрикивая наподобие полковых учителей фехтования.

Сжав зубы и не спуская глаз с противника, Филипп был почти неподвижен; он все подмечал, угадывая каждое его движение.

Все, включая Шон, в полном молчании следили за происходящим.

Поединок продолжался уже несколько минут. Все ложные выпады, крики, наскоки Жана ни к чему не приводили. Филипп, внимательно наблюдавший за противником, сделал единственный выпад.

Вскрикнув от боли, виконт Жан отпрянул назад.

Его манжета обагрилась кровью, кровь стремительно стала стекать по пальцам на землю: точным ударом шпаги Филипп пронзил противнику предплечье – Вы ранены, сударь, – заметил он – Я сам вижу, черт побери! – проговорил Жан, бледнея и роняя шпагу.

Филипп поднял шпагу и подал виконту – Идите, сударь, – сказал молодой человек, – и не делайте больше глупостей.

– Черт возьми! Если я их делаю, я сам за них и расплачиваюсь, – проворчал виконт. – Поди сюда, Шоншон, милая, поди скорее, – обратился он к сестре, соскочившей с подножки кареты и поспешившей к нему на помощь.

– Справедливости ради прошу вас признать, сударыня, – проговорил Филипп, – что не я виноват в случившемся; весьма сожалею, что был вынужден обнажить шпагу в присутствии дамы.

Отвесив поклон, он отошел в сторону.

– Распрягайте лошадей, друг мой, и ведите в конюшню, – приказал Филипп хозяину станции.

Жан погрозил Филиппу кулаком, тот пожал плечами.

– Тройка возвращается! – закричал хозяин. – Куртен! Куртен! Немедленно запрягай их в карету этого господина.

– Хозяин... – попытался возразить кучер.

– Молчи! – перебил его тот. – Не видишь, господин торопится!

Жан продолжал браниться.

– Сударь, сударь! – закричал хозяин. – Не отчаивайтесь! Вот вам лошади!

– Да, – проворчал Дю Барри, – твоим лошадям следовало бы здесь быть на полчаса раньше.

Топнув ногой от отчаяния, он взглянул на раненную навывлет руку, которую Шон перевязывала носовым платком.

Вскочив в седло, Филипп отдавал приказания таким тоном, будто ничего не произошло.

– Едем, брат, едем, – проговорила Шон, увлекая Дю Барри к карете.

– А арабский жеребец? – возразил тот. – А, да пусть он идет ко всем чертям! Мне сегодня решительно не везет! Он сел в карету.

– А, прекрасно! – воскликнул он, заметив в углу Жильбера. – Теперь мне и ног не вытянуть!

– Сударь, – отвечал молодой человек, – я очень сожалею, что помешал вам.

– Ну, ну, Жан, – вмешалась мадмуазель Шон, – оставьте в покое нашего юного философа.

– Пусть переседет на козлы, черт побери! Краска бросилась Жильберу в лицо.

– Я вам не лакей, чтобы сидеть на козлах, – обиделся он.

– Вы только посмотрите на него! – усмехнулся Жан.

– Прикажите мне выйти, и я выйду.

– Да выходите, тысяча чертей! – вспыхнул Дю Барри.

– Да нет, сядьте напротив меня, – вмешалась Шон, удерживая молодого человека за руку. – Так вы не будете мешать моему брату.

Она шепнула на ухо виконту:

– Он знает человека, который только поранил вас. В глазах виконта промелькнула радость.

– Прекрасно! В таком случае пусть остается. Как имя того господина?

– Филипп де Таверне.

В эту минуту молодой офицер проходил как раз рядом с каретой.

– А, это опять вы, молодой человек! – вскричал Жан. – Сейчас вы торжествуете, но придет и мое время!

– Как вам будет угодно, сударь, – спокойно отвечал Филипп.

– Да, да, господин Филипп де Таверне! – продолжал Жан, пытаясь уловить смущение в лице молодого человека, не ожидавшего услышать свое имя.

Филипп в самом деле поднял голову с удивлением, к которому примешивалось некоторое беспокойство. Но он тут же овладел собой и, с необычайной грациозностью обнажив голову, произнес:

– Счастливого пути, господин Жан Дю Барри! Карета рванулась с места.

– Тысяча чертей! – поморщившись, проворчал виконт. – Если бы ты знала, как я страдаю, дорогая Шон!

– На первой же станции мы потребуем врача, а молодой человек наконец пообедает, – отвечала Шон.

– Ты права, – заметил Жан, – мы не пообедали. А у меня боль заглушает голод, но я умираю от жажды.

– Не хотите ли стакан вина?

– Конечно, хочу, давай скорее.

– Сударь! – вмешался Жильбер. – Позволительно ли мне будет заметить...

– Сделайте одолжение.

– Дело в том, что в вашем положении лучше отказаться от вина.

– Вы это серьезно? Он обернулся к Шон.

– Так твой философ еще и врач?

– Нет, сударь, я не врач. Я надеюсь когда-нибудь им стать, буде на то воля Божия, – отвечал Жильбер. – Просто мне приходилось читать в одном справочнике для военных, что в первую очередь раненому запрещено давать воду, вино, кофе.

– Ну, раз вы читали, не будем больше об этом говорить.

– Господин виконт! Не могли бы вы дать мне свой платок? Я смочил бы его вон в том роднике, вы бы обернули руку платком и испытали огромное облегчение.

– Пожалуйста, друг мой, – сказала Шон. – Кучер, остановите! – приказала она.

Жильбер остановил лошадей. Жильбер поспешил к небольшой речушке, чтобы намочить платок виконта.

– Этот юноша не даст нам переговорить! – заметил Дю Барри.

– Мы можем разговаривать на диалекте, – предложила Шон.

– Я сгораю от желания приказать кучеру трогать, бросив его здесь вместе с моим платком.

– Вы не правы, он может быть нам полезен.

– Каким образом?

– Я от него уже получила весьма и весьма важные сведения.

– О ком?

– О принцессе. А совсем недавно, при вас, он сообщил нам имя вашего противника.

– Хорошо, пусть остается.

В эту минуту появился Жильбер, держа в руках платок, смоченный ледяной водой.

Как и предсказывал Жильбер, от одного прикосновения платка к руке виконту стало гораздо легче.

– Он прав, я чувствую себя лучше, – признался он. – Ну что же, давайте поговорим.

Жильбер прикрыл глаза и насторожился, однако ожидания его обманули. На приглашение брата Шон отвечала на звучном диалекте, который не воспринимало ухо парижанина: оно не различает в провансальском наречии ничего, кроме раскатистых согласных и мелодичных гласных.

Несмотря на самообладание, Жильбер не смог скрыть досады, что не ускользнуло от мадмуазель Шон. Чтобы хотя отчасти его утешить, она мило ему улыбнулась.

Улыбка дала Жильберу понять, что им дорожили. В самом деле, он, земляной червь, касался руки виконта, которого сам король осыпал милостями.

Ах, если бы Андре видела его в этой чудесной карете!

Он преисполнился гордости.

О Николь он и думать забыл.

Брат с сестрой продолжали беседовать на непонятном диалекте.

– Прекрасно! – неожиданно вскричал виконт, выглянув из кареты и обернувшись.

– Что именно? – спросила Шон.

– Нас догоняет арабский жеребец!

– Какой еще арабский жеребец?

– Тот самый, которое я собирался купить.

– Взгляни-ка, – сказала Шон, – это скачет женщина. Ах, какое восхитительное создание!

– О ком вы говорите, о даме или о коне?

– О даме.

– Окликните ее, Шон. Может быть, она вас не испугается. Я готов предложить тысячу пистолей за коня.

– А за даму? – со смехом спросила Шон.

– Боюсь, мне пришлось бы разориться... Так позовите же ее!

– Сударыня! – крикнула Шон. – Сударыня! Однако молодая черноглазая женщина, завернутая в белый плащ, в серой шляпе с длинным плюмажем, промелькнула стрелой, обогнав карету. Она прокричала на скаку:

– *Avanti! Djerid, Avanti!*

– Она итальянка, – проговорил виконт. – Черт побери, до чего хороша! Если бы мне не было так больно, я бы выпрыгнул из кареты и побежал за ней.

– Я ее знаю, – сказал Жильбер.

– Ах, вот как? Наш деревенский философ – ходячий альманах! Он что же, со всеми знаком?

– Как ее зовут? – спросила Шон.

– Лоренца.

– Кто она?

– Подруга колдуна.

– Какого колдуна?

– Барона Джузеппе де Бальзамо. Брат и сестра переглянулись. Казалось, сестра спрашивала: «Не права ли я была, оставив его?»

«Разумеется, права!» – казалось, отвечал ей брат.

Глава 23. УТРО ГРАФИНИ ДЮ БАРРИ

Теперь предлагаем читателям покинуть мадмуазель Шон и виконта Жана, торопящихся на почтовую станцию по Шалонской дороге: мы приглашаем вас посетить другое лицо из той же семьи.

В бывших апартаментах г-жи Аделаиды ее отец Людовик XV поселил графиню Дю Барри, которая вот уже около года была его любовницей. Он следил за тем, каков будет результат этого своеобразного государственного переворота, как отнесется к этому двор.

Благодаря своим непринужденным манерам, жизнерадостному характеру, неистощимой бодрости, шумным фантазиям фаворитка короля превратила когда-то безмолвный замок в стремительный водоворот, она оставила при себе лишь тех обитателей замка, кто принимал участие в общем веселье.

Из ее несомненно ограниченных апартаментов – учитывая силу власти занимавшей их особы – ежеминутно следовали либо приказания о празднествах, либо сигнал к увеселительному зрелищу.

Самым удивительным в этой части дворца было, пожалуй, то, что с раннего утра, то есть с девяти часов, по великолепной лестнице уже подымалась блестящая толпа увешанных брильянтами визитеров, которые потом смиренно устраивались в полной изящных безделушек приемной. Избранные с нетерпением ожидали появления из святилища своего божества.

На следующий день после описанных нами событий в деревушке Ла Шоссе, около девяти часов утра, то есть в час священный, Жанна де Вовернье поднялась с постели, накинув на плечи пеньюар из расшитого муслина, сквозь прозрачное кружево которого проглядывали округлые

ножки и белоснежные руки. Жанна де Вобернье, затем мадмуазель Ланж, наконец графиня Дю Барри по милости ее бывшего покровителя г-на Жана Дю Барри, была – нет, не подобна Венере – разумеется, прекраснее, чем Венера на вкус мужчины, отдающего предпочтение естеству перед выдумкой. У нее были восхитительные волнистые светло-каштановые волосы, белоснежная атласная кожа с голубыми прожилками, томные лукавые глаза и изящно очерченные капризные коралловые губы, за которыми прятались жемчужные зубки; повсюду были ямочки: на щеках, подбородке, пальчиках. Стройностью стана она могла бы соперничать с Венерой Милосской. Она была в меру полная, и ее соблазнительная полнота великолепно сочеталась с безупречной гибкостью всего тела. Все эти прелести г-жи Дю Барри оказывались доступны взглядам избранных, присутствовавших при ее пробуждении. Людовик XV, ее ночной избранник, не упускал случая вместе с другими приближенными полюбоваться этим зрелищем, следуя пословице, которая рекомендует старикам подбирать крохи, падающие со стола жизни.

Уже несколько минут фаворитка не спала. В восемь часов она позвонила и приказала впустить в комнату свет, ее первого любовника, но не сразу, а сначала сквозь плотные шторы, затем – сквозь вуаль. Солнце в тот день было ослепительным; ворвавшись в комнату, оно вспомнило о своих былых приключениях и принялось ласкать своими лучами прелестную нимфу. Она же, вместо того чтобы, подобно Дафнии, избегавшей любви богов, уклониться от его ласк, напротив, отдавалась им со всей безаветностью. Ее сверкавшие, словно темные рубины, глаза не припухли после сна, в них нельзя было заметить ни малейшего беспокойства, она с улыбкой разглядывала свое лицо в ручном зеркальце, отделанном золотом и жемчугом. Ее гибкое тело, о котором мы попытались дать читателю некоторое представление, легко поднялось с постели, в которой оно до той минуты покоилось, убаюканное легкими сновидениями; и вот уже фаворитка коснулась ковра из горностаев ножкой, которая могла бы сравниться разве что с ножкой Золушки. Две проворные руки держали наготове туфельки, даже одна из них могла бы озолотить лесника из тех мест, откуда была родом Жанна, если бы ему удалось такую туфельку отыскать.

Пока красавица потягивалась, пробуждаясь от сна, ей накинули на плечи широкую накидку из малинских кружев, затем служанка занялась ее полными ножками, сбросившими на минутку туфельки, чтобы позволить камеристке надеть чулки розового шелка, столь тонкие и прозрачные, что они совершенно сливались с ее ножками.

– От Шон нет новостей? – спросила она камеристку.

– Нет, ваше сиятельство, – отвечала та, – А от виконта Жана?

– Тоже ничего.

– Может быть, Биши получала от них известия?

– Утром я посылала человека к вашей сестре, ваше сиятельство.

– Ну и что же, не было писем?

– Нет, писем не было.

– Ах, до чего утомительно ожидание! – произнесла графиня с очаровательной гримасой – Неужели нельзя придумать никакого средства сообщения, которое позволяло бы в один миг связать людей, находящихся друг от друга на расстоянии в сто миль? Да-а, жаль мне того, кто попадет сегодня под руку! Много ли народу в приемной?

– И вы, ваше сиятельство, еще спрашиваете!

– Ну, конечно! Послушайте, Доре: принцесса скоро будет здесь, было бы неудивительно, если бы меня покинули ради солнца, рядом с которым я всего лишь бледная звездочка. Итак, кто у нас сегодня?

– Господин д'Эгийон, принц де Субиз, господин де Сартин, президент Монеу.

– А герцог де Ришелье?

– Еще не появлялся.

– Ни сегодня, ни вчера! Я же вам говорила, Доре: боится себя скомпрометировать. Пошлите человека в особняк де Гановер справиться о здоровье герцога.

– Слушаюсь, ваше сиятельство. Ваше сиятельство примет всех сразу или даст аудиенцию каждому в отдельности?

– Я хочу поговорить с господином де Сartiном, пригласите его одного.

Едва камеристка успела передать приказание графини выездному лакею, который ожидал в коридоре, ведущем из приемной в комнату графини, как в спальню явился начальник полиции, одетый в черное; он смягчил строгое выражение серых глаз и поджатых тонких губ любезнейшей улыбкой.

– Здравствуйте, недруг мой! – произнесла, не глядя на него, графиня, – она видела его в своем зеркальце.

– Я – ваш недруг?

– Да, именно вы. Весь мир делится для меня на два лагеря: друзей и врагов. Я не считаю равнодушных, точнее, я отношу их к врагам.

– Вы правы, ваше сиятельство Скажите же, каким образом, несмотря на мою хорошо вам известную преданность, я оказался причисленным к лагерю ваших недругов?

– Вы позволили опубликовать, распространить, передать королю несметное количество направленных против меня стихов, памфлетов, пасквилей. Это жестоко! Это отвратительно! Это неумно!

– Ваше сиятельство! Да ведь я же не могу отвечать...

– Напротив, вы несете за это ответственность, потому что знаете, кто это ничтожество, которое всем этим занимается.

– Ваше сиятельство! Если бы это было делом рук одного человека, нам даже не стоило бы упрячивать его в Бастилию, потому что он умер бы своей смертью под тяжестью своих творений.

– Ах, как вы любезны!

– Если бы я был вашим врагом, ваше сиятельство, я бы вам этого не сказал.

– Вы правы, не будем больше об этом говорить. Итак, решено: отныне мы с вами друзья, и мне это очень приятно. Однако меня кое-что беспокоит.

– Что же именно, ваше сиятельство?

– То, что вы находитесь в прекрасных отношениях с Шуазелями.

– Ваше сиятельство! Господин де Шуазель – премьер-министр, он отдает приказания – я их исполняю.

– Значит ли это, что если господин де Шуазель прикажет меня преследовать, мучить, терзать, вы не станете мешать моим мучителям? Благодарю вас.

– Прошу вас припомнить, – проговорил г-н де Сартин непринужденно севший в кресло и не вызвавший этим гнева фаворитки, потому что она много позволяла самому осведомленному во Франции человеку, – что я для вас сделал третьего дня?

– Вы предупредили меня о гонце, отправленном из Шантелу с целью ускорить прибытие принцессы.

– Мог бы это сделать для вас недруг?

– А в деле представления ко двору, которое, как вы знаете, так много значит для моего самолюбия, что вы для меня сделали?

– Все, что в моих силах.

– Господин де Сартин! Вы недостаточно откровенны.

– Вы ко мне несправедливы.

– Кто ради вас отыскал в неприметной таверне менее чем за два часа виконта Жана, которого вам необходимо было срочно послать не знаю – куда? Вернее, я-то знаю!

– Я бы скорее согласилась лишиться своего зятя, – со смехом отвечала г-жа Дю Барри, – ведь он – приверженец французской королевской семьи.

– Ну, так это же все-таки немалые услуги...

– Да, трехдневной давности. А вот сделали ли вы хоть что-нибудь для меня вчера, например?

– Вчера, ваше сиятельство?

– Вы напрасно напрягаете память: вчера вы любезничали с другими.

– Я вас не понимаю, ваше сиятельство.

– Зато я понимаю! Ну, отвечайте: что вы делали вчера?

– Утром или вечером?

– Начинайте с утра.

- Утром я по обыкновению работал.
- До которого часа?
- До десяти.
- А дальше?
- Я послал приглашение к ужину одному из своих лионских друзей, который утверждал, что приедет в Париж не замеченным мной, однако один из моих слуг ожидал его у заставы.
- А после ужина?
- Я отправил начальнику охраны его величества императора Австрии адрес отъявленного вора, которого ему никак не удавалось схватить.
- И где же он оказался?
- В Вене.
- Так вы занимаетесь розысками не только в Париже, но и за границей?
- Да, от нечего делать.
- Запомню. Ну, а после того, как отправили почту, чем вы занимались?
- Я был в Опере.
- Ходили навестить малышку Гимар? Бедный Субиз!
- Совсем не за этим: мне необходимо было арестовать знаменитого карманника, которого я до сих пор не трогал, потому что он промышлял среди богатых откупщиков; однако он имел неосторожность срезать пару кошельков у известных вельмож.
- Мне кажется, вы едва не допустили неловкость, господин лейтенант. Ну, а после Оперы?
- После Оперы?
- Да, я задаю нескромный вопрос, не так ли?
- Да нет, после Оперы... Погодите, дайте припомнить...
- Ага! Похоже, вам начинает изменять память.
- Напротив! После Оперы... Вспомнил!
- Прекрасно.
- Я спустился, вернее, поднялся к одной даме в карету и сам отвез ее в Фор-л'Эвек.
- В ее карете?
- Нет, в фиакре.
- А что потом?
- Как, что потом? Вот и все.
- Нет, не все.
- Я опять сел в фиакр.
- И кого вы там увидели?
- Господин де Сартин покраснел.
- Ах! – воскликнула графиня, хлопая в ладоши. – Мне удалось заставить покраснеть начальника полиции!
- Ваше сиятельство... – пролепетал г-н де Сартин.
- Что ж, тогда я вам скажу, кто был в фиакре, – продолжала фаворитка, – герцогиня де Граммон.
- Герцогиня де Граммон? – переспросил начальник полиции.
- Да, герцогиня де Граммон, умолявшая вас провести ее в королевские апартаменты.
- Право, – вскричал г-н де Сартин, заметавшись в кресле, – я готов передать вам свой портфель: оказывается, не я занимаюсь полицейскими расследованиями, а вы!
- В самом деле, господин де Сартин, как видите, я тоже веду расследование: берегитесь!.. Да, да! Герцогиня де Граммон в фиакре, в полночь, наедине с господином начальником полиции, да еще принимая во внимание, что лошади идут шагом! Знаете ли, что я приказала сделать, как только мне стало об этом известно?
- Нет, но я трепещу. К счастью, было уже очень поздно.
- Это не имеет значения: ночь – прекрасная пора для мести.
- Так что же вы предприняли?
- То же, что моя тайная полиция: ведь и в моем распоряжении есть ужасные писаки, гряз-

ные, как старые лохмотья, и голодные, как бездомные псы.

– Вы их плохо кормите?

– Я их совсем не кормлю. Если они растолстеют, они станут столь же глупыми, как господин де Субиз; как известно, жир убивает желчь.

– Продолжайте, вы заставляете меня трепетать.

– Я вспомнила о тех гадостях, которые вы спускаете с рук Шуазелю и которые направлены против меня. Меня это задело, и я предложила своим Аполлонам следующую программу.

Во-первых, переодетый прокурором г-н де Сартин, посещающий на пятом этаже одного дома на улице Ларбр-Сек юную особу, которой он не стыдится пересказывать сотни три грязных книжонок; это бывает третьего числа каждого месяца.

– Ваше сиятельство! Вы собираетесь очернить благородное дело.

– Подобные дела очернить невозможно. Во-вторых, переодетый его преподобием господин де Сартин, проникающий в монастырь Кармелиток на улице Святого Антуана.

– Я должен был передать святым сестрам новости с Востока.

– Ближнего или Дальнего? В-третьих, переодетый лейтенантом полиции господин де Сартин, разъезжающий по ночным улицам в фиакре наедине с герцогиней де Граммон.

– Ах, ваше сиятельство! – не на шутку испугался господин де Сартин. – Неужели вы готовы подорвать уважение к моему учреждению?

– Вы ведь закрываете глаза, когда подрывается уважение ко мне! – рассмеялась графиня. – Впрочем, погодите.

– Я жду, ваше сиятельство.

– Мои шалопаи уже взялись за дело и сочинили, как сочиняют ученики коллежа в изложениях, в переводах, с преувеличениями, и я получила утром уже готовые эпиграмму, куплет и водевиль.

– О Боже!

– Все три сочинения отвратительны. Я угощу ими сегодня короля, а также предложу его вниманию новый Pater noster

который вы распространяете против него, помните:

«Отец наш Версальский, пусть позор падет на Ваше имя, как оно того заслуживает; Ваш трон расшатан. Вы больше не способны выражать на земле Божью волю; верните нам хлеб наш насущный, съеденный Вашими фаворитками; простите своему парламенту, как мы прощаем Вашим министрам, которые его продали. Не поддавайтесь искушениям графини Дю Барри и освободитесь от Вашего чертового канцлера.

Аминь!»

– Где вы это нашли? – спросил г-н де Сартин, – со вздохом складывая руки.

– О Господи! Да разве мне нужно искать? Мне любезно присылают каждый день лучшее из произведений такого рода. Я отдаю вам должное за эти регулярные посылки.

– Ваше сиятельство!..

– Итак, в ответ вы получите завтра упомянутые мной эпиграмму, куплет и водевиль.

– Почему бы вам не передать мне их сейчас?

– Потому что мне еще нужно время для того, чтобы их размножить. Уже стало привычным, что полиция узнает в последнюю очередь о происходящем, не так ли? Нет, правда, это вас развлекает! Утром я сама над ними смеялась чуть не целый час. А король смеялся до слез и даже заболел от смеха. Вот почему он запаздывает.

– Я пропал! – вскричал г-н де Сартин, обхватив руками голову в парике.

– Нет, еще не все потеряно, вас высмеяли – только и всего. Разве я погибла после «Прекрасной бурбонки», а? Нет, я в бешенстве, только и всего. Теперь я хочу заставить беситься других. Ах, до чего хороши стишки! Я была так довольна, что приказала подать моим графomanам белого вина: должно быть, сейчас они уже мертвецки пьяны.

– Ах, графиня, графиня!

– Я вам сейчас прочту эпиграмму.

– Помилуйте!..

О Франция! Ужель твоя судьба – Служанкой быть у похотливой шлюхи?!

– А, нет, я ошиблась: эту эпиграмму вы пустили против меня. Их так много, что я путаюсь.

Погодите-ка, вот она:

Чудную вывеску, друзья, вы б не забыли:

Воспитанник Луки по просьбе врачей Фигурки в полный рост смог поместить в бутылки – Бонн, Мопу, Тере во всей красе своей.

При них Сартин. Слова на сигнатуре были:

«Смесь четырех воров» – Тот, кто ворует, пей!

– О жестокое сердце, вы будите во мне тигра!

– Теперь перейдем к куплету, он написан от лица герцогини де Граммон;

Подойди поближе, страж порядка!

Хороша я и целую сладко.

Убедись-ка сам, чтобы украдкой Рассказать об этом королю...

– Ваше сиятельство! Ваше сиятельство! – вскричал разгневанный г-н Сартин.

– Успокойтесь, – проговорила графиня, – отпечатано пока всего десять тысяч экземпляров. А теперь вас ждет водевиль.

– Так в вашем распоряжении печатный станок?

– Что за вопрос! Разве у господина де Шуазеля его нет?

– Пусть поостережется ваш печатник!

– Ну, ну, попытайтесь: свидетельство оформлено на мое имя.

– Это отвратительно! И король смеется над всеми этими гнусностями?

– Еще бы! Он сам находит рифмы, когда затрудняются мои пауки.

– Вам хорошо известно, что я ваш верный слуга, а вы так ко мне относитесь!

– Мне известно, что вы меня предаете, а графиня Шуазель жаждет моего падения.

– Ваше сиятельство! Она захватила меня врасплох, клянусь вам!

– Так вы признаете? – Вынужден признать.

– Почему же вы меня не предупредили?

– Я за этим как раз и пришел.

– Я вам не верю.

– Слово чести!

– Я тоже могу поклясться.

– Пощадите! – проговорил начальник полиции, опускаясь на колени.

– Мило!

– Именем Бога заклинаю вас пощадить меня, графиня!

– Как вы испугались сомнительных стишков, вы – такой человек, министр!

– Ах, если бы я только этого боялся!

– А вы не думали, что меня, женщину, такая песенка может лишить сна?

– Вы – королева.

– Да, королева, не представленная ко двору.

– Клянусь вам, ваше сиятельство, что я никогда не причинял вам зла.

– Нет, но вы не мешали делать его другим.

– Если я перед вами и виноват, то в очень малой степени.

– Хотелось бы в это верить.

– Так поверьте!

– Речь идет о том, чтобы не просто не делать зла, а совершать добро.

– Помогите мне, мне это никак не удастся.

– Вы на моей стороне, да или нет?

– Да.

– Простирается ли ваша преданность до того, чтобы поддержать мое представление ко двору?

– Да вы сами ставите этому препоны.

– Подумайте хорошенько! Мой печатный станок наготове, он работает днем и ночью; через

двадцать четыре часа мои писаки проголодаются, а когда они голодны, они имеют обыкновение больно кусаться.

– Я готов стать послушным. Чего вы желаете?

– Чтобы мои начинания не встречали препятствий.

– За себя я ручаюсь!

– Какая глупость! – топнув ножкой, вскричала графиня. – Попахивает Грецией и Карфагеном, а еще нечистой совестью.

– Графиня!..»

– Я этих слов не принимаю: это отговорка. Предполагается, что вы ничего не будете делать, в то время как господин де Шуазель будет действовать. Я не этого желаю, слышите? Все или ничего. Выдайте мне Шуазелей связанными по рукам и ногам, бессильными, разоренными. В противном случае я вас уничтожу, я свяжу по рукам и ногам вас, я разорю вас. Берегитесь: куплет будет не единственным моим оружием, предупреждаю вас.

– Не угрожайте мне, ваше сиятельство, – задумчиво проговорил г-н де Сартин, – представление ко двору стало с недавних пор очень трудным делом, вы даже не можете себе это вообразить.

– «С некоторых пор» – точно подмечено, потому что кто-то мне препятствует.

– Увы!

– Можете ли вы устранить эти препятствия?

– Один я ничего не могу сделать, необходимо около сотни человек.

– Они у вас будут.

– Еще понадобится миллион...

– Это дело Тере.

– Потом согласие короля...

– Я его добьюсь.

– Он вам его не даст.

– Я вырву его у короля.

– После того, как все это у вас будет, вам понадобится поручительница.

– Ее как раз ищут.

– Бесполезно Против вас существует заговор.

– В Версале?

– Да, все дамы отказали, желая угодить господину де Шуазелю, госпоже де Граммон и на всякий случай принцессе.

– Прежде всего на всякий случай придется сменить имя, если госпожа де Граммон будет здесь. Это уже поражение.

– Вы напрасно упрямитесь, поверьте мне.

– Я близка к цели.

– Именно поэтому вы послали свою сестру в Верден?

– Да, вы угадали. Так вам это известно? – недовольно спросила графиня.

– Еще бы! У меня налажена слежка, – со смехом отвечал г-н де Сартин.

– У вас есть шпионы?

– У меня есть шпионы.

– В моем доме?

– В вашем доме.

– На моей конюшне или на кухне?

– В вашей приемной, в гостиной, в будуаре, в спальне, под туалетным столиком.

– Прекрасно! В знак примирения и заключения нашего союза назовите имена этих шпионов.

– О, я не хочу, графиня, поссорить вас с вашими друзьями!

– В таком случае я объявляю войну!

– Войну? Как вы можете так говорить!

– Я говорю то, что думаю. Убирайтесь, я не желаю больше вас видеть.

– Готов на этот раз призвать вас в свидетели. Могу ли я выдать..., государственную тайну?

– Альковную тайну.

- Это как раз то, что я хотел сказать: государство теперь находится здесь.
- Я хочу знать имя шпиона.
- Что вы с ним сделаете?
- Я его прогоню.
- Тогда вам придется очистить весь дом.
- Надеюсь, вы понимаете, что говорите мне ужасные вещи?
- Но это правда. Боже мой! Да как же без этого править? Вы же это прекрасно понимаете, ведь вы – опытный политик.
- Графиня Дю Барри оперлась локтем о лаковый столик.
- Вы правы, – проговорила она, – оставим этот разговор. Каковы будут условия нашего договора?
- Назначьте сами, ведь вы – победительница. – Я великодушна, как Семирамида. Чего вы хотите?
- Чтобы вы никогда не напоминали королю о рекламациях на муку, которые вы, обманщица, обещали поддерживать.
- Условились. Возьмите все полученные на этот счет прошения. Они в ларце.
- Предлагаю вам взамен труд, составленный государственными мужами, о порядке представления ко двору.
- Вам поручили передать этот труд его величеству, не так ли?
- Разумеется.
- Будем считать, что вы его передали.
- Да.
- Хорошо. А что вы скажете?
- Скажу, что передал его. Таким образом, мы выиграем время, а у вас хватит ловкости, чтобы им воспользоваться.
- В эту самую минуту обе створки двери распахнулись, вошел лакей и объявил:
- Король!
- Союзники поспешили спрятать документы и повернулись к двери, приветствуя его величество Людовика XV.

Глава 24. КОРОЛЬ ЛЮДОВИК XV

- Людовик XV вошел с высоко поднятой головой; он весело смотрел по сторонам и улыбался.
- После того, как король прошел в комнату, через настежь растворенную дверь стал виден двойной ряд склоненных голов придворных, жаждавших быть принятыми, ибо с приходом его величества им представился случай оказаться в свите сразу двух могущественных особ.
- Двери захлопнулись. Король, никого не пригласивший знаком следовать за ним, оказался наедине с графиней и господином де Сartiном.
- Мы не будем принимать во внимание ни личной камеристки графини, ни маленького негр-тенка.
- Здравствуйте, графиня! – проговорил король, поцеловав руку г-же Дю Барри. – Вы сегодня прекрасно выглядите! Здравствуйте, Сартин! Вы что же, работаете здесь? Боже мой, сколько бумаг! Спрячьте все это поскорее! Ах, какой прелестный у вас фонтанчик, графиня!
 - С притворным любопытством Людовик XV устремил взгляд на огромный китайский фонтан, с недавнего времени украшавший один из углов спальни графини.
 - Сир! – отвечала графиня Дю Барри. – Как ваше величество, должно быть, уже догадались, этот фонтан – из Китая. Вода, попадая в нижнюю раковину, заставляет свистать фарфоровых птичек и плавать хрустальных рыбок, затем открываются двери пагоды, из которой вереницей выходят мандарины.
 - Это очень мило, графиня.
 - В эту минуту мимо них прошел негр-тенок, одетый в причудливый костюм, который в те времена напоминал Оросманов и всевозможных Отелло. Его небольшой тюрбан с прямыми перьями

ями был сдвинут набок. На нем была курточка из золотой парчи, оставлявшая обнаженными его словно выточенные из черного дерева руки, широкие штаны до колен из белого атласа и яркая разноцветная перевязь, соединявшая штаны с вышитым жилетом; на перевязи сверкал драгоценными камнями кинжал.

– Черт возьми! – вскричал король. – Как Замор великолепен сегодня!

Негр услужливо остановился.

– Сир! Он заслужил милость обратиться к вашему величеству с просьбой.

– Графиня, – заметил Людовик XV, – Замор представляется мне весьма честолюбивым.

– Отчего же, сир?

– Потому что вы и так оказали ему самую большую милость, о которой он мог только мечтать.

– Какая же это милость?

– Та же, что оказана и мне.

– Не понимаю, сир.

– Вы превратили его в своего раба. Господин де Сартин с улыбкой поклонился, закусив губы.

– О, вы очень любезны, сир! – воскликнула графиня. Наклонившись к уху короля, она прошептала:

– Я тебя обожаю!

– Прекрасно! Итак, чего вы желаете для Замора?

– Вознаграждения за долгую и верную службу.

– Ему только двенадцать лет.

– За долгую и верную службу в будущем.

– Ха, ха!

– Право, я не шучу, сир. Мне кажется, что принято вознаграждать лишь за прошлые заслуги; настало время благодарить за услуги ожидаемые, тогда подданные имели бы надежду, что им не заплатят неблагодарностью.

– Прекрасная мысль! – сказал король. – Что вы на это скажете, господин де Сартин?

– Я думаю, что при этом преданность была бы вознаграждена; я поддерживаю эту мысль, сир!

– Итак, графиня, чего вы просите для Замора?

– Сир! Вы знаете мой особняк Люсьенн?

– Я о нем только слышал.

– Это ваша вина: я сто раз вас туда приглашала.

– Вы ведь знакомы с этикетом, дорогая графиня: за исключением тех случаев, когда король находится за пределами Франции, он может ночевать только в одном из королевских дворцов.

– Именно об этой милости я вас и прошу. Мы превратим Люсьенн в королевский дворец и назначим Замора его дворецким.

– Это будет пародия, графиня.

– Вы знаете, как я обожаю пародии, сир.

– Другие дворецкие станут возмущаться.

– Пусть возмущаются!

– Но на этот раз не без основания.

– Тем лучше: они столько раз возмущались без всякой причины! Замор! Опуститесь на колени и благодарите его величество.

– За что? – воскликнул Людовик XV. Негр преклонил колени.

– Благодарите его величество за вознаграждение, выдаваемое вам за то, что несли шлейф моего платья, чем доводили до бешенства придворных рутинеров и недотрог.

– Признаться, он безобразен, – сказал Людовик XV и громко рассмеялся.

– Поднимитесь, Замор, – приказала графиня, – вы получили назначение.

– Неужели, сударыня...

– Я сама отправлю распоряжения, грамоты, провизию, это мое дело. Вам, сир, останется

лишь выбрать время и, не нарушая предписаний, пожаловать в Люсьенн. Начиная с сегодняшнего дня, государь, у вас есть еще один королевский дворец.

– Знаете ли вы способ хоть в чем-нибудь ей отказать, Сартин?

– Возможно, такой способ существует, но еще не найден.

– Если он будет найден, сир, я могу с уверенностью сказать, что именно господину де Сартину буду обязана этим великолепным открытием.

– Как, сударыня? – затрепетав, спросил начальник полиции.

– Вообразите, сир, что вот уже три месяца я прошу господина де Сартина об одной услуге, но пока тщетно.

– А о чем вы просите?

– О, он хорошо знает, о чем!

– Я, сударыня? Клянусь вам...

– Входит ли то, о чем вы просите, в его компетенцию? – спросил король.

– Ив его, и в компетенцию его возможного преемника.

– Графиня, – вскричал г-н де Сартин. – Ваши слова меня обескуражили.

– Так о чем же вы его просите?

– Я хочу, чтобы он нашел мне колдуна. Господин де Сартин облегченно вздохнул.

– Вы хотите сжечь его на костре? – спросил король. – О, сейчас очень жарко, давайте подождем до зимы.

– Нет, сир, я хочу подарить ему волшебную палочку из чистого золота.

– Уж не предсказал ли вам этот колдун какого-нибудь несчастья, которое не сбылось?

– Напротив, сударь, он мне предсказал счастье, которое исполнилось.

– Слово в слово?

– Почти так.

– Расскажите мне об этом, графиня, – растянувшись в кресле, попросил Людовик XV таким тоном, словно не был уверен в том, будет ему сейчас весело или скучно, но был готов рискнуть.

– Я готова, сир, но вы возьмете на себя половину расходов.

– Готов взять на себя все расходы, если это будет необходимо.

– Ага, слово короля!

– Я вас слушаю.

– Начинаю. Жила-была...

– Начало как в сказке.

– Это и есть сказка, сир.

– Тем лучше, обожаю волшебников.

– Итак, жила-была бедная девушка, у которой в то время не было ни пажей, ни кареты, ни негритенка, ни попугайчика, ни обезьянки...

– Ни короля, – добавил Людовик XV.

– О, сир!..

– И что же делала эта девушка?

– Она бежала...

– Как бежала?

– Да, сир, она бежала по улицам Парижа, как простая смертная. Она бежала быстро, потому что знала, что она хорошенькая, и опасалась, что ее красота может привлечь к ней на улице какого-нибудь проходимца.

– Так эта девушка была Лукреция? – спросил король.

– Вашему величеству известно, что начиная с..., не знаю точно, с какого года от основания Рима, таких девушек, как Лукреция, больше не существует.

– Боже! Графиня! Вы случайно не начали заниматься науками?

– Нет, если бы я занималась науками, я просто назвала бы число наугад, а я не называю.

– Верно, – заметил король, – продолжайте!

– Так вот, она бежала, бежала, бежала через Тюильри, как вдруг почувствовала, что ее кто-то преследует.

- А, черт побери, тут-то она и остановилась...
- О Господи, какого же вы мнения о женщинах, сир!.. Сразу видно, что вы знавали только маркиз, герцогинь и...
- Принцесс, не так ли?
- Вежливость не позволяет мне противоречить вашему величеству. Что ее больше всего пугало, так это густой туман, становившийся с каждой минутой все более непроницаемым.
- Сартин! Вы знаете, что такое туман?
- Захваченный врасплох, начальник полиции вздрогнул.
- По правде сказать, нет, сир.
- Ну а я тем более, – сказал Людовик XV. – Продолжайте, дорогая графиня.
- Она бросилась со всех ног, выбежала за решетку и оказалась на площади, которая имеет честь носить имя вашего величества. Вдруг преследовавший ее незнакомец, от которого, как ей казалось, она отделалась, вырос перед ней. Она закричала.
- Он был так страшен?
- Напротив, сир, это был красивый смуглый молодой человек лет двадцати восьми, у него были огромные выразительные глаза и звучный голос.
- Так ваша героиня испугалась, графиня? Черт побери, чего же она так испугалась?
- Она немного успокоилась, когда поближе его рассмотрела, сир. Однако положение было тревожное из-за тумана: если бы незнакомец имел дурные намерения, ей неоткуда было бы ждать помощи.
- Умоляюще сложив руки, она заговорила:
- Сударь! Прошу вас не причинять мне зла. Незнакомец покачал головой и с любезной улыбкой отвечал ей:
- Бог свидетель, у меня и в мыслях этого не было.
- Чего же вы хотите?
- Добиться от вас одного обещания.
- Что я могу вам обещать?
- Обещайте мне выполнить любую мою просьбу, когда...
- Когда? – с любопытством переспросила девушка.
- Когда станете королевой.
- Что же ответила девушка?
- Сир! Она подумала, что ничем себя не свяжет. И пообещала...
- А колдун?
- Исчез.
- И господин де Сартин отказывается разыскать колдуна? Это он зря.
- Сир! Я не отказываюсь – я не могу этого сделать.
- Господин начальник полиции! Это слово должно быть исключено из полицейского лексикона, – заметила графиня.
- Графиня! Мы напали на его след.
- Шаблонная фраза!..
- Нисколько, это истинная правда. Дело в том, что вы даете о нем весьма скудные сведения.
- Как! Молодой, красивый, смуглый, черноволосый, прекрасные глаза, звучный голос...
- Черт побери! Как вы его описываете! Сартин! Я вам запрещаю разыскивать этого человека.
- Вы не правы, сир. Он мне нужен, чтобы получить от него небольшую справку.
- Так речь идет о вас?
- Конечно!
- Что же еще вы желаете от него узнать? Его предсказание исполнено.
- Вы так полагаете?
- Я в этом не сомневаюсь, ведь вы – королева.
- Почти.
- Значит, ему нечего вам сказать.
- Он должен мне сообщить, когда эта королева будет представлена. Царствовать ночью –

еще не все, сир, править надо и днем.

– Это вне компетенции колдуна, – вытянув губы в трубочку, заметил Людовик XV, всем своим видом давая понять, что беседа принимает нежелательный оборот.

– От кого же это зависит?

– От вас'.

– От меня?

– Разумеется. Вы должны найти поручительницу.

– Среди придворных ханжей? Вашему величеству хорошо известно, что это невозможно: все они продались Шуазелям и Прасленам.

– Кажется, мы уже условились больше не говорить ни о тех, ни о других.

– Я вам этого не обещала, сир.

– В таком случае я хочу вас кое о чем попросить.

– О чем же?

– Прошу вас оставить их там, где они есть, и самой оставаться там, где вы находитесь. Поверьте, лучшее место занимаете вы.

– Бедное министерство иностранных дел! Бедное морское ведомство!

– Графиня! Богом вас прошу, давайте не будем заниматься политикой вместе!

– Хорошо. Однако вы же не можете мне запретить ею заниматься самостоятельно?

– О, самостоятельно – сколько вам будет угодно! Графиня протянула руку к корзине с фруктами, взяла два апельсина и стала попеременно подбрасывать их.

– Прыгай, Праслен! Прыгай, Шуазель! – скомандовала она. – Прыгай, Праслен! Прыгай, Шуазель!

– Что это вы делаете? – спросил король.

– Пользуясь разрешением вашего величества, я заставляю прыгать кабинет министров.

В эту минуту вошла Доре и шепнула словечко на ухо хозяйке.

– Разумеется! – вскричала та.

– Что там такое? – спросил король.

– Шон возвратилась из путешествия, сир, и просит позволения предстать пред вашим величеством.

– Пусть войдет, пусть войдет! В самом деле, вот уже несколько дней я чувствовал, что мне чего-то не хватает, сам не знаю – чего.

– Благодарю вас, сир, – входя, отвечала Шон. Наклонившись к графине, она прошептала:

– Все исполнено.

Графиня не сдержала радостного вскрика.

– Что там еще? – спросил Людовик XV.

– Ничего, сир. Мне приятно ее видеть, только и всего.

– Мне тоже приятно. Здравствуйте, дорогая Шон, здравствуйте!

– Ваше величество! Вы позволите мне сказать несколько слов сестре? – спросила Шон.

– Говори, говори, дитя мое. А я тем временем узнаю у Сартина, где ты была.

– Сир! – сказал г-н де Сартин, желая избежать необходимости отвечать королю. – Не может ли ваше величество уделить мне несколько минут?

– Зачем?

– Мне необходимо обсудить с вами крайне важные вопросы.

– У меня мало времени, господин де Сартин, – зевая, отвечал король.

– Сир! Всего два слова!

– О чем?

– Обо всех этих ясновидящих, чудотворцах...

– А, все они шарлатаны! Выдайте им патенты артистов, и они перестанут быть опасны.

– Сир! Осмелюсь настаивать, что положение гораздо серьезнее, чем может показаться вашему величеству. Каждую минуту учреждаются все новые и новые масонские ложи. Так вот, сир, это уже не просто общество, это настоящая секта, которую еще более усиливают враги монархии: мыслители, энциклопедисты, философы. А скоро самого Вольтера с большой помпой будет при-

нимать ваше величество.

– Он при смерти.

– Он, сир? Нет, он не такой дурак!

– Он причастился.

– Это не более, чем уловка.

– Ведь он теперь капуцин!

– Он нечестивец! Сир! Вся эта толпа пишет, выступает с речами, устраивает складчины, переписывается, затевает интриги, угрожает. Несколько слов, оброненных нескромными братьями, указывают на то, что они ожидают руководителя.

– Ну и что же, Сартин? Когда явится этот руководитель, вы схватите его, бросите в Бастилию, и все будет кончено.

– Сир! У них в руках сосредоточены немалые средства.

– Неужели у вас их меньше? Ведь вы – начальник полиции целого королевства!

– Сир! В свое время мне удалось добиться от вашего величества разрешения на выдворение иезуитов. Теперь следовало бы изгнать всех философов.

– Ну вот! Не хватало еще заниматься писаками!

– У них острые перья. Не Дамиановым ли ножом они их точат...

Людовик XV побледнел.

– Философы, на которых вы не обращаете внимания, сир...

– Что же философы?

– Как я уже имел честь вам докладывать, они погубят монархию.

– Сколько времени им на это потребуется? Начальник полиции удивленно взглянул на Людовика XV.

– Сир! Разве это можно знать? Пятнадцать, двадцать, возможно – тридцать лет.

– Ну что же, дорогой мой, – отвечал Людовик XV, – через пятнадцать лет меня уже не будет, поговорите об этом с моим наследником.

Король обратился к графине Дю Бэрри.

Казалось, она только этого и ждала.

– О Господи, – глубоко вздохнув, воскликнула она, – так что ты мне рассказывала, Шон?

– Да, что она рассказывала? – спросил король. – У вас обеих мрачный вид.

– Ах, сир! – отвечала графиня. – Есть, от чего.

– Скажите же, что произошло.

– Бедный брат!

– Бедный Жан!

– Думаешь, ему придется ее потерять?

– Надеюсь, что нет.

– Что потерять?

– Руку, сир.

– Отрезать руку виконту? А почему?

– Потому что он был тяжело ранен.

– Тяжело ранен в руку?

– О, Господину да, сир!

– В какой-нибудь потасовке, у какого-нибудь шалопа в сомнительном кабаке!..

– Нет, сир, на большой дороге.

– Как это произошло?

– Его хотели убить, вот и все.

– О бедный виконт! – воскликнул Людовик XV, редко жалевший людей, зато великолепно изображавший сострадание. – А, так его едва не убили, вы говорите? Это уже серьезно, не правда ли, Сартин?

Господин де Сартин, внешне менее взволнованный, чем король, однако на самом деле не на шутку встревоженный, подошел к сестрам.

– Какое несчастье! Как это могло случиться? – с беспокойством спросил он.

– К сожалению, да, это оказалось возможно, – отвечала Шон в слезах.

– Убийство! Как же это произошло?

– Он попал в засаду.

– В засаду? Вот уж это, Сартин, кажется, по вашей части, – сказал король.

– Расскажите поподробнее, сударыня, – попросил г-н де Сартин. – Умоляю вас не руководствоваться только своими чувствами и ничего не преувеличивать. Наказание будет тем более строгим, чем мы будем справедливее, а обстоятельства любого дела оказываются обыкновенно менее значительными, если подвергнуть и более пристальному и беспристрастному рассмотрению.

– О, я ничего не собираюсь говорить с чужих слов! – воскликнула Шон.

– Я все видела собственными глазами.

– Что же ты видела, милая Шон? – спросил король.

– Я видела, как какой-то господин бросился на моего брата, вынудил его обнажить шпагу и тяжело его ранил.

– Этот господин был один? – спросил г-н де Сартин.

– Нет, с ним было еще шесть человек.

– Бедный виконт! – воскликнул король, не сводя глаз с графини и желая определить, насколько она опечалена, и соразмерить свою скорбь. – Бедный виконт! Так он был вынужден драться!

Он понял по выражению глаз графини, что она не шутит.

– И был ранен! – прибавил он с состраданием.

– А из-за чего произошла драка? – спросил начальник полиции, пытаясь понять истину, не смотря на попытки графини увильнуть от его вопросов.

– По самому что ни на есть безобидному поводу: из-за почтовых лошадей; виконт их отстаивал, стремясь как можно скорее доставить меня к моей дорогой сестре – я ей обещала вернуться сегодня утром.

– О, это требует отмщения! – сказал король. – Не так ли, Сартин?

– Я тоже так полагаю, сир, – отвечал начальник полиции, – и обещаю расследовать. Как зовут того, кто напал на виконта? Его звание? Род занятий?

– Род занятий? Это был военный, офицер из охраны принцессы, если не ошибаюсь. А вот имя.., его зовут Баверне, Фаверне, Таверне... Да, Таверне!

– Сударыня! – пообещал г-н де Сартин. – Он завтра же будет ночевать в Бастилии.

– О нет! – возразила графиня Дю Барри, дипломатично хранившая до той минуты молчание. – Нет, только не это.

– Как? Отчего же нет? – спросил король. – Почему, скажите на милость, не посадить в тюрьму этого бездельника? Вам хорошо известно, что я не выношу военных.

– А я, сир, – повторила графиня с прежней самоуверенностью, – я вам клянусь, что не позволю причинить зла господину, нападшему на господина Дю Барри.

– Вот так так! Это что-то странно, – удивился Людовик XV. – Объясните мне, пожалуйста, что все это значит.

– Это нетрудно: за ним кто-то стоит.

– Кто же?

– Тот, по чьему наущению он действовал.

– И этот кто-то станет защищать его, пытаясь противостоять нам? О, это уже чересчур, графиня!

– Сударыня... – пробормотал г-н де Сартин, почувствовав приближение удара, который ему не удавалось пока отразить.

– Не нам, а вам противостоять, сир, вам! Напрасно вы смеетесь. Хозяин вы или нет?

Король ощутил удар, который предвидел г-н де Сартин: начальник полиции попытался себя защитить.

– Зачем же нам сюда замешивать интересы государства и искать в жалкой драке причины высшего порядка? – спросил он.

– Вы сами видите, – возразила графиня, – что даже вы готовы от меня отвернуться; эта драка

теперь и вам представляется не просто дуэлью, и вы уже догадались, кто за ней стоит.

– Вот мы и подошли к сути дела, – заметил Людовик XV, пустив воду в фонтане; вода зажурчала, запели птички, поплыли рыбки, появились мандарины.

– Вы случайно не знаете, чья рука нанесла этот удар? – спросила графиня, потрепав за ухо Замора, лежавшего у ее ног.

– Нет, признаться, – отвечал Людовик XV. – Даже не подозреваю.

– И не подозреваете?

– Клянусь, что нет. А вы, графиня?

– А я знаю и сейчас вам скажу, – хотя не сообщу ничего нового, – в чем я совершенно уверена.

– Графиня, графиня! – стараясь не уронить достоинства, произнес Людовик XV. – Знаете ли вы, что пытаетесь опровергнуть самого короля?

– Сир! Вероятно, я немного возбуждена, это верно. Однако не думайте, что я позволю господину де Шуазелю убивать моего брата...

– Ну вот! Теперь еще и господин де Шуазель! – в сердцах воскликнул король, будто не ожидал услышать это имя, хотя уже минут десять как был к этому готов.

– Конечно! Вы же не желаете признать, что он мой самый заклятый враг. Уж я-то вижу в этом деле его руку – он не дает себе труда скрывать ненависть, которую он ко мне питает.

– Между ненавистью к людям и их убийством есть все-таки разница, дорогая графиня.

– Для Шуазелей это почти одно и то же.

– Дорогая моя! Не надо примешивать сюда государственные интересы!

– Видите, господин де Сартин, как все это тяжело! О Господи!

– Совсем не тяжело, если вы думаете, что...

– Я думаю, что вы не станете меня защищать, вот и все. Скажу больше: я уверена, что вы от меня отвернетесь! – вспылила графиня.

– Не надо сердиться, графиня, – сказал Людовик XV. – Вы не только не будете покинуты, но будете надежно защищены...

– Надежно?..

– Так надежно, что это дорого обойдется тому, кто напал на бедного Жана.

– Да, вот именно: надо уничтожить инструмент и перехватить занесенную руку.

– Разве не будет справедливо взяться за того, кто нанес удар, – за этого господина де Таверне?

– Разумеется, это справедливо, но и только. То, что вы готовы для меня сделать, вы могли бы совершить ради любой торговли на улице Сент-Оноре, торговли, обиженной проходившим мимо солдатом. Повторяю: я не желаю, чтобы ко мне относились, как к обыкновенной женщине. Если для тех, кого любите, вы не можете сделать больше, чем ради тех, кто вам безразличен, я предпochту уединение и безвестность: у них, по крайней мере, нет врагов, готовых с ними расправиться.

– Ах, графиня, графиня! – печально заметил Людовик XV. – Я в кои-то веки проснулся в прекрасном расположении духа, а вы испортили мне чудесное утро!

– Поздравляю вас! А вы думаете, у меня хорошее расположение духа, когда кое-кто готов перерезать всю мою семью?

Несмотря на внутренний трепет, возникавший у него в груди при виде собиравшейся над его головой грозы, король не смог сдержать улыбки при слове «перерезать».

Разгневанная графиня вскочила на ноги.

– А, так вот как вы меня жалеете? – воскликнула она.

– Ну, ну, не сердитесь!

– Хочу – и сержусь!

– Вы не правы: вам так идет улыбка, а гнев вас портит!

– А мне что за дело? Зачем мне красота, если она не может уберечь меня от интриг?

– Ну, ну, графиня...

– Нет, выбирайте: или я, или ваш Шуазель.

– Дорогая моя! Выбор исключен: вы оба мне необходимы.

– В таком случае я удаляюсь.

– Вы?

– Оставляю поле деятельности свободным для врагов. О, я умру от тоски! Зато господин де Шуазель будет удовлетворен, и вас это утешит!

– Клянусь вам, графиня, что он ни в малейшей степени не питает к вам неприязни, но ни на секунду о вас не забывает. В конечном счете он – порядочный человек, – прибавил король громко, чтобы г-н де Саргин слышал последние слова.

– Порядочный человек! Вы приводите меня в отчаяние, сир! Порядочный человек, который приказывает убивать людей!

– Это еще неизвестно, – заметил король.

– Кроме того, – осмелился вмешаться начальник полиции, – ссора между военными так естественна, это так часто случается...

– А, и вы туда же, господин де Сартин! – возмутилась графиня.

Начальник полиции, поняв значение этого «tu quo-que», – отступил перед разгневанной графиней.

Наступила тяжелая зловещая тишина.

– Видите, Шон, что вы наделали! – произнес король среди всеобщей растерянности.

Шон с притворным сожалением потупила взор.

– Да простит меня король, – сказала она, – если страдание сестры взяло верх над самообладанием подданной!

– Какая искусная игра! – прошептал король. – Ну, хорошо, графиня, не будем таить друг на друга зло!

– Что вы, сир! Я не сержусь... Впрочем, я отправляюсь в Люсьенн, а оттуда – в Булонь.

– На побережье? – спросил король.

– Да, сир, я покидаю страну, где министр может запугать монарха.

– Сударыня! – воскликнул задетый за живое Людовик XV.

– Итак, сир, позвольте мне удалиться, дабы не выказывать долее неуважения вашему величеству.

Графиня поднялась, краем глаза следя, как воспримет это ее движение король.

Людовик XV устало вздохнул, что означало:

«Как мне все это надоело!»

Шон угадала значение вздоха и поняла, что для ее сестры опасно было бы затягивать ссору.

Она удержала сестру за платье и направилась к королю.

– Сир! Любовь, которую моя сестра испытывает к виконту, слишком далеко ее завела... Это моя ошибка – я должна ее исправить... Я со смирением умоляю ваше величество о справедливости для моего брата. Я никого не обвиняю: мудрость короля поможет свершиться правосудию.

– О Господи! Это все, чего я требую: справедливости. Но уж пусть это будет справедливость! Если человек не совершал преступления, пусть его не обвиняют в нем. Если он его совершил, пусть будет наказан.

Людовик XV смотрел на графиню, пытаясь, насколько это было возможно, вернуть ощущение приятного утра, каким оно обещало стать, а заканчивалось столь мрачно.

Графиня сжалась над беспомощностью короля, делавшей его печальным и скучным повсюду, кроме ее апартаментов.

Она полуобернулась.

– Разве я прошу чего-нибудь другого? – с очаровательным смирением спросила она. – Не надо только закрывать глаза на мои подозрения, когда я их высказываю.

– Ваши подозрения для меня святы, графиня! – вскричал король. – Пусть только они станут более похожи на уверенность, и вы увидите... Впрочем, я думаю, есть один весьма простой способ...

– Какой, сир?

– Пусть сюда вызовут господина де Шуазеля.

– Вашему величеству хорошо известно, что он ни за что сюда не придет. Он не снисходит до

того, чтобы появляться в апартаментах подруги короля. Вот его сестра, госпожа де Граммон, – это другое дело: она только этого и ждет.

Король рассмеялся.

– Господин де Шуазель берет пример с его высочества дофина, – в отчаянии продолжала графиня. – Они не желают себя скомпрометировать.

– Его высочество религиозен, графиня.

– А господин де Шуазель лицемерен, сир.

– Уверю вас, дорогая моя, что вы будете иметь удовольствие его здесь видеть, потому что я его сейчас вызову. Так как это дело государственной важности, ему необходимо будет явиться, и мы заставим его объясниться в присутствии Шон, видевшей все собственными глазами. Мы их столкнем лбами, как принято говорить во дворце, не так ли, Сартин? Пошлите кого-нибудь за Шуазелем.

– А мне пусть принесут мою обезьянку, Доре, обезьянку! Обезьянку! – закричала графиня.

Слова, адресованные камеристке, которая убирала туалетную комнату, были услышаны в приемной, так как были произнесены как раз в ту минуту, когда дверь отворилась, выпуская лакея, посланного за г-ном де Шуазелем. Надтреснутый голос, грассируя, ответил:

– Обезьянка госпожи графини – это, должно быть, я: вот он я, бегу, бегу!

В комнату крадучись вошел маленький горбун в пышном наряде.

– Герцог де Трем! – нетерпеливо вскричала графиня. – Я вас не вызывала, герцог.

– Вы звали свою обезьянку, сударыня, – отвечал герцог, поклонившись королю, графине и г-ну де Сартину. Так как я не заметил среди придворных обезьяны безобразнее, чем я, то поспешил явиться.

Герцог рассмеялся, показывая такие длинные зубы, что графиня, не удержавшись, тоже рассмеялась.

– Мне можно остаться! – воскликнул герцог с таким видом, словно об этой милости он мечтал всю жизнь.

– Спросите короля: здесь он хозяин, ваша светлость. Герцог умоляюще посмотрел на короля.

– Оставайтесь, герцог, оставайтесь, – проговорил король, обрадовавшись возможности поселиться. В это время лакей распахнул дверь.

– А вот и господин де Шуазель! – проговорил король, едва заметно помрачнев.

– Нет, сир, – отвечал лакей, – я от монсеньера дофина, которому необходимо поговорить с вашим величеством. Графиня радостно встрепенулась: она подумала, что дофин желал с ней сблизиться. Однако все понимавшая Шон нахмурилась.

– Так где же дофин? – нетерпеливо спросил король.

– Господин дофин ожидает ваше величество у ее величества.

– Видимо, мне не суждено ни минуты отдохнуть, – проворчал король.

Впрочем, в ту же минуту он понял, что аудиенция, о которой его просил дофин, позволяла ему хотя бы на время избежать разговора с г-ном де Шуазелем. Он передумал.

– Иду, иду. Прощайте, графиня! Вы видите, как мне не везет, как меня дергают.

– Ваше величество! Вы нас покидаете? – вскричала графиня. – И это в ту самую минуту, когда должен прибыть господин де Шуазель?

– Что же вы хотите? Король – первый подневольный. Ах, если бы господа философы знали, что такое трон, особенно французский!

– Сир, останьтесь!

– Я не могу заставлять ждать дофина. И так уже поговаривают, что я отдаю предпочтение дочерям.

– Что же я скажу господину де Шуазелю?

– Ну, вы ему скажете, чтобы он пришел ко мне, графиня.

Желая избежать какого бы то ни было замечания, король поцеловал руку графине, задрожавшей от гнева, и бегом пустился бежать, как обычно, когда боялся выпустить из рук плоды победы, добытые благодаря медлительности и мещанскому хитроумию.

– Опять ускользнул! – досадуя, вскричал графиня и всплеснула руками.

Но король уже не слышал ее слов.

За ним захлопнулась дверь. Проходя через приемную, он сказал:

– Входите, господа, входите, графиня готова вас принять. Не удивляйтесь тому, что она печальна: ее огорчает несчастье, приключившееся с бедным Жаном.

Придворные в удивлении переглянулись: они не слышали, что произошло с виконтом.

У многих появилась надежда, что он мертв.

Их лица приняли приличное случаю выражение. Самые оживленные из них превратились в наиболее скучающие, так придворные и вошли к графине.

Глава 25. ЧАСОВАЯ ЗАЛА

В одной из просторных комнат Версальского дворца, носившей название Часовой залы, расхаживал розовощекий юноша с добрым взглядом, опустив руки и наклонив голову.

Он был одет в сюртук из фиолетового бархата. На его груди поблескивала брильянтовая подвеска, голубой аксельбант спускался до самого бедра; висевший на нем крест задевал при ходьбе шитую серебром белую атласную куртку.

Все, кто его видел, безошибочно узнавали его характерный профиль, строгий и вместе с тем добрый, величественный, но и улыбающийся, выдававший в нем отпрыска основной ветви Бурбонов. Молодой человек, представший пред взором наших читателей, представлял собою самый живой, но, может быть, и наиболее утрированный портрет своего знаменитого рода. В нем было отчетливо заметно фамильное сходство, – однако с оттенком вырождения, – с благородными лицами Людовика XIV и Анны Австрийской; невольно возникало впечатление, что он – последний представитель славного рода, что он не мог бы передать своему наследнику этого благородства. Проявившаяся у него в последнем колене врожденная красота неизбежно должна была переродиться в тяжелые черты лица, как если бы рисунок превратился в карикатуру.

В самом деле, у Людовика-Огюста, герцога де Берри, дофина Франции и будущего короля Людовика XVI был характерный орлиный нос, длиннее, чем у всех Бурбонов; его несколько узковатый лоб был еще меньше, чем у Людовика XV, а двойной подбородок его предка был у него таким крупным, что хотя в описываемое нами время еще не стал мясистым, но уже занимал почти треть лица.

У него была медлительная, неуклюжая походка; несмотря на то, что он был строен, он выглядел нескладным при ходьбе. Только его руки, а пальцы в особенности, были подвижны, гибки, сильны. По ним можно было читать то, что у других обыкновенно бывает написано на лбу, на губах или в глазах.

Итак, дофин в полном молчании, прохаживался туда и обратно по Часовой зале, той самой, в которой восемью годами раньше Людовик XV вручил г-же де Помпадур приговор Парламента, согласно которому из королевства изгонялись все иезуиты. Шагая по зале, он размышлял.

В конце концов ему надоело ждать, вернее, думать о том, что его в тот момент занимало, он стал переводить взгляд с одних часов на другие, находя развлечение, подобно Карлу V, в том, чтобы заметить разницу во времени, неизбежную даже для самых точных часов – странное, однако в свое время точно сформулированное подтверждение неравенства материальных предметов независимо от того, касалась их рука человека или нет.

Он остановился перед огромными часами в глубине залы, где они находятся по сей день; благодаря сложному и искусному механизму, часы показывают день, месяц, год, фазу луны, движение планет – в общем, все, что интересует еще более любопытный механизм, именуемый человеком, который последовательно продвигается от жизни к смерти.

Дофин обводил любовным взглядом эти часы, неизменно вызывавшие его восхищение, наклонял голову то вправо, то влево, рассматривая то или иное колесико, которое острыми зубчиками, похожими на тончайшие иголки, цепляли еще более изящную пружинку.

Изучив часы сбоку, он принялся рассматривать их спереди; он следил взглядом за стремительной секундной стрелкой, похожей на водяного комара, без устали снующего на длинных ножках по поверхности пруда или бассейна, не нарушая зеркальной водной глади.

Это созерцание заставило дофина вспомнить о времени и о том, что он ждет уже не одну минуту. Правда, он не осмеливался поторопить короля через лакея.

Вдруг стрелка, на которую пристально смотрел юный принц, остановилась.

В ту же минуту, как по волшебству, медные колесики перестали вращаться, стальные стрелки замерли, – полная тишина наступила в механизме, в котором только что царили шум и движение. Ни колебаний маятника, ни ритмичного постукивания колесиков, ни передвижения стрелок: механизм остановился, часы замерли.

Вероятно, какая-нибудь песчинка, совсем крошечная, попала на зубчик одного из колесиков, или, может быть, восхитительный механизм просто-напросто решил отдохнуть от непрерывного движения.

При виде этой внезапной кончины, этого сокрушительного смертельного удара дофин забыл, зачем пришел и сколько времени он ждал. Главное, он забыл, что не колебания звонкого маятника швыряют время в бездну вечности; время не может ни на минуту замереть вместе с остановкой часовой стрелки: его отмеряют часы вечности, появившиеся раньше, чем возникло человечество; эти часы переживут мир, подчиняясь воле всемогущего Бога.

Дофин распахнул хрустальную дверцу – святая святых часов – и просунул туда голову, желая разглядеть часы изнутри.

Ему мешал главный маятник. Он осторожно вставил чуткие пальцы в медное отверстие и отцепил маятник.

Этого оказалось недостаточно: он осмотрел часы со всех сторон, но причины остановки так и не обнаружил.

Тогда принц предположил, что дворцовый часовщик забыл завести часы, поэтому они и остановились. Он снял ключ и стал уверенно заводить часовую пружину. Однако едва он повернул ключ три раза, как почувствовал сопротивление. Это свидетельствовало о том, что механизм остановился по другой причине: взведенная до отказа пружина по-прежнему не работала.

Дофин достал из кармана стальную пилочку для ногтей с костяной ручкой и кончиком лезвия подтолкнул колесико. Оно скрипнуло, но часы не пошли.

Поломка часов оказывалась серьезнее, чем он предположил вначале.

Тогда Людовик принялся пилкой снимать одну за другой части, аккуратно раскладывая их на столике с выгнутыми ножками.

Продолжая разбирать сложный механизм, он увлекся и постепенно добрался до самых что ни на есть потайных его уголков.

Радостный крик вырвался у него из груди: он наконец догадался, что зажимный винт, зацепившись за спираль, не смог удержать пружинку и остановил ведущее колесико.

Он подтянул винт.

Зажав в левой руке колесико, а в правой – пилочку, он еще раз засунул голову в часовую корпус.

Он был увлечен своим делом, погрузившись в созерцание механизма, когда дверь распахнулась и лакей объявил:

– Король!

Однако Людовик ничего не слышал, кроме мелодичного «тик-так», рождавшегося под его рукой подобно сердцу, возвращенному к жизни искусным врачом.

Король огляделся по сторонам; он не сразу заметил дофина, по пояс скрывшегося в часах.

Король с улыбкой подошел к внуку и хлопнул его по плечу.

– Какого черта ты тут делаешь. – спросил он. Людовик поспешно выпрямился, постаравшись, однако, не толкнуть при этом изящную безделушку, которую он взялся исправить.

– Сир! Как ваше величество могли заметить, я развлекался в ожидании вашего прихода, – краснея, отвечал молодой человек, устыдившись того, что был застигнут врасплох.

– Да, да, расправлялся с моими часами, – милое развлечение!

– Напротив, сир, я их чинил. Ведущее колесо остановилось, ему мешал вот этот винт. Я подтянул винт, и теперь часы идут.

– Ты испортишь себе зрение. Я бы и головы не повернул в сторону этого ящика, хоть ты ме-

ня озолоти!

– Вы не правы, сир; и потом, я в этом деле разбираюсь: я сам обычно разбираю, чищу и собираю восхитительные часы, которые ваше величество подарили мне в день моего четырнадцатилетия.

– Ну, хорошо. А теперь поскорее оставь свою механика Ты ведь хотел со мной поговорить, не так ли?

– Я, сир? – краснея, переспросил молодой человек.

– Ну да, ты просил сказать, что ждешь меня?

– Это правда, сир. – опустив глаза, отвечал дофин.

– Ну и чего же ты от меня хотел? Отвечай! Если тебе нечего мне сказать, я поеду в Марли.

Людовик XV уже искал по своему обыкновению повод, чтобы избежать разговора.

Дофин отложил пилочку и колесико. Это было свидетельством того, что ему необходимо было сообщить королю нечто весьма важное, раз он решил прервать свое интересное занятие.

– Не нужно ли тебе денег? – с живостью спросил король. – Если дело только в этом – подожди, я тебе пришлю.

И Людовик XV сделал еще один шаг по направлению к двери, – О нет, сир! – отвечал Людовик-младший. – Я еще не израсходовал тысячу экю своего месячного жалованья.

– Какая бережливость! – вскричал король. – До чего хорошее воспитание дал ему господин де ла Вогийон!

Я даже думаю, что он сумел ему привить все те добродетели, которых лишен я.

Молодой человек сделал над собой видимое усилие.

– Сир! Далеко ли еще принцесса? – спросил он.

– Разве тебе это известно не лучше, чем мне?

– Мне? – в замешательстве повторил дофин.

– Разумеется. Вчера нам читали путевой бюллетень: в прошлый понедельник она была в Нанси; сейчас она находится приблизительно в сорока пяти милях от Парижа.

– Не считает ли ваше величество, что принцесса едет чересчур медленно?

– Да нет же! – возразил Людовик XV. – Напротив, я полагаю, что для женщины, да еще если принять во внимание устраиваемые в ее честь празднества и приемы, она едет быстро: она проделывает по пять миль в день – Сир! Этого недостаточно, – робко заметил дофин. Людовик XV не переставал удивляться нетерпению дофина, о котором он и не подозревал.

– Ах, вот как! – насмешливо воскликнул он. – Так ты торопишься?

Краска бросилась дофину в лицо – Уверяю вас, сир, – пролепетал он, – что совсем по другой причине, чем может показаться вашему величеству.

– Тем хуже. Я бы предпочел, чтобы причина была та самая. Какого черта! Тебе шестнадцать лет; говорят, принцесса хороша собой; твоё нетерпение было бы вполне объяснимо. Хорошо, не волнуйся: приедет твоя принцесса!

– Сир! Нельзя ли сократить время торжественных церемоний в пути? – продолжал дофин.

– Это невозможно Она и так уже не останавливаясь миновала несколько городов, в которых ей следовало бы остановиться.

– Ну, так она никогда не приедет. Кроме того, сир, есть еще одно обстоятельство... – робко заметил дофин.

– Что такое? Говори!

– Я полагаю, что обслуживание принцессы недостаточно, сир.

– То есть как? Какое обслуживание?

– Дорожное обслуживание.

– Да что ты! Посуди сам: я отправил тридцать тысяч лошадей, тридцать карет, шестьдесят фургонов, не помню сколько коробок – да если все это разложить в одну линию, она протянулась бы от Парижа до Страсбурга. И ты полагаешь, что, несмотря на все это, обслуживание недостаточно?

– Сир! Несмотря на щедрость вашего величества, я почти уверен в том, что говорю; возможно, я недостаточно ясно выразился: следовало бы сказать, что обслуживание плохо налажено.

Король поднял голову и пристально посмотрел на дофина. Он начинал догадываться, что в словах его высочества, скрывалось нечто весьма важное.

– Тридцать тысяч лошадей, – повторил король, – тридцать карет, шестьдесят фургонов, два полка охраны... Позволь тебя спросить, господин профессор: видел ли ты когда-нибудь, чтобы принцесса въезжала во Францию с такими почестями?

– Признаюсь, сир, что все было предусмотрено и выполнено по-королевски, как умеет лишь ваше величество; однако вы, ваше величество, должно быть, не отдали приказание, чтобы все эти лошади, экипажи и прочее имущество находились в распоряжении ее высочества и свиты...

Король в третий раз взглянул на Людовика. В сердце его закралось смутное подозрение, едва уловимое воспоминание забрезжило в его голове, в то же время ему почудилось в словах дофина нечто близкое тому неприятному, что он совсем недавно пытался изгнать из своего сердца.

– Что за вопрос! – воскликнул король. – Вполне естественно, что все это предназначено для принцессы, вот почему я тебе сказал, что она скоро будет здесь. Почему ты так на меня смотришь? Погоди-ка, – прибавил он жестко, даже угрожающе, – уж не издеваешься ли ты надо мной? Зачем ты изучаешь мое лицо, словно это пружина из твоих дурацких часов?

Дофин, открывший было рот, внезапно замолчал, услышав это замечание.

– Ну что ж! – с живостью воскликнул король. – Мне кажется, тебе больше нечего сказать, а? Ты доволен, не правда ли? Твоя принцесса скоро будет здесь, ее прекрасно встречают, ты богат, как Крез – все хорошо. Раз ничто тебя больше не беспокоит, доставь мне удовольствие: собери мои часы.

Дофин не пошевелился.

– Знаешь, – со смехом продолжал Людовик XV, – я хочу тебя назначить главным дворцовым часовщиком, разумеется, платным.

Дофин опустил голову, оробев под взглядом короля. Он взял с кресла пилочку и колесико.

Тем временем Людовик XV неслышно направился к выходу.

«Что он разумел под плохими услугами? – подумал король, оглянувшись на дофина. – Хорошо, что и на этот раз удалось избежать сцены: видно, он чем-то недоволен».

В самом деле, обычно спокойный дофин нетерпеливо постукивал ногой.

– Плохо дело, – усмехаясь, прошептал король, – пора бежать.

Однако распахнув дверь, он нос к носу столкнулся с г-ном де Шуазелем. Министр низко поклонился.

Глава 26. ДВОР КОРОЛЯ ПЕТО

Людовик XV невольно отступил при виде нового действующего лица, неожиданно появившегося на сцене и помешавшего королю удалиться.

«Признаться, я совсем о нем позабыл, – подумал он. – Ну что же, входи, входи, сейчас ты за все заплатишь».

– А, вот и вы! – воскликнул он. – Вам известно, что я вас вызывал?

– Да, сир, – холодно отвечал министр, – я как раз одевался, чтобы явиться к вашему величеству, когда мне передали ваше приказание.

– Отлично! Мне необходимо обсудить с вами очень важные дела, – насупившись, обратился Людовик XV к своему министру в надежде его смутить.

К несчастью для короля, г-н де Шуазель был не робкого десятка.

– Я тоже собирался поговорить с вами о важных делах, если это будет угодно вашему величеству, – с поклоном сказал он.

Министр и дофин, показавшийся из-за часов, переглянулись.

Король замер.

«А, прекрасно! – подумал он. – И этот туда же! Я окружен с трех сторон. Да, теперь не ускользнуть».

– Вам должно быть известно, – заторопился король, желая нанести удар первым, – что бедного виконта Жана едва не убили.

– Другими словами, ударом шпаги он был ранен в предплечье. Я как раз собирался поговорить об этом с вашим величеством.

– Да, да, понимаю: вы хотели избежать огласки.

– Я стремился опередить тех, кто может ложно истолковать это дело, сир.

– Так вы с этим делом знакомы? – со значительным видом спросил король.

– Как нельзя лучше.

– Мне об этом уже говорили в другом месте, – заметил король.

Господин де Шуазель был по-прежнему невозмутим.

Дофин продолжал завинчивать медную гайку, однако, опустив голову, он внимательно следил за разговором, стараясь не пропустить ни слова.

– А теперь я вам расскажу, как было дело, – сказал король.

– Ваше величество! Уверены ли вы в том, что вы хорошо осведомлены? – спросил г-н де Шуазель.

– О, не беспокойтесь...

– В таком случае, мы вас слушаем, сир.

– Кто это мы? – спросил король.

– Его высочество и я.

– Его высочество? – переспросил король, переводя взгляд с почтительно склонившегося Шуазеля на внимательно слушавшего Людовика-Огюста. – А какое отношение имеет его высочество к этой стычке?

– Она непосредственно касается его высочества, – продолжал г-н де Шуазель, отвесив поклон юному принцу, – потому что в этом деле замешана принцесса.

– Ее высочество замешана в этом деле? – дрогнув, переспросил король.

– Вот именно. А вы разве не знали? В таком случае вы, ваше величество, недостаточно хорошо осведомлены.

– Ее высочество и Жан Дю Барри? Это становится интересно! – произнес король. – Ну, ну, объясните же скорее, господин де Шуазель! Главное, ничего не скрывайте. Так это принцесса ранила Дю Барри?

– Сир! Не принцесса, а офицер из ее охраны, – невозмутимо отвечал г-н де Шуазель.

– Ах, вот как! – вновь став серьезным, сказал король. – И вы знаете этого офицера, господин де Шуазель?

– Нет, сир, зато вам его имя должно быть известно, если ваше величество помнит своих верных слуг. Его отец участвовал в осаде Филиппсбурга, в битве при Фонтенуа, при взятии Маона. Его зовут Таверне-Мезон-Руж.

Дофин постарался припомнить это имя.

– Мезон-Руж? – спросил Людовик XV. – Да, мне знакомо это имя. Зачем же он обнажил шпагу против Жана, которого я люблю? Вероятно, именно потому, что я его люблю... Нелепая ревность, пробуждающееся недовольство, да это начало бунта!

– Сир! Ваше величество соблаговолит выслушать меня? – обратился к нему г-н де Шуазель.

Людовик XV понял, что у него нет иного способа отделаться, кроме как разбушеваться.

– Говорят вам, сударь, что я усматриваю в этом деле начало заговора, который может лишить меня спокойствия, это подготовленная травля членов моей семьи.

– Ах, сир, неужели отважный молодой человек заслуживает этого упрека только потому, что защищал принцессу, будущую невестку вашего величества? – воскликнул господин де Шуазель.

Дофин выпрямился и скрестил руки на груди.

– Должен признаться, – заметил он, – что я очень благодарен молодому человеку, рисквавшему своей жизнью ради принцессы, которая через две недели должна стать моей супругой.

– Рискował жизнью, рисковал жизнью! – пробормотал король. – А с какой стати?

– Дело в том, – вмешался г-н де Шуазель, – что виконт Жан Дю Барри, который очень торопился, вообразил, что может себе позволить забрать лошадей, предназначенных для принцессы, с почтовой станции, куда ее высочество вот-вот должна была прибыть. И все это, вероятно, ему понадобилось только ради того, чтобы ехать еще быстрее.

Король закусил губу и побледнел: его вновь охватило уже знакомое ему беспокойство.

– Это все не так. Я знаком с этим делом, а вы недостаточно осведомлены, герцог, – пробормотал Людовик XV, надеясь выиграть время.

– Нет, сир, я прекрасно осведомлен, и то, что я имел честь доложить вашему величеству, – чистая правда. Да, виконт Жан Дю Барри нанес оскорбление ее высочеству, захватив предназначенных ей лошадей, и пытался силой их увести, избив хозяина почтовой станции. Прибывший в это самое время на станцию господин шевалье Филипп де Тэверне, посланный ее высочеством, сначала предупредил его...

– Хо, хо! – недоверчиво воскликнул король.

– Повторяю: сначала предупредил его, сир...

– Да, я готов это подтвердить, – заметил дофин.

– Вы тоже осведомлены? – не скрывая удивления, спросил король.

– Да, сир.

Обрадованный г-н де Шуазель поклонился.

– Не угодно ли вашему высочеству продолжать? – спросил он – Его величество, вероятно, скорее поверит своему августейшему внуку, нежели мне.

– Да, сир, – продолжал дофин. Нельзя было сказать, что его высочество испытывал признательность по отношению к министру, на которую тот вправе был рассчитывать, столь горячо защищая принцессу. – Да, сир, я об этом знал и пришел сообщить вашему величеству, что Дю Барри не только оскорбил ее высочество тем, что пытался захватить ее лошадей; он, кроме того, оказал грубое сопротивление офицеру моего полка, выполнявшему свой долг и уличившему Дю Барри в несоблюдении приличий. Король покачал головой.

– Необходимо узнать все подробности, – сказал он.

– Я их знаю, сир, – мягко возразил дофин, – для меня в этом деле нет никаких сомнений: господин Дю Барри обнажил шпагу.

– Первым? – спросил Людовик XV, довольный тем, что у него появилась возможность отыгаться.

Покраснев, дофин взглянул на г-на де Шуазеля. Заметив, что дофин оказался в затруднительном положении, он поспешил ему на помощь.

– Сир! – сказал он. – Шпаги скрестили два господина, один из которых оскорбил ее высочество, а другой защищал ее честь.

– Да, но кто напал первым? – настаивал король. – Я знаю Жана: он кроток, как агнец.

– Нападавшим, насколько я понимаю, следует считать того, кто был не прав, – с обычной сдержанностью заметил дофин.

– Это тонкое дело, – заметил Людовик XV. – Нападавший – тот, кто не прав..., кто не прав... А что, если офицер вел себя вызывающе?

– Вызывающе! – вскричал г-н де Шуазель. – Разве можно назвать вызывающим отношение к человеку, который силой уводит лошадей, предназначенных для ее высочества, сир?

Дофин ничего не сказал, однако заметно побледнел. Людовик XV взглянул на враждебно настроенных собеседников.

– Я хотел сказать, что он был, возможно, вспыльчив, – овладев собой, добавил король.

– Кстати сказать, – продолжал г-н де Шуазель; пользуясь тем, что король был вынужден отступить, в атаку теперь бросился он, – вашему величеству хорошо известно, что верный слуга не бывает не прав.

– Послушайте! Как вы узнали о том, что произошло? – не сводя глаз с г-на де Шуазеля, обратился король к дофину; неожиданный вопрос так смутил молодого человека, что, несмотря на попытки овладеть собой, его замешательство бросалось в глаза.

– Из письма, сир, – отвечал дофин.

– От кого было это письмо?

– От человека, который проявляет к ее высочеству интерес и, очевидно, находит странным, когда ее оскорбляют.

– Ага! – вскричал король. – Опять тайная переписка, заговоры! Снова попытки договориться

за моей спиной, и все это затем, чтобы меня мучить, как во времена госпожи де Помпадур!

– Да нет же, сир! – возразил г-н де Шуазель. – Все довольно просто: имел место проступок, оскорбляющий достоинство ее высочества. Виновный будет примерно наказан, только и всего.

При слове «наказан» Людовик XV представил себе, как будет бушевать графиня, как ошестится Шон; он представил себе, как будет нарушен семейный покой, к которому он безуспешно стремился всю жизнь; он уже видел, как разгорается междоусобная война; он уже видел красные, припухшие от слез глаза графини.

– Наказан! – вскричал он. – Я еще не выслушал обе стороны, не решил, на чьей стороне правда... Заточение без суда... Да это вызовет государственный переворот! Хорошенькое дельце вы мне предлагаете, господин герцог!

– Сир! Кто станет уважать ее высочество, если мы не подвергнем суровому наказанию первого же наглеца, осмелившегося ее оскорбить?

– Я согласен с герцогом, – заметил дофин. – Да ведь это скандал, сир!

– Строгое наказание! Скандал! – проговорил король. – Ах, черт побери! Да если мы станем строго наказывать за каждый скандал, у меня не хватит времени подписывать приказы об арестах и казнях. Слава Богу, я и так их довольно подписываю!

– В данном случае это необходимо, сир, – заметил г-н де Шуазель.

– Сир! Умоляю ваше величество... – проговорил дофин.

– Как! Вы считаете, что он недостаточно наказан, получив удар шпагой?

– Нет, сир, потому что он мог ранить господина де Таверне.

– В таком случае, чего же вы требуете, сударь?

– Смертной казни.

– Но так наказали господина Монтгомери за то, что он убил короля Генриха Второго, – возразил Людовик XV.

– Он случайно убил короля, сир, а господин Жан Дю Барри преднамеренно оскорбил ее высочество.

– Вы, сударь, тоже требуете головы Жана? – обратился Людовик XV к дофину.

– Нет, сир, я противник смертной казни, как известно вашему величеству, – тихо произнес дофин, – поэтому я ограничусь просьбой о его изгнании. Король вздрогнул... – Изгнание в наказание за пьяную драку? Людовик! Вы слишком строги, несмотря на свои филантропические идеи. Правда, вы прежде всего математик, а...

– Соболаговолите закончить, ваше величество!

– А математик готов хоть целым светом пожертвовать в угоду своим цифрам.

– Сир! – возразил дофин. – Я ничего не имею против господина Дю Барри лично, – Так кого же вы хотите наказать?

– Обидчика ее высочества.

– Образцовый супруг! – насмешливо воскликнул король. – К счастью, меня не так-то легко одурачить. Я понимаю, на кого вы нападаете, я вижу, к чему вы меня пытаетесь склонить, раздувая это дело.

– Сир! – возразил г-н де Шуазель. – Не думайте, что мы в самом деле что-нибудь преувеличиваем. И потом, этой наглостью возмущен народ.

– Не пытайтесь меня запугать народом! Да разве я прислушиваюсь к тому, что говорит народ? Ведь сочинители пасквилей, авторы памфлетов, куплетисты, интриганы – это все тот же народ, который ежедневно меня обкрадывает, высмеивает, предает. О Господи, да я не мешаю ему говорить все, что ему вздумается, я просто над ним смеюсь. Поступайте как я, черт побери! Заткните уши, а когда этому вашему народу надоест кричать, он сам замолчит. Итак, вы выражаете мне свое неудовольствие, Людовик на меня дуется. На самом деле странно, что для меня вы не можете сделать того, что готовы совершить ради любого обыкновенного человека: вы не даете мне жить так, как мне хочется; вы ненавидите то, что я люблю; зато вы всегда готовы отдать предпочтение тому, что я терпеть не могу! Я что, святой или сумасшедший? Король я или нет?

Дофин взял в руки пилочку и вернулся к часам. Господин де Шуазель поклонился так же почтительно, как и в первый раз.

– А, так вы не желаете мне отвечать? Да скажите же мне хоть что-нибудь, черт побери! Вы хотите, чтобы я умер от тоски, приняв ваши предложения и не вынеся ни вашего молчания, ни вашей ненависти, ни ваших страхов?

– Я далек от того, чтобы ненавидеть господина Дю Барри, сир, – с улыбкой возразил дофин.

– А я, сир, его не боюсь, – возвысив голос, сказал г-н де Шуазель.

– Так вы все против меня сговорились! – закричал король, изображая гнев, хотя на самом деле чувствовал лишь досаду. – Вы хотите, чтобы я стал притчей во языцех. У всей Европы, чтобы надо мной смеялся мой брат

– король Пруссии, чтобы я стал посмешищем подобно королю Пето, которого изобразил этот наглец Вольтер! Не бывать этому! Нет, я вам такой радости не доставлю. Я по-своему понимаю честь, я по-своему буду ее соблюдать!

– Сир! – заговорил дофин с неизменной кротостью, однако по-прежнему настойчиво. – Я должен заметить, что речь не идет о чести вашего величества: затронуто достоинство ее высочества, ведь, в сущности, это она была оскорблена.

– Его высочество прав, сир: одно ваше слово – и никто не посмеет продолжать...

– А разве кто-нибудь собирается продолжать? Да никто ничего и не начинал: Жан – грубиян, но у него доброе сердце.

– Допустим, что так, – проговорил г-н де Шуазель, – отнесем это на счет его грубости, сир; тогда пусть за свою грубость он принесет извинения господину де Таверне.

– Я уже вам сказал, – вскричал Людовик XV, – что все это меня не касается. Будет Жан извиняться или нет – он волен решать сам.

– Имею честь предупредить ваше величество, что дело, оставленное без последствий, вызовет толки, сир, – заметил г-н де Шуазель.

– Тем лучше! – взревел король. – Так или иначе, я просто заткну уши, чтобы не слышать больше ваших глупостей.

– Итак, ваше величество поручает мне опубликовать в печати, что одобряет поступок господина Дю Барри? – не теряя хладнокровия, спросил г-н де Шуазель.

– Я? – вскричал Людовик XV. – Чтобы я стал одобрять кого бы то ни было в столь темном деле? Вы меня толкаете на крайности. Берегитесь, герцог... Людовик! Ради самого себя вам следует меня щадить... Я вам даю возможность поразмыслить над моими словами, я устал, я доведен до крайности, я еле держусь на ногах. Прощайте, господа, я иду к дочерям, а потом еду в Марли в надежде хоть там обрести спокойствие, если, конечно, вы не будете и там меня преследовать.

Как раз в ту минуту, как король направился к выходу, дверь распахнулась и на пороге появился лакей.

– Сир! – сказал он. – Ее высочество Луиза ожидает ваше величество в галерее, чтобы попрощаться.

– Попрощаться? – переспросил Людовик XV. – Куда же она собралась?

– Ее высочество говорит, что решила воспользоваться позволением вашего величества покинуть дворец.

– Час от часу не легче! И святоша моя туда же! Нет, ям впрямь несчастнейший человек!

И он выбежал из залы.

– Его величество оставляет нас без ответа, – сказал герцог, обращаясь к дофину, – какое решение принимаете вы, ваше высочество?

– Слышите? Звонят! – вскричал юный принц, прислушиваясь то ли с притворной, то ли с искренней радостью к бою часов.

Министр нахмурился и, пятясь, вышел из Часовой залы, оставив дофина в полном одиночестве.

Глава 27. ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО ЛУИЗА ФРАНЦУЗСКАЯ

Старшая дочь короля ожидала отца в большой галерее Лебрена, той самой, где в 1683 году Людовик XIV принимал дожа и четырех генуэзских сенаторов, прибывших для того, чтобы выма-

ливать у него прощение за Республику.

В конце галереи, противоположном тому, откуда должен был появиться король, собрались удрученные фрейлины.

Людовик вошел, когда придворные уже начали собираться группами в приемной; утром ее высочество решила уехать, и эта новость постепенно облетела дворец.

Ее высочество Луиза Французская была высокого роста и отличалась поистине королевской красотой. Однако необъяснимая грусть набегала время от времени на ее безмятежное чело. Ее высочество внушала придворным уважение прежде всего своей редкой добродетелью; это было то самое уважение к властям предрежающим, которого вот уже лет пятьдесят французская корона добивалась либо подкупом, либо запугиванием.

Более того, в эпоху, когда народ потерял веру в своих правителей – правда, их еще не называли вслух тиранами – принцессу любил народ. Ее добродетель нельзя было назвать неприступной; о ее высочестве никогда не злословили и справедливо считали ее сердечной. Дня не проходило, чтобы она не доказывала этого добрыми делами, в то время как другие не шли дальше споров о добродетели.

Людовик XV побаивался дочери: она внушала ему уважение. Ему случалось ею гордиться; кроме того, она была единственной из его детей, кого он щадил и не высмеивал с присущей ему едкостью. Трех других дочерей, Аделаиду, Викторину и Софью, он прозвал Тряпкой, Вороной и Пустомелей, в то время как к Луизе он обращался не иначе, как «сударыня».

С той поры, как маршал де Сакс унес с собой в могилу величие Тюреннов и Конде, а Мария Лещинская – мудрость правления Марии-Терезии, все пошло на убыль при жалком французском троне. В то время лишь ее высочество Луиза обладала истинно королевским нравом, который сравнительно с остальными представлялся героическим. Она олицетворяла собою гордость французской короны, была единственной ее жемчужиной среди подделок и мишуры.

Это отнюдь не означает, что Людовик XV любил свою дочь. Как известно, Людовик XV, кроме – себя, не любил никого. Однако она была ему дороже других.

Входя, он увидел, что ее высочество стоит посреди галереи, опершись на столик, инкрустированный красной яшмой и лазурином.

Она была одета в черное, прекрасные ненапудренные волосы были убраны под кружевной наколкой; выражение ее лица было не столь строгим, как обыкновенно, зато она была еще печальнее. Она смотрела в одну точку; время от времени она окидывала тоскующим взором портреты европейских монархов, в чьих жилах текла кровь ее предков.

Черный цвет одежды был у принцесс в моде. В темных складках скрывались глубокие карманы, имевшие распространение в описываемую нами эпоху. Ее высочество Луиза носила на поясе, на золотом кольце, сотню ключей от всех своих ящиков и сундуков.

Заметив, что присутствовавшие придворные с жадностью наблюдают за готовящейся сценой, король глубоко задумался.

Однако галерея была такая длинная, что зрители не могли слышать, о чем говорили на другом ее конце. Они лишь наблюдали за происходящим, и это было их право, но они не могли разобратъ ни слова, а вслушиваться не входило в их обязанности.

Принцесса сделала несколько шагов навстречу королю, поднесла его руку к губам и почти-точно ее поцеловала.

– Я слышал, вы собрались уезжать, сударыня? – спросил Людовик XV. – Вы, должно быть, отправляетесь в Пикардию?

– Нет, сир, – ответила принцесса.

– Кажется, я догадываюсь: вы едете на богомолье в Нуармутье.

– Нет, сир, – отвечала ее высочество Луиза, – я уйду в монастырь кармелиток Сен-Дени – там, как вам известно, я могу быть настоятельницей.

Король вздрогнул, однако лицо его оставалось спокойным, несмотря на то, что он пришел в замешательство.

– Дочь моя! – вскричал он. – Не покидайте меня! Это невыносимо!

– Дорогой отец! Я давно решила на этот шаг, и ваше величество дали согласие. Не про-

тивьтесь же теперь, отец, умоляю вас!

– Да, я дал согласие, но против воли, как вы помните, в надежде, что в последнюю минуту вы передумаете. Вам не следует заживо хоронить себя в монастыре; это обычай минувших дней; в монастырь уходят от неизбывной печали или после разорения. Королевская дочь далеко не бедна, насколько мне известно, а если она несчастлива – этого никто не должен знать.

Король повышал голос по мере того, как входил в роль отца и властелина. Ни один актер, оказавшись на его месте, не смог бы в этом случае переиграть, так как от него требуются лишь сожаление и гордыня.

Заметив волнение отца, столь редкое для эгоистичного Людовика XV, Луиза была глубоко тронута.

– Сир! – отвечала Луиза. – Не лишайте меня последних сил своим великодушием. Моя печаль – не простой каприз, вот почему мое решение идет вразрез с обычаями нашего времени.

– Что же вас так опечалило? – вскричал король в приливе чувствительности. – Бедное мое дитя! Что же это за печаль?

– Горькая, неизбывная, сир, – отвечала ее высочество Луиза.

– Дочь моя! Отчего же вы никогда мне об этом не говорили?

– Это такая печаль, которую никто не в силах одолеть.

– Даже король?

– Даже король.

– И отец?

– Нет, отец, нет!

– Вы благочестивы, Луиза, и можете почерпнуть силы в вере...

– Пока еще не могу, сир. За этим я и иду в монастырь, в надежде обрести помощь. Бог говорит с человеком в тишине, человек обращается к Господу в уединении.

– Вы готовы принести Всевышнему слишком большую жертву. Ведь вы всегда можете укрыться в надежной тени французского трона. Вам этого недостаточно?

– Тень кельи еще более непроницаема, отец мой, она веселит сердце, она поддерживает и сильных и слабых, и низших и высших, и великих и ничтожных.

– Вам угрожает какая-нибудь опасность? В таком случае, Луиза, вы можете быть уверены, что король вас защитит.

– Сир! Пусть сначала Господь защитит короля.

– Повторяю, Луиза, вы совершаете ошибку, неверно истолковав усердие. Молитва хороша сама по себе, но нельзя же молиться все время! Вы добры, благочестивы, зачем вам столько молиться?

– Дорогой отец! Сколько бы я ни молилась, мне никогда не вымолить прощения, чтобы предотвратить несчастья, готовые вот-вот над нами разразиться, ваше величество. Боюсь, что доброты, которой наделил меня Господь, и чистоты, которую я двадцать лет стараюсь сберечь, окажется недостаточно для искупления наших грехов.

Король отступил на шаг и удивленно взглянул на Луизу.

– Вы никогда об этом со мной не говорили, – заметил он. – Вы заблуждаетесь, дорогое мое дитя, аскетизм вас погубит.

– Сир! Прошу вас не употреблять столь светское понятие, которое не в состоянии выразить истинного и, что еще важнее, необходимого самопожертвования. Вряд ли когда-нибудь подданная была так предана своему королю, а дочь – отцу, как я – вам! Сир! Ваш трон, в спасительной тени которого вы с гордостью предлагали мне укрыться, уже сотрясается; вы еще не чувствуете ударов, однако я их уже угадываю. Бездна вот-вот разверзнется и поглотит монархию. Вам кто-нибудь говорит правду, сир?

Ее высочество Луиза оглянулась, дабы убедиться в том, что придворные ее не слышат. Она продолжала:

– Мне многое известно из того, о чем вы не догадываетесь. Переодевшись сестрой милосердия, я не однажды бывала на темных парижских улицах, в жалких мансардах, на мрачных перекрестках. Зимой там умирают от голода и холода, летом – от жажды и жары. Вы не знаете, что

происходит в деревне, сир, потому что ездите лишь из Версаля в Марли и обратно. Так вот, в деревне нет ни зернышка, я имею в виду – не для пропитания, а для того, чтобы засеять поля, не знаю кем проклятые, потому что они пожирают семена, не принося взамен урожая. Голодные крестьяне глухо ропщут, потому что в воздухе уже витают смутные мысли. Темный народ постепенно просвещается, он слышит слова: оковы, цепи, тирания. Люди пробуждаются от спячки, они перестают жаловаться и начинают ругаться.

Парламент требует для себя права предостережения короля, то есть добивается возможности открыто говорить вам то, о чем все говорят вполголоса: «Король, ты нас погубишь! Спаси нас, иначе мы будем сами себя спасать!..»

Военные от безделья ковыряют шпагой землю, из которой прорастает свобода, посеянная щедрой рукой энциклопедистов. Писатели – как случилось, что люди начали замечать то, чего не видели раньше? – замечают все наши промахи в тот самый миг, как мы их допускаем, и открывают на совершаемое нами зло глаза простому люду, который теперь хмурится каждый раз, как мимо проходит кто-нибудь из хозяев. Ваше величество готовится к свадьбе внука... В былые времена, например, когда Анна Австрийская женила своего сына, парижане преподносили подарки ее высочеству Марии-Терезии. Сегодня не только город ничего не предлагает в подарок, напротив: ваше величество увеличивает подати для того, чтобы было чем оплатить экипажи, в которых наследница Цезаря прибывает к потомку Людовика Святого. Духовенство давно разучилось молиться Богу. Однако, видя, что все земли уже розданы, привилегии исчерпаны, казна опустела, духовенство решило вновь обратиться к Господу с мольбой о том, что оно называет счастьем народа! Наконец, сир, вы должны услышать то, о чем и так догадываетесь, то, что вам должно быть настолько горько видеть, что и разговаривать об этом ни с кем не хочется! Ваши братья когда-то вам завидовали, а теперь презрительно от вас отвернулись. Четыре ваших дочери, сир, не могут выйти замуж. В Германии – двадцать принцев, в Англии – три, в странах Северной Европы – шестнадцать, не говоря уже о наших родственниках – Бурбонах в Испании и Неаполе, которые, впрочем, давно от нас отвернулись, как и все остальные. Может быть, только турецкий султан не погнушался бы нами, да вот беда: мы воспитаны в христианской вере! Я не о себе говорю, отец, я не жалею о своей судьбе! Мне еще повезло, потому что я свободна, я никому из родных не нужна, потому что я смогу в тиши уединения, в бедности, предаваться размышлениям и просить Бога о том, чтобы он отвел от вас и от моего племянника бурю, готовую вот-вот разразиться у вас над головами.

– Дочь моя, дитя мое! – заговорил король. – У страха глаза велики!

– Сир, сир! – воскликнула ее высочество Луиза. – Вспомните о древнегреческой принцессе-предсказательнице: она предупреждала, как я сейчас, своего отца и братьев о войне, разрушениях, пожаре, а отец и братья подняли ее на смех, называли сумасшедшей. Прислушайтесь к моим словам! Будьте осторожны, отец, хорошенько подумайте над тем, что я вам сказала, ваше величество!

Людовик XV скрестил руки на груди и уронил голову.

– Дочь моя! – наконец заговорил он. – Вы чересчур строги. В самом ли деле повинен я в тех несчастьях, которые вы вменяете мне в вину?

– Боже меня сохрани от подобных мыслей! Этими несчастьями мы обязаны времени, в которое мы живем. Вы виноваты в происходящем ничуть не больше, чем все остальные. Однако обратите внимание, сир, как горячо поддерживают низы любой намек на порочность монарха; обратите внимание, как по вечерам оживленная дворцовая прислуга шумно спускается с верхних этажей по боковым лестницам, а в это время парадная мраморная лестница темна и безлюдна. Сир! Простолудины и куртизанки выбирают место для веселья подальше от нас, а если нам доводится появиться, когда они веселятся, их радость угасает. Красивые юноши, очаровательные девушки! – с грустью продолжала принцесса. – Любите! Пойте! Веселитесь! Будьте счастливы! Я вас стесняла своим присутствием, зато там, куда я направляюсь, могу быть вам полезной. Здесь вы сдерживаете жизнерадостный смех из опасения вызвать мое неудовольствие – там я стану от всего сердца молиться за короля, за сестер, за племянников, за французский народ, за всех вас, за тех, кого я люблю всей душой.

– Дочь моя! – помолчав, обратился к ней насупившийся король. – Умоляю вас, не покидайте

меня хотя бы в эту минуту, пожалейте меня!

Луиза Французская взяла отца за руку и взглянула на него полными любви глазами.

– Нет, – отвечала она, – нет, отец, я ни минуты больше не останусь во дворце. Нет! Настал час молитвы! Я чувствую, что могу искупить своими слезами те удовольствия, в которых вы не можете себе отказать; вы еще нестары, вы – прекрасный отец, вы великодушны: простите меня!

– Оставайся с нами, Луиза, оставайся! – воскликнул король, крепко прижимая к себе дочь. Принцесса покачала головой.

– Мое царство – в другом мире, – грустно проговорила она, высвобождаясь из объятий короля. – Прощайте, отец! Я сегодня сказала вам то, что уже лет десять камнем лежало у меня на сердце. Я задыхалась под этим грузом. Теперь я довольна. Прощайте! Взгляните: я улыбаюсь, я, наконец, счастлива. Я ни о чем не жалею.

– И тебе не жаль меня, дочь моя?

– Вас мне было бы жаль, если бы нам не суждено было больше увидеться. Но я надеюсь, что вы будете меня навещать в Сен-Дени. Вы не забудете свою дочь?

– Что ты! Никогда, никогда!

– Не огорчайтесь, сир. Ведь разлука не будет долгой, не так ли? Мои сестры еще ничего не знают, как мне кажется; по крайней мере я предупредила о своем отъезде только своих камеристок. Я готовилась к нему целую неделю и страстно желаю, чтобы мой отъезд не вызвал никакого шума, пока за мной не захлопнутся ворота Сен-Дени. А тогда мне уже будет все равно...

Король взглянул дочери в глаза и понял, что ее решение окончательно. Ему тоже хотелось, чтобы она уехала без лишнего шума. Ее высочество Луиза опасалась, что ее решение вызовет у отца слезы, а он щадил свои нервы.

И потом он собирался отправиться в Марли, а пересуды и сплетни в Версале неизбежно заставили бы его отложить эту поездку.

Ну и, наконец, он надеялся, что ему не придется теперь после обычных своих оргий, не достойных его ни как короля, ни как отца, читать в грустных и строгих глазах дочери упрек в беззаботной праздности, которой он с таким удовольствием предавался!

– Пусть будет так, как ты хочешь, дитя мое, – сказал он. – Подойди, я тебя благословлю, ведь ты меня так радовала!

– Позвольте поцеловать вашу руку, сир, а свое благословение пошлите мне мысленно.

Для тех, кто знал о намерении ее высочества уйти в монастырь, прощание было торжественным и вместе с тем поучительным зрелищем: с каждой минутой принцесса становилась ближе своим славным предкам, которые, казалось, следили за ней из золоченых рам и были благодарны за то, что еще при жизни она стремилась соединиться с ними в фамильном склепе.

Король проводил дочь до дверей, простился с ней и, не проронив ни слова, пошел обратно.

Придворные последовали за ним, как того требовал этикет.

Глава 28. ТРЯПКА, ВОРОНА И ПУСТОМЕЛЯ

Король отправился на каретный двор, где он по своему обыкновению проводил некоторое время перед охотой или прогулкой. Он лично отдавал распоряжения на весь оставшийся день.

Дойдя до конца галереи, он отпустил придворных. Оставшись один, Людовик пошел по коридору, в который выходила дверь апартаментов их высочеств. Дверь была скрыта от глаз гобеленом. Король замер на минуту в нерешительности и покачал головой.

– Была среди них одна порядочная девушка, – процедил он сквозь зубы, – да и та уехала!

Это весьма нелестное для других дочерей короля замечание было встречено громкими возгласами. Гобелен приподнялся, и возмущенные девицы в один голос воскликнули:

– Спасибо, отец!

Они окружили Людовика XV.

– А, здравствуй. Тряпка! – обратился он к старшей, ее высочеству Аделаиде. – Признаться, мне безразлично, рассердишься ты или нет: я сказал правду.

– Да вы не сообщили нам ничего нового, сир, – заметила ее высочество Виктория, – мы зна-

ем, что Луиза была вашей любимицей.

– По правде сказать, ты совершенно права, Пустомеля!

– Чем же Луиза лучше нас? – ядовито спросила ее высочество Софья.

– Да тем, что Луиза меня не мучает, – добродушно отвечал король.

– Можете быть уверены, отец, что сейчас она бы вас помучила!.. – проговорила ее высочество Софья с такой злостью, что король невольно поднял на нее глаза.

– О чем это ты, Ворона? – спросил он. – Уж не откровенничала ли с тобой перед отъездом Луиза? Это было бы странно – ведь она тебя терпеть не могла!

– Сказать по правде, это у нас взаимно, – отвечала ее высочество Софья.

– Прекрасно! – воскликнул Людовик XV. – Можете друг друга ненавидеть, презирать, хоть в ключья разодрать, это ваше дело! Меня это не касается, лишь бы вы не мешали мне наводить в королевстве порядок. Впрочем, хотел бы я знать, чем бедняжка Луиза могла мне досадить.

– Бедняжка! – в один голос вскричали ее высочество Виктория и ее высочество Аделаида, по-разному сложив губы.

– Я вам скажу, чем она могла бы вам досадить! – объявила ее высочество Софья.

Людовик XV поудобнее устроился в огромном кресле, стоявшем недалеко от двери, на случай, если пришлось бы спешно уносить ноги.

– Ее высочество Луизу одолевает тот же бес, что и настоятельницу де Шелл: она отправилась в монастырь ради того, чтобы ставить там свои опыты.

– Ну, ну, пожалуйста, без намеков, – оборвал ее Людовик XV. – Не надо ставить под сомнение добродетель вашей сестры. Слава Богу, на сей предмет не было никаких сплетен, хотя обычно это – великолепный предлог для того чтобы посудачить. Так что не вам затевать подобные разговоры.

– Не мне?

– Именно не вам!

– А я и не собираюсь рассуждать о ее добродетели, – возразила ее высочество Софья, задетая за живое тем, что король подчеркнул слово «вам», а потом еще раз его повторил.

– Я говорю, что она собирается проводить там опыты, только и всего.

– Ну и что ж из этого? Пусть занимается химией, совершает подвиги, играет на флейте, стучит в барабан, мучает клавесин или щиплет струны – вам что за дело? Что вы нашли в этом дурного?

– Я хотела сказать, что она будет заниматься политикой.

Людовик XV вздрогнул.

– Она хочет изучать философию, богословие и продолжить комментарии к папской грамоте Unigenitus, а мы будем выглядеть никому не нужными на фоне ее государственных теорий, метафизических систем, ее богословия...

– Что вам за дело, если таким образом ваша сестра надеется попасть в рай, – продолжал Людовик XV, однако ему показалось, что есть нечто общее между обвинениями Вороны и замечаниями ее высочества Луизы, которые она ему высказала перед отъездом. – Вы завидуете ее будущему блаженству? Это было бы недостойно истинных дочерей Христа.

– Клянусь, я ей не завидую! – воскликнула принцесса Виктория. – Пусть отправляется, куда хочет, я за ней не собираюсь идти.

– И я не пойду! – сказала принцесса Аделаида.

– Я тоже не пойду! – заметила ее высочество Софья.

– Кроме того, она нас просто не выносила, – проговорила ее высочество Виктория.

– Она вас не выносила? – переспросил Людовик XV.

– Да, да, терпеть не могла, – подтвердили сестра.

– Мне кажется, бедняжка Луиза выбрала для себя этот рай, чтобы только не встречаться с вами.

Острота короля рассмешила сестер. Принцесса Аделаида, самая старшая, собрала с духом, чтобы нанести королю более ощутительный удар.

– Сестры! – жеманно проговорила она, на минуту выходя из обычного своего состояния без-

различия, за которое отец прозвал ее Тряпкой. – Вы, очевидно, не поняли или не осмеливаетесь сообщить королю истинную причину отъезда ее высочества Луизы.

– Опять какая-нибудь гадость! – воскликнул король. – Ну, ну. Тряпка, говори!

– Сир! – продолжала она. – Боюсь, что вам будет неприятно это услышать...

– Скажите лучше, что вы на это надеетесь, – вот это было бы вернее!

Ее высочество Аделаида прикусила язычок.

– Во всяком случае, я скажу правду, – добавила она.

– Сказать правду? Постарайтесь поскорее избавиться от этого недостатка. Разве я говорю когда-нибудь правду? И, как видите, слава Богу, я не чувствую себя от этого хуже.

Людовик XV пожал плечами.

– Да говорите же, говорите, сестра! – в один голос закричали ее высочество Софья и ее высочество Виктория, сгорая от нетерпения услышать пресловутую причину, которая, как они предполагали, могла больно задеть короля.

– Какие же вы милые! – проворчал Людовик XV. – Вы только поглядите, как они любят папочку!

Правда, его утешила мысль, что он испытывает к ним точно такие же чувства.

– Так вот, – продолжала принцесса Аделаида, – наша сестра, которая всегда ревниво относилась к соблюдению этикета, больше всего опасалась того...

– Чего? – спросил Людовик XV. – Договаривайте, раз начали.

– Сир! Она опасалась появления при дворе новых лиц.

– Появления новых лиц? – переспросил король, недовольный таким началом, потому что предвидел, куда она клонит. – Разве у меня в доме есть посторонние? Разве меня можно заставить принимать тех, кого я не желаю видеть?

Это была ловкая попытка уйти от ответа.

Однако ее высочество Аделаида была хитрая бестия, ее невозможно было так просто сбить с пути, особенно когда она собиралась сказать какую-нибудь колкость.

– Я не так выразилась, это неточно. Вместо «появления» следовало бы сказать «введение» нового лица.

– А, ну это дело другое: признаться, первое меня несколько смутило. Итак, я предпочитаю второе.

– Знаете, сир, – вмешалась принцесса Виктория, – мне кажется, это слово тоже неясно выражает суть дела.

– Что же это?

– Представление ко двору.

– Да, да, верно! – воскликнули сестры. – На этот раз слово найдено!

Король поджал губы.

– Вы полагаете? – спросил он.

– Да! – воскликнула ее высочество Аделаида. – Так вот я хотела сказать, что моя сестра очень и очень опасалась новых представлений.

– И что же дальше? – недовольно спросил король, желавший как можно скорее покончить с неприятным разговором.

– Она боялась, отец, что госпожа Дю Барри будет представлена ко двору.

– Наконец-то! – вскричал король, не в силах побороть досаду. – Раз уж заговорили, нечего было ходить вокруг да около, черт побери! Как вы любите тянуть время, госпожа Истина!

– Сир! – сказала ее высочество Аделаида. – Я так долго не осмеливалась сообщить вам это из уважения к вашему величеству: только повинуясь вашей воле, я об этом заговорила.

– Ну да, ну да, а все остальное время от вас ведь и слова не добьешься, вы ведь и рта не раскрываете, не разговариваете, не кусаетесь!..

– Что бы вы ни говорили, видимо, я все-таки угадала истинную причину, по которой моя сестра покинула дворец, – заметила ее высочество Аделаида.

– Должен вас разочаровать: вы ошибаетесь!

– Да что вы, сир, Аделаида права, мы в этом совершенно уверены! – в один голос воскликну-

ли принцесса Виктория и принцесса Софья, кивая головами.

– О Господи! – вскричал Людовик XV, точь-в-точь как один из героев Мольера. – Все мои домашние решили, как видно, сговориться против меня. Так вот почему это представление не может состояться! Вот почему принцесс невозможно заставить дома! Вот почему они не отвечают на прошения и не удовлетворяют просьбы об аудиенции!

– Что за прошения? О каких аудиенциях вы говорите? – спросила ее высочество Аделаида.

– Да ведь вам это хорошо известно: о прошениях мадмуазель Жанны де Вобернье, – заметила принцесса Софья.

– Да нет! Речь идет о просьбе принять мадмуазель Ланж, – добавила ее высочество Виктория.

Взбешенный король вскочил на ноги, бросая злобные взгляды на дочерей.

Ни одна из трех принцесс не могла противостоять отцовскому гневу: все они опустили глаза долу.

– Вот лишнее доказательство тому, о чем я уже сказал: уехала лучшая из четырех дочерей! – сказал он.

– Сир, – заметила ее высочество Аделаида, – ваше величество очень плохо к нам относится, вы с нами обращаетесь хуже, чем со своими собаками!

– Еще бы! Когда я прихожу на псарню, мои собаки ко мне ласться, мои собаки мне верны! Прощайте, прощайте! Пойду-ка я к Шарлотте, Красавке и Хвостик! Милые собачки! Да, я их люблю особенно за то, что они мне не будут таять правду-матку!

Разгневанный король вышел в приемную; он услышал, как вслед ему дочери хором запели:

На площадях и улицах столицы И женщины, и парни, и девицы – Любовью все готовы поделиться, Хотя со вздохом: ах, ах, ах!

И лишь подруга Блеза – вот бедняжка! – Лежит в постели, захворавши тяжко.

Ах, тяжко!

Ох, как тяжко!

Вот бедняжка!

Неужто умирает?! Ах, ах, ах!

Это был первый куплет водевиля, направленного против г-жи Дю Барри, который распевали в Париже на каждом углу; он носил название «Прекрасная бурбонка».

Король хотел было вернуться, и, возможно, принцессам не поздоровилось бы. Однако он сдержался и пошел дальше, пытаясь перекричать их голоса:

– Господин собачий капитан! Эй, где вы, господин собачий капитан?

Явился офицер, носивший столь странное звание.

– Прикажите отворить псарню, – сказал король.

– Сир! – вскричал офицер, бросившись Людовику XV наперерез. – Ваше величество, умоляю вас, остановитесь!

– В чем дело, черт побери? – спросил король, останавливаясь на пороге двери, из-за которой доносился радостный лай собак, почуявших хозяина.

– Сир! Прошу простить мою настойчивость, но я не могу позволить вашему величеству пройти к собакам.

– А, понимаю, понимаю: псарня не убрана... Ну, ничего! Приведите сюда Хвостика.

– Сир, – растерянно пробормотал офицер, – Хвостик второй день не ест и не пьет: возможно, он взбесился.

– О, Господи! – вскричал король. – Несчастный я человек! Хвостик взбесился! Это уж последняя капля...

Собачий офицер счел своим долгом выдать слезу, чтобы оживить всю сцену.

Король круто повернулся и зашагал к себе, где его уже ожидал камердинер.

Заметив, что король чем-то сильно расстроен, он поспешил отойти к окну.

Не обращая внимания на верного слугу, которого он и за человека не считал, Людовик XV широким шагом прошел в свой кабинет.

– А, теперь я понимаю: господин де Шуазель смеется надо мной; дофин чувствует себя по-

чти хозяином и думает что заменит меня, как только посадит на трон свою австриячку. Луиза меня любит, но как-то очень непросто: читает мне нотации, да еще ушла из дому... Три дочери распевают песенки, в которых называют меня жителем Блуа. Граф де Прованс переводит Лукреция. Граф д'Артуа шляется по ночам неизвестно где. Собаки взбесились и готовы меня искушать. Решительно, кроме дорогой графини, меня никто не любит. К черту тех, кто хочет ей насолить!

С отчаянной решимостью Людовик XV уселся за стол, где он по обыкновению подписывал бумаги.

– Теперь я догадываюсь, почему все с таким нетерпением ожидают прибытия ее высочества. Они думают: стоит ей здесь появиться, как я стану ее рабом или попаду под влияние ее семейства. Право, у меня еще будет время наглядеться на мою дражайшую невестку! Должно быть, ее приезд доставит мне новые хлопоты. Поживу-ка я спокойно как можно дольше, а для этого необходимо задержать ее в пути. Предполагалось, что она без остановок проедет через Реймс и Нуайон, а затем прибудет в Компьень. Ну что же, надо изменить порядок церемониала. Пусть будет трехдневный прием в Реймсе, а затем один..., нет, черт возьми! Два... Да что я! Три дня на празднования в Нуайоне. Итак, я выиграл шесть дней, целых шесть дней!

Король взял перо и приказал г-ну де Стенвилю остановиться на три дня в Реймсе и столько же времени провести в Нуайоне.

Он вызвал дежурного курьера.

– Срочно передать это письмо господину де Стенвилю, – приказал он.

И принялся за другое письмо.

«Дорогая графиня! – написал он. – Мы сегодня же назначаем Замора дворецким. Сейчас я уезжаю в Марли, однако вечером прибуду в Люсьенн, чтобы сказать Вам то, чем сию минуту не-реполнено мое сердце.

Людовик «

– Лебель! – сказал он. – Отнесите это письмо графине. Настоятельно советуя быть с ней по-вежливее. Камердинер поклонился и вышел.

Глава 29. ГОСПОЖА ДЕ БЕАРН

Графиня де Беарн, бывшая причиной страстных споров при дворе, камнем преткновения умышленных или невольных скандалов, быстро продвигалась к Парижу, о чем Жан Дю Барри узнал от своей сестры.

Этим путешествием г-жа де Беарн была обязана богатому воображению виконта Жана, которое всегда приходило ему на помощь в трудную минуту.

Ему никак не удавалось найти среди придворных дам поручительницу, без которой было невозможно представление ко двору г-жи Дю Барри. Тогда он обратился взором к провинции, оценил создавшееся положение, пошарил в отдаленных городах и нашел то, что искал.

В готическом замке на берегу реки Мез жила старая дама, которая с давних пор вела тяжбу.

Эту старую сутягу звали графиня де Беарн.

Затянувшийся процесс представлял собой дело, от которого зависело все ее состояние. Дело оказалось всецело в руках г-на де Монеу. А г-н де Монеу стал с недавних пор сторонником г-жи Дю Барри, установив доселе никому не известные родственные отношения, в результате чего называл ее кузиной. В надежде получить в ближайшее время портфель канцлера, г-н де Монеу испытывал к фаворитке самые что ни на есть дружеские чувства. Этой-то Дружбе он и был обязан тем, что король уже назначил его вице-канцлером.

Госпожа де Беарн была любительницей судебных разбирательств: она обожала судиться и сильно смахивала на графиню д'Эскарбань и г-жу Пимбеш, типичнейших представительниц той эпохи, и отличалась от них, должно быть, только аристократическим именем.

Проворная, худощавая, угловатая, державшаяся всегда настороженно, с бегающими глазками под седыми бровями, г-жа де Беарн к тому же одевалась так, как это было принято в ее молодости. Как бы капризна ни была мода, она иногда пытается образумиться; вот почему платье, которое графиня де Беарн носила в 1740-м, будучи юной девицей, оказалось вполне подходящим в

1770 году для старой дамы. Широкая гипюровая юбка, короткая кружевная накидка, огромный чепец, глубокие карманы, огромных размеров сак и шейный шелковый платок в мелкий цветочек – такой предстала графиня де Беарн взору Шон, любимой сестры и доверенного лица г-жи Дю Барри, когда Шон в первый раз приехала к графине де Беарн, представившись дочерью ее адвоката мэтра Флажо.

Старая графиня одевалась так не столько из любви к моде прежних лет, сколько из экономии. Она была не из тех кто стыдится бедности, потому что была бедна не по своей вине. Она сожалела лишь о том, что не могла оставить после себя приличного для своего имени состояния сыну, юному, застенчивому, словно девушка, провинциалу, предпочитавшему материальные удовольствия тем льготам, которые могло ему дать доброе имя.

Графиня де Беарн тешила самолюбие тем, что называла своими те земли, которые ее адвокат отсуживал у Салюсов. Однако, обладая здравым смыслом, она хорошо понимала, что если бы ей понадобилось заложить земли ростовщику – а в описываемое нами время этих ловкачей во Франции было более чем достаточно, – то ни один прокурор, каким бы пройдохой он ни был, не взялся бы ни обеспечить ей гарантию, ни авансировать ее в надежде на возвращение ей земель.

Итак, г-жа де Беарн ограничивалась доходами лишь с тех земель, которые не фигурировали в процессе, да была еще обязана вносить арендную плату. Она получала всего около тысячи экю ренты, что вынуждало ее избегать двора, где надо было выбрасывать деньги на ветер, платя по двенадцать ливров в день только за наем кареты, на которой просительница обычно разъезжала от судей к адвокатам и обратно.

В особенности же она избегала двора потому, что справедливо полагала, что до ее тяжбы дело дойдет не раньше, чем лет через пять. Еще и сегодня бывают долгие процессы, но им далеко до судебных разбирательств тех лет: процесс мог пережить два-три поколения, он расцветал, подобно сказочному растению из «Тысячи и одной ночи», раз в двести или даже триста лет.

Госпоже де Беарн не хотелось истратить последнее свое достояние, пытаясь получить обратно несколько десятин спорных земель; как мы уже сказали, она была дамой старой закалки, то есть проницательной, осторожной, энергичной и скупой.

Вне всякого сомнения, она смогла бы лучше любого прокурора, адвоката и судебного исполнителя вести тяжбу, вызывать в суд, защищать, привести приговор в исполнение. Но она была урожденная Беарн, и это имя во многом служило ей препятствием. Из-за него она страдала и томилась, подобно Ахиллу, укрывшемуся в своей палатке и терзавшемуся при звуках боевого рожка, делая вид, что не слышит его; нацепив на нос очки, графиня де Беарн весь день напролет просиживала над старыми грамотами, а по ночам, завернувшись в халат из персидского шелка, произносила речи, расхаживая с развевавшимися по ветру седыми волосами перед своей подушкой, и отстаивала свое право на спорное наследство с таким красноречием, которого только и могла желать своему адвокату.

Нетрудно догадаться, что приезд Шон, представившейся м-ль Флажо, приятно взволновал до Беарн.

Молодой граф де Беарн был в это время в армии. Обычно охотно веришь в то, чего страстно желаешь. Вполне понятно поэтому, что г-жа де Беарн поверила рассказу молодой дамы.

Впрочем, в сердце графини закралось некоторое сомнение: графиня лет двадцать была знакома с Флажо, сто раз была у него дома на улице Пти-Лион-Сен-Север, но никогда не замечала, чтобы с квадратного ковра, казавшегося ей слишком маленьким для просторного адвокатского кабинета, на нее смотрели глазки какого-нибудь постреленка, выбежавшего кланяться конфеты.

В конце концов можно было сколько угодно напрягать память, пытаясь припомнить адвокатский ковер, представить себе ребенка, который мог играть, сидя на этом ковре, однако м-ль Флажо была перед ней, вот и все.

Кроме того, м-ль Флажо сказала, что она была замужем, и, наконец, что рассеивало последнее подозрение г-жи де Беарн в том, что девица нарочно приехала в Верден, – она сообщила, что направляется к мужу в Страсбург.

Вероятно, графине де Беарн следовало бы попросить у м-ль Флажо рекомендательное письмо; однако если допустить, что отец не может отправить с поручением родную дочь без такого

письма, то кому тогда он вообще мог бы доверить дело? И потом к чему были эти опасения? К чему могли привести подобные подозрения? С какой целью надо было проделывать шестьдесят миль: чтобы рассказывать графине сказки?

Если бы графиня была богата, как, скажем, жена банкира или откупщика, если бы она, отправляясь в путь, брала с собой дорогую посуду и драгоценности, она могла бы заподозрить заговор с целью обокрасть ее в дороге. Но графиня де Беарн от души веселилась, когда представляла себе разочарование разбойников, которые вздумали бы на нее напасть.

Поэтому когда Шон, переодетая мещанкой, уехала от нее в плохоньком кабриолете, запряженном одной-единственной лошадью, в который она предусмотрительно пересела на предпоследней почтовой станции, оставив там свою роскошную карету, графиня де Беарн, убежденная в том, что настал ее час, села в старинный экипаж и отправилась в Париж. Она все время подгоняла кучеров и миновала Ла Шоссе часом раньше ее высочества, а у заставы Сен-Дени оказалась всего часов шесть спустя после того, как через нее проехала г-жа Дю Барри.

Так как у путешественницы был весьма скудный багаж – а важнее всего на свете были для нее тогда сведения о тяжбе, – то г-жа де Беарн поехала напрямик на улицу Пти-Лион и приказала остановить карету у двери Флажо.

Понятно, дело не обошлось без любопытных – а все парижане очень любопытны, – окруживших громоздкий экипаж, выехавший, казалось, из конюшен Генриха IV: такой он был надежный, крепкий, с покоробившимися от времени кожаными занавесками, двигавшимися с ужасным скрежетом на медном позеленевшем карнизе.

Улица Пти-Лион – неширокая, поэтому величественный экипаж г-жи де Беарн совершенно ее загородил. Уплатив кучерам прогонные, путешественница приказала отвезти карету на постоянный двор, где она обыкновенно останавливалась в Париже, то есть в «Поющий петух» на улице Сен-Жермен-де-Пре.

Держась за сальную веревку, она поднялась по темной лестнице к Флажо; на лестнице было прохладно – к удовольствию графини, утомленной быстрой ездой и летним зноем.

Когда служанка Флажо по имени Маргарита доложила о графине де Беарн, он наскоро подтянул короткие штаны, которые были спущены из-за жары, натянул на голову парик, всегда лежавший у его под рукой, и надел полосатый шлафрок из бумазеи.

Одевшись, он пошел к двери с улыбкой, в которой сквозило столь сильное удивление, что графиня сочла своим долгом объявить:

– Да, дорогой мой господин Флажо, это я!

– Вижу, вижу, ваше сиятельство, – отвечал г-н Флажо. Стыдливо запахнув полы шлафрока, адвокат проводил графиню к кожаному креслу, стоявшему в самом светлом углу кабинета, и усадил ее на всякий случай подальше от бумаг на столе, памятуя о том, что графиня до крайности любопытна.

– А теперь, ваше сиятельство, – учтиво обратился к ней Флажо, – позвольте узнать, чему я обязан столь приятной неожиданностью?

Удобно устроившись в кресле, графиня де Беарн в эту минуту приподняла ноги, обутые в сатиновые туфли, давая возможность Маргарите подложить под них кожаную подушку. Услыхав слова Флажо, она быстро встала. Достав из футляра очки, она нацепи их на нос, желая получше рассмотреть Флажо, и спросила:

– То есть как неожиданность?

– А как же? Я думал, вы сейчас в своем имении, ваше сиятельство, – отвечал адвокат, в надежде польстить графине де Беарн, называя имением три арпана земли, распаханых под огород.

– Как вы верно заключили, я там и была, но по первому вашему сигналу я все бросила и примчалась.

– По первому моему сигналу? – удивленно переспросил адвокат.

– По первому вашему слову, намеку, совету – называйте, как хотите.

Глаза Флажо округлились и стали размером с очки графини.

– Надеюсь, вы довольны, что я не заставила себя ждать?

- Я как всегда рад вас видеть, ваше сиятельство, однако позвольте вам заметить, что я не совсем понимаю, при чем здесь я?
- Как? – вскричала графиня. – Как это при чем здесь вы?.. Ведь я приехала из-за вас!
- Из-за меня?
- Ну да, из-за вас. Так что у нас нового?
- О ваше сиятельство! Говорят, король замысливает переворот в парламенте... Не желаете ли выпить чего-нибудь?
- При чем здесь король? Разве речь идет о перевороте?
- А о чем же, ваше сиятельство?
- Речь идет о моем процессе. Я говорила о своем деле, когда спросила, нет ли чего-нибудь нового.
- О, что касается вашего дела, – грустно качая головой, отвечал г-н Флажо, – увы, нового ничего нет...
- То есть совсем ничего?
- Ничего.
- Ничего с тех пор, как ваша дочь со мной говорила? Но так как мы с ней разговаривали третьего дня, ничего и не могло еще за это время произойти...
- Моя дочь, вы сказали?
- Ну да!
- Вы говорите, моя дочь?
- Ну конечно, ваша дочь, та самая, которую вы ко мне послали.
- Простите, сударыня, – сказал г-н Флажо, – я не мог послать к вам дочь.
- Почему не могли?
- Да просто потому, что у меня нет дочери!
- Вы в этом уверены? – спросила графиня.
- Ваше сиятельство! Имею честь сообщить вам, что я холостяк.
- Вот тебе раз! – воскликнула графиня.
- Обеспокоенный Флажо позвал Маргариту и приказал принести графине выпить чего-нибудь холодного; кроме того, он знаком велел за ней приглядывать.
- «Бедная женщина! – подумал он. – Должно быть, у нее плохо с головой».
- Ничего не понимаю! – продолжала графиня. – Так у вас нет дочери?
- Нет, ваше сиятельство.
- Ну, у нее еще муж в Страсбурге...
- Ничего похожего, ваше сиятельство.
- И вы не поручали своей дочери, – продолжала графиня, не в силах освободиться от обуревавших ее мыслей, – сообщить мне, что мой процесс готов вот-вот начаться?
- Нет.
- Графиня так и подпрыгнула в кресле, хватив кулаком по колену.
- Выпейте чего-нибудь, ваше сиятельство, – предложил Флажо, – вам станет легче.
- Он подал знак Маргарите – та приблизилась, держа на подносе два стакана с пивом, однако старой графине было не до этого: она оттолкнула поднос так резко, что м-ль Маргарита, пользовавшаяся, по-видимому, в доме некоторыми привилегиями, почувствовала себя задетой.
- Та-а-ак... – глянув поверх очков на Флажо, заговорила графиня, – не угодно ли будет вам объясниться?
- С удовольствием, – отвечал Флажо. – Оставайтесь, Маргарита. Возможно, ее сиятельство еще захочет пить. Итак, давайте объяснимся!
- Да, объяснимся, раз это необходимо. Я вас что-то не понимаю, господин Флажо. Можно подумать, что у вас голова плохо соображает из-за жары!
- Не надо волноваться, ваше сиятельство, – проговорил адвокат, пытаясь отодвинуться вместе с креслом подальше от графини, – не волнуйтесь, давайте побеседуем спокойно.
- Да, давайте побеседуем. Так вы говорите, у вас нет дочери, господин Флажо?
- Нет, ваше сиятельство. Я искренне об этом сожалею, потому что, мне кажется, это было бы

вам приятно, хотя...

– Хотя?... – переспросила графиня.

– Хотя я предпочел бы сына: мальчику легче устроиться в жизни, вернее, мальчикам проще живется в наше время.

Графиня де Беарн нетерпеливо скрестила руки на груди.

– Послушайте! А вы не вызывали меня в Париж через сестру, племянницу, какую-нибудь родственницу?

– У меня и в мыслях этого не было, ваше сиятельство, ведь жизнь в Париже не дешева...

– А как же мое дело?

– Как только его затребуют в суд, я сейчас же дам вам знать.

– Как только его затребуют в суд?

– Так точно.

– Значит, оно еще не в суде?

– Насколько мне известно, еще нет, ваше сиятельство.

– Так мой процесс еще и не начинался?

– Нет.

– Можно ли надеяться, что его в скором времени затребуют?

– Нет, ваше сиятельство! Да нет же, Господи!

– Значит, со мной сыграли шутку!.. – воскликнула, поднимаясь, старая графиня. – Надо мной недостойно подшутили!

Флажо сдвинул парик на затылок.

– Боюсь, что так, ваше сиятельство, – пробормотал он.

– Господин Флажо! – вскричала графиня. Адвокат вскочил со стула и подал знак Маргарите, чтобы она приготовилась в случае чего вступить за хозяина.

– Господин Флажо! – повторила графиня. – Я не намерена терпеть подобного унижения, я буду жаловаться начальнику полиции. Он найдет эту дуру, осмелившуюся так меня оскорбить.

– Ну, это маловероятно, – заметил Флажо.

– А когда ее найдут, – продолжала разъяренная графиня, – я подам на нее в суд.

– Что, еще один процесс? – уныло спросил адвокат. Его слова заставили старуху спуститься с небес на бrenную землю.

– Да, увь... – пробормотала она. – Ах, в каком прекрасном расположении духа я сюда ехала!..

– Что же вам сказала та дама, ваше сиятельство?

– Прежде всего, что прибыла по вашему поручению.

– Мерзкая интриганка!

– И от вашего имени она мне сообщила, что мое дело затребовал суд, что вот-вот должно начаться слушание, поэтому я должна поторопиться, иначе могу опоздать.

– Увь! – воскликнул г-н Флажо. – Никто нашего дела не затребовал.

– О нас забыли, не так ли?

– Забыли, ваше сиятельство, на веки вечные забыли. Остается только надеяться на чудо, а вы знаете, что чудес не бывает...

– О да! – тяжело вздохнув, согласилась графиня. Флажо отвечал графине таким же вздохом.

– Послушайте, господин Флажо, – не унималась графиня де Беарн, – я вам сейчас кое-что скажу... – Слушаю, ваше сиятельство.

– Я этого не переживу.

– Ну, ну, успокойтесь, зачем же так волноваться? – Боже мой, Боже мой! – вскричала несчастная графиня. – У меня больше нет сил!

– Мужайтесь, ваше сиятельство, мужайтесь! – попытался приободрить ее Флажо.

– Посоветуйте, что мне делать?

– С удовольствием! Возвращайтесь в свое имение и никогда больше не доверяйтесь тем, кто приедет от моего имени без письменного подтверждения.

– Да, надо возвращаться...

– Это было бы разумнее всего.

– Поверьте мне, господин Флажо, – простонала графиня, – мы больше никогда не увидимся – по крайней мере на этом свете.

– Какое коварство! А не кажется ли вам, что это происки моих врагов? – продолжала графиня.

– Могу поклясться, что это дело рук Салюсов.

– Как все это пошло!

– Да, мелко все это, – согласился Флажо.

– А ваша справедливость – не более, чем пещера Какуса.

– А почему, спрошу я вас? Да потому, что справедливость перестала быть справедливостью, потому что кое-кто подстрекает членов парламента, потому что господину де Монеу захотелось вдруг стать канцлером вместо того, чтобы оставаться президентом.

– Господин Флажо! Я бы, пожалуй, теперь чего-нибудь выпила.

– Маргарита! – крикнул адвокат.

Маргарита, вышедшая из кабинета тотчас, как заметила, что беседа приняла мирный оборот, вернулась на зов хозяина.

Она внесла тот же поднос с двумя стаканами. Чокнувшись с адвокатом, графиня де Беарн сделала несколько неторопливых глотков, а затем стала прощаться.

Флажо проводил ее до дверей, зажав в руке свой парик. Графиня де Беарн была уже на лестнице, безуспешно пытаясь нащупать в темноте веревку, служившую перилами, как вдруг чья-то рука легла на ее запястье и кто-то уперся ей в грудь головой.

Это был клерк, летевший, как сумасшедший, вверх по крутой лестнице, перескакивая через ступеньки.

Обругав его, старая графиня одернула юбки и пошла вниз, а клерк взбежал на площадку, толкнул дверь, крикнул звонко и радостно, как во все времена кричат все судейские:

– Господин Флажо! По делу Беарн!

И протянул Флажо бумагу.

Прежде чем клерк успел получить от Маргариты пару оплеух в ответ на его поцелуи, старая графиня, услышав свое имя, взлетела назад по лестнице, оттолкнула клерка, бросилась на Флажо, вырвала у него из рук бумагу и втокнула его в кабинет.

– Так о чем же говорится в этой бумаге, господин Флажо? – крикнула старуха.

– Клянусь честью, понятия не имею, ваше сиятельство. Позвольте мне бумагу – тогда я вам отвечу.

– Вы правы, дорогой господин Флажо, читайте, читайте скорее!

Тот взглянул сначала на подпись.

– Это от нашего прокурора Гильду, – сообщил он.

– О, Господи!

– Он уведомляет меня о том, – со все возрастающим изумлением продолжал Флажо, – что во вторник я должен быть готов к защите, так как наше дело передано в суд.

– Передано в суд! – подскочив, вскрикнула графиня. – Передано в суд! Должна вас предупредить, господин Флажо, чтобы вы так больше не шутили, в другой раз я этого не перенесу.

– Ваше сиятельство! – опешив от известий, сказал Флажо. – Если кто и шутит, то это, должно быть, господин Гильду; правда, до сих пор за ним этого не водилось.

– Письмо в самом деле от него?

– На нем подпись Гильду, – вот взгляните.

– Верно!.. Передано в суд сегодня утром, слушается во вторник... Господин Флажо! Так, значит, дама, которая ко мне приезжала, не интриганка?

– По-видимому, нет.

– Но вы же говорите, что не посылали ее ко мне... Вы уверены, что не вы ее ко мне послали?

– Черт побери! Конечно, уверен!

– Так кто же ее послал?

– Да, в самом деле, кто?

- Ведь кто-то же должен был ее послать?
- Я просто теряюсь в догадках.
- И я ума не приложу. Дайте-ка еще раз взглянуть на письмо, дорогой господин Флажо. Что здесь написано? Вот! Передано в суд, слушается... Так и написано: слушается под председательством господина президента Монеу.
- Черт возьми! Так и написано?
- Да.
- Это ужасно!
- Почему?
- Потому что господин президент Монеу – большой друг Салюсов.
- Вам это точно известно?
- Еще бы! Он у них днюет и ночует.
- Ну вот, час от часу не легче! Как же мне не везет!
- Тем не менее делать нечего: придется вам к нему непременно сходить.
- Да он мне устроит ужасный прием!
- Вполне вероятно.
- Ах, господин Флажо, что вы говорите?
- Правду, ваше сиятельство.
- Благодарю вас за такую правду! Мало того, что сами трусились, вы и у меня отнимаете последнее мужество.
- Это потому, что я сам не жду и вам не советую надеяться на благополучный исход.
- Неужели вы до такой степени малодушны, дорогой Цицерон?
- Цицерон проиграл бы дело Лигария, если бы ему пришлось говорить свою речь перед Верресом, а не перед Цезарем, – отвечал Флажо, робко пытаясь возражать своей клиентке, столь лестно о нем отозвавшейся.
- Так вы мне советуете не ходить к господину де Монеу?
- Боже меня сохрани давать вам столь неразумные советы! Я лишь искренне сожалею, что вам предстоит визит к господину де Монеу.
- Вы, господин Флажо, напоминаете мне солдата, готового покинуть свой пост. Можно подумать, что вы боитесь браться за это дело.
- Ваше сиятельство! – сказал адвокат. – Мне за всю жизнь пришлось проиграть несколько дел. Поверьте, у них было больше шансов на успех, чем у вашей тяжбы.
- Графиня горестно вздохнула, потом, собравшись с духом, заговорила.
- Я намерена идти до конца, – объявила она с достоинством, не совсем уместным в таких обстоятельствах, – не может быть и речи о том, чтобы я отступила перед этим заговором, так как правда на моей стороне. Пусть я проиграю процесс, зато покажу подлецам, что такое настоящая благородная дама, каких уж не встретишь при дворе. Могу ли я рассчитывать на вашу руку, господин Флажо, и просить вас проводить меня к вице-канцлеру?
- Ваше сиятельство! – сказал Флажо, в свою очередь, призывая на помощь чувство собственного достоинства – Мы, члены оппозиции парижского Парламента, дали клятву не иметь больше никаких сношений с теми, кто не поддержал решения Парламента по делу господина д'Эгийона Сила союза – в единстве. Раз господин де Монеу не занял в этом деле определенного положения, то мы имеем основание быть им недовольными и собираемся бойкотировать его до тех пор, пока он не объявит, на чьей он стороне.
- Не вовремя начинается мой процесс, как я вижу, – со вздохом заметила графиня – Адвокаты ссорятся с судьями, судьи – с клиентами. А, все едино! Я готова бороться до конца.
- Бог в помощь, ваше сиятельство, – проговорил адвокат, перекинув полы шлафрока через левую руку, словно это была тога римского сенатора.
- «Ну что это за адвокат!.. – подумала графиня де Беарн. – Боюсь, что он будет иметь еще меньший успех перед Парламентом, чем я – перед своей подушкой».
- Постаравшись замаскировать улыбкой свое беспокойство, она сказала:
- Прощайте, господин Флажо! Прошу вас изучить дело. Кто знает, какие неожиданности мо-

гут нас поджидать!

– Ваше сиятельство! – сказал Флажо. – Меня смущает не моя речь – она будет великолепна, тем более что я собираюсь воспользоваться ею, чтобы провести потрясающие аналогии...

– Между чем, сударь?

– Я собираюсь сравнить коррупцию в Иерусалиме с проклятыми городами, на которые я призову огонь небесный Вы понимаете, ваше сиятельство, что ни у кого не останется сомнений в том, что Иерусалим – это Версаль – Господин Флажо, – вскричала старая графиня, – вы же себя скомпрометируете – вернее, не себя, а мое дело!

– Ах, сударыня, его и так можно считать проигранным, раз его будет слушать господин де Монеу! И речи быть не может о том, чтобы выиграть его в глазах современников. А раз нам не добиться справедливости, давайте устроим скандал!

– Господин Флажо...

– Ваше сиятельство! Давайте смотреть философски. Мы поднимем такой шум! – Черт бы тебя побрал! – проворчала про себя графиня – Жалкий адвокатишка, только ищешь сличая завернуться в свои лохмотья и пофилософствовать! Пойду-ка я к господину де Монеу – уж он-то, поди, далек от философии! С ним-то я скорее сговорюсь, чем с тобой!

Старая графиня оставила Флажо на улице Пти-Лион-Сен-Совер. В эти два дня ей довелось испытать после взлета пленительных надежд всю горечь разочарования и боль падения.

Глава 30. ВИЦЕ-КАНЦЛЕР

Старая графиня тряслась от страха, отправляясь к г-ну де Монеу.

Однако по дороге ей пришла в голову мысль, которая ее несколько успокоила. Она подумала, что в связи с поздним временем г-н де Монеу вряд ли согласится ее принять, и она готова была записаться у дворецкого на прием.

Было около семи часов вечера, и хотя было еще светло, в это время деловые визиты, как правило, уже откладывались: среди знати получил распространение обычай обедать в четыре часа; к этому времени все дела прекращались, и к ним возвращались лишь на следующий день.

Горя желанием увидеть вице-канцлера, графиня де Беарн в то же время радовалась при мысли, что не будет принята. В этом находило выражение одно из известных противоречий человеческого разума, всем и так понятное и не требующее особых пояснений.

Итак, графиня подъехала, приготовившись к тому, что дворецкий ее не пропустит. Она зажала в руке монету достоинством в три ливра, которая должна была, по ее мнению, смягчить сердце цербера: она надеялась, что он внесет ее имя в список аудиенций на следующий день.

Когда карета остановилась у дома г-на де Монеу, она увидела, что дворецкий отдает приказания лакею. Она приготовилась терпеливо ждать, не желая своим присутствием мешать их разговору. Однако дворецкий, заметив наемную карету, сейчас же отпустил лакея и подошел к ней; он спросил, как зовут просительницу.

– Я знаю наверное, что не буду иметь чести быть принятой его превосходительством.

– Тем не менее прошу вас, сударыня, оказать мне честь и сообщить ваше имя.

– Графиня де Беарн, – ответила она.

– Его превосходительство ждет вас, – сказал дворецкий.

– Что вы сказали? – в изумлении воскликнула г-жа де Беарн.

– Я имел честь сообщить вам, что его превосходительство вас ожидает, – повторил он.

– Неужели он меня примет?

– Он готов принять ваше сиятельство. Графиня де Беарн вышла из кареты в полной растерянности, не веря в то, что это не сон. Дворецкий дернул за шнур: колокольчик звякнул два раза. На пороге появился лакей, и дворецкий жестом пригласил графиню войти.

– Ваше сиятельство желает видеть его высокопревосходительство?

– Я и мечтать не могла о таком счастье!

– В таком случае прошу вас следовать за мной, ваше сиятельство.

«А как плохо отзываются о судье! – подумала графиня, идя вслед за лакеем. – Несмотря ни

на что, у него есть огромное преимущество: он доступен в любое время. А ведь он канцлер!.. Странно...»

Она испугалась при мысли, что канцлер может оказаться несговорчивым и неприветливым, раз он с таким усердием посвящает себя своим обязанностям.

Через настежь распахнутые двери кабинета она увидела погрузившегося в бумаги г-на де Монеу в огромном парике. Он был одет в сюртук черного бархата.

Войдя в кабинет, графиня торопливо огляделась и с удивлением отметила, что никто, кроме нее и худого, с пожелтевшим лицом, занятого бумагами канцлера, не отражается больше в зеркалах.

Лакей доложил о прибытии ее сиятельства графини де Беарн.

Господин де Монеу тотчас поднялся и встал спиной к камину.

Графиня де Беарн трижды присела в реверансе, как того требовал этикет.

Она в смущении пробормотала несколько слов. Она не ожидала, что ей будет оказана столь высокая честь... Она не думала, что такой занятой человек, министр, принимает посетителей в часы досуга...

Господин де Монеу на это отвечал, что время подданных его величества так же свято, как время его министров; что он, к тому же, сразу видит, кому из них следует оказывать преимущество; что он всегда рад отдать лучшее время суток тому, кто заслуживает этого преимущества.

Графиня де Беарн снова присела в реверансе, затем наступило томительное молчание: истекло время комплиментов и наступала пора переходить к изложению просьбы.

Господин де Монеу в ожидании потер подбородок.

– Монсеньер! – обратилась к нему просительница. – Я желала видеть ваше высокопревосходительство, чтобы смиренно изложить суть важного дела, от которого зависит все мое состояние.

Господин де Монеу едва заметно кивнул головой, что означало: «Говорите!»

– Дело в том, ваше высокопревосходительство, – продолжала она, – что все мое состояние, вернее, состояние моего сына, зависит от исхода процесса, который я возбудила против семейства Салюсов.

Вице-канцлер слушал, потирая подбородок.

– Я наслышана о вашей справедливости, ваше высокопревосходительство, вот почему, несмотря на то, что я знаю о вашей симпатии, я бы даже сказала дружбе, которая связывает ваше высокопревосходительство с моими противниками, я тем не менее без малейшего колебания явилась умолять ваше высокопревосходительство меня выслушать.

Господин де Монеу не мог сдержать улыбки, услышав, как она превозносит его чувство справедливости: это очень походило на то, как пятьдесят лет тому назад расхваливались несравнимые добродетели Дюбуа.

– Дорогая графиня! – отвечал он. – Вы правы, я – друг Салюсов, но вы правы и в том, что, став министром юстиции, я свято соблюдаю объективность. Итак, я готов ответить на ваши вопросы, невзирая на мои личные симпатии, как и подобает министру юстиции.

– Ваше высокопревосходительство, да благословит вас Господь! – вскричала старая графиня.

– Я готов рассматривать ваше дело, как простой юрисконсульт, – добавил канцлер.

– Благодарю вас, ваше высокопревосходительство! Ведь у вас такой опыт в подобных делах!..

– Кажется, ваша тяжба должна скоро слушаться в суде, не правда ли?

– Да, на будущей неделе, ваше высокопревосходительство.

– Чего же вы хотите?

– Я бы желала, чтобы вы, ваше высокопревосходительство, ознакомились с подробностями моего дела.

– Я с ними уже знаком.

– И каково ваше мнение, монсеньер? – затрепетав, спросила старуха.

– Вы спрашиваете мое мнение об этом деле?

– Да.

– Я считаю, что оно не вызывает никаких сомнений.

- Так я его выиграю?
- Да нет же, напротив, проиграете.
- Вы, ваше высокопревосходительство, считаете, что я должна проиграть свою тяжбу?
- Несомненно. Я позволю себе дать вам один совет.
- Какой? – с надеждой в голосе спросила графиня.
- Так как вы будете обязаны оплатить судебные издержки...
- Что??
- ..Я советую вам приготовить деньги заранее!
- Ваше высокопревосходительство! Да ведь нас ждет разорение!
- Увы, графиня, вы должны понять, что суд не может принимать во внимание это обстоятельство.

- Да ведь должны же судьи иметь сострадание...
- Нет, вот именно из этих соображений богиня правосудия надевает на глаза повязку.
- Ваше высокопревосходительство! Позвольте попросить у вас совета.
- Пожалуйста! О чем идет речь?
- Скажите, может быть, существует способ добиться смягчения приговора?
- Вы знакомы с кем-нибудь из ваших судей? – спросил вице-канцлер.
- Нет, никого из судей я не знаю, ваше высокопревосходительство.
- Какая досада! Ведь господа Салюсы поддерживают дружеские отношения почти со всеми членами Парламента!

Графиня содрогнулась.

– Разумеется, – продолжал канцлер, – не это является решающим обстоятельством, потому что судьи не руководствуются личной симпатией.

Это было приблизительно так же бесспорно, как то, что канцлер справедлив, а Дюбуа – добродетелен. Графиня почувствовала, что вот-вот потеряет сознание.

– Однако когда обе стороны имеют одинаковые шансы, – продолжал канцлер, – судья скорее отдаст свое предпочтение другу, нежели незнакомому лицу. Это так же верно, как то, что вы проиграете свой процесс, вот почему вам следует подготовиться к самым неблагоприятным последствиям.

– Какие ужасные вещи я слышу от вашего высокопревосходительства!

– Я надеюсь, вы понимаете, что я не собираюсь давать какие бы то ни было рекомендации господам судьям. Так как сам я не принимаю участия в голосовании, я имею право лишь высказать свое мнение.

– Увы, монсеньер, у меня были некоторые подозрения...

Вице-канцлер пристально взглянул на старуху.

–..господа Салюсы живут в Париже, конечно, они знакомы со всеми судьями, вот почему они всемогущи.

– Они всемогущи прежде всего потому, что правы.

– Как мне больно слышать эти слова из уст столь негибкого человека, как вы, ваше высокопревосходительство!

– Я говорю вам это потому, – с притворной доброжелательностью прибавил г-н де Монеу, – что хочу быть вам полезен, даю вам честное слово!

Графиня вздрогнула: ей померещилось нечто неясное не столько в словах, сколько в скрывавшихся за словами мыслях вице-канцлера. Стоило только устранить это нечто, и она могла бы надеяться на благоприятный исход.

– Кстати сказать, – продолжал г-н де Монеу, – ваше имя – одно из самых известных во Франции, оно для меня – лучшая рекомендация.

– Что не помешает мне проиграть процесс, монсеньер!

– Ничего не поделаешь! Я ничем не могу вам помочь.

– Ах, ваше высокопревосходительство, – качая головой, проговорила графиня, – неудачно складываются мои дела!

– Не хотите ли вы сказать, сударыня, – с улыбкой подхватил г-н де Монеу, – что во времена

нашей молодости дела шли лучше?

– Увы, да, монсеньер, – так мне по крайней мере представляется: я с удовольствием вспоминаю время, когда вы еще были рядовым адвокатом в Парламенте и произносили блестящие речи, а я, будучи молоденькой девушкой, от души вам рукоплескала. Какой был задор! Какое красноречие! А как вы были добродетельны! Ах, господин канцлер, в те времена не было ни интриг, ни побряжек! Уж в былое время я выиграла бы тяжбу!

– Тогда всем заправляла госпожа де Фалари, по крайней мере в те минуты, когда регент закрывал на это глаза, а Мышка тем временем шарила по углам, вынюхивая, чем бы поживиться.

– Знаете, монсеньер, госпожа де Фалари была все-таки знатная дама, а Мышка была покорной дочерью.

– До такой степени, что им обеим ни в чем не было отказа.

– Вернее, они ни в чем не отказывали.

– Ах, графиня, не заставляйте меня говорить гадости о начальстве из любви к моей молодости! – отвечал канцлер со смехом, который все больше удивлял старую графиню искренностью и естественностью.

– Однако вы, ваше высокопревосходительство, не можете помешать мне оплакивать потерянное состояние, мой навеки разоренный дом.

– Вот что значит отстать от времени, графиня! Надо принести жертву кумирам сегодняшнего дня!

– Увы, монсеньер, кумиры не признают тех, кто приходит к ним с пустыми руками.

– Ведь вы же этого не знаете.

– Я?

– Ну да, вы же не пробовали, как мне кажется?

– О, монсеньер, вы так добры, что по-дружески со мной говорите! Поверьте, я это очень ценю!

– Мы с вами ровесники, графиня.

– Как жаль, что мне сейчас не двадцать лет, а вы не рядовой адвокат! Вы были бы моим защитником, и тогда никакие Салюсы не устояли бы!..

– К сожалению, нам уже давно не двадцать лет, дорогая графиня, – вздохнув из вежливости, заметил вице-канцлер, – и мы должны взывать к тем, кто еще находится в этом счастливом возрасте: признайтесь, что в двадцать лет можно оказывать некоторое влияние... Вы что же, никого не знаете при дворе?

– Я знакома лишь со старыми сеньорами, давно вышедшими в отставку, да и то, если бы они меня усидели, они покраснели бы со стыда..., такая я теперь бедная и жалкая. Знаете, монсеньер, при желании я могла бы, конечно, проникнуть в Версаль, да к чему мне это? Ах, если бы я могла вернуть свои двести тысяч ливров, духу моего не было бы в столице. Совершите это чудо, монсеньер!

Канцлер пропустил последние слова мимо ушей.

– Будь я на вашем месте, – сказал он, – я забыл бы старых придворных, раз они забыли вас, и обратился бы к молодым, которые рады привлечь к себе новых сторонников. Знакомы ли вы с их высочествами?

– Они меня позабыли.

– Да, наверно. Кроме того, они не имеют влияния при дворе. Знаете ли вы дофина?

– Нет.

– Ну, ничего, ведь сейчас все его мысли заняты прибывающей эрцгерцогиней. А не знаете ли вы кого-нибудь среди фаворитов?

– Я даже не знаю, как их зовут.

– Знакомо ли вам имя господина д'Эгийона?

– Ветрогон, о котором ходят немыслимые слухи: якобы он прятался во время сражения на мельнице... Какой позор!

– Графиня! – воскликнул канцлер. – Нельзя полностью доверяться слухам: делите надвое... Давайте еще подумаем.

- Да что тут думать!..
- Ну, а почему нет? Вот, например... Да нет... Ага, придумал!
- Кто же это, монсеньер?
- Почему бы вам не обратиться непосредственно к ее сиятельству?
- К графине Дю Барри? – раскрывая веер, спросила старуха.
- Ну да, у нее доброе сердце.
- Неужели?
- А главное, она всегда рада услужить.
- Я принадлежу к слишком старинному роду, чтобы ей понравиться, монсеньер!
- Мне кажется, вы не правы, графиня. Она стремится завязать отношения с представителями знати.
- Вы так полагаете? – спросила старая графиня, уже начинавшая уступать.
- Так вы с ней знакомы?
- Да нет же, Боже мой!
- Ах, какая жалость! Вот кто мог бы помочь!
- Да, уж она-то могла бы помочь, да беда в том, что я ее и в глаза никогда не видала!
- А ее сестру Шон знаете?
- Нет.
- А другую ее сестру – Биши?
- Нет.
- Может, вы знаете ее брата Жана?
- Нет.
- А ее негра Замора?
- При чем здесь негр?
- О, ее негр – влиятельная фигура!
- Не его ли портреты продаются на Новом мосту? Это тот, который похож на гадкую собачонку во фраке?
- Он самый.
- Да как же вы можете спрашивать, монсеньер, знакома ли я с этим черномазым? – вскричала графиня, оскорбленная в лучших чувствах. – И каким образом, собственно говоря, могла бы я с ним познакомиться?
- Теперь я вижу, что вам наплевать на свои земли, графиня.
- То есть почему же?
- Потому, что вы презираете Замора.
- Да при чем тут Замор?
- Он может помочь вам выиграть процесс, только и всего.
- Чтобы этот мозамбиканец помог мне выиграть процесс? Каким образом, скажите на милость?
- Он возьмет да и скажет своей хозяйке, что ему хочется, чтобы вы выиграли. Это называется – влиятельность... Он веревки вьет из своей госпожи, а она может чего угодно добиться от короля.
- Так значит, Францией управляет Замор?
- Хм... Замор очень влиятелен, – качая головой, заметил г-н де Монеу,
- и я предпочел бы скорее поссориться с эрцгерцогиней, например, чем с ним.
- Господи Иисусе! – вскричала г-жа де Беарн. – Как вы можете так говорить, ваше высокопревосходительство?
- Ах, Боже мой! Да вам это кто угодно может повторить. Спросите у герцогов и пэров, и они вам скажет, что, отправляясь в Марли или Люсьенн, они никогда не забывают захватить ни конфет, ни жемчуга в подарок Замору. А я, без пяти минут канцлер Франции, чем занимался, когда вы прибыли, как вы думаете? Я для него готовил приказ о назначении на должность дворцового королевской резиденции.
- Дворцового?

- Да. Господин де Замор назначен дворецким замка Люсьенн.
- Такого же назначения его сиятельство де Беарн был удостоен после двадцати лет безупречной службы!
- Да, да, совершенно верно, он был назначен дворецким замка Блуа, я хорошо помню.
- Какой упадок. Боже мой! – запричитала старая графиня. – Значит, монархия погибает?
- По крайней мере, графиня, она переживает кризис, и вот, воспользовавшись минутой, каждый пытается урвать себе кусок, как у постели смертельно больного перед его кончиной.
- Понимаю, понимаю. Так ведь надо еще суметь найти подход к больному.
- Знаете, что вам необходимо сделать, чтобы графиня Дю Барри приняла вас с благосклонностью?
- Что?
- Было бы хорошо, если бы вам довелось передать ей указ о назначении ее негра... Прекрасный повод для того, чтобы быть ей представленной!
- Вы так полагаете, монсеньер? – спросила потрясенная графиня.
- Я в этом убежден. Впрочем...
- Впрочем?... – переспросила г-жа де Беарн.
- Вы не знаете никого из ее приближенных?
- А разве вы не из их числа, монсеньер?
- Я?
- Ну да!
- Я не смог бы взять этого на себя.
- Значит, судьба ко мне неблагоприятна! – воскликнула бедная старуха, совершенно потерявшись от всех этих переходов. – Вот вы теперь, ваше высокопревосходительство, принимаете меня так, как никто никогда меня не принимал, в то время, как я и не надеялась вас увидеть.
- Мало этого, я не только готова просить покровительства у графини Дю Барри – я, урожденная Беарн! – я даже готова ради ее удовольствия стать рассыльной ее мерзкого негрита, которого я не удостоила бы и пинком в зад, если бы встретила его на улице. А теперь оказывается, что я даже не могу быть допущена к этому маленькому монстру... Господин де Монеу опять стал потирать подбородок; казалось, он что-то обдумывает. В эту минуту появился лакей и доложил:
- Господин виконт Жан Дю Барри! Канцлер в изумлении всплеснул руками, а графиня как подкошенная рухнула в кресло в полном оцепенении.
- Попробуйте после этого сказать, сударыня, что судьба к вам неблагоприятна! – вскричал канцлер. – Ах, графиня, графиня! Напротив, Бог – за вас.
- Повернувшись к лакею и не давая бедной старухе опомниться от изумления, он приказал:
- Просите!
- Лакей вышел и спустя мгновение вернулся вместе с уже знакомым нам Жаном Дю Барри; виконт держал руку на перевязи.
- После официальных приветствий растерянная графиня попыталась подняться с тем, чтобы удалиться. Канцлер едва заметно кивнул ей в знак того, что аудиенция окончена.
- Прошу прощения, монсеньер, – заговорил виконт, – простите, графиня, я вам помешал. Не уходите, графиня, прошу вас, если его высокопревосходительство ничего не имеет против. Я займу его всего на несколько минут.
- Графиня не заставила себя упрашивать и вновь опустилась в кресло; сердце ее забилося от радостного нетерпения.
- Я вам не помешаю? – прошептала графиня.
- Да что вы! Мне необходимо сказать несколько слов его высокопревосходительству. Я отниму не больше десяти минут его драгоценного времени. Мне нужно только подать жалобу.
- Какую жалобу? – спросил канцлер.
- Меня чуть не убили, ваше высокопревосходительство. Вы, надеюсь, понимаете, что я не могу этого так осия-вить. Нас поносят, высмеивают, смешивают с грязью – это еще можно снести. Но когда нам пытаются перерезать глотку – черта с два я стану это терпеть!
- Объясните, сударь, что произошло, – обратился к нему канцлер, изобразив на лице ужас.

– Сию минуту! Однако я помешал ее сиятельству...

– Позвольте представить: графиня де Беарн, – проговорил канцлер.

Дю Барри отступил на шаг и поклонился, графиня сделала реверанс; оба стали рассыпаться и любезностях, словно были на дворцовой церемонии.

– Говорите, господин виконт, я подожду, – сказала она.

– Ваше сиятельство! Мне не хотелось бы показаться неучтивым.

– Говорите, сударь, говорите: мне спешить некуда, мой вопрос – денежный, а у вас – дело чести, значит, вам и начинать.

– Пожалуй, я воспользуюсь вашим любезным предложением.

И он стал излагать свое дело канцлеру, который важно его выслушал.

– Вам потребуются свидетели, – сказал г-н де Монеу после минутного молчания.

– Ах! В этом весь вы – неподкупный судия, для которого не существует ничего, кроме правды... – заметил Дю Барри. – Отлично! Свидетели будут...

– Ваше высокопревосходительство! – вмешалась графиня. – Один свидетель уже есть.

– Кто это? – в один голос воскликнули виконт и г-н де Монеу.

– Я, – отвечала графиня.

– Вы? – удивленно переспросил канцлер.

– Да. Это произошло в деревне Ла Шоссе, не так ли?

– Да, графиня.

– На почтовой станции, верно?

– Да, да.

– Ну, так я готова быть вашим свидетелем. Дело в том, что я там проезжала через два часа после того, как было совершено нападение.

– Неужели это правда, графиня? – спросил канцлер.

– Ах, как вы меня обрадовали! – сказал виконт.

– Это событие наделало столько шума, – продолжала графиня, – что все жители только о кем и говорили.

– Берегитесь! – воскликнул виконт. – Берегитесь, потому что если вы возьметесь помогать мне в этом деле, то вполне вероятно, что Шуазели найдут способ заставить вас раскаться.

– Это будет для них тем проще, – заметил канцлер, – что у ее сиятельства в настоящее время процесс, который вряд ли можно надеяться выиграть.

– Ваше высокопревосходительство! – вскричала старая графиня, поднося руку ко лбу. – Я чувствую, что попала из огня да в полымя!

– Положитесь на господина виконта, – шепнул ей канцлер, – он готов протянуть вам руку помощи.. – Но только одну руку, – кокетливо проговорил Дю Барри. – Однако мне известно, кто мог бы предложить вам обе руки, щедрые и длинные, и кто, к тому же, готов это сделать.

– Ах, господин виконт, – вскричала почтенная дама, – неужели вы не шутите?

– Я говорю совершенно серьезно! Услуга за услугу, графиня: я принимаю вашу, а вы – мою. Уговорились?

– Вы спрашиваете, могу ли я принять от вас услугу!.. О, за что мне такое счастье!..

– Прекрасно! Я сейчас еду к сестре, прошу вас пожаловать в мою карету.

– Как же я поеду: без повода и так неожиданно? Я не смею...

– У вас есть повод, графиня, – сказал канцлер, вложив в руку графине указ о назначении За-мора.

– Господин канцлер! – вскричала графиня. – Вы – мой ангел-хранитель. Господин виконт! Вы – цвет французской нации!

– К вашим услугам, – проговорил виконт, пропуская вперед графиню, выпорхнувшую из кабинета, словно птичка.

– Благодарю вас от имени сестры, – едва слышно проговорил Жан Дю Барри, обернувшись к г-ну де Монеу. – Благодарю вас, кузен. Ну как, неплохо я справился со своей ролью, а?

– Превосходно! – отвечал Монеу. – Прошу там рассказать, как я сыграл свою. Должен вас предупредить, что старуха непроста.

В эту минуту графиня обернулась.

Оба собеседника склонили головы в прощальном поклоне.

У подъезда ждала великолепная королевская карета с лакеями на запятках. Чванная графиня уселась, Жан взмахом руки приказал трогать, и карета покатилась.

* * *

После того, как король вышел от графини Дю Барри, она некоторое время с угрюмым видом принимала придворных и наконец осталась наедине с Шон. Затем к ним присоединился ее брат, но только после того, как врач осмотрел его рану – она оказалась неопасной.

После семейного совета графиня, вместо того чтобы отправиться в Люсьенн, как она обещала королю, уехала в Париж. У графини был на улице Валуа небольшой особнячок, служивший пристанищем членам ее клана, постоянно сновавшим туда-сюда, как того требовали неотложные дела или частые развлечения.

Приехав домой, графиня взяла книгу и стала ждать.

А в это время виконт раскидывал сети.

Пока фаворитка ехала через весь Париж, она не могла удержаться от того, чтобы время от времени не выглянуть из окна кареты. Это одна из повадок хорошеньких женщин – показываться на глаза, потому что они, вероятно, чувствуют, как приятно ими любоваться. Итак, графиня время от времени показывалась в окне кареты, и скоро слух о ее прибытии разнесся по всему Парижу. От двух до шести часов пополудни она уже успела принять человек двадцать. Для бедняжки графини эти визиты были подарком судьбы, потому что она умерла бы со скуки, останься она хоть ненадолго в одиночестве. Благодаря этому развлечению она провела время, злословя, отдавая приказания и кокетничая.

Часы на главной башне показывали половину восьмого, когда виконт проезжал мимо церкви св. Евстафии, направляясь вместе с графиней де Беарн к своей сестре.

Сидя в карете, графиня выразила сомнение: прилично ли ей будет появиться у Дю Барри.

Виконт покровительственно и вместе с тем с достоинством отвечал, что знакомство с графиней Дю Барри – редкая удача, сулящая графине де Беарн неисчислимые блага.

Графиня де Беарн без устали превозносила обходительность и приветливость вице-канцлера.

Лошади бежали резво, и около восьми карета подкатила к особняку графини.

– Разрешите мне, графиня, предупредить графиню Дю Барри о радости, которая ее ожидает, – обратился виконт к старой даме, останавливаясь в приемной.

– Ах, мне так неловко ее беспокоить! Жан подошел к Замору, поджидавшему виконта у окна, и едва слышно отдал ему приказание.

– Какой очаровательный негритенок! – воскликнула графиня. – Это лакей графини Дю Барри?

– Да, это один из ее любимцев, – отвечал виконт.

– Какая прелесть!

В ту же минуту двери распахнулись, и лакей пригласил графиню де Беарн в просторную гостиную, где Дю Барри обыкновенно принимала посетителей.

Пока старуха пожирала завистливыми глазами гостиную, обставленную с изысканной роскошью, Жан Дю Барри поспешил к сестре.

– Это она? – спросила графиня.

– Она самая.

– Она ни о чем не догадывается?

– Нет.

– А что Монеу?

– С ним все обстоит благополучно. Пока все складывается успешно, моя дорогая.

– Нам не следует предоставлять ее самой себе, а то как бы она не почуяла недоброе!

– Вы правы: она производит впечатление хитрой бестии. Где Шон?

– Вы же знаете: в Версале.

– Главное, чтобы она сюда и носу не показывала.

– Я ее об этом предупредила.

– Хорошо. Вам пора, ваше сиятельство!

Графиня Дю Барри распахнула дверь будуара и вышла в гостиную.

Обе дамы, будучи прекрасными актрисами, раскланялись по всем правилам этикета того времени, обе из всех сил старались произвести самое выгодное впечатление.

Первой заговорила графиня Дю Барри:

– Я уже поблагодарила брата за удовольствие, которое он мне доставил, пригласив вас ко мне. Теперь я хотела бы и вам выразить признательность за оказанную мне честь.

– А я не нахожу слов, чтобы высказать свое восхищение вашим радушным приемом, – отвечала очарованная старуха.

– Графиня! Это мой долг по отношению к столь знатной даме, – склонившись в почтительном реверансе, продолжала Дю Барри, – я буду рада, если смогу чем-либо быть вам полезной.

После реверансов графиня Дю Барри указала де Беарн на кресло, а сама села напротив.

Глава 31. НАЗНАЧЕНИЕ ЗАМОРА

– Я вас слушаю, – обратилась фаворитка к графине – Позвольте мне вмешаться, сестра, – говорил Жан, продолжавший стоять, – должен предупредить вас, что графиня и не думала являться к вам как просительница. Дело в том, что господин канцлер прислал ее к вам с поручением Де Беарн бросила на Жана благодарный взгляд и протянула графине приказ за подписью вице-канцлера, в котором говорилось, что Люсьенн отныне становится королевским замком, а Замор назначается его дворецким.

– Так я ваша должница! – воскликнула графиня, заглянув в бумагу. – Почту за счастье, если, в свою очередь, смогу оказать вам услугу...

– Это нетрудно, графиня! – вскричала старуха с непосредственностью, которая привела в восторг обоих заговорщиков.

– Что же я могу для вас сделать?

– Раз уж вы говорите, графиня, что мое имя вам известно...

– Ну еще бы, урожденная Беарн!

– Так вы, должно быть, слышали о готовящемся процессе, который может пустить меня по миру.

– У вас, кажется, тяжба с Салюсами?

– Увы, да, графиня.

– Я слыхала об этом деле, – подтвердила графиня. – Его величество разговаривал о нем вчера вечером с моим кузеном, господином де Монеу.

– Сам король говорил о моем деле? – вскричала старуха.

– Да, сударыня.

– Что же именно он сказал?

– Увы, мне очень жаль, графиня! – воскликнула Дю Барри, покачав головой.

– Он сказал, что мое дело проигрышное, не так ли? – упавшим голосом спросила старая су-
тяга.

– Откровенно говоря, боюсь, что да.

– Его величество так и сказал?

– Его величество прямо этого не высказал – король осторожен и деликатен. Его величество дал понять, что считает эти земли принадлежащими Салюсам.

– Боже, Боже! Если бы его величество знал все обстоятельства этого дела, если бы он знал, что дело должно быть прекращено за выплатой долгового обязательства!.. Да, оно выплачено: в счет уплаты долга было внесено двести тысяч франков. Правда, у меня нет расписок, но я имею моральное право... Если бы я могла сама защищать свое дело в парламенте, я представила бы косвенные доказательства...

– Косвенные доказательства? – переспросила графиня, ни слова не понимавшая из того, о

чем говорила де Беарн, однако слушавшая ее с самым серьезным видом.

– Да, графиня, косвенные доказательства.

– Косвенные доказательства принимаются судом во внимание, – заметил Жан.

– Вы знаете это наверное, господин виконт? – вскричала старуха.

– Да, – с важным видом отвечал виконт. – Ну что ж, с помощью косвенных доказательств я убедила бы суд, что долговое обязательство на двести тысяч ливров – а на сегодня эта сумма с учетом процентов составляет миллион – было погашено. Обязательство да тируется тысяча четырехсотым годом и было предъявлено к оплате Ги Гастону Четвертому, графу де Беарн, а к четыреста семнадцатому году вся сумма была полностью выплачена. Сохранилось написанное им собственноручно завещание, в котором говорится: «На смертном одре клянусь, что никому ничего не должен и готов предстать перед лицом Божиим...»

– Ну и что же? – спросила графиня.

– Как что? Вы понимаете, что если он никому ничего не должен, значит, он расплатился и с Салюсами. В противном случае он сказал бы: «Я остаюсь должен двести тысяч ливров» вместо «Я никому ничего не должен».

– Несомненно, он так бы и сказал, – согласился Жан.

– А у вас нет других доказательств?

– Кроме честного слова Гастона Четвертого – нет, графиня. Однако следует помнить, что его называли Гастоном Безупречным!

– А у ваших противников имеется на руках долговое обязательство?

– Да, именно это обстоятельство сбивает следствие. Ей следовало бы сказать, что это обстоятельство проясняет дело. Но у де Беарн был свой взгляд на вещи.

– Итак, сударыня, вы убеждены, что ничего не должны Салюсам? – спросил Жан.

– Да, господин виконт, – с жаром отвечала де Беарн, – я убеждена в своей правоте.

– Знаете, что я вам скажу, Жан, – убежденно заговорила Дю Барри, обратившись к своему брату, – это косвенное доказательство, о котором говорит графиня де Беарн, совершенно меняет дело.

– Да, да, – согласился Жан.

– И не в пользу моих противников, – подхватила старая сутяга. – Выражения, в которых составлено завещание Гастона Четвертого, вполне недвусмысленны: «Я никому ничего не должен».

– Это не только очевидно, но и вполне логично, – заметил Жан. – Он расплатился со всеми долгами, следовательно, никому ничего не должен.

– Итак, он никому ничего не должен, – повторила Дю Барри.

– Ах, почему мой судья – не вы! – вскричала старая графиня.

– В былые времена в подобных случаях не стали бы прибегать к помощи трибуналов, а Божий суд мгновенно разрешил бы это дело. Для меня, например, правота графини де Беарн настолько очевидна, что в случае, если бы суд захотел узнать мое мнение, клянусь, я встал бы на вашу сторону, – Благодарю вас!

– Я поступил бы так же, как мой предок, Дю Барри-Моор, имевший честь принять сторону королевской семьи – Стюартов, когда она боролась против юной и очаровательной Эдит де Скарборо. Дю Барри взял своего противника за горло и вырвал у него признание в том, что тот солгал. К несчастью, – продолжал виконт со вздохом сожаления, – сейчас другое время: отстаивая свои права, дворянин вынужден обращаться за помощью к крюкотворам, неспособным понять такие ясные слова: «Я никому ничего не должен».

– Послушайте, брат! Эти слова были написаны триста лет тому назад, – перебила его сестра, – необходимо принять во внимание то, что суд называет, если не ошибаюсь, сроком давности.

– Это не имеет значения, – возразил Жан, – я убежден, что если бы его величество слышал доводы графини де Беарн, которые она нам только что привела...

– Мне удалось бы его убедить, не так ли? Я в этом совершенно уверена!

– Я тоже.

– Да, но что предпринять, чтобы он меня выслушал?

– Для этого достаточно было бы, чтобы вы как-нибудь заехали ко мне в Люсьенн – его вели-

чество довольно часто оказывает мне честь своими посещениями...

– Вы правы, дорогая графиня, но ведь это дело случая.

– Виконт! – с очаровательной улыбкой заметила его сестра. – Вы ведь знаете, что я верю в случай. И у меня нет оснований в этом раскаиваться.

– Однако по воле случая может статься, что и неделю, и две, и три ваше сиятельство не увидит его величества.

– Да, вы правы.

– Вот видите! А дело графини де Беарн слушается в понедельник или во вторник.

– Во вторник.

– А сегодня пятница.

– Ну, в таком случае, – с притворным отчаянием воскликнула Дю Барри,

– не стоит на это рассчитывать.

– Что же делать? – проговорил виконт; казалось, он глубоко задумался.

– Ах, черт побери!

– Может, мне попросить аудиенции в Версале? – робко спросила де Беарн.

– Вы ее не получите.

– Даже с вашей помощью, графиня?

– Моя помощь здесь ни при чем. Его величество терпеть не может заниматься делами; кроме того, сейчас он всецело поглощен одним.

– Вероятно, вы имеете в виду парламентский заговор? – спросила де Беарн.

– Нет, король озабочен моим представлением ко двору.

– Ах, да!.. – проговорила старая сутяга.

– Вы, должно быть, слышали, что несмотря на сопротивление господина де Шуазеля, вопреки интригам господина де Праслена и госпожи де Граммон, король решил, что я должна быть представлена.

– Нет, графиня, я об этом не слыхала, – отвечала старуха.

– Да, это дело уже решенное, – подтвердил Жан.

– А когда состоится ваше представление?

– В самое ближайшее время, – сказала графиня.

– Видите ли, король хочет, чтобы представление состоялось до прибытия ее высочества, – прибавил Жан, – чтобы моя сестра могла принять участие в празднованиях в Компьене.

– А, теперь я понимаю! Так ваше сиятельство рассчитывает на то, что будете представлены? – робко спросила старая графиня.

– О, Господи, ну разумеется! Баронесса д'Алони.. Вы знакомы с баронессой д'Алони?

– Нет, увы, теперь я уж никого не знаю я лет двадцать не была при дворе.

– Ах, вот что!.. Баронесса д'Алони будет поручительницей. За это король осыпает милостями дорогую баронессу: ее супруг получил звание камергера, сын переведен в гвардию и в ближайшее время станет лейтенантом, поместье стало графством, городские акции обменены на боны королевской казны, а в день представления она получит двадцать тысяч экю наличными. Вот почему она тоже нас торопит.

– Ах, теперь мне все понятно! – заметила де Беарн с любезной улыбкой.

– Я было подумал... – заговорил Жан.

– О чем? – спросила Дю Барри.

– Какая досада! – подскочив в кресле, продолжал он. – Как жаль, что я не встретил графиню де Беарн у нашего кузена вице-канцлера хотя бы на неделю раньше!

– Почему?

– Да потому, что в то время мы еще не были связаны словом с баронессой д'Алони.

– Дорогой мой! – заметила графиня Дю Барри. – Вы говорите загадками, я вас не понимаю.

– Не понимаете?

– Нет.

– Могу поспорить, что графиня де Беарн меня понимает.

– Простите, но...

– Еще неделю назад у вас, графиня, не было поручительницы, не так ли?

– Вы правы.

– Так вот, графиня де Беарн... Может быть, мне не следует продолжать?

– Отчего же нет? Говорите!

– Графиня де Беарн могла бы стать вашей поручительницей, и милости, которыми король осыпает госпожу д'Алони, достались бы графине де Беарн.

Старуха вытаращила глаза.

– Увы... – пролепетала она.

– Ах, если бы вы только знали, – продолжал Жан, – как король был бы вам признателен за эту услугу! И вам не пришлось бы ни о чем его просить – он сам предупреждал бы ваши желания. Как только ему сообщили, что баронесса д'Алони вызвалась быть поручительницей Жанны, он воскликнул: «В добрый час! Я устал от всех этих мерзавок, которые, кажется, важничают больше, чем я сам. Расскажите мне об этой даме, графиня: нет ли у нее каких-нибудь тяжб, недоимок, долгов?...»

Старая графиня потеряла дар речи.

– «Правда, меня огорчает одно обстоятельство...» – прибавил король.

– Какое?

– Одно-единственное. «Я бы желал, – сказал король, – чтобы поручительница графини Дю Барри носила громкое имя». При этих словах его величество бросил взгляд на портрет Карла Первого кисти Ван-Дейка.

– Понимаю, – сказала старая сутяга, – его величество имел в виду, что Дю Барри были связаны со Стюартами, о чем вы уже упомянули.

– Совершенно верно.

– Должна признаться, – заметила г-жа де Беарн с непередаваемым выражением, – что имя д'Алони мне ничего не говорит, я даже никогда его не слышала.

– Однако это довольно известное имя, – вмешалась графиня Дю Барри, – представители этого семейства отличились на королевской службе.

– Ах, Боже мой! – вскричал Жан, подскочив в кресле.

– Что с вами? – поинтересовалась Дю Барри, изо всех сил сдерживая смех при виде кривляний своего деверя.

– Вы не укололись? – заботливо спросила старая сутяга.

– Нет, – отвечал Жан, осторожно усаживаясь на место. – Просто мне пришла в голову одна мысль...

– Ну и мысль! – со смехом воскликнула графиня. – Она вас едва не свалила с ног.

– Хорошая, должно быть, мысль! – заметила графиня де Беарн.

– Превосходная!

– Так поделитесь ею с нами!

– У нее, правда, есть недостаток.

– Какой же?

– Она неисполнима.

– Ничего, продолжайте.

– По правде говоря, я боюсь, что вызову чьи-нибудь сожаления.

– Ничего, виконт, говорите.

– Я подумал, что если вы передадите госпоже д'Алони замечание короля, которое он сделал, глядя на портрет Карла Первого...

– Это было бы невежливо.

– Да, верно.

– Не будем больше об этом говорить. Старая графиня горестно вздохнула.

– Как жаль! – продолжал виконт, словно говоря сам с собою. – У графини де Беарн громкое имя, она – женщина умная. Вот если бы она вызвалась стать поручительницей вместо госпожи д'Алони! Она бы выиграла свою тяжбу, господин де Беарн-младший получил бы чин лейтенанта, а так как графиня вынуждена много путешествовать из-за своего процесса, в возмещение дорожных

издержек она еще получила бы кругленькую сумму. Да, не всем в жизни выпадает такая удача.

– Увы, нет! Увы... – вымолвила подавленная графиня де Беарн, не ожидавшая такого удара.

Надо признать, что любой человек в ее положении сказал бы то же самое; кто угодно почувствовал бы себя раздавленным, окажись он на ее месте!

– Видите, брат, – произнесла графиня Дю Барри с выражением глубокого сострадания, – как вы огорчили графиню де Беарн. Довольно и того, что я ничего не смогу. Для нее попросить у короля, по крайней мере раньше, чем буду представлена ко двору.

– Ах, если бы можно было перенести мой процесс!

– Да, всего на неделю, – прибавила Дю Барри.

– Да, хотя бы на неделю, – повторила де Беарн, – а через неделю уже состоялось бы ваше представление...

– Да, но ведь через неделю король будет в Компьене на празднованиях по случаю прибытия ее высочества!

– Да, верно, верно, – подтвердил Жан, – впрочем...

– Что?

– Кажется, у меня появилась еще одна мысль.

– Какая, сударь, какая? – вскричала старуха.

– Мне кажется..., да..., нет..., да, да, да! Графиня Де Беарн с озабоченным видом следила за Жаном.

– Вы сказали «да», господин виконт, – проговорила она.

– Мне кажется, я нашел выход.

– Говорите скорее!

– Вот послушайте.

– Мы ждем с нетерпением.

– О вашем представлении, графиня, еще не было объявлено, не так ли? Никто ведь не знает, что вы нашли поручительницу?

– Совершенно верно: король хочет, чтобы это событие оказалось для всех полной неожиданностью.

– Ну, тогда, пожалуй, выход действительно найден.

– Неужели правда, господин виконт? – спросила г-жа де Беарн.

– Да, выход найден, – повторил Жан. Дамы слушали его, затаив дыхание и не сводя с него глаз. Жан придвинулся к ним вместе с креслом.

– Графиня де Беарн не знала, как и другие, о предстоящем представлении и о том, что вы уже нашли поручительницу, не правда ли?

– Откуда же я могла об этом узнать? Если бы вы мне этого не сказали...

– Допустим, что вы нас не видели и по-прежнему ничего не знаете. Попросите у короля аудиенцию.

– Ее сиятельство уверяет, что король меня не примет.

– Попросите у короля аудиенцию и изъясните готовность быть поручительницей графини. Все должно выглядеть так, будто вы не знаете, что поручительница уже есть. Итак, вы попросите аудиенции и выразите желание быть поручительницей моей сестры. Его величество будет тронут вашим предложением, исходящим от дамы столь знатной, как вы. Его величество вас примет, поблагодарит, спросит, чем может быть вам полезен. Вы упомянете о процессе, изложите косвенные доказательства. Его величество все поймет, и вы выиграете процесс, который сейчас вам представляется безнадежным.

Дю Барри не сводила горящего взора со старой графини. Та, вероятно, почуяла западню.

– Да что вы! – с живостью воскликнула она. – Чтобы меня, несчастную, стал слушать король?!

– Я думаю, что при сложившихся обстоятельствах вам достаточно будет проявить благожелательность, – заметил Жан.

– Если речь идет только о доброжелательстве... – с сомнением в голосе прошептала старая графиня.

- Это неплохая мысль, – с улыбкой заметила г-жа Дю Барри. – Впрочем, вполне вероятно, что даже ради благополучного исхода своего процесса графиня не пожелает участвовать в обмане?
- В обмане? – переспросил Жан. – А кто об этом узнает, позвольте вас спросить?
- Графиня права, – заметила старуха в надежде вывернуться с помощью уловки, – я предпочла бы оказать графине настоящую услугу, чтобы заручиться ее дружбой.
- Да, да, конечно, – сказала графиня Дю Барри в высшей степени любезно, однако с оттенком легкой иронии, что не укрылось от внимания де Беарн.
- Ну что же, в таком случае есть еще один способ выйти из этого нелегкого положения.
- Еще один способ?
- Да.
- Способ оказать настоящую услугу?
- Ах, виконт! – воскликнула г-жа Дю Барри. – Будьте осторожны: вы становитесь поэтом. Даже у Бомарше не было такого богатого воображения, как у вас.
- Старая графиня с беспокойством ждала, что скажет Жан.
- Шутки в сторону! – проговорил он. – Сестричка! Вы ведь связаны с госпожой д'Алони нежной дружбой, не правда ли?
- Ну еще бы! И вам это хорошо известно.
- А она обиделась бы, если бы ей почему-либо не пришлось быть вашей поручительницей?
- Думаю, что да.
- Разумеется, речь не идет о том, чтобы вы без околичностей передали ей слова короля, то есть что она недостаточно знатного рода для подобного поручения. Вы же умница, вы найдете, что ей сказать.
- А дальше?
- Она уступит графине де Беарн честь оказать вам эту услугу, а заодно и возможность разбогатеть.
- Старуха перепугалась. Началось открытое наступление. Увильнуть от ответа не было возможности.
- Впрочем, она все-таки сделала попытку отговориться.
- Мне не хотелось бы причинять этой даме неприятность, – заметила она, – между порядочными людьми так не делается.
- Дю Барри сделала нетерпеливое движение, брат жестом успокоил ее.
- Прошу вас принять во внимание, графиня, что я ничего вам не предлагаю. У вас на руках тяжба – это со всеми может случиться; вы желаете ее выиграть – это вполне понятно. Она представляется безнадежной
- это вас огорчает; вы встречаете меня, я проникаюсь к вам симпатией, проявляю участие в вашем деле, никак меня не касающемся. Я ищу способ повернуть дело к лучшему, тогда как оно на три четверти проиграно... Простите, я был неправ, не будем больше об этом говорить.
- Жан поднялся.
- Сударь! – в тоске вскричала старуха; сердце ей подсказывало, что если до сих пор графиня Дю Барри и виконт были равнодушны к ее тяжбе, то с этой минуты они готовы были стать ее врагами. – Напротив: я вам очень признательна за вашу доброту, я просто в восхищении от ваших предложений!
- Надеюсь, вы понимаете, – продолжал Жан с наигранным равнодушием, – что моей сестре все равно, кто будет ее поручительницей: госпожа д'Алони, госпожа де Поластрон или графиня де Беарн!
- Я в этом не сомневаюсь.
- Должен признаться, что мне просто было жаль, что милости короля достанутся какой-нибудь злоке, которая из корыстных соображений будет вынуждена отступить перед нашим могуществом, поняв, что нас невозможно одолеть.
- Да, вероятно, так могло бы случиться, – согласилась де Беарн.
- Вас мы ни о чем не просили, мы с вами почти незнакомы, и вы готовы предложить свои услуги от чистого сердца. Вот почему мне представляется, что вы более других достойны восполь-

зоваться всеми преимуществами этого положения.

Старая сутяга, вероятно, нашла бы, что возразить против благожелательности, которую виконт любезно ей приписал, но Дю Барри не дала ей времени на размышление.

– Дело в том, – сказала она, – что этот ваш поступок обрадовал бы короля и король исполнил бы любое желание того, кто ему предложил бы свои услуги.

– Как? Вы говорите, что король исполнил бы любое мое желание?

– Вернее, он предупреждал бы эти желания; то есть вы услышали бы, как он говорит вице-канцлеру: «Я хочу, чтобы графине де Беарн ни в чем не было отказа, вы меня поняли, господин де Монеу?» Впрочем, мне кажется, графине де Беарн не нравится такой способ действий? Ну что?

– Да – с поклоном прибавил виконт. – Надеюсь, ваше сиятельство не рассердится на меня за то, что я хотел быть ей полезным?

– Я тронута до глубины Души, сударь! – вскричала старуха.

– Не стоит благодарности, – любезно отвечал виконт.

– Но. – продолжала старая графиня – Вы что-то хотели сказать?

– Но я не думаю, чтобы госпожа д'Алони так просто уступила мне свое право, – заметила старая сутяга.

– Мы возвращаемся к тому, о чем говорили в самом начале, главное, чтобы графиня де Беарн предложила свои услуги, и в признательности его величества она может быть уверена независимо ни от чего.

– Однако предположим, что госпожа д'Алони согласится уступить, – продолжала старая графиня, предполагая худшее; она стремилась к тому, чтобы ей все было ясно до мельчайших подробностей, – нельзя же подставлять ножку благородной даме!

– Король бесконечно добр ко мне, – заявила фаворитка – А какая неприятность ожидает Салюсов! – вскричал Дю Барри. – Я бы этого не вынес, окажись я на их месте.

– Если бы я вам предложила свои услуги, графиня, – продолжала старуха со все возраставшей решимостью, подогреваемой личными интересами, и в то же время словно не замечая комедии, которую затеяли Дю Барри. – Я не совсем понимаю, как бы я могла выиграть тяжбу; ведь сегодня все предрекают мне поражение, как же завтра я могу надеяться на удачу?

– Королю стоит только захотеть, и все будет сделано! – отвечал виконт, торопясь рассеять это новое сомнение.

– А вы знаете, виконт, графиня права, – заметила фаворитка, – и я с ней согласна.

– Что вы сказали? – вытаращив глаза, спросил виконт.

– Я говорю, что для дамы, носящей такое имя, как у графини, было бы достаточно, чтобы процесс шел так, как ему должно идти. Правда, ничто не может ни противостоять волеизъявлению короля, ни остановить его щедрость... А что если бы король, не желая вмешиваться в ход судебного разбирательства – приняв во внимание, что в настоящую минуту его отношения с Парламентом осложнены, – предложил бы вам, графиня, компенсацию?

– Приличную сумму! – поспешил прибавить виконт. – Да, сестричка, по-моему, вы правы.

– Увы! – жалостливо проговорила старая любительница процессов. – Как можно возместить убытки от процесса, в результате которого я потеряю двести тысяч ливров?

– Прежде всего, – отвечала Дю Барри, – вы можете рассчитывать на истинно королевский дар, например, в сто тысяч ливров. Каково?

Заговорщики окинули жадными взглядами свою жертву.

– У меня есть сын, – проговорила она.

– Прекрасно! Вот еще один слуга, преданный королю и отечеству!

– Так вы полагаете, графиня, что можно что-нибудь сделать для моего сына?

– Я могу за это поручиться, – вмешался Жан, – самое меньшее, на что он может рассчитывать, – это на чин лейтенанта королевской охраны.

– Может быть, у вас есть другие родственники? – спросила фаворитка.

– У меня есть племянник.

– Ну что же, придумаем что-нибудь и для племянника, – пообещал виконт.

– Мы поручим вам это дело, виконт, ведь вы только что доказали, что преисполнены благих

намерений, – со смехом проговорила фаворитка.

– Если бы король все это сделал для вас, графиня, – спросил виконт, следуя наставлению Горация и решительно устремляясь к развязке, – то как вы полагаете: достаточно ли этого было бы для вас?

– Я полагаю, что это было бы более, чем щедро, и я от всего сердца благодарю графиню, ведь я же уверена, что именно ей я обязана этой милостью.

– Таким образом, наш разговор для вас не шутка? – спросила фаворитка.

– Нет, графиня, я отношусь к нему как нельзя более серьезно, – отвечала старуха, побледнев от волнения.

– Вы позволите мне поговорить о вас с его величеством?

– Сделайте одолжение! – со вздохом отвечала старая сутяга.

– Я буду говорить с королем не позднее сегодняшнего вечера, – поднимаясь, объявила фаворитка. – А теперь, графиня, позвольте мне надеяться, что мы с вами друзья.

– Благодарю вас, графиня, для меня это большая честь, – отвечала старуха, приседая, – я до сих пор не могу поверить, что это не сон.

– Итак, подведем итоги, – предложил Жан, любивший в денежных вопросах точность, – сто тысяч ливров в возмещение дорожных расходов, судебных издержек, вознаграждения адвокатов и так далее...

– Да, сударь.

– Чин лейтенанта для молодого графа...

– Это послужило бы началом прекрасной карьеры!

– И что-нибудь для племянника.

– Да, какую-нибудь безделицу.

– Мы что-нибудь придумаем, я обещал. Уж это мое дело.

– Когда я буду иметь честь вновь увидеть ваше сиятельство? – обратилась старая графиня к Дю Барри.

– Завтра утром моя карета будет ждать у ваших дверей. Я приглашаю вас к себе в Люсьенн, где вы увидите с королем. Завтра в десять утра я выполню свое обещание. Его величество будет обо всем предупрежден, и вам не придется ждать.

– Позвольте вас проводить, – предложил Жан, подавая графине де Беарн руку, – Не беспокойтесь, сударь, – отвечала старая дама, – оставайтесь здесь, прошу вас. Жан продолжал настаивать:

– Позвольте проводить вас хотя бы до лестницы.

– Ну, если это доставит вам удовольствие... Она оперлась на руку виконта.

– Замор! – позвала графиня. В дверях появился негртенек.

– Пошли кого-нибудь посветить ее сиятельству до подъезда и прикажи подать карету моего брата. Замор бросился исполнять поручение.

– Вы слишком добры ко мне, – проговорила де Беарн.

Дамы раскланялись.

На лестнице виконт Жан распрощался с г-жой де Беарн и вернулся к сестре, а старая сутяга стала важно спускаться по ступенькам парадной лестницы.

Замор открывал процессию, за ним шагали два лакея с факелами, следом за ними выступала де Беарн, а позади всех третий лакей нес ее коротковатый шлейф.

Брат и сестра провожали взглядами из окна гостиной Дорогую поручительницу, которую они так старательно искали и с таким трудом нашли.

В ту самую минуту, как де Беарн спустилась с крыльца, во двор въехала почтовая карета и в окне показалась молодая женщина.

– А, госпожа Шон! – вскричал Замор, растянув в широкой улыбке свои толстые губы. – Добрый вечер, госпожа Шон!

Графиня де Беарн подняла ногу да так и застыла: во вновь прибывшей даме она узнала мнимую дочь Флажо.

Дю Барри поспешно отворил окно и стал делать сестре знаки, но она его не замечала.

– Не у вас ли этот дурачок Жильбер? – обратилась Шон к одному из лакеев, не замечая графиню де Беарн.

– Нет, сударыня, – отвечал лакей, – его никто не видел.

Подняв глаза, она наконец заметила, что Жан подает ей знаки.

Она проследила взглядом за его рукой и увидела графиню де Беарн.

Шон сейчас же ее узнала, вскрикнула, нагнула голову и быстрым шагом направилась к дому.

Старуха притворилась, что ничего не заметила, села в карету и приказала кучеру трогать.

Глава 32. КОРОЛЬ СКУЧАЕТ

Как король и обещал, он уехал в Марли, однако около трех часов пополудни он приказал отвезти его в Люсьенн.

Должно быть, он предполагал, что, получив его записку, графиня Дю Барри поспешит покинуть Версаль и будет его ждать в своем очаровательном замке, куда король уже несколько раз навещался, не оставаясь там, впрочем, на ночь под тем предлогом, что Люсьенн не является королевским дворцом.

Велико же было его удивление, когда, прибыв в Люсьенн, он застал там одного Замора, так мало похожего на дворецкого. Негритенок развлекался тем, что гонялся за страусом в надежде вырвать у него перо, а страус отбивался, пытаясь его клюнуть.

Между обоими любимцами графини шла борьба, напоминавшая соперничество фаворитов короля: г-на де Шуазеля и г-жи Дю Барри.

Король расположился в малой гостиной и отпустил свиту.

Обыкновенно он не задавал вопросов ни придворным, ни лакеям, несмотря на то что был самым любопытным человеком в своем королевстве. Однако Замор не был даже прислугой, он представлял собой нечто среднее между обезьянкой и попугаем.

Поэтому король решил расспросить Замора.

– Ее сиятельство в саду?

– Нет, сударь, – отвечал Замор. В замке Люсьенн вместо обращения «ваше величество» было принято слово «сударь»: то была одна из прихотей Дю Барри.

– Так она отправилась кормить карпов?

На горе недавно было вырыто озеро: его наполнили водой из акведука и завезли из Версаля самых крупных карпов.

– Нет, сударь, – сказал Замор.

– Где же она?

– В Париже, сударь.

– То есть как в Париже?.. Графиня не приезжала в Люсьенн?

– Нет, сударь, она прислала Замора.

– Зачем?

– Чтобы встретить короля.

– Ага! – вскричал король. – Тебе доверяют меня встречать? Прелестно! Я – в обществе Замора. Вот спасибо, графиня, большое спасибо!

Раздосадованный король поднялся.

– Нет, нет, – возразил негритенок, – король не будет в обществе Замора.

– Почему?

– Потому что Замор уезжает.

– Куда?

– В Париж.

– Так я остаюсь в одиночестве? Еще лучше! А зачем ты едешь в Париж?

– Я должен найти хозяйку и передать ей, что король прибыл в Люсьенн.

– Графиня поручила тебе сказать мне это?

– Да, сударь.

– А она не сказала, чем мне заняться в ожидании ее приезда?

– Она сказала, что ты можешь поспать. «Должно быть, она скоро будет здесь, – подумал король. – Вероятно, приготовила какой-нибудь сюрприз». Он сказал Замору:

– Скорее отправляйся и привези сюда графиню... Как, кстати, ты собираешься ехать?

– Верхом на большом белом коне под красным чепраком.

– Сколько же времени понадобится большому белому коню, чтобы довезти тебя до Парижа?

– Не знаю, – отвечал негритенок, – конь скачет быстро, быстро, быстро. Замор любит быструю езду.

– Будем считать, что мне повезло, раз Замор любит быструю езду.

Он пошел к окну посмотреть, как поедет Замор. Огромный лакей посадил негритенка на исполинского коня, и он поскакал галопом с бесстрашием, свойственным только детям.

Оставшись в одиночестве, король спросил лакея, что нового в Люсьенн.

– Здесь сейчас господин Буше расписывает большой кабинет ее сиятельства.

– А, Буше! Так он здесь! – с удовлетворением воскликнул король. – Где он, ты говоришь?

– Во флигеле, в кабинете. Ваше величество желает, чтобы я проводил его к господину Буше?

– Нет, нет, – отвечал король, – я, пожалуй, пойду взгляну на карпов. Дай мне нож.

– Нож, сир?

– Да, и большой хлебец.

Лакей вернулся, неся блюдо японского фарфора, на котором лежал большой хлебец, а в него был воткнут длинный острый нож.

Король знаком приказал лакею следовать за ним и направился к пруду.

Его величество любил семейную традицию – кормить карпов – и свято ее соблюдал.

Людовик XV уселся на скамейку из пористой платины; отсюда открывался чудесный вид.

Он окинул взором озеро, окаймленное лугом: на том берегу меж двух холмов затерялась деревушка. Один из холмов, густо поросший мхом, тот, что поднимался на западе, круто вздымался ввысь. Соломенные крыши домишек, живописно разбросанных по склону холма, были похожи на детские игрушки, которые уложены в коробку, устланную листьями папоротника.

Вдали виднелись скалистые вершины горы Сен-Жермен с крутыми подъемами и заросшими густым лесом террасами, а еще дальше синели холмы Саннуа и Кормей, тянувшиеся к розовато-серым небесам, словно медным куполом накрывавшими местность.

Небо хмурилось, нежная луговая зелень потемнела. Неподвижная тяжелая водная гладь временами колыхалась, когда из сине-зеленых глубин поднималась, подобно серебристой молнии, огромная рыба, чтобы схватить водомерку, переставлявшую свои длинные ноги по зеркальной поверхности пруда.

По воде разбегались круги, и водная гладь становилась муаровой.

К самому берегу бесшумно подплывали не пуганные ни человеком, ни зверем рыбы, чтобы полакомиться клевером, душистые головки которого клонились к воде; можно было даже заглянуть в большие неподвижные глаза рыб, бессмысленно таращившиеся на серых ящерок и резвившихся в тростнике лягушек.

Король от нечего делать несколько раз обвел взглядом открывавшийся перед ним вид, не упустив ни одной подробности, пересчитал дома деревни, которые мог разглядеть. Потом взял хлебец со стоявшей рядом с ним тарелки и стал резать его на крупные ломти.

Карпы услышали хруст разрезаемой корки. Они уже привыкли к этому звуку, означавшему приближение обеда, и близко подплыли к его величеству в надежде получить от него привычную еду. Они точно так же поспешили бы и к лакею, однако король вообразил, что рыбы таким образом выражают ему свою преданность.

Он бросал один за другим куски хлеба, куски сначала исчезали в воде, а потом всплывали на поверхность; карпы жадно набрасывались на набухший в воде хлеб, стремительно разрывали его на мелкие кусочки, и он в одно мгновение исчезал из виду.

Было и в самом деле довольно забавно наблюдать за тем, как невидимые рыбы гоняли по поверхности корку, вырывая ее друг у друга до тех пор, пока она не попадала в чью-нибудь пасть.

Король около получаса терпеливо крошил хлеб, довольный хорошим аппетитом карпов.

Наконец ему наскучило это занятие, и он вспомнил о г-не Буше, второй достопримечатель-

ности замка: разумеется, это было не столь захватывающее развлечение, как карпы, но за городом выбор небогат, и привередничать не было возможности.

Людовик XV направился к флигелю. Буше был предупрежден. Продолжая рисовать, вернее, притворяясь, что поглощен своим занятием, он следил взглядом за его величеством. Живописец видел, как король направился к флигелю; он обрадовался, поправил манишку и вскарабкался на лестницу, так как ему посоветовали сделать вид, будто он понятия не имеет о прибытии короля в Люсьенн. Он услышал, как скрипнул паркет под ногой государя, и принялся старательно выписывать пухлого амура, крадущего розу у молодой пастушки, затянутой в корсет из голубого атласа, в соломенной шляпе. Рука живописца дрожала, сердце колотилось.

Людовик XV остановился на пороге.

– А, господин Буше, как у вас сильно пахнет скипидаром! – заметил он и пошел дальше.

Бедный Буше не мог ожидать, что король ничего не смыслит в живописи; он приготовился совсем к другим комплиментам, поэтому едва не свалился с лестницы.

Он медленно спустился и вышел со слезами на глазах, даже не очистив палитры и не промыв кистей, чего с ним обычно никогда не случалось.

Его величество вынул часы. Они показывали семь.

Людовик XV возвратился в комнаты: подразнил обезьянку, поиграл с попугаем, достал из горки одну за другой все стоявшие там китайские безделушки.

Сумерки сгустились.

Его величество не любил темноты: внесли свечи.

Впрочем, он не любил и одиночества.

– Лошадей через четверть часа! – приказал король. – Даю ей ровно столько и ни минуты больше!

Людовик XV прилег на софу, стоявшую против камина, выжидая, когда четверть часа, или девятьсот секунд, истекут.

Когда маятник часов в виде голубого слона под розовой попоной качнулся в четырехсотый раз, король уснул.

Когда, через четверть часа, лакей пришел доложить, что лошади поданы, и увидел, что король спит, он, разумеется, не стал его беспокоить. Пробудившись, его величество оказался лицом к лицу с графиней Дю Барри, которая не сводила с него глаз. Замор стоял в дверях в ожидании приказаний.

– А, вот и вы, графиня, – присев, проговорил король.

– Да, сир, я уже давно здесь, – отвечала графиня.

– Что значит «давно»?

– Почти целый час. А ваше величество все спит!

– Знаете, графиня, вас не было, я очень скучал... И потом, я так плохо провел эту ночь!.. Послушайте, а я уже собирался уезжать!

– Да, я видела вашу карету, ваше величество. Король бросил взгляд на часы.

– О! Уже половина одиннадцатого! Так я проспал почти три часа.

– Ну и прекрасно, сир! Попробуйте теперь сказать, что в Люсьенн плохо спится!

– Напротив! А кто это там торчит в дверях? – вскричал король, заметив наконец Замора.

– Перед вами дворецкий замка Льюсенн, сир.

– Нет, пока еще не дворецкий! – со смехом возразил король. – С какой стати этот чудак напялил на себя мундир? Ведь он еще не назначен. Он полагается на мое слово?

– Сир! Ваше слово, конечно, священо, и мы имеем все основания на него полагаться. Но у Замора есть нечто большее, чем ваше слово, вернее – менее важное, он получил приказ о своем назначении, сир.

– Как?

– Мне прислал его вице-канцлер: вот, взгляните. Теперь для вступления в должность ему осталась лишь одна формальность: примажете ему принести клятву, и пусть он нас охраняет.

– Подойдите, господин дворецкий, – проговорил король.

Замор приблизился, па нем был мундир с шитым стоячим воротником и эполетами капитана,

короткие штаны и шелковые чулки, а на боку висела шпага. Он шел, чеканя шаг, зажав под мышкой огромную шпагу с тремя перьями.

– Да сможет ли он произнести клятву? – с сомнением в голосе проговорил король.

– А вы испытайте его, сир.

– Подойдите ближе, – сказал король, с любопытством глядя на черного человечка.

– На колени! – приказала графиня.

– Дайте клятву, – проговорил Людовик XV. Негритенок прижал одну руку к груди, другой коснулся короля и произнес:

– Клянусь в верности хозяину в хозяйке, клянусь не щадя живота защищать дворец, охрана которого мне доверена, обещаю съесть его целиком до последней байки варенья, прежде чем сдать его неприятелю в случае, если буду атакован.

Короля рассмешила не столько клятва Замора, сколько его серьезный вид, с каким он ее произносил.

– Я принимаю вашу клятву, – отвечал он с подобавшим случаю важным видом, – и вручаю вам, господин дворецкий, высочайшее право – право казнить или миловать всех и вся в этом дворце.

– Благодарю вас, государь! – поднимаясь с колен, отвечал Замор.

– А теперь ступай на кухню и покажись там в своем великолепном наряде, а нас оставь в покое. Иди? Замор вышел.

Пока за ним затворялась одна дверь, в другую вошла Шон.

– А! Это вы, милая Шон! Здравствуйте! Король привлек ее к себе, усадил на колени и расцеловал.

– Ну, дорогая Шон, – продолжал он, – хоть ты скажешь мне правду!

– Должна вас предупредить, сир, – отвечала Шон, – что вы вдělали неудачный выбор. Чтобы я сказала правду! Мне довелось бы говорить ее первый раз в жизни! Уж если вы хотите звать правду, обратитесь к Жанне: она не умеет лгать!

– Это верно, графиня?

– Сир! Шон чересчур хорошего мнения обо мне. Ее пример оказался заразительным, и с сегодняшнего дня я решилась стать лживой, как и подобает настоящей графине: ведь правду никто не любит!

– Ах так? – воскликнул король. – Мне показалось, что Шон от меня что-то скрывает.

– Клянусь вам, ничего.

– Неужели она не скрывает намерения увидеться с каким-нибудь юным герцогом, маркизом или виконтом?

– Не думаю, – сказала графиня.

– А что на это скажет Шон?

– Мы так не думаем, сир.

– Надо бы выслушать полицейский рапорт.

– Рапорт господина де Сартин или мой?

– Господина де Сартин.

– Сколько вы готовы ему заплатить?

– Если он мне сообщит что-нибудь любопытное, я не стану торговаться.

– Тогда вам лучше довериться моим сыщикам и принять мой рапорт. Я вам готова услужить..., по-королевски.

– Вы готовы себя продать?

– А почему бы нет, если цена подходящая?

– Ну что же, пусть будет так. Послушаем ваш рапорт. Но предупреждаю: не лгите.

– Государь! Вы меня оскорбляете.

– Я хотел сказать: не отвлекайтесь.

– Хорошо! Сир! Готовьте кошелек: вот мой рапорт.

– Я готов, – отвечал король, зазвенев золотыми в кармане.

– Итак, графиню Дю Барри видели сегодня в Париже около двух часов пополудни.

- Дальше, дальше, это мне известно – На улице Валуа.
- А что ж тут такого?
- Около шести к ней прибыл Замор – В этом тоже нет ничего невозможного. А что делала графиня Дю Барри на улице Валуа?
- Она приехала к себе домой.
- Это понятно. Но зачем она туда приехала?
- Она должна была там встретиться со своей поручительницей.
- С крестной матерью? – переспросил король с недовольным выражением, которое ему не удалось скрыть. – Разве графиня Дю Барри собирается креститься?
- Да, сир, в большой купели, зовущейся Версалем.
- Клянусь честью, она не права: язычество так ей к лицу!
- Ничего не поделаешь, сир! Вы же знаете поговорку: «Запретный плод сладок»!
- Так запретный плод – это крестная мать, которую вы во что бы то ни стало желаете найти?
- Мы ее нашли, сир.
- Король вздрогнул и пожал плечами.
- Мне очень нравится, что вы пожимаете плечами, сир. Это доказывает, что вы, ваше величество, были бы в отчаянии, если бы оказались свидетелем поражения всяких там Граммон, Гемени и прочих придворных ханжей.
- Вы так думаете?
- Ну конечно! Вы со всеми с ними в сговоре!
- Я – в сговоре?.. Графиня! Запомните раз навсегда: король может вступать в сговор только с королями.
- Это верно. Но дело в том, что все ваши короли дружны с господином де Шуазелем.
- Однако вернемся к крестной матери.
- С удовольствием, сир.
- Так вам удалось состряпать поручительницу?
- Я нашла ее в готовом виде, да еще какую! Это некая графиня де Беарн из семьи царствовавших принцев, ни больше, ни меньше! Надеюсь, она достойна свойственницы союзников Стюартов?
- Графиня де Беарн? – удивленно переспросил король. – Я знаю только одну Беарн, она живет где-то около Верчена.
- Это она и есть, она срочно прибыла в Париж.
- Она готова протянуть вам руку?
- Обе!
- Когда же?
- Завтра в одиннадцать утра она будет иметь честь получить у меня тайную аудиенцию; в это же время, если вопрос не кажется вам нескромным, она будет просить короля назначить день, и вы его назначите как можно раньше, не так ли, государь?
- Король рассмеялся, но как-то не очень искренно.
- Разумеется, разумеется, – отвечал он, целуя графине ручку.
- Вдруг он вскричал:
- Завтра в одиннадцать часов?
- Ну да, за завтраком.
- Это невозможно, дорогая.
- Почему невозможно?
- Я не буду здесь завтракать – я должен немедленно вас покинуть.
- Что случилось? – спросила Дю Барри, почувствовав, как у нее похолодело сердце. – Почему вы хотите ехать?
- Я обязательно должен быть в Марли, дорогая графиня, у меня назначена встреча с Сартинном: нас ждут неотложные дела.
- Как угодно, сир. Но вы по крайней мере поужинаете с нами, я надеюсь?

– Да, поужинаю. Может быть... Да, я голоден, я буду ужинать.

– Прикажи подавать на стол, Шон, – обратилась графиня к сестре, подавая ей условный знак, о котором, вероятно, они заранее условились.

Шон вышла.

Король перехватил поданный графиней знак в зеркале и хотя не понял его значения, но почувствовал западню.

– Да нет, – сказал он, – нет, не могу даже поужинать... Я должен ехать сию же минуту. Мне надо подписывать бумаги, ведь сегодня суббота!

– Как вам будет угодно. Я прикажу подавать лошадей.

– Да, дорогая!

– Шон! Возвратилась Шон.

– Лошадей его величества! – приказала графиня.

– Слушаюсь, – с улыбкой отвечала Шон. Она снова вышла.

В следующее мгновение в приемной послышался ее голос:

– Лошадей его величества!

Глава 33. КОРОЛЬ РАЗВЛЕКАЕТСЯ

Король был доволен тем, что проявил силу воли и наказал графиню за то, что она заставила его ждать, и в то же время избавил себя от неприятностей, связанных с ее представлением. Он направился к выходу.

В эту минуту возвратилась Шон.

– Где мои слуги?

– В передней никого нет, ваше величество. Король подошел к двери.

– Слуги короля! – крикнул он. Никто не отвечал: можно было подумать, что все во дворце замерло, даже эхо не ответило ему.

– Трудно поверить, – возвращаясь в гостиную, проговорил король, – что я – внук короля, сказавшего когда-то: «Мне чуть было не пришлось ждать!»

Он подошел к окну и распахнул его.

Площадка перед дворцом была так же безлюдна, как и передняя: ни лошадей, ни курьеров, ни охраны. Взгляд тонул в ночной мгле, все было спокойно и величаво; в неверном лунном свете колыхались вдали верхушки деревьев парка Шату да переливались мириадами звездочек воды Сены, извивавшейся подобно гигантской ленивой змее и видимой на протяжении приблизительно пяти миль, то есть от Буживаля до Мезон.

Невидимый соловей выводил в ночи свою чарующую песнь, какую можно услышать только в мае, как будто его радостные трели могли звучать лишь посреди достойной для них природы в недолгие весенние дни.

Людовик XV не был ни мечтателем, ни поэтом, ему было не понять всей этой гармонии, он был материалист до мозга костей.

– Графиня! – с досадой проговорил он. – Прикажете прекратить это безобразие, умоляю вас! Какого черта! Пора положить конец этой дурацкой комедии!

– Сир! – отвечала графиня, надувая очаровательные губки, что почти всегда действовало на короля безотказно, – здесь распоряжаюсь не я.

– Ну уж, во всяком случае, и не я! – воскликнул Людовик XV. – Вы только посмотрите, как мне здесь повинуются!..

– Да, сир, вас слушаются не больше, чем меня.

– Так кто же здесь командует? Может быть, вы, Шон?

– Я сама повинуюсь с большим трудом, сир, а уж распоряжаться другими мне еще тяжелее, – отвечала она с другого конца гостиной, сидя в кресле рядом с графиней.

– Так кто же здесь хозяин?

– Разумеется, господин дворецкий, сир.

– Господин Замор?

– Да.

– Верно. Позовите кого-нибудь.

Графиня с очаровательной непринужденностью протянула руку к шелковому шнуру с жемчужной кисточкой на конце и позвонила.

Лакей, наученный, по всей видимости, заранее, ожидал в передней. Он явился на звонок.

– Где дворецкий? – спросил король.

– Совершает обход.

– Обход? – переспросил король.

– Да, и с ним четверо офицеров, – отвечал лакей.

– В точности, как господин де Мальборо! – воскликнула графиня.

Король не смог удержать улыбки.

– Да, странно, – проговорил он. – Впрочем, что вам мешает запрячь моих лошадей?

– Сир! Господин дворецкий приказал запереть конюшни, опасаясь, как бы туда не забрался злоумышленник.

– Где мои курьеры?

– На кухне, сир.

– Что они там делают?

– Спят.

– То есть как – спят?

– Согласно приказанию.

– Чьему приказанию?

– Приказанию дворецкого.

– А что двери? – спросил король.

– Какие двери, сир?

– Двери замка.

– Заперты, сир.

– Хорошо, пусть так, но ведь можно сходить за ключами!

– Сир! Все ключи висят на поясе дворецкого.

– Какой образцовый порядок! – воскликнул король. – Черт побери! Какой порядок!

Видя, что король исчерпал вопросы, лакей вышел. Откинувшись в кресле, графиня покусывала белую розу, рядом с которой ее губы казались коралловыми.

– Мне жалко вас, ваше величество, – сказала королю графиня, улыбнувшись так томно, как умела она одна, – дайте вашу руку, и отправимся на поиски. Шон, посвети нам!

Шон шла впереди, готовясь устранить любые непредвиденные обстоятельства, которые могли возникнуть на ее пути.

Стоило им свернуть по коридору, как короля стал Дразнить аромат, способный пробудить аппетит самого тонкого гурмана.

– Ах, ах! – останавливаясь, воскликнул король. – Чем здесь пахнет, графиня?

– Сир, да ведь это ужин! Я полагала, что король окажет мне честь и поужинает в Люсьенн, вот я и подготовилась.

Людовик XV несколько раз вдохнул соблазнительный аромат, размышляя о том, что его желудок уже некоторое время напоминал о себе. Он подумал, что ему понадобится по меньшей мере полчаса на то, чтобы, подняв шум, разбудить курьеров, около четверти часа на то, чтобы оседлали лошадей, десять минут, чтобы доехать до Марли. А в Марли его не ждут, значит, он не найдет там на ужин ничего, кроме дежурной закуски. Он еще раз втянул в себя вкусно пахнувший воздух и, подведя графиню к двери в столовую, остановился. На ярко освещенном и великолепно сервированном столе были приготовлены два прибора.

– Черт побери! – воскликнул король. – У вас искусный повар, графиня.

– Сир! Сегодня как раз день, когда я его решила испытать, бедняга старался изо всех сил, чтобы угодить вашему величеству. Если вам не понравится, он способен перезать себе горло, как несчастный Ватель.

– Вы и впрямь так полагаете? – спросил Людовик XV.

- Да. Особенно ему удастся омлет из фазаньих яиц, на который он очень рассчитывал...
- Омлет из фазаньих яиц! Я обожаю это блюдо!
- Видите, как не везет моему повару?
- Так и быть, графиня, не будем его огорчать, – со смехом сказал король, – надеюсь, пока мы будем ужинать, господин Замор вернется с обхода.
- Ах, сир, это блестящая идея! – воскликнула графиня, испытывая удовлетворение оттого, что выиграла первый тур. – Входите, сир, входите.
- Кто же нам будет подавать? – спросил король, не видя ни одного лакея.
- Сир! Неужели кофе покажется вам менее вкусным, если его налью вам я?
- Нет, графиня, я ничего не буду иметь против, даже если вы его и приготовите сами.
- Ну так идемте, сир.
- Почему только два прибора? – спросил король. – Разве Шон поужинала?
- Сир! Кто же мог без приказа вашего величества...
- Иди, иди к нам, Шон, дорогая, – проговорил король и сам достал и горки тарелку и прибор, – садись напротив.
- О, сир... – пролепетала Шон.
- Не притворяйся покорной и смиренной подданной, лицемерка! Садитесь рядом со мной, графиня. Какой у вас прелестный профиль!
- Вы только сегодня это заметили, государь?
- А как бы я заметил?! Я привык смотреть вам в глаза, графиня. Ваш повар и в самом деле большой мастер. Какой суп из раков!
- Так я была права, прогнав его предшественника?
- Совершенно правы.
- В таком случае, сир, следуйте моему примеру, и вы только выиграете.
- Я вас не понимаю.
- Я прогнала своего Шуазеля, гоните и вы своего!
- Не надо политики, графиня. Дайте мне мадеры. Король протянул стакан. Графиня взялась за графин с узким горлышком и стала наливать королю вина.
- Пальчики у очаровательного виночерпия от напряжения побелели, а ноготки покраснели.
- Лейте не торопясь, графиня, – сказал король.
- Чтобы не взболтнуть вино?
- Нет, чтобы я успел полюбоваться вашей ручкой.
- Ах, ваше величество! – со смехом отвечала графиня. – Вы сегодня делаете открытие за открытием.
- Клянусь честью, да! – воскликнул король, приходя постепенно вновь в хорошее расположение духа. – Мне кажется, я готов открыть...
- Новый мир? – спросила графиня.
- Нет, нет, это было бы слишком честолюбиво, с меня довольно и одного королевства. А я имею в виду остров, маленький клочок земли, живописную гору, дворец, в котором одна моя знакомая будет Армидой, а безобразные чудовища будут охранять вход, когда мне захочется забыться...
- Сир! – заговорила графиня, протягивая королю графин с охлажденным шампанским (со всем новым по тем временам изобретением), – вот как раз вода из Леты.
- Из реки Леты, графиня? Вы в этом уверены?
- Да, сир, его доставил бедный Жан из самой преисподней, откуда он едва выбрался.
- Графиня, – произнес король, поднимая свой бокал, – давайте выпьем за его счастливое воскрешение! И не надо политики, прошу вас!
- Ну, тогда уж я и не знаю, о чем говорить, сир! Может быть, ваше величество расскажет какую-нибудь историю?
- Нет, я вам прочту стихи.
- Стихи? – воскликнула Дю Барри.
- Да, стихи... Что вас удивляет?

- Ваше величество их ненавидит!
- Черт возьми, еще бы! Из сотни тысяч стихов девяносто девять тысяч нацарапаны против меня.
- А те, что вы собираетесь прочесть, выбраны, вероятно, из оставшихся десяти тысяч? И разве они не могут заставить вас простить остальные девяносто тысяч?
- Вы не то имеете в виду, графиня. Те стихи, что я собираюсь вам прочесть, посвящены вам.
- Мне?
- Вам.
- Кто же их автор?
- Господин де Вольтер.
- И он поручил вашему величеству.
- Нет, он посвятил их непосредственно вашему высочеству.
- То есть как? Не сопроводив письмом?
- Нет, почему же? Есть и прелестное письмо.
- А, понимаю: ваше величество потрудились сегодня вместе с начальником почты.
- Совершенно верно.
- Читайте, сир, читайте стихи господина де Вольтера Людовик XV развернул листок и прочел:
Харит благая мать, богиня наслаждений, На кипрские пиры любви и красоты
Зачем приводишь ты сомнения мрачных тени?
Героя мудрого за что терзаешь ты?
Улисс необходим своей отчизне мирной И Агамемнону опорой служит он.
Талант политика и ум его обширный Способны победить надменный Илион.
Пусть боги власть любви признают высшей властью!
Пусть поклоняются все красоте твоей!
Сплетая лавр побед и розы сладострастья, Улыбкой светлою нас одари скорей!
Без милости твоей покоя нет и счастья Для беспокойного властителя морей.
Зачем же смертного, кого боится Троя, Преследует твой гнев? Улиссу страшен плен.
Ведь перед красотой нет бога, нет героя, Который бы, смирясь, не преклонил колен.
- Знаете, сир, – проговорила графиня, скорее задетая, нежели польщенная поэтическим посланием, – мне кажется, господин де Вольтер хочет с вами помириться.
- Напрасный труд, – заметил Людовик XV. – Этот разбойник все разгромит, если возвратится в Париж Пускай отправляется к своему другу – моему кузену Фридриху Второму. С нас довольно и Руссо. А вы возьмите эти стихи, графиня, и подумайте над ними на досуге Графиня взяла листок, свернула его в трубочку и положила рядом со своей тарелкой.
- Король не спускал с нее глаз.
- Сир! – заговорила Шон. – Не хотите ли глоток токайского?
- Его прислали из погребов его величества императора Австрии, – сообщила графиня, – можете мне поверить, сир.
- Из погребов императора... – проговорил король. – Настоящие винные погреба есть только у меня.
- А я получаю вино и от вашего эконома.
- Как! Вам удалось его обольстить?
- Нет, я приказала...
- Прекрасный ответ, графиня. Король сказал глупость – Однако государь...
- Государь по крайней мере в одном прав: он любит вас всей душой.
- Ах, сир, ну почему вы и в самом деле не хозяин в своем королевстве?
- Графиня, не надо политики!
- Не желает ли король кофе? – спросила Шон.
- С удовольствием.
- Его величество будет подогревать кофе сам, как обычно? – спросила графиня.
- Да, если хозяйка ничего не будет иметь против. Графиня встала.

– Почему вы встали?

– Я хочу за вами поухаживать, сир.

– Я вижу, что лучшее, что я могу сделать, – это не мешать вам, графиня, – отвечал король, развалившись на стуле после сытного ужина, который привел его в состояние душевного равновесия.

Графиня внесла серебряную спиртовку, на которой стоял небольшой кофейник с кипящим кофе. Она поставила перед королем чашку с блюдцем из позолоченного серебра и графинчик богемского стекла. Рядом с блюдцем она положила свернутый в трубочку лист бумаги.

С напряженным вниманием, с каким обыкновенно король это проделывал, он отсчитал сахар, отмерил кофе и аккуратно налил спирту так, чтобы он плавал на поверхности. Потом взял бумажную трубочку, подержал ее над свечой, поджег содержимое чашки и бросил бумажный фитиль на спиртовку – там фитиль и догорел.

Через пять минут король, как истинный гурман, уже наслаждался кофе.

Графиня дождалась, пока он выпьет все до последней капли.

– Ах, сир, – вскричала она, – вы подожгли кофе стихами господина де Вольтера! Это принесет несчастье Шуазелям.

– Я ошибался, – со смехом отвечал король, – вы не фея, вы – демон. Графиня встала.

– Сир! – проговорила она. – Не желает ли ваше величество взглянуть, вернулся ли господин дворецкий?

– А! Замор! А зачем?

– Чтобы вернуться сегодня в Марли, сир.

– Да, верно, – согласился король, делая над собой усилие, чтобы выйти из блаженного состояния, в котором он пребывал, – пойдемте посмотрим, графиня, пойдемте. Графиня Дю Барри подала знак Шон, и та исчезла. Король опять было взялся за расследование, но совсем в другом расположении духа, чем вначале. Философы отмечали, что взгляд человека на мир – мрачный или сквозь розовые очки – зависит почти всецело от его желудка.

А у королей точно такой желудок, как у простых смертных, правда, похуже, как правило, чем у подданных, но он совершенно одинаково способен приводить весь организм в состояние блаженства или, напротив, уныния. Вот почему король был после ужина в прекрасном расположении духа.

Не прошли они по коридору и десяти шагов, как новый аромат настиг короля.

Распахнулась дверь в прелестную спальню, двери которой были обтянуты белым атласом с рисунком из живых цветов. Комната была таинственно освещена, взгляд привлекал к себе альков, к которому вот уже два часа заманивала короля юная обольстительница.

– Сир! Мне кажется, Замор еще не появлялся, – проговорила она. – Мы по-прежнему заключены в замке, нам остается бежать через окно.

– При помощи простыней? – спросил король.

– Сир! – с очаровательной улыбкой проговорила графиня. – Ну зачем же так?

Король со смехом заключил ее в свои объятия, графиня уронила белую розу, и цветок покатился по полу, роняя лепестки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1. ВОЛЬТЕР И РУССО

Мы уже говорили, что спальня замка Люсьенн, как с архитектурной точки зрения, так и по своему убранству, представляла настоящее чудо.

Расположенная в восточной части замка, она была так надежно защищена позолоченными ставнями и шелковыми занавесями, что дневной свет проникал в нее лишь когда, подобно королевскому придворному, получал на это и официальное и неофициальное разрешение.

Летом скрытые вентиляторы освежали здесь очищенный воздух, будто бы навеянный тыся-

чью вееров.

Когда король вышел из голубой спальни, было десять часов.

На этот раз королевские экипажи уже с девяти часов стояли наготове у парадного подъезда.

Замор, скрестив на груди руки, отдавал, или делал вид, что отдает, распоряжения.

Король выглянул из окна и увидел приготовления к отъезду.

– Что это значит, графиня? – спросил он. – Разве мы не будем завтракать? Видно, вы собираетесь выпроводить меня голодным.

– Господь с вами, сир, – ответила графиня, – но мне казалось, что у вашего величества назначена встреча в Марли с господином де Сартинном.

– Черт побери! – сказал король. – Я думаю, что можно было бы сказать Сартину, чтобы он приехал ко мне сюда. Это так близко!

– Ваше величество окажет мне честь, вспомнив, что не ему первому пришла в голову эта мысль.

– К тому же сегодня слишком прекрасное утро для работы. Давайте завтракать.

– Сир, вам нужно будет подписать для меня бумаги.

– По поводу графини де Беарн?

– Совершенно верно. И потом, необходимо назначить день.

– Какой день?

– И час.

– Какой час?

– День и час моего представления ко двору.

– Ну что ж, – сказал король, – вы действительно заслужили быть представленной ко двору, графиня. Назначьте день сами.

– Ближайший, сир.

– Значит, у вас все готово?

– Да.

– Вы научились делать все три реверанса?

– Еще бы: я упражняюсь вот уже целый год.

– А платьев – Его можно сшить за два дня.

– У вас есть крестная?

– Через час она будет здесь.

– В таком случае, графиня, предлагаю вам договор.

– Какой?

– Вы больше не будете напоминать мне об этой истории виконта Жана с бароном де Таверне?

– Значит, мы приносим в жертву бедного виконта?

– Вот именно.

– Ну что ж! Не будем больше говорить об этом, сир! День представления?

– Послезавтра.

– Час?

– Десять часов вечера, как обычно.

– Обещаете, сир?

– Обещаю.

– Слово короля?

– Слово дворянина.

– По рукам, государь!

Графиня дю Барри протянула королю свою изящную ручку – Людовик XV коснулся ее. В это утро весь замок почувствовал хорошее расположение духа своего господина: ему пришлось уступить там, где он давно уже и сам решил уступить, но зато выиграть в другом: значит, победа за ним. Он даст сто тысяч ливров Жану – с условием, что тот отправится проигрывать их на воды, в Пиренеи или в Овернь. Это будет выглядеть как ссылка в глазах Шуазеля. Бедняки получили луидоры, карпам досталось печенье, а росписям Буше – комплименты.

Хотя король плотно поужинал накануне, завтрак он съел с большим аппетитом.

Между тем пробило одиннадцать. Подавая королю, графиня поглядывала на часы, которые, как ей казалось, шли слишком медленно.

Король соблаговолил приказать, чтобы графиню де Беарн, когда та приедет, проводили прямо в столовую. Кофе уже был подан, выпит, а графиня де Беарн все еще не появлялась.

В четверть двенадцатого во дворе раздался стук копыт пущенной в галоп лошади.

Дю Барри встала и выглянула в окно.

Со взмыленной лошади соскочил курьер Жана Дю Барри.

Графиня вздрогнула, но, так как она никоим образом не должна была вызывать волнения, боясь перемен в расположении духа у короля, она отошла от окна и села рядом с королем.

Вошла Шон с запиской в руке.

Отступать было некуда, нужно было прочесть записку.

– Что это у вас, милая Шон? Любовное послание? – спросил король.

– Разумеется, сир!

– От кого же?

– От бедного виконта.

– Вы в этом уверены?

– Убедитесь сами, сир.

Король узнал почерк и, подумав, что в записке может идти речь о приключении в Ла Шоссе, сказал, отводя руку с запиской:

– Хорошо, хорошо. Мне этого достаточно. Графиня сидела, как на иголках.

– Записка адресована мне? – спросила она – Да, графиня.

– Король позволит мне?..

– Конечно, черт побери! А в это время Шон расскажет мне «Ворону и Лисицу».

Он притянул к себе Шон, напевая самым фальшивым, по словам Жан-Жака, голосом во всем королевстве:

Над милым слугою утратила власть я, Меня покидают веселье и счастье..

Графиня отошла к окну и прочитала:

«Не ждите старую злодейку, она говорит, что обожгла вчера вечером ногу и не выходит из комнаты. Можете поблагодарить Шон за ее столь своевременное появление вчера: именно ей мы всем этим обязаны: старая ведьма ее узнала, и весь наш спектакль провалился.

Пусть этот маленький оборванец Жильбер, который всему причиной, благодарит Бога за то, что ему удалось сбежать, не то я свернул бы ему шею. Впрочем, пусть не отчаивается: когда я его отыщу, еще не поздно будет сделать это. Итак, подводим итоги. Вы должны немедленно выехать в Париж, и там мы начнем все сначала.

Жан».

– Что-нибудь случилось? – спросил король, заметив внезапную бледность графини.

– Ничего, сир. Это известие о здоровье моего шурина.

– Надеюсь, наш дорогой виконт поправляется?

– Ему лучше, сир, благодарю вас, – ответила графиня. – А вот и карета въезжает во двор.

– Это, конечно, карета графини?

– Нет, сир, господин де Сартин.

– Куда же вы? – спросил король, видя, что Дю Барри направляется к двери.

– Я оставляю вас одних и займусь своим туалетом, – ответила Дю Барри.

– А как же графиня де Беарн?

– Когда она приедет, сир, я буду иметь честь предупредить об этом ваше величество, – сказала графиня, судорожно сжав записку в кармане пеньюара.

– Итак, вы покидаете меня, графиня, – сказал, тяжело вздохнув, король.

– Сир! Сегодня воскресенье: бумаги, подписи, бумаги...

Приблизившись к королю, она подставила ему свои свежие щечки, и на каждой из них он запечатлел звонкий поцелуй, после чего она вышла из комнаты.

– К черту подписи! – сказал король – И тех, кому они нужны. Кто только выдумал мини-

стров, портфели, бумаги?

Едва король договорил, в дверях, противоположных той, через которую вышла графиня, появились и министр, и портфель.

Король издал еще один вздох, гораздо более тяжелый, чем предыдущий.

– А, вот и вы, Сартин! – произнес он. – Как вы точны!

Это было сказано с таким выражением, что трудно было понять, похвала это или упрек.

Господин де Сартин открыл портфель и приготовился извлечь из него бумаги.

В эту минуту послышалось быстрое шуршание колес на посыпанной песком аллее.

– Подождите, Сартин, – проговорил король и подбежал к окну. – Что это, графиня куда-то уезжает?

– Да, сир.

– Значит, она не ждет приезда графини де Беарн?

– Сир! Я могу предположить, что графине наскучило ждать и что она поехала за ней.

– Однако, если эта дама должна была приехать сюда утром...

– Я почти уверен, что она не приедет, сир.

– Как? Вам и это известно, Сартин?

– Сир! Чтобы ваше величество были мною довольны, мне необходимо знать почти обо всем.

– Так скажите же мне, Сартин, что случилось?

– Со старой графиней, сир?

– Да.

– То же, что и со всеми, сир: у нее некоторые затруднения.

– Но в конце концов приедет она или нет?

– Гм-гм! Вчера вечером, сир, это было намного более вероятно, чем сегодня утром.

– Бедная графиня! – сказал король, не сумев скрыть радостный блеск в глазах.

– Ах, сир! Альянс четверых и семейный пакт – просто ничто в сравнении с этой историей представления ко двору.

– Бедная графиня! – повторил король, тряхнув головой. – Она никогда не достигнет желаемого.

– Боюсь, что нет, сир. Вот разве что ваше величество рассердится.

– Она была так уверена в успехе!

– Гораздо хуже для нее то, – сказал господин де Сартин, – что, если она не будет представлена ко двору до прибытия ее высочества, этого, возможно, не произойдет никогда.

– Вы правы, Сартин, это более чем вероятно. Говорят, что она очень строга, очень набожна, очень добродетельна, моя будущая невестка. Бедная графиня!

– Конечно, – продолжал господин де Сартин, – госпожа Дю Барри очень опечалится, если представление не состоится, однако у вашего величества станет меньше забот.

– Вы так думаете, Сартин?

– Уверен. Будет меньше завистников, клеветников, песенок, льстецов, газетенок. Представление графини Дю Барри ко двору обошлось бы нам в сто тысяч франков на чрезвычайную полицию.

– В самом деле? Бедная графиня! Однако ей так этого хочется!

– Тогда пусть ваше величество прикажет, и желания графини исполнятся.

– Что вы говорите, Сартин! – вскричал король. – Как я могу во все это вмешиваться? Могу ли я подписать приказ о том, чтобы все были благосклонны к графине Дю Барри? Неужели вы, Сартин, умный человек, советуете мне совершить государственный переворот, чтобы удовлетворить каприз графини Дю Барри?

– Конечно нет, сир. Мне остается лишь повторить вслед за вашим величеством: бедная графиня!

– К тому же, – сказал король, – ее положение не так уж и безнадежно. Ваш мундир позволяет вам все видеть, Сартин. А вдруг графиня де Беарн передумает? А вдруг ее высочество прибудет не так скоро? В Компьене бал будет через четыре дня. За четыре дня можно сделать многое. Ну что, будем мы сегодня заниматься?

- Ваше величество, всего три подписи. – Начальник полиции вынул из портфеля первую бумагу.
- Ого! – проговорил король. – Приказ о заключении в тюрьму без суда и следствия.
- Да, сир.
- Кого же?
- Взгляните сами, сир.
- Господина Руссо. Кто это Руссо, Сартин, и что он сделал?
- Он написал «Общественный договор», сир.
- Ах вот как! Вы хотите засадить в Бастилию Жан-Жака?
- Сир! Он ведет себя вызывающе.
- А что же ему еще остается делать?
- К тому же я вовсе не собираюсь отправлять его в Бастилию.
- Зачем же тогда приказ?
- Чтобы иметь оружие против него наготове, сир.
- Не то чтобы я ими так уж дорожил, всеми-этими вашими философами, – сказал король.
- Ваше величество совершенно правы, – согласился Сартин.
- Но, видите ли, будет много крика. Кроме того, как мне кажется, ему ведь разрешено жить в Париже.
- Его терпят, сир, но при условии, что он не будет нигде показываться.
- А он показывается?
- Только это и делает.
- В своем армянском одеянии?
- О нет, сир, мы приказали ему сменить костюм.
- И он повиновался?
- Да, но вопил о несправедливом преследовании.
- Как же он одевается теперь?
- Как все, сир.
- Ну, тогда скандал не так уж и велик.
- Вы полагаете, сир? Человек, которому запрещено выходить из дома..., угадайте, куда он ходит каждый день?
- К маршалу Люксембургскому, к господину Аламберу, к госпоже д'Эпине?
- В кафе «Режанс», сир! Он каждый вечер играет там в шахматы, причем только из упрямства, потому что все время проигрывает, и каждый вечер мне нужна целая бригада, чтобы наблюдать за толпой, собирающейся вокруг кафе.
- Ну что ж, – сказал король, – парижане еще глупее, чем я думал. Пусть они развлекаются этим, Сартин. У них хотя бы будет меньше времени возмущаться по разным другим поводам.
- Конечно, сир. Но если в один прекрасный день ему вздумается произнести речь, как он это сделал в Лондоне?
- Ну, тогда, раз налицо будет нарушение порядка, причем публичное нарушение, вам, Сартин, не нужен будет приказ за королевской подписью.
- Начальник полиции понял, что арест Руссо – мера, ответственности за которую король хотел бы избежать, и больше не стал настаивать.
- А теперь, сир, – сказал г-н де Сартин, – речь пойдет о другом философе.
- Опять философ? – откликнулся король устало. – Значит, мы никогда с ними не разделимся?
- Увы, сир! Это они не оставляют нас в покое.
- О ком же идет речь?
- О господине де Вольтере.
- А что, этот тоже вернулся во Францию?
- Нет, сир. Хотя, наверное, лучше было бы, если бы он был здесь. По крайней мере мы бы за ним присмотрели.
- Что он сделал?

- На сей раз не он, а его поклонники: речь идет, ни мало, ни много, о том, чтобы воздвигнуть ему памятник.
- Конный?
- Нет, сир. Хотя я могу поручиться, что этот человек умеет завоевывать города.
- Людовик пожал плечами.
- Сир! Я не видел ему подобных со времен Полиорцета, – продолжал г-н де Сартин. – Ему симпатизируют всюду. Первые люди вашего королевства готовы стать контрабандистами, чтобы ввезти в страну его книги. Совсем недавно я перехватил восемь полных ящиков, два из них были отправлены господину Шуазелю.
- Он очень забавен.
- Сир! Я хочу обратить ваше внимание: ему оказывают честь, которую обычно оказывают королям, – воздвигают памятник.
- Короли никого не просят оказывать им честь. Они сами решают, заслуживают ли они памятника. Кто же получил заказ на это великое произведение?
- Скульптор Пигаль. Он отправился в Ферне, чтобы выполнить макет. А пока пожертвования сыплются со всех сторон. Уже собрали шесть тысяч экю. Обратите внимание, сир, что только люди, принадлежащие к миру литературы, имеют право делать пожертвования. Каждый приходит со своим вкладом. Целая процессия. Сам господин Руссо внес два луидора.
- Ну, а что же я-то, по-вашему, тут могу поделать? – спросил Людовик XV. – Я не принадлежу к миру литературы, это меня не касается.
- Сир! Я рассчитывал иметь честь предложить вашему величеству положить конец всей этой затее.
- Остерегитесь, Сартин. Вместо того чтобы подарить ему статую из бронзы, они сделают ее из золота. Оставьте их в покое. Бог мой! В бронзе он будет еще уродливей, чем во плоти.
- Значит, ваше величество желает, чтобы все шло своим чередом?
- Давайте условимся, Сартин; «желает» – это не совсем то слово. Конечно, я был бы отнюдь не против все это остановить, но что поделать? Это вещь невозможная. Прошло время, когда короли Могли говорить философам, как Господь Океану: «Ты дальше не пойдешь!». Кричать и не достигнуть результата, наносить удары, не поражающие цели, – это значит показать свою беспомощность. Отвернемся, Сартин, притворимся, что не видим.
- Господин Сартин вздохнул.
- Сир! – сказал он. – Если мы не наказываем авторов, давайте по крайней мере уничтожим их произведения. Вот список книг, против которых срочно нужно принять меры, потому что одни из них направлены против трона, другие – против церкви, одни олицетворяют бунт, другие – святотатство.
- Людовик XV взял список и прочитал томным голосом: «Священная зараза, или естественная история предрассудков», «Система природы, или физический и моральный закон мира», «Бог и люди, речь о чудесах Иисуса Христа», «Поучения монаха-капуцина из Рагузы брату Пердуиклозо, отправляющемуся в землю обетованную».
- Король, не прочитав и четверти списка, отложил бумагу. Его черты, обычно спокойные, обрели не свойственное им выражение грусти и разочарования.
- В течение нескольких минут он пребывал в задумчивости, погруженный в свои мысли.
- Перевернуть целый мир, Сартин, – прошептан он, – пусть это попробуют сделать другие.
- Сартин смотрел на него с тем выражением понимания, которое Людовик XV так любил на лицах министров, потому что оно избавляло его от необходимости размышлять или действовать.
- Покой, не так ли, сир? Покой, – сказал Сартин, – вот чего хочет король?
- Король утвердительно кивнул головой.
- Видит Бог, да! Я у них ничего другого не прошу, у ваших философов, энциклопедистов, богословов, у ваших чудотворцев, поэтов, экономистов, у ваших газетных писак, которые вылезают неизвестно откуда и которые кишат, пишут, каркают, клеветают, высчитывают, проповедуют, кричат. Пусть их венчают лаврами, воздвигают им памятники, строят им храмы, но пусть оставят меня в покое.

Сартин поклонился королю и вышел, прошептав:

«К счастью, на наших монетах написано: „Боже, спаси короля!“.

Оставшись один, Людовик XV взял перо и написал дофину:

«Вы просили меня ускорить прибытие Вашей будущей супруги – я готов доставить Вам это удовольствие.

Я приказал не останавливаться в Нуайоне, следовательно, во вторник утром она будет в Компьене.

Я буду там ровно в десять часов, то есть за четверть часа до ее прибытия».

«Таким образом, – подумал он, – я буду избавлен от этой глупой истории с представлением ко двору, которая мучает меня больше, нежели господин де Вольтер, господин Руссо и все философы, прошлые и будущие. Тогда это станет делом графини и дофина с его супругой. Ну что ж! Переложим хоть малую долю печали, ненависти и мести на молодые умы, у которых много сил для борьбы. Пусть дети научатся страдать – это воспитывает молодых».

Довольный тем, как ему удалось избежать трудностей, уверенный, что никто не сможет упрекнуть его в том, что он способствовал или препятствовал представлению ко двору, занимавшему умы всего Парижа, король сел в карету и отправился в Марли, где его ждал двор.

Глава 2. КРЕСТНИЦА И КРЕСТНАЯ

Бедная графиня... Оставим за ней эпитет, которым наградил ее король, потому что в этот момент она его, несомненно, заслуживала. Бедная графиня, как мы будем ее называть, мчалась как безумная в своей карете по дороге в Париж.

Шон, тоже испуганная предпоследним абзацем письма Жана, скрывала в будуаре замка Люсьенн свою боль и беспокойство, проклиная роковую случайность, заставившую ее подобрать Жильбера на дороге.

Подъехав к мосту Атен, переброшенному через впадавшую в реку канаву, окружавшую Париж от Сены до Ля Рокетт, графиня обнаружила ожидавшую ее карету.

В карете сидели виконт Жан и прокурор, с которым, как казалось, виконт довольно азартно спорил.

Заметив графиню, Жан тотчас покинул прокурора, прыгнул на землю и подал кучеру своей сестры сигнал остановиться.

– Скорее, графиня, скорее! – проговорил он. – Садитесь в мою карету и мчитесь на улицу Сен-Жермен-де-Пре.

– Значит, старуха нас обманывает? – спросила графиня Дю Барри, переходя из одной кареты в другую, в то время как то же самое делал прокурор, предупрежденный жестом виконта.

– Мне так кажется, графиня, – ответил Жан, – мне так кажется: она возвращает нам долг или, вернее, платит той же монетой.

– Но что же все-таки произошло?

– В двух словах, следующее: я остался в Париже, потому что никогда никому всецело не доверяю, и, как видите, оказался прав. После девяти вечера я стал бродить вокруг постоянного двора «Поющий петух». Все спокойно: никаких демаршей со стороны графини, никаких визитов, все шло прекрасно. Я подумал: значит, я могу вернуться домой и лечь спать. Итак, я вернулся к себе и заснул.

Сегодня на рассвете просыпаюсь, бужу Патрика и приказываю ему занять пост на углу улицы.

В девять часов – за час до назначенного времени, заметьте! – подъезжаю в карете. Патрик не заметил ничего тревожного, поэтому я спокойно поднимаюсь по лестнице.

У двери меня останавливает служанка и сообщает мне, что графиня не может сегодня выйти из своей комнаты и, возможно, еще целую неделю никого не сможет принять.

– «Что значит „не может выйти из комнаты“? – вскричал я – Что с ней случилось?»

– Она больна.

– Больна? Но этого не может быть. Вчера она прекрасно себя чувствовала.

– Да Но графиня имеет привычку сама готовить себе шоколад Утром, вскипятив воду, она опрокинула ее с плиты себе на ногу и обожглась. Я прибежала на ее крики. Графиня чуть было не потеряла сознание. Я отнесла ее в постель и сейчас, по-моему, она спит.

Я стал таким же белым, как ваши кружева, графиня, я закричал:

– Это ложь!

– Нет, дорогой господин Дю Барри, – ответил мне голос, такой пронзительный, что, казалось, им можно проткнуть деревянную балку. – Нет, это не ложь, я ужасно страдаю.

Я бросился в ту сторону, откуда шел голос, проник через дверь, которая не желала отворяться, и действительно увидел, что старая графиня лежит в постели.

– Ах, графиня! – сказал я.

Это были единственные слова, которые я смог произнести. Я был взбешен: я с радостью задушил бы ее на месте.

– Смотрите! – сказала она, показывая мне на валявшийся на полу металлический сосуд. – Вот виновник всех бед.

Я вспрыгнул на кофейник обеими ногами и раздавил его.

– Больше в нем никто уже не будет варить шоколад, это я вам обещаю.

– Экая досада! – продолжала старуха слабым голосом. – Вашу сестру будет представлять ко двору госпожа д'Алони Ну да ничего не поделаешь – видно, так написано на небесах, как говорят на Востоке.

– Ах, Боже мой! – вскричала графиня. – Жан, вы лишаете меня всякой надежды.

– А я еще не утратил надежды, но только если вы сами пойдете к ней навстречу: вот почему я вызвал вас сюда.

– А что дает вам надежду?

– Черт возьми! Вы можете сделать то, чего не могу я. Вы женщина и можете заставить графиню снять повязку в вашем присутствии. Когда же обман откроется, вы скажете графине де Беарн, что ее сын не будет землевладельцем, что она никогда не получит ни копейки из наследства Салюсов. Кроме того, сцена заклания Камиллы будет в вашем исполнении гораздо более правдоподобной, нежели сцена гнева Ореста – в моем.

– Он шутит! – вскричала графиня.

– Чуть-чуть, поверьте мне!

– Где она остановилась, наша сивилла?

– Вы прекрасно знаете: в «Поющем петухе», на улице Сен-Жермен-де-Пре. Большой черный дом с огромным петухом, нарисованным на листе железа Когда железо скрипит, петух поет.

– Это будет ужасная сцена!

– Я тоже так думаю. Но, по моему мнению, надо рискнуть. Вы мне позволите сопровождать вас?

– Ни в коем случае, вы все испортите.

– Вот что сказал мне наш прокурор, с которым я советовался: можете принять это к сведению. Избить кого-то у него в доме – за это штраф и тюрьма. Избить же его на улице...

– За это ничего не будет, – подхватила графиня. – Вы это знаете лучше, чем кто-либо.

На лице Жана появилась кривая усмешка.

– Долги, которые платятся с опозданием, возвращаются с процентами, – сказал он. – Если я когда-нибудь вновь встречу с этим человеком...

– Давайте говорить только об интересующей меня женщине, виконт.

– Я больше ничего не могу вам рассказать о ней: поезжайте!

Жан отступил, уступая дорогу карете.

– Где вы будете меня ждать?

– На постоялом дворе. Я закажу бутылку испанского вина и, если вам понадобится поддержка, сразу же буду рядом с вами.

– Гони, кучер! – вскричала графиня.

– Улица Сен-Жермен-де-Пре, «Поющий петух»! – повторил виконт.

Карета, помчалась к Елисейским полям.

Через четверть часа она остановилась на улице Аббасьяль у рынка Сент-Маргерит.

Здесь графиня Дю Барри вышла из кареты. Она боялась, что шум подъезжающего экипажа предупредит хитрую старуху, которая, конечно, настороже и, выглянув из-за занавески, сумеет избежать встречи.

Поэтому, в сопровождении одного лишь лакея, графиня быстро прошла по улице Аббасьяль, состоявшей всего только из трех домов, с постоянным двором посередине.

Она скорее ворвалась, нежели вошла в растворенные ворота постоянного двора.

Никто не видел, как она вошла, но внизу у лестницы она встретила хозяйку.

– Где комната графини де Беарн? – спросила она.

– Госпожа де Беарн больна и никого не принимает.

– Я знаю, что она больна. Я приехала, чтобы узнать о ее здоровье.

Легкая как птичка, она в один миг взлетела вверх по лестнице.

– К вам ломятся силой! – закричала хозяйка.

– Кто же это? – спросила старая сутяга из глубины своей комнаты.

– Я, – ответила графиня, внезапно появляясь на пороге с выражением лица, соответствовавшим обстановке: вежливой улыбкой и гримасой сочувствия.

– Это вы, ваше сиятельство! – вскрикнула, побледнев от страха, любительница процессов.

– Да, дорогая, я здесь, чтобы выразить вам участие в вашей беде, о которой мне только что сообщили. Расскажите, пожалуйста, как это случилось.

– Я не смею, графиня, даже предложить вам сесть в такой трущобе.

– Я знаю, что в Турени у вас целый замок, и постоянный двор я прощаю.

Графиня села. Де Беарн поняла, что она пришла надолго.

– Вам, кажется, очень больно? – спросила Дю Барри.

– Адская боль.

– Болит правая нога? Ах, Боже мой, но как же так случилось, что вы обожгли ногу?

– Очень просто: я держала кофейник, ручка выскользнула у меня из рук, кипящая вода выплеснулась, и почти целый стакан вылился мне на ногу.

– Это ужасно! Старуха вздохнула.

– О да, – подтвердила она, – ужасно. Но что поделаешь! Беда не приходит одна.

– Вы знаете, что король ждал вас утром?

– Вы вдвое увеличиваете мое отчаяние, сударыня.

– Его величество недоволен, графиня, тем, что вы так и не появились.

– Мои страдания служат мне оправданием, и я рассчитываю представить его величеству мои самые нижайшие извинения.

– Я говорю вам об этом вовсе не для того, чтобы хоть в малой мере вас огорчить, – сказала Дю Барри, видя, насколько изворотлива старуха, – я хотела лишь, чтобы вы поняли, как приятен был бы его величеству этот ваш шаг и как бы он был вам признателен за него.

– Вы видите, в каком я положении, графиня.

– Да, да, конечно. А хотите, я вам кое-что скажу?

– Конечно. Это большая честь для меня.

– Дело в том, что, по всей вероятности, ваше несчастье – следствие большого волнения.

– Не стану отрицать, – ответила любительница процессов, поклонившись, – я была очень взволнована честью, которую вы мне оказали, так радушно приняв меня у себя.

– Я думаю, что дело не только в этом.

– Что же еще? Нет, насколько я знаю, больше ничего не произошло.

– Да нет же, вспомните, может быть, какая-нибудь неожиданная встреча...

– Неожиданная встреча...

– Да, когда вы от меня выходили.

– Я никого не встретила, я была в карете вашего брата.

– А перед тем, как сели в карету? Любительница судов притворилась, будто пытается вспомнить.

– Когда вы спускались по ступенькам крыльца. Любительница судов изобразила на своем

лице еще большее внимание.

– Да, – сказала графиня Дю Барри с улыбкой, в которой сквозило нетерпение, – некто входил во двор, когда вы выходили из дома.

– К сожалению, графиня, не припомню.

– Это была женщина... Ну что? Теперь вспомнили?

– У меня такое плохое зрение, что хотя вы всего в двух шагах от меня, я ничего не различаю.

Так что судите сами...

«Н-да, крепкий орешек, – подумала графиня, – не спит хитрить, она все равно выйдет победительницей».

– Ну что ж, – продолжала она вслух, – раз вы не видели этой дамы, я скажу вам, кто она.

– Дама, которая вошла, когда я выходила?

– Она самая. Это моя невестка, мадмуазель Дю Барри.

– Ах вот как! Прекрасно, графиня, прекрасно. Но раз я ее никогда не видела...

– Нет, видели.

– Я ее видела?

– Да, и даже разговаривали с ней.

– С мадмуазель Дю Барри?

– Да, с мадмуазель Дю Барри, Только тогда она назвалась мадмуазель Флажо.

– А! – воскликнула старая любительница процессов с язвительностью, которую она не смогла скрыть. – Та мнимая мадмуазель Флажо, которая приехала ко мне и из-за которой я предприняла эту поездку, – ваша родственница?

– Да, графиня.

– Кто же ее ко мне послал?

– Я.

– Чтобы подшутить надо мной?

– Нет, чтобы оказать вам услугу, в то время как вы окажете услугу мне.

Старуха нахмурила густые седые брови.

– Я думаю, – сказала она, – что этот визит будет не очень полезен...

– Разве господин де Монеу плохо вас принял?

– Пустые обещания господина Монеу...

– Мне кажется, я имела честь предложить вам нечто более осязаемое, чем пустые обещания.

– Графиня, человек предполагает, а Бог располагает.

– Поговорим серьезно, – сказала Дю Барри.

– Я вас слушаю.

– Вы обожгли ногу?

– Как видите.

– Сильно?

– Ужасно.

– Не могли бы вы, несмотря на эту рану, вне всякого сомнения чрезвычайно болезненную, не могли бы вы сделать усилие, потерпеть боль до замка Люсьенн и продержаться стоя одну секунду в моем кабинете перед его величеством?

– Это невозможно, графиня. При одной только мысли о том, чтобы подняться, мне становится плохо.

– Но значит, вы действительно очень сильно обожгли ногу?

– Да, ужасно.

– А кто делает вам перевязку, кто осматривает вас, кто вас лечит?

– Как любая женщина, под началом которой был целый дом, я знаю прекрасные средства от ожогов. Я накладываю бальзам, составленный по моему рецепту.

– Не будет ли нескромностью попросить вас показать мне это чудодейственное средство?

– Пузырек там, на столе.

«Лицемерка! – подумала Дю Барри. – Она даже об этом подумала в своем притворстве: решительно, она очень хитра. Посмотрим, каков будет конец».

– Графиня, – тихо сказала Дю Барри, – у меня тоже есть удивительное масло, которое помогает при подобного рода несчастьях. Но применение его в значительной степени зависит от того, насколько сильный у вас ожог.

– То есть?. – Бывает простое покраснение, волдырь, рана. Я, конечно, не врач, но каждый из нас хоть раз в жизни обжигался – У меня рана, графиня.

– Боже мой! Как же, должно быть, вы мучаетесь! Хотите, я приложу к ране мое целебное масло?

– Конечно, графиня. Вы его принесли?

– Нет, но я его пришлю.

– Очень вам признательна.

– Мне только нужно убедиться в том, что ожог действительно серьезный.

Старуха стала отнекиваться.

– Ах нет, графиня, – сказала она. – Я не хочу, чтобы вашим глазам открылось подобное зрелище.

«Так, – подумала Дю Барри, – вот и попалась».

– Не бойтесь, – проговорила она, – меня не пугает вид ран.

– Графиня! Я хорошо знаю правила приличия...

– Там, где речь идет о помощи ближнему, забудем о приличиях.

Внезапно, она протянула руку к покоившейся на кресле ноге графини.

Старуха от страха громко вскрикнула, хотя Дю Барри едва прикоснулась к ней.

«Хорошо сыграно!» – прошептала графиня, наблюдавшая за каждой гримасой боли на искавшемся лице де Беарн.

– Я умираю, – сказала старуха. – Ах, как вы меня напугали!

Побледнев, с потухшими глазами, она откинулась, как будто теряя сознание.

– Вы позволите? – настаивала фаворитка.

– Да, – согласилась старуха упавшим голосом.

Графиня Дю Барри не стала терять ни секунды: она вынула первую булавку из бинтов, которые закрывали ногу, затем быстро развернула ткань. К ее огромному удивлению, старуха не сопротивлялась.

«Она ждет, пока я доберусь до компресса, тогда она начнет кричать и стонать. Но я увижу ногу, даже если мне придется задушить эту старую притворщицу», – сказала себе фаворитка.

Она продолжала снимать повязку. Де Беарн стонала, но ничему не противилась.

Компресс был снят и перед глазами Дю Барри предстала настоящая рана. Это не было притворством, и здесь кончалась дипломатия де Беарн. Мертвенно-бледная и кровоточащая, обожженная нога выглядела достаточно красноречиво. Беарн смогла заметить и узнать Шон, но тогда в своем притворстве она поднималась до высоты Порции и Муция Сцеволы.

Дю Барри застыла в безмолвном восхищении. Придя в себя, старуха наслаждалась своей полной победой; ее хищный взгляд не отпускал графиню, стоявшую перед ней на коленях.

Графиня Дю Барри с деликатной заботой женщины, рука которой так облегчает страдания раненых, вновь наложила компресс, устроила на подушку ногу больной и, усевшись рядом с ней, сказала:

– Ну что ж, графиня, вы еще сильнее, чем я предполагала. Я прошу у вас прощения за то, что с самого начала не приступила к интересующему меня вопросу так, как это нужно было, имея дело с женщиной вашего нрава. Скажите, каковы ваши условия?

Глаза старухи блеснули, но это была лишь молния, которая мгновенно погасла.

– Выразите яснее ваше желание, – сказала она, – и я скажу, могу ли я чем-либо быть вам полезной.

– Я хочу, – ответила графиня, – чтобы вы представили меня ко двору в Версале, даже если это будет стоить мне часа тех ужасных страданий, которые вы испытали сегодня утром Де Беарн выслушала, не моргнув глазом.

– И это все?

– Все. Теперь ваша очередь.

– Я хочу, – сказала де Беарн с твердостью, убедительно показывавшей, что договор заключался на равных правах, – я хочу иметь гарантию, что выиграю двести тысяч ливров – Но если вы выиграете, вы получите, как мне казалось, четыреста тысяч ливров.

– Нет, потому что я считаю своими те двести тысяч, которые оспаривают у меня Салюсы. Остальные двести тысяч будут как бы дополнением к той чести, которую вы оказали мне своим знакомством.

– Эти двести тысяч ливров будут вашими. Что еще?

– У меня есть сын, которого я нежно люблю. В нашем доме всегда умели носить шпагу, но, рожденные, чтобы командовать, мы, как вы понимаете, могли быть лишь посредственными солдатами. Мой сын должен командовать ротой. Обещайте, что в следующем году ему будет пожалован чин полковника.

– Кто будет оплачивать расходы на полк?

– Король. Вы понимаете, что, если я истрачу на это двести тысяч ливров моего выигрыша, завтра я стану такой же бедной, как сегодня.

– Итак, в целом это составляет шестьсот тысяч ливров.

– Четыреста тысяч, и это в том случае, если полк стоит двести тысяч, а это означало бы оценить его слишком дорого.

– Хорошо. Ваши требования будут удовлетворены.

– Я должна еще просить короля возместить мне убытки за виноградник в Турени – за четыре добрых ар-пана, которые инженеры короля отобрали у меня одиннадцать лет назад для строительства канала.

– Вам за них заплатили.

– Да, но, по словам эксперта, я могла бы получить вдвое больше того, что за него дали.

– Хорошо. Вам заплатят за него еще столько же. Все?

– Извините. Я совсем не так богата, как вы, должно быть, себе представляете. Я должна Флажо что-то около девяти тысяч ливров.

– Девять тысяч ливров?

– Это необходимо. Флажо – прекрасный советчик.

– Охотно верю, – сказала графиня. – Я заплачу эти девять тысяч ливров из своего кармана. Я надеюсь, вы согласитесь, что я очень покладиста?

– Вы неподражаемы, но, как мне кажется, я тоже доказала вам свою уступчивость.

– Если бы вы знали, как я жалею, что вы так обожглись! – с улыбкой сказала Дю Барри.

– А я не жалею, – возразила любительница процессов, – потому что, несмотря на это несчастье, надеюсь, моя преданность придаст мне сил, чтобы быть вам полезной, как если бы ничего не случилось.

– Подведем итоги, – сказала Дю Барри.

– Подождите.

– Вы что-нибудь забыли?

– Да, сущую безделицу.

– Я вас слушаю.

– Я совсем не ожидала, что мне придется предстать перед нашим великим королем. Увы! Версаль и его красоты уже давно стали мне чужды. В итоге у меня нет платья.

– Я это предусмотрела. Вчера, после вашего ухода, уже начали шить платье для представления, и я была достаточно осмотрительна, заказав его не у своей портнихи, чтобы не загружать ее работой. Завтра в полдень оно будет готово.

– У меня нет брильянтов.

– Господа Бемер и Басанж завтра представят вам по моему письму гарнитур стоимостью в двести тысяч ливров, который послезавтра они купят у вас за те же двести тысяч ливров. Таким образом, вам будет выплачено вознаграждение.

– Прекрасно; мне больше нечего желать.

– Очень рада.

– А патент полковника для моего сына?

- Его величество вручит вам его сам.
- А обязательство по оплате расходов на полк?
- В патенте это будет указано.
- Отлично. Теперь остался только вопрос о винограднике.
- Во сколько вы оцениваете эти четыре арпана?
- Шесть тысяч ливров за арпан. Это были прекрасные земли.
- Я выпишу вам вексель на двенадцать тысяч ливров, которые с теми двенадцатыми, что вы уже получили, как раз составят двадцать четыре тысячи.
- Вот письменный прибор, – сказала графиня, указывая на названный ею предмет.
- Я буду иметь честь передать его вам.
- Мне?
- Да.
- Зачем?
- Чтобы вы сообразовали написать его величеству небольшое письмо, которое я буду иметь честь продиктовать вам. Вы – мне, я – вам.
- Справедливо, – сказала де Беарн.
- Соболаговолите взять перо.

Старуха придвинула стол к креслу, приготовила бумагу, взяла перо и застыла в ожидании. Дю Барри продиктовала:

«Сир! Радость, которую я испытываю, узнав, что сделанное мною предложение быть крестной моего дорогого друга графини Дю Барри при ее представлении ко двору...»

Старуха вытянула губы и стряхнула перо.

- У вас плохое перо, – сказала фаворитка короля, – нужно его заменить.
- Не нужно, оно приспособится.
- Вы думаете?
- Да.

Дю Барри продолжала:

«...дает мне смелость просить Ваше Величество отнестись ко мне благосклонно, когда завтра, буде на то Ваше соизволение, я предстану перед Вами в Версале. Смею надеяться, сир, что Ваше Величество окажет мне честь, приняв меня благосклонно, как представительницу дома, все мужчины которого проливали кровь на службе у принцев Вашего высочайшего рода».

– Теперь подпишите, пожалуйста. Графиня подписала:

«Анастасия-Евгения-Родольф, графиня де Беарн»

Старуха писала твердой рукой; буквы, величиной с полдюйма, ложились на бумагу, усыпая ее вполне небрежно-аристократическим количеством орфографических ошибок.

Старуха, держа в одной руке только что написанное ею письмо, другой протянула чернильницу, бумагу и перо графине Дю Барри, которая выписала мелким прямым и неразборчивым почерком вексель на двадцать одну тысячу двенадцать ливров – чтобы компенсировать потерю виноградников, и девять тысяч – чтобы заплатить гонорар Флажо.

Затем она написала записку Бемеру и Бассанжу, королевским ювелирам, с просьбой вручить подателю письма гарнитур из брильянтов и изумрудов, названный «Луиза», так как он принадлежал принцессе, приходившейся дофину теткой, которая продала его с целью выручить деньги на благотворительность.

Покончив с этим, крестная и крестница обменялись бумагами.

– Теперь, дорогая графиня, – сказала Дю Барри, – докажите мне свое хорошее ко мне отношение.

- С удовольствием.
- Я уверена, что вы согласитесь переехать в мой дом. Троншен вылечит вас меньше чем за три дня. Поедемте со мной, вы испробуете также мое превосходное масло.

– Поезжайте, графиня, – сказала осторожная старуха, – мне еще нужно закончить здесь некоторые дела, прежде чем я присоединюсь к вам.

– Вы отказываете мне?

– Напротив, я согласна, но не могу ехать теперь. В аббатстве пробило час. Дайте мне время до трех часов; ровно в пять я буду в замке Люсьенн.

– Вы позволите моему брату в три часа заехать за вами в своей карете?

– Конечно.

– Ну, а теперь отдыхайте.

– Не бойтесь. Я дворянка, я дала вам слово и, даже если это будет стоить мне жизни, буду с вами завтра в Версале.

– До свидания, дорогая крестная!

– До свидания, очаровательная крестница!

На сем они расстались: старуха – по-прежнему лежа на подушках и держа рук) на бумагах, а Дю Барри – еще более легкокрылая, чем до прихода сюда, но с сердцем, слегка сжавшимся оттого, что не смогла взять верх над старой любительницей процессов – она, которая ради собственного удовольствия бивала короля Франции!

Проходя мимо большого зала, она заметила Жана, который для того, очевидно, чтобы никто не усмотрел чего-либо подозрительного в его столь долгом здесь пребывании, только что начал наступление на вторую бутылку вина.

Увидев невестку, он вскочил со стула и подбежал к ней.

– Ну что? – спросил он.

– Вот что сказал маршал Саксонский его величеству, показывая на поле битвы при Фонтенуа: «Сир! Пусть это зрелище скажет вам, какой ценой и какими страданиями достается победа».

– Значит, мы победили? – спросил Жан.

– Еще одно удачное выражение. Но оно дошло к нам из античных времен: «Еще одна такая победа, и мы проиграем».

– У нас есть поручительница?

– Да, но она обойдется нам почти в миллион.

– Ого! – произнес Дю Барри со страшной гримасой.

– Черт возьми, выбора у меня не было!

– Но это возмутительно!

– Ничего не поделаешь. Не вздумайте возмущаться, потому что, если случится, что вы будете недостаточно почтительны, мы можем вообще ничего не получить или же это будет стоить нам вдвое дороже – Ну и ну! Вот так женщина!

– Это римлянка.

– Это гречанка – Не важно! Гречанка или римлянка – будьте готовы в три часа забрать ее отсюда и привезти ко мне в Люсьенн. Я буду спокойна только, когда посажу ее под замок.

– Я не двинусь отсюда ни на шаг, – сказал Жан – А мне надо поспешить все приготовить, – сказала графиня и, бросившись к карете, крикнула:

– В Люсьенн! Завтра я скажу. «В Марли!»

– Какая разница? – сказал Жан, следя глазами за удалявшейся каретой.

– Так или иначе, мы дорого обходимся Франции. Это лестно для Дю Барри.

Глава 3. ПЯТЫЙ ЗАГОВОР МАРШАЛА РИШЕЛЬЕ

Король, как обычно, вернулся ко двору в Марли.

Меньший раб этикета, нежели Людовик XIV, который во время придворных церемоний искал повода для проявления своей королевской власти, Людовик XV в каждом кружке придворных искал новостей, до которых был охоч, и особенно разнообразия лиц – это развлечение он предпочитал всем остальным, тем паче если эти лица были приветливыми.

Вечером того дня, когда состоялась только что описанная нами встреча, и через два часа после того, как де Беарн, согласно своему обещанию, которое на сей раз она сдержала, расположилась в кабинете графини Дю Барри, король играл в карты в голубом салоне.

Слева от него сидела герцогиня Айенская, справа – де Гемене.

Король, казалось, был чем-то озабочен, из-за чего и проиграл восемьсот луидоров. Проиг-

рыш заставил его вернуться к занятиям более серьезным – будучи достойным потомком Генриха IV, Людовик XV предпочитал выигрывать. В девять часов король отошел от карточного стола к окну для беседы с сыном экс-канцлера Малерба. От противоположного окна за их беседой с беспокойством наблюдал господин де Монеу, разговаривавший с Шуазелем.

Как только король отошел, у камина образовался кружок. Вернувшись с прогулки по саду, принцессы Аделаида, Софья и Виктория устроились здесь со своими фрейлинами и придворными.

Так как вокруг короля – вне всякого сомнения занятого делами, ибо серьезность де Малерба была общеизвестна, – собрались офицеры, сухопутные и морские, высокородные дворяне, вельможи и высшие чиновники, застывшие в почтительном ожидании, кружок у камина был вполне удовлетворен. Прелюдией к более оживленной беседе служили колкости, представлявшие лишь разведку перед боем.

Основную часть женщин, входящих в эту группу, представляли, кроме трех дочерей короля, графиня де Граммон, де Гемене, де Шуазель, де Мирпуа и де Поластрон.

В то мгновение, когда мы остановили взгляд на этой группе, принцесса Аделаида рассказывала историю про одного епископа, которого пришлось заключить в исправительное заведение прихода. История, от пересказа которой мы воздержимся, была достаточно скандальная, особенно в устах принцессы королевского рода, но эпоха, которую мы пытаемся описать, отнюдь не была, как известно, осенена знаком богини Весты.

– Вот так раз! – сказала принцесса Виктория. – А ведь всего месяц назад этот епископ сидел здесь, с нами.

– У его величества можно было бы встретиться кое с кем и похуже, – сказала де Граммон, – если бы сюда наконец получили доступ те, кто, ни разу не побывав здесь, так жаждет сюда попасть.

При первых словах герцогини и особенно по тону, каким эти слова были произнесены, все поняли, о ком она говорила и в каком направлении пойдет беседа.

– К счастью, хотеть и мочь – не одно и то же, не правда ли, герцогиня? – спросил, вмешиваясь в беседу, невысокий мужчина семидесяти четырех лет, который с виду казался пятидесятилетним – так он был статен, такой молодой у него был голос, такая изящная походка, такие живые глаза, такая белая кожа и такие красивые руки.

– А, вот и господин де Ришелье, который первым бросается на приступ, как при осаде Маона, и который одержит победу и в нашей беседе! – сказала герцогиня. – Опять пытаетесь гренадерствовать, дорогой герцог?

– Пытаюсь? Ах, герцогиня, вы меня обижаете, скажите: я все такой же гренадер.

– Так что же, разве я что-нибудь не так сказала, герцог?

– Когда?

– Только что.

– А о чем, собственно, вы говорили?

– О том, что двери короля не открывают силой.

– Как и занавески алькова. Я всегда с вами согласен, графиня, всегда согласен.

Намек герцога заставил некоторых дам закрыть лица веерами и имел успех, хотя хулители былых времен и поговаривали, что остроумие герцога устарело.

Герцогиня де Граммон заметно покраснела, потому что эпиграмма была направлена главным образом против нее.

– Итак, – сказала она, – если герцог говорит нам подобные вещи, я не буду продолжать свою историю, но предупреждаю вас: вы много потеряете, если только не попросите маршала рассказать вам что-нибудь еще.

– Как я могу осмелиться прервать вас в тот момент, когда вы, возможно, собираетесь позлословить о ком-нибудь из моих знакомых! – воскликнул герцог. – Боже упаси! Я напряг весь оставшийся у меня слух.

Кружок вокруг герцогини стал еще теснее. Герцогиня де Граммон бросила взгляд в сторону окна, чтобы убедиться, что король все еще там. Король по-прежнему стоял на том же месте, но, продолжая беседу с де Малербом, он не упускал из виду образовавшуюся группу, и его взгляд

встретился со взглядом герцогини де Граммон.

Герцогиня почувствовала, что храбрости у нее поубавилось из-за того выражения, которое, как ей показалось, она заметила в глазах короля, но, начав, она не захотела остановиться на полпути.

– Знайте же, – продолжала герцогиня де Граммон, обращаясь главным образом к трем принцессам, – что некая дама – имя ведь ничего не значит, правда? – пожелала недавно увидеть всех нас – нас. Божьих избранниц, во всей нашей славе, лучи которой заставляют ее умирать от ревности.

– Где она хотела нас увидеть?

– В Версале, в Марли, в Фонтенбло.

– Так, так, так.

– Бедное создание из всех наших больших собраний видела лишь обед короля, на который разрешено поглазеть зевакам: им позволено из-за ограды смотреть, как кушает его величество вместе с приглашенными, причем не останавливаясь, а проходя мимо, повинуюсь движению жезла дежурного распорядителя.

Герцог де Ришелье шумно втянул понюшку табаку из табакерки севрского фарфора.

– Но чтобы видеть нас в Версале, в Марли, в Фонтенбло, нужно быть представленной ко двору, – сказал герцог.

– Дама, о которой идет речь, как раз и домогается представления ко двору.

– Держу пари, что ее ходатайство удовлетворено, – сказал герцог. – Король так добр!

– К сожалению, чтобы быть представленной ко двору, недостаточно разрешения короля, нужен также кто-то, кто мог бы вас представить.

– Да, нечто вроде крестной, – сказала де Гемене и стала напевать:

И лишь подруга Блеза – вот бедняжка! – Лежит в постели, захворавши тяжело...

– Дайте же герцогине самой закончить начатую ей историю! – остановил ее герцог.

– Ну что ж, продолжайте, герцогиня, – сказала принцесса Виктория. – Вы нас так заинтриговали, а теперь не хотите договаривать.

– Что вы! Напротив, я непременно хочу рассказать историю до конца. Когда у вас нет крестной, ее нужно отыскать. «Ищите и обрящите», – сказано в Евангелии. Искали так хорошо, что в конце концов нашли. Но какую крестную, Бог мой! Провинциальную кумушку, наивную и бесхитростную. Ее чуть ли не силой вытащили из ее захолустья, исподволь подготовили, приласкали, принарядили.

– Прямо мурашки по телу, – сказала де Гемене – И вдруг, когда провинциалочка уже почти готова, разнеженная и принаряженная, она сваливается с лестницы...

– И что же?... – спросил герцог де Ришелье.

– Она сломала ногу.

– «Ха-ха-ха-ха-ха-ха!» – пропела герцогиня, добавляя еще две строчки к двестишести г-жи де Мирпуа.

– Значит, представление ко двору...

– Можете забыть о нем, дорогая моя.

– Вот что значит судьба! – сказал маршал, вздев руки к небу.

– Извините, – сказала принцесса Виктория, – но мне очень жаль бедную провинциалку.

– Что вы, ваше высочество! – возразила графиня. – Вам следовало бы ее поздравить: из двух зол она выбрала меньшее.

Герцогиня осеклась на полуслове, заметив обращенный на нее взгляд короля.

– А о ком вы говорили, герцогиня? – возобновил разговор маршал, притворяясь, что никак не может догадаться, кто эта дама, о которой шел разговор.

– Ну..., имя мне не называли.

– Как жаль! – сказал маршал – Однако я догадалась, догадайтесь и вы.

– Если бы все присутствующие дамы были смелыми и верными принципам чести старинного французского дворянства, – с горечью сказала де Гемене,

– они отправились бы с визитом к провинциалке, которой пришла в голову столь блестящая

идея – сломать себе ногу.

– Ах, Боже мой! Конечно, это прекрасная мысль, – сказал герцог де Ришелье, – но нужно знать, как зовут эту прелестную даму, которая избавила нас от такой великой опасности. Ведь нам больше ничего не угрожает, не правда ли, дорогая графиня?

– Опасность миновала, ручаюсь вам: дама в постели с перевязанной ногой и не может сделать ни шага.

– А что если эта особа найдет себе другую поручительницу? – спросила де Гемене. – Она ведь очень предприимчива.

– Не беспокойтесь, поручительницу отыскать не так-то просто.

– Еще бы, черт ее подери! – сказал маршал, грызя одну из тех чудесных конфеток, которым, как поговаривали, он был обязан своей вечной молодостью.

Король взмахнул рукой. Все замолчали.

Голос короля, внятный и столь знакомый каждому, прозвучал в салоне:

– Прощайте, дамы и господа!

Все поднялись с мест, и в галерее началось оживление. Король сделал несколько шагов к двери, затем, повернувшись в ту минуту, когда выходил из зала, произнес:

– Кстати, завтра в Версале состоится представление ко двору.

Его слова прозвучали среди присутствующих как удар грома.

Король обвел взглядом группу дам – они побледнели и переглянулись.

Король вышел, не прибавив ни слова.

Но как только он удалился в сопровождении свиты и многочисленных придворных, состоявших у него на службе, среди принцесс и прочих присутствующих, оставшихся в зале после его ухода, поднялась буря.

– Представление ко двору! – помертвев, пролепетала герцогиня де Граммон. – Что хотел сказать его величество?

– Герцогиня, – спросил маршал с такой ядовитой улыбкой, которую не могли простить ему даже лучшие друзья, – это, случайно, не то представление, о котором вы говорили?

Дамы кусали губы от досады.

– Нет! Это невозможно! – глухим голосом проговорила герцогиня де Граммон.

– А вы знаете, герцогиня, сейчас так хорошо лечат переломы!

Господин де Шуазель приблизился к своей сестре и сжал ей руку предупреждающим жестом, но герцогиня была слишком задета, чтобы обращать внимание на предупреждения.

– Это оскорбительно! – вскричала она.

– Да, это оскорбление! – повторила за ней де Гемене.

Господин де Шуазель, убедившись в своем бессилии, отошел.

– Ваши высочества! – продолжала герцогиня, обращаясь к трем дочерям короля. – Мы можем надеяться только на вас. Вы, первые дамы королевства, неужели вы потерпите, чтобы всем нам было навязано – в единственном неприступном убежище благопристойных дам – такое общество, которое унизило бы даже наших горничных? Принцессы, не отвечая, грустно опустили головы.

– Ваши высочества! Ради Бога! – повторила герцогиня.

– Король – повелитель, только он может принимать решения, – сказала, вздохнув, принцесса Аделаида.

– Хорошо сказано, – поддержал ее герцог Ришелье.

– Но тогда будет скомпрометирован весь французский двор! – вскричала герцогиня. – Ах, господа, как мало вы заботитесь о чести ваших фамилий!

– Сударыни! – сказал г-н де Шуазель, пытаясь обратить все в шутку. – Раз все это становится похожим на заговор, вы ничего не будете иметь против, если я удалюсь? И, уходя, уведу с собой господина Сартину.

– Вы с нами, герцог? – продолжал г-н де Шуазель, обращаясь к Ришелье.

– Пожалуй, нет, – ответил маршал. – Я остаюсь: я обожаю заговоры.

Господин де Шуазель скрылся, уводя г-на де Сартину, Те немногие мужчины, которые еще

оставались в зале, последовали их примеру.

Вокруг принцесс остались лишь герцогиня де Граммон де Гемене, герцогиня Айенская, г-жа де Мирпуа, г-жа ж Поластрон и еще десять дам, с особым жаром участвовавших в споре, вызванном пресловутым представлением ко двору.

Герцог де Ришелье был среди присутствовавших единственным мужчиной.

Дамы смотрели на него с беспокойством, как если бы он был троянцем в стане греков.

– Я представляю свою дочь, графиню д'Эгмон, – сказал он им. – Не обращайтесь на меня внимания.

– Сударыни! – сказала герцогиня де Граммон. – Есть способ выразить протест против бесчестия, которому нас хотят подвергнуть, и я воспользуюсь этим способом.

– Что же это за способ? – спросили в один голос все дамы.

– Нам сказали, – продолжала герцогиня де Граммон, – что король – властелин.

– А я ответил на это: хорошо сказано, – подтвердил герцог.

– Король – повелитель в своем доме, это правда. Но зато у себя дома властвуем мы сами. А кто может помешать мне сказать сегодня кучеру: «В Шантеру», вместо того чтобы приказать ему: «В Версаль»?

– Все это так, – сказал герцог де Ришелье, – но чего вы добьетесь своим протестом?

– Кое-кого это заставит задуматься, – вскричала г-жа де Гемене, – если вашему примеру, герцогиня, последуют многие!

– А почему бы нам всем не последовать примеру герцогини? – спросила г-жа де Мирпуа.

– Ваши высочества! – сказала герцогиня, вновь обращаясь к дочерям короля. – Вы, дочери Франции, должны показать пример двору!

– А король не рассердится на нас? – спросила принцесса Софья.

– Разумеется, нет! Как вашим высочествам может это прийти в голову! Король, наделенный тонкими чувствами, неизменным тактом, будет, напротив, признателен вам. Верьте мне – он никогда не неволит.

– Даже напротив, – подхватил герцог Ришелье, намекая во второй или третий раз на вторжение, которое, как поговаривали, совершила герцогиня де Граммон в спальню короля, – это его неволят, его пытаются взять силою.

При этих словах в рядах дам произошло движение, которое походило на то, что происходит в роте гренадеров, когда разрывается бомба.

Наконец все пришли в себя.

– Правда, король ничего не сказал, когда мы закрыли для графини свою дверь, – сказала принцесса Виктория, осмелевшая и разгоряченная кипением страстей в собрании, – но может статься, что по столь торжественному поводу...

– Ну какие тут могут быть сомнения, – продолжала настаивать герцогиня де Граммон. – Конечно, все могло бы случиться, если бы отсутствовали только вы одни, ваши высочества. Но когда король увидит, что никого из нас нет.

– Никого! – вскричали дамы.

– Да, никого! – повторил старый маршал.

– Значит, вы тоже участвуете в заговоре? – спросила принцесса Аделаида.

– Ну конечно, именно поэтому я прошу дать мне слово.

– Говорите, герцог, говорите! – воскликнула герцогиня де Граммон.

– Нужно действовать по порядку, – сказал герцог. – Совсем недостаточно крикнуть: «Мы все, все!» Та, что громче всех «Я это сделаю», когда наступит время, поступит совсем иначе. Как я только что имел честь заявить вам, я принимаю участие в заговоре, поэтому я опасаясь, что останусь в одиночестве, как это уже случалось со мной неоднократно, когда я участвовал в заговорах при покойном короле или в период Регентства.

– Право же, герцог, – насмешливо проговорила герцогиня де Граммон, – вы, кажется, забыли, где находитесь. В стране амазонок вы претендуете на роль вождя.

– Поверьте, что у меня есть некоторое право на пост, который вы у меня оспариваете, – возразил герцог. – Вы ненавидите Дю Барри – ну, вот я и назвал имя, но ведь никто этого не слышал,

не правда ли? – вы ненавидите Дю Барри сильнее, чем я, но я компрометирую себя в гораздо большей степени, нежели вы.

– Вы скомпрометированы, герцог? – удивилась г-жа де Мирпуа.

– Скомпрометирован, и очень сильно. Вот уже целую неделю я не был в Версале, так что вчера графиня даже послала за мной в мой Ганноверский особняк, чтобы справиться, не болен ли я. И вы знаете, что ответил Раффе? Что я настолько хорошо себя чувствую, что даже не ночевал дома. Впрочем, я отказываюсь от своих прав, у меня нет никаких амбиций, я уступаю вам место вождя и готов помочь вам занять его. Вы все это начали, вы зачинщица, вы посеяли дух возмущения в умах, вам и жезл командующего.

– Но только после их высочеств, – почтительно произнесла герцогиня.

– Оставьте нам пассивную роль, – сказала принцесса Аделаида. – Мы поедем навестить нашу сестру Луизу в Сен-Дени; она задержит нас у себя, и мы не вернемся ночевать в Версаль. И никто ничего не сможет сказать.

– Ну конечно! Что тут можно сказать! – отозвался герцог. – Или действительно нужно иметь извращенный ум.

– Я займусь уборкой сена в Шантеру, – сказала графиня.

– Bravo! – вскричал герцог. – В добрый час. Вот прекрасный предлог!

– А у меня, – сказала де Гемене, – заболел ребенок, и я никуда не выезжаю, потому что ухаживаю за ним.

– А я сегодня вечером что-то чувствую себя усталой, – подхватила г-жа де Поластрон. – И если Троншен не пустит мне кровь, завтра я могу опасно заболеть.

– Ну а я, – сказала величественно г-жа де Мирпуа, – не поеду в Версаль потому, что не хочу, вот моя причина: свобода выбора.

– Прекрасно, превосходно! – сказал Ришелье, – но нужно поклясться.

– Как? Нужно поклясться?

– Конечно, в заговорах всегда клянутся: начиная с заговора Катилины до заговора Селламара, в котором я имел честь принимать участие, всегда давали клятву.

Правда, это ничего не меняло, но традицию нужно соблюдать. Итак, давайте поклянемся! Это придаст заговору торжественность, вы сами в том убедитесь.

Он протянул руку и, окруженный группой дам, торжественно произнес: «Клянусь!»

Все присутствующие повторили за ним клятву, за исключением принцесс, которые незаметно исчезли.

– Ну, вот и все, – сказал герцог. – Заговорщики произнесли клятву, и больше ничего делать не надо.

– Как же она будет разгневана, когда окажется в пустом зале! – вскричала де Гемене.

– Гм! Король, конечно, отправит нас в ссылку, – заметил Ришелье.

– Да что вы, герцог! – отозвалась де Гемене. – Что же будет со двором, если нас сошлют? Разве при дворе не ожидают прибытия его величества короля Дании? Кого же ему представят? Разве не готовятся к приезду ее высочества? Кому ее будут показывать?

– Кроме того, весь двор сослать нельзя, всегда кого-нибудь выбирают...

– Я прекрасно знаю, что всегда кого-нибудь выбирают, более того: мне везет, всегда выбирают именно меня. Уже выбирали четыре раза, ведь это мой пятый заговор, сударыни.

– Ну что вы, герцог! – сказала де Граммон. – Не огорчайтесь, на этот раз в жертву принесут меня.

– Или господина Шуазеля, – добавил маршал, – берегитесь, герцогиня!

– Господин де Шуазель, как и я, вынесет немилость, но не потерпит оскорбления.

– Сошлют не вас, герцог, не вас, герцогиня, и не господина де Шуазеля, – сказала де Мирпуа, – сошлют меня. Король не простит мне, что я была менее любезна с графиней, чем с маркизой.

– Это правда, – сказал герцог, – вас всегда называли фавориткой фаворитки. Бедная госпожа де Мирпуа! Нас сошлют вместе!

– Нас всех отправят в ссылку, – сказала, поднимаясь, г-жа де Гемене,

- потому что, надеюсь, ни одна из нас не изменит своего решения.
- И данной клятве, – добавил герцог.
- Кроме того, – сказала де Граммон, – на всякий случай я приму меры...
- Меры?.. – переспросил герцог.
- Да. Ведь чтобы быть завтра вечером в Версале, ей необходимы три вещи.
- Какие же?
- Парикмахер, платье, карета.
- Да, конечно, вы правы.
- И что же?

– А то, что она не приедет в Версаль к десяти часам. Король потеряет терпение, отпустит двор, и представление ко двору этой дамы будет отложено Бог знает на какой срок из-за церемоний по поводу приезда ее высочества.

Взрыв аплодисментов и возгласы «браво» приветствовали этот новый эпизод заговора. Но, аплодируя больше других, герцог де Ришелье и г-жа де Мирпуа обменялись взглядами. Старые придворные поняли, что им обоим пришла в голову одна и та же мысль.

В одиннадцать часов вечера все заговорщики мчались в своих экипажах по дороге в Версаль или в Сен-Жермен, залитой изумительным лунным светом.

Только герцог де Ришелье взял лошадь своего курьера и, в то время как его карета с задернутыми шторами на виду у всех следовала по дороге в Версаль, сам он во весь опор верхом скакал в Париж по проселочной дороге.

Глава 4. НИ ЦИРЮЛЬНИКА, НИ ПЛАТЬЯ, НИ КАРЕТЫ

Было бы дурным тоном со стороны графини Дю Барри, если бы она отправилась на церемонию представления ко двору в парадную залу версальского дворца прямо из своих покоев.

К тому же Версаль был неподходящ для столь торжественного дня.

И, что самое главное, это не было в обычаях того времени. Избранники выезжали с большой пышностью либо из своего особняка в Версале, либо из своего дома в Париже.

Графиня Дю Барри выбрала второй путь.

Уже в одиннадцать часов утра она прибыла на улицу Валуа в сопровождении графини де Беарн, которую она постоянно держала во власти своей улыбки или же под замком; к ране графини беспрестанно прикладывали все возможные снадобья, какими только располагала медицина и химия.

Накануне Жан Дю Барри, Шон и Доре принялись за дело. Те, кто не видел их в действии, с трудом могут представить себе, насколько велика власть золота и мощь человеческого разума.

Одна из них заручилась услугами парикмахера, другая подгоняла портних. Жан заказывал карету, а также взял на себя труд приглядывать за швеями и доставить к сроку парикмахера. Графиня, выбиравшая цветы, кружева и брильянты, была завалена футлярами и каждый час получала с курьером вести из Версала о том, что был отдан приказ зажечь огни в салоне королевы; никаких изменений не ожидалось.

Часа в четыре вернулся бледный, возбужденный, но радостный Жан Дю Барри.

– Ну как дела? – спросила графиня.

– Все будет готово к сроку.

– А парикмахер?

– Я встретился у него с Доре. Мы обо всем условились. Я сунул ему в руку чек на пятьдесят луидоров. Он ужинает здесь ровно в шесть часов. С этой стороны мы можем быть спокойны.

– Как платье?

– Платье будет изумительное. Шон наблюдает за работой. Двадцать шесть мастериц пришивают жемчужины, ленты и отделку. И так, полотно за полотном, будет выполнена эта чудесная работа, которую любой другой, кроме нас, получил бы только через неделю.

– Что значит полотно за полотном?

– Это значит, сестричка, что всего расшивают тринадцать полотен. По две мастерицы на

каждое полотно: одна берется справа, другая – слева; они украшают его аппликациями и камнями. Соберут же эти полотна вместе в последнюю минуту. Работы осталось часа на два. В шесть вечера у нас будет платье.

– Вы уверены, Жан?

– Вчера мы с моим инженером подсчитали количество стежков. На каждое полотно приходится десять тысяч стежков, пять тысяч – на мастерицу. По такой плотной ткани женщина не может сделать более одного стежка в пять секунд. Итак, двенадцать стежков в минуту, семьсот двадцать в час, семь тысяч двести за десять часов. Я оставляю две тысячи двести на отдых и неправильные швы. У нас остается еще добрых четыре часа.

– А что с каретой?

– Вы знаете, что за карету отвечал я. Лак сохнет в большом сарае, который для этой цели натоплен до пятидесяти градусов. Это очаровательный экипаж с двумя расположенными друг против друга сиденьями, в сравнении с которыми – я вам ручаюсь – посланные навстречу ее высочеству кареты – просто ничто. В придачу к гербу, на всех четырех створках, и боевому кличу Дю Барри «Надежные, вперед!» на двух боковых створках я велел нарисовать с одной стороны воркующих голубков, а с другой – сердце, пронзенное стрелой. И – всюду луки, колчаны и факелы.

У Франсиана народ стоит в очереди, чтобы взглянуть на карету. Ровно в восемь она будет здесь.

В это мгновение вошли Шон и Доре. Они подтвердили слова Жана.

– Благодарю вас, мои славные помощники, – сказала графиня.

– Сестричка! – сказал Жан Дю Барри. – У вас усталые глаза. Поспите часок, вы почувствуете себя лучше.

– Поспать? Ну конечно, я отлично выплусь ночью, но многим будет не до сна.

В то время как у графини в доме велись приготовления, слух о представлении ко двору распространился по всему городу. Каким бы праздным и каким бы безразличным ни казался парижский люд – он самый большой охотник до сплетен. Никто лучше не знал придворных и их интриги, чем зеваки восемнадцатого века – те самые, которых не допускали ни на один дворцовый праздник; они могли только видеть ночью непонятные гербы на каретах да таинственные ливреи лакеев. Нередко случалось, что какого-нибудь высокородного дворянина знал весь Париж. Это было неудивительно: на спектаклях и прогулках двор играл главную роль. Герцог де Ришелье на своем итальянском табурете или графиня Дю Барри в своем не уступавшем королевскому экипажу позировали перед публикой так же, как в наше время известный актер или любимая актриса.

Знакомые лица вызывают большой интерес. Весь Париж знал графиню Дю Барри, любившую показываться в театре, на прогулке, в магазинах, как и всякая богатая, молодая, красивая женщина. Париж знал ее по портретам, карикатурам, наконец узнавал ее благодаря Замору. История с представлением ко двору занимала Париж в такой же степени, как и королевский двор. В этот день опять было сборище на площади Пале-Рояль, но – мы просим прощения у философов – вовсе не для того, чтобы взглянуть на играющего в шахматы Руссо в кафе «Режанс», а чтобы увидеть фаворитку короля в роскошной карете и изысканном платье, вызывавших много толков. Острота Жана Дю Барри «Мы дорого стоим Франции» имела под собой достаточное основание; вполне естественно, что представляемая Парижем Франция хотела насладиться спектаклем, за который так недешево платила.

Графиня Дю Барри отлично знала свой народ – французский народ был ей гораздо ближе, чем Марии Лещинской. Она знала, что он любит блеск и алчность. Она следила за тем, чтобы спектакль соответствовал расходам.

Вместо того чтобы лечь спать, как посоветовал ей деверь, она с пяти до шести часов принимала молочную ванну, потом, в шесть часов, доверилась рукам горничных в ожидании прихода парикмахера.

Не стоит блистать эрудицией, описывая эпоху, столь хорошо изученную в наши дни, что ее почти можно назвать современностью.

Большинство наших читателей знают ее не хуже нас. Но будет уместным объяснить здесь, и именно сейчас, каких усилий, времени и искусства должна была стоять прическа графини Дю

Барри.

Представьте себе огромное сооружение, предтечу зубчатых башен, что выстраивались на головах придворных дам в царствование молодого Людовика XVI. Все в ту эпоху должно было стать предзнаменованием. Легкомысленная мода словно отражала общественные потрясения, заставлявшие землю уходить из-под ног у тех, кто был или казался великим; мода словно постановила, что у представителей аристократии остается слишком мало времени, чтобы пользоваться своими привилегиями, потому эти привилегии выражались в прическе; еще более мрачное, но не менее верное предзнаменование: мода будто говорила, что так как их головам недолго оставаться на плечах, то головы должно всячески украшать и поднимать как можно выше над головами простолюдинов.

Чтобы заплести прекрасные волосы в косы, поднять их на шелковой подушке, обвить вокруг каркаса из китового уса, усеять их драгоценными камнями, жемчугом, цветами, напудрить их до той снежной белизны, которая придавала блеск глазам и свежесть лицу; чтобы гармонично сочетать тон лица с перламутром, рубинами, опалами, брильянтами, цветами всех форм и оттенков, нужно быть не только великим художником, но и терпеливым человеком.

Потому-то единственные из всех ремесленников – цирюльники носили шпаги, как, впрочем, и скульпторы.

Вот чем объясняется также сумма в пятьдесят луидоров, которую Жан Дю Барри вручил придворному цирюльнику, и страх, что великий Любен – придворный цирюльник в эту пору звался Любен – будет менее точен или менее ловок, чем от него ожидали.

Это опасение вскоре подтвердилось: пробило шесть, затем половина седьмого, без четверти семь – цирюльник не появлялся. Лишь одна мысль позволяла замиравшим сердцам присутствовавших питать крохотную надежду: такой важный человек, как Любен, естественно, должен заставлять себя ждать.

Но вот пробило семь. Виконт, обеспокоенный тем, что приготовленный для цирюльника ужин остынет, а сам кудесник будет недоволен, послал к нему старика лакея: кушать, мол, подано.

Лакей вернулся через четверть часа.

Только тот, кто сам пережил подобное ожидание, знает, сколько секунд в четверти часа.

Лакей разговаривал с г-жой Любен; она уверяла, что Любен незадолго до этого вышел и что если он еще не дошел до особняка, то наверняка скоро прибудет.

– Хорошо, – сказал Дю Барри, – у него, по-видимому, какие-то трудности с экипажем. Подождем!

– Еще есть время, – отозвалась графиня. – Я могу причесываться наполовину одетой. Представление ко двору назначено ровно на десять. В нашем распоряжении еще три часа, а дорога в Версаль занимает только час. А пока, Шон, покажи мне платье, это меня развлечет. Так где же Шон? Шон! Мое платье!

– Платье еще не принесли, – ответила Доре, – а ваша сестра отправилась за ним десять минут назад.

– Ага! – сказал Дю Барри. – Я слышу стук колес. Это, конечно, привезли нашу карету.

Виконт ошибался: это вернулась Шон в карете, запряженной парой взмыленных лошадей.

– Платье! – вскричала графиня, когда Шон еще была в прихожей. – Где мое платье?

– Разве его еще нет? – спросила растерянная Шон.

– Нет.

– Ну, значит, вот-вот привезут, – ответила она, успокаиваясь, – портниха, к которой я поднималась, незадолго до моего приезда отправилась сюда в фиакре с двумя мастерицами, чтобы доставить и примерить платье.

– Конечно, – согласился Жан, – она живет на улице Бак, а фиакр едет медленнее, чем наши лошади.

– Да-да, вне всякого сомнения, – подтвердила Шон, тем не менее она была заметно обеспокоена.

– Виконт! – предложила Дю Барри – А не послать ли нам за каретой? Чтобы хоть ее не ждать.

– Вы правы, Жанна.

Дю Барри распахнул дверь.

– Пошлите к Франсиану за каретой, – приказал он, – и захватите свежих лошадей, чтобы сразу же их запрячь.

Кучер отправился за каретой.

Еще не стих шум шагов кучера и стук копыт лошадей, направлявшихся к улице Сент-Оноре, как появился Замор с письмом в руках.

– Письмо для маркиза Дю Барри, – объявил он – Кто его принес?

– Какой-то мужчина.

– Что значит «какой-то мужчина»? Что за мужчина?

– Верховой.

– А почему он вручил его тебе?

– Потому что Замор стоял у входа.

– Да читайте же, графиня, проще прочесть, чем задавать вопросы.

– Вы правы, виконт.

– Только бы в этом письме не было ничего неприятного! – прошептал виконт.

– Ну что вы, это какое-нибудь прошение его величеству!

– Записка не сложена в форме прошения.

– Право же, виконт, если вам суждено умереть, то только от страха, – ответила графиня с улыбкой.

Она сломала печать.

Прочитав первые строчки, она громко вскрикнула и почти без чувств упала в кресло.

– Ни парикмахера, ни платья, ни кареты! – прошептала она. Шон бросилась к графине, Жан кинулся к письму.

Оно было написано прямым и мелким почерком: по всей видимости, это была женская рука.

«Сударыня! - говорилось в письме. – Берегитесь: вечером у Вас не будет ни парикмахера, ни платья, ни кареты. Надеюсь, что эта записка прибудет к Вам вовремя. Не претендуя на Вашу благодарность, я не буду называть своего имени. Отгадайте, кто я, если хотите узнать своего искреннего друга».

– Ну вот и последний удар! – в смятении вскричал Дю Барри. – Черт побери! Мне надо срочно кого-нибудь убить! Не будет парикмахера! Клянусь своей смертью, я вспорю живот этому жулику Любену! Часы бьют половину восьмого, а его все нет. Ах, проклятье! Проклятье!

И Дю Барри, хотя и не его представляли ко двору в этот вечер, выместил гнев на своих волосах, которые он растрепал самым непристойным образом.

– Платье! Бог мой, платье! – простонала Шон. – Парикмахера еще можно было бы найти!

– Да? Ну что ж, попробуйте! Какого парикмахера вы найдете? Прощелыгу? Гром и молния! Тысяча чертей!

Графиня ничего не говорила, но так вздыхала, что растрогала бы даже Шуазелей, если бы те могли ее услышать.

– Давайте успокоимся! – сказала Шон. – Поищем парикмахера, съездим еще раз к портнихе, чтобы выяснить, что же случилось с платьем.

– Нет ни парикмахера, ни платья, ни кареты, – упавшим голосом прошептала графиня.

– Да, кареты все еще нет! – вскричал Жан. – Она то-же не едет, хотя должна была бы уже быть здесь. Это заговор, графиня! Неужели Сартин не арестует виновных? Неужели Монеу не приговорит их к повешению? Неужели сообщников не сожгут на Гревской площади? Я хочу колесовать парикмахера, пытать щипцами портниху, содрать живьем кожу с каретника!

Между тем графиня пришла в себя, но лишь для того, чтобы еще острее почувствовать ужас своего положения.

– Все пропало, – прошептала она. – Люди, перекупившие Любена, достаточно богаты, чтобы удалить из Парижа всех хороших парикмахеров. Остались только ослы, которые испортят мне волосы... А мое платье! Мое бедное платье!.. А моя новенькая карета, при виде которой все должны были лопнуть от зависти!..

Дю Барри ничего не отвечал. Он делал страшные глаза и бегал по комнате, натываясь на мебель. Он разносил в щепки все, что попадалось ему под ноги. А если щепки казались ему слишком большими, он разламывал и их.

В самый разгар отчаяния, распространившегося из будуара в приемную, из приемной во Двор, в то время как лакеи, одуревшие от двадцати разных и противоречивых указаний, сновали туда-сюда, натываясь друг на друга, молодой человек в сюртуке цвета зеленого яблока и шелковой куртке, в сиреневых штанах и белых шелковых чулках вышел из кабриолета, вошел в никем не охраняемые ворота, на цыпочках прошел двор, перескакивая с булыжника на булыжник, поднялся по лестнице и постучал в дверь туалетной комнаты.

Жан в это время топтал ногами столик с севрским фарфором, который он зацепил фалдой фрака, уклоняясь от большой японской вазы, сбитой ударом кулака.

В дверь трижды робко, едва слышно постучали.

Настала полная тишина. Напряжение было так велико, что никто не осмеливался спросить, кто стучит.

– Простите, – послышался незнакомый голос, – я хотел бы поговорить с ее сиятельством.

– Сударь! Так в дом не входят! – крикнул привратник, кинувшийся за чужаком.

– Минутку, минутку! – сказал Дю Барри. – Хуже того, что уже произошло, ничего случиться не может. Чего вы хотите от графини?

Жан распахнул дверь рукой, достаточно сильной, чтобы отворить двери Газы.

Незнакомец, отскочив, избежал удара и, присев в третьей позиции, сказал:

– Господин! Я хотел бы предложить свои услуги ее сиятельству Дю Барри, которая сегодня, как я слышал, должна присутствовать на торжественной церемонии.

– Что же это за услуги, сударь?

– Услуги моей профессии.

– А какова ваша профессия?

– Я цирюльник.

Незнакомец еще раз поклонился.

– Ах! – вскричал Жан, бросаясь молодому человеку на шею. – Вы – цирюльник! Входите, друг мой, входите!

– Проходите же, сударь, проходите, – приговаривала Шон, ухватившись за испуганного молодого человека.

– Цирюльник! – воскликнула Дю Барри, вздымая руки к небу. – Цирюльник! Но это же ангел с неба! Вас прислал Любен, сударь?

– Меня никто не посылал. Я прочитал в газете, что ее сиятельство должны представить ко двору сегодня вечером, и сказал себе: «А что, если совершенно случайно у ее сиятельства нет цирюльника? Это маловероятно, но возможно». Вот я и пришел.

– Как вас зовут? – спросила, поостыв, графиня.

– Леонар, сударыня.

– Леонар? Вы не очень известны.

– Пока нет. Но если графиня согласится принять мои услуги, завтра я стану знаменитым.

– Гм-гм, – прокашлялся Жан, – причесывать ведь можно по-разному.

– Если ее сиятельство мне не доверяет, – сказал цирюльник, – то я уйду.

– У нас совсем не осталось времени на пробы, – сказала Шон.

– А зачем пробовать? – вскричал молодой человек в порыве восторга и, обойдя Дю Барри со всех сторон, прибавил:

– Я знаю, что ее сиятельство должна привлекать своей прической все взоры. С той минуты, как я увидел ее сиятельство, я придумал прическу, которая – я уверен – произведет наилучшее впечатление.

Тут молодой человек уверенно взмахнул рукой, и это поколебало сомнения графини и возродило надежду в сердцах Шон и Жана.

– Ив самом деле! – сказала графиня, восхищенная свободой молодого человека, который стоял, подбоченившись, и принимал всякие другие позы не хуже великого Любена.

– Но прежде мне надо взглянуть на платье ее сиятельства, чтобы подобрать украшения.

– О! Мое платье! – вскричала Дю Барри, возвращенная к ужасной действительности. – Мое бедное платье! Жан хлопнул себя по лбу.

– Ив самом деле, – сказал он. – Представьте себе, сударь, чудовищную ловушку... Его украли! Платье, портниху, все! Шон, бедная Шон!

Устав рвать на себе волосы, Дю Барри разрыдался.

– А что если еще раз съездить к ней, Шон? – предложила графиня.

– Зачем? – спросила Шон. – Ведь она поехала сюда.

– Увы! – прошептала графиня, откинувшись в кресле. – Увы! Зачем мне парикмахер, если у меня нет платья!

В это мгновение зазвонил дверной колокольчик. Испугавшись, как бы не вошел еще кто-нибудь, привратник затворил все двери и запер их на задвижки и замки.

– Звонят, – сказала Дю Барри. Шон бросилась к окну.

– Коробка! – вскричала она.

– Коробка, – повторила графиня. – Для нас?

– Да... Нет... Да! Отдали привратнику.

– Бегите, Жан, скорее же, ради Бога!

Жан кинулся по лестнице и, опередив всех лакеев, вырвал коробку из рук швейцара.

Шон следила за ним в окно.

Он сорвал крышку с коробки, сунул в нее руку и испустил радостный вопль.

В коробке было восхитительное платье из китайского атласа с набивными цветами и целый набор чрезвычайно дорогих кружев.

– Платье! Платье! – закричала Шон, хлопая в ладоши.

– Платье! – повторила Дю Барри, уже готовая обрадоваться после того, как чуть было не поддалась отчаянию.

– Кто вручил тебе это, плут? – спросил Жан у привратника.

– Какая-то женщина, сударь.

– Что за женщина?

– Понятия не имею.

– Где она сейчас?

– Она просунула коробку в дверь и крикнула мне:

«Для ее сиятельства!», потом вскочила в кабриолет и умчалась.

– Хорошо! – сказал Жан. – Вот платье – это главное.

– Поднимайтесь, Жан! – крикнула Шон. – Моя сестра почти без чувств от нетерпения.

– Держите, – сказал Жан, – смотрите, разглядывайте, восхищайтесь! Вот что посылает нам Небо.

– Но платье мне не подойдет, оно не может мне подойти, его шили не для меня. Боже мой! Боже мой, какое несчастье! Ведь оно такое красивое!..

Шон быстро сняла мерки.

– Та же длина, – сказала она. – Тот же размер в талии.

– Изумительная ткань, – сказала Дю Барри.

– Невероятно! – отозвалась Шон.

– Поразительно! – воскликнула графиня.

– Напротив, – сказал Жан. – Это доказывает, что если у вас есть заклятые враги, то есть и преданные друзья.

– Это не мог быть друг, – ответила Шон. – Как он узнал, что против нас замышляется? Это, наверно, какой-нибудь кудесник, колдун.

– Да хоть сам сатана! – вскричала Дю Барри. – Мне все равно, пусть только он мне поможет одолеть Граммонов. Едва ли он превзойдет сатану, как эти люди.

– А теперь, – заговорил Жан, – я полагаю...

– Что вы полагаете?

– Что вы можете доверить свою голову этому господину.

– Что придает вам такую уверенность?
– Дьявольщина! Его прислал все тот же друг, который доставил вам платье.
– Меня? – спросил Леонар с наивным удивлением.
– Полно, полно! – сказал Жан. – Вся эта история с газетой – выдумка. Разве не так, мой дорогой?

– Чистая правда, господин виконт!
– Ну же, признайтесь! – сказала графиня.
– Сударыня! Вот эта газета, у меня в кармане: я сохранил ее для папильоток.
Молодой человек достал из кармана куртки газету с объявлением о предстоящем представлении ко двору.

– Ну что ж, за работу! – сказала Шон. – Слышите? Пробило восемь!
– Времени у нас вполне достаточно, – отозвался парикмахер, – ее сиятельство доедет за час.
– Да, если бы у нас была карета, – ответила графиня.
– Черт возьми! И в самом деле, – проворчал Жан. – Каналья Франсиан до сих пор не вернулся.

– Разве нас не подвели? – сказала графиня. – Ни парикмахера, ни платья, ни кареты.
– Неужели... – прошептала в ужасе Шон, – неужели он нас тоже подведет?
– Нет, – сказал Жан, – вот он.
– А карета? – спросила графиня.
– Должно быть, оставил у ворот. Привратник сейчас отворит, уже отворяет... Что это с каретником?

Почти в тот же миг Франсиан с потерянным видом вбежал в гостиную.

– Ах, господин виконт! – вскричал он. – Карета ее сиятельства направлялась сюда, но на углу улицы Траверсьер ее остановили четверо мужчин, сбросили на землю и избили моего лучшего ученика, который ею управлял, и, пустив лошадей в галоп, исчезли на повороте в улицу Сен-Нисез.

– Ну? Что я вам говорил? – спросил, улыбаясь, Дю Барри, не вставая с кресла, в котором сидел, когда вошел каретник. – Что я вам говорил?

– Это же настоящий разбой! – вскричала Шон. – Сделай что-нибудь, брат!

– А что прикажете делать? И зачем?

– Надо раздобыть карету. Здесь у нас только загнанные лошади и грязные экипажи. Жанна не может ехать в Версаль в такой развалине.

– Тот, кто умирят бешеные волны, кто посылает пищу птицам, кто прислал нам такого парикмахера, как господин Леонар, и такое платье, не оставит нас без кареты, – сказал Дю Барри.

– Смотрите! Вон подъезжает карета, – сказала Шон.

– И останавливается, – добавил Дю Барри.

– Да, но она не въезжает во двор, – заметила графиня.

– В самом деле, не въезжает, – сказал Жан.

Бросившись к окну, он распахнул его и крикнул: «Бегите же, черт возьми, бегите, а то опять опоздаете! Скорей, скорей! Может быть, мы наконец узнаем, кто наш благодетель».

Лакеи, посыльные, дядьки бросились наружу, но было поздно: отделанная изнутри белым атласом карета, запряженная парой изумительных гнедых коней, уже стояла у самых ворот, но не было ни кучера, ни лакеев, был только рассыльный, державший лошадей под уздцы.

Рассыльный сказал, что получил шесть ливров от того, кто привел лошадей и скрылся в направлении Фонтанного двора.

Кто осматривал дверцы кареты, обнаружил, что чья-то торопливая рука нарисовала розу вместо недостающего герба.

Все эти события, предотвратившие катастрофу, заняли меньше часа.

Жан ввел карету во двор, запер за собой ворота и взял ключ. Затем поднялся в туалетную комнату, где парикмахер готовился представить графине первые доказательства своей ловкости.

– Сударь! – вскричал он, схватив Леонара за руку – Если вы не назовете нам имя нашего ангела-хранителя, если вы не укажете его, чтобы мы вечно выражали ему нашу благодарность, я

клянусь...

– Осторожно, господин виконт! – прервал его невозмутимый молодой человек. – Ваше сиятельство так сжали мне руку, что я не смогу причесывать графиню, а ведь нужно торопиться. Слышите, часы бьют половину девятого.

– Отпустите его, Жан, отпустите! – крикнула графиня. Жан рухнул в кресло.

– Чудеса! – сказала Шон. – Настоящее волшебство! Платье идеально подходит по меркам. Может быть, перед на дюйм длиннее, чем нужно, вот и все. Через десять минут этот недостаток будет устранен.

– А что карета? В ней можно ехать? – спросила графиня.

– Безупречна... Я заглянул внутрь, – ответил Жан. – Она отделана белым атласом и надушена розовым маслом.

– Тогда все прекрасно! – вскричала Дю Барри, хлопая в ладоши. – Начинайте, господин Леонар. Если вы преуспеете, ваше будущее обеспечено.

Леонар не заставил себя ждать. Он завладел волосами графини Дю Барри, и первое же движение гребня показало, что он незаурядный мастер.

Быстрота, вкус, точность, чувство гармонии – все это он проявил в осуществлении своей столь важной задачи.

Через три четверти часа Дю Барри вышла из его рук прекраснее Афродиты, потому что на ней было больше одежды, и вместе с тем она была не менее обворожительна.

Леонар нанес последний штрих, завершавший великолепное сооружение, проверил его прочность, попросил воды для рук и робко поблагодарил Шон, которая на радостях прислуживала ему как монарху. Парикмахер собрался уходить.

– Сударь! – сказал Дю Барри. – Знайте, что я так же постоянен в своих привязанностях, как и в ненависти. Надеюсь, теперь вы соблаговолите сказать мне, кто вы такой.

– Вы уже знаете, сударь: я начинающий молодой парикмахер, а зовут меня Леонар.

– Начинающий? Клянусь честью, вы настоящий мастер, сударь!

– Вы будете моим парикмахером, господин Леонар, – сказала графиня, любуясь собой в маленьком ручном зеркале. – За каждую парадную прическу я буду платить вам пятьдесят луидоров. Шон! Отсчитай господину для первого раза сто луидоров, пятьдесят из них – во славу Божию.

– Я же говорил, сударыня, что вы сделаете мне имя.

– Но вы будете причесывать только меня.

– В таком случае оставьте себе сто луидоров, сударыня, я хочу быть свободным. Именно моей свободе я обязан тем, что имел честь причесывать вас сегодня. Свобода – главное богатство человека.

– Парикмахер-философ! – вскричала Дю Барри, вздымая руки к небу. – Куда мы идем, Бог мой, куда мы идем? Ну что же, дорогой господин Леонар, я не хочу ссориться с вами, берите свои сто луидоров и можете сохранять тайну и свободу.

– В карету, графиня, в карету!

Эти слова были обращены к де Беарн; она вошла в комнату, прямая, увешанная, словно икона, драгоценностями. Старуху только что извлекли из ее комнаты, чтобы воспользоваться ее услугами.

– Ну-ка, возьмите графиню вчетвером и осторожно снесите вниз по ступенькам, – обратился Жан к слугам. – Если она издаст хоть один стон, я велю вас высечь.

Пока Жан наблюдал за выполнением его нелегкого и важного поручения, а Шон помогала ему как верная помощница, графиня Дю Барри поискала глазами Леонара. Леонар исчез.

– Как же он вышел? – прошептала графиня Дю Барри, еще не совсем пришедшая в себя после всех этих следовавших одно за другим волнений, только что испытанных ею.

– Как вышел? Через пол или через потолок – ведь именно так исчезают все добрые духи. А теперь, графиня, смотрите, как бы ваша прическа не превратилась в паштет из дроздов, ваше платье в паутину, как бы вам не приехать в Версаль в тыкве, запряженной двумя толстыми крысами.

С этим последним напутствием виконт Жан занял место в карете, где уже сидели графиня де Беарн и ее счастливая крестница.

Глава 5. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КО ДВОРУ

Как все великое, Версаль был и всегда будет прекрасен. Даже если его обрушившиеся камни порастут мхом, если его свинцовые, мраморные и бронзовые статуи развалятся на дне высохших бассейнов, если широкие аллеи подстриженных деревьев вознесут к небесам взлохмаченные кроны, все равно навсегда сохранится, пусть и в руинах, величественное, великолепное для поэта зрелище. Переведя взор с преходящей роскоши, поэт устремит его в вечную даль... Особенно великолепен бывал Версаль в период своей славы. Безоружный народ, сдерживаемый brave солдатами, волнами накатывал на его позолоченные решетки. Кареты, обитые бархатом, шелком и атласом, украшенные пышными гербами, катились по звонкой мостовой, увлекаемые резвыми лошадьми; в окна, освещенные, будто окна волшебного замка, было видно общество, сверкавшее брильянтами, рубинами, сапфирами. И лишь один человек взмахом руки мог заставить всех этих людей склониться перед ним, как клонит ветер золотые колосья вперемешку с белоснежными маргаритками, пурпурными маками и лазурными васильками.

Да, прекрасен был Версаль, особенно когда из всех его ворот скакали курьеры во все державы, когда короли, принцы, дворяне, офицеры, ученые всего цивилизованного мира ступали по его роскошным коврам и драгоценным мозаикам.

Но особенно хорош был он, когда готовился к парадной церемонии, когда благодаря роскошной мебели из хранилищ и праздничному освещению он становился еще волшебнее. На самые холодные умы Версаль воздействовал своими чудесами, которые только может породить человеческое воображение и мощь.

Такова была церемония приема посла. Такая же церемония ожидала, в случае представления ко двору, и обычных дворян. Создатель правил этикета Людовик XIV, воздвигавший между людьми непреодолимые барьеры, желал, чтобы посвящение в красоты его королевской жизни внушало избранным такое почтение, чтобы они на всю жизнь сохранили отношение к королевскому дворцу как к храму, в который они были допущены ради того, чтобы обожать коронованного бога, находясь в более или менее непосредственной близости к алтарю.

Итак, Версаль, уже, несомненно, с признаками вырождения, но все еще сверкавший, отворил все двери, зажег все факелы, обнажил все свое великолепие для церемонии представления ко двору госпожи Дю Барри.

Народ – любопытный, голодный, нищий, но – странное дело! – забывший о своей нищете и голоде при виде такой роскоши, – заполнил всю площадь Арм, всю Авеню де Пари. Замок сиял огнями всех своих окон, а его жирандоли издалика походили на звезды, плававшие в золотой пыли.

Король вышел из своих апартаментов ровно в десять. Он был одет наряднее, чем обычно: на нем было больше кружев; одни только пуговицы на его подвязках и туфлях стоили миллион. Г-н де Сартин сообщил ему накануне о заговоре, устроенном завистливыми придворными дамами, на лицо его легла тень озабоченности, он боялся, что увидит в галерее одних лишь придворных мужчин.

Но он мгновенно успокоился, когда в предназначенном для церемонии представления салоне королевы увидел в облаке кружев и пудры, сверкавшем неисчислимыми брильянтами, сначала трех своих дочерей, затем г-жу де Мирпуа, которая так расшумелась накануне, и, наконец, всех непосед, которые поклялись остаться дома и все были здесь в первых рядах.

Герцог де Ришелье переходил, как генерал, от одной к другой и говорил:

– А! Попались, коварная! Или же:

– Я так и знал, что вы не выдержите!

Или:

– А что я вам говорил обо всех этих заговорах?

– А вы-то сами, герцог? – спрашивали дамы.

– Я представлял свою дочь, графиню д'Эгмон. Посмотрите, Септимании здесь нет – она одна из сдержавших слово, вместе с графиней де Граммон и госпожой де Гемене. Поэтому я совершен-

но уверен, что завтра отправлюсь в ссылку в пятый раз или в Бастилию – в четвертый. Решительно я больше не участвую в заговорах!

Появился король. Наступила полная тишина; стало слышно, как часы пробили десять; настал торжественный миг.

Его величество был окружен многочисленными придворными. Рядом с ним стояли человек пятьдесят дворян, которые отнюдь не давали клятвы присутствовать на представлении графини ко двору и, возможно, именно по этой причине все были здесь.

Король прежде всего заметил, что в этой блестящей ассамблее не хватало г-жи де Граммон, г-жи де Гемене и г-жи д'Эгмон.

Он подошел к де Шуазелю, который старался казаться совершенно спокойным, но, несмотря на все усилия, сумел изобразить на своем лице лишь деланное безразличие.

– Я не вижу герцогини де Граммон, – сказал король.

– Сир! – отвечал г-н де Шуазель. – Моя сестра нездорова и поручила мне передать вашему величеству уверения в нижайшем почтении.

– Что ж, дело ее, – сказал король и повернулся к де Шуазелю спиной.

Отвернувшись, он оказался лицом к лицу с графом де Гемене.

– А где же графиня де Гемене? – спросил король. – Разве вы не привезли ее, граф?

– Нет, сир. Графиня больна. Когда я за ней заехал, она была в постели.

– Что ж, так, так, так, – сказал король. – А! Вот и маршал! Здравствуйте, герцог!

– Сир!.. – приветствовал его старый придворный, склоняясь с гибкостью молодого человека.

– Вы, как я вижу, здоровы, – сказал король так громко, что его услышали Шуазель и де Гемене.

– Каждый раз, сир, – отвечал герцог де Ришелье, – когда для меня речь идет о счастье видеть ваше величество, я чувствую себя прекрасно.

– Но почему, – спросил король, оглядываясь вокруг, – я не вижу здесь вашу дочь, госпожу д'Эгмон?

Герцог, заметив, что его слушают, с печальным видом ответил:

– Увы, сир, моя бедная дочь чувствует себя несчастной оттого, что не может иметь честь засвидетельствовать вашему величеству свое нижайшее почтение, тем более – в этот вечер, но она нездорова, сир, очень нездорова.

– Ах, вот как? Ну что ж, дело ее, – сказал король. – Нездорова? Госпожа д'Эгмон, обладающая самым крепким здоровьем во всей Франции? Ну что ж, ну что ж!

И король отошел от де Ришелье, как отошел перед этим от де Шуазеля и де Гемене.

Затем он обошел весь салон, осыпав комплиментами г-жу де Мирпуа, – та была чрезвычайно этим довольна.

– Вот цена измены, – сказал маршал ей на ухо, – завтра на вас посыпаются почести, тогда как мы... Я дрожу при одной мысли о том, что нас ждет...

Герцог издал глубокий вздох.

– Но, как мне кажется, и вы в значительной степени предали де Шуазелей, раз находитесь здесь Вы же поклялись...

– За свою дочь, сударыня, за свою бедную Септиманию! И вот она в немилости из-за того, что слишком верна слову...

– Своего отца... – добавила г-жа де Мирпуа. Герцог сделал вид, что не расслышал этих слов, – они могли быть восприняты как эпиграмма.

– Не кажется ли вам, что король обеспокоен? – спросил он.

– На то есть причины.

– Какие?

– Уже четверть одиннадцатого.

– Да, правда, а графини все еще нет. Я вам скажу одну вещь.

– Говорите.

– У меня есть опасение.

– Какое?

- Я опасаясь, не приключилась ли какая-нибудь неприятность с нашей бедной графиней. Вы-то должны быть осведомлены.
- Почему именно я?
- Да потому, что вы принимали в этом заговоре самое непосредственное участие.
- В таком случае, – доверительно ответила г-жа де Мирпуа, – признаюсь вам, герцог: у меня тоже есть серьезные опасения. Наша приятельница герцогиня – беспощадный противник, наносящий удар даже при отступлении, как парфеняне, а ведь она отступила. Посмотрите, как взволнован де Шуазель, несмотря на желание казаться спокойным. Глядите: ему не сидится на месте, он не сводит взгляда с короля.
- Ну так что же, они что-нибудь задумали? Признайтесь.
- Я ничего не знаю, герцог, но согласна с вами.
- Чего они пытаются добиться?
- Опоздания, дорогой герцог. Вы же знаете, как говорят: важно выиграть время. Завтра может случиться непредвиденное событие, которое заставит отложить это представление ко двору на неопределенный срок. Возможно, ее высочество приедет в Компьень завтра, а не через четыре дня. Может быть, хотели просто протянуть время до завтра?
- Вы знаете, ваша сказочка очень похожа на правду. Ведь графини все еще нет, черт побери!
- А король уже теряет терпение, взглянете!
- Он уже в третий раз подходит к окну. Король действительно страдает.
- Дальше будет еще хуже.
- То есть как?
- Послушайте. Сейчас двадцать минут одиннадцатого.
- Верно.
- Теперь я могу вам сказать все.
- Ну так говорите же!
- Госпожа де Мирпуа огляделась, затем прошептала:
- Так вот, она не приедет.
- Боже мой, сударыня, но ведь это будет ужасный скандал!
- Можно будет возбудить процесс, герцог, судебный процесс..., потому что во всей этой истории – а уж я-то знаю наверно – есть и похищение, и насилие, и даже, если хотите, оскорбление его величества. Шуазели все поставили на карту в этой игре.
- Очень неосмотрительно с их стороны.
- Ничего не поделаешь! Страсть ослепляет.
- Вот в чем преимущество людей бесстрастных, как мы с вами: мы на все смотрим неизменно трезвее.
- Смотрите, король опять подошел к окну.
- В самом деле, Людовик XV, хмурый, обеспокоенный, раздраженный, подошел к окну и, опершись рукой на резную задвижку, прижался лбом к прохладному стеклу.
- В это время по залу пробежал, как шелест листьев перед грозой, шепоток разговоров между придворными.
- Все переводили взгляд с настенных часов на короля и обратно.
- Часы пробили половину одиннадцатого. Их чистый звук, казалось, прозвенел сталью; ритмические колебания мало-помалу затихли в просторном зале.
- Господин де Монеу приблизился к королю.
- Прекрасная погода, сир, – проговорил он робко.
- Да-да, великолепная. Вы что-нибудь во всем этом понимаете, Монеу?
- В чем, сир?
- В этой задержке. Бедная графиня!
- Должно быть, она нездорова, сир, – сказал канцлер – Я могу понять нездоровье госпожи де Граммон, госпожи де Гемене, могу понять, что госпожа д'Эгмон тоже нездорова. Но чтобы занемогла графиня – этого я не допускаю.
- Сир! От волнения можно заболеть, а радость графини была так велика!

– Ну, теперь все кончено, – сказал Людовик XV, – теперь она уже не придет.

Хотя король произнес эти последние слова вполголоса, тишина в зале была такая, что их слышали почти все присутствующие.

Но никто не успел ответить ему даже мысленно, как послышался шум подъезжавшей кареты.

Все головы повернулись к входу, все вопросительно переглянулись.

Король отошел от окна и стал посреди салона, откуда можно было видеть всю галерею.

– Боюсь, что нас ждет неприятная новость, – прошептала г-жа де Мирпуа на ухо генералу, старавшемуся скрыть хитрую улыбку.

Вдруг лицо короля озарилось радостью, глаза заблестели.

– Ее сиятельство графиня Дю Барри! – прокричал привратник главному распорядителю.

– Ее сиятельство графиня де Беарн!

При этих именах все сердца дрогнули, но от чувств самых противоположных. Толпа придворных, влекомых непреодолимым любопытством, подалась к королю.

Так случилось, что ближе всего к королю оказалась г-жа де Мирпуа.

– О, как она хороша! Как хороша! – воскликнула г-жа де Мирпуа и соединила руки как бы молясь, готовая преклониться, точно перед иконой.

Король обернулся и одарил ее улыбкой.

– Это не женщина, это фея! – сказал герцог де Ришелье.

Король улыбнулся старому придворному.

Действительно, никогда еще графиня не была так хороша. Никогда выражение ее лица не было столь нежным, никогда ей не удавалось лучше разыграть волнение, взгляд не был столь скромн, фигура благороднее, походка изящней. Ей удалось вызвать непоказное восхищение присутствующих, а ведь все это происходило – напомним – в салоне королевы, который был салоном представлений ко Двору.

Обворожительно прекрасная, одетая богато, но не вызывающе и, что особенно важно, восхитительно причесанная, графиня выступала рука об руку с де Беарн, которая не хромала и не морщилась, несмотря на страшные муки, но высохшие румяна крупинка за крупинкой осыпались с ее лица: жизнь уходила с него, каждая жилка болезненно вздрагивала в ней при малейшем движении больной ноги. Все взгляды были прикованы к этой странной паре. Старая дама была декольтирована, как во времена своей молодости. Со своей высокой прической, глубоко посаженными глазами, блесевшими, как у орлана, в великолепном туалете, двигаясь, как скелет, она казалась воплощением прошлого, поддерживавшего под руку настоящее.

* * *

Это надменное и холодное достоинство, рядом с изысканной и полной неги грацией, вызвало восхищение и удивление большинства присутствующих.

Королю показалось – так велик был контраст, – что де Беарн привела к нему его любовницу более юной, более свежей, лучезарнее улыбающейся, чем когда-либо.

Вот почему в то мгновение, когда, согласно этикету, графиня преклонила колено, чтобы поцеловать руку короля, Людовик XV схватил ее за руку и заставил ее подняться одной лишь фразой, которая стала ей вознаграждением за все, выстраданное в течение последних двух недель.

– Вы у моих ног, графиня? – сказал король. – Это я должен был бы и хотел бы пасть к вашим ногам.

Затем король раскрыл объятия, согласно предусмотренному церемониалу, но, вместо того чтобы сделать вид, что целует, на сей раз действительно поцеловал графиню.

– У вас очень красивая крестница, сударыня, – сказал он де Беарн. – Но у нее зато – благородная крестная, которую я очень рад вновь увидеть при дворе.

Почтенная дама поклонилась.

– Поприветствуйте моих дочерей, графиня, – чуть слышно сказал король графине Дю Барри, – и покажите им, что вы умеете делать реверансы. Надеюсь, их ответным реверансом вы будете удовлетворены.

Обе дамы продвигались в свободном пространстве, которое возникало вокруг них по мере того, как они шли; казалось, присутствовавшие готовы были испепелить их взглядами.

Видя, что графиня Дю Барри направляется к ним, все три дочери короля подскочили, как на пружинах, и застыли в ожидании.

Людовик XV не сводил с них глаз. Его взгляд, прикованный к принцессам, призывал их к проявлению изысканной вежливости.

Слегка взволнованные принцессы ответили реверансом на приветствие графини Дю Барри, склонившейся перед ними гораздо ниже, чем того требовал этикет, что было признано свидетельством отменного вкуса, и это так растрогало принцесс, что они расцеловали ее, как перед тем король, причем с сердечностью, которой король, казалось, был восхищен.

С этого мгновения успех графини превратился в триумф, и наиболее медлительным или наименее ловким придворным пришлось ждать целый час, прежде чем им удалось принести поздравления королеве бала.

Графиня принимала поздравления без высокомерия, без гнева, без упреков. Казалось, она была об изменах. В этой великодушной приветливости не было ничего наигранного: ее сердце переполняла радость, в нем не оставалось места для других чувств.

Герцог де Ришелье недаром стал победителем при Маоне: он умел маневрировать. Пока другие придворные оставались на своих местах и ожидали окончания церемонии представления, чтобы воспеть хвалу или очернить идола, маршал занял позицию за креслом графини. Подобно предводителю кавалерии, находящемуся в засаде в доброй сотне туаза в долине и ожидающему разворачивающуюся цепь противника, герцог поджидал графиню Дю Барри, чтобы в нужный момент оказаться рядом с ней, не затерявшись в толпе. Г-жа де Мирпуа, зная об удачливости своего Друга в военных действиях, подражала этому маневру и незаметно подвинула табурет к креслу графини.

Придворные разбились на группы, и среди них завязались разговоры: они перемывали косточки графине Дю Барри.

Графиня, ободренная любовью короля, благосклонным приемом, оказанным ей принцессами, и поддержкой своей крестной, смотрела уже менее робким взглядом на придворных, окружавших короля. Уверенная в своем положении, она искала глазами врага среди женщин.

Что-то заслонило от ее взгляда залу.

– А, герцог! – сказала она. – Мне стоило прийти сюда хотя бы ради того, чтобы наконец увидеть вас.

– В чем дело, графиня?

– Вот уже целую неделю вас не видно ни в Версале, ни в Париже, ни в замке Люсьенн.

– Я ждал удовольствия видеть вас здесь сегодня, – отвечал старый придворный.

– Может быть, вы это предвидели?

– Я был в этом уверен.

– Неужели? Что же вы за человек, герцог! Знать и не предупредить меня, вашего друга, а ведь я пребывала в полном неведении.

– Как же так, сударыня? Вы не знали, что должны были сюда прибыть?

– Нет. Я была почти как Эзоп, когда судья остановил его на улице. «Куда вы идете?» – спросил судья у Эзопа. – «Не знаю», – ответил Эзоп. – «Ах, так? Тогда отправляйтесь прямехонько в тюрьму». – «Вот видите, я действительно не знал, куда шел». Так и я, герцог: надеялась, что поеду в Версаль, но не была в этом уверена. Вот почему вы оказали бы мне услугу, если бы за мной заехали... Но..., теперь вы приедете, не правда ли?

– Графиня, – сказал Ришелье, нимало не смущенный ее насмешками, – я не понимаю, почему вы не были уверены, что приедете сюда.

– Я вам объясню: потому что меня окружали ловушки.

Она пристально посмотрела на герцога: он невозмутимо выдержал ее взгляд.

– Ловушки? Ах, Боже мой, что вы говорите, графиня!

– Сначала у меня похитили парикмахера.

– Парикмахера?

– Да.

– Что же вы меня об этом не известили? Я послал бы вам – но тише, прошу вас! – я послал бы вам жемчужину, сокровище, которое открыла госпожа д'Эгмон. Он гораздо лучше всех изготовителей париков, всех королевских париков, всех королевских парикмахеров – это малыш Леонар.

– Леонар! – вскричала графиня Дю Барри.

– Да. Скромный молодой человек, который причесывает Септиманию и которого она прячет от чужих глаз, как Гарпагон свою мошну. Впрочем, вам не на что жаловаться, графиня, вы прекрасно причесаны, восхитительно красивы, и, странно, рисунок этой башни походит на набросок, который госпожа д'Эгмон попросила сделать Буше и которым она рассчитывала воспользоваться сама, если бы не заболела. Бедная Септимания!

Графиня вздрогнула и посмотрела на герцога еще пристальнее, но герцог по-прежнему был непроницаем и улыбался.

– Извините, графиня, я вас прервал, вы говорили о ловушках?...

Да. После того как у меня украли парикмахера, похитили также и мое платье, совершенно очаровательное.

– О! Это ужасно! Но вы вполне могли бы обойтись без того платья, так как вы сегодня одеты изумительно. Это китайский атлас, не так ли? С цветами-аппликациями? Так вот, если бы вы в трудную минуту обратились ко мне – а именно так вам следует поступать в дальнейшем, – я послал бы вам платье, которое моя дочь заказала для своего представления ко двору и которое было так похоже на ваше, что я мог бы поклясться, что это то же самое.

Дю Барри схватила герцога за руки; она начала понимать, кто был тот волшебник, который вызволил ее из затруднения.

– Знаете ли вы, герцог, в какой карете я приехала сюда? – спросила она.

– Нет, скорей всего, в вашей собственной.

– Герцог, у меня похитили карету, как похитили платье и парикмахера.

– Значит, вас обложили со всех сторон. Так в какой же карете вы приехали?

– Опишите мне сначала карету госпожи д'Эгмон.

– Ну что ж. Готовясь к этому вечеру, она, как мне кажется, заказала карету, отделанную белым атласом. Но не хватило времени, чтобы изобразить ее герб на дверцах кареты.

– В самом деле? Не правда ли: розу нарисовать гораздо проще, чем герб? Ведь у вас, Ришелье, как и у д'Эгмонов, такие сложные гербы! Герцог, вы чудный человек.

Она протянула ему надушенные ручки, и герцог припал к ним.

Покрывая руки графини Дю Барри поцелуями, герцог вдруг почувствовал, как она вздрогнула.

– Что случилось? – спросил он, оглядываясь вокруг.

– Герцог... – с потерянным видом пролепетала графиня.

– Что, графиня?

– Кто этот человек вон там, рядом с госпожой де Гемене?

– Офицер в мундире прусской армии?

– Да. – Темноглазый брюнет с выразительным лицом? Графиня! Это один из старших офицеров, которого прусский король прислал сюда, – без сомнения, чтобы приветствовать вас в день вашего представления.

– Не шутите, герцог. Этот человек уже приезжал во Соранцию около четырех лет назад. Я его знаю, но не смогла его разыскать, хотя искала всюду.

– Вы ошибаетесь, графиня, это граф Феникс, иностранец, приехавший вчера или позавчера.

– Вы видите, как он глядит на меня, герцог?

– Все присутствующие любят вас, графиня, вы так прекрасны!

– Он кланяется мне, видите? Кланяется!

– Все будут приветствовать вас, если еще не сделали этого, графиня.

Но до крайности взволнованная графиня не слушала галантного герцога и, не сводя взгляда с человека, который привлек ее внимание, как бы против воли оставила своего собеседника и сделала несколько шагов по направлению к незнакомцу.

Король, не терявший ее из виду, заметил это движение. Он решил, что графиня ищет его общества. Он долго соблюдал приличия, держась от нее на расстоянии, а теперь подошел, чтобы поздравить ее.

Но волнение, охватившее графиню, было слишком сильно, чтобы она могла думать о чем-то другом...

– Сир! Кто этот прусский офицер, стоящий спиной к госпоже де Гемене?

– спросила она.

– Тот, что смотрит сейчас на нас?

– Да.

– Крупный, большеголовый мужчина в мундире с воротником, шитым золотом?

– Да-да.

– Это посланец моего прусского кузена..., философ, как и тот. Я послал за ним сегодня: хотел, чтобы прусская философия, направив сюда своего представителя, ознаменовала своим присутствием триумф третьей по счету королевской шлюхи.

– А как его зовут, сир?

– Постойте... – король задумался... – А! Вспомнил, Граф Феникс.

– Это он, – прошептала графиня Дю Барри. – Я совершенно уверена, что это он.

Король немного помедлил, ожидая, что графиня задаст ему еще какой-нибудь вопрос. Удостоверившись, что она хранит молчание, он громко объявил:

– Сударыни! Завтра ее высочество прибывает в Компьень. Мы встретим ее королевское высочество ровно в полдень. Все представленные ко двору дамы будут принимать участие в путешествии, за исключением тех, кто чувствует себя нездоровым: поездка будет утомительной, и ее высочество не пожелает стать причиной ухудшения их самочувствия.

Король произнес эти слова, с неудовольствием глядя на де Шуазеля, Гемене, герцога де Ришелье.

Вокруг короля все испуганно смолкли. Смысл его слов был ясен: это немилость.

– Сир! – произнесла Дю Барри. – Я прошу вас смириться над госпожой д'Эгмон.

– А почему, скажите, пожалуйста?

– Потому что она – дочь герцога де Ришелье, а герцог – один из самых верных моих друзей.

– Ришелье?

– У меня есть тому доказательства, сир.

– Я исполню ваше пожелание, графиня, – сказал король.

Маршал пристально следил за графиней и если не услышал, то догадался, о чем только что шла речь. Король подошел к нему и спросил:

– Надеюсь, герцог, графиня д'Эгмон завтра будет чувствовать себя лучше?

– Конечно, сир. Она выздоровеет уже вечером, если этого пожелает ваше величество.

Ришелье поклонился королю, выражая одновременно почтение и благодарность.

Король наклонился к графине и что-то прошептал ей на ухо.

– Сир! – сказала графиня, склонившись в реверансе и очаровательно улыбаясь. – Я ваша почтительнейшая подданная.

Король попрощался с присутствующими и удалился в свои покои.

Как только король переступил порог залы, взгляд графини, еще более испуганный, чем раньше, вновь обратился к тому необычному человеку, что так живо заинтересовал ее.

Этот человек, как и прочие, склонился перед выходящим королем, но, даже кланяясь, сохранил на лице странное выражение высокомерия и угрозы. Сразу же после ухода Людовика XV, пробираясь между группами придворных, он приблизился к графине и остановился в двух шагах от нее.

Движимая непреодолимым любопытством, графиня тоже шагнула ему навстречу. Поклонившись, незнакомец сказал ей так тихо, что никто не расслышал:

– Вы узнаете меня, графиня?

– Да, вы тот самый пророк с площади Людовика XV. Незнакомец обратил на нее свой ясный взор, в котором читалась уверенность:

- И что же, разве я обманул вас, когда предсказал, что вы станете королевой Франции?
- Нет. Ваше предсказание сбылось. Или почти сбылось, Но и я готова сдержать слово. Чего бы вы хотели!..?
- Здесь не место для таких разговоров, графиня. Кроме того, для меня еще не наступило время обращаться к вам с просьбами.
- Когда бы вы ни обратились ко мне, я всегда готова исполнить вашу просьбу.
- Могу я рассчитывать, что вы примете меня в любое время, в любом месте, в любой час?
- Обещаю.
- Благодарю.
- А как вы представитесь? Как граф Феникс?
- Нет, как Джузеппе Бальзамо.
- Джузеппе Бальзамо... – повторила графиня, в то время как таинственный незнакомец затерялся среди придворных, – Джузеппе Бальзамо... Ну что ж, я не забуду это имя.

Глава 6. КОМПЬЕНЬ

Наутро Компьень проснулся опьяненный и преображенный: вернее сказать, Компьень вовсе не засыпал.

Еще накануне в городе расположился авангард войск его величества. Пока офицеры знакомились с местностью, распорядители вместе с интендантом готовили город к великой чести, выпавшей на его долю.

Триумфальные арки из зелени, целые аллеи роз и сирени, надписи на латинском, французском и немецком языках в стихах и прозе – вот чем до самого вечера занимались пикардийские городские власти.

По традиции, идущей с незапамятных времен, девушки были одеты в белое, городские советники – в черное, монахи-францисканцы были в серых рясах, священники – в нарядных облачениях; солдаты и офицеры гарнизона в новых мундирах были построены и готовы выступить, как только объявят о прибытии принцессы.

Выехавший накануне дофин прибыл в Компьень инкогнито часов около одиннадцати вечера в сопровождении обоих братьев.

Рано утром он сел на коня, как простой смертный, и в сопровождении пятнадцатилетнего графа Прованского и тринадцатилетнего графа д'Артуа поскакал галопом в направлении Рибекюра навстречу ее высочеству.

Эта учтивость пришла в голову не юному принцу, а его наставнику, г-ну ла Вогийону. Его призвал к себе накануне Людовик XV и дал ему указание объяснить дофину обязанности, налагаемые на него событиями, которые должны были произойти в течение ближайших суток.

Чтобы поддержать честь монархии, де ла Вогийон предложил герцогу Беррийскому последовать примеру королей его рода: Генриха IV, Людовика XIII, Людовика XIV, Людовика XV, – каждому из них хотелось увидеть свою будущую супругу еще до церемонии, в меньшей степени готовую во время путешествия выдержать придирчивый осмотр.

Они проехали около четырех миль за полчаса. Перед отъездом дофин был серьезен, а его братья веселились. В половине девятого они уже возвращались в город: дофин был все так же серьезен, граф Прованский был почти угрюм, только граф д'Артуа был еще более весел, чем утром.

Дело в том, что герцог Беррийский был обеспокоен, граф Прованский изнывал от ревности, а граф д'Артуа был восхищен. Причина была одна: они убедились, что принцесса очень красива.

Серьезный, завистливый и беззаботный – вот как можно было определить трех принцев. Это отражалось на их лицах.

Часы на ратуше в Компьене пробили десять, когда наблюдатель заметил на колокольне деревни Клев белое знамя, которое должны были водрузить, как только покажется карета ее высочества.

Наблюдатель тотчас ударил в сигнальный колокол, в ответ на его звон на Дворцовой площади грянул пушечный выстрел.

Король, как будто только и ждал этого сигнала, въехал в Компьень в запряженной восьмеркой лошадей карете в сопровождении эскорта. Вслед за ним в город въезжали бесчисленные кареты придворных.

Офицеры охраны и драгуны ехали впереди. Придворные разрывались между желанием видеть короля и желанием ехать навстречу ее высочеству, между созерцанием блеска и великолепия и корыстолюбивыми соображениями.

Вереница карет, запряженных четверкой лошадей, растянулась почти на милю. В них ехали четыреста дам и столько же кавалеров – цвет французского дворянства. Доезжачие, гайдуки, рассыльные и пажы окружали эти кареты. Верховые офицеры из охраны короля составляли целое войско, блиставшее в пыли, поднятой каретами, бархатом, золотом, перьями и шелками.

В Компьене сделали недолгую остановку, после чего выехали из города, пустив лошадей шагом, чтобы приблизиться к условленному месту, отмеченному на дороге крестом и находившемуся недалеко от деревни Магни.

Знатная молодежь окружала дофина, дворяне старшего поколения сопровождали короля.

К условленной границе неторопливо подъезжала принцесса.

И вот обе свиты соединились.

Тотчас кареты опустели. С обеих сторон из карет вышла толпа придворных; в одной карете оставался король, в другой – принцесса.

Дверца кареты ее высочества отворилась, и молодая эрц-герцогиня легко ступила на землю.

Принцесса направилась к карете короля.

Заметив будущую невестку, Людовик XV приказал отворить дверцу кареты и поспешил выйти.

Принцесса так удачно рассчитала время своего приближения, что в то мгновение, когда король коснулся ногой земли, она опустилась перед ним на колени.

Король нагнулся, поднял принцессу и нежно поцеловал ее, посмотрев на нее так, что она залилась краской.

– Его высочество, – представил король, показывая Марии-Антуанетте на герцога Беррийского, стоявшего за ней.

Ее высочество грациозно присела в реверансе. Дофин, тоже покраснев, в ответ поклонился.

После представления дофина наступил черед обоих его братьев, затем – всех трех дочерей короля.

Ее высочество говорила что-нибудь приятное каждому из принцев и принцес...

Графиня Дю Барри с беспокойством ждала, стоя за принцессами. Представят ли ее? Не забудут о ней?

После представления принцессы Софьи, младшей дочери короля, произошла заминка, заставившая всех затаить дыхание.

Король, казалось, колебался, а принцесса словно ожидала какого-то нового события, о котором она была заранее предупреждена.

Король поискал глазами вокруг себя и, увидев неподалеку графиню Дю Барри, взял ее за руку.

Все тотчас расступились. Король остался в кругу, центром которого была принцесса.

– Графиня Дю Барри, – представил он, – мой добрый Друг.

Ее высочество побледнела, однако на ее бескровных губах появилась любезная улыбка.

– Вашему величеству можно позавидовать: такой очаровательный друг! Я нисколько не удивлена тем, что она может внушать нежнейшую привязанность.

Все переглянулись, более чем удивленные – ошеломленные. Было ясно, что принцесса следует указаниям, полученным ею при австрийском дворе, и, возможно, повторяет слова, подсказанные ей самой Марией-Терезией.

Господин де Шуазель решил, что его присутствие необходимо. Он сделал шаг вперед, надеясь, что его тоже представят ее высочеству. Король кивнул головой, ударили барабаны, запели трубы, раздался пушечный выстрел.

Король подал руку принцессе, чтобы проводить ее до кареты. Опершись на его руку, она

прошествовала мимо де Шуазеля. Заметила она его или нет

– сказать было невозможно, однако ни кивком головы, ни взмахом руки она его не приветствовала.

В то мгновение, когда принцесса поднялась в карету короля, торжественный шум был заглушен звоном городских колоколов.

Графиня Дю Барри села в карету, сияя от счастья. Затем минут десять король садился в карету и отдавал приказание ехать в Компьень.

В это время все разговоры, которые до того велись сдержанно – из уважения или из-за волнения, – слились в гул.

Дю Барри подошел к карете сестры. Увидев его улыбку, она приготовилась услышать поздравления.

– Знаете, Жанна, – сказал он, указывая пальцем на одну из карет свиты ее высочества, – кто этот молодой человек?

– Нет, – ответила графиня. – Вам известно, что сказала ее высочество, когда король представил меня ей?

– Речь совсем о другом. Этот молодой человек – Филипп де Таверне.

– Тот, что нанес вам удар шпагой?

– Вот именно. А знаете ли вы, кто это восхитительное создание, с которым он беседует?

– Эта девушка, такая бледная и величественная?

– Да, та, на которую сейчас смотрит король и имя которой он, по всей вероятности, спрашивает у ее высочества.

– Кто же она?

– Его сестра.

– Вот как? – спросила Дю Барри.

– Послушайте, Жанна, я не знаю, почему, но мне кажется, что вам так же нужно опасаться сестры, как мне – брата.

– Вы с ума сошли.

– Напротив, я исполнен мудрости. Во всяком случае, о юноше я позабочусь.

– А я погляжу за девушкой.

– Тише! – сказал Жан. – Вот идет наш друг герцог де Ришелье.

В самом деле, к ним, сокрушенно покачивая головою, подходил герцог.

– Что с вами, дорогой герцог? – спросила графиня, улыбаясь самой очаровательной из своих улыбок. – Вы чем-то недовольны.

– Графиня! – сказал герцог. – Не кажется ли вам, что все мы слишком серьезны, я бы даже сказал, почти печальны для столь радостного события? Когда-то, помнится мне, мы уже встречали такую же любезную, такую же прекрасную принцессу: это была матушка нашего дофина. Все мы тогда были гораздо веселее. Может быть, потому, что были моложе?

– Нет, – раздался за спиной герцога голос, – просто, дорогой маршал, королевство было не таким старым.

Всех, кто услышал эти слова, будто обдало холодом. Герцог обернулся и увидел пожилого дворянина с элегантными манерами; тот с печальной улыбкой положил ему руку на плечо.

– Черт возьми! – вскричал герцог. – Да это же барон де Таверне!

– Графиня, – продолжал он, – позвольте представить вам одного из моих самых давних друзей, к которому я прошу вас быть снисходительной: барон де Таверне-Мезон-Руж.

– Это их отец! – сказали в один голос Жан и графиня, склоняясь в поклоне.

– По каретам, господа, по каретам! – прокричал в это мгновение майор королевских войск, командовавший эскортом.

Оба пожилых дворянина раскланялись с графиней и виконтом и направились вместе к карете, радуясь встрече после долгой разлуки.

– Ну что ж, – сказал виконт, – хотите, я скажу вам одну вещь, дорогая моя? Отец мне нравится ничуть не больше, чем его детки.

– Какая жалость, – отозвалась графиня, – что сбежал этот дикарь Жильбер! Уж он-то расска-

зал бы нам все, недаром же он воспитывался в их доме.

– Подумаешь! – сказал Жан. – Теперь, когда нам больше нечего делать, мы его отыщем.

Они замолчали; карета тронулась с места. На следующий день после проведенной в Компьене ночи оба двора, закат одного века и заря другого, перемешавшись, отправились по дороге в Париж – разверстую пропасть, которая всех их должна была поглотить.

Глава 7. БЛАГОДЕТЕЛЬНИЦА И ЕЕ ПОДОПЕЧНЫЙ

Пора вернуться к Жильберу, о бегстве которого мы узнали из возгласа, неосторожно вырвавшегося у его благодетельницы, г-жи Шон.

С тех пор как в деревушке Ла Шоссе во время событий, предшествовавших дуэли Филиппа де Таверне с виконтом Дю Барри, он узнал имя своей благодетельницы, восхищение ею нашего философа заметно поубавилось.

Часто в Таверне, в то время как, спрятавшись среди кустов или в грабовой аллее, он горящими глазами следил за гулявшей со своим отцом Андре, он слышал категоричные высказывания барона о графине Дю Барри.

Неслучайная ненависть старого Таверне, пороки и воззрения которого нам известны, нашла отклик в сердце Жильбера. Андре никоим образом не оспаривала того дурного, что говорил барон о Дю Барри: во Франции ее презирали. И наконец, что окончательно заставило Жильбера принять сторону барона, – это неоднократно повторенная фраза Николь: «Ах, если бы я была графиней Дю Барри!»

В продолжение всего путешествия Шон была очень занята, причем вещами слишком серьезными, чтобы обращать внимание на перемены в расположении духа Жильбера, вызванные тем, что он узнал, кто были его спутники. Она приехала в Версаль с одной заботой: как можно выгодней для виконта представить удар шпагой, полученный им от Филиппа и который не мог служить его чести.

Едва въехав в столицу если не Франции, то, по крайней мере, французской монархии, Жильбер забыл о своих мрачных мыслях и не мог скрыть своего восхищения. Версаль, величественный и холодный, с его громадными деревьями, большинство которых уже начали засыхать и гибнуть от старости, внушил Жильберу то чувство благоговейной печали, которому не в состоянии противиться ни один даже трезвый ум при виде великих сооружений, плодов человеческого упорства или созданных мощью природы.

Против этого непривычного для Жильбера впечатления напрасно восставало его врожденное высокомерие – в первые минуты от удивления и восхищения он стал молчаливым и податливым. Ощущение своей нищеты и ничтожества подавило его. Он находил, что слишком бедно одет по сравнению со всеми этими господами, увешанными золотом и аксельбантами, слишком мал в сравнении со швейцарцами королевской гвардии; ступал он неловко, когда ему пришлось идти через галереи по мозаичному паркету и выскобленным и навощенным мраморным полам.

Он почувствовал, что помощь его благодетельницы была ему необходима: лишь она могла сделать из него нечто. Он придвинулся к ней, чтобы стража видела, что они вместе. Но именно эту потребность в помощи Шон по зрелом размышлении он не смог ей простить.

Мы уже знаем – об этом мы говорили в первой части настоящей книги, – что графиня Дю Барри жила в Версале в прекрасных покоях, которые до нее занимала г-жа Аделаида. Золото, мрамор, духи, ковры, кружева сначала опьянили Жильбера – натуру чувственную, выработавшую в себе философский взгляд на вещи. И лишь много позднее, увлеченный вначале зрелищем стольких чудес, поразивших его воображение, он заметил наконец, что находится в маленькой мансарде, обитой саржей, что ему подали бульон, остатки жаркого из баранины и плошку крема на десерт и что лакей, подавая еду, сказал по-хозяйски: «Не выходите отсюда» – и оставил его одного.

Однако последний штрих на этой картине – самый прекрасный, надо признать, – еще держал Жильбера во власти очарования. Его поселили под крышей, как мы уже говорили, но из окна своей мансарды ему были видны мраморные статуи парка, водоемы, покрытые зеленоватой ряской, которой их затянули забвение и заброшенность, а по-над кронами деревьев, подобно океанским

волнам, пестрели долины и голубели вдали ближние горы.

Жильбер подумал о том, что, не будучи ни придворным, ни лакеем, не происходя от благородных родителей, не стремясь никому угождать, он поселился в Версале, в королевском дворце, наравне с высокородными первыми дворянами Франции.

Пока Жильбер заканчивал ужин, очень хороший по сравнению с теми, к каким он привык, и любовался видом, открывавшимся из мансарды, Шон, как вы помните, отправилась в апартаменты своей сестры. Она шепнула ей на ухо, что поручение относительно графини де Беарн выполнено, и громко сообщила о несчастье, приключившемся с ее братом на постоялом дворе в Ла Шоссе. Злоключение, несмотря на весь шум, сопровождавший его вначале, как мы видели, мало-помалу отошло на задний план и затерялось в пропасти, где должны были затеряться многие значительно более важные события, – пропасти королевского безразличия.

Жильбер погрузился в мечтательное состояние, которое было свойственно ему, когда он находился перед лицом событий, превосходивших его ум или его волю. Ему сообщили, что мадмуазель Шон просит его спуститься вниз. Он взял шляпу, почистил ее, бросил взгляд на свой потертый костюм и сравнил его с новой ливреей лакея и, напомнив себе о том, что это была ливрея, тем не менее спустился, красный от стыда при мысли о том, что резко отличается своим видом от людей, с которыми находился в одном помещении, и от предметов, которые попадались ему на глаза.

Шон спускалась во двор одновременно с Жильбером. С той только разницей, что она сходила по парадной лестнице, а он – по боковой.

Внизу ждала карета. Она представляла собой нечто вроде низкого четырехколесного экипажа, похожего на историческую маленькую карету, в которой великий король одновременно вывозил на прогулку г-жу де Монтеспан, г-жу де Фонтанж, а часто и королеву.

Шон села в экипаж и устроилась на переднем сиденье с большим ларцом и маленькой собачкой. Два других места предназначались Жильберу и эконому Гранжу.

Жильбер поспешил занять место позади Шон, чтобы утвердить свое достоинство. Эконом, не чинясь, даже не обратив на это внимания, уселся за ларцом и собачкой.

Мадмуазель Шон, настоящая обительница Версаля, с радостью покидала Версаль и отправлялась вдохнуть воздух лесов и лугов; едва они выехали из города, как к ней вернулась общительность. Она обернулась к Жильберу и спросила:

– Ну как вам понравился Версаль, господин философ?

– Очень, сударыня. А мы уезжаем?

– Да, мы едем домой.

– Вы хотите сказать, что вы едете домой, – смягчившись, сказал Жильбер.

– Да, именно это я и хотела сказать. Я покажу мое сестре: постарайтесь ей понравиться, этого добиваются сейчас самые высокородные дворяне Франции. Кстати, господин Гранж, закажите этому юноше одежду.

Жильбер залился краской до ушей.

– Какую, сударыня? – спросил эконом. – Обычную ливрею?

Жильбер подскочил на сиденье.

– Ливрею! – вскричал он, окинув эконома свирепым взглядом.

– Нет-нет... Вы закажете... Я вам после скажу, что. У меня есть идея, которой я хочу поделиться с сестрой. Проследите только, чтобы этот костюм был готов одновременно с костюмом Замора.

– Слушаюсь, сударыня.

– Вы знаете Замора? – спросила Шон у совершенно обескураженного этим разговором Жильбера.

– Нет, не имел этой чести, – ответил он.

– Он станет вашим товарищем, скоро он будет назначен дворецким замка Люсьенн. Подружитесь с ним: несмотря на свой цвет, Замор – славный малый.

Жильбер хотел было спросить, какого же цвета Замор, но вспомнил прочитанную ему Шон по поводу его любопытства нотацию и, боясь нового нагоняя, удержался от вопроса.

– Постараюсь, – ответил он с полной достоинства улыбкой.

Приехали в Люсьенн. Философ все увидел своими глазами: недавно обсаженную деревьями дорогу, тенистые склоны, высокий акведук, который походил на римский водопровод, каштановые густолиственные рощи и, наконец, изумительный вид, открывавшийся на леса и долины по обоим берегам Сены, убегающей по направлению к Мезону.

«Так вот он где, – сказал себе Жильбер. – Домишко, как говаривал барон де Таверне, обходится Франции в кругленькую сумму».

Ласковые собаки, суетившиеся слуги, сбежавшиеся поприветствовать Шон, прервали возвышенные размышления Жильбера.

– Сестра уже приехала?

– Нет еще, сударыня, но ее ждут.

– Кто же?

– Господин канцлер, господин начальник полиции, герцог д'Эгийон.

– Хорошо. Поскорее отворите китайский кабинет. Я хочу первой увидеть сестру. Предупредите ее, что я уже здесь, слышите? А! Сильвия! – обратилась Шон к горничной, завладевшей ларцом и собачкой. – Отдайте ларец и Мизанпуфа господину Гранжу и проводите моего юного философа к Замору.

Сильвия осмотрелась по сторонам, как будто пыталась определить, о какой зверушке идет речь. Взгляды Сильвии и ее хозяйки остановились на Жильбере. Шон знаком подтвердила, что речь идет именно об этом молодом человеке.

– Следуйте за мной, – сказала Сильвия.

С нарастающим изумлением Жильбер последовал за ней, а легкая, как птичка, Шон исчезла в одной из боковых дверей флигеля.

Если бы не повелительный тон, каким говорила с ней Шон, Жильбер принял бы Сильвию скорее за знатную даму, чем за горничную. В самом деле, ее одежда была больше похожа на одежду Андре, чем на одежду Николь. Сильвия взяла Жильбера за руку и мило ему улыбнулась, так как слова мадмуазель Шон свидетельствовали если не о ее расположении к нему, то, во всяком случае, о мимолетной симпатии.

Это была – мы говорим о Сильвии – высокая, красивая синеглазая девушка с почти незаметными веснушками и прекрасными белокурыми волосами. Ее свежий тонко очерченный рот, белые зубы, округлые руки вызвали у Жильбера прилив свойственной ему чувственности, напомнившей ему о медовом месяце, о котором говорила ему Николь.

Женщины всегда замечают подобные вещи, мадмуазель Сильвия тоже заметила и улыбнулась.

– Как вас зовут, сударь? – спросила она.

– Жильбер, мадмуазель, – довольно мягко ответил молодой человек.

– Ну что ж, господин Жильбер, пойдёмте знакомиться с благородным Замором.

– Дворецким замка Люсьенн?

– Да.

Жильбер одернул рукава, смахнул пыль с сюртука и вытер руки платком. Он был смущен тем, что должен был предстать перед столь важным лицом, но вспомнил фразу: «Замор – славный малый», и это его приободрило.

Он уже стал другом графини, другом виконта. Сейчас он подружится с дворецким королевской резиденции.

«Разве не клевета все, что рассказывают о дворе? – подумал он. – Здесь так легко найти себе друзей! По-моему, это люди приветливые и добрые».

Сильвия отворила дверь в приемную, больше напоминавшую будуар. Ее стены были покрыты перламутром, инкрустированным позолоченной медью. Это было похоже на атриум Лукулла, с тою лишь разницей, что у древних римлян инкрустации были из чистого золота. Здесь, в огромном кресле, зарывшись в подушки, возлежал, положив ногу на ногу и грызя шоколадные пастилки, благородный Замор, уже знакомый нам, но не Жильберу.

Впечатление, которое произвел будущий дворецкий замка Люсьенн на философа, довольно

забавным образом отразилось на его лице.

– О Боже! – воскликнул он, с волнением разглядывая странную фигуру, – он в первый раз видел негра. – Что это такое?

Замор даже не поднял головы и продолжал жевать конфеты, от удовольствия поблескивая белками глаз.

– Это? – отозвалась Сильвия. – Это господин Замор.

– Вот этот? – переспросил пораженный Жильбер.

– Ну конечно! – ответила Сильвия, которая не могла не рассмеяться, глядя на эту сцену.

– Дворецкий! – продолжал Жильбер. – Эта образина – дворецкий замка Люсьенн. Не может быть, мадмуазель, вы просто смеетесь надо мной.

При этих словах Замор выпрямился и показал белые зубы.

– Моя дворецкий, – сказал он. – Моя не образина.

Жильбер перевел с Замора на Сильвию сначала беспокойный, а затем негодующий взгляд, когда он увидел, как молодая женщина расхохоталась, несмотря на все усилия сдержаться.

Замор, серьезный и невозмутимый, как индийский божок, засунул свою черную лапку в атласный мешочек и вновь захрустел конфетами.

В эту минуту распахнулась дверь, и вошли Гранж и портной.

– Вот, – сказал он, – человек, для которого шьется костюм. Снимите мерки, как я вам это объяснил.

Жильбер машинально вытягивал руки и подставлял плечи, а Сильвия и Гранж беседовали в глубине комнаты. Сильвия закатывалась смехом в ответ на каждое слово эконома.

– Ах! Это будет очаровательно! – сказала Сильвия. – А у него будет остроконечный колпак, как у Сганареля?

Не дожидаясь ответа Гранжа, Жильбер оттолкнул портного и наотрез отказался продолжать снятие мерок. Он не знал, кто такой Сганарель, но его имя и в особенности смех Сильвии подсказывали ему, что это, должно быть, смешной персонаж.

– Ну и ладно, – сказал эkonom, – не нвольте его. Вам ведь и этого довольно, не так ли?

– Разумеется, – ответил портной, – к тому же в платье такого рода ширина – не беда. Я сошью его просторным.

На сем Сильвия, эkonom и портной удалились, оставив Жильбера наедине с негритенком, который по-прежнему грыз конфеты и вращал глазами.

Сколько загадок для бедного провинциала! Сколько страхов, сколько волнений, особенно для философа, который видел или которому казалось, что его достоинству грозит в Люсьенн еще большая опасность, чем в Таверне!

Однако он попытался заговорить с Замором: ему пришла в голову мысль, что это, возможно, индийский принц, о которых он читал в романах Кребийона-младшего.

Но индийский принц не ответил и отправился любоваться перед каждым из зеркал своим роскошным костюмом, как это делает жених, облачившись в свадебный наряд. Затем, устроившись верхом на стуле с колесиками и оттолкнувшись от пола ногами, он несколько раз объехал приемную с ловкостью, свидетельствовавшей о том, что это упражнение изучено им основательно.

Вдруг раздался звонок. Замор вскочил со стула и через одну из выходящих в коридор дверей бросился туда, откуда позвонили.

Быстрота, с которой Замор повиновался звонку, окончательно убедила Жильбера, что Замор вовсе не принц.

У Жильбера возникла мысль выйти через ту же дверь, что и Замор. Но, дойдя до конца приемной, выходящей в салон, он увидел столько синих и красных шнуров, охраняемых такими развязными, наглыми, шумными лакеями, что почувствовал, как холодок пробежал по его спине, а на лбу выступила испарина. Он вернулся в приемную.

Так прошел час. Замор не возвращался. Сильвии тоже не было. Жильбер страстно желал, чтобы появилось хоть какое-нибудь живое существо, пусть даже этот ужасный портной – орудие неизвестной ему мистификации, жертвой которой он должен был стать. Через час вновь отвори-

лась дверь, через которую он вошел, появился лакей и сказал ему:

– Следуйте за мной.

Глава 8. ЛЕКАРЬ ПОНЕВОЛЕ

Жильбера неприятно задело то, что он вынужден подчиняться лакею, однако речь шла, очевидно, о переменах в его положении, и ему показалось, что любое изменение будет для него к лучшему. Вот почему он поспешил за лакеем.

Освободившись наконец от переговоров и сообщив невестке о поручении, выполненном ею у графини де Беарк, Шон со всеми удобствами расположилась позавтракать в изящном утреннем домашнем платье у окна, в которое были видны верхушки акации и каштанов ближнего парка.

Она ела с аппетитом, Жильбер отметил, что в этом не было ничего удивительного, так как ей подали рагу из фазана и галантин с трюфелями.

Философ Жильбер! Когда его ввели в комнату, где находилась Шон, он поискал глазами на столике предназначенный для него прибор: он ожидал, что его пригласят позавтракать.

Однако Шон даже не предложила ему сесть.

Она только взглянула на него, а затем, выпив рюмку вина цвета топаза, спросила:

– Ну так что же, дорогой доктор, как ваши дела с Замором?

– Как мои дела? – переспросил Жильбер.

– Ну да! Я надеюсь, вы подружились?

– Как можно познакомиться или подружиться с какой-то зверушкой, которая и разговаривать-то не умеет, а когда к ней обращаются, только и делает, что вращает глазами и показывает зубы.

– Вы меня пугаете, – ответила Шон, продолжая есть; ничто в выражении ее лица не подтверждало этих слов. – Вы, значит, неспособны к дружбе?

– Дружба предполагает равенство, сударыня.

– Какие красивые слова! – отозвалась Шон. – Так вы не считаете себя равным Замору?

– Точнее будет сказать, – ответил Жильбер, – что я не считаю его равным себе.

– Да он и впрямь очарователен! – ни к кому не обращаясь, сказала Шон.

Затем, обернувшись к Жильберу и заметив его надутый вид, добавила:

– Значит, милый доктор, вы говорите, что не так легко отдаете свое сердце?

– Совершенно верно, сударыня.

– А я ошибалась, полагая, что принадлежу к числу ваших добрых друзей.

– Я к вам очень расположен, – чопорно ответил Жильбер.

– Благодарю вас. Вы меня просто осчастливили. И как же долго, мой прекрасный гордец, нужно добиваться вашего расположения?

– Достаточно долго, сударыня. Есть люди, которые – что бы они ни делали – не добьются его никогда.

– Ага! Теперь я понимаю, почему, прожив восемнадцать лет в доме барона де Таверне, вы неожиданно покинули его: семейство Таверне не сумело завоевать вашего расположения. Разве не так?

Жильбер покраснел.

– Что же вы не отвечаете? – настаивала Шон.

– Я могу ответить вам только одно: дружбу и доверие нужно заслужить.

– Черт побери! В таком случае мне кажется, что владельцы Таверне не удостоились ни вашей дружбы, ни вашего доверия.

– Отнюдь не все.

– А что же сделали те, кто имел несчастье не понравиться вам?

– Я не собираюсь жаловаться, – гордо ответил Жильбер.

– Ну же, ну! – промолвила Шон. – Я вижу, что я тоже не достойна доверия господина Жильбера. И, однако же, я полна желания заслужить его, но не знаю, как этого добиться.

Жильбер обиженно поджал губы.

– Итак, семейство Таверне не смогло вам угодить, – добавила Шон с любопытством, не ускользнувшем от Жильбера. – Расскажите мне все-таки, чем вы занимались у них в доме?

Жильбер оказался в некотором затруднении, так как и сам не знал, что, собственно, он делал в Таверне.

– Я был, сударыня... – пробормотал он. – Я был..., доверенным лицом.

Услышав эти слова, произнесенные с характерной для Жильбера философической меланхолической личностью, Шон расхохоталась так, что даже откинулась на стуле.

– Вы мне не верите? – нахмурившись, спросил Жильбер.

– Боже упаси! Знаете ли вы, друг мой, что вы совершенно невыносимы: вам ничего нельзя сказать. Я спросила, что за люди эти Таверне. И совсем не для того, чтобы досадить вам, а, наоборот, чтобы быть вам полезной и отомстить за вас.

– Я вовсе не думаю о мщении. А если понадобится – отомщу за себя сам.

– Вот и хорошо. Так как у нас есть, в чем упрекнуть членов семьи Таверне, вы тоже на них сердиты, – возможно, даже за многое, – мы, таким образом, становимся союзниками.

– Ошибаетесь, сударыня. Моя месть не имеет с вашей ничего общего, потому что вы говорите о всех Таверне, я же допускаю различные оттенки чувств, которые испытываю по отношению к ним.

– А господина Филиппа де Таверне, например, вы относите к темной или к светлой гамме оттенков?

– Я ничего не имею против господина Филиппа. Он никогда не делал мне ничего хорошего, но и ничего плохого. Не могу сказать, чтобы я его любил или ненавидел: он мне совершенно безразличен.

– Значит, вы не станете выступать свидетелем против Филиппа де Таверне перед королем или господином де Шуазелем?

– Свидетелем по какому поводу?

– По поводу его дуэли с моим братом.

– Если меня вызовут свидетелем, я скажу все, что знаю.

– А что вы знаете?

– Правду.

– Что вы называете правдой? Это ведь очень гибкое слово.

– Только не для того, кто умеет отличать добро от зла, справедливость от несправедливости.

– Понимаю: добро – это господин Филипп де Таверне, а зло – это виконт Дю Барри.

– Да, во всяком случае для меня, для моей совести.

– Вот кого я подобрала на дороге! – сказала Шон с раздражением. – Вот кто обязан мне жизнью! Вот какова его благодарность!

– Вернее будет сказать, что я не обязан вам смертью.

– Это одно и то же.

– Напротив, это совершенно разные вещи.

– Неужели?

– Я не обязан вам жизнью. Вы помешали своим лошадям отнять ее у меня, вот и все. И к тому же не вы, а кучер.

Шон пристально посмотрела на юного логика, который говорил, не выбирая выражений.

– Я могла бы ожидать, – отозвалась она с мягкой улыбкой и нежным голосом, – большей галантности от спутника, который во время путешествия столь ловко отыскивал мою руку среди подушек и мою щиколотку на своем колене.

Неожиданная нежность Шон и простота ее обращения произвели на Жильбера такое сильное впечатление, что он тут же забыл и про Замора, и про портного, и про завтрак, на который его забили пригласить.

– Ну вот, вы снова милый, – сказала Шон, беря Жильбера да подбородок,

– вы будете свидетельствовать против Филиппа де Таверне, не правда ли?

– Ну уж нет, – ответил Жильбер, – никогда!

– Отчего же, упрямец вы эдакий?

- Оттого, что виконт Жан был неправ.
- В чем же он был неправ, скажите на милость?
- Он оскорбил ее высочество, а господин Филипп де Таверне – напротив...
- Ну?
- ..Был прав, защищая ее честь.
- Как видно, мы держим сторону принцессы?
- Нет, я на стороне справедливости.
- Вы сумасшедший, Жильбер, замолчите! Пусть никто в этом замке не услышит, что вы говорите.
- Тогда избавьте меня от необходимости отвечать, когда задаете вопрос.
- Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Жильбер поклонился в знак согласия.
- Итак, малыш, что вы предполагаете делать здесь, если не желаете стать нам приятным? – спросила молодая женщина, тон которой стал довольно жестким.
- Разве можно становиться приятным, нарушая клятву?
- Господи, да где вы берете все эти красивые слова?
- Каждый человек вправе оставаться верным своей совести.
- Когда вы служите хозяину, он берет всю ответственность на себя.
- У меня нет хозяина, – простонал Жильбер.
- Если вы и дальше будете продолжать в том же духе, дурачок, – сказала Шон, поднимаясь с ленивой грацией, – у вас никогда не будет и хозяйки. А теперь я повторяю свой вопрос: что вы собираетесь у нас делать?
- Мне казалось, что можно не быть приятным, когда можешь быть полезным.
- Вы ошибались: нам и так попадаются только полезные люди, мы от них устали.
- В таком случае я уйду.
- Уйдете?
- Конечно! Я ведь не просил, чтобы меня привозили сюда, ведь так? Значит, я свободен.
- Свободен! – вскричала Шон: непривычное для нее сопротивление начинало раздражать. – Ну уж нет! Лицо Жильбера приняло выражение твердости.
- Спокойно, спокойно! – сказала молодая женщина, увидев по нахмуренным бровям собеседника, что он не так легко откажется от своей свободы. – Предлагаю мир! Вы хороши собой, полны добродетели и тем самым будете очень забавны – хотя бы в силу противоположности со всем тем, что нас окружает. Но умоляю: оставьте при себе свою любовь к истине.
- Разумеется, ее я сохраняю.
- Да, но мы по-разному это понимаем. Я прошу оставьте ее при себе, не провозглашайте культа истины в коридорах Трианона или в передних Версаля.
- Гм, – откликнулся Жильбер.
- Никаких «гм». Вы еще недостаточно образованны, мой юный философ, женщина еще может вас чему-нибудь научить. Первая аксиома: молчание – это еще не ложь. Запомните хорошенько!
- А если мне зададут вопрос?
- Кто же? Вы с ума сошли, Друг мой. Боже! Да кто, кроме меня, думает о вас на этом свете? Вы еще не прошли никакой школы, как мне кажется, господин философ. Порода, которую вы представляете, пока еще редкость. Нужно проехать немало дорог и исходить немало лесов, чтобы найти подобного вам. Вы останетесь со мной, и не пройдет и нескольких дней, как вы станете безупречным придворным.
- Сомневаюсь, – уверенно ответил Жильбер. Шон пожала плечами. Жильбер улыбнулся.
- Давайте на этом остановимся, – снова заговорила Шон, – К тому же вам надо понравиться только троим.
- И кто же эти трое?
- Король, моя сестра и я.
- Что для этого нужно сделать?
- Вы видели Замора? – спросила молодая женщина, уклоняясь от прямого ответа.

– Этого негра?

– Да, негра.

– Что может у меня быть с ним общего?

– Постарайтесь, чтобы вам так же повезло, мой дружок. У этого негра уже две тысячи ливров ренты на королевском счету. Он скоро будет назначен дворецким замка Люсьенн, и тот, кто смеялся над его толстыми губами и цветом его кожи, станет перед ним лебезить, называть его «сударь» и даже «монсеньер».

– Только не я, сударыня.

– Неужели? – отозвалась Шон. – А мне казалось, что один из первых заветов философии гласит, что все люди равны?

– Именно поэтому я и не назову Замора монсеньером. Шон была побеждена своим собственным оружием. Теперь была ее очередь прикусить язычок.

– Значит, вы не честолюбивы, – заметила она.

– Почему? – с загоревшимися глазами спросил Жильбер. – Напротив.

– Вашей мечтой было, если не ошибаюсь, стать врачом?

– Я полагаю, что оказывать помощь себе подобным – прекраснейшее в мире занятие.

– Ну так ваша мечта осуществится.

– Каким образом?

– Вы будете врачом, и к тому же королевским врачом.

– Я? – вскричал Жильбер. – У меня нет понятия об элементарных вещах в области медицинского искусства... Вы смеетесь, сударыня.

– А вы думаете. Замор знает, что такое опускная решетка, машикули, контрэскарп? Нет, не знает, и это его не заботит. Это не мешает ему стать дворецким замка Люсьенн, со всеми привилегиями, связанными с этим титулом.

– Ах, да, да, я понимаю, – сказал Жильбер с горечью. – У вас только один шут, вам этого недостаточно. Королю скучно. Ему нужны два шута.

– Ну вот, – воскликнула Шон, – опять у него кислая мина! Вы так станете уродливым, мой друг. Приберегите все эти гримасы до того времени, когда у вас на голове будет парик, а на парике – остроконечный колпак – тогда это будет уже не уродливо, а смешно.

Жильбер нахмурил брови.

– Вы вполне можете согласиться на роль королевского врача, когда господин герцог де Трем умоляет о титуле обезьянки мою сестру.

Жильбер ничего не ответил. Шон применила к нему пословицу: молчание – знак согласия.

– Чтобы доказать вам, что вы уже в фаворе, – сказала Шон, – вы не будете есть со слугами.

– Благодарю вас, сударыня, – ответил Жильбер.

– Я уже распорядилась.

– А где же я буду есть?

– Вы разделите трапезу Замора.

– Я?

– Вы. Если хотите есть, идите ужинать вместе с ним.

– Я не голоден, – грубо ответил Жильбер.

– Очень хорошо, – спокойно отозвалась Шон, – сейчас вы не голодны, но к вечеру проголодаетесь. Жильбер отрицательно покачал головой.

– А если не вечером, так завтра или послезавтра. Вы покоритесь, господин бунтарь, а если будете причинять нам слишком много хлопот, так у нас есть человек, который сечет непослушных пажей.

Жильбер вздрогнул и побледнел.

– Итак, отправляйтесь к Замору, – строго сказала Шон, – хуже вам от этого не будет. Кухня хорошая, но остерегайтесь быть неблагодарным, потому что иначе вас научат благодарности.

Жильбер опустил голову.

Так он делал всякий раз, когда вместо того чтобы говорить, принимал решение действовать.

Лакей, который привел Жильбера, дожидаясь, пока молодой человек выйдет. Он проводил

Жильбера в небольшую столовую, рядом с уже знакомой приемной.

Замор сидел за столом.

Жильбер сел рядом с ним, но есть заставить его не смогли.

Пробило три часа. Графиня Дю Барри отправилась в Париж. Шон, которая должна была присоединиться к ней позже, дала указание проучить своего медвежонка: принести ему сладостей, если он будет вести себя хорошо, и запугать, посадить на час в карцер, если он будет продолжать бунтовать.

В четыре часа в комнату Жильбера принесли полный костюм лекаря поневоле: остроконечную шляпу-колпак, парик, черный сюртук, плащ того же цвета. К сему добавили воротничок, указку и толстую книгу.

Лакей, который принес вещи, одну за другой показал их Жильберу. Жильбер не проявил никакого желания сопротивляться.

Гранж вошел вслед за лакеем и показал Жильберу, как надевать некоторые части костюма. Жильбер внимательно выслушал все объяснения Гранжа.

– Мне кажется, – заметил он, – что раньше доктора носили письменный прибор и свиток бумаги.

– А ведь он прав, – сказал Гранж, – найдите ему длинное перо, которое он прикрепит к поясу.

– С чернильницей и бумагой! – закричал Жильбер. – Я непременно хочу, чтобы костюм был полным.

Лакей кинулся выполнять полученные приказания. Кроме того, ему было поручено сообщить Шон об удивительной покорности Жильбера.

Шон была так довольна, что дала посланцу кошелек с восемью экю, чтобы повесить на пояс этому примерному лекарю.

– Благодарю, – сказал Жильбер, когда все это ему принесли. – Теперь оставьте меня одного, чтобы я мог одеться.

– Поторопитесь, чтобы мадмуазель могла увидеть вас до отъезда в Париж, – сказал ему Гранж.

– Полчаса, – сказал Жильбер, – мне нужно всего полчаса.

– Хоть три четверти, если нужно, сударь, – ответил эконо, закрывая дверь комнаты Жильбера так тщательно, будто это была сокровищница.

Жильбер на цыпочках подошел к двери и прислушался. Убедившись, что шум шагов стих, он проскользнул к окну, выходявшему на террасу. Терраса была расположена восемнадцатью локтями ниже. Эти террасы, посыпанные мелким песком, были обсажены большими деревьями, листва которых затеняла балконы.

Жильбер разорвал свой длинный плащ на три части, связал их, положил на стол шляпу, рядом со шляпой кошелек и написал:

«Сударыня!

Первое из достояний человека есть свобода. Самая святая обязанность человека – сохранить ее. Вы принуждаете меня, я же себя освобождаю.

Жильбер».

Он сложил письмо и адресовал его Шон. Затем привязал двенадцать локтей саржи к решетке окна, между ее прутьями проскользнул, как ящерица, спрыгнул на террасу с риском для жизни, потому что веревки не хватило и, еще оглушенный прыжком, добежал до деревьев, скользнул в крону, как белка, ухватился за ветки, спрыгнул на землю и со всех ног кинулся к лесу Вильд'Авре. Когда через полчаса за ним пришли, он уже был недосыгаем для погони.

Глава 9. СТАРИК

Жильбер решил не идти по дороге, так как боялся погони. Он шел лесом и, наконец, очутившись в роще, остановился передохнуть. Он прошел около полутора миль за три четверти часа.

Беглец огляделся: он был совершенно один. Безлюдье его успокоило. Он крадучись прибли-

зился к дороге, которая, по его расчетам, вела в Париж.

Заметив выезжавшие из деревни Рокенкур кареты с кучерами в оранжевых ливреях, он так испугался, что отказался от соблазна продвигаться по большой дороге и опять кинулся в лес.

«Останемся в тени каштанов, – сказал себе Жильбер. – Если меня где-нибудь и будут искать, то прежде всего на большаке. А к вечеру, переходя от дерева к дереву, от перекрестка к перекрестку, я доберусь до Парижа. Говорят, Париж большой. А я невелик, меня там не найдут».

Эта мысль понравилась ему еще и потому, что погода была великолепная, леса тенисты, а земля покрыта ковром из мхов. Солнце еще припекало, но уже начало заходить за возвышенности Марли, высушив траву и вызвав шедшие от земли нежные весенние запахи, аромат цветов и свежей зелени.

Был тот час дня, когда с неба опускается глубокая тишина, предшествующая сумеркам, час, когда цветы, закрывая лепестки, прячут в чашечке уснувшее насекомое. Золотистые жужжащие мухи возвращаются в гущу дубов, служащую им убежищем; птицы беззвучно пролетают в листве, слышен лишь шорох их крыльев; единственная песня, которую еще можно услышать, – это ритмичное посвистывание дрозда и робкий щебет малиновки.

Жильбер знал лес, ему знакомы были его тишина и его звуки. Потому-то не раздумывая более, не поддаваясь детским страхам, он смело отправился в путь среди вересковых зарослей по красным прошлогодним листьям.

Вместо беспокойства Жильбер испытывал теперь огромную радость. Он пил долгими глотками чистый и свежий воздух, он чувствовал, что и на этот раз он, как настоящий стоик, вышел победителем из всех ловушек, подстерегающих человека с его слабостями. И разве имело какое-либо значение то, что у него не было ни хлеба, ни денег, ни ночлега? Ведь он был свободен и мог всецело располагать собой.

Он растянулся у подножия гигантского каштана, на мягкой подстилке между двумя толстыми корнями, поросшими мхом, и, глядя на улыбавшееся ему небо, заснул.

Разбудило его пение птиц. Едва светало. Приподнявшись на затекшем на жестком корне локте, Жильбер увидел, что в голубоватом рассвете открывается тройная развилка; там и сям, по влажным от росы тропкам пробегают ушастые быстрые кролики, а любопытная лань, перебиравшая стройными ногами со стальными копытцами, остановилась посреди аллеи, чтобы разглядеть это странное неизвестное существо, лежавшее под деревом и внушавшее ей желание как можно быстрее убежать прочь.

Поднявшись на ноги, Жильбер почувствовал, что голоден. Читатель помнит, что накануне он не пожелал ужинать с Замором, и потому у него не было во рту ни крошки после того завтрака, которым его накормили в Версале, в маленькой мансарде под крышей. Очутившись под сводами леса, отважный путник, прошедший через леса Лотарингии и Шампани, почувствовал себя как в парках Таверне или в зарослях Пьерфита, пробудившись на заре после ночи, проведенной в засаде ради Андре.

Но тогда он находил рядом пойманную им куропатку или подстреленного фазана, а сейчас около него лежала только шляпа, изрядно пострадавшая в пути и окончательно испорченная утренней росой.

Так, значит, это был не сон, как он подумал, едва проснувшись? Версаль и Люсьенн были явью, начиная с его триумфального въезда в Версаль и кончая побегом из Люсьенн?

Затем чувство голода окончательно вернуло его к действительности, голода, все усиливавшегося и все более острого.

Машинально он поискал вокруг себя сочную ежевику, дикие сливы, хрусткие корешки родных лесов, вкус которых, хотя и более терпкий, чем вкус репы, был тем не менее приятен лесорубам, которые по утрам с топорами и пилами в руках отправляются на вырубку.

Но время для этих растений было неподходящее. Жильбер увидел вокруг одни только ясени, вязы, каштаны и вечные дубы, которые так любят песчаную почву.

«Ну же, ну, – сказал себе Жильбер, – пойду прямо в Париж. Я от него милях в трех-четырех, самое большее – в пяти. Это дело двух часов ходьбы. И разве уж так важны двухчасовые муки, когда есть уверенность, что вскоре они прекратятся? В Париже хлеба хватает на всех. Увидев

честного, работающего молодого человека, любой встречный ремесленник не откажет мне в куске хлеба за работу. В Париже я заработаю себе на еду на сутки вперед. Чего же мне еще надо? Ничего при условии, что каждый следующий день позволит мне стать выше, величественнее и приблизит меня... к цели, которой я хочу достичь».

Жильбер ускорил шаг, он хотел выйти на большую дорогу, но утратил способность ориентироваться. В Таверне и во всех окрестных лесах он легко различал восток и запад, любой лучик солнца осведомлял его о времени и направлении. Ночью любая звезда, хотя он и не знал ее под именем Венеры, Сатурна или Люцифера, была для него путеводной. Но в этом новом для него мире он так же мало знал вещи, как и людей, и надо было отыскать среди тех и других свой путь, отыскать случай, но на ощупь.

«К счастью, я видел дорожные столбы с указателями дорог», – сказал себе Жильбер.

И он отправился к развилке, на которой заметил эти столбы-указатели.

Действительно, это была развилка трех дорог: одна из них вела в Маре-Жон, другая – в Шам-д'Алуэт, третья – в Тру-Сале.

Жильбер был теперь дальше от цели, чем раньше: ему пришлось шагать три часа, все еще не выходя из леса, и двигаться от Рон-дю-Руа к перекрестку Прэнс.

Пот струился по его лицу, двадцать раз он снимал сюртук и куртку, чтобы залезть на высокий каштан, но, взобравшись на его вершину, он видел Версаль – то справа, то слева: Версаль, к которому его постоянно приводила злая судьба.

В ярости, не смея идти по дороге, так как он был уверен, что весь Люсьенн кинулся ему вдогонку, Жильбер пробирался сквозь чащу и в конце концов прошел Вирофле, затем Шавиль, потом Севр.

В замке Медон пробило половину шестого, когда он добрался до монастыря капуцинов, расположенного между фабричным зданием и Бельвю. Оттуда, вскарабкавшись на крест с риском сломать его и, как Сивен, быть приговоренным Парламентом к колесованию, он увидел Сены, предместье Парижа и дымки крайних домов.

Но вдоль Сены через предместье проходила большая версальская дорога, от которой Жильберу надо было держаться подальше.

На мгновение Жильбер забыл об усталости и голоде. Он видел вдали скопление домов, тонувших в утренней дымке; он решил, что это Париж, побежал в ту сторону и остановился, лишь когда у него перехватило дыхание.

Он находился в самом центре медонского леса, между Флери и Плесси-Пике.

«Ну что ж, – сказал он, оглядываясь вокруг, – отбросим ложный стыд. Я непременно встречу поднявшегося спозаранку одного из тех, кто отправляется на работу с большим куском хлеба под мышкой. Я скажу ему: „Все люди братья и, значит, должны помогать друг другу. У вас хлеба достаточно не только для того, чтобы позавтракать, но и на весь день, и не на одного. А я умираю с голоду“. И тогда он отдаст мне половину своего хлеба», Голод заставлял Жильбера философствовать больше, чем обычно, и он продолжал свои размышления.

«В самом деле, – размышлял он, – разве не все у людей на земле общее? Бог, вечный источник всего сущего, разве дал одним воздух, который оплодотворяет землю, или землю, которая оплодотворяет плоды? Нет, но некоторые захватили ее. Однако в глазах Всевышнего, как и в глазах философа, ни у кого ничего нет: тот, кто чем-то владеет, имеет это лишь потому, что Бог дал это в его временное распоряжение».

Жильбер со свойственной ему рассудительностью собрал воедино смутные и еще не определившиеся мысли, которые в ту эпоху витали в воздухе, пролетая над головами, как облака, влекомые ветром в одну сторону, чтобы собраться в грозовую тучу.

«Кто-то, – продолжал Жильбер, – силой завладел тем, что принадлежит всем. Ну что ж. У них можно силой отобрать то, что они не хотят разделить со всеми. Если мой брат, у которого слишком много хлеба для него одного, откажется дать мне кусок, тогда... я возьму его силой, следуя закону природы, источнику здравого смысла и справедливости, потому что он вырастает из естественной потребности. Конечно, не в том случае, если мой брат скажет мне:

«Та часть, которую ты просишь, – это часть моей жены, и детей» или же: «Я сильнее тебя и

не отдам тебе свой хлеб».

Жильбер, предаваясь размышлениям голодного волка, вышел на лужайку, посреди которой находилось болотце с рыжей водой, поросшее тростником и кувшинками.

На травянистом склоне, спускавшемся к самой воде, исполосованной во всех направлениях длинноногими водомерками, синели, как россыпь бирюзы, многочисленные незабудки.

В глубине полукругом высилась изгородь из больших осин и ольхи, заполнявшей своей густой листвой промежутки, оставленные природой между серебристыми стволами высоких деревьев.

Шесть аллей выходили на этот своего рода перекресток. Две из них, казалось, уходили к самому солнцу, которое золотило верхушки дальних деревьев, тогда как четыре других, расходившихся, как лучи звезды, пропадали в синей лесной дали.

Этот зеленый зал казался более прохладным и более цветущим, чем любое другое место в лесу.

Жильбер вошел в него по одной из темных аллей.

Первое, что он заметил, когда, окинув взглядом далекий горизонт, перевел свой взгляд на то, что окружало его, это был – в сумраках глубокого рва – ствол упавшего дерева, на котором сидел человек в седом парике с мягкими и тонкими чертами лица, одетый в сюртук из толстого рыжего драпа, штаны такого же цвета, жилет из серого пике в полоску; его серые хлопчатобумажные чулки обтягивали нервную ногу довольно красивой формы; туфли на пуговицах, местами пыльные, были омыты спереди утренней росой.

Рядом с человеком на поваленном дереве стояла выкрашенная в зеленый цвет коробка с откинутой крышкой, полная только что собранных растений. Меж ног его лежал посох из падуба, закругленный конец которого блестел в тени; он заканчивался маленькой тяпкой в два дюйма шириной и три длиной.

Жильбер мельком окинул все эти подробности, но что он заметил в первую очередь, так это кусок хлеба, от которого старик отламывал кусочки, чтобы съесть их, поделившись с зябликами и зеленушками, которые издалека поглядывали на желанную добычу. Они кидались на нее, едва старик протягивал им крошки, и с веселым щебетом улетали, шумя крыльями, в глубину леса.

Время от времени старик, следивший за ними добрым и одновременно живым взглядом, запускать руку в узелок из клетчатого цветного носового платка, вынимал вишню и заедал ею хлеб.

«Ну вот мне и представился случай», – сказал себе Жильбер, раздвигая ветки и делая несколько шагов по направлению к отшельнику, который наконец прервал свои размышления.

Заметив добрый и спокойный взгляд этого человека, Жильбер остановился и снял шляпу.

Увидав, что он уже не один, старик бросил быстрый взгляд на его костюм и длинный сюртук.

Жильбер застегнул костюм и запахнул сюртук.

Глава 10. БОТАНИК

Жильбер набрался храбрости и подошел совсем близко. Однако, едва раскрыв рот, он сейчас же его закрыл, не проронив ни звука. Он колебался: ему вдруг почудилось, что он просит милостыню, а вовсе не требует того, что принадлежит ему по праву.

Старик заметил его робость; казалось, это обстоятельство его приободрило.

– Вы хотите мне что-то сказать, друг мой? – с улыбкой спросил он, положив хлеб под дерево.

– Да, сударь, – отвечал Жильбер.

– Что вам угодно?

– Я вижу, что вы бросаете хлеб птицам, а разве не сказано было, что их кормит Бог?

– Конечно, он их кормит, юноша, – проговорил незнакомец, – но рука человека – одно из орудий Божьего промысла. Если вы меня в этом упрекаете, то напрасно, потому что ни в глухом лесу, ни на шумной улице не пропадет хлеб, который мы разбрасываем. Здесь его подберут птицы, а там поднимут бедняки.

– Что ж, сударь, – отвечал Жильбер в сильном волнении от ласкового и проникновенного голоса старика, – хоть мы сейчас с вами в лесу, я знаю одного человека, который готов оспаривать ваш хлеб у птиц.

– Не вы ли это, мой друг? – вскричал старик. – Уж не голодны ли вы?

– Очень голоден, сударь, клянусь вам, и если вы позволите...

Старик схватился за хлеб с выражением искреннего сострадания. Потом замер и пристально посмотрел на Жильбера.

Жильбер и в самом деле не очень походил на нищего, стоило лишь повнимательнее к нему приглядеться. Он был одет чисто, хотя его одежда в некоторых местах была выпачкана землей. На нем было свежее белье, потому что накануне в Версале он достал из своего узелка рубашку и переоделся, но рубашка эта была теперь помята и влажна. Было совершенно очевидно, что молодой человек ночевал в лесу.

Особенно удивительны были его белые изящные руки, выдававшие в нем мечтателя, а вовсе не человека, привыкшего к тяжелой работе.

Жильбер был достаточно сообразителен, чтобы заметить недоверие и колебание незнакомца; он поспешил опередить догадки старика, которые, как он понимал, были бы не в его пользу.

– Человек испытывает голод, сударь, если не ел двенадцать часов, – сказал он, – а у меня уже целые сутки во рту не было ни крошки.

Взволнованное выражение его лица, дрожавший голос, бледность – все подтверждало правдивость его слов.

У старика уже не было сомнений, вернее – опасений. Он протянул хлеб вместе с носовым платком, в который были завернуты вишни.

– Благодарю вас, сударь, – проговорил Жильбер, вежливо отказываясь от ягод, – с меня довольно и хлеба.

Он разломил краюху надвое, половину оставил себе, другую отдал старику. Потом сел на траву в нескольких шагах от старика, разглядывавшего его со все возрастающим интересом.

Трапеза его была недолгой. Хлеба было мало, а у Жильбера был прекрасный аппетит. Старик не стал беспокоить его расспросами, он украдкой наблюдал за ним, делая вид, что занят лежащими в коробке травами и цветами, тянувшими головки к жестяной крышке, словно в надежде глотнуть свежего воздуха.

Однако видя, что Жильбер направляется к луже, старик закричал:

– Не пейте этой воды, юноша! Она заражена остатками прошлогодней травы, а на поверхности плавает лягушачья икра. Возьмите лучше ягод, они освежат не хуже воды. Берите, не стесняйтесь. Я вижу, вы сотрапезник не навязчивый.

– Вы правы, сударь, навязчивость мне совсем не свойственна, я больше всего на свете боюсь быть навязчивым. Это я недавно доказал в Версале.

– А-а, так вы из Версаля держите путь? – взглянув на Жильбера, спросил незнакомец.

– Да, сударь, – отвечал молодой человек.

– Богатый город. Надо быть или очень бедным, или чересчур гордым, чтобы умирать там с голоду.

– Я как раз и беден, и горд, сударь.

– Вы поссорились с хозяином? – неуверенно спросил незнакомец, вопросительно поглядывая на Жильбера и продолжая перебирать травы в коробке.

– У меня нет хозяина, сударь.

– Друг мой, так может говорить только честолубец, – заметил незнакомец, надевая шляпу.

– Я сказал правду.

– Это не может быть правдой, потому что здесь, на земле, у каждого есть хозяин, и только гордец может сказать: «У меня нет хозяина».

– Неужели?

– Ну конечно, Боже мой! И старые, и молодые, все, какими бы мы ни были, себе не принадлежим. Одними управляют люди, другими – воззрения, а самые строгие хозяева – не всегда те, что отдают приказания, обижают грубым словом или наказывают плетью.

– Пусть так, – проговорил Жильбер, – в таком случае мною руководят воззрения – это я готов признать. Воззрения – вот единственная сила, которую не стыдятся может признать разум.

– А каковы ваши воззрения? По-моему, вы еще очень молоды, друг мой, и глубоких воззрений у вас быть не может.

– Сударь! Я знаю, что люди – братья, что при рождении на каждого человека возлагаются обязанности по отношению к братьям. Я знаю, что Господь вложил в меня некую ценность, хотя бы и самую малую, а так как я готов признать ценность других, я вправе требовать от них того же. Пока я не совершил бесчестных или несправедливых поступков, я имею право рассчитывать на уважение моей личности.

– Ах, ах! – воскликнул незнакомец. – Вы где-нибудь учились?

– К сожалению, нет, сударь. Я прочел только «Рассуждения о начале и основаниях неравенства» и «Общественный договор». Из этих книг я и почерпнул все свои знания и даже, может быть, все свои мечты.

При этих словах в глазах незнакомца вспыхнул огонек, он сделал порывистое движение и едва не сломал стебелек бессмертника с блестящими на солнце листиками, который никак не желал укладываться в тесную коробку.

– Так какие же у вас воззрения?

– Вероятно, они не совпадут с вашими, – отвечав молодой человек, – это воззрения Жан-Жака Руссо.

– Хорошо ли вы их поняли? – спросил незнакомец с видимым недоверием, которое должно было задеть самолюбие Жильбера.

– Так ведь я, как мне кажется, понимаю свой родной язык, особенно когда на нем выражаются так же ясно и поэтично, как Жан-Жак Руссо...

– Да, видно, не очень, – с улыбкой заметил старик, – потому что если то, о чем я вас сейчас спрашиваю, не поэтично, то уж, во всяком случае, вполне ясно. Я хотел спросить, помогли ли вам ваши занятия философией лучше понять политическую экономию...

Незнакомец смущенно замолчал.

– Политическую экономию Руссо? – переспросил молодой человек. – Да ведь я, сударь, изучал философию не в коллеже, я своему чутью обязан тем, что открыл для себя среди прочитанных книг самую замечательную и полезную:

«Общественный договор».

– Бесплодный предмет для молодого человека, пустое созерцание для двадцатилетнего мечтателя, горький и мало соблазнительный цветок для юного воображения, – слегка опечалившись, проговорил незнакомец.

– В несчастье человек мужает до срока, сударь, – возразил Жильбер, – а если дать волю мечтательности, то она может довести до беды.

Незнакомец удивленно раскрыл глаза, которые все это время были полуприкрыты в задумчивости, свойственной старику в минуты покоя, сообщавшего его лицу некоторую привлекательность.

– Кого вы имеете в виду? – краснея, спросил он.

– Никого, сударь, – отвечал Жильбер.

– Не может быть.

– Да нет же, уверяю вас.

– Мне показалось, что вы досконально изучили женевского философа и имеете в виду его жизнь.

– Я его не знаю, – простодушно отвечал Жильбер.

– Не знаете? – вздохнул незнакомец. – Невелика потеря, молодой человек, это весьма жалкое создание.

– Что вы говорите! Жан-Жак Руссо – жалкое создание? Значит, нет больше справедливости ни на земле, ни на небе. Жалкое создание! И это человек, посвятивший жизнь счастью других людей!..

– Ну, я вижу, вы и в самом деле его не знаете! Впрочем, давайте лучше поговорим о вас, если

ничего не имеете против.

– Я охотнее предпочел бы уяснить себе предмет, о котором мы только что говорили. Кроме того, я – ничто, сударь, что же я могу вам сообщить?

– Ну да, и потом, вы меня совсем не знаете и боитесь быть откровенны с незнакомым человеком.

– Сударь! Чего мне бояться кого бы то ни было и кто может сделать меня более несчастным, чем я есть? Вспомните, каким я предстал перед вами: одинокий, бедный, голодный.

– Куда же вы направлялись?

– В Париж. Вы парижанин, сударь?

– Да., то есть нет.

– Да или нет? – с улыбкой спросил Жильбер.

– Я не люблю лгать. Я не раз имел случай убедиться, что надо подумать прежде, чем ответить. Я парижанин, если под парижанином подразумевается человек, давно проживающий в Париже и ведущий городской образ жизни. Но родился я в другом городе. А почему вы об этом спросили?

– Мой вопрос связан с тем, о чем мы только что говорили. Я имел в виду то, что, если вы живете в Париже, вы, должно быть, видели Руссо.

– Я и впрямь видел его несколько раз.

– Его, наверное, провожают взглядами, когда он проходит мимо? Он вызывает восхищение, прохожие показывают на него друг Другу пальцем, как на благодетеля человечества, не так ли?

– Ничего похожего. За ним бегут дети и, подученные родителями, кидают ему вдогонку камнями.

– О Господи! – в недоумении вскричал Жильбер. – Но он по крайней мере богат?

– Ему случается утром, как и вам, задавать себе вопрос: «Что я буду сегодня есть?»

– Как бы ни был он беден, но, вероятно, он человек известный, могущественный, уважаемый?

– Засыпая вечером, он не уверен, что не проснется в Бастилии.

– Как же он должен в таком случае ненавидеть людей!

– Он их ни любит, ни ненавидит, они ему надоели, – вот и все.

– Не испытывать ненависти к людям, которые дурно с нами обходятся! – вскричал Жильбер. – Мне это непонятно.

– Руссо всегда был свободен, сударь. Руссо всегда был достаточно силен, чтобы надеяться только на себя. А ведь именно сила и свобода делают человека мягким и добрым. Напротив, зависимость и слабость его озлобляют.

– Вот потому-то я и стремлюсь оставаться свободным! – с гордостью заметил Жильбер. – Я чутьем угадывал то, что вы сейчас подтвердили.

– Человек может быть свободен и в тюрьме, молодой человек, – отвечал незнакомец. – Окажись Руссо завтра за решеткой, что рано или поздно с ним случится, он и там писал и мыслил бы так же свободно, как в горах Швейцарии. Я-то всегда полагал, что свобода состоит не в том, чтобы делать то, что хочется; она заключается в том, что никакая сила не может заставить человека поступать против своей воли.

– Скажите, сударь, эти слова принадлежат Руссо?

– Да, – отвечал незнакомец.

– Они взяты из «Общественного договора»?

– Нет, это из его новой книги под названием «Прогулки одинокого мечтателя».

– Сударь! Мне кажется, у нас с вами есть нечто общее.

– Что именно?

– Мы оба любим Руссо и восхищаемся его книгами.

– Говорите о себе, молодой человек: вы как раз, в том возрасте, когда люди легко обманываются.

– Можно заблуждаться в чем-то, но не в ком-то.

– Впоследствии вы сами убедитесь, что чаще всего ошибаются именно в людях. Может быть,

Руссо отчасти ближе к истине, чем другие. Но уж поверьте мне: и у него есть недостатки, да еще какие!..

Жильбер недоверчиво покачал головой. Однако, несмотря на это, незнакомец смотрел на него по-прежнему благожелательно.

– Вернемся к тому, с чего начали, – проговорил он, – я сказал, что вы оставили в Версале своего хозяина.

– А я вам на это ответил, – немного мягче произнес Жильбер, – что у меня хозяина нет. Я мог бы прибавить, что, пожелай я поступить на службу, у меня был бы могущественный хозяин: я отверг одно предложение, которому многие могли бы позавидовать.

– Вы получили предложение?

– Да, я должен был развлекать богатых бездельников. Но я подумал, что, пока я молод, могу учиться и чего-нибудь в жизни достичь, я не должен терять драгоценного времени, тем более – унижать свое достоинство.

– Это похвально, – важно заметил незнакомец, – но если вы собираетесь добиться в жизни успеха, надо иметь ясное представление о своем будущем, не так ли?

– Сударь! Я мечтаю стать врачом.

– Прекрасное и благородное занятие. Однако у врача два пути: либо истинная наука и, значит, скромное, а подчас нищенское существование, либо наглое шарлатанство, а с ним – богатство и почести. Если вы любите истину, юноша, становитесь врачом; если предпочитаете блеск – старайтесь прослыть врачом.

– Сударь! Чтобы учиться, нужно много денег, не так ли?

– Конечно, деньги нужны, но не так уж много.

– А вот Жан-Жак Руссо, – продолжал Жильбер, – все знает, а ведь это ничего ему не стоило!

– Ничего не стоило? – с печальной улыбкой переспросил старик. – И вы говорите так о самом дорогом, что Господь дал человеку: о душевной чистоте, о здоровье, о сне – вот во что обошлось женеvскому философу то малое, чему он научился!

– И вы называете это «малым»! – воскликнул задетый за живое Жильбер.

– Ну конечно! Да вы расспросите о нем и послушайте, что вам скажут.

– Прежде всего он – великий музыкант.

– Это потому, что Людовик XV с чувством пропел:

«Над милым слугою утратила власть я...». Однако это вовсе не значит, что «Сельский мечтатель» – хорошая опера.

– Он – известный ботаник. Достаточно прочесть его письма, из которых я, по правде говоря, достал всего несколько страниц. Но вы-то должны об этом знать, раз занимаетесь сбором трав.

– Иногда бывает, что человек считает себя ботаником, а на самом деле он лишь...

– Договаривайте, сударь.

– А на самом деле он лишь травник, да и то...

– А вы сами кто, травник или ботаник?

– Конечно, травник, и притом из самых скромных и несведущих, если принять во внимание, как много на земле растений и цветов...

– Но Руссо знает латинский язык, не так ли?

– Очень плохо.

– Однако я сам прочел в газете, что он перевел древнеримского писателя Тацита.

– Это случилось потому, что в своей гордыне – к сожалению, любого человека временами обуревают это чувство – он хотел заниматься всем сразу. Он сам написал в предисловии к своей первой книге, единственном, кстати говоря, переводе, что плохо понимает латинский язык и что Тацит, по его мнению, – сильный противник, который очень скоро его утомил. Да нет, юноша, вопреки вашему восхищению, я должен заметить, что совершенных людей не существует. Почти всегда – уж вы мне поверьте – глубину приносят в жертву широте взглядов. Даже небольшая речка разливается во время ливня и становится большим озером. А попробуйте спустить на воду лодку, и вы очень скоро сядете на мель.

– По вашему мнению, Руссо – человек поверхностный?

– Да, несомненно. Может быть, широтой взглядов он и превосходит других людей, но и только, – отвечал незнакомец.

– Многие люди были бы счастливы достичь его широты.

– Вы имеете в виду меня? – спросил незнакомец с добродушием, которое совершенно обезоружило Жильбера.

– Боже сохрани! – воскликнул он. – Мне так приятно вами беседовать, что у меня и в мыслях не было вас обидеть.

– А что приятного я вам сказал? Я не думаю, чтобы вы стали мне льстить в благодарность за кусок хлеба и горсть вишен?

– Вы правы. Я никому не стал бы льстить за все золото мира. Но должен вам сказать, что вы – первый, кто говорит со мной, как с равным, не сердясь, как говорят с юношей, а не с ребенком. Хотя мы и не сошлись во взглядах на Руссо, в доброжелательности ваших суждений есть нечто возвышенное, и это меня к вам привлекает. Когда я с вами говорю, мне кажется, что я попал в роскошную гостиную и ставни в этой комнате закрыты. Но, несмотря на темноту, я угадываю изысканную обстановку. Только от вас зависит приотворить ставень и пролить свет на наш разговор. Но тогда, боюсь, у меня просто разбежались бы глаза.

– Да вы и сами выражаетесь с такой изысканностью, в которой можно усмотреть лучшее образование, чем то, в котором вы признаетесь.

– Знаете, сударь, я и сам удивлен: я впервые употребляю подобные выражения, и среди них есть такие, о значении которых я только догадываюсь, потому что слышал их один раз. Я мог встречать их в книгах, но не понимал.

– Вы много читали?

– Слишком много. Кое-что собираюсь перечитать. Старик удивленно взглянул на Жильбера.

– Да, – продолжал Жильбер, – я читал все, что попадало под руку, – и плохое, и хорошее, я глотал все подряд. Эх, если бы моим чтением кто-нибудь руководил, если бы этот человек сказал мне, что я должен забыть, а что мне нужно запомнить!.. Впрочем, извините, сударь, я увлекся. Если ваша беседа мне дорога, это совсем не значит, что вам так же приятно меня слушать. Я вам, вероятно, помешал.

Жильбер двинулся было прочь, страстно желая, чтобы старик его удержал. Казалось, серые глаза старика видели его насквозь.

– Вы мне не мешаете, тем более что моя коробка почти полна, осталось собрать только кое-какие виды мха. И еще мне говорили, что здесь встречаются прекрасные папоротники.

– Погодите, – проговорил Жильбер, – мне кажется, я видел совсем недавно то, что вы ищите..., да, на скале.

– Далеко отсюда?

– Да нет, шагах в пятидесяти.

– А почему вы знаете, что те растения, которые вы видели, и есть папоротники?

– Я вырос среди лесов, сударь. И потом, дочь господина, в доме которого я воспитывался, тоже занималась ботаникой. У нее был гербарий, и она собственноручно надписывала каждое растение. Я подолгу разглядывал эти растения вместе с их названиями. Так вот, я видел мох, который мне когда-то был известен как камнеломка, а в ее гербарии было указано, что это мох-костенец.

– Вы интересуетесь ботаникой?

– Знаете, сударь, когда я слышал от Николь – это камеристка мадмуазель Андре, – что ее хозяйка не может отыскать какое-нибудь растение в окрестностях Таверне, я просил Николь разузнать, как оно выглядит. Часто даже не зная, от кого исходит эта просьба, мадмуазель Андре двумя-тремя штрихами набрасывала интересовавшее ее растение.

Николь забирала рисунок и передавала его мне. Я бегал по полям, по лугам, по лесам до тех пор, пока не находил нужного растения. Потом я выкапывал его лопатой, а ночью высаживал во дворе на лужайке. Когда утром мадмуазель Андре выходила на прогулку, она радостно вскрикивала:

«Ах, Боже мой! Как странно: я его всюду искала, а оно растет совсем рядом!»

Старик с любопытством взглянул на Жильбера. Если бы смущенный юноша не опустил гла-

за, занятый своими мыслями, он заметил бы в его взгляде нежность.

– Продолжайте изучать ботанику, молодой человек, – сказал старик, – ботаника – кратчайший путь к медицине. Бог ничего всуе не создавал, уж вы мне поверьте. Каждому растению рано или поздно будет посвящено описание в научном труде. Научитесь вначале распознавать простые растения, потом познакомьтесь с их свойствами.

– Скажите, в Париже есть школы?

– Да, и среди них – даже бесплатные, школа хирургов, например, – одно из величайших благодеяний властей предрежащих.

– Я могу посещать занятия в этой школе?

– Нет ничего проще. Видя ваше рвение, родители, я полагаю, согласятся с вашим выбором и смогут вас прокормить?

– У меня нет родителей. Но можете быть покойны: я найду работу и сумею прокормиться.

– Конечно, конечно. А так как вы знакомы с трудами Руссо, вы должны были заметить, что любому человеку, будь он хоть потомственный принц, необходимо научиться какому-нибудь ремеслу.

– Я не читал «Эмиля», а мне кажется, что именно там можно найти этот совет, не так ли?

– Да.

– Но я слышал, как барон де Таверне издевался над этим изречением и выражал сожаление, что не сделал из своего сына столяра.

– Кем же стал его сын?

– Офицером, – отвечал Жильбер. Старик усмехнулся.

– Да, все они таковы, благородные! Вместо того чтобы обучить детей ремеслу, которое могло бы им в жизни, они сами посылают их на смерть. Вот придет революция, после революции их ждет изгнание, за границей они будут вынуждены либо просить милостыню, либо, что еще хуже, продаваться вместе со шпагой. Впрочем, вы ведь не благородного происхождения и умеете что-нибудь делать, как я полагаю?

– Сударь! Как я вам уже сказал, я ничего не знаю и не умею. Кстати, я должен признаться, что испытываю непреодолимый ужас перед любой грубой работой, которая требует резких движений.

– Ах, так? – удивленно воскликнул старик. – Вы, стало быть, лентяй?

– Да нет, не лентяй! Вместо того чтобы заставлять меня работать руками, дайте мне книги, тихий кабинет, и вы увидите, что я днем и ночью буду отдаваться работе, которую избрал.

Незнакомец бросил взгляд на изнеженные белые руки молодого человека.

– Такое предрасположение – не что иное, как чутье. Подобного рода отвращение приводит порой к прекрасным результатам. Однако надобно иметь опытного руководителя. Вы говорите, что не учились в коллеже, – продолжал он, – ну а школу-то, по крайней мере, окончили?

Жильбер отрицательно покачал головой.

– Читать и писать умеете?

– Перед смертью мать успела научить меня читать. Бедная матушка! Я был болезненным ребенком, и она частенько говаривала: «Хорошего работника из него не выйдет. Пускай станет священником или ученым». Когда мне надоедало следить за ее объяснениями, она повторяла:

«Учись читать, Жильбер, и тебе не придется колоть дрова, ходить за плугом, тесать камни». Вот так я и научился грамоте. К несчастью, матушка скоро умерла.

– Кто же учил вас писать?

– Сам научился.

– Сами?

– Да. Для этого я оттачивал палочку и просеивал песок, чтобы удобнее было на нем чертить. Два года я писал печатными буквами, довольно ловко копируя их из книги, и не подозревал о том, что существуют и другие буквы. И вот однажды, года три назад, мадмуазель Андре уехала в монастырь. Несколько дней от нее не было никаких известий, потом почтальон попросил меня передать барону ее письмо. Вот когда я увидел, что помимо печатных существуют другие буквы! Барон де Таверне сломал печать и бросил конверт. Я его подобрал и унес к себе. Когда почтальон

опять у нас появился, я попросил его прочесть адрес. Надпись на конверте гласила: «Господину барону де Таверне-Мезон-Руж, в его имение через Пьерфит». Я сравнил каждую букву этой надписи с соответствующей печатной буквой и увидел, что за исключением трех все буквы алфавита фигурировали в этих двух строках. Потом я срисовал буквы, начертанные рукой мадмуазель Андре. Неделью спустя я уже переписывал этот адрес в десятитысячный раз и так научился писать. Теперь я пишу сносно, можно сказать – хорошо. Итак, сударь, вы видите, что мои надежды сбылись, потому что я умею писать, потому что прочел все, что попадало мне под руку, потому что я старался осмыслить прочитанное. Так отчего же я не смогу найти человека, которому будет нужно мое перо, слепца, которому понадобятся мои глаза, или какого-нибудь немого, которому будет необходим мой язык?

– Да ведь в таком случае у вас появится хозяин, вы же этого не хотите. Секретарь или чтец – это слуги второго сорта и ничего больше.

– Вы правы, – бледнея, прошептал Жильбер, – ну так что же!.. Я должен добиться своего! Я готов мостить улицы Парижа, разносить воду, если понадобится, но добьюсь своего! Я скорее умру, чем оставлю свою мечту.

– Мне кажется, у вас в самом деле есть сила воли и мужество, – заметил незнакомец.

– Вы так добры ко мне, – проговорил Жильбер. – А чем вы занимаетесь? Судя по одежде, вы – бухгалтер.

На устах старика заиграла ласковая, грустная улыбка.

– У меня, конечно, есть ремесло, – отвечал он, – каждый человек должен уметь что-нибудь делать, но оно нечего общего не имеет с бухгалтерией. И потом, зачем бухгалтеру собирать травы?

– Так ваша работа – собирать травы?

– Почти так.

– Вы, стало быть, бедны?

– Да.

– Именно бедные готовы отдать то, что у них есть, потому что бедность делает их мудрыми, а хороший совет – дороже денег. Можно мне попросить у вас совета?

– Возможно, я сделаю для вас больше. Жильбер улыбнулся.

– Я так и думал, – проговорил он.

– Как вы считаете, сколько денег вам понадобится, чтобы прожить?

– Очень немного.

– Вы, вероятно, совсем не знаете Парижа.

– Я впервые увидел его вчера с высоты замка Люсьенн.

– Вы, верно, не знаете, что в большом городе жизнь дороже?

– Насколько приблизительно?

– Ну, например, то, что в провинции стоит один су, в Париже вам обойдется в три раза дороже.

– Ах так? – воскликнул Жильбер. – Ну тогда... Если бы у меня была крыша над головой, угол, где я мог бы отдохнуть после работы, то на жизнь мне хватило бы около шести су в день.

– Прекрасно, мой друг! – вскричал незнакомец. – Как я люблю ближних! Идемте в Париж вместе, и я найду вам дело, которое вас прокормит, и в то же время вы сможете остаться независимым.

– Ах, сударь! – только и смог вымолвить Жильбер, опьянев от счастья.

Овладев собой, он прибавил:

– Надеюсь, вы понимаете, сударь, что я должен в самом деле работать и не приму от вас милостыни.

– Конечно. О, на этот счет можете быть совершенно спокойны, дитя мое – я не так богат, чтобы подавать милостыню, да еще первому встречному.

– Вот и прекрасно, – сказал Жильбер, которому эта мизантропическая шутка пришлась по душе, а вовсе не обидела, как можно было бы ожидать, – такие речи мне очень нравятся! Я принимаю ваше предложение и благодарю вас от всей души.

– Так мы уговорились? Мы пойдем в Париж вместе?

– Да, сударь, если вам угодно.

– Разумеется, раз я предлагаю.

– Каковы будут мои обязанности?

– Никаких, кроме одной: хорошо работать. Вы сами будете следить за тем, сколько времени вам нужно работать. Вы имеете право быть молодым, счастливым, свободным; вы даже будете иметь право на безделье, если, конечно, заработаете отдых, – прибавил незнакомец, пытаясь скрыть улыбку.

Подняв глаза к небу, он со вздохом воскликнул:

– О молодость! О сила! О свобода! В его тонких чистых чертах промелькнула невыразимая грусть.

Он поднялся, оперевшись на палку.

– А теперь, – повеселев, заговорил он, – раз у вас есть рабств, не угодно ли будет вам помочь мне еще раз наполнить мою коробку? У меня при себе есть немного оберточной бумаги, вот мы и завернем в нее первый урожай. Да, вот еще что не хотите ли вы есть? У меня остался хлеб.

– Прибережем его на вечер, сударь.

– Тогда доешьте вишни, а то они будут нам мешать.

– На таких условиях я согласен. Позвольте мне понести вашу коробку: вам будет удобнее идти, а я привык ходить быстро и от вас не отстану.

– По-моему, вы приносите мне удачу: мне кажется, я вижу вон там *vicris hieracioides*, я его безуспешно искал с самого утра. А вот у вас под ногами – осторожно, не раздавите! – *cerastium aquaticum*. Не надо, не рвите! Вы ничего пока не смыслите в травах, мой юный друг! Одна из них еще слишком влажна, другая должна немного подрасти. Мы с вами вернемся сюда к трем часам за *vicris hieracioides*, а *cerastium* заберем через недельку. Кстати, я должен его показать одному моему знакомому ученому, у которого надеюсь получить для вас протекцию. А теперь проводите меня на то место, о котором вы мне недавно рассказывали и где вы видели хорошие папоротники.

Жильбер пошел вперед, старик последовал за ним, и скоро оба скрылись в лесной чаще.

Глава 11. ГОСПОДИН ЖАК

Жильбер был очень обрадован, что счастливый случай не оставил его и на сей раз и помог ему, как обычно, в трудную минуту. Он шагал впереди, время от времени оглядываясь на странного незнакомца; этому удивительному человеку удалось всего несколькими словами и обнадежить и в то же время приручить юношу.

Жильбер привел его на то место, где и в самом деле росли превосходные папоротники. Старик выбрал то, что ему было нужно для коллекции, и они отправились на поиски новых растений.

Жильбер разбирался в ботанике лучше, чем предполагал. Будучи рожден среди лесов, он знал все растения, ведь это были его друзья. Правда, они были ему знакомы под другими именами. Он их показывал, а его спутник давал им правильное название. Повторяя за ним, Жильбер коверкал греческие или латинские слова. Незнакомец растолковывал ему значение каждого слова, и Жильбер запоминал не только название растения, но и значение греческих и латинских слов, которыми Плиний, Линней или Жюсье окрестили то или иное растение.

Время от времени Жильбер восклицал:

– Как жаль, сударь, что я не могу зарабатывать шесть су вот так, занимаясь с вами ботаникой весь день напролет! Клянусь вам, я не позволил бы себе ни минуты отдыха, да мне не нужно было бы и денег: я обошелся бы куском хлеба – таким, каким вы угостили меня утром. Я сейчас напился из ручья воды, она показалась мне такой же вкусной, как в Таверне. А ночью под деревом я спал лучше, чем под крышей Версальского дворца.

Незнакомец в ответ улыбнулся.

– Друг мой! – сказал он. – Придет зима, трава засохнет, ручей замерзнет, ледяной ветер будет гулять среди голых ветвей вместо легкого ветерка, который сейчас едва колышет листву. Вам будет нужна крыша над головой, теплая одежда, очаг, а из шести су в день вы ничего не сможете

выкроить на то, чтобы снять комнату, запастись дровами и купить одежду.

Жильбер горестно вздыхал, собирал растения и снова и снова задавал вопросы.

Весь день бродили они по лесам в окрестностях Ольней, Плес-си-Пике и Клармар-су-Медон.

Жильбер, в силу своего характера, скоро сблизился с незнакомцем. Старик пытался его расспрашивать, однако подозрительный, осторожный и боязливый Жильбер больше помалкивал.

В Шатийоне незнакомец купил хлеба и молока и разделил их со спутником; затем они отправились в Париж, торопясь дойти засветло, чтобы Жильбер смог посмотреть город.

От одной мысли о Париже сердце молодого человека отчаянно билось; он не пытался скрыть волнения, когда с холма Ванв он увидел купола Сент-Женевьевы, Дома Инвалидов, Собора Парижской Богоматери и необъятное море домов, волнами разбегавшихся от центра города и словно пытавшихся затопить Монмартр, Бельвиль и Мелинмонтан.

– Вот он, Париж! – прошептал он.

– Да, Париж, нагромождение камней, бездна страдания, – заметил старик, – в этом городе каждый камень полит слезами и пропитан кровью.

Жильбер умерил свой пыл. Впрочем, его радостное возбуждение вскоре само собой угасло.

Они вошли в Париж через ворота д'Анфер и сразу угодили на грязную, зловонную окраину. Больных не успевали на носилках переносить в госпиталь. Полуголые дети играли в грязи вместе с собаками, коровами и свиньями.

Жильбер нахмурился.

– Вы все это находите отвратительным, не так ли? – спросил старик. – Скоро вы еще не то увидите! Свинья и корова – это достаток, здесь дети – в радость. Ну, подумаешь, грязь – ее вы увидите всюду!

Жильбер был рад познакомиться и с таким Парижем; он видел его глазами своего спутника и принимал здешнюю жизнь такой, какой ее представлял ему старик.

А тот вначале был красноречив и все разглагольствовал. Но мало-помалу, по мере того как они приближались к центру города, он становился все молчаливее. Он выглядел таким озабоченным, что Жильбер не осмеливался спросить его, что за сад раскинулся по другую сторону решетки, вдоль которой они шагали, и как называется мост, по которому они проходили... Так он в тот раз и не узнал, что это были Люксембургский сад и Новый мост.

Жильбер заметил, что задумчивость незнакомца переросла в беспокойство. Он позволил себе спросить:

– Нам еще долго идти, сударь?

– Нет, мы почти пришли, – мрачно отвечал старик. Они прошли вдоль великолепного особняка де Суассон; его парадный подъезд и окна выходили на улицу дю Фур, а прекрасные сады тянулись до улиц Гренель и Де-Су. Спутники вышли к церкви – она показалась юноше необыкновенно красивой. Жильбер на мгновение замер от восторга и воскликнул:

– До чего красиво!

– Это церковь святой Евстафии, – пояснил старик. Подняв глаза, он вскричал:

– Восемь часов! О Господи! Идемте скорее, молодой человек, скорее, прошу вас!

Незнакомец ускорил шаг, Жильбер едва за ним поспевал.

– Я, кстати, забыл вас предупредить, что я женат, – сообщил старик после некоторого молчания, начинавшего не на шутку беспокоить Жильбера.

– Вот как?

– Да, и моя жена, как истинная парижанка, станет бранить нас за опоздание. Должен также предупредить, что она крайне недоверчива к незнакомым людям.

– Я готов удалиться, сударь, если вам угодно, – предложил Жильбер, обескураженный словами незнакомца.

– Да нет, друг мой, раз я вас к себе пригласил, следуйте за мной.

– Я готов, сударь.

– Сюда пожалуйста, теперь направо, вот сюда..., вот мы и пришли.

Жильбер поднял голову и при свете последних лучей заходящего солнца прочел на углу площади над лавкой бакалейщика слова: «Улица Пластриер».

Незнакомец еще ускорил шаг. Чем ближе он подходил к дому, тем его все более охватывало лихорадочное возбуждение. Боясь потерять его из виду, Жильбер поминутно натыкался то на прохожего, то на лоток разносчика, то на дышло кареты или оглоблю телеги.

Казалось, его проводник совершенно о нем забыл: он торопливо шагал своей дорогой, находясь во власти все более беспокоившей его мысли.

Наконец он остановился перед дверью с зарешеченным верхом.

Рядом с дверью висел шнурок. Старик дернул за него, дверь распахнулась.

Он обернулся и, увидев, что Жильбер замер в нерешительности, проговорил:

– Входите поскорее.

Дверь захлопнулась.

Пройдя несколько шагов во мраке, Жильбер споткнулся о нижнюю ступеньку крутой темной лестницы. Старик в знакомой обстановке успел тем временем подняться на десяток ступеней.

Жильбер нагнал его и пошел следом.

Они поднялись на площадку – здесь было две двери. На пороге одной из них лежала вытертая циновка.

Незнакомец подергал за привязанную к шнурку ручку, и в комнате раздался пронзительный звон. Стало слышно, как кто-то в стоптанных башмаках прошаркал к порогу, дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина, ей было на вид немного за пятьдесят.

Незнакомец и женщина заговорили разом.

Старик робко спрашивал:

– Мы не очень поздно, дорогая Тереза? А женщина ворчала:

– Из-за вас приходится так поздно ужинать, Жак!

– Ничего, ничего, это поправимо, – ласково отвечал незнакомец, затворяя дверь и забирая у Жильбера жестяную коробку.

– Как! У вас теперь рассыльный? – вскричала старуха, – Этого только недоставало! Вы что, уже не способны сами носить свою дурацкую траву? Рассыльный у господина Жака! Вы только поглядите! Господин Жак – знатный сеньор!

– Ну, ну, успокойся, Тереза, – отвечал тот, к кому она так грубо обращалась и кого называла Жаком; он стал бережно раскладывать свои травы на камине.

– Заплатите ему поскорее и выставьте за дверь – нам ни к чему шпионы.

Жильбер смертельно побледнел и порывисто шагнул к двери. Жак его удержал.

– Этот господин не рассыльный, – довольно твердо проговорил он, – и уж тем более не шпион. Он мой гость. Старуха всплеснула руками.

– Гость? – вскрикнула она. – Этого нам только не хватало!

– Послушайте, Тереза, – продолжал незнакомец по-прежнему ласково, однако в его голосе уже зазвенели металлические нотки, – зажгите свечу. Я умаялся, и мы оба умираем от жажды.

Старуха громко вздохнула и затихла.

Она чиркнула огнем, поднесла его к коробке с трутом; посыпались искры, и огонь занялся.

Пока длился весь этот разговор, сопровождаемый вздохами и наступившим затем молчанием, притихший Жильбер не шевелясь стоял у двери, словно пригвожденный, и уже искренне жалел о том, что переступил порог этого дома.

Жак обратил внимание на муки молодого человека.

– Входите, господин Жильбер, прошу вас! – проговорил он.

Желая повнимательнее разглядеть того, к кому ее муж столь вежливо обращался, старуха повернулась к Жильберу угрюмым пожелтевшим лицом. На ее лице играли отблески разгоравшейся свечи, вставленной в медный подсвечник.

У нее было морщинистое, в красных прожилках лицо, в некоторых местах на нем словно проступала желчь. Ее глаза можно было скорее назвать подвижными, нежели живыми; у нее были заурядные черты лица, губы кривились в притворной улыбке, противоречившей ее голосу, а главное – тому, как она встретила мужа и Жильбера. Молодой человек с первого взгляда почувствовал к ней неприязнь.

А старухе не по вкусу пришлось бледное утонченное лицо Жильбера, так же как его подо-

зрительное, напряженное молчание.

– Еще бы не умяться, еще бы не умереть от жажды, господа хорошие! – сказала она. – Ну как же! Провести целый день в лесной тени – ах, как это утомительно! Время от времени наклониться и сорвать цветок – ох, какая тяжелая работа! Этот господин, верно, тоже занимается сбором трав? Подходящее ремесло для тех, кто ничего не умеет делать!

– Этот господин, – отвечал Жак все более строгим тоном, – добрый и верный товарищ, оказавший мне честь тем, что сопровождал меня весь день. Я уверен, что дорогая Тереза отнесется к нему, как к другу.

– У нас еды только на двоих, – проворчала Тереза, – я на гостей не рассчитывала.

– Мне много не надо, ему – тоже, – отвечал Жак.

– Знаю я вашу скромность! Предупреждаю, что в доме мало хлеба для двух скромников, а я не собираюсь бежать за ним вниз. Кстати, булочная уже закрыта.

– Ну что же, в таком случае я сам схожу за хлебом, – насупившись, проговорил Жак. – Отопри мне дверь, Тереза.

– Но...

– Я приказываю!

– Ладно, ладно, – проворчала старуха, уступая категорическому тону Жака, причиной которого было ее упрямство – ведь я здесь для того, чтобы потакать любой вашей прихоти... Ладно уж, нам хватит и того, что есть. Давайте ужинать.

– Садитесь рядом со мной, – сказал Жак Жильберу, подводя его к небольшому столику, накрытому в соседней комнате. На столе рядом с двумя приборами лежали сложенные салфетки, перевязанные одна – красной, другая

– белой ленточкой, указывавшие место каждого из хозяев квартиры.

Четырехугольная комнатка была тесновата, стены были оклеены бледно-голубыми обоями с белым рисунком. На стенах висели две огромные географические карты. Вся обстановка состояла из шести стульев вишневого дерева с плетеными сиденьями, упомянутого уже стола да комода со старыми чулками.

Жильбер сел. Старуха поставила перед ним тарелку и принесла истертый прибор, потом поставила перед ним начищенный до блеска оловянный кубок.

– Так вы не пойдете за хлебом? – обратился Жак к жене.

– Незачем, – проворчала она, всем своим видом показывая, что не простила Жаку одержанной им над ней победы, – я обнаружила в буфете еще полбулки. Всего у нас, стало быть, полтора фунта или около того – этого должно хватить.

И она подала суп.

Сначала старуха налила Жаку, потом Жильберу, остатки стала есть сама прямо из супницы.

Все трое ели с большим аппетитом. Оробевший Жильбер старался есть как можно медленнее; он понимал, что стал невольной причиной всех этих семейных дразг. Однако, как ни старался, он первым опорожнил тарелку.

Старуха бросила на него возмущенный взгляд.

– Кто сегодня заходил? – спросил Жак, отвлекая внимание Терезы.

– Да все, кому не лень, как обычно. Вы обещали госпоже де Буффлер четыре тетради стихов, госпоже д'Эскар – две арии, а госпоже де Пентьевр

– квартет с аккомпанементом. Одни явились собственной персоной, другие прислали прислугу. Да куда там! Господин Жак собирал травы, а так как нельзя и отдыхать и в то же время работать, то дамам пришлось уйти ни с чем.

Жак не проронил ни слова, к величайшему удивлению Жильбера, ожидавшего, что старик рассердится. Но так как на сей раз обидные слова касались одного старика, он и глазом не моргнул, выслушивая их.

За супом последовал малюсенький кусочек вареной говядины; он был подан на небольшой фарфоровой тарелке, исцарапанной ножами Жак положил Жильберу крохотный кусочек, будучи под неусыпным оком Терезы, потом взял себе почти такую же порцию и передал блюдо хозяйке.

Она взялась за хлеб и протянула кусок Жильберу.

Кусок был такой тоненький, что Жак покраснел от стыда. Он дождался, пока Тереза отрежет хлеба ему, потом себе, а затем забрал у нее булку и сказал:

– Отрежьте себе хлеба сами, мои юный друг, и ешьте досыта, прошу вас. Хлеб жалко давать тому, кто его не бережет.

Затем было подано блюдо зеленых бобов в масле.

– Взгляните, какая у нас зеленая фасоль, – проговорил Жак, – это из наших запасов, и нам она кажется очень вкусной.

Он передал блюдо Жильберу.

– Благодарю вас, сударь, за прекрасный ужин, – отвечал тот, – я сыт.

– Господин иного мнения о моей фасоли, – с кислой миной заметила Тереза, – он, вероятно, предпочитает свежую фасоль, да нам это не по карману.

– Что вы, сударыня. Ваша фасоль изумительна, и я бы с удовольствием ее отведал, но я всегда ем только одно блюдо.

– А воду вы пьете? – спросил Жак, протягивая ему бутылку.

– Всегда, сударь.

Себе Жак налил немного неразбавленного вина.

– А теперь, женушка, – сказал он, ставя бутылку на прежнее место, – прошу вас приготовить молодому человеку постель, он очень устал.

Тереза выронила вилку и с испугом уставилась на мужа.

– Приготовить постель? Да вы с ума сошли! Вы хотите оставить его на ночь? Может, вы собираетесь уложить его в своей постели? Да нет, он просто потерял голову... Вы, должно быть, решили открыть пансион? В таком случае на меня можете не рассчитывать. Поищите себе кухарку и служанку. С меня довольно вас одного, я не собираюсь убирать за другими.

– Тереза! – строго и внушительно сказал Жак. – Выслушайте меня, дорогая: это всего на одну ночь, молодой человек в первый раз в Париже, я его сюда привел. Я не хочу, чтобы он ночевал на постоялом дворе, даже если мне придется уступить ему свою постель.

Старик уже второй раз пытался действовать наперекор жене. Он замолчал и стал ждать, что она скажет.

Пока он говорил, Тереза не сводила с него внимательных глаз, следя за каждым мускулом его лица. Кажется, она поняла, что бороться бесполезно, и резко переменяла тактику.

Ей не удалось одолеть Жильбера – тогда она решила сделать вид, что принимает его сторону. Да ведь на самом деле союзники чаще всего и предают!

– Раз вы привели этого юношу в дом, – сказала она, – стало быть, вы хорошо его знаете, и тогда ему лучше остаться у нас. Я постелю ему в вашем кабинете, рядом с бумагами.

– Нет, нет, – с живостью возразил Жак, – кабинет не место для ночлега: можно нечаянно поджечь бумаги.

– Подумаешь, несчастье! – пробормотала Тереза. Она громко спросила:

– Тогда, может, в прихожей, рядом с буфетом?

– Тоже не годится, – Ну, я вижу, что, несмотря на наше желание ему помочь, это невозможно, потому что остаются только наши с вами спальни.

– Мне кажется, Тереза, что вы плохо ищете.

– Я?

– Ну конечно! Разве у нас нет мансарды?

– Вы имеете в виду чердак?

– Да нет, какой же это чердак? Скорее верхняя комната, вполне подходящая, с видом на восхитительные сады, а в Париже это не часто встретишь.

– Да мне все равно, сударь, – заметил Жильбер, – я за счастье почту переночевать и на чердаке, клянусь вам.

– Это невозможно, – возразила Тереза, – я там сушу белье.

– Молодой человек ничего не тронет, – проговорил старик. – Друг мой, будьте осторожны и проследите, чтобы ничего не случилось с бельем нашей хозяйки, не так ли?

– Можете быть покойны, сударь. Жак поднялся и подошел к Терезе.

– Видите ли, дорогая, я не хотел бы потерять этого юношу. Париж – опасный город, а здесь мы за ним присмотрим.

– Вы решили заняться его воспитанием? Так ваш ученик будет платить за пансион?

– Нет, но я вам ручаюсь, что он ничего не будет вам стоить. Начиная с завтрашнего дня, он будет питаться отдельно. А что касается ночлега, то, так как мы почти не пользуемся мансардой, позволим ему пожить там даром.

– Как все бездельники скоро находят общий язык! – пожимая плечами, пробормотала Тереза.

– Сударь! – сказал Жильбер, более хозяина уставший от этой борьбы, в которой приходилось отвоевывать пядь за пядью. Его унижало такое гостеприимство. – Я не привык никого стеснять и, уж конечно, не стану мешать и вам, ведь вы были так добры ко мне! Позвольте мне удалиться. Когда мы с вами шли по мосту, я заметил по ту сторону дерева, а под ними – скамейки. Уверю вас, что я прекрасно выплыву на одной из них.

– Ну да, – проговорил Жак, – не хватало только, чтобы вас, словно бродягу, забрал патруль!

– Вот хорошо бы!.. – едва слышно пробормотала Тереза, прибиравшая со стола.

– Пойдемте, пойдемте, молодой человек, – пригласил его Жак, – насколько я помню, наверху есть прекрасный соломенный тюфяк. Это в любом случае лучше, чем скамейка. А раз вы готовы были расположиться на скамье...

– Сударь, я всю жизнь спал только на соломе! – подхватил Жильбер. – Знаете, я задыхаюсь под шерстяным одеялом, – солгал он.

Жак улыбнулся.

– Да, солома и впрямь освежает, – согласился он, – возьмите со стола свечной огарок и следуйте за мной.

Тереза даже не взглянула в сторону Жака. Она вздохнула, потому что поняла, что проиграла.

Жильбер поднялся с серьезным видом и последовал за своим благодетелем.

Проходя через переднюю, Жильбер обратил внимание на кувшин с водой.

– Сударь! В Париже вода дорогая?

– Нет, друг мой, но даже если бы она стоила дорого, вода и хлеб – это две вещи, в которых человек никогда не должен отказывать просящему.

– В Таверне вода ничего не стоила, а ведь чистота – привилегия бедняка.

– Берите, берите, мой друг, – проговорил Жак, указывая Жильберу на большой фарфоровый кувшин.

И он двинулся вперед, удивляясь тому, что открывал в этом юном существе стойкость простодушия и в то же время повадки аристократа.

Глава 12. МАНСАРДА ГОСПОДИНА ЖАКА

Лестница, узкая и крутая в конце коридора, в том месте, где Жильбер споткнулся о первую ступеньку, становилась еще уже, еще круче уходила вверх после третьего этажа, где была квартира Жака. Старик и находившийся под его покровительством юноша с большим трудом поднялись наверх. На этот раз Тереза оказалась права: это был обычный чердак, разделенный перегородками на четыре части, из которых три были нежилыми.

Крыша под острым углом уходила вверх. Посреди ската было прорезано слуховое оконце. Оно было не застеклено и пропускало свет и воздух. Света было маловато, а вот воздуха – в избытке, особенно в зимнюю стужу.

К счастью, лето было не за горами, однако и теперь на чердаке гулял ветер; он едва не задул свечу, которую нес Жильбер.

Соломенный матрац, о котором с гордостью говорил Жак, в самом деле валялся на полу и был, казалось, главной здешней утварью. Стопки старых бумаг, пожелтевших по краям, возвышались над сваленными в кучу книгами, до которых уже успели добраться крысы.

Поперек чердака были натянуты две веревки; на одной из них едва не повис Жильбер. На веревках были развешаны бумажные мешки с бобовыми стручками, гремевшие на ночном ветру, здесь же раскачивались высушенные приправы, висело тряпье.

– Непривлекательное зрелище, – заметил Жак, – но, когда человек спит, ему все равно, находится он в роскошном дворце или в жалкой лачуге. Желаю вам такого сна, какой бывает только в вашем возрасте, мой юный друг, и ничто не помешает вам завтра поверить в то, что вы провели ночь в Лувре. Но прошу вас быть очень осторожным с огнем.

– Хорошо, сударь, – отвечал Жильбер, ошеломленный всем, что увидел и услышал.

Улыбнувшись, Жак вышел, потом вернулся.

– Мы с вами побеседуем завтра, – проговорил он. – Я надеюсь, вы ничего не будете иметь против того, чтобы поработать, не так ли?

– Вы знаете, сударь, что работа – самое горячее мое желание, – сказал Жильбер.

– Вот и прекрасно. Жак шагнул к двери.

– Но я имею в виду благородное занятие, – педантично заметил Жильбер.

– А я других занятий и не признаю, мой юный друг. Итак, до завтра!

– Благодарю вас, сударь, покойной ночи! – отвечал Жильбер.

Жак вышел из комнаты, запер дверь, и Жильбер остался на чердаке один.

Оказавшись в Париже, Жильбер поначалу был очарован, потом ошеломлен, а теперь он спрашивал себя, в самом ли деле он в Париже, если в этом городе существуют такие комнаты.

Он подумал, что, в сущности говоря, г-н Жак подавал ему милостыню. Еще в Таверне он познал, что такое жить из милости, поэтому теперь он не только не удивлялся, но испытывал признательность.

Он обошел со свечой в руках чердачную комнату, приняв все меры предосторожности, о которых его предупреждал Жак. Он заглянул во все уголки, не обращая никакого внимания на тряпки Терезы, не желая даже брать ее старое платье, которым он мог бы укрыться.

Он наткнулся на стопку отпечатанных листков, до крайности его заинтересовавших.

Однако они оказались связанными, и он к ним не прикоснулся.

Вытянув шею, он перевел горящий взор со связанных стопок бумаги на мешки с фасолью.

Мешки были сделаны из листков белой бумаги, скрепленных между собой булавками.

Жильбер дернул головой и нечаянно задел веревку: один мешок упал на пол.

Побледнев от страха так, будто он взламывал сейф, молодой человек бросился собирать рассыпавшуюся по полу фасоль и запихивать ее в мешок.

Поглощенный своим занятием, он машинально взглянул на листок, пробежал глазами несколько строк; напечатанные на листке слова привлекли его внимание. Он вытряхнул, фасоль и, сев на циновку, стал читать: слова не только выражали его мысли – они отвечали его характеру и, казалось, были написаны не столько для него, сколько им самим.

Вот что он прочел:

«Впрочем, белошвейки, горничные, молоденькие продавицы совсем меня не привлекали. Мне были нужны барышни. У каждого человека могут быть свои фантазии, вот это и была моя фантазия. Тут я никак не могу согласиться с Горацием. Меня влечет вовсе не тщеславие обладания знатной и богатой девушкой, а лучший цвет лица, более красивая форма рук, более изящное украшение, утонченность и опрятность во всем облике, более тонкий вкус в манере одеваться и выражать свои мысли, более изящное и лучшее сидящее на ней платье, меньший размер туфельки, ленты, кружева, более искусная прическа. Я готов отдать предпочтение менее хорошенькой, но имеющей все перечисленные достоинства девушке. Я сам понимаю, как я смешон, но сердце мое помимо воли отдает это предпочтение».

Жильбер вздрогнул, на лбу у него выступила испарина. Невозможно было лучше выразить его мысль, точнее определить движения его души, тоньше изучить его вкус. Кроме того, Андре была далеко не «менее хорошенькой, но имеющей все перечисленные достоинства». Андре не только обладала всеми достоинствами, но была еще и самой красивой.

Жильбер с жадностью продолжал читать.

Вслед за приведенными строчками следовало описание прелестного приключения молодого человека и двух девушек, а также стремительной погони, сопровождаемой кокетливыми вскрикиваниями, которые делают женщин еще более соблазнительными, потому что выдают женскую слабость; далее шло описание того, как молодой человек скакал, примостившись на крупе лошади

позади одной из этих девушек, рассказывалось о еще более восхитительном ночном возвращении.

Жильбер читал со все возрастающим интересом; он разъединил листки, из которых состоял мешок, и с бьющимся сердцем прочел все, что на них было напечатано; он взглянул на номер страницы и стал искать среди других листков продолжения. Нумерация нарушалась, однако он обнаружил на веревке еще мешков восемь, составленных из следовавших по порядку листков. Он вытащил иголки, высыпал фасоль на пол, сложил страницы по порядку и стал читать.

На сей раз это было что-то другое. Эти страницы рассказывали о любви бедного, неизвестного юноши и знатной дамы. Знатная дама снизошла до него, вернее, он поднялся до нее, и она приняла его, словно он был ей ровня, она сделала его своим любовником, посвящала во все свои сердечные тайны; мечты юности столь мимолетны, что по прошествии многих лет они нам представляются вспыхнувшим метеоритом, впрочем, по весне их так много бывает на звездном небосклоне!..

Имя юноши нигде не упоминалось. У знатной дамы было нежное и приятное для слуха имя: госпожа де Варен.

Жильбер за счастье почел бы провести за чтением всю ночь, удовольствие было еще больше от сознания, что у него в распоряжении целая гора мешков, которые он собирался опорожнять один за другим, как вдруг раздался легкий треск: плававшая в медной чашке свеча потонула в расплавленном воске, зловонный чад распространился по всему чердаку, пламя угасло. Жильбер оказался в полной темноте.

Все произошло так стремительно, что не было никакой возможности исправить положение. Чтение Жильбера было прервано на середине, и он чуть было не разрыдался от ярости. Он выронил стопку страниц на фасоль, которую он перед тем сгреб в кучу возле постели. Он улегся на циновке и, несмотря на досаду, вскоре крепко уснул.

Молодой человек спал так, как спится только в восемнадцать лет; он не слышал скрипа висячего замка, на который Жак запер накануне дверь чердака.

Солнце давно поднялось. Открыв глаза, Жильбер увидел хозяина дома, бесшумно входившего в комнату. Он сейчас же опустил глаза на рассыпанную фасоль и раздерганные по листику бумажные мешки.

Жак проследил за его взглядом.

Жильбер почувствовал, как краска стыда заливает ему щеки, и растерянно пробормотал:

– Здравствуйте, сударь!

– Здравствуйте, друг мой, – отвечал Жак. – Хорошо ли вам спалось?

– Спасибо, сударь.

– Вы, случаем, не сомнамбула?

Жильбер не знал, что такое сомнамбула, однако понял, что Жак ждет объяснений по поводу высыпанной из мешков фасоли.

– Да, сударь, я понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете, – пролепетал он, – да, я совершил преступление и признаю свою вину, но я считаю, что это поправимо.

– Разумеется. А почему ваша свеча догорела?

– Я долго не спал.

– Почему? – подозрительно спросил Жак.

– Я читал.

Жак еще более подозрительным взглядом окинул захламленный чердак.

– Меня так заинтересовал вот этот первый листок, на который я взглянул совершенно случайно... – отвечал Жильбер, кивнув на раздерганный по листику мешок, – ведь вы, сударь, так много знаете, вы, должно быть, можете сказать, из какой это книги?

Жак бросил небрежный взгляд на страницы и пробормотал:

– Понятия не имею.

– Это, разумеется, роман, и какой!..

– Думаете, роман?

– Да потому что там рассказывается о любви, как в настоящих романах, с той лишь разницей, что язык этой книги гораздо лучше.

– Однако я вижу внизу на этой странице слово «Исповедь». Мне кажется...

– Что?

– Что это, возможно, невыдуманная история.

– Да нет, что вы! Человек не мог бы так рассказать о самом себе. Его признания слишком откровенны, его суждения чересчур беспристрастны.

– А мне кажется, что вы ошибаетесь, – с живостью возразил старик, – автор, напротив, хотел представить миру человека таким, каким его создал Бог.

– Так вы знаете, кто автор этой книги?

– Ее написал Жан-Жак Руссо.

– Руссо? – с восхищением воскликнул молодой человек.

– Да. Здесь несколько разрозненных страниц из его последней книги.

– Стало быть, этот бедный, неизвестный, необразованный молодой человек, почти попрошайничавший на больших дорогах, которые он исходил пешком, и есть Руссо? Тот самый, что стал впоследствии автором «Эмиля» и «Общественного договора»?

– Да, он самый. Впрочем, нет, – с непередаваемым выражением грусти проговорил старик, – нет, это не тот Руссо: автор «Общественного договора» и «Эмиля» – это человек, разочаровавшийся в мире, в жизни, в славе, даже отчасти в Боге. Другой же Руссо.., тот, что пишет о госпоже де Варен, – юноша, вступающий в жизнь тем путем, каким приходит на землю утренняя заря, это ребенок со своими радостями и надеждами. Между двумя этими Руссо – пропасть, им никогда не суждено соединиться... Их разделяют три десятилетия несчастий!..

Старик сокрушенно покачал головой, опустил руки и глубоко задумался.

Жильбер казался растерянным.

– Так значит, приключение с мадмуазель Галлей и мадмуазель Граффенрид – не выдумка? И он на самом деле так пылко любил госпожу де Варен? Значит, это правда, что обладание любимой женщиной опечалило его, вместо того чтобы осчастливить, как он того ожидал? Разве все это не восхитительный обман? – спросил молодой человек.

– Мой юный друг! – отвечал старик, – Руссо никогда не лгал. Вспомните его девиз «*Vitam impendere vero*».

– Я его встречал, но так как я не знаю латыни, то не смог его понять.

– Это значит: «Отдать жизнь за правду».

– Неужели возможно, – продолжал Жильбер, – чтобы человека, начавшего с того, с чего начинал Руссо, полюбила прекрасная дама, знатная дама? О Господи! Да это дает надежду, которая может свести с ума тех, кто, будучи выходцами из таких же низов, как Руссо, посмели поднять голову!

– Вы, вероятно, влюблены и видите совпадение между своим положением и положением Руссо?

Жильбер покраснел, но не ответил на вопрос.

– Далеко не все женщины похожи на госпожу де Варен, – проговорил он,

– среди них встречаются и гордячки, и недотроги – любить их было бы чистым безумием.

– Тем не менее, молодой человек. – отвечал старик, – подобные случаи не раз выпадали на долю Руссо.

– О да! – вскричал Жильбер. – На то он и Руссо! Конечно, если бы в моей душе тлела хотя бы искорка пламени, бушевавшего в его сердце и воспламенившего его гений...

– Так что же?

– Тогда я бы себе сказал, что нет такой женщины, даже самой знатной, которая могла бы со мной сравниться, а пока я – ничто, пока у меня нет уверенности в будущем, пока я смотрю на окружающих снизу вверх и у меня разбегаются глаза. Ах, как бы я хотел поговорить с Руссо!

– Зачем?

– Я бы у него спросил, сумел ли бы он подняться до госпожи де Варен, если бы она сама не снизошла до него? Я бы его спросил: «Что, если бы вам отказали в обладании, так вас опечалившем? Не стали бы вы его тогда добиваться, пусть даже...»

Молодой человек замолчал.

– Пусть даже?.. – подхватил старик.

– Пусть даже ради этого вам пришлось бы пойти на преступление?

Жак вздрогнул.

– Должно быть, жена проснулась, – сказал он, обрывая разговор, – пойдемте-ка вниз. Кстати, начинать работать никогда не рано. Идемте, молодой человек, идемте.

– Вы правы, – отвечал Жильбер, – простите, сударь, я увлекся. Но, знаете, бывают такие разговоры, от которых я словно пьянею; некоторые книги приводят меня в восторженное состояние, а подчас меня посещают мысли, от которых я готов сойти с ума.

– Так вы влюблены, – заметил старик.

Жильбер ничего не ответил. Он принялся сгребать фасоль во вновь сколотые из страниц мешки. Жак не стал ему мешать.

– У вас не очень-то роскошная комната, – проговорил старик, – зато здесь есть самое для вас необходимое. А если бы вы к тому же поднялись пораньше, то имели бы возможность подышать утренней свежестью, что немаловажно для столичного жителя, весь день напролет вдыхающего смрадные запахи большого города. Здесь недалеко бульвар Жюссен, там сейчас цветут тополя и альпийский раkitник. Стоит только бедному пленнику ощутить утром их аромат, и ему на целый день хватит этой радости, не так ли?

– Я понимаю, – сказал Жильбер, – но я так ко всему привык, что просто не обращаю внимания.

– Скажите лучше, что вы не так давно пришли в город, чтобы успеть соскучиться по деревне. Вы готовы? Тогда идемте работать.

Указав Жильберу на дверь, Жак пошел следом и запер за собой дверь на замок.

На этот раз Жак проводил своего спутника прямехонько в ту самую комнату, которую Тереза накануне называла кабинетом.

Бабочки под стеклом, гербарии и минералы в темных деревянных рамках, книжный шкаф орехового дерева, узкий длинный стол под зеленым сукном, где в идеальном порядке были разложены рукописи, четыре кресла-стула с продавленными сиденьями, обтянутыми черной ворсистой тканью, – вот и вся обстановка. В кабинете царил безупречный порядок, все сверкало чистотой, но было неуютно: в этот пасмурный день слабый дневной свет едва просачивался сквозь двойные шторы, и мрачное, холодное это жилище казалось лишенным не только роскоши, но простого достатка.

Лишь небольшой клавесин розового дерева на прямых ножках да скромные каминные часы с выгравированной на них надписью «Мастер Дольт из Арсенала» говорили о том, что это подобие могилы обитаемо: струны клавесина отзывались металлическим позвякиванием на грохот проезжавших по улице карет, а маятник часов нарушал тишину серебристым постукиванием.

Жильбер почтительно вошел в описанный нами кабинет; обстановка показалась ему пышной, потому что почти не отличалась от той, к которой он привык в замке Таверне; особенно большое впечатление произвел на него натертый паркет.

– Садитесь, – пригласил его Жак, указав на второй небольшой столик у окна, – сейчас я скажу, чем вам надлежит заняться.

Жильбер послушно сел.

– Вы знаете, что это такое? – спросил старик.

Он положил перед Жильбером разлинованный листок.

– Конечно, – отвечал тот, – это нотная бумага.

– Так вот, когда я сам чисто заполнял такой листок нотами, то есть, если я вписывал в него столько нотных знаков, сколько здесь может поместиться, я получал десять су. Эту сумму я сам себе назначил. Как вы полагаете, можете вы научиться переписывать ноты?

– Думаю, что смогу, сударь.

– Неужели вся эта мазня из черных кружочков, нанизанных на одинарные, двойные и тройные палочки, не сливается у вас в глазах?

– Вы правы, сударь, с первого взгляда я почти ничего в этом не понял. Но я буду стараться и научусь различать ноты. Вот это, например, «фа».

– Где?

- Да вот, на самой верхней линейке.
- А эта, между двумя нижними линейками, как называется?
- Тоже «фа».
- А вот эта, над той, что на второй линейке?
- «Соль».
- Так вы, стало быть, умеете читать ноты?
- Да нет, я знаю названия нот, но не понимаю, что это значит.
- А вы знаете, в чем заключается разница между целыми, половинками, четвертями, восьмыми, шестнадцатыми долями?
- О да, это я понимаю!
- А вам знакомы эти вот обозначения?
- Да Это – «пауза».
- А это что за значок?
- Диез.
- А это?
- Бемоль.
- Прекрасно! Ну что же, если вы не разбираетесь в музыке так же, как недавно – в ботанике, – проговорил Жак, в глазах которого загорелся огонек свойственного ему недоверия, – и так же, как несколько минут тому назад – в человеческих отношениях..
- Ох, сударь! – покраснев, взмолился Жильбер. – Не смейтесь надо мной.
- Что вы, дитя мое, вы меня удивляете! Музыка – это такой род искусства, который может быть доступен только после знакомства с другими науками, а вы мне говорили, что не получили никакого образования, что ничего не знаете – Это правда, сударь.
- Да ведь не сами же вы придумали, что этот черный кружочек на верхней линейке называется «фа»!
- Сударь! – опустив голову, тихо заговорил Жильбер – В доме, где я воспитывался, жила одна.., одна юная особа; она играла на клавишине.
- Та, что занималась ботаникой? – спросил Жак.
- Она самая, сударь, и играла она превосходно!
- Неужели?
- Да, а я обожаю музыку.
- Все это еще не основание для того, чтобы выучить ноты.
- Сударь! Руссо писал, что нельзя считать человека совершенным, если он пользуется результатом, не стремясь познать причины.
- Верно. Однако там же сказано, – заметил Жак, – что от человека, приобретающего знание, ускользают радость, наивность, чутье.
- Это не имеет значения, – возразил Жильбер, – если процесс познания доставляет человеку такую же радость. Жак удивленно взглянул на молодого человека.
- Вы не только ботаник и музыкант, вы еще и логик!
- К сожалению, сударь, я – ни то, ни другое и ни третье. Да, я могу отличить одну ноту от другой, я понимаю условные обозначения, но и только!
- Вы, вероятно, можете напеть ноты?
- Что вы! Нет, не умею.
- Ну, это неважно. Попробуйте переписать эти ноты. Вот вам нотная бумага, но помните: вы должны ее беречь, она очень дорого стоит. Лучше бы вам сначала взять лист обычной бумаги: разлините его и попробуйте на нем.
- Хорошо, сударь, я сделаю так, как вы мне советуете. Позвольте, однако, заметить, что я не собираюсь посвящать этому занятию всю оставшуюся жизнь. Чем переписывать ноты, которых я не понимаю, лучше уж стать частным поверенным.
- Молодой человек, вы думаете о том, что говорите?
- Я?
- Да, вы. Разве частный поверенный может трудиться по ночам, зарабатывая на жизнь?

– Нет, конечно.

– Так вот послушайте, что я вам скажу: работая ночью, человек при желании может за два-три часа переписать пять-шесть таких страниц. Когда он научится работать так, чтобы ноты выходили округлыми, а черточки – ровными, а также сможет читать ноты, это ускорит работу. Шесть страниц стоят три франка, на эти деньги можно прожить, не так ли? Вы не станете это отрицать, ведь вы готовы были довольствоваться всего шестью су. Итак, поработав ночью часа два, днем человек может посещать занятия в школе хирургов, институте медицины или ботаники.

– Ах, сударь, теперь я понимаю, – вскричал Жильбер, – и от всего сердца вас благодарю!

И он набросился на лист бумаги, который протянул ему старик.

Глава 13. НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ГОСПОДИНА ЖАКА

Жильбер горячо взялся за работу, и вскоре лист бумаги был испещрен значками, которые он старательно выводил. Старик некоторое время за ним наблюдал, а затем уселся за другим столом и принялся исправлять уже отпечатанные страницы, точь-в-точь такие же, в которых хранилась на чердаке фасоль.

Так прошло три часа, часы пробили девять, и в кабинет быстрыми шагами вошла Тереза.

Жак поднял голову.

– Скорее идите в комнату, – сказала хозяйка. – Вас ждет принц. Боже мой! Когда же этим визитам настанет конец? Лишь бы он не вздумал остаться с нами завтракать, как в прошлый раз герцог де Шартр!

– А кто пожаловал сегодня?

– Его высочество принц де Конти.

Услыхав это имя, Жильбер вывел на нотоносцах такую «соль», что, будь это в наши дни, Бридуазон назвал бы ее скорее кля-а-а-ксой, нежели нотой.

– Принц! Его высочество! – прошептал он. Жак с улыбкой последовал за Терезой, и, когда они вышли, она притворила дверь.

Жильбер огляделся и увидел, что остался в комнате один. Он почувствовал сильное волнение.

– Где же я нахожусь? – вскричал он. – Принцы, высочества в доме у господина Жака! Герцог де Шартр, принц де Конти в гостях у переписчика!

Он подошел к двери и прислушался. Сердце его сильно билось.

Очевидно, Жак и принц уже обменялись приветствиями, теперь говорил принц.

– Я бы хотел пригласить вас с собой, – сказал он.

– Зачем, ваше высочество? – спрашивал Жак.

– Я представлю вас ее высочеству. Для философии наступает новая эра, дорогой мой философ.

– Очень вам благодарен за доброе намерение, ваше высочество, но я не смогу вас сопровождать.

– Однако я помню, как шесть лет назад вы сопровождали госпожу де Помпадур в Фонтенбло, не так ли?

– Я был на шесть лет моложе; сегодня я прикован к креслу недугами.

– А также мизантропией.

– А когда ожидается приезд ее высочества? Должен признаться, ваше высочество, что свет – не такая уж любопытная штука, чтобы стоило из-за него утруждать себя.

– Ну что же, я готов освободить вас от встречи ее высочества в Сен-Дени и большой церемонии, я отвезу вас прямо в Ла-Мюэтт, где послезавтра остановится ее высочество.

– Так ее высочество прибывает послезавтра в Сен-Дени?

– Да, со свитой. Знаете, две мили – сущие пустяки и не должны вас утомить. Говорят, ее высочество прекрасно музицирует, она училась у Глюка.

Жильбер не стал дальше слушать. Как только он услышал слова: «Послезавтра ее высочество прибывает со свитой в Сен-Дени», он подумал, что через два дня его будут разделять с Андре все-

го две мили.

При этой мысли глаза его ничего уж больше не видели, словно их покрыла огненная пелена.

Из двух охвативших его чувств одно возобладало над другим: любовь взяла верх над любопытством. Была минута, когда Жильберу показалось, что в небольшом кабинете недостаточно воздуха и он не может вздохнуть полной грудью. Он подбежал к окну и хотел его распахнуть: окно оказалось запертым изнутри на замок с тою, вероятно, целью, чтобы из дома напротив невозможно было разглядеть, что делается в кабинете господина Жака.

Он рухнул на стул.

– Не могу я дольше подслушивать под дверь, – сказал он себе, – не хочу я проникать в тайны этого мещанина, моего благодетеля, этого переписчика, которого принц называет своим другом и хочет представить будущей королеве Франции, наследнице императоров, с которой мадмуазель Андре разговаривала чуть ли не стоя на коленях.

Может быть, если я буду подслушивать, мне удастся разузнать что-нибудь о мадмуазель Андре?

Нет, нет, я не лакей. Только Ла Бри мог подслушивать под дверь.

И он решительно отошел от двери, к которой было приблизился; руки его дрожали, пелена застилала глаза.

Ему необходимо было отвлечься, а переписывание нот не являлось для него увлекательным умственным занятием. Он схватился за книгу, лежавшую на столе Жака.

«Исповедь», – прочел он с радостным удивлением, – та самая «Исповедь», из которой я с таким интересом прочел сто страниц!

«Издание сопровождается портретом автора», – продолжал он читать.

– Я никогда не видел портрета Руссо! – воскликнул он. – Погляди, погляди!

Сгорая от любопытства, он перевернул лист папиросной бумаги, предохранявшей гравюру, взглянул на портрет и вскрикнул.

В эту минуту дверь распахнулась: вернулся Жак. Жильбер посмотрел на Жака, затем перевел взгляд на портрет, который он держал в вытянутых руках: молодой человек задрожал всем телом, выронил книгу и пролепетал:

– Так я у Жан-Жака Руссо!

– Посмотрим, как вы переписали ноты, дитя мое, – с улыбкой проговорил Жан-Жак, в душе обрадованный этой непредвиденной овацией значительно больше, чем многочисленными триумфами за всю свою жизнь.

Пройдя мимо дрожавшего Жильбера, он приблизился к столу и взглянул на его работу.

– Форма нот недурна, – сказал он, – но вы не соблюдаете полей, и потом в некоторых местах вы пропустили знак «легато». В этом такте вы не обозначили паузу; черта, разделяющая такты, должна быть вертикальной. Целую долю лучше рисовать в два приема, полукругами, пусть даже они не всегда точно совпадают; вы изображаете ее просто кружком, отчего она выглядит не изящной, а хвостик примыкает неплотно... Да, друг мой, вы и в самом деле у Жан-Жака Руссо.

– Простите меня, сударь, за все глупости, какие я успел наговорить! – сложив руки, вскричал Жильбер, готовый пасть ниц.

– Неужели достаточно было прийти сюда принцу, – пожимая плечами, проговорил Руссо, – чтобы вы признали несчастного, гонимого женевского философа? Бедный ребенок! Счастливое дитя, не знающее гонений!

– Да, сударь, я счастлив, но счастлив тем, что вижу вас, что могу с вами познакомиться, побыть рядом.

– Спасибо, дитя мое, спасибо. Впрочем, за работу! Вы попробовали свои силы; теперь возьмите это рондо и постарайтесь переписать его на настоящей нотной бумаге; оно небольшое и не очень трудное. Главное аккуратность. Да, но как вы догадались...

Преисполненный гордости, Жильбер поднял «Исповедь» и указал Жан-Жаку на портрет.

– А-а, понимаю, тот самый портрет, приговоренный к сожжению вместе с «Эмилем»! Впрочем, любой огонь проливает свет независимо от того, исходит он от солнца или от аутодафе.

– Ах, сударь, если бы вы знали, что я всегда мечтал только об одном: жить с вами под одной

крышей! Если бы вы знали, что мое честолюбие не идет дальше этого желания.

– Вы не будете жить при мне, друг мой, – возразил Жан-Жак, – потому что я не держу учеников. Что касается гостей, то, как вы могли заметить, я не слишком богат, чтобы их принимать, а уж тем более – оставлять их на ночлег.

Жильбер вздрогнул, Жан-Жак взял его за руку.

– Не отчаивайтесь, – сказал он молодому человеку, – с тех пор, как я вас встретил, я за вами наблюдаю, дитя мое; в вас немало дурного, но много и хорошего; старайтесь волей подавлять инстинкты, избегайте гордыни – это болезненное место любого философа, а в ожидании лучших времен переписывайте ноты!

– О, Господи! – пробормотал Жильбер. – Я совершенно растерян от того, что со мной произошло.

– Ничего особенного с вами и не произошло, все вполне закономерно, дитя мое. Правда, чувствительную душу и проницательный ум способны взволновать самые, казалось бы, обыкновенные вещи. Я не знаю, откуда вы сбежали, и не прошу вас посвящать меня в свою тайну. Вы бежали через лес; в лесу вы встречаете человека, собирающего травы; у этого человека есть хлеб, которого нет у вас; он разделил его с вами; вам некуда идти, и человек этот предлагает вам ночлег; зовут его Руссо, вот и вся история. Послушайте, что он вам говорит:

– Основное правило философии гласит:

«Человек, стремись к тому, чтобы ни от кого не зависеть».

Так вот, друг мой, когда вы перепишите это рондо, вы заработаете себе сегодня на хлеб. Принимайтесь-ка за работу!

– Сударь, спасибо за вашу доброту!

– Что касается жилья, то оно вам ничего не будет стоить. Но уговор: не читать по ночам или, по крайней мере, сами покупайте себе свечи. А то Тереза станет браниться. Не хотите ли теперь поесть?

– О, нет, что вы, сударь! – взволнованно проговорил Жильбер.

– От вчерашнего ужина осталось немного еды, ее хватит, чтобы позавтракать. Не стесняйтесь, это будет последняя совместная трапеза, не считая возможных приглашений в будущем, если мы останемся добрыми друзьями.

Жильбер попытался было возразить, однако Руссо остановил его кивком головы.

– На улице Платриер есть небольшая столовая для рабочих, где вы сможете дешево питаться; я вас представлю хозяину. А пока идемте завтракать.

Жильбер молча последовал за Руссо.

Первый раз в жизни Жильбер был покорен; справедливости ради следует отметить, что сделал это человек необыкновенный.

Однако молодой человек не смог есть. Он встал из-за стола и вернулся к работе. Он не лукавил: его желудок слишком сильно сжался от полученного Жильбером потрясения и не мог принимать пищу. За целый день он ни разу не поднял глаз от работы и к восьми часам вечера, испортив три листа, преуспел: ему удалось вполне разборчиво и довольно аккуратно переписать рондо, занявшее четыре страницы.

– Я не хочу вас хвалить, – сказал Руссо, – это еще плохо, но разобрать можно; вы заработали десять су, прошу вас.

Жильбер с поклоном принял деньги.

– В буфете остался хлеб, господин Жильбер, – сообщила Тереза: скромность, кротость и усердие молодого человека произвели на нее благоприятное впечатление.

– Благодарю вас, сударыня, – отвечал Жильбер, – поверьте, я не забуду вашей доброты.

– Вот, возьмите, – сказала Тереза, протягивая ему хлеб.

Жильбер хотел отказаться, но, взглянув на Жан-Жака, понял, что его отказ может обидеть хозяина: Руссо уже хмурил брови, нависшие над проницательными глазами, и поджимал тонкие губы.

– Я возьму, – сказал молодой человек.

Он пошел в свою комнатку, зажав в кулаке серебряную монету в десять су и четыре моне-

ты достоинством в одно су каждая, только что полученные от Жан-Жака.

– Ну наконец-то! – воскликнул он, войдя в свою мансарду. – Теперь я сам себе хозяин, то есть пока еще нет, потому что этот хлеб мне подали из милости.

Несмотря на голод, он положил хлеб на подоконник и не притронулся к нему.

Он подумал, что скорее забудет о голоде, если заснет. Он задул свечу и растянулся на циновке.

На следующий день – Жильбер плохо спал – он поднялся до свету. Жильбер вспомнил слова Руссо о садах, на которые выходило его окно. Он выглянул в слуховое оконце и в самом деле увидел красивый парк; за деревьями был виден особняк, к которому этот сад примыкал. Двери особняка выходили на улицу Жюссен.

В одном из уголков сада среди невысоких деревьев и цветов стоял небольшой павильон с закрытыми ставнями.

Жильбер подумал было, что ставни прикрыты в столь ранний час потому, что обитатели дома еще не проснулись. Однако вскоре он догадался по тому, как упирались в окна ветви молодых деревьев, что в доме никто не жил по меньшей мере с зимы.

Он залюбовался прекрасными тополями, скрывавшими от его взоров главное здание.

Несколько раз голод заставлял Жильбера взглянуть на кусок хлеба, отрезанный ему накануне Терезой. Однако он не терял самообладания и, пожирая его глазами, так к нему и не прикоснулся.

Благодаря заботам Жан-Жака Жильбер, поднявшись на чердак, нашел все необходимое для своего скромного туалета. К тому времени, когда часы пробили пять, он успел умыться, причесться и почистить платье. Он забрал хлеб и сошел вниз.

На этот раз Руссо за ним не заходил. То ли из подозрительности, то ли для того, чтобы лучше изучить привычки гостя, он решил накануне не запираť дверь. Руссо услышал, как он спускается, и стал за ним следить.

Он увидел, как Жильбер вышел, зажав хлеб под мышкой.

К нему подошел нищий, Жильбер протянул ему хлеб, а сам вошел в только что открывшуюся булочную и купил кусок хлеба.

«Сейчас зайдет в трактир, – подумал Руссо, – и от его десяти су ничего не останется».

Руссо ошибался. Жильбер на ходу съел половину хлеба и остановился на углу улицы у фонтана. Напившись воды, он доел хлеб, потом выпил еще воды, прополоскал рот, вымыл руки и вернулся в дом.

«Могу поклясться, – сказал себе Руссо, – мне повезло больше, чем Диогену; кажется, я нашел человека».

Услышав шаги Жильбера на лестнице, он поспешил отворить ему дверь.

Весь день Жильбер работал, не разгибая спины. Он вкладывал в однообразное переписывание весь свой пыл, напрягал свой пронизательный ум, поражал упорством и усидчивостью. Он старался угадать то, чего не понимал. Подчиняясь его железной воле, рука выводила значки твердо и без ошибок. Вот почему к вечеру у него были готовы семь страниц, переписанных если не очень изящно, то уж, во всяком случае, безупречно.

Руссо отнесся к его работе придирчиво и в то же время философски. Как ценитель, он сделал замечания по поводу формы нот, слишком тонких штрихов, чересчур удаленных пауз и точек, однако он не мог не признать, что по сравнению с тем, что было накануне, успехи очевидны, и вручил Жильберу двадцать пять су.

Как философ, он восхитился человеческой силой воли, способной в три погибели согнуть и заставить работать двенадцать часов подряд восемнадцатилетнего юношу, подвижного и темпераментного. Руссо с самого начала угадал страсть, пылавшую в сердце молодого человека. Однако он не знал, что явилось причиной этой страсти: честолюбие или любовь.

Жильбер взвесил на руке полученные деньги: одна монета была достоинством в двадцать четыре су, другая – в один су. Один су он опустил в карман куртки, где, вероятно, лежали заработанные им накануне деньги. Монету в двадцать четыре су он с видимым удовлетворением зажал в правой руке.

– Сударь! Вы мой хозяин, потому что у вас я получил работу, вы также предоставили мне даровой ночлег. Вот почему я подумал, что вы могли бы неверно истолковать мой поступок, если бы я не предупредил вас о своих намерениях.

– Что вы задумали? – спросил Руссо. – Разве вы не намерены завтра продолжать работу?

– Сударь! На завтра я, с вашего позволения, хотел бы отпроситься.

– Зачем? – спросил Руссо. – Чтобы бездельничать?

– Мне бы хотелось побывать в Сен-Дени.

– В Сен-Дени?

– Да, завтра туда прибывает ее высочество.

– А-а, вы правы! Завтра и в самом деле в Сен-Дени празднества по случаю приезда ее высочества.

– Да, завтра, – подтвердил Жильбер.

– А я не думал, что вы – любитель поглазеть, мой юный друг, – заметил Руссо, – а поначалу мне показалось, что вы презираете почести, которыми осыпают власти предержащие.

– Сударь...

– Берите пример с меня, вы ведь утверждали, что я для вас – пример для подражания! Вчера ко мне заходил принц крови и умолял, чтобы я вместе с ним явился ко двору. Вы, бедное дитя, мечтаете стоя на цыпочках хотя бы мельком увидеть поверх плеча гвардейца проезжающую карету короля, перед которой все замирают, как перед святыней. Я же был бы представлен их высочествам, принцессы дарили бы меня улыбками. Но нет: я, безвестная личность, отверг приглашение великих мира сего.

Жильбер в знак согласия кивнул.

– А почему я отказался? – продолжал разгоряченный Руссо. – Потому что человек не может быть двуличным; потому что если он собственноручно написал, что королевская власть – не более чем заблуждение, он не может идти к королю с протянутой рукой выпрашивать милости; потому что если мне известно, что любой праздник лишает готовый восстать народ последних средств к существованию, я своим отсутствием выражаю протест против всех этих празднеств.

– Сударь! – проговорил Жильбер. – Можете мне поверить, что я отлично понимаю вашу возвышенную философию.

– Разумеется, однако вы ее не исповедуете.

– Сударь, – воскликнул Жильбер, – я не философ!

– Скажите хотя бы, что вы собираетесь делать в Сен-Дени.

– Я не болтлив.

Эти слова поразили Руссо: он понял, что за этим упрямством кроется какая-то тайна. Он взглянул на Жильбера с восхищением, которое ему внушал нрав молодого человека.

– Ну что же, – проговорил он, – значит, у вас есть на то свои причины; это мне по душе.

– Да, сударь, у меня есть причина. Клянусь, она ничего общего не имеет с любопытством и с желанием поглазеть.

– Тем лучше..., впрочем, может, и хуже, потому что в ваших пронизательных глазах я не нахожу ни наивности, ни спокойствия, свойственных юности.

– Я уже говорил вам, сударь, – с грустью заметил Жильбер, – что я был несчастлив, а в счастье скоро состареешь. Так мы уговорились? Вы меня завтра отпускаете?

– Да, я вас отпускаю, друг мой.

– Благодарю вас, сударь.

– Знайте, что в то время, как вы будете любоваться церемонией, я займусь составлением гербария и буду наслаждаться великолепием природы.

– Сударь, – сказал Жильбер, – неужели вы не оставили бы все гербарии мира в тот день, когда собирались на свидание с мадмуазель Галлей, после того как бросили ей на грудь букет цветущей вишни?

– Вот это прекрасно! – воскликнул Руссо. – Теперь я вижу, что вы молоды! Отправляйтесь в Сен-Дени, дитя мое.

Радостный Жильбер вышел, притворив за собой дверь.

– Это не честолюбие, – пробормотал Руссо, – это любовь!

Глава 14. ПОДРУГА КОЛДУНА

Пока Жильбер грыз на чердаке хлеб, макая его в холодную воду, и полной грудью вдыхал воздух окрестных садов, у ворот монастыря кармелиток в Сен-Дени спешила изящная всадница, закутанная в длинный плащ. Она галопом промчалась на великолепном арабском скакуне по дороге, ведущей в Сен-Дени. Дорога была пока пустынна, но на следующий день она должна была заполниться толпой народа. Спешившись, женщина робко постучала пальцем по решетке в воротах. Она держала коня за уздечку, он пританцовывал и нетерпеливо рыл копытом землю.

Незнакомку окружили любопытные. Их привлекло странное выражение ее лица, а также настойчивость, с какой она стучала в дверь.

– Что вам угодно, сударыня? – спросил один из них.

– Вы же видите, сударь, – отвечала незнакомка с сильным итальянским акцентом, – я хочу войти.

– Вы не туда обратились. Эти ворота открываются только раз в день для раздачи милостыни, а этот час уже миновал.

– Что же я должна сделать, чтобы переговорить с настоятельницей? – спросила стучавшая в ворота дама.

– Нужно постучать в небольшую дверь в конце этой стены или позвонить у главного входа. Подошел еще один любопытный.

– А вы знаете, сударыня, – сообщил он, – что настоятельницей недавно стала ее высочество Луиза Французская?

– Знаю, спасибо.

– Чертовски хороший конь! – вскричал королевский драгун, разглядывая лошадь незнакомки. – Знаете, если этот конь нестарый, ему цена пятьсот луидоров – это так же верно, как то, что мой жеребец стоит сто пистолей. Его слова произвели на толпу сильное впечатление. В эту минуту каноник, который в отличие от драгуна заинтересовался не конем, а всадницей, протолкался к ней сквозь толпу и, зная секрет замка, стал отпирать дверь.

– Входите, сударыня, – сказал он, – и коня своего за собой ведите.

Дама желала как можно скорее избавиться от жадного внимания собравшихся вокруг нее людей, их взгляды были ей, казалось, невыносимы, поэтому она поспешила скрыться за дверью вместе с конем.

Незнакомка осталась одна на широком дворе. Она потянула коня за уздечку; он резко тряхнул попоной и столь мощно стукнул копытом оземь, что привратница, ненадолго отлучившаяся из своей кельи рядом с входом, бросилась на монастырский двор.

– Что вам угодно, сударыня? – закричала она. – Как вы сюда проникли?

– Каноник сжалился надо мной и отворил мне дверь, – отвечала она, – я бы хотела, если можно, переговорить с настоятельницей.

– Настоятельница сегодня не принимает.

– А я думала, что настоятельницы монастырей обязаны принимать своих мирских сестер, приходящих к ним за помощью, в любое время дня и ночи.

– Обыкновенно это так и бывает, однако ее высочество прибыла к нам третьего дня, она только что вступила в должность, а, кроме того, сегодня вечером она собирает капитул.

– Сестра! Сестра! Я приехала издалека, – продолжала умолять незнакомка, – я еду из Рима, я проехала шестьдесят миль верхом, я в отчаянии.

– Что вы от меня хотите? Я не могу нарушать приказания настоятельницы.

– Сестра! Я должна сообщить вашей настоятельнице нечто весьма важное.

– Приходите завтра.

– Это невозможно... Я всего на один день приехала в Париж, и этот день уже... Кстати, я не могу переночевать в трактире.

– Почему?

– У меня нет денег.

Привратница в изумлении оглядела увешанную драгоценностями даму, имевшую в своем распоряжении великолепного коня. А дама утверждала, что ей нечем заплатить за ночлег.

– Не обращайтесь внимания ни на мои слова, ни на платье, – взмолилась молодая женщина, – это не совсем то, что я хотела сказать; разумеется, мне в любом трактире поверили бы в долг. Нет, нет, я к вам пришла не за тем, чтобы проситься на ночлег, я ищу убежища!

– Сударыня! В Сен-Дени наш монастырь – не единственный, и во всех монастырях есть настоятельницы.

– Да, да, знаю, но мне не хотелось бы обращаться к рядовой настоятельнице, сестра.

– Вам не следует упорствовать. Ее высочество Луиза Французская не занимается больше мирскими делами.

– Это не имеет значения! Передайте ей, что я хочу с ней поговорить.

– Я же вам сказала, что у нее капитул.

– А после капитула?

– Он только что начался.

– Тогда я пойду в церковь и помолюсь в ожидании ее высочества.

– Я очень сожалею, сударыня...

– Что такое?

– Не надо ее ждать.

– Мне не следует ее ждать?

– Нет.

– Значит, я ошибалась! Значит, я не в Божьей обители! – вскричала незнакомка, и в ее взгляде и голосе почувствовалась такая сила, что монахиня не осмелилась более ей противоречить:

– Раз вы так настаиваете, я попытаюсь...

– Скажите ее высочеству, – заговорила незнакомка, – что я еду из Рима, что, не считая двух недолгих остановок в Майенсе и Страсбурге, я задерживалась в пути лишь для сна, а последние четверо суток я позволяла себе отдыхать ровно столько, чтобы удержаться в седле и, разумеется, конь тоже должен был перевести дух, перед тем как нести меня дальше.

– Я все передам, сестра.

Монахиня удалилась.

Спустя минуту появилась послушница. За ней следовала привратница.

– Ну что? – обратилась к ним незнакомка, торопясь услышать ответ.

– Ее высочество просила вас передать, сударыня, – отвечала послушница, – что вечером она не сможет вас принять, но, независимо от этого, монастырь окажет вам гостеприимство, раз вы так ищете убежища. Итак, можете войти, сестра. Вы совершили долгий путь и очень утомлены, как вы говорите, можете лечь в постель.

– А мой конь?

– О нем есть кому позаботиться, не волнуйтесь, сестра.

– Он кроток, как агнец. Его зовут Джерид, он отзывается на это имя. Я настоятельно прошу о нем позаботиться – это чудесное животное.

– За ним будут ухаживать, как ухаживают за лошадьми его величества.

– Благодарю.

– А теперь проводите госпожу в ее комнату, – приказала послушница привратнице.

– Нет, не надо в комнату, проводите меня в церковь. Я не хочу спать, мне надо молиться.

– Часовня открыта, сестра, – сказала монахиня, указывая пальцем на небольшую боковую дверь в церкви.

– Мне можно будет увидеться с настоятельницей? – спросила незнакомка.

– Только завтра.

– Утром?

– Нет, утром нельзя, – отвечала монахиня.

– Потому что утром состоится большой прием, – добавила другая.

– Кто же может быть принят раньше меня? Неужели на свете есть кто-то несчастнее меня?

– Нам оказывает большую честь будущая супруга дофина. Ее высочество остановится у нас на два часа. Это огромная честь для нашего монастыря и большое торжество для наших бедных сестер. Вы понимаете, что...

– Увы!

– Настоятельница приказала сделать все возможное, чтобы достойно встретить высоких гостей.

– Скажите: я могу надеяться, что буду здесь в безопасности, ожидая приема вашей уважаемой настоятельницы? – спросила незнакомка, оглядываясь с заметной дрожью.

– Да, конечно, сестра. Наш монастырь мог бы укрыть даже преступников, не говоря уже о...

– Беглецах, – закончила незнакомка. – Ну хорошо, значит, сюда никто не может войти, не так ли?

– Без разрешения? Нет, никто.

– А если он добьется разрешения? Боже мой. Боже мой... – пролепетала незнакомка, – ведь Он всесильный, Он и сам иногда приходит в ужас от своего могущества!

– Кто он? – спросила монахиня.

– Никто, никто.

– Бедняжка сошла с ума, – пробормотала монахиня.

– В церковь, в церковь! – воскликнула незнакомка, словно подтверждая мнение, которое о ней начинало складываться.

– Идемте, сестра, я вас провожу.

– За мной гонятся, понимаете? Скорее, скорее в церковь!

– Можете мне поверить, что в Сен-Дени крепкие стены, – сочувственно улыбаясь, заметила послушница, – вы устали, поверьте мне, идите к себе, ложитесь в постель, на плитах часовни ноги у вас совсем разболются.

– Нет, нет, я хочу помолиться, я попрошу Бога удалить от меня моих преследователей! – вскричала молодая женщина, скрываясь за дверь, на которую ей указала монахиня. Дверь захлопнулась.

С любопытством, свойственным всем монашкам, послушница зашла в церковь через главный вход, тихонько пробралась внутрь и увидела лежавшую перед алтарем незнакомку; она молилась и рыдала, уткнувшись лицом в пол.

Глава 15. ПАРИЖСКИЕ ОБЫВАТЕЛИ

Капитул и в самом деле был созван, о чем говорили незнакомке монахини: надо было обсудить пышный прием наследницы цезарей.

Итак, ее высочество Луиза приступала к исполнению своих обязанностей в Сен-Дени.

Монастырское имущество было в некотором упадке; бывшая настоятельница, уступая свой пост, увезла с собой большую часть принадлежавших ей кружев, а вместе с ними ковчежцы и дароносицы, которые обыкновенно приносили с собой в общину настоятельницы, представительницы лучших фамилий; они посвящали себя служению Всевышнему, не теряя при этом связи с миром.

Узнав, что принцесса остановится в Сен-Дени, ее высочество Луиза послала нарочного в Версаль; ночью в монастырь прибыла повозка с коврами, кружевами, церковным облачением.

Все это обошлось ее высочеству в шестьсот тысяч ливров. Когда новость о щедрости, с которой королевский двор готовился к предстоящему торжеству, облетела город, любопытство парижан вспыхнуло с удвоенной силой. Как говаривал Мерсье, кучка парижских ротозеев может позабавить, но когда любопытство охватывает весь город, огромная толпа зевак заставляет задуматься, а порой и вызвать слезы.

Маршрут ее высочества был обнародован, поэтому с самого рассвета парижане сначала десятками, потом сотня за сотней, тысяча за тысячей стали выходить из своих берлог.

Французские гвардейцы, швейцарцы, расквартированные в Сен-Дени, разобрали оружие и образовали цепь, чтобы сдерживать прибывавшие, словно во время прилива, толпы народа. Люди

образовывающие водовороты вокруг соборных папертей, взбирались на статуи, украшавшие порталы. Отовсюду высывались головы, дети облепили дверные навесы, мужчины и женщины выглядывали из окон. Тысячи любопытных, прибывших слишком поздно или предпочитавших, подобно Жильберу, скорее сохранить свободу, чем сберегать или отвоевывать место в толпе, напоминали проворных муравьев: они карабкались по стволам и рассаживались на ветвях деревьев, стеной поднимавшихся вдоль дороги от Сен-Дени до Ла Мюэтт, по которой должна была проехать принцесса.

Начиная с Компьеня, роскошных дворцовых экипажей и ливрей заметно поубавилось. Оттуда короля сопровождали только самые знатные сеньоры, ехавшие вдвое, а то и втрое скорее против обыкновения благодаря почтовым станциям, появившимся на дороге по приказу короля.

Мелкопоместные дворяне остались в Компьене или возвратились в Париж на почтовых, чтобы дать передохнуть лошадям.

Однако, не успев как следует прийти в себя, и хозяева, и слуги вновь отправлялись за город, спеша в Сен-Дени поглазеть на толпу и еще раз увидеть ее высочество.

Помимо дворцовых карет, было еще около тысячи экипажей членов Парламента, крупных финансистов, откупщиков, модных дам, актеров Оперы. Были еще наемные экипажи и тяжелые почтовые кареты, в которые по мере приближения к Сен-Дени набивалось до двадцати пяти человек; они задыхались в еле тянувшихся экипажах и прибывали к месту назначения позже, чем если бы шли пешком.

Итак, читатель теперь без труда может себе представить огромное войско, направлявшееся к Сен-Дени утром, когда газеты и афиши возвестили о прибытии ее высочества; все эти люди толпились как раз напротив монастыря кармелиток, а когда к нему стало невозможно протолкаться, народ качал выстраиваться вдоль дороги, по которой должна была проследовать принцесса со свитой.

Теперь представьте себе, как в этой толпе, способной привести в ужас ко всему привычного парижанина, должен был себя чувствовать Жильбер – маленький, одинокий, нерешительный, не знавший местности; кроме того, он был до такой степени горд, что не желал спрашивать дорогу: с тех пор, как он оказался в Париже, он стремился сходить за парижанина, хотя до сих пор ему не приходилось видеть одновременно больше сотни человек.

Вначале ему попадались редкие прохожие, при приближении к Ла Шапель их стало больше; когда же он пришел в Сен-Дени, люди стали появляться словно из-под земли, их теперь было так много, как колосков в бескрайнем поле.

Жильберу давно уж ничего не было видно, он потерялся в толпе; он брел сам не зная куда, уносимый толпой; впрочем, пора было оглядеться.

Дети карабкались по деревьям. Он не осмелился снять сюртук и последовать их примеру, хотя страстно этого желал; он подошел к дереву. Наконец кому-то из несчастных, ничего не видевших, подобно Жильберу, дальше своего носа, пришла в голову удачная мысль спросить тех, кто сидел наверху. Один из них сообщил, что между монастырем и цепью гвардейцев много свободного места.

Набравшись храбрости, Жильбер решился спросить, далеко ли кареты.

Кареты еще не появлялись, но на дороге, примерно в четверти мили от Сен-Дени, появилось облако пыли. Больше Жильберу ничего было не нужно знать; кареты еще т прибыли – оставалось лишь узнать, с какой именно стороны они подъедут.

Если в парижской толпе кто-то идет молча, ни с кем не заводя разговора, это либо англичанин, либо глухонемой.

Жильбер бросился было назад в надежде вырваться из этого скопища людей. И тут он обнаружил на обочине дороги семейство буржуа, расположившееся позавтракать. Там была дочь – высокая, белокурая, голубоглазая, скромная и тихая.

Мать была дородная, низкорослая, любопытная, белозубая дама со свежим цветом лица.

Отец семейства утопал в не по росту большом буракановом сюртуке, который доставался из сундука только по воскресеньям. Облачившись в него на сей раз ради торжественного случая, хозяин был им занят больше, чем женой и дочерью, уверенный в том, что уж они-то как-нибудь

выйдут из положения.

Была там еще тетка – высокая, худая, сухая и сварливая.

И, наконец, была еще служанка, все время хохотавшая.

Она-то и принесла в огромной корзине полный завтрак. Несмотря на оттягивавшую ей руку корзину, ядреная девка продолжала смеяться и петь, поощряемая хозяином. Время от времени он сменял ее и нес корзину сам.

Служанка была словно членом семьи; напрашивалось сравнение между нею и домашним псом: хозяева могли иногда ее побить, но выгнать – никогда.

Жильбер краем глаза наблюдал за доселе необычной для него сценой. Проведя всю жизнь в замке Таверне, он хорошо знал, что такое сеньор и что такое прислуга, но совершенно не был знаком с сословием буржуа.

Он отметил, что в повседневной жизни эти люди руководствуются философией, в которой не нашлось места Платону и Сократу, зато они *in extenso* следовали примеру Бианта.

Люди эти принесли с собой столько, сколько смогли унести, и теперь всласть этим пользовались.

Глава семейства разрезал аппетитный кусок запеченной телятины – излюбленное блюдо парижских обывателей. Присутствовавшие пожирали глазами покрытое золотистой корочкой мясо с морковью, луком и кусочками сала на глиняном блюде, на которое накануне положила его заботливая хозяйка. Потом служанка отнесла блюдо к булочнику, чтобы он пристроил его в печи рядом с двадцатью другими такими же блюдами; все они должны были вместе с булочками зажариться и подрумяниться на жарком огне.

Жильбер выбрал местечко под соседним вязом, стряхнул грязь с травы клетчатым носовым платком, снял шляпу, расстелил платок на траве и сел.

Он не обращал никакого внимания на соседей; естественно, это их заинтересовало и привлекло к нему их внимание.

– До чего аккуратный юноша! – проговорила мать.

Девушка покраснела.

Она краснела каждый раз, когда оказывалась рядом с молодыми людьми, а родителей это заставляло млеть от удовольствия.

Итак, мать проговорила: «До чего аккуратный юноша».

Обыкновенно парижские обыватели в первую очередь замечают недостатки или начинают с обсуждения душевных качеств.

Отец обернулся.

– И недурен собой, – заметил он. Девушка покраснела еще больше.

– Выглядит уставшим, хотя шел с пустыми руками.

– Лентяй! – проворчала тетка.

– Сударь! – обратилась к Жильберу мать семейства без всякого смущения, что свойственно только парижанам. – Вы не знаете, далеко ли еще королевские кареты?

Жильбер обернулся и, поняв, что вопрос обращен к нему, встал и отвесил поклон.

– Какой вежливый молодой человек! – заметила хозяйка.

Щеки девушки пылали огнем.

– Не знаю, сударыня, – отвечал Жильбер, – я слышал, что в четверти мили отсюда показалось облако пыли.

– Подойдите, сударь, – пригласил его глава семейства, – можете выбирать, что вашей душе угодно...

Он указал на аппетитный завтрак, разложенный на траве.

Жильбер подошел. Он ничего не ел с самого утра. Запах еды показался ему соблазнительным, но он нащупал в кармане деньги и, подумав, что трети этой суммы хватило бы ему, чтобы заказать столь же вкусный завтрак, не захотел ничего брать у людей, которых он видел впервые в жизни.

– Спасибо, сударь, – отвечал он, – большое спасибо, я позавтракал.

– Ну, я вижу, вы скромный человек, – проговорила мать семейства, – а знаете, сударь, ведь

вы отсюда ничего не увидите!

– Так ведь и вы, стало быть, тоже ничего не увидите? – с улыбкой заметил Жильбер.

– О, мы – другое дело, – отвечала она, – у нас племянник – сержант французской гвардии.

Девушка из пурпурной превратилась в лиловую.

– Нынче утрем он стоит в отепления перед «Голубым павлином».

– Простите за нескромность, а где находится «Голубой павлин»? – спросил Жильбер.

– Как раз напротив монастыря кармелиток, – продолжала женщина, – он обещал нас разместить за своим звеном; у нас там будет скамейка, и мы увидим, как будут выходить из карет.

Теперь наступила очередь Жильбера покраснеть: он не решился сесть с этими славными людьми за стол, но умирал от желания пойти вместе с ними.

Однако его философия, вернее, гордыня, от которой предостерегал его Руссо, шепнула ему:

«Это женщинам пристало искать помощи, а ведь я мужчина! У меня есть руки и плечи!»

– Кто там не устроится, – продолжала мать семейства, будто угадав мысли Жильбера и отвечая на них, – тот не увидит ничего, кроме пустых карет, а на них и так можно когда угодно наглядеться, для этого не стоило приходить в Сен-Дени.

– Сударыня! – заметил Жильбер. – Мне кажется, что не только вам могла прийти в голову эта мысль.

– Да, но не у всех есть племянник-гвардеец, который мог бы их пропустить.

– Да, вы правы, – согласился Жильбер. При этих словах лицо его выразило сильнейшее разочарование, не укrywшееся от проницательных парижан.

– Но сударь может отправиться с нами, если ему будет угодно, – заметил хозяин, без труда угадывавший все желания своей женушки.

– Сударь! Я бы не хотел быть вам в тягость, – отвечал Жильбер.

– Да что вы, напротив, – возразила женщина. – Вы нам поможете туда добраться: у нас на всех только один мужчина, а будет два!

Этот довод показался Жильберу самым убедительным. Мысль, что он окажется полезен и тем самым оплатит за оказанную ему помощь, успокаивала его совесть и заранее освобождала ее от угрызений.

Он согласился.

– Поглядим, кому он предложит руку, – пробормотала тетка.

Вероятно, само небо посылало Жильберу это спасение. Ну в самом деле, как бы он преодолел такое препятствие, как тридцать тысяч человек, значительно более заслуженных, чем он, выше его званием, богатством, могуществом, а главное – умевших занять удобное место во время празднеств, в которых каждый человек принимает то участие, какое он может себе позволить!

Если бы наш философ, вместо того чтобы предаваться мечтам, побольше наблюдал, он мог бы извлечь из этого зрелища прекрасный урок для изучения общества.

Карета, запряженная четверкой лошадей, летела сквозь толпу со скоростью пушечного ядра, и зрители едва успевали расступиться, давая дорогу скороходу в шляпе с плюмажем, в пестром кафтане и с толстой палкой в руках; иногда впереди него бежали два огромных пса.

Карета, запряженная парой, проезжала на круглую площадку, примыкавшую к монастырю, где и занимала отведенное ей место, но только после того, как гвардейцу охраны сообщалось на ухо что-то вроде пароля.

Всадники, возвышавшиеся над толпой, передвигались шагом и достигали своей цели медленно, после неисчислимых ударов, толчков, снося ропот недовольства.

И, наконец, смятый, сдавленный со всех сторон, измученный пешеход, подобный морской волне, подхваченной такими же волнами, поднимался на цыпочки, выталкиваемый наверх окружающими его людьми; он метался, словно Антей, в поисках единой общей матери, имя которой – земля; он искал путь в толпе, пытаясь из нее выбраться; он находил выход и тянул за собой семейство, состоявшее почти всегда из целого роя женщин, которых парижанин – и только он – ухитряется и осмеливается водить за собой всегда и везде, умеет без бахвальства заставить уважать их всех.

А над всем этим, вернее, над всеми остальными – отречье, бородач с драным колпаком на

голове, обнаженными руками, в подвязанных веревкой штанах; он неутомимо и грубо прокладывает себе дорогу локтями, плечами, пинками, хрипло смеется и проходит сквозь толпу пешеходов так же легко, как Гулливер через поле Лилипутии.

Не будучи ни знатным сеньором в экипаже, запряженном четверкой, ни членом Парламента в карете, ни верховым офицером, ни парижанином, ни простолюдином, Жильбер неизбежно был бы раздавлен, растерзан, раздроблен в толпе. Оказавшись под покровительством буржуа, он почувствовал себя сильным.

Он решительно шагнул к хозяйке и предложил ей руку.

– Наглец! – прошипела тетка.

Они отправились в путь; глава семейства шел между своей сестрой и дочерью; позади всех, повесив на руку корзину, шагала служанка.

– Господа, прошу вас, – говорила хозяйка, громко смеясь, – господа, ради Бога!.. Господа, будьте добры...

И перед ней расступались, ее пропускали вперед, а вместе с ней и Жильбера; по образовавшемуся за ними проходу следовали другие.

Шаг за шагом, пядь за пядью они отвоевали пятьсот туаза, отделявших их от того места, где они завтракали, и пробрались к монастырю. Они подошли к цепи грозных французских гвардейцев, на которых честное семейство возлагало все свои надежды.

Лицо девушки мало-помалу обрело свой естественный оттенок.

Прибыв на место, глава семейства взобрался Жильберу на плечи и в двадцати шагах заметил крутившего ус племянника жены.

Он стал так неистово размахивать шляпой, что племянник в конце концов его увидел, подошел ближе, потом попросил товарищей подвинуться, и они расступились.

В эту щель сейчас же проникли Жильбер и хозяйка, за ними – муж, сестра и дочь, а потом и служанка, вопившая истошным голосом и оглядывавшаяся, свирепо вращая глазами; однако хозяйка даже не подумала спросить, почему она кричит.

Как только они перешли дорогу, Жильбер понял, что они прибыли. Он поблагодарил главу семейства, тот в ответ поблагодарил молодого человека. Хозяйка попыталась его удержать, тетюшка послала его ко всем чертям, и они расстались, чтобы никогда больше не встретиться.

В том месте, где стоял Жильбер, находились только избранные; он без особого труда пробрался к кряжистому тополику, взобрался на камень, ухватился за нижнюю ветку и стал ждать.

Спустя полчаса после того, как он устроился, послышалась барабанная дробь, раздался пушечный выстрел и загудел большой соборный колокол.

Глава 16. КОРОЛЕВСКИЕ КАРЕТЫ

Отдаленные крики становились все явственнее, все громче, заставив Жильбера насторожиться и напрячь все силы; его охватила дрожь.

Отовсюду доносились крики: «Да здравствует король!»

Это еще было в обычае того времени.

Множество лошадей в пурпуре и золоте с громким ржанием промчалось по мостовой: это были мушкетеры, офицеры охраны и швейцарская кавалерия.

Следом за ними катилась великолепная массивная карета.

Жильбер заметил голубую орденскую ленту, величественную голову в шляпе. Его поразили холодный пронизывающий взгляд короля, перед которым склонялись обнаженные головы.

Очарованный, оцепеневший, захмелевший, затрепетавший Жильбер позабыл снять шляпу.

Мощный удар вывел его из восторженного состояния; шляпа покатила по земле.

Он отлетел в сторону, подобрал шляпу, поднял голову и узнал племянника буржуа, смотревшего на него с насмешливой улыбкой, характерной для военных.

– Вы что же, не желаете обнажать голову перед королем? – спросил он.

Жильбер побледнел, взглянул на вывалянную в пыли шляпу и ответил:

– Я впервые вижу короля, сударь, поэтому забыл его поприветствовать. Но я не знал, что...

– Ах, вы не знали? – нахмурившись, процедил солдафон.

Жильбер испугался, что его сейчас прогонят и он не увидит Андре; любовь, клокотавшая в его сердце, победила гордыню.

– Простите, – сказал он, – я из деревни.

– Ты, видать, приехал в Париж учиться, паренек?

– Да, сударь, – отвечал Жильбер, едва сдерживая злобу.

– Ну, раз ты здесь учишься, – продолжал сержант, схватив за руку Жильбера, готового надеть шляпу, – запомни вот еще что: ее высочество надо приветствовать так же, как короля, наследных принцев – как ее высочество; таким же образом ты должен приветствовать все кареты, на которых увидишь цветки лилии. Знаешь, что такое лилия, или тебе показать?

– Не надо, сударь, – отвечал Жильбер, – я знаю.

– Слава Богу! – проворчал сержант.

Королевские кареты проехали.

Остальные экипажи потянулись за ними цепочкой. Жильбер жадно следил за ними обезумевшими глазами. Подъезжая к воротам монастыря, кареты останавливались одна за другой, свитские выходили из экипажей, это занимало некоторое время и влекло за собой остановки в движении по всей дороге.

Во время одной из таких остановок Жильбер почувствовал, как в сердце его словно вспыхнул пожар. Он был ослеплен, взгляд его затуманился, его охватила столь сильная дрожь, что он был вынужден уцепиться за ветку, чтобы не свалиться.

Прямо против него, в каких-нибудь десяти шагах, в карете с королевскими лилиями, которые так настоятельно советовал ему приветствовать сержант, Жильбер увидел восхитительное безмятежное лицо Андре, одетой в белое, словно ангел или призрак.

Он еле слышно вскрикнул, потом овладел разом охватившими его чувствами; он повелел своему сердцу перестать биться, а взгляду – подняться к солнцу.

Молодой человек обладал такой мощной силой воли, что ему это удалось.

Андре захотелось узнать, почему остановились кареты, и она выглянула из окна. Бросив во круг себя взгляд своих прекрасных небесно-голубых глаз, она заметила Жильбера и узнала его.

Жильбер полагал, что, увидав его, Андре удивится, повернется к сидящему с ней рядом отцу и сообщит ему эту новость.

Он не ошибся: Андре удивилась, повернулась к отцу и обратила на Жильбера внимание барона де Таверне, украшенного красной орденой лентой и величественно развалившегося в королевской карете.

– Жильбер? – вскричал барон, подскочив от этой новости, – Жильбер здесь? А кто же заботится о Маоне?

Жильбер прекрасно все слышал. Он подчеркнуто вежливо поклонился Андре и ее отцу.

Для этого ему пришлось собрать все свои силы.

– Так это правда! – закричал барон, разглядев в толпе нашего философа. – Вот этот шалопай собственной персоной!

Мысль, что Жильбер мог оказаться в Париже, казалась барону столь странной, что он вначале не хотел верить глазам своей дочери, да и теперь ему тяжело было в это поверить.

Жильбер пристально следил за выражением лица Андре. После мимолетного удивления на нем не отражалось ничего, кроме безмятежного спокойствия.

Высунувшись из кареты, барон поманил Жильбера пальцем.

Жильбер хотел к нему подойти, но его остановил сержант.

– Вы же видите, что меня зовут, – проговорил молодой человек.

– Кто?

– Вот из этой кареты.

Сержант проследил взглядом за пальцем Жильбера и остановил его на карете барона де Таверне.

– Вы позволите, сержант? Мне бы хотелось сказать этому юноше два слова.

– Хоть четыре, сударь, – отвечал сержант, – у вас есть время: сейчас на паперти читают тор-

жественную речь – это не меньше, чем на полчаса. Проходите, молодой человек.

– Иди сюда, бездельник! – обратился барон к Жильберу, старавшемуся идти обычным шагом. – Скажи, какому случаю ты обязан тем, что оказался в Париже, вместо того чтобы охранять Таверне?

Жильбер еще раз поклонился Андре и барону.

– Меня привел сюда не случай, – отвечал он, – это, ваше сиятельство, проявление моей воли.

– То есть, как – твоей воли, негодяй? Да разве у тебя может быть воля?

– Отчего же нет? Каждый свободный человек вправе ее иметь.

– Каждый свободный человек! Вот как? Так ты считаешь себя свободным, бездельник?

– Разумеется, потому что я не связан никакими обязательствами.

– Клянусь честью, это ничтожество вздумало шутить! – вскричал барон де Таверне, озадаченный самоуверенным тоном Жильбера. – Как? Ты в Париже? Как же ты сюда добрался, хотел бы я знать? И на какие деньги, скажи на милость?

– Пешком, – коротко отвечал Жильбер.

– Пешком? – переспросила Андре с оттенком жалости.

– Зачем же ты явился в Париж, я тебя спрашиваю? – закричал барон.

– Сначала – учиться, потом – разбогатеть.

– Учиться?

– Ну да.

– И разбогатеть? А пока что ты делаешь? Попрошайничаешь?

– Чтобы я попрошайничал!.. – высокомерно вымолвил Жильбер.

– Значит, ворует?

– Сударь, – твердо заговорил Жильбер с выражением отчаянной гордости, заставившей мадмуазель Андре бросить внимательный взгляд на странного молодого человека, – разве я у вас когда-нибудь что-нибудь украл?

– Что же ты здесь можешь делать, дармоед?

– То же, что один гениальный человек, которому я стремлюсь подражать изо всех сил, – отвечал Жильбер, – я переписываю ноты.

Андре повернула голову.

– Переписываете ноты? – переспросила она.

– Да, мадмуазель.

– Так вы, стало быть, знаете нотную грамоту? – высокомерно спросила она с таким видом, будто хотела сказать: «Вы лжете».

– Я знаю ноты, и этого довольно, чтобы быть переписчиком, – отвечал Жильбер.

– Где же ты этому выучился, негодяй?

– Да, где? – с улыбкой спросила Андре.

– Господин барон, я очень люблю музыку. Мадмуазель проводила ежедневно за клавином около двух часов, а я тайком слушал ее игру.

– Бездельник!

– Поначалу я запоминал мелодии, а так как они были записаны в руководстве, я мало-помалу, с большим трудом выучился их читать по этому руководству.

– По моему учебнику? – воскликнула в высшей степени оскорбленная Андре. – Как вы смели к нему прикасаться?

– Нет, мадмуазель, я никогда бы себе этого не позволил, – отвечал Жильбер, – он оставался открытым на клавиатуре то на одной странице, то на другой. Я его не трогал. Я учился читать ноты, только и всего. Не мог же я глазами испачкать страницы!

– Вот вы увидите, – прибавил барон, – сейчас этот мерзавец нам объявит, что играет на фортепиано не хуже Гайдна.

– Возможно, я и научился бы играть, – проговорил Жильбер, – если бы осмелился прикоснуться к клавишам.

Андре не удержалась и еще раз внимательно взглянула на Жильбера; его лицо было оживлено под влиянием чувства, которое невозможно было постичь умом; его можно было бы, вероятно,

назвать страстным фанатизмом мученика.

Однако барон не обладал столь же спокойным и ясным умом, как его дочь. Он почувствовал, как в нем поднимается злоба при мысли, что юноша прав и что было бесчеловечно оставлять его в Таверне в обществе Маона.

Трудно бывает простить подчиненному нашу ошибку, в которой ему удалось нас убедить. Вот почему барон все более горячился по мере того, как его дочь смягчалась.

– Ах, разбойник! – вскричал он. – Ты сбежал и бродяжничаешь, а когда у тебя требуют объяснений, ты несешь околесицу вроде той, что мы сейчас слышали. Ну так я не желаю, чтобы по моей вине на пути короля попадались жулики и бродяги...

Андре попыталась жестом успокоить отца; она почувствовала, что ложь его унижает.

–..Я тебя сдам господину де Сартину, отдохнешь в Бисетре, жалкий болтун!

Жильбер отступил, надвинул шляпу и, побледнев от гнева, воскликнул:

– Да будет вам известно, господин барон, что с тех пор, как я в Париже, я нашел таких покровителей, которые вашего господина де Сартина дальше передней не пустят!

– Ах, вот что! – закричал барон. – Если тебе и удастся избежать Бисетра, то уж от кнута ты не уйдешь! Андре! Андре! Зовите брата, он где-то здесь, неподалеку.

Андре наклонилась к Жильберу и приказала:

– Бегите, господин Жильбер!

– Филипп! Филипп! – крикнул старик.

– Бегите! – повторила Андре Жильберу, молча и неподвижно стоявшему на прежнем месте, находясь в состоянии восторженного созерцания. На зов барона явился всадник. Он подъехал к дверце кареты. Это был Филипп де Таверне в форме капитана. Он весь сиял от счастья.

– Смотрите, Жильбер! – добродушно проговорил он, узнавая молодого человека. – Жильбер здесь! Здравствуй, Жильбер!.. Зачем вы меня звали, отец?

– Здравствуйте, господин Филипп, – отвечал молодой человек.

– Зачем я тебя звал? – побледнев от гнева, вскипел барон. – Возьми ножны от шпаги и гони этого негодяя!

– Что он натворил? – спросил Филипп, со все возрастающим удивлением переводя взгляд с разгневанного барона на пугающе безучастного Жильбера.

– Что он.., что он... – кипел барон. – Бей его, как собаку, Филипп!

Таверне обернулся к сестре.

– Что он сделал, Андре? Скажите, он вас оскорбил?

– Я? – вскричал Жильбер.

– Нет, Филипп, он ничего не сделал, – отвечала Андре, – отец заблуждается. Господин Жильбер больше не состоит у нас на службе, он имеет полное право находиться там, где пожелает. Отец не хочет этого понять, он его увидел здесь и рассердился.

– И это все? – спросил Филипп.

– Да, брат, и я не понимаю, чего ради господин де Таверне пришел в ярость по такому ничтожному поводу, да еще когда предмет его ярости не заслуживает даже взгляда. Посмотрите, Филипп, скоро ли мы тронемся?

Барон умолк, покоренный истинно королевским спокойствием дочери.

Жильбер опустил голову, раздавленный ее презрением. Он почувствовал, как в его сердце вспыхнула ненависть. Он предпочел бы, чтобы Филипп проткнул его шпагой, да пусть бы он до крови исхлестал его кнутом!..

Он едва не потерял сознание.

К счастью, в это время закончилось чтение приветственной речи, и кареты вновь двинулись в путь.

Карета барона стала медленно удаляться, за ней последовали другие. Андре исчезала, словно во сне.

Жильбер остался один, он был готов заплакать, он едва не взвыл от невозможности – так он, по крайней мере, думал – выдержать всю тяжесть своего горя.

Чья-то рука опустилась ему на плечо.

Он обернулся и увидал Филиппа; тот спешился, передал коня солдату и с улыбкой подошел к Жильберу.

– Что же все-таки произошло, Жильбер, и зачем ты в Париже?

Искренняя сердечность Филиппа тронула молодого человека.

– Эх, сударь, – не удержавшись от вздоха, проговорил юноша, – что бы я стал делать в Таверне, спрошу я вас? Я бы умер там от отчаяния, невежества и голода!

Филипп вздрогнул. Его, как и Андре, поразила мысль о том, насколько мучительно должно было показаться молодому человеку одиночество, на которое его обрекали, оставив в Таверне.

– И ты, бедняга, надеешься преуспеть в Париже, не имея ни денег, ни покровителя, ни средств к существованию?

– Да, сударь, я полагаю, что, если человек хочет работать, он вряд ли умрет с голоду, особенно там, где другие ничего не желают делать.

Такой ответ бросил Филиппа в дрожь. Ведь он привык видеть в Жильбере ничтожество.

– Ты хоть не голодаешь?

– Я зарабатываю на хлеб, господин Филипп. А что еще нужно тому, кто всегда упрекал себя только в одном: что он ест хлеб, который не заработал?

– Надеюсь, ты не имел в виду тот хлеб, что получал в Таверне, дитя мое? Твои родители прекрасно служили в замке, да и ты старался быть полезен.

– Я лишь выполнял свой долг, сударь.

– Послушай, Жильбер, – продолжал молодой человек, – ты знаешь, что я всегда хорошо к тебе относился, может быть, лучше, чем другие; прав я был или нет, покажет будущее. Твоя дикость представлялась мне деликатностью, твою резкость я принимал за гордость.

– Ах, господин шевалье!.. – вздохнул Жильбер.

– Я желаю тебе добра, Жильбер.

– Благодарю вас, сударь.

– Я был так же беден, как и ты, по-своему несчастен; вот почему, вероятно, я тебя понял. Настал день, когда мне улыбнулась судьба. Так позволь мне помочь тебе, Жильбер, в ожидании, пока и тебе повезет.

– Спасибо, сударь, спасибо.

– Что ты собираешься делать? Ведь ты слишком горд, чтобы пойти к кому бы то ни было в услужение.

Презрительно улыбнувшись, Жильбер покачал головой.

– Я хочу учиться, – сказал он.

– Чтобы учиться, нужно иметь учителей, а чтобы им платить, нужны деньги.

– Я их зарабатываю, сударь.

– Зарабатываешь!.. – с улыбкой воскликнул Филипп. – Ну, и сколько же ты зарабатываешь?

– Двадцать пять су в день, а если захочу, могу заработать тридцать и даже сорок.

– Да этого едва должно хватать на пропитание. Жильбер улыбнулся.

– Я, должно быть, не так предлагаю тебе свои услуги, – проговорил Филипп.

– Мне – ваши услуги, господин Филипп?

– Ну конечно! Неужели тебе будет стыдно их принять?

Жильбер промолчал.

– Люди должны помогать друг другу, – продолжал Мезон-Руж, – разве мы не братья?

Жильбер поднял голову и внимательно посмотрел на благородного молодого человека.

– Тебя удивляют мои слова? – спросил Филипп.

– Нет, сударь, – отвечал Жильбер, – это язык философии; вот только я не привык их слышать из уст людей вашего сословия.

– Ты прав. Впрочем, это скорее язык нашего поколения. Сам дофин исповедует это учение. Не заносись передо мной, – прибавил Филипп, – возьми у меня в долг, потом отдашь. Кто знает, может, когда-нибудь ты станешь так же знаменит, как Кольбер или Вобан!

– Или Троншен, – прибавил Жильбер.

– Пусть так. Вот мой кошелек, давай разделим все пополам.

– Благодарю вас, сударь, – отвечал неукротимый юноша, растроганный и восхищенный откровенностью Филиппа, но не желая в этом признаться, – спасибо, мне ничего не нужно, и.., я вам признателен даже больше, чем если бы принял вашу помощь, уверяю вас.

Поклонившись ошеломленному Филиппу, он поспешно шагнул в толпу и скоро в ней скрылся.

Молодой капитан подождал, словно не желая верить тому, что увидел и услышал. Однако видя, что Жильбер не возвращается, сел на коня и ускакал.

Глава 17. БЕСНОВАТАЯ

Оглушительный грохот карет, громкий звон колоколов, барабанная дробь, пышность – отблеск навсегда потерянного для ее высочества Луизы мирского величия – лишь едва коснулись ее души и угасли, разбившись, подобно волне, о стены ее кельи.

Король предпринял безуспешную попытку уговорить ее вернуться в мир и как отец, и как король, сначала с улыбкой, потом обратившись с просьбами, более похожими на приказания; все было напрасно, и он уехал. Будущую супругу дофина с первого взгляда поразило истинное величие Души Луизы – ее будущей тетки. Как только принцесса удалилась в окружении придворных вместе с королем, настоятельница монастыря кармелиток приказала снять ковры, вынести цветы, убрать кружева.

Изо всей еще бурлившей общины одна она не дрогнула, когда тяжелые двери монастыря, едва распахнувшись, с грохотом захлопнулись, обрекая монахинь на одиночество.

Ее высочество вызвала монахиню, ведавшую казной.

– Получали ли, как обычно, нищие милостыню последние два дня?

– Да, ваше высочество.

– Посещались ли по обыкновению больные?

– Да, ваше высочество.

– Накормили ли солдат, прежде чем отпустить?

– Они получили хлеб и вино, которые вы велели для них приготовить.

– Значит, все идет своим чередом?

– Да, ваше высочество.

Принцесса Луиза подошла к окну подышать свежим воздухом, поднимавшимся из благоухавшего сада, окружавшего флигель; воздух стал уже влажен перед наступлением ночи.

Монахиня замерла в почтительном ожидании, пока августейшая настоятельница отдаст распоряжение или отпустит ее.

Одному Богу было известно, о чем в ту минуту размышляла бедная затворница – королевская дочь. Принцесса Луиза поглаживала розы на длинных стеблях, доходивших до самого ее окна, и проводила рукой по цветам жасмина, зеленым ковром увившего монастырский двор.

Внезапно мощный удар копытом сотряс дверь конюшни. Настоятельница вздрогнула.

– Кто из придворных остался в Сен-Дени? – спросила принцесса Луиза.

– Его высокопреосвященство кардинал де Роан.

– Это его лошади?

– Нет, ваше высочество, его лошади в аббатстве, где он собирается провести ночь.

– Так что же это за шум?

– Это, ваше высочество, бушует конь незнакомки.

– Какой незнакомки? – тщетно пытаясь вспомнить, спросила принцесса Луиза.

– Итальянки, прибывшей вчера вечером с просьбой принять ее, ваше высочество.

– Да, верно. Где она?

– В своей комнате или в церкви.

– Что она делала все это время?

– Со вчерашнего дня ничего не ест, кроме хлеба, молилась ночь напролет.

– Великая грешница, должно быть, – насупившись, проговорила настоятельница.

– Этого я не знаю, ваше высочество, она ни с кем не говорила.

– Какова она собой?

– Очень красивая, нежная и вместе с тем гордая.

– Где она была утром во время церемонии?

– В своей комнате. Я видела, как она стояла у окна, прячась за занавески, и с озабоченным видом всех разглядывала, словно в каждом входящем ожидала увидеть врага.

– Она – из того мира, в котором я жила, где правила... Пусть войдет.

Монахиня сделала шаг по направлению к двери.

– Да, вот что: известно ли, как ее зовут? – спросила принцесса.

– Лоренца Фелициани.

– Мне ничего не говорит это имя, – задумчиво проговорила принцесса Луиза, – Впрочем, это не имеет значения: пусть войдет.

Настоятельница опустилась в старинное дубовое кресло; оно было изготовлено при Генрихе II и прослужило девяти предыдущим настоятельницам кармелиток.

Оно олицетворяло собой грозный трибунал, перед ним трепетали жалкие новички, которым никак не удавалось сделать выбор между духовным, вечным и мирским, преходящим.

Монахиня возвратилась, ведя незнакомку под длинной вуалью.

Принцесса унаследовала от предков проницательный взгляд; она устремила его на Лоренцу Фелициани, как только та вошла в кабинет; однако она почувствовала в молодой женщине такое смирение, столько благодарности, такую возвышенную красоту, она прочла такую невинность в ее огромных черных глазах, омытых недавними слезами, что первоначальная враждебность принцессы обратилась в дружелюбие и доброжелательность.

– Подойдите, сударыня, – сказала принцесса, – я вас слушаю, говорите.

Объятая дрожью, молодая женщина сделала шаг и хотела было опуститься на колени.

Принцесса ее подняла.

– Вас зовут Лоренца Фелициани, не так ли? – спросила она.

– Да, ваше высочество.

– Вы желаете доверить мне какую-то тайну?

– Я сгораю от желания это сделать!

– Отчего же вы не обратились к исповеднику? В моей власти лишь утешить вас; священник утешает и дает прощение.

Принцесса Луиза нерешительно произнесла эти слова.

– Мне нужно лишь утешение, ваше высочество, – отвечала Лоренца, – кроме того, я только женщине могла бы сообщить то, о чем хочу вам рассказать.

– Так вы собираетесь мне сказать что-то необычное?

– Да, это и в самом деле необычно. Прошу вас выслушать меня терпеливо, ваше высочество; только с вами я могу говорить, повторяю, потому что вы всемогущи, а меня может защитить только Божья десница.

– Защитить вас? Так вас преследуют? На вас нападают?

– О да, ваше высочество, да, меня преследуют! – с непередаваемым выражением ужаса вскричала незнакомка.

– Тогда, сударыня, подумайте вот о чем, – продолжала принцесса, – этот дом – монастырь, а не крепость; все, что может волновать людей, сюда проникает лишь затем, чтобы здесь угаснуть; люди не могут обрести здесь то, что служит им оружием против других; здесь не чинят суд и расправу, не воздействуют силой: это Божья обитель.

– Именно ее-то мне и нужно! – проговорила Лоренца. – Да, я ищу Божью обитель, потому что только в ней я могу жить спокойно!

– Но Бог не допускает мести; как мы могли бы отомстить вашему обидчику? Обратитесь к властям.

– Власти бессильны, ваше высочество, против того, кого я так боюсь.

– Кто же он? – спросила настоятельница с тайным ужасом, овладевшим ею помимо ее воли.

Лоренца приблизилась к принцессе, охваченная неведомым ей дотоле возбуждением.

– Вы, спрашиваете, кто он, ваше высочество? – пролепетала она. – Я уверена, что он один из

демонов, восставших на людей, которого Сатана, их владыка, наделил нечеловеческой силой.

– Что вы говорите! – воскликнула принцесса, взглянув на женщину и желая убедиться, что она не сумасшедшая.

– А я.., я... О, я несчастная! – вскричала Лоренца, ломая руки, прекрасные, как у античной статуи. – Я оказалась на пути у этого человека! Я.., я...

– Договаривайте.

Лоренца еще ближе придвинулась к принцессе и продолжала едва слышно, страшась того, о чем собиралась поведать.

– Я.., я.., бесноватая! – пробормотала она.

– Бесноватая?! – вскричала принцесса. – Да что вы, сударыня, в своем ли вы уме? Скажите, вы не...

– Сумасшедшая, не так ли? Это вы хотели сказать? Нет, я не сумасшедшая; впрочем, я могла бы сойти с ума, если бы вы меня оставили.

– Бесноватая... – повторила принцесса.

– Да.., увы!

– Однако позвольте вам заметить, что я нахожу в вас много общего с другими созданиями, не обойденными милостями Всевышнего: вы богаты, хороши собой, вы здраво рассуждаете, на вашем лице нет следов ужасной и таинственной болезни, именуемой одержимостью.

– Ваше высочество! Вся моя жизнь, все мои приключения покрыты страшной тайной, которую мне хотелось бы скрыть даже от самой себя!

– Так объяснитесь! Неужели я – первая, кому вы рассказываете о своем несчастье? А ваши родители? Друзья?

– Родители! – вскричала молодая женщина, до боли стиснув руки. – Бедные мои родители! Увижусь ли я с ними когда-нибудь? Друзья! – с горечью продолжала она. – Увы, ваше высочество, у меня нет друзей!

– Рассказывайте все по порядку, дитя мое, – предложила принцесса Луиза, пытаясь разобратся в словах незнакомки. – Кто ваши родители и почему вы их покинули?

– Ваше высочество! Я – римлянка. Я жила в Риме с родителями. Мой отец

– знатного рода, но, как все римские патриции, беден. У меня есть мать и брат. Мне говорили, что, если во французской аристократической семье есть сын и дочь, приданым дочери могут пожертвовать ради того, чтобы купить сыну шпагу. У нас дочерью жертвуют, чтобы сделать сына священником. Вот почему я не получила никакого образования: надо было выучить брата; он учится, чтобы стать кардиналом, как наивно полагала моя мать.

– Что же дальше?

– Вот почему, ваше высочество, мои родители пошли на все жертвы, которые только были в их власти, чтобы помочь брату, а меня решили отдать в монастырь кармелиток в Субиако.

– А что вы на это им говорили?

– Ничего, ваше высочество. С ранней юности передо мной вставало это будущее, как необходимость. У меня не было ни власти, ни желания что-либо изменить. Меня и не спрашивали, кстати сказать; мне приказывали – я повиновалась.

– Однако...

– Ваше высочество! В Риме девочки могут иметь свои желания, но они бессильны что-либо сделать. Мы любим мир, не зная его, так же как проклятые любят рай Господень! Впрочем, я видела немало примеров, которые могли бы убедить меня, что я была обречена на гибель, если бы вздумала сопротивляться, но я об этом и не помышляла. Все мои подруги, имевшие, как и я, брата, заплатили собой за славу семьи. Мне, в сущности, не на что было жаловаться: от меня не требовали ничего, что выходило бы за рамки общепринятого. Лишь моя мать приласкала меня нежнее, чем обыкновенно, когда настал день нашей разлуки.

Итак, наступил тот день, когда меня должны были отдать в послушницы. К тому времени отец собрал пятьсот римских экю – взнос для поступления в монастырь, – и мы отправились в Субиако.

От Рима до Субиако около девяти миль. Но горные дороги почти непроходимы: за пять ча-

сов мы проехали едва ли треть пути. Впрочем, несмотря на дорожные тяготы, путешествие мне очень нравилось. Я улыбалась, словно последней своей радости. Всю дорогу я неслышно прощалась с деревьями, кустами, камнями, даже с прошлогодней травой. Как знать, будет ли в монастыре трава, найду ли я там камни, кусты и деревья?

И вдруг мои мечтания были прерваны. Когда мы проезжали среди обрушившихся скал, поросших невысокими деревьями, карета внезапно остановилась. До меня донесся крик матери, отец схватился за пистолеты. Я спустилась с небес на землю: на нас напали разбойники!

– Бедное дитя! – воскликнула принцесса, захваченная рассказом молодой женщины.

– Не знаю, как вам объяснить, ваше высочество... Я не очень испугалась, потому что эти люди остановили нас, чтобы отобрать деньги, а деньги предназначались для взноса при поступлении в монастырь. Если бы их не стало, мое поступление в обитель было бы отложено на то время, пока отец не собрал бы этой суммы еще раз. А я знала, какого труда и сколько времени стоило ему собрать их.

Однако, поделив добычу, разбойники нас не отпустили, они набросились на меня. Когда я увидела, как пытается защищать меня отец, когда я увидела слезы умолявшей их матери, я поняла, что мне угрожает неведомое мне несчастье. Я стала умолять о пощаде из вполне естественного чувства, охватывающего нас и заставляющего звать на помощь. Я прекрасно понимала, что зову напрасно, что никто не услышит меня в этом глухом месте.

Не обращая внимания на мои вопли, слезы моей матери, усилия моего отца, разбойники связали мне за спиной руки. Меня жгли их отвратительные взгляды, я поняла их намерения, потому что от ужаса прозрела. Вынув из кармана кости, они стали бросать их на расстеленный на земле носовой платок.

Больше всего меня напугало то, что в их гнусной игре не было ставки.

Пока кости переходили из рук в руки, я поняла, что они разыгрывают меня, и содрогнулась.

Один из них торжествующе взревел, другие стали браниться, скрежеща зубами. Тот, что выиграл, поднялся, бросился ко мне, схватил меня и прижался губами к моим губам.

Если бы меня жгли каленым железом, я не смогла бы закричать отчаяннее, чем тогда.

– Смерть, лучше смерть, Господи, дай мне умереть! – закричала я. Моя мать каталась по земле, отец упал без памяти.

Я надеялась только на то, что один из проигравших в приступе бешенства пырнет меня ножом: все они сжимали в руках ножи.

Я ждала удара, как избавления, я надеялась и умоляла о нем.

Неожиданно на тропинке появился всадник.

Он что-то шепнул часовому, тот пропустил его, обменявшись с ним условным знаком.

Это был человек среднего роста, приятной наружности, У него был решительный взгляд; он невозмутимо продвигался вперед тем же неторопливым шагом.

Поравнявшись со мной, он остановился.

Схватив меня, разбойник пытался увлечь меня за собой, однако он обернулся по первому же сигналу этого господина: тот свистнул в рукоятку хлыста.

Разбойник меня выпустил, и я упала наземь.

– Пойди сюда, – проговорил незнакомец.

Разбойник колебался. Незнакомец, согнув под углом руку, приставил два раздвинутых пальца к его груди. Разбойник приблизился к незнакомцу, словно этот знак был приказом всемогущего повелителя.

Незнакомец наклонился к его уху и тихо произнес:

– Мак.

Он не сказал больше ни слова, я в этом уверена, ведь я следила за ним, как следят взглядом за готовым вонзиться ножом; я слушала так, будто от этого зависели моя жизнь или смерть.

– Бенак, – ответил бандит.

Он взревел, словно укрощенный лев, подошел ко мне, развязал мне руки, потом освободил мою мать и отца.

– Так как вы уже успели поделить добычу, пусть каждый из вас подойдет к этому камню и

положит деньги. И чтобы ни один из пятисот эку не пропал!

Тем временем я пришла в себя в объятиях родителей.

– А теперь ступайте! – приказал незнакомец разбойникам.

Бандиты повиновались и все до единого скрылись в лесу.

– Лоренца Фелициани! – окинув меня своим нечеловеческим взглядом, обратился ко мне незнакомец. – Можешь продолжать путь, ты свободна.

Отец и мать поблагодарили незнакомца, который знал меня, но которого не знали мы. Родители уселись в карету, я последовала за ними, но будто против воли: неведомая непреодолимая сила словно влекла меня к моему спасителю.

Он неподвижно стоял на прежнем месте, точно продолжая нас защищать.

Я смотрела на него до тех пор, пока не потеряла его из виду, но и после этого я еще некоторое время ощущала стеснение в груди.

Спустя два часа мы были в Субиако.

– Кто же был этот необыкновенный человек? – спросила принцесса Луиза, взволнованная безыскусным рассказом.

– Соблаговолите выслушать, что было дальше, ваше высочество, – отвечала Лоренца, – увя, это еще не все.

– Я вас слушаю, – проговорила принцесса Луиза. Молодая женщина продолжала:

– Мы прибыли в Субиако через два часа после этого происшествия.

Всю дорогу мы обсуждали странного спасителя, явившегося столь неожиданно, таинственно, словно это был Божий посланник.

Отец, более, чем я, догадливый, предположил, что он – глава шайки, орудовавшей в окрестностях Рима небольшими группами. Эти группы иногда выходят из подчинения, тогда верховный руководитель приезжает с проверкой и, будучи наделен полной властью, вознаграждает, наказывает и делит добычу.

Несмотря на то, что я не могла соперничать с отцом в опыте, я подчинялась своему внутреннему голосу, я находилась под влиянием чувства признательности, я не верила, не могла поверить, что этот человек – разбойник.

В своих молитвах я каждый вечер просила Божью мать помиловать моего неизвестного спасителя.

В тот же день я поступила в монастырь. Деньги были нам возвращены разбойниками, поэтому ничто ж могло этому помешать. Я была печальнее обыкновенного и вместе с тем смиренна, как никогда. Будучи итальянкой, да еще суеверной, я верила в то, что Бог пожелал принять меня чистой, что он хотел завладеть всем моим существом, что я должна остаться незапятнанной, вот почему Господь отвел от меня разбойников, порожденных, вне всякого сомнения, дьяволом; ведь это он стремился запятнать венец невинности, предназначенный Богу. Вот почему я со всем пылом устремилась навстречу уговорам моих наставников и родителей. Я под диктовку написала просьбу на имя папы римского о сокращении испытательного срока. Прощение составил мой отец в таких выражениях, словно я страстно желала как можно скорее стать послушницей. Его святейшество усмотрел в прошении горячее стремление к одиночеству души, пресытившейся мирской жизнью. Он удовлетворил просьбу, и послушание, которое обычно длилось год, а то и два, было для меня сокращено, в знак особой милости, до одного месяца.

Мне объявили эту новость. Она не причинила мне ни боли, ни радости. Можно было подумать, что я уже умерла для мира, что осталась одна оболочка.

Две недели меня держали взаперти, опасаясь, что тяга к мирской жизни возьмет верх. На рассвете пятнадцатого дня я получила приказание спуститься в часовню с другими сестрами.

В Италии монастырские часовни могут посещаться всеми желающими, это народные церкви. Папа римский, наверное, полагает, что священник не должен отнимать Бога у верующих, в каком бы месте ни происходила служба.

Я вошла на хоры и села на скамью. Между зелеными занавесками, которые скрывали – вернее, создавали видимость, что скрывают – решетку часть храма.

Через это своеобразное окно в мир я заметила человека, одиноко возвышавшегося над про-

стертой ниц толпой. Он смотрел на меня, вернее сказать, пожирал меня глазами. В эту минуту меня охватило странное чувство неловкости, Мною однажды испытанное; какая-то сверхчеловеческая сила словно выманивала меня из моей оболочки, как когда-то мой брат притягивал магнитом иголки сквозь лист бумаги, дощечку и даже через металлическую пластинку.

Да, я была побеждена, поработана, я не могла сопротивляться этой притягательной силе. Я к нему наклонилась, молитвенно сложив руки, а губы повторили, что подсказывало сердце:

– Спасибо, спасибо!

Сестры с удивлением на меня взглянули; они не поняли ни моего движения, ни моих слов; они проследили за тем, куда тянулись мои руки, куда смотрели мои глаза, куда был направлен мой зов. Они привстали со своих скамеек, заглядывая внутрь церкви. Содрогаясь, я тоже бросила туда взгляд.

Незнакомец исчез.

Они стали меня расспрашивать, я только краснела, бледнела и заикалась.

– С этой минуты, ваше высочество, – в отчаянии вскричала Лоренца, – я нахожусь во власти этого беса!

– А я ничего сверхъестественного в этом не усматриваю, сестра, – с улыбкой возразила принцесса, – успокойтесь и продолжайте.

– Да, это оттого, что вы не можете почувствовать, что я тогда испытывала.

– Что же вы испытывали?

– Полную власть беса надо мной: он овладел моим сердцем, душой, моим рассудком.

– Боюсь, сестра, что этот бес – не что иное, как любовь! – сказала принцесса Луиза.

– О, я не страдала бы так от любви; любовь не угнетала бы меня; любовь не заставила бы меня дрожать всем телом, как дерево во время бури; любовь не допустила бы дурной мысли, которая меня тогда посетила.

– Что это за дурная мысль, дитя мое?

– Мне следовало во всем признаться исповеднику, не так ли, ваше высочество?

– Разумеется.

– Так вот, вселившийся в меня бес шепнул мне, что я, напротив, должна соблюдать тайну. Вероятно, поступая в монастырь, монахини оставляют в миру воспоминания о любви, многие из них поминают какое-нибудь имя, взывая к Господу. Исповедник должен привыкнуть к подобным признаниям. Так вот я, будучи такой благочестивой, скромной, невинной, не обменявшись ни единым словом ни с кем из мужчин, не считая брата, до той злополучной поездки в Субиако, переглянувшись с незнакомцем всего два раза, я вообразила, ваше высочество, что меня заподозрят в одной из интриг, какие бывали до пострига у наших сестер с их оплакиваемыми возлюбленными.

– Это и в самом деле дурная мысль, – согласилась ее высочество Луиза,

– но это еще довольно невинный бес, если внушает подобные мысли женщине, в которую он вселился. Продолжайте.

– На следующий день меня вызвали в приемную. Я спустилась и увидела одну из своих соседок с виа Фраттина в Риме – молодую женщину, соскучившуюся без меня, потому что мы имели обыкновение болтать и петь по вечерам.

За ней, возле самой двери, стоял человек, закутанный в плащ. Я подумала, что это ее слуга. Он даже не повернулся ко мне, однако все мое существо обратилось к нему. Он ничего не говорил, но я догадалась, кто он. Это опять был мой спаситель.

То же смущение овладело моим сердцем. Я почувствовала, что всецело нахожусь во власти этого человека. Если бы не разделявшая нас решетка, я, вне всякого сомнения, оказалась бы с ним рядом. Тень от его плаща излучала странный свет, ослеплявший меня. В его неприступном молчании одна я слышала звучание мелодичного голоса.

Я собрала все свои силы и спросила у соседки с виа Фраттина, кто этот господин, что ее сопровождает.

Она его не знала. Она должна была прийти ко мне вместе с мужем, но он в последний момент явился домой в сопровождении этого человека и сказал ей:

– Я не могу поехать с тобой в Субиако, тебя проводит мой друг.

А ей ничего другого и не нужно было, так горячо она желала со мной повидаться; вот так она и прибыла в сопровождении незнакомца.

Моя соседка была набожная женщина; увидав в углу приемной Божью мать, считавшуюся чудотворной, она не захотела уходить, не помолившись ей; она подошла к ней и опустилась на колени.

В это время незнакомец бесшумно вошел в приемную, медленно ко мне приблизился, распахнул плащ и уставил на меня глаза, напоминавшие два горящих луча.

Я ожидала, что он заговорит. Грудь моя бурно вздымалась, подобно морской волне, в ожидании его слов. Однако он лишь простер руки над моей головой, вплотную прижавшись к разделявшей нас решетке. Я сейчас же впала в неведомое мне дотоле восторженное состояние. Он мне улыбнулся. Я ответила ему улыбкой, веки мои в изнеможении опустились, я почувствовала, что я раздавлена. Убедившись в своей власти надо мной, он исчез. По мере того, как он удалялся, я приходила в чувство. Однако я еще продолжала находиться во власти этого странного наваждения, когда моя соседка с виа Фраттина закончила молитву, поднялась с колен, попрощалась со мной и вышла.

Когда я вечером стала раздеваться, я нашла у себя под апостольником записку. В ней было всего три строчки:

«В Риме обыкновенно предают казни человека, полюбившего монахиню. Захотите ли вы смерти человека, которому обязаны жизнью?»

С того дня, ваше высочество, я себе более не принадлежала. Я обманула Господа и скрыла от него, что думаю об этом человеке больше, чем о самом Спасителе.

Испугавшись своих слов, Лоренца замолчала, вопросительно заглядывая в умное и ласковое лицо принцессы.

– Все это совсем не одержимость, – твердо проговорила ее высочество Луиза Французская, – повторяю вам, что это пагубная страсть, а я вам уже говорила, что к нам должно приходиться лишь тогда, когда вы сожалеете о своих мирских делах.

– Сожалею ли я, ваше высочество?.. – вскричала Лоренца. – Да ведь вы же видите мои слезы, вы знаете, как я молюсь, я на коленях умоляю помочь мне освободиться из-под дьявольской власти этого человека! И вы еще спрашиваете, сожалею ли я!.. Я испытываю больше, чем сожаление, я мучаюсь угрызениями совести!

– Однако до этого времени... – начала принцесса Луиза.

– Подождите, подождите конца истории, – попросила Лоренца, – и не судите меня слишком строго, умоляю вас, ваше высочество!

– Быть снисходительной и доброй – вот моя обязанность. Я призвана утешать в страдании.

– Благодарю, благодарю вас, вы и в самом деле ангел-утешитель, которого я так искала!

Итак, мы спускались в часовню трижды в неделю; незнакомец не пропускал ни одной из этих служб. Я пыталась уклоняться, я говорила, что нездорова; я приняла решение не ходить в часовню. До чего же слаб человек! Когда наступало время молитвы, я спускалась вопреки своей воле, словно подчиняясь чужой непреодолимой власти. Если его еще не было, я некоторое время была спокойна и благостна, но по мере того, как он приближался, я начинала испытывать беспокойство. Я могла бы сказать: вот он в сотне шагов от меня, вот он взошел на паперть, сейчас он уже в церкви – для этого мне не нужно было его видеть. Как только он останавливался на обычном месте, мои глаза отрывались от молитвенника и устремлялись на него, какую бы горячую молитву я в этот миг ни произносила.

Сколько бы времени ни продолжалась служба, я уже не могла ни читать, ни молиться. Мои мысли, моя воля, моя душа – все зависело от моего взгляда, все уходило во взгляд, а глаза я уже не могла отвести от этого человека, который – я это чувствовала – уводил меня от Бога.

Вначале я не могла без страха взглянуть на него; потом мне самой этого хотелось; наконец я мысленно стала всюду следовать за ним. Часто я видела его, как это бывает во сне, идущим по ночной улице или проходящим под моим окном.

Сестры заметили странное состояние, в котором я пребывала; они предупредили настоятельницу – та дала знать моей матери. За три дня до моего пострига ко мне в келью вошли три самых

близких мне человека: отец, мать и брат.

Они сказали, что приехали в последний раз меня обнять, но я-то видела, что цель их приезда – другая: оставшись со мной наедине, моя мать стала меня расспрашивать. Теперь нетрудно понять, что уже тогда я находилась во власти беса: вместо того, чтобы все ей рассказать, я упрямо все отрицала.

В день пострига меня обуревали противоречивые чувства; то я страстно желала приближения той минуты, когда я буду всецело принадлежать только Богу, то страшилась ее. Я чувствовала, что, если бес попытается мною овладеть, это должно произойти в самую торжественную минуту.

– А тот странный человек больше вам не писал с тех пор, как вы нашли первое письмо в своем апостольнике? – спросила принцесса.

– Никогда, ваше высочество.

– Вы ни разу с ним не говорили?

– Нет, только мысленно.

– И не писали ему?

– О, никогда!

– Продолжайте. Вы рассказывали о том дне, когда должны были постричься в монахини.

– В тот день, как я уже сказала вашему высочеству, должны были закончиться мои мучения. Ведь я оставалась в душе христианкой, и для меня было неслыханной пыткой – несмотря на то, что она смягчалась под влиянием какого-то странного необъяснимого чувства – находиться во власти навязчивой мысли, постоянно видеть перед собой существо, возникавшее неожиданно, словно в насмешку, как раз в то мгновение, когда я изо всех сил пыталась с ним бороться; существо это упрямо, но пока безуспешно стремилось меня одолеть. Бывали минуты, когда я изо всех сил молила Бога, чтобы священный миг поскорее наступил. «Когда я буду принадлежать Господу, – говорила я себе, – Он сумеет меня защитить, так же как отвел от меня разбойников». Я забывала, что во время нападения разбойников Бог защищал меня с помощью этого человека.

Наступило наконец время церемонии. Я спустилась в церковь, бледная, взволнованная, но менее беспокойная, чем обыкновенно. Отец, мать, брат, соседка с виа Фраттина, навещавшая меня незадолго до того, другие друзья нашей семьи собрались в церкви; туда же сошлись жители ближайших деревень, куда дошел слух о том, что я красива; говорят, что красивая жертва более угодна Богу. Служба началась.

Я от всей души молила о том, чтобы она поскорее кончилась, потому что его не было в церкви, а я чувствовала, что, когда его нет, я способна сделать свободный выбор. Священник обратился ко мне, указывая на Христа, которому я собиралась себя посвятить, я уже тянула руки к тому единственному Спасителю, который есть у человека, как вдруг уже привычная дрожь охватила все мое существо, и я поняла, что он уже близко; я почувствовала стеснение в груди, я уже знала, что он на паперти; я против воли отвела глаза от алтаря, несмотря на все мои усилия остаться верной Христу, и устремила взгляд в противоположную сторону.

Мой преследователь стоял у кафедры и как никогда пристально на меня смотрел.

С этой минуты я всецело ему принадлежала: для меня больше не существовали ни служба, ни церемония, ни молитвы.

Мне задавали требуемые обрядом вопросы – я не отвечала. Я помню, что кто-то потянул меня за руку: она болталась, как неживая. Мне показали ножницы, зловеще блеснувшие в луче солнца: я не дрогнула. Спустя мгновение я почувствовала, как холодный металл коснулся моей шеи; я услышала, как сталь заскрежетала у меня в волосах.

Тут силы оставили меня; мне показалось, что моя душа покинула тело и полетела к нему; я навзничь упала на каменные плиты, но не так, как теряют сознание, а словно объятая сном. Сначала я слышала ропот, а потом стала глухой, немой, бесчувственной. Церемония была прервана.

Принцесса сочувственно сложила руки.

– В этом страшном событии нетрудно усмотреть вмешательство врага Господа и всех людей, не правда ли? – вскричала Лоренца.

– Будьте осторожны, бедная женщина. Мне кажется, вы склонны приписывать чуду то, что в действительности не что иное, как человеческая слабость, – проговорила принцесса с оттенком

сострадания, – увидав этого человека» вы потеряли сознание, только и всего. Продолжайте.

– Ваше высочество! Не говорите так! – вскричала Лоренца. Прошу вас по крайней мере выслушать все до конца, прежде чем выносить решение. Вы говорите, в этом нет ничего необычного? – спросила она. – Но тогда бы я пришла в себя, не правда ли? Через десять, пятнадцать минут, через час, наконец, после обморока! Я бы нашла поддержку у сестер, я бы воспрянула духом, не так ли?

– Разумеется, – согласилась принцесса Луиза, – верно, так все и произошло?

– Ваше высочество! – заговорила Лоренца глухо и скороговоркой. – Когда я пришла в чувство, была ночь. Резкие, порывистые движения, сотрясавшие все мое тело, окончательно привели меня в чувство. Спустя несколько минут я почувствовала утомление. Я подняла голову в надежде увидеть свод часовни или занавески в своей келье... Я увидела скалы, деревья, облака. Я почувствовала на своем лице чье-то дыхание и подумала, что около меня хлопочет сестра-сиделка; я хотела ее поблагодарить... Ваше высочество! Моя голова покоилась на груди мужчины, и этим мужчиной оказался мой преследователь. Я осмотрела и ощупала себя, желая убедиться в том, жива я или брежу. Из моей груди вырвался крик: я была вся в белом, а на голове был венец из белых роз, как у невесты или покойницы.

Принцесса вскрикнула, Лоренца уронила голову на руки.

– На следующий день, – продолжала, рыдая, Лоренца, – я узнала, что была среда. Значит, я трое суток пробыла без сознания и не знаю, что за это время со мной произошло.

Глава 18. ГРАФ ФЕНИКС

Наступило глубокое молчание. Одна из женщин предавалась мучительным размышлениям, другая была потрясена рассказом, что вполне понятно.

Принцесса Луиза первой нарушила молчание.

– А вы ничего не предпринимали для того, чтобы облегчить ему похищение?

– Ничего, ваше высочество.

– И не знаете, как вышли из монастыря?

– Не знаю.

– Да ведь монастырь запирается, охраняется, на окнах решетки, стены почти неприступны, привратница не выпускает ключи из рук. В Италии эти правила соблюдаются еще строже, чем во Франции.

– Что я могу вам ответить, ваше высочество, если с той минуты я тщетно пытаюсь пробудить свои воспоминания? Я теряюсь в догадках.

– Но вы упрекали его в похищении?

– Конечно.

– Что он вам сказал в свое оправдание?

– Что любит меня.

– Что вы ответили?

– Что я его боюсь.

– Так вы его не любили?

– О нет, что вы!

– Вы в этом были уверены?

– Ваше высочество! Я испытывала к этому господину странное чувство. Как только он оказывался рядом, я переставала быть самой собой, становилась его вторым «я»; чего хочет он, того хочу и я; он приказывает – я исполняю; моя душа обессилела, мой разум лишился воли: этот человек одним взглядом способен меня усмирить, заморозить. То он словно вкладывает в меня мысли, которые никогда не приходили мне в голову; то будто извлекает на свет то, что до тех пор было глубоко скрыто от меня самой и о чем я даже не догадывалась. Вы сами видите, ваше высочество, что здесь не обошлось без колдовства.

– Это, во всяком случае, странно, если речь не идет о чем-то сверхъестественном, – согласилась принцесса. – Но как же вы после всего случившегося жили с этим господином?

- Он был ко мне очень нежен, искренне привязался...
- Может быть, это испорченный человек?
- Я так не думаю; в его манере выражаться много благородства.
- Признайтесь, что вы его любите.
- Нет, нет, ваше высочество, – с болезненной решимостью отвечала молодая женщина, – нет, я его не люблю.
- Но тогда вы должны были бежать, обратиться к властям, связаться с родителями.
- Ваше высочество, он так за мною следил, что я не могла убежать.
- Отчего же вы не написали?
- По дороге мы всегда останавливались в домах, которые, вероятно, ему принадлежали, там все повиновались только ему. Я не раз просила подать мне бумагу, перо и чернила, однако те, к кому я обращалась с этой просьбой, были им предуведомлены: никто ни разу так мне и не ответил.
- А как вы путешествовали?
- Сначала в почтовой карете. А в Милане мы пересели в карету, напоминавшую скорее дом на колесах. В ней мы и продолжали путь.
- Неужели он никогда не оставлял вас одну?
- Случалось, он подходил ко мне и приказывал: «Спите!» Я засыпала, а просыпалась, только когда он снова был рядом.
- Принцесса Луиза недоверчиво покачала головой.
- Вам самой, очевидно, не очень хотелось бежать, – проговорила она, – иначе вам бы это удалось.
- Мне кажется, вы не совсем правы, ваше высочество... Впрочем, возможно, я находилась под действием гипноза!
- Вы были зачарованы словами любви, ласками?
- Он редко говорил со мной о любви, ваше высочество; я не помню других ласк, кроме поцелуя в лоб перед сном и утром.
- Странно, в самом деле, странно! – пробормотала принцесса.
- Она подозрительно взглянула на Лоренцу и приказала:
- Скажите еще раз, что не любите его!
- Повторяю, что я его не люблю, ваше высочество.
- Еще раз скажите, что вас не связывают никакие земные узы...
- Клянусь, ваше высочество, и что, если он потребует вас вернуть, у него не будет на это никакого права.
- Никакого!
- Как же вам все-таки удалось сюда прийти? – продолжала принцесса. – Я что-то никак не могу это понять.
- Ваше высочество, я воспользовалась тем, что в пути нас застигла страшная буря недалеко от города, который называется, если не ошибаюсь, Нанси. Он оставил свое обычное место рядом со мной и поднялся в другое отделение огромной кареты, чтобы побеседовать с находившимся там стариком. Я прыгнула на лошадь и была такова.
- А кто вам посоветовал отправиться во Францию? Почему вы не вернулись в Италию?
- Я подумала, что не могу вернуться в Рим, потому что там могли бы подумать, что я вступила с этим господином в сговор. Родители отвернулись бы от меня.
- Вот почему я решила бежать в Париж и жить тайно, где могла бы заработать небольшой капитал, где могла бы скрыться от всех взглядов, особенно от его.
- Когда я примчалась в Париж, весь город был взволнован новостью о вашем уходе в монастырь кармелиток, ваше высочество; все превозносили вашу набожность, вашу заботу о несчастных, ваше сострадание к скорбящим. Для меня это было словно озарение, ваше высочество: я была совершенно убеждена, что только вы с вашим великодушием сообразовали меня принять, только вы с вашим могуществом можете меня защитить.
- Вы все время взываете к моему могуществу, дитя мое. Он что же, очень силен?
- Да!

- Так кто же он? Я из деликатности до сих пор вас об этом не спрашивала, однако если мне предстоит вас защищать, то надо же знать, от кого.
- Ваше высочество, в этом я не могу вам помочь. Я не знаю, кто он и что он. Мне только известно, что король не мог бы внушить большего уважения; перед Богом так не преклоняются, как превозносят этого человека те, кому он открывает свое имя.
- Его имя! Как его зовут?
- Ваше высочество! Я слышала, как его называли совершенно разными именами. Два из них сохранились у меня в памяти. Одним его называл старик, о котором я вам уже говорила, он был нашим попутчиком от самого Милана до той минуты, как я их покинула; другим именем он называл себя сам.
- Как называл его старик?
- Ашарат!.. Нехристианское имя, не правда ли, ваше высочество?
- А как он сам себя величал?
- Джузеппе Бальзамо.
- Ну и что же он собой представляет?
- Он.., знает весь мир, способен все угадать, он – современник всех времен, он жил во все века, он говорит... О, Боже мой! Простите ему богохульство! Он говорит об Александре, Цезаре, Карле Великом так, будто был с ними знаком, хотя мне кажется, что все они давно умерли. А еще он рассказывает о Каиафе, Пилате, Иисусе Христе так, словно присутствовал при его распятии.
- Это какой-нибудь шарлатан, – заметила принцесса.
- Ваше высочество, я, возможно, не очень хорошо себе представляю, что означает во Франции слово, которое вы только что произнесли, но я знаю, что это человек опасный, он просто ужасен, ему все покоряется, падает перед ним ниц, рушится. Его считают беззащитным, а он оказывается вооружен; думают, что он одинок, а он заставляет людей появляться словно из-под земли. И все это – не применяя насилия: словом, жестом..., улыбкой.
- Ну хорошо, – проговорила принцесса, – кто бы он ни был, уверяю вас, дитя мое, вы будете от него защищены.
- Вами, ваше высочество?
- Да, мною. Я буду защищать вас до тех пор, пока вы сами не пожелаете отказаться от моего покровительства.
- Но не думайте больше и, главное, не пытайтесь заставить меня поверить в сверхъестественные видения, порожденные вашим больным рассудком. Во всяком случае, стены Сен-Дени надежно охраняют вас от дьявольской силы, а также от еще более страшной силы, поверьте мне, – от человеческой власти. А теперь скажите, что вы намерены делать.
- Эти драгоценности принадлежат мне, ваше высочество. Я рассчитываю уплатить ими взнос для поступления в какой-нибудь монастырь, если возможно – в ваш.
- Лоренца выложила на стол дорогие браслеты, бесценные кольца, великолепный брильянт и восхитительные серьги. Все это стоило около двадцати тысяч экю.
- Это ваши драгоценности? – спросила принцесса.
- Мои, ваше высочество; он подарил их мне, я отдаю их Богу. У меня есть только одно пожелание...
- Какое же? Говорите!
- Я хочу, чтобы ему вернули арабского скакуна по кличке Джерид, который помог мне спастись, если он его потребует.
- Но вы-то сами ни за что не хотите к нему возвращаться, не так ли?
- Я ему не принадлежу.
- Да, верно, вы это уже говорили. Итак, сударыня, вы по-прежнему желаете поступить в Сен-Дени и продолжить то, что начали в Субиако и что было прервано при странных обстоятельствах, о которых вы мне поведали?
- Это самое большое мое желание, ваше высочество, я на коленях умоляю вас мне помочь.
- Можете быть спокойны, дитя мое, – сказала принцесса, – с сегодняшнего дня вы будете жить среди нас, а когда докажете, что стремитесь заслужить эту милость, когда примерным пове-

дением – я на это рассчитываю – вы ее заслужите, вы будете принадлежать всемогущему Богу, и я вам обещаю, что никто не увезет вас из Сен-Дени, пока ваша настоятельница – с вами.

Лоренца бросилась в ноги заступнице, рассыпаясь в самых нежных, самых искренних словах благодарности.

Вдруг она вскочила на одно колено, прислушалась, побледнела, затрепетала.

– Господи! – вскричала она. – Боже мой! Боже мой!

– Что такое? – спросила принцесса Луиза.

– Я трепещу! Видите? Это он! Он идет сюда!

– Кто?

– Он, он! Тот, кто поклялся меня погубить!

– Тот человек?

– Да, он! Посмотрите, как у меня дрожат руки.

– Верно!..

– Это удар в самое сердце! – вскричала она. – Он близко, совсем близко!

– Вы ошибаетесь.

– Нет! Нет, ваше высочество! Держите меня, он притягивает меня к себе, смотрите!.. Держите меня! Держите меня!

Принцесса схватила молодую женщину за руку.

– Опомнитесь, бедное дитя! – сказала она. – Даже если это он, клянусь Богом, вы здесь в безопасности.

– Он уже близко, он совсем рядом! – в ужасе вскричала Лоренца; она чувствовала себя раздавленной, глаза ее смотрели в одну точку, она протягивала руки к двери.

– Безумие! Это безумие! – проговорила принцесса. – Разве к Луизе Французской можно так просто войти? Этот господин должен по меньшей мере иметь на руках приказ короля.

– Ваше высочество, я не знаю, как он вошел! – откинувшись, вскричала Лоренца. – Но я знаю, я просто уверена, что он поднимается по лестнице.., он в десяти шагах отсюда.., вот он!

Дверь распахнулась. Принцесса отпрянула, приходя в ужас от странного совпадения. На пороге появилась монахиня.

– Кто там? – спросила принцесса. – Что вам угодно?

– Ваше высочество! В монастырь прибыл один дворянин, – отвечала монахиня, – он желает переговорить с вашим высочеством.

– Как его зовут?

– Его сиятельство Феникс.

– Это он? – спросила принцесса у Лоренцы. – Знакомо вам это имя?

– Имя мне незнакомо, но это он, ваше высочество, это он!

– Что ему угодно? – спросила принцесса монахиню.

– Он прибыл с поручением к королю Франции от его величества короля Пруссии и хотел бы, как он говорит, просить у вашего высочества аудиенции.

Принцесса Луиза на мгновение задумалась.

Повернувшись к Лоренце, она приказала:

– Ступайте в кабинет. Лоренца повиновалась.

– А вы, сестра, – продолжала принцесса, – пригласите этого дворянина.

Сестра поклонилась и вышла.

Убедившись, что дверь кабинета надежно заперта, принцесса снова села в кресло и не без волнения стала ожидать дальнейших событий.

Почти тотчас монахиня вернулась в сопровождении господина, уже виденного нами во время церемонии представления ко двору; он был представлен королю как граф Феникс.

На нем был прежний костюм прусского офицера: военный парик и сюртук строгого покроя с черным стоячим воротником. Войдя в комнату, он опустил черные большие глаза, выразив этим почтение, которым он, как простой дворянин, был обязан принцессе крови.

Однако он тотчас поднял глаза, словно опасаясь слишком унижить свое достоинство.

– Ваше высочество! Я благодарен вам за оказанную милость. Впрочем, я был в ней уверен,

будучи наслышан о том, что ваше высочество великодушно поддерживает всех страждущих.

– Да, сударь, я действительно стараюсь это делать, – с достоинством вымолвила принцесса, надеясь поскорее поставить на место того, кто вздумал просить ее защиты после того, как злоупотребил своей властью.

Граф поклонился с таким видом, будто не понял двойного смысла слов принцессы.

– Чем же я могу вам помочь? – продолжала принцесса Луиза по-прежнему насмешливым тоном.

– Всем, ваше высочество.

– Я вас слушаю.

– Я не стал бы тревожить ваше высочество в вашем уединении, не имея на то важных причин. Насколько мне известно, вы, ваше высочество, предоставили приют одному лицу, чрезвычайно меня интересующему.

– О ком вы говорите, сударь?

– О Лоренце Фелициани.

– А кем она вам приходится? Она ваша свойственница? Родственница? Сестра?

– Жена.

– Жена? – возвысив голос, переспросила принцесса Луиза, надеясь быть услышанной в кабинете. – Лоренца Фелициани – графиня Феникс?

– Да, ваше высочество, Лоренца Фелициани – графиня Феникс, – невозмутимо отвечал граф.

– Но в монастыре кармелиток нет графини Феникс, сударь, – сухо возразила принцесса.

Казалось, графа это ничуть не смутило, и он продолжал:

– Может быть вы, ваше высочество, недостаточно убеждены в том, что Лоренца Фелициани и графиня Феникс – одно лицо?

– Да, вы угадали, – сказала принцесса, – я в этом совсем убеждена.

– Вашему высочеству достаточно приказать, чтобы сюда привели Лоренцу Фелициани, и у вас не останется никаких сомнений. Я прошу у вашего высочества прощения за подобную настойчивость, но я всей душой привязан к этой молодой особе, да и она, я полагаю, сожалеет о разлуке со мной.

– Вы так думаете?

– Да, ваше высочество, я в этом совершенно уверен, сколь бы ни были малы мои достоинства.

«Лоренца была права, – подумала принцесса, – это и в самом деле опасный человек».

Граф держался спокойно и не выходил из рамок дворцового этикета.

«Попробуем его обмануть», – решила принцесса Луиза.

– Сударь! – сказала она, – я не могу выдать вам эту женщину, ее здесь нет. Я понимаю настойчивость, с какой вы ее разыскиваете, если действительно любите ее, как вы говорите. Однако если вы в самом деле хотите ее вернуть, вам следует искать ее в другом месте, поверьте мне.

Входя в комнату, граф окинул беглым взглядом всю комнату принцессы Луизы, его глаза на одно-единственное мгновение задержались на столике в темном углу, но этого времени оказалось достаточно, чтобы он разглядел на нем сверкавшие драгоценности, которые оставила там Лоренца, предложив их в качестве взноса в монастырь кармелиток. Граф Феникс узнал драгоценности.

– Если бы вы, ваше высочество, пожелали припомнить, – продолжал настаивать граф, – да простится мне моя назойливость, что Лоренца Фелициани была совсем недавно в этой комнате и оставила вон на том столе драгоценности... Переговорив с вашим высочеством, она удалилась...

Граф Феникс перехватил взгляд принцессы, брошенный в сторону кабинета.

–..и скрылась в кабинете, – закончил он. Принцесса покраснела, граф продолжал:

– Итак, я жду согласия вашего высочества, прикажите ей выйти к нам. Она немедленно вам подчинится, у меня нет в этом ни малейших сомнений.

Принцесса вспомнила, что Лоренца заперлась изнутри, и, значит, ничто не могло заставить ее выйти помимо ее воли.

– Да, но что она должна будет сделать, если войдет сюда? – спросила принцесса, не скрывая досады оттого, что была вынуждена лгать человеку, от которого ничто не могло укрыться.

– Ничего, ваше высочество; она лишь подтвердит вашему высочеству, что, будучи моей супругой, желает последовать за мной.

Эти слова окончательно убедили принцессу в своей правоте, потому что она не забыла, как горячо Лоренца восстаивала именно против этого.

– Ваша супруга! – вскричала она. – Вы в этом уверены?

Было очевидно, что принцесса возмущена.

– У меня такое ощущение, будто ваше высочество мне не верит, – вежливо заметил граф, – однако что невероятного в том, что граф Феникс женился на Лоренце Фелициани и, женившись, просит вернуть ему супругу?

– Опять супруга! – нетерпеливо вскричала принцесса Луиза. – И вы смеее утверждать, что Лоренца Фелициани – ваша супруга?

– Да, ваше высочество, – вполне естественным тоном отвечал граф, – я осмеливаюсь это утверждать, потому что это правда.

– Итак, вы женаты?

– Женат.

– На Лоренце?

– На Лоренце.

– Вы сочетались законным браком?

– Разумеется, ваше высочество, и если вы настаиваете на обратном, что не может меня не оскорблять –..то что вы собираетесь сделать?

– Я готов представить вашему высочеству составленное по всем правилам свидетельство о бракосочетании, скрепленное подписью обвенчавшего нас священника.

Принцесса дрогнула; ее уверенность разбивалась о его спокойствие.

Граф раскрыл портфель и достал сложенный вчетверо листок.

– Вот доказательство правдивости моих заявлений, ваше высочество, и прав на эту женщину; подпись – подлинная... Не желает ли ваше высочество прочесть свидетельство и сверить подпись?

– Подпись? – пробормотала принцесса с сомнением еще более оскорбительным, нежели ее гнев. – А если эта подпись?..

– Бумагу подписал кюре церкви Иоанна Крестителя в Страсбурге, хорошо известный его высочеству Людовику, кардиналу де Роану, и если бы его высокопреосвященство был здесь...

– Господин кардинал – здесь! – вскричала принцесса, не спуская с графа горящего взора. – Его высокопреосвященство не уезжал из Сен-Дени, он сейчас у соборных каноников. Нет ничего проще, как сейчас же проверить подпись, что вы нам и предлагаете.

– Для меня это большое счастье, ваше высочество, – отвечал граф, равнодушно убирая свидетельство в портфель, – надеюсь, после этой проверки рассеются все несправедливые подозрения вашего высочества.

– Да, подобная неосмотрительность меня и в самом деле возмутила бы, – заметила принцесса, тряхнув колокольчиком. – Сестра! Сестра!

Монахиня, которая несколько минут назад ввела графа Феникса, явилась на зов.

– Прикажите отправить верхового курьера с запиской к его высокопреосвященству кардиналу де Роану, – сказала принцесса, – он сейчас на соборном капитуле, пусть незамедлительно прибудет сюда, я его деду.

Произнося эти слова, принцесса поспешно написала несколько слов и вручила записку монахини.

Она ей шепнула:

– Прикажите поставить в коридоре двух стрелков охраны и чтобы никто не смел выходить без приказа. Ступайте!

Граф наблюдал за тем, как принцесса готовилась бороться с ним до конца; пока принцесса писала записку, решившись, вероятно, оспаривать у него победу, он подошел к кабинету и, пристально глядя на дверь, протянул руки и стал взмахивать ими не то чтобы нервно, а скорее размеренно; при этом он едва слышно что-то говорил.

Обернувшись, принцесса застала его за этим занятием.

– Что вы делаете, сударь? – спросила она.

– Ваше высочество! – отвечал он. – Я приглашаю Лоренцу Фелициани предстать перед вами, чтобы подтвердить, что я не обманщик, не фальсификатор. Это не противоречило бы другим доказательствам, которых потребует ваше высочество.

– Сударь!

– Лоренца Фелициани! – повелительно вскричал граф, подчиняя себе даже принцессу, лишая ее воли своим тоном. – Лоренца Фелициани! Выйдите из кабинета!

Дверь по-прежнему оставалась закрыта.

– Идите сюда, я приказываю! – повторил граф. В замке заскрежетал ключ; принцесса с невыразимым ужасом смотрела, как молодая женщина выходит из кабинета, не спуская глаз с графа и не выражая ни гнева, ни ненависти.

– Что вы делаете, дитя мое, что вы делаете? – вскричала принцесса Луиза. – Зачем вы вышли к тому, кого избегаете? Здесь вы были в безопасности, я же вам говорила!..

– В моем доме ей тоже ничто не угрожает, ваше высочество, – заметил граф.

Потрясенная принцесса всплеснула руками и упала в кресло.

– Лоренца! Меня обвиняют в том, что я совершил по отношению к вам насилие, – проговорил граф нежным голосом, в котором, однако, звучали повелительные нотки, – скажите, принуждал ли я вас к чему бы то ни было?

– Никогда, – отвечала молодая женщина ясно и недвусмысленно, однако словно находясь в оцепенении.

– Что же в таком случае означает вся эта история с похищением, которую вы мне только что рассказывали? – вскричала принцесса Луиза.

Лоренца молчала. Она смотрела на графа так, будто ее жизнь и каждое слово, являвшееся выражением этой жизни, зависели от него.

– Ее высочество желает, вероятно, знать, каким образом вы вышли из монастыря, Лоренца. Расскажите обо всем, что произошло с той минуты, как вы потеряли сознание в церкви, и до того момента, как очнулись в почтовой карете.

Лоренца молчала.

– Расскажите во всех подробностях, – продолжал граф, – я приказываю. Лоренца вздрогнула.

– Я ничего не помню, – пролепетала она.

– Напрягите память, и вы все вспомните.

– А-а.., да, да, я в самом деле припоминаю, – проговорила Лоренца без всякого выражения.

– Рассказывайте!

– Я потеряла сознание в ту минуту, как моих волос коснулись ножницы; меня унесли в келью и уложили в постель. Мать просидела возле меня до самого вечера. Я не приходила в сознание, было решено послать за сельским доктором. Он пощупал пульс, подержал у моих губ зеркало и, убедившись, что в моих жилах не стучит кровь и я бездыханна, объявил, что я мертва.

– Откуда вам все это известно? – спросила принцесса.

– Ее высочество желает знать, откуда вы это узнали, – повторил граф.

– Это и странно! – проговорила Лоренца. – Я все видела и слышала. Просто я не могла ни открыть глаза, ни заговорить, ни пошевелиться; я словно впала в летаргический сон.

– Троншен мне рассказывал о людях, засыпающих летаргическим сном, – заметила принцесса, – их хоронят заживо.

– Продолжайте, Лоренца.

– Мать была в отчаянии и не могла поверить в мою смерть. Она объявила, что хочет провести около меня еще одну ночь и следующий день.

Как она сказала, так и сделала. Однако истекли и эти тридцать шесть часов, а я не пошевелилась, не вздохнула.

Трижды приходил священник, пытаясь убедить мою мать в том, что, задерживая мое тело на земле, она восстает против воли Божьей – ведь моя душа уже отлетела на небо. Он не сомневался, что душа моя – у Бога, потому что я умерла в ту самую минуту, как произносила слова, скреплявшие мой вечный союз с Господом.

Мать сумела настоять на том, чтобы ей позволили провести возле меня ночь с понедельника на вторник.

Но я и во вторник оставалась в том же бесчувственном состоянии.

Признав себя побежденной, моя мать отступила. Монахини возмущались таким кощунством. В часовне, где меня по обычаю должны были оставить на сутки, зажгли свечи.

Как только мать покинула келью, явились монахини, которые должны были меня одевать. Так как я не успела произнести обет, меня решено было одеть в белое; на голову мне возложили венок из белых роз, сложили мне на груди руки и крикнули:

– Гроб!

В келью внесли гроб. Меня охватила дрожь: повторяю, сквозь опущенные веки я видела все происходившее так, словно глаза мои были широко раскрыты.

Меня подняли и опустили в гроб.

Потом гроб отнесли в часовню с накрытым лицом по обычаю нашей страны и поставили его в клире. Вокруг меня зажгли свечи и поставили в ногах кропильницу.

Весь день крестьяне Субиако приходили в часовню, молились за меня и кропили меня святой водой.

Настал вечер. Посещения прекратились. Все двери часовни были заперты изнутри, кроме небольшой боковой двери. Подле меня осталась только сестра-сиделка.

Мне не давала покоя ужасная мысль: на следующий день должны были состояться похороны; я понимала, что буду заживо погребена, если только какая-нибудь неведомая сила не придет мне на помощь.

Я считала минуты, я слышала, как часы пробили девять, десять, потом одиннадцать.

Каждый удар эхом отдавался в моем сердце: до меня словно доносился звон колоколов на моих собственных похоронах! Это было ужасно! Ужасно!

Одному Богу известно, как я пыталась стряхнуть этот леденящий сон, разорвать оковы, удерживавшие меня в гробу. Должно быть, Господь увидал мои муки и сжалился надо мной.

Часы пробили полночь.

Мне показалось, что с первым ударом часов все мое тело содрогнулось: я почувствовала приближение Ашаратл. Сердце мое забилося; я увидела его на пороге часовни.

– Разве вы испугались? – спросил граф Феникс.

– Нет, нет! Я испытывала счастье, радость, сильное возбуждение! Я поняла, что он пришел, чтобы вырвать меня из лап смерти, так меня страшившей! Он неторопливо подошел к гробу, некоторое время рассматривал меня с грустной улыбкой, потом приказал:

– Встань и иди!

Оковы, удерживавшие мое тело, спали; повинувшись его властному голосу, я поднялась и спустила ногу из гроба.

– Ты счастлива, что жива? – спросил он меня.

– Да!

– Тогда следуй за мной!

Для сиделки были не в диковинку обязанности, которые она должна была исполнять у гроба: она уже столько сестер проводила в последний путь! Она спала, сидя на стуле. Я прошла мимо нее незамеченной и последовала за тем, кто уже дважды спас меня от смерти.

Мы вышли во двор. Я вновь увидела звездное небо, на что уж и не надеялась. Я вдыхала свежий воздух, которым не дано наслаждаться мертвецам, но который так радует живых!

– Теперь, прежде чем покинуть монастырь, вы должны сделать выбор между Богом и мною. Хотите ли вы стать монахиней? Или желаете последовать за мной?

– Я готова следовать за вами.

– Что ж, идемте! – проговорил он.

Мы подошли к воротам. Дверь оказалась заперта.

– Где ключи? – спросил он.

– В кармане у привратницы.

– А где ее платье?

– На стуле возле постели.

– Войдите к ней бесшумно, возьмите ключи, выберите тот, что от этой двери, и принесите сюда.

Я повиновалась. Дверь в будку привратницы была не заперта изнутри. Я вошла. Подошла к стулу. Пошарила в карманах, нашла ключи, выбрала в связке ключ от ворот и принесла его.

Спустя несколько минут мы были на улице. Я взяла его за руку, и мы побежали на окраину Субиако. В ста шагах от последнего дома нас ожидала карета. Мы сели, и лошади понеслись галопом.

– Над вами не совершали насилия? Вам ничем не угрожали? Вы добровольно последовали за этим господином? Лоренца молчала.

– Ее высочество вас спрашивает. Лоренца, не принудил ли я вас следовать за мной, не угрожал ли я вам.

– Нет.

– Почему же вы за ним последовали?

– Скажите, почему вы за мной последовали!

– Потому что я вас любила, – проговорила Лоренца. Торжествующе улыбаясь, граф Феникс обернулся к принцессе.

Глава 19. ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО КАРДИНАЛ ДЕ РОАН

Все происходившее на глазах принцессы было столь необычно, что она, сильная духом и нежная душой, спрашивала себя, уже не волшебник ли, в самом деле, перед ней, умеющий подчинять своей воле сердца и умы.

Однако граф Феникс не собирался на этом останавливаться.

– Это еще не все, ваше высочество, – заметил он, – вы слышали из уст Лоренцы лишь часть нашей истории. У вас могут остаться сомнения, если вы не услышите окончания из того же источника.

Он обернулся к молодой женщине.

– Вы помните, Лоренца, продолжение нашего путешествия? Помните, как мы были в Милане, на Большом озере, в Оберланде, в Риччи, на берегах красавца Рейна, этого северного Тибра?

– Да, – отвечала молодая женщина тем же тусклым голосом, – да, Лоренца видела все это.

– Вы были вынуждены следовать за этим господином, не так ли, дитя мое? Вы находились под влиянием неотвратимой, непонятной силы? – спросила принцесса.

– Отчего вы так думаете, ваше высочество? Вы только что слышали то, что доказывает обратное. Кстати оказать, если вам требуется более убедительное доказательство, материальное, так сказать, свидетельство, – вот собственноручное письмо Лоренцы. Я был вынужден вопреки своему желанию оставить ее одну в Майенсе. Она без меня скучала, хотела меня видеть и, пока меня не было, написала мне записку. Вы можете ее прочитать, ваше высочество.

Граф достал из портфеля письмо и подал его принцессе.

Она прочла:

«Вернись, Ашарат. Все мне немило, когда тебя нет рядом. Боже мой, когда же настанет день, когда я буду вечно твоей?»

Лоренца».

Принцесса поднялась с пылавшим от гнева лицом и подошла к Лоренце с запиской в руке.

Лоренца словно ее не замечала. Казалось, она видела и слышала только графа.

– Я понимаю, – с живостью заговорил тот, словно решившись до конца служить переводчиком молодой женщины, – ваше высочество сомневается и желает знать, действительно ли это ее записка. Ну что ж! Вы, ваше высочество, сами можете в этом убедиться. Лоренца, отвечайте: кто написал эту записку?

Он взял письмо, вложил его в руку жены и прижал ее к своему сердцу.

– Написала письмо Лоренца, – проговорила она.

– А Лоренце известно, о чем это письмо?

– Конечно.

– Тогда скажите принцессе, что в этом письме, чтобы она не думала, что я ее обманываю, когда говорю, что вы меня любите. Скажите же ей, я вам приказываю!

Казалось, Лоренца сделала над собой усилие. Потом, не разворачивая письма и не поднося его к глазам, прочла:

«Вернись, Ашарат. Все мне немило, когда тебя нет рядом. Боже мой, когда же настанет тот день, когда я буду вечно твоей?»

Лоренца».

– Невероятно! – проговорила принцесса. – Я вам не верю, потому что во всем этом есть нечто необъяснимое, сверхъестественное.

– Вот это письмо и убедило меня окончательно в том, что необходимо ускорить наше бракосочетание, – продолжал граф Феникс, не обращая внимания на слова принцессы. – Я любил Лоренцу так же сильно, как она меня. Наше положение было двусмысленным. Кстати, в этом полном приключений и случайностей образе жизни, какой я веду, могло произойти несчастье; я мог неожиданно умереть и хотел бы, чтобы в случае моей смерти все мое состояние принадлежало Лоренце. Вот почему, прибыв в Страсбург, мы обвенчались.

– Обвенчались?

– Да.

– Это невозможно!

– Отчего же, ваше высочество? – с улыбкой сказал граф. – Позвольте вас спросить, что невозможного в том, что граф Феникс женился на Лоренце Фелициани?

– Она мне сама сказала, что не является вашей супругой.

Не отвечая принцессе, граф повернулся к Лоренце.

– Вы помните, когда мы обвенчались? – спросил он ее.

– Да, – отвечала она, – третьего мая.

– Где?

– В Страсбурге.

– В какой церкви?

– В городском соборе, у Иоанна Крестителя.

– Был ли наш союз заключен против вашей воли?

– Нет, я была очень счастлива.

– Видишь ли, Лоренца, – продолжал граф, – ее высочество полагает, что тебя принудили к этому. Ей сказали, что ты меня ненавидишь.

При этих словах граф взял Лоренцу за руку. Молодая женщина затрепетала от счастья.

– Я тебя ненавижу?! Нет, я тебя люблю! Ты такой добрый, такой щедрый, такой могущественный!

– Скажи, Лоренца, с тех пор как я стал твоим мужем, злоупотреблял ли я когда-нибудь супружескими правами?

– Нет, ты относишься ко мне, как к дочери, я твоя чистая и безупречная подруга.

Граф обернулся к принцессе, словно желая ей сказать:

«Вы слышали?»

Принцесса в ужасе отступила к изваянию Иисуса, из слоновой кости, стоявшему у стены, задрапированной черным бархатом.

– Это все, что вы желали узнать, ваше высочество? – проговорил граф, выпуская руку Лоренцы.

– Сударь! Сударь! – вскрикнула принцесса. – Не приближайтесь ни ко мне, ни к ней!

В эту минуту послышался шум подъехавшей кареты, остановившейся у дверей аббатства.

– А-а, вот и кардинал! – воскликнула принцесса. – Теперь мы, наконец, узнаем, как ко всему этому относиться.

Граф Феникс поклонился, шепнул Лоренце несколько слов и спокойно стал ждать с видом человека, который умеет управлять событиями.

Спустя мгновение дверь распахнулась, и принцессе объявили о прибытии его высокопрео-

священства кардинала де Роана.

Успокоенная появлением третьего лица, принцесса вновь опустилась в кресло и проговорила:

– Просите!

Вошел кардинал. Поклонившись принцессе, он с удивлением заметил Бальзамо и вскричал:

– А-а, это вы, сударь!

– Вы знакомы с этим господином? – не скрывая удивления, спросила принцесса.

– Да, – отвечал кардинал.

– В таком случае, – вскричала она, – скажите нам, кто он такой.

– Нет ничего проще, – заметил кардинал, – этот господин – колдун.

– Колдун? – пролепетала принцесса.

– Прошу прощения, ваше высочество, – вмешался граф, – я надеюсь, высокопреосвященство все нам объяснит в свое время ко всеобщему удовольствию.

– Уж не предсказывал ли этот господин судьбу вашему высочеству? – спросил кардинал де Роан. – Я вижу, вы очень взволнованы.

– Свидетельство о браке! Сию же минуту! – вскричала принцесса.

Кардинал с удивлением взглянул на нее, не понимая, что могло означать это восклицание.

– Прошу вас, – проговорил граф, протягивая документ кардиналу.

– Что это? – спросил тот.

– Я хочу знать, – сказала принцесса, – подлинная ли это подпись и действительно ли это свидетельство.

Кардинал прочел представленную принцессой бумагу.

– Свидетельство составлено по всей форме и подписано господином Реми, кюре храма Иоанна Крестителя. А почему это интересует ваше высочество?

– У меня есть на то причины. Так вы говорите, что подпись?..

– Подлинная. Но я не поручусь, что она не была получена путем вымогательства.

– Путем вымогательства? – вскричала принцесса. – Это вполне вероятно.

– И согласие Лоренцы – тоже, не так ли? – насмешливо спросил граф, пристально глядя на принцессу.

– А как можно было бы вынудить кюре подписать эту бумагу, господин кардинал? Вам это известно?

– Во власти этого господина много разных способов, колдовских, например.

– Колдовских? Кардинал, вам ли?..

– Ведь он – колдун. Я это уже сказал вашему высочеству и могу повторить.

– Ваше высокопреосвященство изволит шутить!

– Да нет же, а в доказательство я хотел бы в вашем присутствии объясниться с этим господином самым серьезным образом.

– Я собирался сам просить вас об этом, – вмешался граф.

– Прекрасно! Не забудьте, однако, что вопросы буду задавать я, – возвысил голос кардинал.

– А я прошу вас помнить, что отвечу на все ваши вопросы в присутствии ее высочества, раз вы так этого хотите. Но вам этого очень скоро не захочется, я в этом уверен.

Кардинал улыбнулся.

– Роль колдуна в наши дни – непростая роль, – заметил он. – Я видел вас за работой: вы имели огромный успех. Но предупреждаю вас, что не у всех такое терпение, а главное такое великодушие, как у ее высочества.

– У ее высочества? – вскричала Луиза.

– Да, – отвечал граф, – я имел честь быть представленным ее высочеству.

– Как же вы были удостоены такой чести? Говорите, говорите!

– Все произошло хуже, чем мне бы этого хотелось, потому что я не испытываю личной неприязни к людям, особенно – к дамам.

– Что сделал этот господин моей августейшей племяннице? – спросила принцесса Луиза.

– Ваше высочество! Я имел несчастье сказать правду, которую она хотела от меня услышать.

– Хороша правда! Такая правда, что она упала в обморок!

– Моя ли в том вина, – продолжал граф властным голосом, которому, должно быть, случилось подчинять себе слушателей, – моя ли в том вина, если правда оказалась столь страшной, что произвела такое действие? Разве я искал встречи с ее высочеством? Разве я просил ей меня представить? Нет, напротив, я пытался этого избежать. Меня привели к ней почти силой. Она меня допрашивала.

– Что же это была за страшная правда, которую вы ей сообщили? – спросила принцесса.

– Ваше высочество! Я приподнял завесу, скрывавшую будущее, – отвечал граф.

– Будущее? – переспросила принцесса.

– Да, ваше высочество, то будущее, которое вашему высочеству кажется столь угрожающим, что вы пытаетесь от него скрыться в монастыре, одолеть свой страх перед ним в алтаре молитвами и слезами.

– Сударь!

– Моя ли вина в том, ваше высочество, если будущее, которое вы предчувствуете, будучи святой, было открыто мне как пророку, а ее высочество, напуганная этим будущим, угрожающим ей лично, упала в обморок после того, как я ей открыл его?

– Слышите, что он говорит? – проговорил кардинал.

– Увы!.. – молвила принцесса.

– Ее правление обречено, – вскричал граф, – как безнадежное и самое несчастливое для монархии.

– Сударь!

– А вот ваши молитвы, должно быть, достигли цели, но вы не увидите ничего из того, чему суждено произойти, потому что к тому времени уже будете в руках Господа. Молитесь, ваше высочество! Молитесь!

Подпав под влияние его пророческого голоса, каким он говорил о ее опасениях, принцесса упала на колени перед распятием и принялась горячо молиться.

Повернувшись к кардиналу, граф увлек его к окну.

– Поговорим с глазу на глаз, господин кардинал. Что вам от меня угодно?

Кардинал пошел за графом.

Итак, действующие лица расположились следующим образом:

Принцесса горячо молилась перед распятием; Лоренца молча и неподвижно, с открытыми, но словно невидящими глазами, стояла посреди комнаты. Мужчины стояли у окна: граф опирался на оконную задвижку, кардинал был наполовину скрыт шторами.

– Так что же вам угодно? – повторил граф. – Я вас слушаю.

– Я хочу знать, кто вы такой.

– Вам это известно.

– Мне?

– Разумеется. Не вы ли говорили, что я – колдун?

– Превосходно! Но там вас называли Джузеппе Бальзамо, здесь – графом Фениксом.

– Что же это доказывает? Что я сменил имя, только и всего.

– Да, но знаете ли вы, что подобные изменения, да еще со стороны такого человека, как вы, должны весьма заинтересовать господина де Сартина?

Граф улыбнулся.

– Это несерьезный аргумент для того, кто носит славное имя Роанов! Неужели ваше высокопреосвященство собирается делать голословные заявления? Verba et voces. Никакого другого обвинения мне предъявить вы не желаете?

– Шутить изволите? – спросил кардинал.

– Таков уж мой нрав!

– В таком случае я позволю себе одно удовольствие.

– Какое же?

– Я заставлю вас снизить тон.

– Попробуйте.

- Я в этом уверен, стоит мне только начать ухаживать за будущей наследной принцессой.
- Это было бы бесполезно, принимая во внимание отношения, в которых вы с ней сейчас находитесь, – равнодушно заметил Бальзамо.
- А если я прикажу вас арестовать, господин предсказатель судеб? Что вы на это скажете?
- Я бы сказал, что вы совершаете большую ошибку, ваше высокопреосвященство.
- Вот как? – с уничтожающим презрением воскликнул кардинал. – По отношению к кому?
- К самому себе, господин кардинал.
- Ну так я отдам это приказание: вот когда мы узнаем, кто такой в действительности Джузеппе Бальзамо, граф Феникс, – знатный отпрыск генеалогического древа, ни одного семечка с которого я не видал ни на одном из геральдических полей Европы.
- Неужели вам обо мне ничего не сообщил ваш друг господин де Бретель?
- спросил Бальзамо.
- Господин де Бретель не является моим другом.
- То есть он перестал им быть. Однако когда-то он был одним из самых близких ваших друзей. Ведь именно ему вы написали одно письмо...
- Какое письмо? – спросил кардинал, приблизившись к Бальзамо.
- Ближе, господин кардинал, еще ближе. Я не хотел бы громко говорить, дабы не опорочить вас.
- Кардинал вплотную приблизился к Бальзамо.
- О каком письме вы говорите? – прошептал он.
- Вы хорошо знаете, о каком.
- И все-таки скажите!
- Я имею в виду письмо, которое вы отправили из Вены в Париж с целью помешать женитьбе дофина. Прелат не смог скрыть своего ужаса.
- А это письмо?... – пролепетал он.
- Я знаю его назубок.
- Так господин де Бретель меня предал?
- Почему вы так решили?
- Потому что, когда вопрос о женитьбе дофина был решен, я попросил его вернуть мне письмо.
- А он вам сказал?..
- ..что сжег его.
- Он не посмел вам признаться в том, что письмо потеряно.
- Потеряно?
- Да. Одним словом, если письмо потеряно, то, как вы понимаете, оно могло и найтись.
- То есть письмо, которое я написал господину де Бретелю...
- Да.
- То самое, о котором он сказал, что сжег его?..
- Да.
- И которое он потерял?..
- Я его нашел. Господи, да случайно, конечно, проходя через мраморный двор в Версале!
- И вы не вернули его господину де Бретелю?
- От этого я воздержался.
- Почему?
- Будучи колдуном, я знал, что ваше высокопреосвященство, которому я желаю только добра, смертельно меня ненавидит. Вы понимаете: если безоружный человек, идя через лес, ожидает нападения и находит на опушке заряженный пистолет...
- То что же?
- ..то этот человек – просто дурак, если выпустит пистолет из рук.
- У кардинала помутилось в глазах, он схватился за подоконник.
- Граф жадно следил за его замешательством.
- Пусть так, – проговорил кардинал. – Однако не ждите, что принц, урожденный Роан, спа-

сует перед угрозами шарлатана. Это письмо было потеряно – вы его нашли. Пусть оно попадет в руки к принцессе. Пусть моя политическая деятельность будет окончена. Но я и после этого останусь королевским верноподданным и надежным посланником. Я скажу, что это правда, то есть что я считал этот альянс пагубным для интересов моей страны, пусть моя страна меня защищает или наказывает.

– А если найдется человек, – заметил граф, – который станет утверждать, что посланник – молодой, красивый, галантный, ни в чем не сомневающийся, с его именем и титулом – говорил все это отнюдь не потому, что считал альянс с австрийской эрцгерцогиней пагубным для интересов Франции, а потому, что, благосклонно принятый ее высочеством Марией-Антуанеттой, честлюбивый посланник оказался настолько тщеславен, что увидел в этой благосклонности нечто большее, чем простую любезность? Что тогда ответит верноподданный, что на это скажет надежный посланник?

– Он станет это отрицать, потому что нет никаких Доказательств существования того, о чем вы говорите.

– Вот в этом вы ошибаетесь; охлаждение к вам будущей наследной принцессы очевидно. Кардинал колебался.

– Послушайте, ваше высокопреосвященство, – продолжал граф, – поверьте, что вместо того, чтобы ссориться, что уже произошло бы, если бы я не был осмотрительнее вас, давайте останемся добрыми друзьями.

– Добрыми друзьями?

– А почему бы нет? Добрые друзья – это те, кто готов оказать нам услугу.

– Разве я когда-нибудь просил вас об этом?

– Это ваша ошибка, потому что за те два дня, что вы уже в Париже...

– Я?

– Да, вы. Господи, ну зачем вы пытаетесь от меня это скрывать? Ведь я колдун. Вы оставили принцессу в Суассоне, примчались на почтовых в Париж через Виллер-Котре и Даммартен, то есть кратчайшим путем, и поспешили к своим добрым парижским друзьям за услугами, в которых они вам отказали. После этого в полном отчаянии вы отправились на почтовых в Компьень.

Кардинал был подавлен.

– Какого рода услуги я мог бы ожидать от вас, – спросил он. – если бы к вам обратился?

– Те услуги, которые можно получить от человека, умеющего делать золото.

– Какое отношение это может иметь ко мне?

– Черт побери! Когда человек должен срочно уплатить пятьсот тысяч франков в сорок восемь часов... Я точно назвал сумму?

– Да, точно.

– И вы спрашиваете, зачем вам друг, который умеет делать золото? Это все-таки имеет значение, если пятьсот тысяч франков, которые вы ни у кого не смогли взять в долг, можно взять у него.

– Где именно? – спросил кардинал.

– Улица Сен-Клод, в Маре.

– Как я узнаю дом?

– На двери молоток в виде головы грифона.

– Когда можно явиться?

– Послезавтра, ваше высокопреосвященство, в шесть часов пополудни, пожалуйста, а потом...

– Потом?

– В любое время, когда вам заблагорассудится. Смотрите, мы вовремя обо всем уговорились: принцесса закончила молитву.

Кардинал был побежден, он не пытался более сопротивляться и подошел к принцессе.

– Ваше высочество! – обратился он к ней. – Я вынужден признать, что его сиятельство Феникс оказался совершенно прав: представленное им свидетельство подлинное, кроме того, меня полностью удовлетворили его объяснения. Граф поклонился.

- Каковы будут приказания вашего высочества? – спросил он.
- Я еще раз хочу поговорить с этой дамой. Граф в другой раз поклонился в знак согласия.
- По своей ли воле вы покидаете Сен-Дени, куда пришли, чтобы попросить у меня убежища?
- Ее высочество спрашивает, – с живостью подхватил Бальзамо, – по своей ли воле вы покидаете монастырь Сен-Дени, куда пришли просить убежища? Отвечайте, Лоренца!
- Да, – проговорила молодая женщина, – такова моя воля.
- Для того, чтобы последовать за своим супругом, графом Фениксом?
- Для того, чтобы последовать за мной? – повторил граф.
- Да, – отвечала молодая женщина.
- В таком случае, – сказала принцесса, – я вас не задерживаю, потому что это было бы насилие над чувствами. Однако во всем этом есть нечто из ряда вон выходящее. Пусть наказание Господне обрушится на того, кто в угоду своей выгоде или личным интересам нарушил бы гармонию природы. Идите, граф; идите, Лоренца, я вас более не задерживаю... Не забудьте свои драгоценности.
- Пусть они останутся для нищих, ваше высочество, – отвечал граф Феникс, – розданная вашими руками милостыня вдвойне будет угодна Богу. Я прошу лишь вернуть мне моего коня Жеррида.
- Вы возьмете его, выйдя отсюда. Можете идти. Граф поклонился принцессе и предложил руку Лоренце. Она оперлась на его руку и вышла, не проронив ни слова.
- Ах, господин кардинал! – заметила принцесса, грустно качая головой.
- В воздухе, которым мы дышим, витает нечто непонятное и роковое.

Глава 20. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ СЕН-ДЕНИ

Оставив Филиппа, Жильбер, как мы уже говорили, вновь смешался с толпой.

Однако на этот раз сердце его не прыгало от радостного ожидания; когда он очутился в бурном людском потоке, он почувствовал, что уязвлен до глубины души: даже ласковые слова и любезные предложения Филиппа не смягчили его страданий.

Андре и не подозревала, что обошлась с Жильбером жестоко. Беззаботная красавица не могла допустить мысль о том, что между ней и сыном ее кормилицы может существовать какая бы то ни было связь, что она может причинить ему боль или обрадовать его. Она была выше всего земного, она могла омрачить или осветить своей радостью тех, кто стоял ниже ее, в зависимости от того, улыбалась она в эту минуту или печалилась. На этот раз тень ее презрения парализовала Жильбера; так как она лишь следовала велению своего сердца, она и сама не знала, что была чересчур высокомерна.

А Жильбер, подобно безоружному воину, был сражен наповал ее презрительными взглядами и высокомерными речами; ему еще недоставало рассудительности не поддаваться отчаянию, оказавшись в плачевном состоянии.

Вот почему с той самой минуты, как он вновь смешался с толпой, его больше не интересовали ни лошади, ни люди. Собравшись с силами, он бросился, как раненый кабан, наперерез толпе и, рискуя потеряться или быть раздавленным, проторил себе путь.

Когда наиболее плотно забитые народом места остались позади, молодой человек вздохнул свободнее, оглядевшись, он вдруг заметил, что существуют на свете и зелень, и одиночество, и река...

Он побежал куда глаза глядят и оказался на берегу Сены почти напротив острова Сен-Дени. Он был в полном изнеможении, но то была не физическая усталость, а утомление от душевных мук. Он покатился по траве и, обхватив голову руками, взревел, словно звериный язык передавал его боль лучше, чем человеческий плач и причитания.

Неясная мечта, до сих пор бросавшая смутный луч надежды на его безумные желания, в которых он и сам себе не осмеливался признаться, угасла. На сколь высокую ступень общественной лестницы ни поднялся бы Жильбер благодаря своей одаренности, занятиям наукой и образованию, он навсегда останется для Андре Жильбером, то есть такой вещью или таким существом, – по ее

выражению, – на которое отец ее имел глупость рассердиться и которое не стоило даже ее взгляда.

Он-то думал, что, увидев его в Париже, узнав о его решении стать знаменитым, – это должно было ее сразить на месте – Андре с одобрением встретит его усилия. И вот теперь *made animo*

изменило великодушному молодому человеку; наградой за вынесенные им тяготы и достойную всяческого уважения решимость стало пренебрежительное равнодушие, с каким Андре всегда относилась к Жильберу в Таверне.

Более того, она рассердилась, узнав, что он посмел заглянуть в ее сольфеджио. Если бы он хоть пальцем дотронулся до ее учебника, его, без сомнения, оставалось бы после этого бросить в печку.

Для слабых духом людей разочарование, обманутая надежда – не что иное, как удар, под которым любовь сгибается, чтобы потом подняться окрепшей. Они не скрывают своих страданий, жалуются, рыдают; они бездействуют, словно агнцы при виде ножа. Кроме того, любовь этих мучеников часто растет в страданиях, которые, казалось бы, должны были бы ее убить. Они убеждают себя в том, что их кротость будет вознаграждена, и стремятся к этому вознаграждению, не обращая внимания на трудности дороги; они полагают, что если путь окажется слишком тернист, они достигнут цели позже, но непременно получают свое.

Не то – сильные духом, волевые натуры, властные сердца. Они испытывают раздражение при виде своей крови, их воодушевление при этом так возрастает, что они скорее напоминают кипящего от ненависти человека, чем влюбленного. В том не их вина, любовь и ненависть столь тесно переплетаются в их сердце, что они и сами не чувствуют между ними разницы.

Знал ли Жильбер, любит он или ненавидит Андре, катаясь по земле от боли? Нет, он страдал – и только. Но он был не способен набраться терпения и ждать. Он превозмог упадок духа, решившись чем-нибудь заняться.

«Она меня не любит, – подумал он, – это верно. Но ведь и я был не прав, надеясь на ее любовь. Все, на что я мог рассчитывать, – это скоропреходящий интерес к несчастному, у которого хватает сил бороться со своим несчастьем. Что понял ее брат, то оказалось не доступным ее пониманию. Он мне сказал: „Как знать? Может быть, тебе суждено стать Кольбером или Вобаном!“ И если бы я стал тем или другим, он воздал бы мне должное и готов был бы отдать за меня сестру в награду за добытую мной славу, как отдал бы мне ее, будь я потомственным аристократом, если бы со дня своего рождения я был ему ровней. Но что я для нее!.. Да, я чувствую, что.., стань я хоть Кольбером или даже Вобаном, для нее я навсегда останусь презренным Жильбером: то, что есть во мне и что вызывает ее презрение, невозможно ни стереть, ни позолотить, ни скрыть – мое низкое происхождение. Если даже предположить, что я когда-нибудь добыю своего, я все равно не смогу занять в ее глазах положение, которое могло бы мне принадлежать по праву рождения. Что за глупость! Так потерять голову!.. О женщина, женщина! Какое несовершенство!

Остерегайтесь прелестных глаз, высокого лба, лукавой улыбки, величавой осанки. Вот, к примеру, мадмуазель де Таверне, женщина красивая, достойная править миром... Ошибаетесь: это чопорная провинциалка, опутанная аристократическими предрассудками. Пустоголовые красавцы, имеющие возможность учиться, но не желающие ничего знать – вот кто ей ровня! Вот кто ее интересуется... А Жильбер для нее – пес, даже хуже, чем пес: о Маоне она хоть позаботилась, а о Жильбере даже не спросила!

Так она не знает, что я не менее силен, чем все они; стоит мне одеться в такое же платье, и я стану так же привлекателен; но я имею нечто большее, чем они: несгибаемую волю! И если только я захочу...»

Страшная улыбка заиграла на устах Жильбера, не дав ему закончить мысль.

Нахмурившись, он медленно склонил голову на грудь.

Что происходило в эту минуту в его темной душе? Какая ужасная мысль заставила склониться его бледное чело, рано пожелтевшее от бессонных ночей и изборожденное преждевременными морщинами? Кто знает!

Должно быть, моряк, спускавшийся по реке на пароме, напевая песенку Генриха IV, да веселая прачка, возвращавшаяся из Сен-Дени с праздника и опасливо обошедшая Жильбера стороной, приняли за вора юного бездельника, растянувшегося на траве среди жердей с бельем.

Около получаса Жильбер оставался погруженным в глубокие размышления, затем решительно поднялся, спустился к Сене, напился воды, огляделся и заметил слева от себя удалявшиеся толпы людей, покидавших Сен-Дени.

Среди людского моря выделялись впереди медленно двигавшиеся кареты, сдавленные толпой; они ехали по дороге на Сент-Уан.

Ее высочество выразила пожелание, чтобы ее прибытие было отпраздновано в тесном семейном кругу. И вот теперь эта самая семья пользовалась своими привилегиями: она так близко оказалась к толпе, что многие парижане взбирались на запятки и без труда цеплялись за тяжелые антресоли карет.

Жильбер скоро узнал карету Андре: конь Филиппа гарцевал, вернее, приплясывал возле ее дверей.

– Вот и прекрасно, – сказал Жильбер, – должен же я знать, куда она направляется, а чтобы узнать, я должен последовать за ней.

И Жильбер устремился за каретой.

Ее высочество должна была ужинать в Ла Мюэтт в обществе короля, дофина, графа де Прованс, графа д'Артуа. Король до такой степени забыл о приличиях, что в Сен-Дени подал ее высочеству список своих приближенных и карандаш и предложил ей вычеркнуть имена тех, кого она не желала видеть за ужином.

Дойдя до стоявшего в списке последним имени г-жи Дю Барри, ее высочество почувствовала, как у нее побелели и задрожали губы. Однако, памятуя о наставлениях императрицы-матери, она призвала на помощь все свои силы, с очаровательной улыбкой возвратила список королю и сказала, что будет счастлива познакомиться с ближайшим окружением короля.

Жильбер этого не знал и только в Ла Мюэтт увидел экипаж Дю Барри и Замора, сидевшего верхом на огромном коне белой масти.

К счастью, было уже темно. Жильбер бросился в заросли, лег в траву ничком и стал ждать.

Усадив невестку за один стол с любовницей, король пребывал в веселом расположении духа, особенно когда убедился, что ее высочество принимает Дю Барри еще лучше, чем в Компьене.

Нахмуренный и озабоченный дофин сослался на невыносимую головную боль и ушел прежде, чем все сели за стол.

Ужин продолжался до одиннадцати часов.

Свитские, среди которых была и гордая Андре, ужинали во флигеле под звуки музыки, о чем позаботился король. Так как флигели не могли вместить всю свиту, для пятидесяти человек столы были накрыты прямо на траве, за этими столами прислуживали пятьдесят лакеев в королевских ливреях.

Лежа в кустарнике, Жильбер ничего не упускал из виду. Он достал из кармана кусок хлеба, купленного в Клиши-ла-Гаренн, и тоже поужинал, следя глазами за отъезжавшими каретами.

После ужина ее высочество вышла на балкон, извинившись перед гостями. Король последовал за ней. Дю Барри с тактом, поразившим даже ее недругов, осталась в глубине залы, так, чтобы ее не было видно с улицы. Придворные подходили по одному к балкону, чтобы поприветствовать короля и принцессу, она успела запомнить многих из тех, кто ее сопровождал, король представлял ей тех, с кем она еще не была знакома. Время от времени с губ ее слетало ласковое слово или удачная шутка, приводившие в восторг тех, к кому они были обращены.

Жильбер издали наблюдал за этой сценой и говорил себе:

«У меня больше достоинства, чем у этих господ, – за все золото мира я не стал бы делать того, что делают они».

Настала очередь де Таверне и его семейства. Жильбер приподнялся на одно колено.

– Господин Филипп, – обратилась принцесса, – я разрешаю вам проводить отца и сестру в Париж.

Жильбер слышал ее слова. Это и неудивительно: все происходило среди ночной тишины в присутствии замерших в почтительном молчании зрителей.

Принцесса продолжала:

– Господин де Таверне! Я не могу вас пока разместить. Поезжайте вместе с мадмуазель в

Париж и ждите там до тех пор, пока я не устроюсь в Версале. Мадмуазель, не забывайте обо мне.

Барон с детьми отошел. После них к балкону подходили другие придворные, с ними принцесса говорила так же ласково, но Жильбера это уже не интересовало.

Он выскользнул из кустов и побежал за бароном, пробираясь между двух сотен галдевших лакеев, сновавших за хозяевами, полсотни кучеров, перекликавшихся с лакеями, и десятков экипажей, с оглушительным грохотом катившихся по мостовой.

Так как у барона де Таверне была дворцовая карета, она ожидала неподалеку. Барон поднялся в нее вместе с дочерью и сыном и дверца захлопнулась.

– Друг мой, – обратился Филипп к лакею, закрывавшему дверцу, – садитесь рядом с кучером.

– С какой стати? – спросил барон.

– Бедный малый с самого утра на ногах и, должно быть, очень устал, – отвечал Филипп.

Барон в ответ пробормотал несколько слов, которые Жильбер не расслышал. Лакей сел рядом с кучером Жильбер подошел ближе.

В ту минуту, как карета должна была тронуться, кто-то заметил, что развязалась одна из постромок.

Кучер слез с облучка, и карета еще некоторое время простояла на месте.

– Уже поздно, – заметил барон.

– Как я устала! – прошептала Андре. – Удастся ли нам найти ночлег?

– Надеюсь, да, – ответил Филипп, – я послал из Суассона в Париж Ла Бри и Николь с письмом к одному из моих друзей. Я поручил ему снять небольшой павильон, где в прошлом году жили его мать и сестра. Жилище далеко не роскошное, но достаточно удобное. Постарайтесь оттуда не выходить, вам придется лишь немного потерпеть.

– Клянусь честью, – воскликнул барон, – это должно быть в любом случае лучше Таверне.

– К сожалению, это так, отец, – с грустной улыбкой проговорил Филипп.

– Есть ли там деревья? – спросила Андре.

– Да, и очень красивые. Правда, вам не придется долго ими любоваться, потому что сразу же после женитьбы дофина вы будете представлены, Андре.

– Это, должно быть, сон: давайте как можно дольше не просыпаться! Филипп, ты дал кучеру адрес? Жильбер с беспокойством прислушался.

– Да, отец, – отвечал Филипп.

Напрасно Жильбер рассчитывал услышать адрес.

«Ничего, – подумал он, – я последую за ними. До Парижа отсюда всего одна миля».

Тем временем постромка была закреплена, кучер влез на облучок, и карета покатилась.

Королевские лошади бегут резво, когда их не сдерживает узда. Бедный Жильбер вспомнил дорогу на Ла Шоссе, свой обморок, свое бессилие.

Он рванулся вперед и ухватился за пустовавшую подножку. Усталый Жильбер вцепился в нее, подтянулся, сел и поехал.

Но почти в ту же минуту ему пришла в голову мысль, что он едет на запятках кареты Андре, словно ее лакей.

– Ну нет! – прошептал неслышимый юноша. – Никто не сможет сказать, что я не сражался до последней минуты; ноги мои устали, но в руках еще есть сила!

Схватившись обеими руками за подножку, на которую он до сих пор опирался ногами, он спустил ноги, и карета поволокла его за собой. Не обращая внимания на толчки и тряску, он продолжал ехать в этом неудобном положении, только бы не идти на сделку с совестью.

– Я узнаю ее адрес, – пробормотал он, – я узнаю его. Пусть меня ждет еще одна бессонная ночь! Ничего, завтра я отдохну, переписывая ноты. У меня есть еще немного денег, и потом, если станет невмоготу, я смогу поспать часа Два.

Тут он подумал, что Париж – большой, а он плохо знает город и, вероятно, не сможет отыскать дорогу после того, как барон с детьми приедет в дом, приготовленный Филиппом.

К счастью, время приближалось к полночи, а в половине четвертого начинало светать.

Занятый этими мыслями, Жильбер заметил, что карета переезжает площадь, посреди которой

возвышалась конная статуя.

– Должно быть, это площадь Виктории, – в радостном удивлении вымолвил он.

Карета свернула, в окошке кареты показалась голова Андре.

Филипп пояснил:

– Это статуя покойного короля. Мы почти приехали. Карета покатила под уклон. Жильбер едва не угодил под колеса.

– Вот мы и прибыли, – объявил Филипп.

Жильбер вскочил, бросился на другую сторону улицы и притаился за каменной тумбой.

Филипп первым вышел из кареты, позвонил и, повернувшись, принял Андре в свои объятия.

Барон вышел последним.

– Ну что, эти бездельники собираются нам открывать или нет? – проворчал он.

В ту же минуту послышались голоса Ла Бри и Николь, и ворота распахнулись.

Трое путешественников скрылись в темном дворе, и за ними захлопнулись ворота.

Карета уехала. Лакеи должны были доставить ее в королевские конюшни.

Дом, в котором скрылись путешественники, был ничем не примечателен. Но когда карета проезжала мимо Жильбера, она осветила дом, стоявший на противоположной стороне, и он успел прочесть:

«Отель д'Арменонвиль».

Ему оставалось выяснить, что это за площадь. Он дошел до конца улицы, по которой уехала карета, и к своему величайшему удивлению узнал фонтан, в котором обыкновенно брал воду.

Он сделал несколько шагов в обратном направлении по другой стороне улицы и узнал булочную, где покупал хлеб.

Он не хотел верить своим глазам и дошел до угла. В неясном свете фонаря он прочел на белокаменной стене два слова, которые видел третьего дня, возвращаясь с Руссо из Медонского леса:

«Улица Платриер».

Таким образом, Андре оказалась от него всего в сотне шагов, еще ближе, чем в замке Таверне, где он жил в крохотной зарешеченной комнатке под лестницей.

Он подошел к своей двери в надежде, что никто не убрал внутрь обрывок веревки, к которому была привязана внутренняя щеколда.

Жильберу опять повезло. На двери болталось несколько шнурков. Он потянул их все разом: дверь поддалась.

Молодой человек ощупью отыскал лестницу, бесшумно поднялся по ней и нащупал замок на двери своей комнаты, ключ от которой ему из любезности оставил Руссо.

Спустя несколько минут усталость взяла верх над тревогой, и Жильбер заснул в предвкушении завтрашнего дня.

Глава 21. ПАВИЛЬОН

Так как Жильбер накануне вернулся очень поздно, быстро лег и забылся тяжелым сном, он забыл набросить на окно тряпку, скрывавшую его от лучей восходящего солнца.

В пять часов утра солнечный луч упал ему на лицо и разбудил его. Он поднялся, беспокоясь, что проспал.

Жильбер, выросший среди природы, прекрасно умел определять время по солнцу. Он поспешил к окну, чтобы взглянуть на свои часы.

Бледные лучи едва коснулись верхушек высоких деревьев, и Жильбер успокоился: он думал, что проспал, а оказалось, что он поднялся слишком рано.

Стоя возле окна, Жильбер занялся туалетом, размышляя о недавних событиях. Он с наслаждением подставлял пылавший лоб свежему утреннему ветерку. Юноша вспомнил, что Андре остановилась на соседней улице неподалеку от отеля д'Арменонвиль. Он стал гадать, в каком из домов она сейчас находится.

Вид тенистых деревьев под его окном напомнил ему о словах девушки, сказанных накануне.

– Есть ли там деревья? – спросила она у Филиппа.

«Вот если бы она выбрала павильон в саду, в котором никто не живет!» – подумалось Жильберу.

Эти размышления заставили молодого человека обратить внимание на павильон.

По странному совпадению с его мыслями его взгляд привлекли с той стороны необычные шум и движение. Одно из окон павильона, которое, казалось, давно никто не отворял, теперь безуспешно пытались распахнуть изнутри то ли неловкие, то ли слабые руки. Сверху рама поддавалась, но снизу, по-видимому, отсырела и не желала отставать от подоконника. Окно сопротивлялось, отказываясь распахнуться.

Наконец более мощный толчок заставил скрипнуть дубовую раму, и обе створки растворились. В окне показалась девушка, покрасневшая от недавних усилий; она отряхнула пыльные руки.

Жильбер, удивленно вскрикнув, отпрянул. Девушка, с еще припухшими со сна глазами, потягивавшаяся перед раскрытым окном, была Николь.

У него не осталось сомнений. Накануне Филипп объявил отцу и сестре, что Ла Бри и Николь готовят дом. Значит, этот павильон и был тем домом. Сад при доме на улице Кок-Эрон, в котором скрылись путешественники, выходил на улицу Платриер.

Движение Жильбера было таким резким, что если бы Николь не была погружена в праздное созерцание – истинное наслаждение в момент пробуждения, – она бы наверняка заметила нашего философа в ту минуту, как он отскочил от окна.

Жильбер отпрянул тем живее, что ему совсем не хотелось, чтобы Николь увидела его стоящим возле слухового окна под самой крышей. Если бы он жил в первом этаже, а через открытое окно за его спиной виднелись бы дорогие ковры и роскошная мебель, Жильбер не так бы испугался, что его увидят. Но мансарда пятого этажа свидетельствовала о том, что он находится пока на самых нижних ступенях общественной лестницы, – вот почему он постарался остаться незамеченным. Кстати сказать, в этом мире большое преимущество всегда заключается в том, чтобы наблюдать, оставаясь невидимым.

Кроме того, если бы Андре узнала, что он здесь, не оказалось ли бы этого достаточно, чтобы Андре переехала или отказалась от прогулок в саду?

Гордость Жильбера поднимала его в собственных глазах!.. Какое дело было Андре до Жильбера, и разве Андре пошевелилась бы ради того, чтобы быть ближе или дальше от Жильбера? Не принадлежала ли она к той породе женщин, которые не стесняются предстать после купания перед лакеем или крестьянином, потому что не считают их за людей?

Однако Николь к таким женщинам не относилась, и ее следовало избегать.

Вот в чем заключалась главная причина, по которой Жильбер отпрянул от окна.

Однако, отскочив, Жильбер опять решил выглянуть. Он осторожно приблизился к окну и бросил робкий взгляд вниз.

Другое окно, расположенное в первом этаже как раз под окном Николь, только что распахнулось, и в нем появился кто-то в белом: это была Андре в утреннем пеньюаре. Она пыталась отыскать под стулом туфельку, оброненную со сна ее очаровательной ножкой.

Напрасно Жильбер пытался пробудить свою ненависть, вместо того, чтобы дать волю охватившей его любви: каждый раз, как он видел Андре, он испытывал те же чувства; он был вынужден прислониться к стене; сердце его яростно забилося, готовое выпрыгнуть из груди, а в жилах закипала кровь.

Но мало-помалу он пришел в себя и мог размышлять спокойно. Главное заключалось в том, как мы уже сказали; чтобы иметь возможность наблюдать, оставаясь незамеченным. Он схватил одно из платьев Терезы, прикрепил его булавками к веревке, тянувшейся через все окно, и мог из-за этой занавески следить за Андре, не опасаясь быть увиденным ею.

Андре, точно так же, как перед этим Николь, раскинула прекрасные белоснежные руки, отчего ее пеньюар на мгновение распахнулся на груди; потом она свесилась на подоконник и стала с удовольствием рассматривать окрестные сады.

Ее лицо выразило удовлетворение; не привыкшая улыбаться людям, она щедро одаривала

улыбкой дерева. Со всех сторон она была окружена тенистыми деревьями и густой зеленью.

Андре окинула взглядом дома, окружавшие сад, и дом, где жил Жильбер, не задержал ее внимания. С того места, где находилась Андре, можно было разглядеть лишь мансарды, так же, впрочем, как и девушку можно было увидеть только с верхних этажей. Итак, дом не заинтересовал ее. Разве юную гордячку могли интересовать люди, жившие наверху?

Проведенный осмотр убедил Андре в том, что она одна, что ее никто не видит и что в ее тихое убежище не заглянет насмешливый парижский ротозей или шутник, которых так боятся дамы из провинции.

Широко распахнув окно, чтобы утренний воздух беспрепятственно мог добраться до самых отдаленных уголков комнаты, Андре подошла к камину, позвонила и стала одеваться, вернее, сначала раздеваться в полумраке комнаты.

Явилась Николь. Она развязала ремни несессера шагреновой кожи времен королевы Анны, достала костяной гребень и распустила волосы Андре.

В одно мгновение длинные пряди и густые завитки рассыпались по плечам девушки.

Жильбер подавил вздох. До чего хороши были волосы Андре, напудренные согласно моде и этикету тех лет! Но в тысячу раз прекраснее была сама Андре, которой небрежность туалета сообщала очарование, недоступное парадной вычурности, когда губы плотно сжаты, пальцы горят, как в лихорадке, а глаза, устремленные в одну точку, теряют присущий им блеск.

Причесываясь, Андре ненароком подняла голову и остановила взгляд на мансарде Жильбера.

– Смотри, смотри, – пробормотал Жильбер, – все равно ничего не заметишь, зато я вижу все.

Жильбер ошибался: Андре все-таки различила развевавшееся на ветру платье, намотавшееся подобно тюрбану вокруг головы молодого человека.

Она указала пальцем Николь на странный предмет.

Николь прервала свое занятие и, махнув расческой в сторону слухового окна, казалось, спрашивала у хозяйки, правильно ли она ее поняла.

Эти жесты так поглотили внимание Жильбера, что он забылся и не заметил нового зрителя этой сцены.

Вдруг он почувствовал, как кто-то грубо срывает с его головы платье Терезы; при виде Руссо он потерялся.

– Какого черта вы здесь делаете, милейший? – нахмурившись, вскричал философ, не скрывая гнева и подозрительно разглядывая платье своей жены.

Жильбер изо всех сил пытался отвлечь внимание Руссо от окна.

– Ничего не делаю, сударь, – отвечал он, – решительно ничего.

– Ничего... Зачем же вы прятались под этим платьем?

– Солнце сильно припекает...

– Это окно выходит на западную сторону, сейчас утро... Так, говорите, припекает? Ну, молодой человек, нежные, должно быть, у вас глаза!

Жильбер что-то пролепетал, но, почувствовав, что заврался, спрятал лицо в ладонях.

– Вы лжете и боитесь, – заметил Руссо, – значит, вы поступили дурно.

Жильбера окончательно потрясла логика старика, а тот решительно направился к окну.

Жильбер, трепетавший совсем недавно при мысли, что может быть замечен в окне, сделал естественное и вполне понятное движение, бросившись к окну в надежде опередить Руссо.

– Ага! – проговорил старик тоном, от которого кровь застыла в жилах Жильбера. – В павильоне теперь кто-то живет...

Жильбер не проронил ни слова.

– Какие-то темные личности... – продолжал философ, – они знают мой дом, потому что показывают на него друг другу пальцем.

Жильбер понял, что слишком близко подошел к окну, и отступил.

Это движение не ускользнуло от Руссо. Он понял, что Жильбер боится быть замеченным.

– Ну нет! – воскликнул он, схватив юношу за руку. – Нет, дружище! В этом есть что-то подозрительное! На вашу мансарду обращают внимание? Извольте-ка встать вот здесь!

И он подвел оглушенного юношу к окну, словно желая выставить его напоказ.

– Нет, сударь! Нет! Пощадите! – кричал Жильбер, пытаясь вырваться.

Ему не составило бы труда отделаться от старика, потому что он был силен и ловок. Но тогда Жильберу пришлось бы оказать сопротивление тому, на кого он готов был молиться! Из уважения к старику он был вынужден сдерживаться.

– Вы знаете этих женщин, – проговорил Руссо, – и они тоже вас знают, не так ли?

– Нет, нет, нет, сударь!

– Если вы незнакомы, почему же вы не желаете показаться им на глаза?

– Господин Руссо, вам случается в жизни иметь тайны, не правда ли? Так вот прошу вас пощадить меня, это моя тайна.

– А! Предатель! – вскричал Руссо. – Знаю я эти ваши тайны! Тебя подослали Гримм или Гольбах! Это они научили тебя, как втереться ко мне в доверие. Ты пробрался в мой дом, а теперь продаешь меня! Ах, какой же я болван! Любитель природы! Думал помочь ближнему, а привел в дом шпиона!..

– Шпиона? – негодуя вскричал Жильбер.

– Ну, когда ты меня продашь, Иуда? – воскликнул Руссо, завернувшись в платье Терезы, которое он машинально все это время держал в руках, он полагал, что выглядит величественно в своем страдании, а на самом деле, к сожалению, был смешон.

– Сударь, вы на меня наговариваете! – оскорбился Жильбер.

– Ах ты, змей! – взорвался Руссо. – Я на тебя наговариваю?! Да ведь я застал тебя в тот момент, как ты подавал знаки моим врагам! Как знать, может быть, ты им таким способом пересказываешь содержание моей последней книги!

– Сударь, если бы я проник к вам для этого, я бы скорее переписал рукописи, что лежат на вашем столе, чем передавать знаками их содержание!

Это было справедливо, и Руссо почувствовал, что зарвался и сказал одну из тех глупостей, которые ему случалось высказывать под влиянием навязчивой идеи. Он распалился.

– Сударь! – заговорил он. – Мне жаль вас, но и меня можно понять: жизнь научила меня быть строгим. Я пережил много разочарований. Все меня предавали, отрекались от меня, продавали меня, мучили... Как вы знаете, я один из тех печально известных людей, кого власти предержащие поставили вне общества. В таких условиях позволительно быть недоверчивым. Так вот вы мне подозрительны и должны покинуть мой дом.

Жильбер не ожидал такого финала.

Чтобы его выгнали!

Он сжал кулаки, и в глазах его вспыхнул огонек, заставивший Руссо вздрогнуть.

Но огонек этот тотчас погас.

Жильбер подумал, что если он уйдет, он лишится тихого счастья ежеминутно видеть Андре, вдобавок потеряет дружбу Руссо: для него это было огромным несчастьем и в то же время большим позором.

Он позабыл свою необузданную гордыню и умоляюще сложил руки.

– Сударь, – вымолвил он, – выслушайте меня, дайте мне хоть слово молвить!

– Я буду беспощаден! – продолжал греметь Руссо. – Благодаря людской несправедливости я стал свирепее дикого зверя! Раз вы подаете знаки моим врагам, ступайте к ним, я вас не задерживаю. Примкните к ним, я ничего не имею против, только покиньте мой дом!

– Сударь, эти девушки вам не враги: это мадмуазель Андре и Николь.

– Что еще за мадмуазель Андре? – спросил Руссо; ему показалось знакомо это имя, потому что он раза три слышал его от Жильбера. – Ну, говорите!

– Мадмуазель Андре, сударь, – дочь барона де Таверне. Простите, что я сообщаю вам такие подробности, но вы сами меня к этому вынуждаете: это та, которую я люблю больше, чем вы любили мадмуазель Галлей, госпожу де Варен и кого бы то ни было еще; это та, за которой я последовал пешком, без копейки денег, не имея ни куска хлеба, пока не упал посреди дороги без сил, едва не умерев от страданий; это та, которую я встречал вчера в Сен-Дени, за которой бежал до Ла Мюэтт, а потом незаметно следовал от Ла Мюэтт до соседней с вашей улицы; это та, которую я случайно увидел сегодня утром в павильоне; наконец, это та, ради которой я готов стать Тюрен-

ном, Ришелье или Руссо.

Руссо был знатоком человеческого сердца, он знал его возможности. Он понимал, что даже самый блестящий актер не мог бы говорить, как Жильбер, в его голосе звенела неподдельная сле-за; актер не мог бы передать порывистые движения, которыми Жильбер сопровождал свои слова.

– Так эта молодая дама – мадмуазель Андре? – переспросил он.

– Да, господин Руссо.

– И вы ее знаете?

– Я сын ее кормилицы.

– Вы, стало быть, лгали, утверждая, что незнакомы с ней? Если вы не предатель, то, значит, лгун.

– Сударь, – вскричал Жильбер, – не рвите мне сердце! По правде говоря, мне было бы легче, если бы вы убили меня на этом самом месте.

– Э, все это болтовня в стиле Дидро и Мармонтеля! Вы лгун, сударь.

– Ну да, да, да! – вскричал Жильбер. – Я лгун, сударь. Но тем хуже для вас, если вы не способны понять такую ложь. Лгун! Лгун!.. Я ухожу, прощайте! Я ухожу в отчаянии, и пусть это будет на вашей совести.

Руссо в задумчивости потер подбородок, разглядывая молодого человека, так поразительно напоминавшего его самого.

«Либо это великодушный юноша, либо большой мошенник, – подумал он, – но, в конце концов, если против меня что-то замышляется, я смогу держать в руках нити интриги».

Жильбер направился к двери и, взявшись за ручку, ждал последнего слова, которое должно было прогнать его или удержать.

– Довольно об этом, дитя мое, – обратился к нему Руссо. – Если вы влюблены так, как утверждаете, – тем хуже для вас! Впрочем, время не ждет. Вы уже потеряли вчерашний день, сегодня нам обоим нужно переписать тридцать страниц. Торопитесь, Жильбер, пошевеливайтесь!

Жильбер схватил руку философа и прижался к ней губами, чего не сделал бы ни с чьей другой рукой, будь на месте Руссо хоть сам король.

Прежде чем отправиться за взволнованным юношей, ожидавшим его возле двери, Руссо еще раз подошел к окну и выглянул.

В эту минуту Андре сбросила пеньюар и взяла из рук Николь платье.

Она увидела бледное лицо, неподвижную фигуру, отшатнулась в глубь комнаты и приказала Николь запереть окно.

Николь повиновалась.

– А-а, моя седая голова ее напугала, – проговорил Руссо, – юное лицо так ее не отпугивало! О прекрасная молодость! – со вздохом прибавил он:

O gioventu pj-imavera del eta!

O primavera gioventu del annol

Повесив платье Терезы на гвоздь, он стал медленно спускаться по лестнице вслед за юношей. В эту минуту он был, наверное, готов отдать за молодость Жильбера свою известность, со-перничавшую со славой Вольтера и так же, как она, вызывавшую восхищение всего мира.

Глава 22. ОСОБНЯК НА УЛИЦЕ СЕН-КЛОД

Улица Сен-Клод, где граф Феникс назначил свидание кардиналу де Роану, почти не изменилась с той поры; можно было бы, наверное, найти в наши дни развалины того дома, который мы попытаемся описать.

Улица Сен-Клод приводила, как и сегодня, на улицу Сен-Луи и бульвар, пересекала улицу Сен-Луи и проходила между монастырем Святого Причастия и особняком Вуазен, а в наши дни на их месте расположены церковь и бакалейный магазин.

Как и теперь, в те времена улица довольно круто спускалась к бульвару.

На ней было пятнадцать домов, семь фонарей, а также два тупика.

Тот, что находился по левую руку, упирался в особняк Вуазен. Другой, расположенный с

правой стороны, к северу, заканчивался решеткой огромного монастырского сада.

Этот второй тупик, находившийся под сенью высоких монастырских деревьев, с левой стороны замыкался одной из стен большого серого особняка, выходившего фасадом на улицу Сен-Клод.

Эта стена напоминала лицо циклопа, потому что смотрела единственным глазом или, если угодно, имела одно-единственное окно, да и то заделанное решеткой и пугавшее своей темнотой.

Окно это никогда не отворялось и было затянуто паутиной. Прямо под ним находилась дверь, обитая гвоздями с широкими шляпками, не столько свидетельствовавшая о том, что через нее входили в дом, сколько указывавшая на то, что через нее можно было войти.

В тупике никто не жил, если не считать сапожника в деревянной будке да штопальщицы на двухколесной повозке; оба они укрывались в тени монастырской акации, которая с девяти часов утра посылала спасительную прохладу на пыльную мостовую.

Вечером штопальщица возвращалась домой, сапожник вешал замок на дверь своего дворца, и улочка становилась совершенно безжизненной, не считая мрачного и угрюмого окна, о котором мы уже говорили.

Помимо описанной нами двери в особняке существовал парадный вход с улицы Сен-Клод. Он представлял собой ворота, украшенные лепниной в стиле Людовика XIII; на воротах висел молоток в виде головы грифона, о котором граф Феникс упомянул в разговоре с кардиналом де Роаном.

Окна особняка выходили на бульвар и с раннего утра были открыты солнцу.

Париж тех лет, в особенности – этот квартал, был небезопасен. Вот почему никого не удивляли ни зарешеченные окна, ни оцетинившиеся железными артишоками стены.

Мы говорим об этом потому, что второй этаж особняка напоминал крепость. От врагов, разбойников, влюбленных железные балконы были защищены тысячами острых шипов; со стороны бульвара дом был окружен глубоким рвом; чтобы пробраться в эту крепость со стороны улицы, понадобились бы лестницы в тридцать футов длиной. Стена достигала в высоту тридцати двух футов и скрывала, вернее, заживо погребала все, что находилось во дворе.

Особняк этот, вид которого в наши дни заставил бы любого прохожего замереть от удивления, беспокойства или любопытства, в 1770 году не казался необычным. Он, напротив, соответствовал облику всего квартала, и если благочестивые жители улицы Сен-Луи, а также не менее благочестивые жители улицы Сен-Клод старались держаться от особняка подальше, то вовсе не из-за самого дома – с то время о нем не говорили ни хорошего, ни плохого, – а из-за пустынного бульвара, проходившего от городских ворот Сен-Луи и пользовавшегося дурной славой, а также из-за моста, перекинувшего обе арки над сточной канавой и напоминавшего каждому знакомому с историей парижанину непреодолимые колонны Кадеса.

Бульвар и в самом деле с этой стороны вел к Бастилии. На протяжении четверти мили здесь едва ли можно было насчитать с десятков домов; городские власти, к тому же, не считали необходимым провести в этой дыре освещение: вот почему, за исключением восьми часов в летние дни и четырех часов зимой, все остальное время здесь царили разбой и грабеж.

Впрочем, именно этой дорогой промчалась карета около часа спустя после разговора в Сен-Дени.

Двери кареты украшал герб графа Феникса.

Граф скакал впереди экипажа верхом на Джериде; конь несся с развевавшимся по ветру хвостом, поднимая густую пыль с нагретой солнцем мостовой.

В карете за опущенными занавесками лежала на подушках задремавшая Лоренца.

Ворота как по волшебству распахнулись на стук колес, и карета исчезла во дворе описанного нами дома.

Ворота захлопнулись.

Впрочем, в такой таинственности не было особой нужды: ни единая душа не видела, как граф Феникс вернулся домой; никто не мог бы ему помешать, даже если бы он увез из Сен-Дени монастырскую казну в коробах своей кареты.

Теперь необходимо в нескольких словах познакомить читателя с внутренним убранством

особняка, так как нам придется еще не раз здесь побывать.

Начнем со двора, о котором мы уже упоминали. Сквозь булыжник пыталась пробиться жизнелюбивая, словно неиссякаемый источник, трава, упорно раздвигавшая тяжелые камни. По правую руку находились конюшни, с левой стороны были видны каретные сараи, а в глубине двора к парадной двери вел подъезд, по обеим сторонам которого можно было насчитать по дюжине ступеней.

В нижнем этаже особняка находились, насколько можно было заметить, просторная приемная, столовая, поражавшая расставленной в горках изысканной серебряной утварью, и гостиная, которая, по-видимому, была меблирована незадолго до прибытия новых хозяев.

Между гостиной и приемной была лестница, ведущая во второй этаж, где находились три хозяйские комнаты.

Однако наметанный глаз мог бы заметить, что комнаты были слишком малы сравнительно с общей площадью этажа.

Это обстоятельство свидетельствовало о том, что, помимо доступных глазу апартаментов, существовали, очевидно, еще и потайные комнаты, о которых знал только хозяин.

Приемную украшала статуя бога Гарпократа, прижимавшего к губам палец, словно призывая к молчанию, символом которого он являлся. Рядом со статуей открывалась небольшая дверь, не заметная благодаря лепным украшениям. За дверью узкая лестница поднималась во второй этаж и приводила в небольшую комнату, куда свет проникал через два зарешеченных окна, выходивших во внутренний дворик.

Дворик этот был замкнут со всех сторон и скрывал от чужих глаз потайные комнаты.

Хозяином комнаты, в которую вела потайная лестница из приемной, был, по всей видимости, мужчина. Пол и диваны в ней были устланы роскошными шкурами льва, тигра и пантеры, привезенными из Африки и Индии; казалось, глаза их сверкают, словно живые, а пасти разинуты в злобном оскале. Стены были обтянуты кордосской кожей с крупным пропорциональным рисунком; на стенах было развешано всевозможное оружие, начиная от томагавка Харона до малайского ножа, от шпаги крестоносца до арабского кангиара, от инкрустированной слоновой костью аркебузы XVI века до ружья с золотой насечкой XVIII века.

Тщетными оказались бы поиски другого входа, кроме того, что вел с лестницы; возможно, другие двери и существовали, но они были надежно скрыты от глаз.

Слуга-немец лет тридцати – единственный, кого в эти дни можно было заметить рыскавшим по просторному дому – запер ворота на засов и распахнул дверцу кареты, в то время как невозмутимый кучер распрягал лошадей. Лакей вынес из экипажа спящую Лоренцу и на руках отнес ее в приемную. Здесь он опустил ее на покрытый красным ковром стол и заботливо укутал ей ноги белым плащом, в который она была завернута.

Затем он вышел, чтобы зажечь от каретного фонаря семирожковый подсвечник, и вернулся в комнаты.

Но за то короткое время, пока он отсутствовал, Лоренца исчезла.

Дело в том, что вслед за лакеем в приемную вошел граф Феникс. Он поднял Лоренцу на руки и вынес через потайную дверь, затем поднялся по лестнице в оружейную, тщательно заперев за собой обе двери.

Оказавшись в комнате, он нажал ногой кнопку в углу камина с высоким колпаком. Сейчас же чугунная каминная доска, превращенная в дверь, бесшумно отворилась; шагнув в дверной проем, граф исчез, прикрыв ногой таинственную дверь.

По другую сторону камина он обнаружил еще одну лестницу; поднявшись на полтора десятка ступеней, устланных утрехтским бархатом, он оказался на пороге комнаты, стены которой были обтянуты атласом с вышитыми цветами, казавшимися живыми благодаря ярким краскам и тонкой работе.

Комната была обставлена изящной золоченой мебелью. Два больших черепаховых шкафа, инкрустированных медью, клавишин и туалетный столик розового дерева, прелестная пестрая кровать, севрский фарфор составляли неотъемлемую часть меблировки. Стулья, кресла, диваны, симметрично расставленные на площади в тридцать квадратных футов, довершали убранство апарта-

ментов, состоявших всего-навсего из туалетной комнаты и будуара, примыкавшего к описанной комнате.

Два окна, завешанные плотными шторами, должны были освещать комнату, если бы не поздний час.

В будуаре и туалетной комнате окон не было. Лампы, заправленные душистым маслом, освещали их днем и ночью; невидимые руки поднимали и опускали их через отверстия в потолке.

В комнате царила полная тишина, сюда не доносилось ни шума, ни единого вздоха. Можно было подумать, что она находится в ста милях от города. Только золото мерцало со всех сторон, дорогие картины улыбались со стен, богемский хрусталь переливался разноцветными гранями и искрился яркими огнями. Когда граф опустил Лоренцу на диван, ему показался недостаточно ярким свет, падавший из будуара; он высек огонь из серебряной коробочки, поразившей в свое время воображение Жильбера, и зажег стоявшие на камине розовые свечи, вставленные в два канделябра.

Он вернулся к Лоренце и, опустившись коленом на гору подушек, лежавших на полу возле дивана, произнес:

– Лоренца!

Молодая женщина откликнулась на его зов: она приподнялась на локте, хотя глаза ее по-прежнему были закрыты. Она ничего не отвечала.

– Лоренца, – повторил он, – спите ли вы своим обычным сном или находитесь под действием гипноза?

– Под действием гипноза, – отвечала Лоренца.

– Если я стану вас спрашивать, вы сможете мне отвечать?

– Думаю, что да.

– Хорошо.

После минутного молчания граф Феникс продолжал:

– Посмотрите, что происходит в комнате принцессы Луизы, откуда мы приехали около часа назад.

– Я смотрю в ту сторону.

– Что-нибудь видите?

– Да.

– Кардинал де Роан еще там?

– Его я не вижу.

– Что делает принцесса?

– Молится перед сном.

– Посмотрите в коридорах и на монастырском дворе, не видите ли вы его высокопреосвященства?

– Нет.

– Взгляните, не стоит ли его карета за воротами?

– Нет.

– Проследите за ним вдоль дороги, по которой мы только что проследовали.

– Слежу.

– Вы видите на дороге экипажи?

– Да, очень много.

– Не видно ли в одном из них кардинала?

– Нет.

– А ближе к Парижу?

– Я приближаюсь...

– Еще!

– Да...

– Еще!

– Вот он!

– Где?

- У городских ворот.
- Он остановился?
- Останавливается. Выездной лакей спрыгивает с подножки.
- Он ему что-нибудь говорит?
- Собирается заговорить.
- Послушайте, Лоренца: мне важно знать, что кардинал ему сказал.
- Вы не приказали мне вовремя слушать. Подождите... Лакей разговаривает с кучером.
- Что он ему говорит?
- Улица Сен-Клод в Маре, со стороны бульвара.
- Отлично, Лоренца! Благодарю вас.

Граф написал несколько слов на листе бумаги, обернул его вокруг небольшой медной пластинки, чтобы, очевидно, придать ей вес, дернул за шнурок звонка, потом нажал кнопку, под которой приотворилось окошко, опустил записку, после чего окошко захлопнулось.

Таким способом граф связывался с Фрицем, когда уединялся во внутренних комнатах.

Затем он вернулся к Лоренце.

- Благодарю вас, – повторил он.
- Значит, ты мною доволен? – спросила молодая женщина.
- Да, дорогая Лоренца.
- Тогда я жду вознаграждения. Бальзамо улыбнулся и коснулся губами уст Лоренцы, отчего

все ее тело охватила сладострастная дрожь.

– Джузеппе! Джузеппе! – прошептала она, горестно вздохнув. – Джузеппе! Я так тебя люблю!

Глава 23. ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ – СОН

Бальзамо живо отступил назад, руки Лоренцы объяли пустоту и, скрестившись, легли на грудь.

- Лоренца, – заговорил Бальзамо, – не хочешь ли ты поговорить со своим другом?
- Да – отвечала она. – Ты почаще говори со мной: я так люблю твой голос!
- Лоренца, ты мне частенько говорила, что была бы счастлива, если бы могла жить со мной вдвоем, вдали от света.

– Да, это было бы счастье!

– Так вот я исполнил твое желание, Лоренца. В этой комнате никто не будет нас преследовать, никто нас здесь не достанет. Мы одни, совсем одни.

– Вот и прекрасно!

– Скажи, по вкусу ли тебе пришлась эта комната?

– Прикажи мне увидеть ее!

– Смотри!

– Какая прелестная комната! – воскликнула она.

– Так она тебе нравится? – нежно спросил граф.

– Да! Вот мои любимые цветы: ванильные гелиотропы, пурпурные розы, китайский жасмин. Благодарю тебя, мой заботливый Джузеппе. Ты такой добрый!

– Я делаю все, чтобы тебе нравиться, Лоренца.

– Это в сто раз больше, чем я того заслуживаю.

– Так ты согласна?

– Да.

– Признаешь, что была не права?

– Да, конечно! Но ты меня прощаешь, правда?

– Я прощу тебя, если ты мне объяснишь эту странность, с которой я воюю с тех пор, как тебя узнал.

– Знаешь, Бальзамо, во мне словно живут две разные Лоренцы: одна тебя любит, другая – ненавидит; я будто веду двойную жизнь: то я чувствую себя на седьмом небе от счастья, то испы-

тываю адские муки.

– Иными словами, одна жизнь проходит словно во сне, другая – наяву, не так ли?

– Да.

– И ты любишь меня, когда спишь, и ненавидишь, пробуждаясь?

– Да.

– Отчего так происходит?

– Не знаю.

– Ты должна это знать.

– Нет.

– Ну, поищи хорошенько, загляни себе в душу, спроси свое сердце.

– Да, да... Теперь понимаю!

– Говори же!

– Когда Лоренца бодрствует, она – римлянка, благочестивая дочь Италии. Она полагает, что знание – это преступление, а любовь – великий грех. Вот почему она боится ученого Бальзамо, страшится прекрасного Джузеппе. Ее исповедник сказал ей, что если она будет тебя любить, она погубит свою душу, вот почему она готова убежать от тебя хоть на край света.

– А когда Лоренца спит?

– Совсем другое дело! Она больше не благочестивая римлянка, она – женщина. Она читает мысли Бальзамо, она проникает в его сердце; она видит, что он – гений, стремящийся к возвышенной цели; вот когда она понимает, что сама она – ничто в сравнении с ним. Она хотела бы всю жизнь быть с ним рядом, чтобы в будущем хоть кто-нибудь ненароком вспомнил имя Лоренцы, говоря о великом... Калиостро!

– Так мне суждено прославиться под этим именем?

– Да, да!

– Дорогая Лоренца! Тебе нравится твое новое жилище?

– Оно роскошнее предыдущих, но меня радует другое.

– Что же?

– Что ты обещаешь жить рядом со мной.

– Стало быть, когда ты спишь, ты знаешь, как страстно я тебя люблю?

Молодая женщина подтянула к груди колени; на губах ее заиграла бледная улыбка.

– Да, я вижу, – проговорила она, – хотя..., хотя, – со вздохом сказала она, – есть нечто такое, что ты любишь больше, чем Лоренцу.

– О чем ты говоришь? – вздрогнув, спросил Бальзамо.

– О твоей мечте.

– Что это за мечта?

– Твое честолюбие.

– Скажи лучше: слава!

– О Господи!

Сердце ее не выдержало, и тихие слезы покатались из-под опущенных ресниц.

– Что ты там увидела? – спросил Бальзамо, потрясенный ее ясновидением, которое временами пугало его самого.

– Я вижу блуждающих в темноте призраков; некоторые из них держат в руках свои головы, увенчанные коронами; а ты..., ты стоишь в самом центре, словно генерал на поле боя. Ты словно наделен безграничной властью: ты повелеваешь, и все тебе покоряются.

– Разве ты мною не гордишься? – радостно воскликнул Бальзамо.

– О, твоя доброта не позволяет тебе стать великим!.. Кстати, я ищу себя в окружающей тебя толпе, но не вижу. Меня уже нет... Меня уже не будет, – с грустью прошептала она.

– Где же ты будешь?

– Я умру.

Бальзамо содрогнулся.

– Ты умрешь, Лоренца? – вскричал он. – Да нет же, мы будем вместе и будем любить друг друга!

– Ты меня не любишь.

– Да что ты!

– Недостаточно сильно! – воскликнула она, обхватив голову Джузеппе. – Недостаточно сильно, – повторила она, прижавшись пылавшими губами к его лбу и осыпая его поцелуями.

– В чем же ты меня упрекаешь?

– Ты слишком холоден. Вот и сейчас ты отступаешь. Ты что, боишься, что я обожгу тебя поцелуями? Почему ты избегаешь моих губ? Верни мне былой покой, монастырь в Субиако, ночное одиночество моей кельи. Верни мне поцелуи, которые ты мне посылал на крыльях загадочного ветра; я видела, как они прилетали ко мне, подобно золотокрылым сиффам, и душа моя ликovala.

– Лоренца! Лоренца!

– Не ускользай от меня, Бальзамо, не ускользай, молю тебя! Дай я пожму твою руку, поцелую твои глаза: ведь я жена тебе!

– Да, да, Лоренца, любимая! Да, ты моя жена!

– Зачем же я живу на свете, если ты страдаешь? У тебя есть нетронутый одинокий цветок, его аромат вызывает к тебе, а ты его отталкиваешь! Я чувствую, что ничего для тебя не значу.

– Ты для меня все, Лоренца! В тебе моя сила, моя власть, мой гений, без тебя я был бы ни на что не способен. Перестань пылать ко мне безумной страстью, не дающей по ночам покоя женщинам твоей страны. Люби меня так же, как люблю тебя я.

– Но это не любовь, нет!

– Это, по крайней мере, все, что я у тебя прошу, потому что ты даешь мне все, чего я хочу. Для счастья мне довольно обладания твоей душой.

– Счастье? – презрительно воскликнула Лоренца. – Это ты называешь счастьем?

– Да, потому что для меня счастье – быть великим. Лоренца протяжно вздохнула.

– Ах, если бы ты знала, милая Лоренца, что значит читать в людских сердцах, побеждать их, зная все их слабости!

– Да, я знаю, что только за этим я вам нужна!

– Не только! Твоими глазами я читаю в книге будущего. То, чего я не мог бы узнать и в двадцать лет ценой невероятного труда и лишений, я узнаю от тебя, невинная голубка. Ты освещаешь мне подстерегающие меня на каждом шагу ловушки, расставленные моими врагами; ты общаешь остроту моему разуму, от которого зависят и жизнь, и состояние, и свобода. Когда ты отворачиваешься от окружающего мира, закрывая свои прекрасные глаза, ты проникаешь внутренним нечеловеческим взором в тайные глубины бытия! Ты охраняешь мой покой. Ты делаешь меня свободным, богатым, всемогущим!

– А взамен ты делаешь меня несчастной! – вскричала Лоренца, сгорая от любви.

Она с жадностью набросилась на Бальзамо и заключила его в объятия; поддавшись ее чувству, он почти не сопротивлялся.

– Лоренца! Лоренца! Сжался надо мной, – прошептал он, пытаясь освободиться.

– Я тебе жена, а не дочь! Люби меня, как супруг, а не так, как любил меня отец.

– Лоренца! – пробормотал Бальзамо, затрепетав от желания. – Умоляю, не требуй от меня другой любви, кроме той, какую я могу тебе дать.

– Но это не любовь! – вскричала молодая женщина, в отчаянии воздев руки. – Нет, это не любовь!

– Да нет же, я люблю тебя..., но непорочно и чисто, как любят святую.

Молодая женщина отшатнулась так резко, что ее длинные черные волосы рассыпались по плечам. Она почти угрожающе подняла белоснежную нервную руку.

– Что это значит? – отрывисто спросила она. – Зачем ты заставил меня покинуть родину, забыть имя, отречься от семьи, даже от Бога? Ведь ты молишься другому богу. Зачем ты завладел мною настолько, что сделал из меня рабыню, лишил мое существование смысла, обескровил? Слышишь? – в отчаянии продолжала она. – Зачем ты все это сделал? Чтобы называть меня святой Лоренцой?

Бальзамо в ответ вздохнул, подавленный безграничным страданием молодой женщины.

– Увы, в этом твоя вина, вернее, вина Господа. Зачем он создал тебя ангелом с непогреши-

мым взглядом, который должен мне помочь подчинить вселенную? Почему ты умеешь читать в сердцах людей сквозь материальную оболочку, словно книгу через стекло? Да потому, что ты – ангел чистоты, Лоренца! Ты – прозрачный алмаз, ничто не омрачает твоего разума; и вот, видя такое незапятнанное, чистое, лучезарное существо, подобное Деве Марии, Господь желает, чтобы оно сошло на землю по моему зову во имя спасения созданных им людей; ты – его Святой Дух, витающий обыкновенно над простыми смертными, не находя среди них места, где можно было бы преклонить голову.

Пока ты святая – ты зрячая, Лоренца! Став женщиной, ты потеряешь свой дар.

– Тебе не нужна моя любовь, – вскричала Лоренца, яростно ударив в ладоши, отчего они покраснели, – тебе дороже твои недостижимые мечты, твои химеры? Ты обрекаешь меня на монашеское целомудрие, искушая своим присутствием, чем неизбежно обрекаешь меня на страдания? Ах, Джузеппе, Джузеппе, ты совершаешь преступление, вот что я тебе скажу!

– Не кощунствуй, Лоренца! – воскликнул Бальзамо. – Я страдаю не меньше тебя. Ну, загляни в мое сердце. Я приказываю! Попробуй сказать, что я тебя не люблю.

– Зачем же ты борешься с собой?

– Я хочу вместе с тобой взойти на трон мирового господства!

– Сможет ли твое честолюбие дать тебе то, что готова подарить моя любовь? – прошептала молодая женщина.

Бальзамо в растерянности уронил голову Лоренце на грудь.

– Да, да! – вскричала она. – Вот теперь я вижу, что ты меня любишь больше, чем свое честолюбие, больше, чем власть, больше, чем мечту. Наконец-то ты любишь меня так же, как я тебя!

Бальзамо попытался развеять пелену, застилавшую ему разум. Но его усилие оказалось тщетным.

– Если ты так меня любишь, пощади меня! Лоренца его не слушала. Она обвила его шею руками, словно стальными оковами.

– Я люблю тебя так, как ты хочешь, – проговорила она, – как сестра или как жена, как святая или как женщина, поцелуй меня, ну хоть разочек!

Бальзамо был покорен, побежден ее страстной любовью. Не имея сил сражаться, он прижался к Лоренце, как железо, притянутое магнитом; взор его горел, грудь яростно вздымалась, голова запрокинулась.

Губы его искали губ молодой женщины.

Вдруг разум вернулся к нему.

Он взмахнул руками, словно прогоняя дурман.

– Лоренца! – воскликнул он. – Проснитесь, я приказываю!

В тот же миг оковы, которые он никак не мог разорвать, спали; обнимавшие его руки опустились; жаркая улыбка, блуждавшая на пересохших от возбуждения устах Лоренцы, угасла, словно жизнь, истекавшая с последним вздохом; глаза ее раскрылись, она с силой взмахнула руками и устало рухнула на софу, вновь смежив веки.

Бальзамо сел в трех шагах от нее и глубоко вздохнул. – Прощай, мечта! – прошептал он. – Прощай, счастье!

Глава 24. ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ – ЯВЬ

Едва приблизившись, Лоренца быстро огляделась по сторонам.

Она внимательно изучила каждую мелочь, доставляющую обыкновенно радость любой женщине, однако лицо Лоренцы оставалось строгим. Как только ее глаза остановились на Бальзаме, она болезненно содрогнулась.

Сидя в нескольких шагах от Лоренцы, Бальзамо не сводил с нее глаз.

– Это опять вы? – отпрянув, спросила она. Ее лицо выразило ужас; губы ее побелели, а на лбу и висках появилась испарина. Бальзамо не отвечал.

– Где я? – спросила она.

– Вы сами знаете, откуда вы прибыли, – отвечал Бальзамо, – это естественным образом

должно навести вас на мысль о том, где вы находитесь.

– Да, вы правы, я припоминаю. Я помню, как вы меня преследовали, как вырвали меня из рук моей заступницы перед Богом.

– Вы сами знаете, что даже всемогущая принцесса не смогла бы вас защитить.

– Да, вы ее околдовали! – сложив руки, вскричала Лоренца. – Боже, Боже! Спаси меня от этого дьявола!

– Что же во мне дьявольского? – пожав плечами, проговорил Бальзамо. – Прошу вас избавиться раз навсегда от завезенных из Рима нелепых предрассудков, которые тянутся за вами с тех самых пор, как вы вышли из монастыря.

– Ах, монастырь... Кто мне вернет мой монастырь? – разразившись рыданиями, вскричала Лоренца.

– Нашли, о чем жалеть! – проговорил Бальзамо. Лоренца бросилась к окну, раздвинула занавески, подняла оконную задвижку и схватилась за один из прутьев железной решетки, увитой цветами, благодаря чему решетка была не столь заметна, что, однако, не лишало ее надежности.

– Там была тюрьма, и здесь – тоже тюрьма, – сказала Лоренца, – однако я бы предпочла ту, что ведет на небо, чем эту, ведущую в ад.

Она в ярости ударила кулачками по решетке.

– Если бы вы были благоразумны, Лоренца, на вашем окне были бы только цветы.

– Разве я не была благоразумна, когда вы заперли меня в тюрьме на колесах вместе с чудовищем, которого вы называли Альтотасом? Однако вы не упускали меня из виду, я была вашей пленницей; перед уходом вы подчиняли себе мой разум! Где тот страшный старик, что заставлял меня трепетать от ужаса? Где-нибудь совсем рядом? Стоит нам обоим замолчать, и мы услышим из-под земли его голос!

– Вы распяляете свое воображение, как ребенок, – заметил Бальзамо. – Альтотас – мой учитель, друг, второй отец, он совершенно безвредный старик; он ни разу вас не видел, никогда к вам не подходил, а если бы видел или подошел, не обратил бы на вас внимания, потому что слишком увлечен своим делом.

– Своим делом... – пробормотала Лоренца. – Чем же он занят?

– Он ищет секрет вечной молодости, а это уже шесть тысячелетий занимает умы всего человечества.

– А чем занимаетесь вы?

– Я? Меня занимает вопрос человеческого совершенства.

– Все это от лукавого! – воскликнула Лоренца, воздев руки к небу.

– Ну вот, опять у вас начинается припадок, – проговорил, поднимаясь, Бальзамо.

– Припадок?

– Да. Вы не знаете очень важного. Ваша жизнь словно разделена надвое: то вы бываете нежной, доброй, рассудительной; то становитесь безумной.

– И под этим надуманным предлогом вы меня заперли?

– Увы, это совершенно необходимо.

– Я согласна на жестокость, на варварство, но не надо лицемерия. Когда вы рвете мне сердце на части, не притворяйтесь, что жалеете меня.

– Да разве это пытка – жить в роскошной комнате? – без тени недовольства спросил Бальзамо и приветливо улыбнулся.

– Решетки! Решетки со всех сторон! Я здесь задыхаюсь!

– Эти решетки – в ваших интересах, слышите, Лоренца?

– Он меня поджаривает на медленном огне и говорит, что обо мне заботится!

Бальзамо подошел к молодой женщине и собирался было взять ее за руку: она отскочила, словно при виде змеи.

– Не прикасайтесь ко мне! – вскричала она.

– Вы что же, ненавидите меня, Лоренца?

– Спросите у жертвы, любит ли она своего палача!

– Лоренца! Лоренца! Я не хочу быть вашим палачом, вот почему вынужден несколько огра-

ничить вашу свободу.

Если бы вы имели возможность свободно передвигаться, кто знает, что вы могли бы натворить в припадке безумия?

– Что бы я сделала? Лишь бы мне освободиться, и вы увидите, на что я способна!

– Лоренца! Вы дурно обращаетесь с супругом, которого выбрали перед Богом.

– Чтобы я вас выбрала? Никогда!

– Однако вы мне жена...

– Это происки сатаны.

– Бедняжка! – нежно глядя на нее, прошептал Бальзамо.

– Я – римлянка, – пробормотала Лоренца, – придет день, и я за себя отомщу!

Бальзамо грустно покачал головой.

– Вы хотите меня напугать, Лоренца? – с улыбкой спросил он.

– Вовсе нет! Как я говорю, так и сделаю!

– Вы же христианка, как вы можете так говорить? – воскликнул Бальзамо властно. – Ваша религия учит платить добром за зло. Если вы утверждаете, что исповедуете эту религию, разве не лицемерием было бы поступить наоборот?

Казалось, Лоренцу поразили его слова.

– Разоблачить перед обществом некроманта, колдуна... Это не месть, это мой долг!

– Если вы собираетесь разоблачить меня как некроманта и колдуна, значит, вы думаете, что я веду себя вызывающе по отношению к Богу. Но если это так, то почему же Бог не дает себе труда наказать меня? Ведь стоило бы Ему пальцем шевельнуть, и от меня бы ничего не осталось. Почему же Он возлагает столь трудное дело на людей, таких же слабых, как я, и так же способных ошибиться?

– Он мог забыть... Он милостив... – пробормотала молодая женщина, – он ждет, что вы сами исправитесь. Бальзамо улыбнулся.

– Ну да, а пока Он вам советует предать своего друга, благодетеля, супруга.

– Супруга? Благодаренье Богу, никогда ваша рука не прикасалась к моей, чтобы я не покраснела или не вздрогнула.

– Вы сами знаете, что я великодушно избавлял вас от этого.

– Да, вы и впрямь сдержанны, это единственная награда за мои мучения. Если бы мне еще пришлось терпеть вашу любовь...

– Непостижимая загадка природы! – пробормотал Бальзамо, словно отвечая своим мыслям и не обращая внимания на слова Лоренцы.

– Итак, я желаю знать, по какому праву вы лишаете меня свободы.

– А почему вы, добровольно вручив мне свою свободу, хотите отобрать ее? Почему вы избегаете того, кто вас охраняет? Зачем собираетесь искать защиты у чужой вам принцессы от того, кто вас любит? Почему постоянно угрожаете тому, кто никогда вам не угрожал, открыть не принадлежащие вам тайны, о смысле которых вы не имеете понятия?

– Если пленник твердо решил освободиться, он в конце концов станет свободным, – не отвечая на вопросы Бальзамо, проговорила Лоренца, – ваши решетки меня не остановят, как не удержала ваша тюрьма на колесах.

– К счастью для вас, решетки надежны, Лоренца, – с угрожающим спокойствием заметил Бальзамо.

– Бог пошлет мне бурю, как тогда, в Лотарингии, и гром небесный их разобьет!

– Поверьте, что для вас лучше было бы просить Бога не делать этого; воздержитесь от романтических бредней, Лоренца! Я вам это говорю, как друг, послушайте меня.

В голосе Бальзамо зазвенели гневные нотки, в глазах вспыхнул недобрый огонек, его белые сильные руки зловеще сжимались при каждом слове, которое он выговаривал медленно, почти торжественно. Оглушенная Лоренца слушала его вопреки своему желанию.

– Вот что, дитя мое, – продолжал Бальзамо таким же тоном, – я постарался, чтобы эта тюрьма была достойна принять даже королеву: будь вы королевой, у вас и тогда ни в чем не было бы недостатка. Довольно безумных речей! Живите здесь так, как если бы оставались в своей келье.

Смиритесь с моим присутствием; любите меня, как друга, как брата. Мне случается сильно огорчаться – мне бы хотелось вам довериться; порой я испытываю ужасные разочарования – меня утешила бы ваша улыбка. По мере того как вы будете добрее, внимательнее, терпеливее, решетки будут становиться все тоньше. Кто знает, может быть, через год, через полгода вы будете так же свободны, как я, и сами не захотите меня покинуть.

– Нет! Нет! – вскричала Лоренца, не понимая, как такая пугающая решимость Бальзамо уживается со столь нежным голосом. – Нет, не хочу больше слышать ни обещаний, ни лжи: вы меня похитили, вероломно похитили, но я принадлежу себе и только себе; так отдайте меня по крайней мере Господу, если не желаете вернуть мне свободу. До сих пор я сносила ваш деспотизм, потому что помню, что вы вырвали меня из рук готовых меня обесчестить разбойников. Но моя признательность постепенно тает. Еще несколько дней этой возмутительной неволи, и я перестану считать себя вам обязанной; тогда берегитесь, я, пожалуй, поверю, что у вас с теми разбойниками какие-то таинственные отношения.

– Так вы готовы увидеть во мне главаря банды? – насмешливо спросил Бальзамо.

– Я в этом не уверена, но, во всяком случае, заметила кое-какие знаки, словечки...

– Заметили?.. – вскричал, бледнея, Бальзамо.

– Да, да! – сказала Лоренца. – Заметила, я их теперь знаю.

– Никогда о них не говорите! Ни единая душа не должна их знать! Спрячьте их поглубже в памяти, и пусть они там навсегда угаснут!

– Ну зачем же! – воскликнула Лоренца, испытывая воодушевление, какое охватывает в минуты гнева, оттого что найдено, наконец, уязвимое место противника. – Я бережно сохраняю в памяти все эти слова, тихо повторяя их, пока буду в одиночестве, а при первом же удобном случае произнесу громко; кстати, я о них уже говорила.

– Кому? – спросил Бальзамо.

– Ее высочеству.

– Вот что, Лоренца, прошу вас внимательно меня выслушать, – проговорил Бальзамо, до боли сжимая кулаки, пытаясь побороть возбуждение и сдерживать гнев, – если вы их и сказали, то больше вам не придется их произнести; вы не скажете их больше потому, что я запру все двери, потому что я прикажу заточить острия решеток; если понадобится, я возведу стены вокруг этого дома высотой с Вавилонскую башню.

– Я вам уже сказала, Бальзамо, – вскричала Лоренца, – что из любой тюрьмы можно рано или поздно выйти, тем более, если любовь к свободе усиливается от ненависти к тирану!

– Прекрасно, попробуйте выйти отсюда, Лоренца. Однако вот что я вам скажу: вы сможете попытаться дважды. На первый раз я вас накажу так жестоко, что вы выплачете все свои слезы. В другой раз я ударю вас так безжалостно, что вы потеряете всю свою кровь до последней капли.

– Боже мой! Боже! Он меня убьет! – простонала молодая женщина, доведенная до последней степени бессильной злобы, она каталась по полу, рвала на себе волосы.

Бальзамо смотрел на нее со смешанным чувством гнева и жалости. Наконец жалость одержала верх.

– Лоренца! Придите в себя, успокойтесь. Придет день, когда вы будете вознаграждены за все страдания или за то, что считали страданием.

– Тюрьма! Тюрьма! – кричала Лоренца, не слушая Бальзамо.

– Ну потерпите!

– Он меня ударит!

– Это только испытательный срок...

– Я схожу с ума!

– Вы поправитесь...

– Немедленно отправьте меня в больницу для умалишенных! Посадите меня в настоящую тюрьму!

– Зачем? Ведь вы же предупредили меня о своих намерениях.

– Тогда – смерть! Смерть! Сейчас же!

Вскочив со стремительностью и гибкостью дикой кошки, Лоренца бросилась к стене, соби-

раясь разбить себе голову.

Бальзамо протянул руку, произнес одно-единственное слово, и она замерла на полпути; закачалась и, засыпая, упала в объятия Бальзамо.

Казалось, волшебник подчинил себе ее тело, но тщетно пытался одолеть силу ее духа; он поднял Лоренцу на руки и отнес ее на кровать; он прильнул к ее устам, потом задернул полог кровати и занавески на окнах и вышел.

Лоренца погрузилась в сладкий благодатный сон, окутавший ее, словно мать самовольное дитя, которое много страдало и плакало.

Глава 25. ВИЗИТ

Лоренца не ошиблась. Миновав городские ворота Сен-Дени и проехав через весь пригород, карета повернула за угол последнего дома и выехала на бульвар.

Как и говорила ясновидящая, в этой карете сидел его высокопреосвященство Людовик де Роан, архиепископ Страсбургский. Нетерпение подгоняло его, заставляя раньше назначенного времени отправиться с визитом к колдуну в его пещеру.

Кучер, привыкший к бесчисленным любовным похождениям красавца-прелата, не страшился темноты, рытвин я подстерегавших на некоторых мрачных улицах опасностей; он не дрогнул, когда освещенные и людные бульвары Сен-Дени и Сен-Мартена остались позади и пришлось свернуть на пустынный и темный бульвар Бастилии.

Карета остановилась на углу улицы Сен-Клод, и хозяин приказал остановиться в укромном месте под деревьями в двух десятках шагов от особняка.

Де Роан, одетый в партикулярное платье, бесшумно подошел к особняку и трижды ударил в дверь, которую он без труда узнал благодаря описанию графа Феникса.

Во дворе раздались шаги Фрица, и дверь распахнулась.

– Здесь проживает его сиятельство Феникс? – спросил кардинал.

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Он дома?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Доложите.

– Его высокопреосвященство кардинал де Роан? Кардинал был обескуражен. Он оглядел себя, потом стал озиаться по сторонам, пытаясь понять, что могло выдать его звание. Ведь он был один и на нем не было рясы.

– Откуда вам известно мое имя? – спросил он.

– Хозяин только что мне сказал, что ожидает ваше высокопреосвященство.

– Да, завтра или послезавтра.

– Нет, ваше высокопреосвященство, он ожидал вас сегодня вечером.

– Хозяин сказал, что ждет меня сегодня?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Ну так доложите обо мне, – приказал кардинал, сунув в руку Фрицу двойной луидор.

– Извольте следовать за мной, – сказал Фриц. Кардинал в знак согласия кивнул головой. Фриц быстрыми шагами пошел к двери в приемную, освещенную огромным двенадцатисвечевым бронзовым канделябром.

Изумленный кардинал, погруженный в задумчивость, шел за ним, – Милейший! – обратился он к лакею, останавливаясь перед дверью. – Тут, несомненно, какая-то ошибка. В этом случае мне не хотелось бы беспокоить графа. Не может быть, чтобы он меня ждал сегодня, он не знает, что я должен приехать.

– Вы в самом деле его высокопреосвященство де Роан, архиепископ Страсбургский? – спросил Фриц.

– Да, милейший.

– Значит, его сиятельство вас ожидает.

Фриц зажег одну за другой свечи еще двух канделябров, поклонился и вышел.

Кардинала охватило сильнейшее волнение. Он стал разглядывать мебель гостиной и дорогие картины.

Несколько минут спустя дверь распахнулась, на пороге стоял граф.

– Добрый вечер, ваше высокопреосвященство! – сказал он.

– Мне сказали, что вы меня ожидаете! – вскричал кардинал, не отвечая на приветствие. – Вы ждали меня сегодня? Это невероятно!

– Прошу меня простить, но я действительно вас ждал, – отвечал граф. – Может быть, ваше высокопреосвященство сомневается в том, что я говорю, потому что я оказываю вам недостойный прием. Но я всего несколько дней в Париже и еще не успел устроиться. Извините меня, ваше высокопреосвященство!

– Так вы меня ждали! Кто же вас предупредил?

– Вы сами, ваше высокопреосвященство.

– То есть, как?

– Вы приказали кучеру остановиться у ворот Сен-Дени, не так ли?

– Да.

– Вы подозвали выездного лакея, и он подошел к дверце, чтобы выслушать приказания вашего высокопреосвященства?

– Да.

– Не вы ли сказали ему: «Улица Сен-Клод в Маре, через Сен-Дени и бульвар», а он повторил это кучеру?

– Да. Так вы, значит, меня видели и слышали?

– Я вас видел, ваше высокопреосвященство, и слышал.

– Вы были там?

– Нет, ваше высокопреосвященство, меня там не было.

– Где же вы находились?

– Здесь.

– Вы видели и слышали меня отсюда?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Ни за что не поверю!

– Ваше высокопреосвященство забывает, что я – колдун.

– Да, верно, я и забыл... Как же мне называть вас? Бароном Бальзамо или графом Фениксом?

– В моем доме, ваше высокопреосвященство, у меня нет имени: меня зовут ХОЗЯИН.

– Да, это всеобъемлющее звание. Итак, хозяин, вы меня ждали?

– Я вас ждал.

– Вы уже развели огонь в своей лаборатории?

– Он никогда не угасает, ваше высокопреосвященство.

– Вы позволите мне туда войти?

– Почту за честь проводить туда ваше высокопреосвященство.

– Я пойду за вами, но при одном условии...

– При каком?

– Обещайте, что я не буду вступать в связь с дьяволом. Я испытываю ужас перед его величеством Люцифером. – Ваше высокопреосвященство!...

– Да, обыкновенно на роль сатаны приглашают отставного французского гвардейца или подгулявшего учителя фехтования, а чтобы игра произвела впечатление, они нещадно избивают зрителей кнутом и щелкают их по носам, когда гаснут свечи.

– Ваше высокопреосвященство! – с улыбкой заговорил Бальзамо. – Мои черти не забывают, что имеют дело с высочествами; они всегда помнят слова принца де Конде, пообещавшего одному из них в случае, если он не будет вести себя смирно, хорошенько его взгреть, да так, что свет ему покажется не мил.

– Ну что ж, – проговорил кардинал, – это меня радует. Идемте в лабораторию.

– Не угодно ли вашему высокопреосвященству следовать за мной?

Глава 26. ЗОЛОТО

Кардинал де Роан и Бальзамо поднялись по узкой лестнице, которая вела так же, как и парадная, в комнаты второго этажа.

Наверху Бальзамо отыскал под сводами дверь и отпер ее. Глазам кардинала открылся мрачный коридор, кардинал решительно пошел вперед.

Бальзамо запер дверь.

Грохот, с каким захлопнулась дверь, заставил кардинала оглянуться с некоторым волнением.

– Мы пришли, ваше высокопреосвященство, – проговорил Бальзамо. – Зайдемте вот в эту дверь, но прошу вас не обращать внимания на скрип и грохот, эта дверь – железная.

Скрип первой двери заставил кардинала содрогнуться, поэтому он обрадовался, что его вовремя предупредили: металлический скрежет петель и замка мог бы напугать и менее чувствительную натуру.

Он спустился на три ступеньки и вошел.

Огромный кабинет с голыми балками на потолке, большая лампа под абажуром, бесчисленное количество книг, много химического и физического оборудования – вот какое впечатление производила эта новая комната.

Скоро кардинал почувствовал, что ему стало трудно дышать.

– Что это значит? – спросил он. – Я задыхаюсь, хозяин, я весь в испарине. Что это за шум?

– В этом-то все и дело, ваше высокопреосвященство, как сказал Шекспир, – молвил Бальзамо, отодвигая гигантский асбестовый занавес, скрывавший огромную каменную печь; в середине печи поблескивали два отверстия, похожие на горящие в потемках глаза хищного зверя.

Комната, где находилась печь, была вдвое больше первой, но кардинал не обратил на нее внимания из-за занавеса.

– Сильное впечатление производит это зрелище! – воскликнул кардинал.

– Это и есть печь, ваше высокопреосвященство.

– Да, да, но вы процитировали Шекспира, а я приведу слова Мольера: есть печи и печи. У этой – вид вполне сатанинский, и потом, мне не нравится запах. Что в ней варится?

– То, о чем вы меня просили, ваше высокопреосвященство.

– Неужели?

– Да, ваше высокопреосвященство. Для меня большая честь, что вы пожелали познакомиться с моим детищем. Я должен был взяться за работу только завтра вечером, но, узнав о том, что ваше высокопреосвященство изменили намерение и уже направляетесь на улицу Сен-Клод, я развел в печи огонь и приготовил смесь. И вот огонь пылает, а через несколько минут вы увидите золото. Позвольте, я распахну форточку и впущу свежего воздуха.

– Вы хотите сказать, что вот эти тигели...

– Да, из них через десять минут потечет чистейшее золото, не хуже венецианских цехинов или тосканских флоринов.

– А можно на него взглянуть?

– Разумеется, только придется принять необходимые меры предосторожности.

– Какие же?

– Наденьте асбестовую маску со стеклянными отверстиями для глаз: огонь такой жаркий, что может опалить лицо.

– Дьявольщина! Придется поостеречься, я дорожу глазами и не отдал бы их даже за обещанные вами сто тысяч экю.

– Я так и думал, ваше высокопреосвященство; у вас красивые и добрые глаза.

Комплимент пришелся по вкусу кардиналу: он пристально следил за производимым им впечатлением.

– Ага! Так вы говорите, мы сейчас увидим золото? – спросил он, прилаживая на лицо маску.

– Надеюсь, что да, ваше высокопреосвященство.

– На сто тысяч экю?

– Да, ваше высокопреосвященство, и даже, может быть, немного больше, потому что смеси я

приготовил в изобилии.

– Вы – щедрый колдун, – проронил кардинал, и сердце его радостно забилося.

– Однако моя щедрость – ничто в сравнении с вашей, ваше высокопреосвященство, раз вы говорите мне такие слова. А теперь, ваше высокопреосвященство, будьте любезны немного отойти, я открываю заслонку тигеля.

Бальзамо накинуд короткую асбестовую рубашку, сильной рукой подхватил железные щипцы, и приподнял накалившуюся докрасна крышку; под ней оказались четыре одинаковых тигеля: в одном из них бурлила ярко-красная смесь, три другие были наполнены светлым веществом с пурпурным отблеском.

– Это золото, – проговорил прелат вполголоса, словно боясь громко произнесенным словом нарушить совершавшееся на его глазах таинство.

– Да, ваше высокопреосвященство, вы правы. Эти четыре тигеля расположены на разном расстоянии от огня: в одних золото должно вариться двенадцать часов, в других – одиннадцать. Смесь – я раскрою вам этот секрет, как другу и соратнику, – нужно переливать в слитки, как только она закипит. Как видите, в первом тигеле смесь посветлела: пора переливать. Соизвольте отодвинуться, ваше высокопреосвященство.

Кардинал повиновался, словно солдат приказу командира. Бальзамо оставил щипцы, раскалившиеся от соприкосновения с пламеневшими тигелями, затем подкатил к печи наковальню с семью железными формами одинакового размера.

– А это что, дорогой колдун? – спросил кардинал.

– Это, ваше высокопреосвященство, формы, в которые я буду заливать ваше золото.

– Ага! – удовлетворенно произнес кардинал. Он продолжал следить за Бальзамо с удвоенным вниманием.

Бальзамо разостлал на полу кусок белого льняного полотна, встал между наковальней и печью, раскрыл огромную книгу и произнес заклинание, держа в руке волшебную палочку. Потом взялся за небывалых размеров Щипцы, способные ухватить тигель.

– Золото выйдет отменное, высшего качества, ваше высокопреосвященство, – заметил он.

– Вы что же, собираетесь опрокинуть этот раскаленный котел?

–..который весит не меньше пятидесяти фунтов! Да, ваше высокопреосвященство. Далеко не каждый литейщик может похвастаться такими мускулами и такой, как у меня, сноровкой. Не бойтесь!

– А если тигель лопнет?..

– Однажды это со мной уже случилось, ваше высокопреосвященство. Было это в тысяча триста девяносто девятом году. Я проводил опыт вместе с Никола Фламельем у него дома на улице Экривен, неподалеку от часовни Сен-Жак-ла-Бушри. Бедняга Фламель едва не лишился зрения, а я потерял сто восемьдесят унций металла более ценного, чем золото.

– Что вы рассказываете, дорогой хозяин?

– Сущую правду.

– Вы этим занимались в тысяча триста девяносто девятом году?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– С Никола Фламельем?

– С ним! А за пятьдесят лет до того мы открыли этот секрет вместе с Пьером Лебоном в городе Пола. Пьер тогда неплотно прикрыл тигель, испарения повредили мне правый глаз, и я не видел им почти двенадцать лет.

– Пьер Лебон, вы сказали?

– Да, автор знаменитого труда «Margarita pretiosa». Вы, должно быть, знакомы с этой книгой.

– Да, она датирована тысяча триста тридцатым годом.

– Совершенно верно, ваше высокопреосвященство!

– И вы утверждаете, что были знакомы с Пьером Лебоном и Фламельем?

– Я был учеником одного и учителем другого. Пока испуганный кардинал соображал, сам ли дьявол перед ним или один из его приспешников, Бальзаме погрузил в пекло щипцы с длинными рукоятками.

Он уверенно и проворно зажал тигель на четыре дюйма от края, немного приподнял, проверая, хорошо ли он за него взялся, и вытянул чудовищный сосуд из пылавшей печи. Рукоятки щипцов в тот же миг раскалились докрасна. Кардинал увидел, как в глиняные формы потекли светлые ручейки, похожие на серебристые молнии, пересекающие грозовую серную тучу. Края тигеля стали темно-коричневыми, в то время как коническое дно было еще серебристо-розовым на фоне темной печи. Жидкий металл, подернувшийся сиреневато-золотистой пленкой, с шипением покатился по желобу тигеля, и пылающая струя достигла, наконец, темной формы. Через отверстие в форме показалось бурлившее, пенившееся золотое море.

– А теперь – другую, – проговорил Бальзамо, подходя ко второй форме. Она была наполнена с той же силой и ловкостью.

Пот катился с Бальзамо градом, кардинал в темноте осенял себя крестным знаменем.

Это и в самом деле было ужасное и в то же время величественное зрелище. В багровых отблесках пламени Бальзамо походил на одного из тех грешников, которых Микеланджело и Данте изображают на дне кипящего котла.

А потом он испытывал страх перед неизвестностью.

Бальзамо не успел передохнуть между двумя операциями, времени было в обрез.

– Будут небольшие потери, – проговорил он, заполнив вторую форму, – я на сотую долю минуты передержал смесь на огне.

– Сотая доля минуты! – воскликнул кардинал, не скрывая удивления.

– Для герметически закрытого сосуда это неслыханно много, ваше высокопреосвященство, – хладнокровно заметил Бальзамо, – а пока уже два тигеля опустели, и перед вами – две формы, полные чистого золота: здесь сто фунтов.

Ухватив своими чудодейственными клещами первую форму, он опустил ее в воду; вода долго бурлила и шипела. Наконец Бальзамо раскрыл форму и достал безупречный золотой слиток в форме сахарной головки, немного сплюсненной с обоих концов.

– Нам еще около часа дожидаться, пока два других тигеля будут готовы,

– сказал Бальзамо. – Не желает ли ваше высокопреосвященство отдохнуть или подышать свежим воздухом?

– Неужели это золото? – спросил кардинал, не слыша предложения хозяина.

Бальзамо улыбнулся. Кардинал оставался верен себе.

– Вы в этом сомневаетесь, ваше высокопреосвященство?

– Знаете, наука столько раз ошибалась...

– Вы не прямо выразили свою мысль, – заметил Бальзамо. – Вы думаете, что я вас обманываю, и обманываю сознательно. Ваше высокопреосвященство! Я был бы о себе невысокого мнения, если бы так поступал, потому что мое тщеславие не выходило бы за пределы моего кабинета. Неужели вы думаете, что я стал бы все это проделывать только ради того, чтобы насладиться вашим изумлением, которое улетучилось бы, обратись вы к первому попавшемуся ювелиру?! Мне бы хотелось, ваше высокопреосвященство, чтобы вы оказывали мне больше доверия. Поверьте, что если бы я хотел вас обмануть, я сделал бы это более ловким способом и из высших побуждений. Кроме того, известно ли вашему высокопреосвященству, как проверить золото?

– Разумеется: существует пробный камень.

– Насколько мне известно, вы, ваше высокопреосвященство, имели случай сами попытаться получить золото – испанские унции, которые были пущены в обращение, были сделаны из самого чистого золота... Правда, среди них потом оказалось немало..., фальшивых монет? – Да, мне в самом деле приходилось работать с золотом.

– В таком случае, ваше высокопреосвященство, вот вам камень и кислота.

– Не надо, вы меня убедили.

– Ваше высокопреосвященство, доставьте мне удовольствие, убедитесь в том, что эти слитки не только из золота, но и без примесей.

Казалось, кардиналу неудобно было проявлять недоверие, однако было очевидно, что он еще сомневается.

Бальзамо потер камнем о слитки и показал его гостю.

– Двадцать восемь карат, – сказал он, – сейчас я разолью два других тигля.

Десять минут спустя двести фунтов золота в четырех слитках были разложены на полу на полотне, мгновенно нагревшемся от соприкосновения с золотом.

– Вы, ваше высокопреосвященство приехали в карете, не правда ли? Я, по крайней мере, видел, как вы ехали в карете.

– Да.

– Ваше высокопреосвященство! Прикажите кучеру подъехать к воротам, и мой лакей отнесет слитки в вашу карету.

– Сто тысяч экю! – пробормотал кардинал, снимая маску, словно своими глазами желая убедиться, что у его ног лежало золото.

– И вы сможете, ваше высокопреосвященство, сказать, откуда это золото, не так ли? Ведь вы видели, как оно было получено.

– Да, я могу это засвидетельствовать.

– Нет, что вы! – с живостью возразил Бальзамо. – Во Франции ученые не в чести, не надо ничего свидетельствовать, ваше высокопреосвященство. Вот если бы я занимался теорией вместо того, чтобы делать золото, я бы не стал возражать.

– Чем же я, в таком случае, могу быть вам полезен? – спросил кардинал, с трудом приподнимая в хрупких руках пятидесятифунтовый слиток.

Бальзамо пристально на него взглянул и рассмеялся ему в лицо.

– Что забавного вы нашли в моих словах? – спросил кардинал.

– Если не ошибаюсь, ваше высокопреосвященство предлагает мне свои услуги?

– Разумеется.

– Не уместнее было бы мне предложить вам свои? Кардинал нахмурился.

– Я чувствую себя обязанным, сударь, – сказал он, – и спешу это признать. Однако если вы считаете мою признательность неуместной, я не приму от вас услуги: в Париже, слава Богу, довольно ростовщиков, у которых я могу либо под залог, либо под расписку раздобыть сто тысяч экю в три дня: одно мое епископское кольцо стоит сорок тысяч ливров.

Прелат вытянул белую, словно у женщины, руку: на безымянном пальце сверкал брильянт величиной с лесной орех.

– Ваше высокопреосвященство! – с поклоном отвечал Бальзамо. – Как вы могли хоть на миг заподозрить меня в намерении вас оскорбить? – и, словно разговаривая с самим собой, прибавил:

– Странно, что правда оказывает такое действие на высочества.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ваше высокопреосвященство предлагает мне свои услуги; я спрашиваю вас: ваше высокопреосвященство, какого рода услуги вы готовы мне предложить?

– Прежде всего, мой авторитет при дворе.

– Ах, ваше высокопреосвященство! Вы и сами знаете, как доверие к вам пошатнулось. Я бы скорее предпочел услуги господина де Шуазеля, несмотря на то что ему осталось не более двух недель быть министром. Если уж говорить о кредитах, ваше высокопреосвященство, давайте остановимся на моем. Вот прекрасное золото! Как только вашему высокопреосвященству понадобятся деньги, дайте мне знать накануне или в то же утро, и я приготовлю вам золота столько, сколько ваша душа пожелает. А когда у тебя есть золото – можешь все, не так ли, ваше высокопреосвященство?

– Нет, не все, – прошептал кардинал, превращаясь из покровителя в просителя и не пытаясь этому сопротивляться.

– Ах, да, я совсем забыл, что его высокопреосвященство жаждет не золота, а кое-чего такого, что дороже всех земных благ; однако это уже зависит не от науки, это подвластно только колдовству. Ваше высокопреосвященство! Скажите только одно слово, и алхимик готов уступить место колдуну.

– Благодарю вас, сударь, мне ничего больше не нужно, я ничего более не хочу, – с грустью вымолвил кардинал. Бальзамо приблизился к нему:

– Ваше высокопреосвященство! Молодой, пылкий, красивый, богатый принц, носящий имя

Роан, не должен так отвечать колдуну!

– Отчего же?

– Да потому что колдун читает в его сердце и знает правду.

– Я ничего более не желаю, сударь, – почти испуганно повторил кардинал.

– Я полагал, напротив, что желания вашего высокопреосвященства таковы, что вы не осмеливаетесь в них признаться даже себе, сознавая, что это может себе позволить только король.

– Сударь, – вздрогнув, проговорив кардинал, – вы, как мне кажется, намекаете на слова, оброненные вами у ее высочества.

– Да, готов это признать, ваше высочество.

– Сударь, вы ошибались тогда и ошибаетесь теперь.

– Не забывайте, ваше высокопреосвященство, что я вижу так же ясно, что творится сию минуту в вашей душе, как то, что ваша карета выезжала из монастыря кармелиток в Сен-Дени, миновала городские ворота, свернула на бульвар и остановилась под деревьями в пятидесяти шагах от моего дома.

– Прошу вас объясниться.

– Ваше высокопреосвященство! Принцы вашего дома имеют обыкновение влюбляться сильно и рискованно. Вы не станете этого отрицать, таков уж закон!

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, граф, – пролепетал кардинал.

– Напротив, вы прекрасно меня понимаете. Я мог бы попробовать затронуть многие струны вашей души, но зачем попусту тратить время? Я коснулся именно той, что звучит громче других, я в этом уверен.

Кардинал недоверчиво поднял голову и встретился глазами с ясным и уверенным взглядом Бальзамо.

Бальзамо улыбался с выражением такого превосходства, что кардинал опустил глаза.

– Вы правы, ваше высокопреосвященство, вы совершенно правы, не смотрите на меня, потому что тогда я слишком ясно вижу, что происходит у вас в душе. Ваше сердце подобно зеркалу, хранящему изображение предмета, который в нем отразился.

– Молчите, граф Феникс, молчите, – проговорил кардинал.

– Да, вы правы, надо молчать, потому что еще не пришло время признания в такой любви.

– Вы говорите, еще рано?

– Да.

– Так у этой любви есть будущее?

– Отчего же нет?

– А не могли бы вы мне сказать, не безрассудна ли она? Ведь я именно так полагал и теперь полагаю. И так мне будет казаться до тех пор, пока мне не представится случай убедиться в противном.

– Вы слишком многого от меня требуете, ваше высокопреосвященство. Я ничего не могу вам сказать, не имея связи с лицом, внушающим вам эту любовь. По крайней мере у меня в руках должна быть какая-нибудь имеющая к ней отношение вещь.

– Что, например?

– Ну, скажем, прядь ее прекрасных золотистых волос, совсем маленькая.

– Какой вы проницательный человек! Да, вы были правы: вы читаете в сердце так, как я читал бы книгу.

– Увы, именно это я уже слышал от вашего бедного двоюродного прадедушки, шевалье Людовика де Роана, когда пришел с ним проститься в Бастилию за несколько минут до того, как он мужественно взойшел на эшафот.

– Он вам сказал, что вы проницательный человек?

– Да, и что я читаю в сердцах, потому что я предупреждал его, что шевалье де Прео его предаст. Он не захотел мне поверить, а шевалье де Прео в самом деле предал его.

– Какая же связь между мною и моим предком? – невольно побледнев, спросил кардинал.

– Я напомнил вам о нем только затем, чтобы призвать вас к осторожности, ваше высокопреосвященство, когда вы будете добывать из-под короны нужные вам волосы.

– Не имеет значения, где их придется взять, они у вас будут, сударь.

– Ну и отлично! А теперь – вот ваше золото, ваше высокопреосвященство. Надеюсь, вы больше не сомневаетесь в том, что это золото?

– Дайте мне перо и бумагу.

– Зачем, ваше высокопреосвященство?

– Я напишу вам расписку на сто тысяч эю, которые вы любезно согласились мне одолжить.

– Ах, вот вы о чем, ваше высокопреосвященство? Мне – расписку? А зачем?

– Мне частенько случается брать в долг, дорогой граф, – ответил кардинал, – но даров я не принимаю.

– Как вам будет угодно, ваше высокопреосвященство.

Кардинал взял со стола перо и написал расписку крупным неразборчивым почерком, от которого в наши дни служанка простого ризничего пришла бы в ужас.

– Все верно? – спросил он, протягивая Бальзамо бумажку.

– Превосходно! – отвечал граф и опустил расписку в карман, даже не взглянув на нее.

– Вы не хотите прочесть?

– С меня довольно слова вашего высокопреосвященства: слово Роана дороже любой расписки.

– Дорогой граф Феникс! – произнес кардинал с полупоклоном, что весьма много значило для принца столь высокого звания, – вы – благородный человек, и если уж вы не хотите быть моим должником, позвольте вам сказать, что мне приятно чувствовать себя вам обязанным.

Бальзамо в ответ поклонился и позвонил в колокольчик. Явился Фриц.

Граф сказал ему несколько слов по-немецки.

Фриц нагнулся, сгреб в охапку переложенные паклей восемь золотых слитков и поднял их с такой легкостью, как если бы ребенку довелось подобрать восемь апельсинов: удерживать их в руках ему было неловко, но ничуть не тяжело.

– Да этот парень – настоящий Геркулес! – заметил кардинал.

– Да, он очень сильный, ваше высокопреосвященство, – отвечал Бальзамо, – но справедливости ради стоит сказать, что с того дня, как он поступил ко мне на службу, я даю ему по три капли эликсира, составленного моим ученым другом доктором Альтотасом. И вот результаты дают себя знать: через год он сможет поднять одной рукой восемьсот унций.

– Непостижимо! – пробормотал кардинал. – Как бы мне хотелось обо всем этом как-нибудь побеседовать с вами!

– С удовольствием, ваше высокопреосвященство! – со смехом отвечал Бальзамо. – Однако не забудьте, что, разговаривая со мной, вы тем самым добровольно возьмете на себя обязательство самолично погасить пламя костра, ежели вдруг членам Парламента вздумается поджарить меня на Гревской площади.

Проводив знатного посетителя до самых ворот, он почтительно с ним простился.

– Где же ваш лакей? Что-то я его не вижу, – заметил кардинал.

– Он понес золото к вам в карету, ваше высокопреосвященство.

– Так он знает, где она?

– Под четвертым деревом справа от поворота на бульвар. Я сказал ему об этом по-немецки.

Кардинал простер руки к небу и пропал в темноте. Бальзамо дождался Фрица и поднялся к себе, заперев все двери.

Глава 27. ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

Оставшись в одиночестве, Бальзамо подошел к двери Лоренцы и прислушался.

Она дышала ровно и легко.

Он приотворил окошко в двери и некоторое время задумчиво и нежно на нее смотрел. Потом захлопнул оконце, прошел через комнату, отделявшую апартаменты Лоренцы от лаборатории, и поспешил к печи. Он отворил огромный желоб, выводящий жар через трубу, и выпустил воду из резервуара, расположенного на террасе. Затем бережно уложил в черный сафьяновый портфель

расписку кардинала.

– Слова Роана довольно только для меня, – прошептал он, – однако там должны знать, на что я употребляю золото братства.

Едва он произнес эти слова, как три коротких удара в потолке заставили его поднять голову.

– А-а, меня зовет Альтотас, – проговорил он. Он проветрил лабораторию, разложил все по местам, закрыв печь крышкой. Стук повторился.

– Он нервничает: это добрый знак.

Бальзамо взял в руки длинный железный стержень и тоже постучал. Он снял со стены железное кольцо и потянул за него: с потолка свесилась на пружине лестница до самого пола лаборатории. Бальзамо встал на нее и с помощью другой пружины стал медленно подниматься, словно бог на сцене Оперы. Вскоре ученик очутился в комнате учителя.

Новое жилище ученого старика имело около девяти футов в высоту и шестнадцать – в ширину. Оно освещалось сверху и напоминало колодец, потому что было герметично закупорено с четырех сторон.

Как мог заметить читатель, эта комната была настоящим дворцом сравнительно с прежним фургонном.

Старик восседал в своем кресле на колесах за мраморным столом, окованном железом и заваленном всякой всячиной: разнообразными травами, пробирками, инструментами, книгами, приборами и листами бумаги, испещренными кабалистическими знаками.

Он был настолько озабочен, что не обратил на Бальзамо внимания.

Свет лампы, свисавшей из центрального витража, отражался от его гладкой, без единого волоса, головы.

Он рассматривал на свет пробирку белого стекла и был похож на хозяйку, которая сама ходит на рынок и проверяет на свету купленные яйца.

Некоторое время Бальзамо молча за ним наблюдал, потом спросил:

– Что новенького?

– Подойди сюда, Ашарат! Я так рад, так счастлив: я нашел, нашел...

– Что?

– Да то, что искал, черт побери!

– Золото?

– Ну да, золото!.. Скажешь тоже!

– Алмаз?

– Прекрати свои дурацкие шутки! Золото, алмаз... Подумаешь, невидаль... Чего ради я стал бы ликовать, если бы дело было только в этом?

– Так вы нашли эликсир? – спросил Бальзамо.

– Да, друг мой, я нашел эликсир, иными словами: открыл секрет вечной молодости, а это жизнь! Жизнь! Да что я говорю: вечная жизнь!

– А-а, так вы еще не оставили этой мечты? – спросил опечаленный Бальзамо, он относился к этим поискам, как к безумной затее.

Не слушая его, Альтотас продолжал любовно рассматривать пробирку.

– Наконец-то соотношение найдено: эликсир Аристе – двадцать граммов, ртутный бальзам – пятнадцать граммов; окись золота – пятнадцать граммов; масло ливанского кедра – двадцать пять граммов.

– Если не ошибаюсь, предыдущий вариант содержал почти такое же количество эликсира Аристе?

– Да, но недоставало главного ингредиента, однако он должен связать другие, без него все остальные компоненты – ничто.

– И вы знаете, что это?

– Я нашел его.

– И можете его добыть?

– Еще бы!

– Что же это за компонент?

- К тому, что уже есть в этой пробирке, необходимо прибавить три последние капли детской крови.
- Да где же вы возьмете ребенка? – в ужасе воскликнул Бальзамо.
- Его должен добыть ты!
- Я?
- Да, ты.
- Вы с ума сошли, учитель!
- Что тут такого?.. – невозмутимо спросил старик и сладострастно, с наслаждением, слизнул каплю жидкости, просочившейся сквозь неплотно притертую пробку.
- Вам нужен ребенок, чтобы взять у него три последние капли крови...
- Да.
- Так ведь для этого его пришлось бы убить?
- Разумеется, придется его убить, и чем красивее он будет, тем лучше.
- Это невозможно, – пожав плечами заметил Бальзамо, – здесь не принято брать детей, чтобы их убивать.
- С наивной жестокостью! Что же с ними делают? костью воскликнул старик.
- Их воспитывают, черт побери!
- Ах, так? Мир, стало быть, изменился. Три года назад нам предложили бы столько детей, сколько мы пожелали бы, за четыре щепотки пороку или полбутылки спирту.
- В Конго, учитель?
- Ну да, когда мы были в Конго. Мне безразлично, какого цвета кожа будет у этого ребенка. Я вспоминаю, что нам предлагали очень миленьких детишек, кудрявеньких, игривых.
- Все это прелестно, – проговорил Бальзамо, – но мы, к сожалению, не в Конго, дорогой учитель.
- Не в Конго? – переспросил. – А где же мы?
- В Париже.
- В Париже... Если мы отправимся из Марселя, мы будем в Конго через полтора месяца.
- Это так, конечно, но я должен быть во Франции.
- Почему?
- У меня здесь дело.
- У тебя во Франции дело?
- Да, и очень серьезное. Старик мрачно рассмеялся.
- Дело! У него во Франции дело! Да, да, да, правда, я и забыл! Ты должен создать ложи...
- Да, учитель.
- Ты плетешь заговоры...
- Да, учитель.
- Дела, одним словом, как ты это называешь! Насмешливый старик вновь натянуто улыбнулся. Бальзамо молчал, собираясь с силами в ожидании бури, которую он уже предчувствовал.
- Ну и как же обстоят дела? – спросил старик, с трудом повернувшись в кресле и устремив на ученика большие серые глаза.
- Бальзамо почувствовал, как его словно пронзил яркий луч.
- Вы спрашиваете, что я успел сделать? – повторил он.
- Да.
- Я бросил первый камень и замутил воду.
- Ну и что за болото ты расшевелил? Отвечай!
- Отличное болото: философы.
- А-а, ну да, ну да! Ты запустишь в ход свои утопии, свои затаенные мечты – все эти бредни. А дураки будут спорить, есть ли Бог, или Его нет, вместо того, чтобы попытаться самим, как я, стать богами. С кем же из философов тебе удалось вступить в связь?
- У меня в руках величайший поэт и безбожник эпохи, Со дня на день он должен возвратиться во Францию, откуда был почти изгнан. Он придет, чтобы вступить в масонскую ложу; я основал ее на улице По-де-Фер, в доме, принадлежавшем когда-то иезуитам.

- Его имя?..
- Вольтер.
- Не знаю такого. Ну, кто еще?
- На днях я должен сговориться с очень известным мыслителем, автором «Общественного договора».
- Как его зовут?
- Руссо.
- Понятия не имею.
- Вы только и знаете, что Альфонса Десятого, Раймонда Люлля, Пьера Толедского и Альберта Великого.
- Да, потому что эти люди жили настоящей жизнью, только они посвятили себя серьезному изучению проблемы бытия.
- Жить можно по-разному, учитель.
- Я знаю только один способ: существовать. Но давай вернемся к твоим философам. Повтори: как их зовут?
- Вольтер, Руссо.
- Я запомню их имена. И ты берешься утверждать, что благодаря двум этим господам...
- Я смогу завладеть настоящим и взорвать будущее.
- В этой стране, стало быть, много идиотов, раз их можно увлечь идеей?
- Напротив, здесь много умных людей, раз на них оказывают большее влияние идеи, а не действия. Ну, и потом, у меня есть помощник гораздо более могущественный, чем все философы мира.
- Кто это?
- Усталость... Уже около шестнадцати веков во Франции господствует монархия, и французы от нее устали.
- Поэтому они свергнут монархию?
- Да.
- Ты в это веришь?
- Разумеется.
- И ты их подталкиваешь, подталкиваешь?..
- Из всех сил.
- Глупец!
- Что?
- Какой тебе будет прок от свержения монархии?
- Мне – никакого, но наступит всеобщее счастье.
- Я сегодня в хорошем расположении духа и готов потерять время на то, чтобы тебя послушать. Так объясни же мне, во-первых, как ты собираешься достичь счастья, а, во-вторых, что такое счастье.
- Как я достигну счастья?
- Да, счастья для всех или свержения монархии, что для тебя равносильно всеобщему благоденствию.
- Существующий кабинет министров – последний оплот монархии. В него входят умные, предприимчивые, отважные люди, способные еще лет двадцать поддерживать дряхлый и шаткий трон. Так вот они и помогут мне опрокинуть его.
- Кто? Твои философы?
- Да нет, философы, напротив, помогают ему удержаться.
- То есть, как? Философы солидарны с кабинетом министров, поддерживающим монархию?
- Ну и дураки же эти философы!
- Дело в том, что сам министр – философ.
- Теперь понимаю: философы правят с помощью этого министра. Значит, я ошибся: они не дураки, а эгоисты.
- Я не собираюсь спорить о том, кто они, – проговорил Бальзамо, теряя терпение, – это мне

неизвестно; я только знаю, что если теперешний кабинет министров будет свергнут, все станут выражать негодование по поводу кабинета, который придет ему на смену.

Ведь против него выступают, во-первых, философы; во-вторых, Парламент: философы выразят недовольство, Парламент возмутится: кабинет министров начнет преследовать философов и разгонит Парламент. Тогда и верхи и низы объединятся в сильную оппозицию – напористую, стойкую, способную все смести на своем пути, она каждую минуту может подорвать самые основы монархии. На месте Парламента будет суд, назначенный королем. Членов суда обвинят – и справедливо – во взяточничестве, в несправедливости. Народ взбунтуется, и королевская власть лицом к лицу столкнется с людьми образованными в лице философов, с буржуазией, чьи интересы выражает Парламент, и с народом. А народ – это рычаг, который пытался найти Архимед; этим рычагом можно поднять весь мир.

– После того, как ты приподнимешь мир, наступит день, когда он снова упадет!

– Да, но, падая, королевская власть разобьется.

– А когда она разобьется, – я буду пользоваться твоими ложными образами и говорить твоим восторженным языком, – итак, когда рассыплется монархия, что восстанет из руин?

– Свобода.

– Так французы станут свободными?

– Это рано или поздно произойдет.

– И все будут свободны?

– Все.

– Во Франции, стало быть, появится тридцать миллионов свободных людей?

– Да.

– И ты веришь, что среди этих тридцати миллионов не найдется хоть один человек, у которого будет больше мозгов, чем у других? И вот в одно прекрасное утро он отберет свободу у своих двадцати девяти миллионов девятисот девяноста девяти сограждан, чтобы иметь самому чуточку больше свободы. Помнишь, у нас в Медине была собака? Она всю еду пожирала одна.

– Да. Но в один прекрасный день собаки собрались и придушили ее.

– Так то собаки! Люди слова бы не сказали!

– Вы ставите человеческий ум ниже собачьего, учитель?

– Да ведь тому есть подтверждения!

– Какие же?

– Кажется, у древних был Октавиан Август, а у современников – Оливер Кромвель, которые с жадностью пожирали один – римский, другой – английский пирог. А те, у кого они его вырвали, не только ничего не предприняли, но и никак не выразили своего возмущения.

– Даже если предположить, что появится такой человек, не надо забывать, что он смертей, он рано или поздно умрет, а перед смертью он совершит добро, даже по отношению к тем, кого притеснял, потому что изменит природу аристократии. Будучи вынужден на что-нибудь опираться, он выберет то, что сильнее всего: народ. Унизительное уравнивание он заменит возвышающим равенством. У равенства нет точных границ, его уровень зависит от высоты того, кто это равенство устанавливает. Вот почему, возвысив народ, этот человек установит такой принцип, который до него не был известен. Революция сделает французов свободными; протекторат второго Октавиана Августа или Оливера Кромвеля сделает их равными. Альтотас подскочил в кресле.

– До чего глуп этот человек! – вскричал он. – Отдать двадцать лет своей жизни воспитанию ребенка; пытаться научить его всему, что знаешь сам, и все ради того, чтобы в тридцать лет этот самый ребенок вам сказал: «Люди будут равными»!..

– Ну разумеется, они будут равны, равны перед законом.

– А перед смертью, глупец? Перед смертью – законом законов, когда один умирает на третий день, а Другой – столетним стариком? Равны! Люди равны, не победив смерти! О, дурачина, дважды дурачина!

Альтотас откинулся и громко рассмеялся. Бальзамо, нахмурившись, сидел с опущенной головой.

Альтотас взглянул на него с состраданием.

– По-твоему, я – ровня работяге, который ест черствый хлеб, или младенцу, сосущему грудь кормилицы, или тупому старику, попивающему молочко и оплакивающему потерянное зрение? Несчастный ты софист! Подумай хотя бы вот о чем: люди станут равны, когда будут бессмертны, потому что тогда они превратятся в богов, а равны могут быть только боги.

– Бессмертны! – прошептал Бальзамо. – Какая химера!

– Химера? – воскликнул Альтотас. – Да такая же химера, как дым, как флюид. Химера – все, что находится в состоянии поиска, все, что еще не открыто, но будет найдено. Отряхни вместе со мной вековой слой пыли, обнажи один за другим культурные слои каждой цивилизации! Что ты читаешь в этих человеческих слоях, среди обломков королевств, нагромождений веков, которые современное исследование разрезает, как пирог? То, что во все времена люди искомое мною называли по-разному. Когда они это искали? Во времена Гомера, когда люди жили по двести лет; в эпоху патриархата, когда жизнь длилась восемь веков. Они этого так и не нашли, потому что если бы это произошло, мир был бы обновленным, свежим, невинным и розовым, как утренняя заря. А вместо этого – страдания, смрад, мерзость. Что это – приятно, красиво, привлекательно?

– Вы говорите, что никому еще не удавалось найти эликсир жизни, – отвечал Бальзамо старику, речь которого была прервана сухим покашливанием. – Так вот я вам скажу, что никто его и не найдет. Спросите у Бога.

– Дурачок! Если никто не раскрыл какую-то тайну, значит, никто никогда ее не откроет? В таком случае в мире не было бы открытий! А ты думаешь, открытия – это нечто новое, что изобретает человечество? Нет, это хорошо забытое старое! А почему то, что однажды было открыто, забывается? Да потому, что у изобретателя слишком короткий век, чтобы он успел сделать из своего открытия все заключающиеся в нем выводы. Раз двадцать человечество было на пороге открытия секрета вечной молодости. Неужели ты полагаешь, что Стикс – выдумка Гомера?

Неужели ты думаешь, что почти бессмертный Ахиллес со своей уязвимой пятой – это сказка? Нет. Ахиллес был учеником Хирона, так же как ты – мой ученик. Хирон означает в переводе лучший или худший. Хирона принято изображать в виде кентавра, потому что его наука наделила его силой и легкостью коня. Так вот он тоже почти нашел эликсир бессмертия. Ему, может быть, так же как мне, не хватало трех капель крови, в которой ты мне отказываешь. Эти три недостающие капли крови сделали Ахиллеса уязвимым. Смерть нашла лазейку и просочилась в нее. Да, повторяю: Хирон, человек разносторонний, лучший и, в то же время, худший, – не кто иной, как второй Альтотас, которому такой же вот Ашарат помешал завершить труд, способный осчастливить все человечество, вырвав его из-под божеского проклятия. Ну, что ты на это скажешь?

– Я скажу, что у меня – мое дело, у вас – ваше, – отвечал Бальзамо, уверенность которого заметно поколебали слова старика. – Давайте завершим их на свой страх и риск. Я не стану вам помогать в преступлении.

– В преступлении?

– Да еще в каком! Это такое преступление, которое способно вызвать негодование целого народа. Оно приведет на виселицу, от которой ваша наука еще не спасла ни хороших, ни дурных людей.

Альтотас пристукнул иссохшими руками по мраморному столу.

– Да не будь ты человеколюбивым идиотом! Это худшая порода идиотов, существующих в мире. Иди сюда, давай побеседуем о законе, грубом и абсурдном законе, написанном скотами вроде тебя, которого возмущает капля крови, пролитая для дела, но привлекают потоки крови во время казни на площади, у городских валов или на поле, зовущемся полем брани. Твой закон – глупый и эгоистичный, он жертвует человеком будущего ради человека настоящего. Его девиз: «Да здравствует сегодняшний день, пусть погибнет день завтрашний!» Что ж, давай поговорим об этом законе, если хочешь.

– Говорите все, что хотите, я вас слушаю, – все более мрачней, сказал Бальзамо.

– У тебя есть карандаш или перо? Мы произведем небольшой подсчет.

– Я считаю без пера и карандаша. Говорите, что хотите сказать, говорите!

– Рассмотрим твой проект. Если не ошибаюсь, ты собираешься опрокинуть кабинет министров, разогнать Парламент, оставить одних судей, привести их к банкротства; потом ты подстре-

каешь к бунту, разжигаешь революцию, свергаешь монархию, позволяешь протекторату возвыситься и низвергаешь тирана. Революция даст тебе свободу, протекторат – равенство. А когда французы станут свободными и равноправными, твое дело будет завершено. Верно?

– Да. Вы полагаете, что это неисполнимо?

– Я не верю в невозможность чего бы то ни было. Как видишь, я создаю тебе все условия.

– Ну и что же?

– Вот, послушай! Прежде всего Франция – не Англия, где уже было то, что ты собираешься сделать, плагиатор ты этак! Франция – не изолированная страна, где можно свергнуть кабинет министров, разогнать Парламент, учредить новый суд, вызвать его банкротство, пробудить недовольство, разжечь революцию, свергнуть монархию, возвысить протекторат, привести к краху протектора и сделать все это так, чтобы другие государства не вмешивались. Франция связана с Европой, как печень с человеческими внутренностями. Она пустила корни во всех европейских государствах; попробуй вырвать печень у огромного механизма, который называется европейским континентом: еще двадцать, тридцать, а то и сорок лет все его огромное тело будет биться в судорогах. Однако я назвав минимальный срок, разве двадцать лет слишком много? Отвечай, мудрый философ!

– Это срок небольшой, – отвечал Бальзамо, – даже недостаточный.

– Ну, а по-моему, этого вполне довольно. Двадцать лет войны, борьбы ожесточенной, непрекращающейся, не на живот, а на смерть; я допускаю двести тысяч убитыми в год, и это не преувеличение, принимая во внимание, что война развернется одновременно в Германии, Италии, Испании, как знать? По двести тысяч человек на протяжении двадцати лет – это четыре миллиона человек, предположив, что у каждого из них – семнадцать фунтов крови – так уж заведено в природе – можно умножить..., семнадцать на четыре, это будет..., шестьдесят восемь миллионов фунтов: вот сколько крови придется пролить ради осуществления твоей мечты. Я же просил у тебя всего три капли. Теперь скажи, кто из нас сумасшедший, дикарь, Каннибал?

– Хорошо, учитель, я вам отвечу: три капли – сущая безделица, если бы вы были совершенно уверены в успехе.

– Ну, а ты? Ты увиден, готовясь пролить шестьдесят восемь миллионов фунтов? Скажи! Встань и, положив руку на сердце, обещай: «Учитель, я ручаюсь, что ценой трупов я добьюсь счастья для всего человечества!»

– Учитель! – проговорил Бальзамо, избегая ответа на его вопрос. – Ради всего святого, попросите что-нибудь. Я другое!

– Но ты не отвечаешь! Ты не отвечаешь! – торжествуя, воскликнул Альтотас.

– Вы преувеличиваете возможности вашего эликсира, учитель: все это невозможно.

– Ты вздумал давать мне советы? Опровергать? Уличать во лжи? – спросил Альтотас, с тихой злобой вращая серыми глазами под седыми бровями.

– Нет, учитель, я просто размышляю; ведь я живу в тесном соприкосновении с внешним миром, споря с людьми, борясь со знатью. Я не сижу, как вы, в четырех стенах, безразличный ко всему происходящему вокруг, ко всему, что борется или утверждает себя, занимаясь чистой абстракцией. Я же, зная о трудностях, констатирую их, только и всего.

– Если бы захотел, ты мог бы одолеть эти трудности гораздо скорее.

– Скажите лучше, если бы я в это верил.

– Стало быть, ты не веришь?

– Нет, – отвечал Бальзамо.

– Ты меня искушаешь! – вскричал Альтотас.

– Нет, я сомневаюсь.

– Ну хорошо, скажи, ты веришь в смерть?

– Я верю в то, что есть. А ведь смерть существует!

Альтотас пожал плечами.

– Итак, смерть существует, – проговорил он, – ведь этого ты не отрицаешь?

– Это вещь бесспорная!

– Да, это вещь бесконечная, непобедимая, правда? – прибавил старик с улыбкой, заставив-

шей ученика содрогнуться.

– Да, учитель, непобедимая, а главное, бесконечная.

– А когда ты видишь труп, у тебя на лбу появляется испарина, сердце преисполняется жалостью?

– Испарины у меня не бывает, потому что я привык к людским несчастьям; я не испытываю жалости, потому что не дорожу жизнью. Однако при виде трупа я говорю себе: «Смерть! Смерть! Ты так же всемогуща, как Бог! Ты правишь миром, и никто не может тебя победить!»

Альтотас выслушал Бальзамо, не перебивая и выдавая нетерпение лишь тем, что вертел в пальцах скальпель; когда его ученик завершил свою скорбно-торжественную речь, старик с улыбкой огляделся; его пронизывающий взгляд, способный, казалось, разгадать любую тайну природы, остановился на дрожащей в углу комнаты черной собачонке, лежавшей на тощей соломенной подстилке; это была последняя из трех собак, которых Бальзамо приказал принести по просьбе старика для опытов.

– Возьми этого пса, – сказал Альтотас Бальзамо, – и положи на стол.

Бальзамо послушно положил собаку на мраморный стол.

Пес, казалось, предчувствовал скорый конец и, ощутив на себе руку исследователя, задрожал, стал вырываться и взвыл, как только коснулся холодного мрамора.

– Раз ты веришь в смерть, стало быть, веришь и в жизнь? – спросил Альтотас.

– Несомненно!

– Вот пес, представляющий мне вполне живым, а ты что скажешь?

– Конечно, живой, раз он воет, отбивается и боится.

– До чего же отвратительны эти черные собаки! Постарайся в следующий раз раздобыть белых.

– Хорошо.

– Итак, мы говорили, что этот пес – живой. Ну-ка, полай, малыш, – прибавил старик, мрачно расхохотавшись, – полай, чтобы сеньор Ашарат убедился в том, что ты – живой.

Он тронул пальцем какой-то мускул, и собака громко залаяла, вернее, жалобно взвизгнула.

– Прекрасно! Подвинь стеклянный колпак... Вот так! Давай сюда собаку... Ну вот, готово!.. Я, кстати, забыл спросить, в какую смерть ты веришь больше всего.

– Не понимаю, о чем вы говорите, учитель: смерть есть смерть.

– Справедливо! Ты прав, я придерживаюсь такого же мнения! Ну, раз смерть есть смерть, выкачивай воздух.

Бальзамо повернул колесико, и через клапан с пронзительным свистом стал выходить воздух из-под колпака с собакой. Песик сначала забеспокоился, потом стал искать, приняхиваться, поднял голову, задышал шумно и учащенно, наконец свалился от удушья, вздохнул в последний раз и издох.

– Вот пес, издохший от апоплексии, – проговорил Альтотас. – Прекрасная смерть, не причиняющая долгих страданий!

– Да.

– Пес точно умер?

– Конечно!

– Мне кажется, ты в этом не очень убежден, Ашарат?

– Да нет, вполне!

– Ты знаком с моими возможностями, ведь так? Ты полагаешь, что я нашел способ вливания воздуха. Это целая проблема! Она заключается в том, чтобы заставить жизнь циркулировать вместе с воздухом...

– Я ничего не предполагаю. Я думаю, что собака мертва, только и всего.

– Неважно. Для пущей убедительности мы убьем ее дважды. Подними колпак, Ашарат.

Старик приподнял стеклянное приспособление; пес не двинулся; веки его были опущены, сердце остановилось.

– Возьми скальпель и, не трогая гортани, перережь позвоночник.

– Я это сделаю только ради вас.

– А также ради бедняги пса, в случае, если он еще жив, – отвечал Альтотас с упрямой улыбкой, свойственной старикам.

Бальзамо взмахнул острым лезвием, и удар пришелся на позвоночник в двух дюймах от мозжечка, оставив огромную кровавую рану.

Пес, – вернее, его трупик, – по-прежнему был неподвижен.

– Да, клянусь честью, он и в самом деле был мертв, – заметил Альтотас, – не бьется ни единая жилка, ни один мускул не дрогнет, ни одна клеточка не восстает против этого второго убийства. Он мертв, не правда ли, окончательно мертв?

– Я готов признать это столько раз, сколько вам будет угодно, – с ноткой нетерпения в голосе сказал Бальзамо.

– Сейчас животное недвижимо, холодно. Ничто не может устоять перед смертью, так ты сказал? Ничто не может вернуть жизнь или хотя бы видимость жизни бедному псу?

– Кроме Бога.

– Да, однако Бог не может быть столь непоследовательным! Когда Бог убивает, он имеет для этого основания или извлекает выгоду, коль скоро Он олицетворяет высшую справедливость. Мне говорил об этом один убийца; не помню его имени. И это сильно сказано! Природа заинтересована в смерти.

– Итак, перед нами мертвый пес, и природа заинтересована в его смерти.

Альтотас проницательно взглянул на Бальзамо. Вместо ответа тот поклонился, чувствуя усталость оттого, что так долго слушал вздор старика.

– Что бы ты сказал, – продолжал Альтотас, – если бы пес открыл глаз и посмотрел на тебя?

– Я был бы очень удивлен, учитель, – с улыбкой отвечал Бальзамо.

– Удивлен? Прекрасно!

Он мрачно рассмеялся и подтянул поближе к собаке аппарат из металлических пластинок, переложенных ватными тампонами. Тампоны были частично погружены в кислый раствор, два конца или, иными словами, полюса виднелись по краям сосуда.

– Какой глаз тебе больше нравится, Ашарат? – спросил старик.

– Правый.

Старик приложил разнополюсные концы, между которыми был клочок шелковой ткани, к шейному мускулу собаки.

В то же мгновение собака открыла глаз и пристально посмотрела на Бальзамо. Он в ужасе отпрянул.

– Теперь давай перейдем к морде, ничего не имеешь против?

Охваченный сильнейшим волнением, Бальзамо не ответил.

Альтотас тронул другой мускул: глаз закрылся, зато раскрылась пасть и показались острые белые клыки; красные десны подрагивали, как в жизни.

Бальзамо испугался.

– Невероятно! – воскликнул он.

– Вот как мало значит смерть! – воскликнул торжествующий Альтотас, заметив растерянность своего ученика. – А все потому, что я, ничтожный старик, находящийся на пороге смерти, сумел заставить ее уйти со своего пути.

Вдруг он нервно и пронзительно рассмеялся.

– Будь осторожен, Ашарат! – продолжал он. – Вот лежит мертвый пес, который недавно чуть тебя не укусил, сейчас он на тебя бросится, осторожно!

Пес с перерезанной шеей, разинутой пастью и подрагивающим глазом вдруг поднялся на все четыре лапы и закачался, страшно мотая головой.

Бальзамо почувствовал, как волосы у него на голове зашевелились; пот катился с него градом. Он стал отступать, пока не уперся спиной в дверь, подумывая, не сбежать ли ему.

– Ну, ну, я не хочу, чтобы ты умер от страха во время наших занятий наукой. – проговорил Альтотас, отталкивая труп вместе с прибором, – довольно опытов!

Как только поступление тока прекратилось, собака упала и снова стала вялой и неподвижной.

- Что это – смерть, Ашарат? Думал ли ты, что она может преподнести такой сюрприз? Ответь!
- Странно, очень странно... – ответил Бальзамо, подходя ближе.
- Теперь ты видишь, что можно достигнуть того, о чем я говорил, дитя мое: первый шаг уже сделан. Зачем продлевать жизнь, когда можно отменить смерть?
- Это еще неизвестно, – возразил Бальзамо, – возвращенная вами жизнь искусственна.
- Если у нас будет время, мы отыщем и секрет жизни реальной. Разве ты не встречал у римских поэтов рассказов о том, что Кассид умел возвращать жизнь мертвецам?
- Да, но то – у поэтов.
- Они сами называли поэмы *vates*, друг мой, не забывай об этом.
- Тогда скажите мне...
- Опять возражение?
- Да. Если бы ваш эликсир жизни был готов и вы дали бы его псу, он жил бы вечно?
- Разумеется!
- А если бы он попал в руки к такому экспериментатору, как вы, и тот его прирезал бы?
- Прекрасно! – вскричал старик, радостно хлопнув в ладоши. – Я ожидал этого вопроса!
- Ну, раз ожидали, ответьте.
- Нет ничего проще.
- Может ли эликсир помешать крыше упасть на голову, пуле – пробить человека, лошади – растоптать всадника?
- Альтотас вызывающе смотрел на Бальзамо, словно вызывал на бой, в котором надеялся одолеть.
- Нет, нет и нет, – продолжал старик, – ты совершенно прав, дорогой Ашарат. Ни крыши, ни пули, ни удара копытом невозможно избежать, пока есть дома, ружья и лошади.
- Но вы можете оживлять мертвецов...
- На короткое время – да. Навсегда – нет. Для этого нужно было бы прежде всего узнать, в каком месте находится душа, а это может занять слишком много времени. Однако я не дам душе выскользнуть через полученную телом рану.
- Как это?
- Я ее закрою.
- Даже если повреждена артерия?
- Ну да!
- Хотел бы я на это посмотреть!
- Смотри! – проговорил старик.
- Раньше, чем Бальзамо успел ему помешать, старик проткнул себе вену на левой руке ланцетом.
- В теле старика оставалось так мало крови и так медленно она текла в жилах, что не сразу выступила по краям раны. Но как только кровь появилась, она хлынула рекой.
- Боже милостивый! – ахнул Бальзамо.
- Что такое? – спросил Альтотас.
- Вы серьезно ранены.
- Ты, как Фома-неверующий, хочешь все пощупать, вот я и даю тебе возможность увидеть собственными глазами и потрогать собственными руками.
- Он протянул руку и взял небольшую склянку, потом капнул из нее на рану.
- Смотри! – сказал он.
- Под действием чудотворной жидкости кровь свернулась, ткань срослась, скрыв вену, рана затянулась настолько, что животворная влага, зовущаяся кровью, не смогла через нее просочиться.
- На этот раз Бальзамо смотрел на старика с изумлением.
- Вот что я еще открыл! Что ты на это скажешь, Ашарат!
- Вы – величайший из людей, учитель!
- Если я и не окончательно победил смерть, то по крайней мере нанес ей удар, от которого

трудно оправиться, правда? Видишь ли, сын мой, у человека хрупкие кости, они иногда ломаются: я собираюсь сделать их прочными, как сталь. Если кровь начинает вытекать из человеческого тела, она уносит с собой и жизнь: я не позволю, чтобы кровь покидала тело. Плоть – мягкая и непрочная: я сделаю ее такой же неуязвимой, как у средневековых паладинов, об нее тупились острия мечей и лезвия топоров. Для этого нужно только одно: чтобы такой человек, как Альтотас, жил триста лет. Так дай же мне то, о чем я тебя прошу, и я буду жить целое тысячелетие. Дорогой мой Ашарат, это от тебя зависит. Верни мне молодость, верни силу моим мышцам, верни свежесть мысли, и ты увидишь, что я не боюсь ни шпаги, ни пули, ни рушащейся стены, ни дикого животного. В дни моей четвертой молодости, Ашарат, то есть прежде, чем я доживу четвертый свой век, я обновлю лик земли и – клянусь тебе! – создам для себя и для обновленного человечества мир по своему вкусу: без крыш, без шпаг, без мушкетных пуль, без лежащих лошадей. Тогда люди поймут, что гораздо лучше жить, помогая ближним и любя друг друга, чем убивать себе подобных.

– Все это верно или по крайней мере возможно, учитель.

– Так принеси мне ребенка!

– Позвольте мне еще подумать и поразмыслите сами. Альтотас бросил на ученика высокомерный презрительный взгляд.

– Хорошо, иди, у меня еще будет время тебя убедить. Кстати сказать, человеческая кровь – не настолько ценный ингредиент, что его нельзя было бы заменить каким-нибудь другим веществом. Иди! Я буду искать и найду. Ты мне не нужен. Ступай!

Бальзамо спустился по лестнице. Он был молчалив, неподвижен и подавлен от сознания гениальности этого человека, заставлявшего поверить в невозможное.

Глава 28. СВЕДЕНИЯ

В эту долгую и богатую событиями ночь читатель имел возможность, словно мифологический бог, восседающий на облаке, проследовать из Сен-Дени в Ла Мюэт, оттуда – на улицу Кок-Эрон, потом – на улицу Платриер, а с улицы Платриер – на улицу Сен-Клод. Графиня дю Барри решила в течение этой ночи убедить короля в необходимости проведения новой политики, отвечающей ее интересам.

Особенно она настаивала на опасности, подстерегавшей их в том случае, если Шуазелю удастся добиться расположения будущей супруги дофина.

Пожав плечами, король ответил, что ее высочество еще ребенок, а де Шуазель опытный министр, значит, опасаться нечего, потому что одна не умеет работать, а другой не способен развлекаться.

Довольный удачным словом, он положил объяснениям конец.

Но графине дю Барри было не до смеха: ей показалось, что король увлекся другой красавицей.

Людовик XV был кокетлив. Он обожал заставлять своих любовниц сходить с ума от ревности, но следил, правда, за тем, чтобы ревность не вызывала ссор и затянувшихся размолвок.

Графиня дю Барри была ревнива из самолюбия и от страха. Ей большого труда стоило завоевывать занимаемое положение, оно было слишком высоко и слишком далеко отстояло от отправной точки, чтобы она могла позволить себе, подобно г-же де Помпадур, терпеть при короле других любовниц, даже находить их для него, когда его величество скучал, что бывало с ним весьма часто.

Итак, будучи ревливой, графиня дю Барри хотела досконально изучить причины несговорчивости короля.

Король произнес памятные слова, ни одному из которых сам он не верил:

– Я забочусь о счастье своей невестки и не уверен в том, что дофин способен ее осчастливить.

– Отчего же нет?

– Мне показалось, что в Компьене, Сен-Дени и Ла Мюэт его высочество Людовик слишком

пристально рассматривал чужих жен и очень мало внимания уделял своей.

– По правде говоря, если бы я этого не услышала от вас, я бы никогда не поверила: ее высочество хороша собой.

– Чересчур худа.

– Она такая юная!

– А вы поглядите на мадмуазель де Таверне; ведь она одного возраста с эрцгерцогиней.

– Ну и что же?

– Она необыкновенно хороша.

В глазах графини мелькнул огонек, предупредивший короля о допущенной им оплошности.

– А вы сами, дорогая графиня, – с живостью продолжал король, – в шестнадцать лет наверняка были пухленькой, как пастушки нашего приятеля Буше.

Эта маленькая лесть немного поправила положение, но удар был слишком сильный.

Графиня Дю Барри перешла в наступление.

– Значит, мадмуазель де Таверне очень красива? – жеманничая, спросила она.

– Понятия не имею! – сказал Людовик XV.

– Как? Вы ее расхваливаете и не знаете, красива она или нет?

– Я знаю, что она не тощая, только и всего.

– Значит, вы видели ее обнаженной?

– Ах, дорогая графиня, вы толкаете меня в западню! Вам известно, что я ее видел сверху, и меня поразили..., формы, к черту мелочи! А у ее высочества я, кроме костей, ничего не заметил, только и всего.

– У мадмуазель де Таверне вы заметили формы, как вы говорите, потому что у ее высочества – красота изысканная, а у мадмуазель де Таверне – вульгарная.

– В таком случае скажите, Жаипэ, разве у вас не изысканная красота?

– Ага! Комплимент, – едва слышно прошептала графиня, – только предназначен он не мне! – И громко продолжала:

– Я буду очень довольна, если ее высочество выберет себе привлекательных фрейлин. Как ужасно, когда при дворе одни старухи!

– Мне ли об этом говорить, дорогая? Я еще вчера толковал об этом дофину, но ему это безразлично. Вот образцовый муж!

– А не начать ли ей с мадмуазель де Таверне?

– Думаю, что так и будет, – отвечал Людовик XV.

– Откуда вам это известно?

– От кого-то я слышал.

– Она нищая.

– Да, зато знатная. Эти Таверне-Мезон-Руж – из хорошей семьи и верные слуги.

– Кто их поддерживает?

– Этого я не знаю. Но я тоже убежден, что они нищие.

– Очевидно, не Шуазель, потому что тогда у них ни в чем не было бы нужды.

– Графиня! Давайте не говорить о политике, умоляю вас!

– Если я заметила, что Шуазели вас разоряют, – это называется говорить о политике?

– Разумеется, – отвечал король и встал со своего места. Час спустя его величество вернулся в Большой Трианон в прекрасном расположении духа оттого, что пробудил ревность, и повторяя вполголоса, как вероятно, повторял бы Ришелье в тридцать лет:

– По правде говоря, ревнивые женщины – это довольно скучно!

Как только король удалился, Дю Барри встала и прошла в будуар, где ее ждала Шон, сгоравшая от нетерпения узнать новости.

– Ну, в эти дни у тебя большая победа, – заметила она, – третьего дня

– представление ко двору, ужин с ее высочеством...

– Верно. Да мне-то что?

– То есть как что? Ты знаешь, что в эту минуту сто карет спешат по дороге в Люсьенн в погоне за твоей улыбкой?

– Мне жаль этих людей.

– Почему же?

– Потому что они зря теряют время: ни кареты, ни люди не увидят утром моей улыбки.

– Не надвигается ли буря?

– Да, черт побери! Прикажите скорее подавать шоколад!

Шон позвонила. Явился Замор.

– Шоколад! – приказала графиня.

Замор неторопливо повернулся и медленно, с важным видом пошел отмерять шаги.

– Этот дурак хочет меня уморить! – закричала графиня. – Сто ударов кнутом, если сию минуту не побежит!

– Я – не бежать! Я – дворецкий! – важно вымолвил Замор.

– А-а, ты – дворецкий! – прошипела графиня, схватившись за хлыст с рукояткой из золоченого серебра, предназначенный для дрессировки спаниеля. – Дворецкий? Ну, погоди! Я тебе сейчас покажу дворецкого!

Он бросился бежать, натываясь на стены и истошно вопя.

– До чего вы сегодня жестоки, Жанна! – заметила Шон.

– Я имею на это право.

– Разумеется! Однако я должна вас остановить, дорогая.

– Почему?

– Боюсь попасться вам под горячую руку. В дверь будуара три раза постучали.

– Кто там стучит? – нетерпеливо спросила графиня.

– Хорошенький его ожидает прием! – прошептала Шон.

– Пусть я буду плохо принят! – проговорил Жан, широко распахнув дверь.

– А что произошло бы, если бы вы были плохо приняты? Это ведь вполне возможно.

– Если это произойдет, я больше к вам не приду, – отвечал Жан.

– Ну и что же?

– Вы сами потеряли бы больше, чем я, если бы плохо меня приняли.

– Наглец!

– Ну вот! Я уже и наглец, только потому, что не льщу вам. Что с ней сегодня, Шон?

– Не говори, Жан! Она просто неприступна. А вот и шоколад.

– Так не будем к ней подходить. Здравствуй, шоколад! – проговорил Жан, принимая поднос. – Как поживаешь, шоколад?

Он поставил поднос в углу на маленький столик, тут он и уселся.

– Иди, Шон, – пригласил он, – а слишком гордые останутся без шоколада.

– Вы просто восхитительны! – вымолвила графиня, увидев, что Шон подала Жану знак, что он может завтракать один. – Вы делаете вид, что очень чувствительны, а сами даже не замечаете, как я страдаю.

– Да что с тобой? – подходя к ней, спросила Шон.

– Ни один из вас даже не подумал о том, что меня беспокоит! – вскричала она.

– Так вас что-то беспокоит? Скажите!

Жан не двинулся. Он намазывал себе тартинки.

– У тебя кончились деньги? – спросила Шон.

– Что ты! Скорее они у короля кончатся!

– Тогда одолжи мне тысячу луидоров, – попросил Жан, – мне они очень нужны.

– Вы сейчас получите тысячу щелчков по своему мясистому красному носу.

– Так король решил оставить при себе этого отвратительного Шуазеля? – спросила Шон.

– Что же в этом удивительного? Такие, как он, несменяемы.

– Может, король влюбился в ее высочество?

– А-а, наконец-то вы подходите к самой сути! Поздравляю вас! Однако взгляните на этого грубияна: он лопаёт шоколад и пальцем не желает шевельнуть, чтобы мне помочь. Да нет, они оба хотят, чтобы я умерла от огорчения.

Не обращая ни малейшего внимания на разразившуюся за его спиной бурю, Жан разрезал

вторую булочку, намазал ее маслом и налил себе вторую чашку шоколада.

– Что вы говорите! Король влюбился? – воскликнула Шон.

Графиня дю Барри кивнула головой, словно хотела сказать:

«Вы угадали».

– В ее высочество? – спросила Шон, всплеснув руками. – Ну, тем лучше; не будет кровосмешения. Да и вам спокойнее: лучше он будет влюблен в нее, чем в кого-нибудь еще.

– А если он влюблен не в нее, а в кого-нибудь еще?

– Господи! Что ты говоришь? – побледнев, воскликнула Шон.

– Вот видишь, теперь и тебе стало нехорошо. Этого только недоставало!

– Однако, если все обстоит именно так, мы погибли! – пробормотала Шон. – Вот отчего ты страдаешь, Жанна! В кого же он влюблен?

– Это ты у своего братца спроси. Он уже фиолетовый от шоколада, как бы не умер прямо здесь. Он-то тебе скажет, он наверняка знает или, по крайней мере, догадывается.

Жан поднял голову.

– У меня что-то хотят узнать? – спросил он.

– Да, господин Торопыга, да, господин Главный помощник, у вас спрашивают имя лица, интересующего короля, – ответила Жанна.

Жан плотно сжал губы и процедил всего три слова:

– Мадмуазель де Таверне.

– Мадмуазель де Таверне! – закричала Шон. – Ох, пощадите!

– Он об этом знает, палач! – завопила графиня, откинувшись в кресле и воздев руки к небу. – Он знает и спокойно ест!

– О! – воскликнула Шон, очевидно переходя в лагерь сестры.

– По правде говоря, – кричала графиня, – я не понимаю, почему я до сих пор не выцарапала его огромные отвратительные, заспанные глаза. Бездельник! Смотрите, дорогая, он поднимается!

– Вы ошибаетесь, – возразил Жан, – я сегодня еще не ложился.

– Что же вы, в таком случае, делали, бабник?

– Я, черт возьми, бегал всю ночь и утро, – с возмущением ответил Жан.

– Да что говорить... Кто будет служить мне лучше, чем служат сейчас? Кто мне скажет, что случилось с этой девицей, где она?

– Где она? – переспросил Жан.

– Да.

– В Париже, черт побери!

– В Париже?... Где именно?

– Улица Кок-Эрон.

– Кто вам сказал?

– Ее кучер, я дождался его в конюшнях и допросил.

– Что он ответил?

– Он только что отвез все семейство Таверне в особнячок на улице Кок-Эрон; дом стоит в саду, примыкающему к особняку д'Арменонвиль.

– Ах, Жан! – воскликнула графиня. – Это заставляет меня помириться с вами, друг мой! Однако нам необходимо знать все мелочи. Как она живет, с кем встречается? Чем занимается? Получает ли корреспонденцию? Вот что важно узнать!

– Ну что ж, узнаем!

– Каким образом?

– Каким образом?... Я уже кое-что нашел, теперь ваша очередь.

– Улица Кок-Эрон? – с живостью переспросила Шон – Улица Кок-Эрон, – равнодушно повторил Жан.

– Должно быть, на улице Кок-Эрон сдаются комнаты.

– Превосходная мысль! – воскликнула графиня – Надо поскорее отправиться на улицу Кок-Эрон, Жан, и снять Дом. Мы там посадим своего человека, он будет следить за тем, кто к ней входит, кто выходит, что там замышляется. В карету, живей, живей! Едем на улицу Кок-Эрон!

- Пустое! На улице Кок-Эрон дома не сдаются.
- Почему вы знаете?
- Навел справки, черт побери! Правда, там есть...
- Где – там! Говорите!
- На улице Платриер.
- Что за улица Платриер?
- Вы спрашиваете, при чем тут улица Платриер?
- Да.
- Эта улица выходит задом на сады улицы Кок-Эрон.
- Пошевеливайтесь! – приказала графиня. – Надо снять квартиру на улице Платриер.
- Уже снял, – проговорил Жан.
- До чего же вы восхитительны! – воскликнула графиня. – Поцелуй меня, Жан!

Жан вытер губы, чмокнул графиню Дю Барри в щеки и церемонно поклонился в знак признательности за оказанную ему честь.

- Это большая удача! – заметил Жан.
- Вас не узнают?
- Какой черт может меня узнать на улице Платриер?
- А что вы сняли?
- Крошечную квартиру в покосившемся домишке.
- Должно быть, у вас спрашивали, для кого вы снимаете квартиру.
- Разумеется.
- Что же вы ответили?
- Я сказал, что квартира предназначена для молодой вдовы. Ведь ты – вдова, Шон?
- Вот это я понимаю! – воскликнула Шон.
- Ну и прекрасно! – проговорила графиня. – Она поселится в квартире и будет за всем следить. Не будем терять времени!
- Я отправляюсь сию минуту, – сказала Шон. – Прикажите подать лошадей!
- Лошадей! – крикнула Дю Барри и так яростно потряхнула колокольчиком, что могла бы разбудить весь дворец Спящей Красавицы.

Жан и графиня знали, как им действовать по отношению к Андре.

Едва появившись в столице, она привлекла к себе внимание короля, следовательно, Андре была опасна.

– Эта девица, – заметила графиня, пока запрягали лошадей, – не была бы истинной провинциалкой, если бы перед отъездом в Париж не прихватила из своей голубятни какого-нибудь воздыхателя. Постараемся его отыскать и скорее за свадебку! Ничто так не охладит пыл его величества, как свадьба влюбленных провинциалов.

– Напротив! – возразил Жан. – Этого-то как раз нам я следует остерегаться. Его величество благочестив – вы же знаете его лучше, чем кто бы то ни было. Молодая замужняя дама для него – лакомый кусочек, а вот девица, у которой есть любовник, вызовет недовольство его величества. Карета подана, – прибавил он.

Пожав Жану руку и поцеловав сестру, Шон поспешила к выходу.

- Почему бы вам не отвезти ее, Жан? – спросила графиня.
- Нет, я отправлюсь следом, – ответил Жан. – Жди меня на улице Платриер, Шон. Я буду первым, кого ты примешь в своей новой квартире.

Когда Шон удалилась, Жан вновь уселся за стол и выпил третью чашку шоколада.

Шон сперва заехала домой и переоделась, постаравшись принять вид мещанки. Она осталась собой довольна. Закутав в жалкий плащ черного шелка свои аристократические плечи, она приказала подать носилки и полчаса спустя уже поднималась в сопровождении мадмуазель Сильви по крутой лестнице на пятый этаж.

Здесь была расположена снятая виконтом квартира.

Дойдя до площадки третьего этажа, Т Ион обернулась: она почувствовала, что кто-то за ними следит.

Это была старуха-владелица, которая жила во втором этаже. Услыхав шум, она вышла и начала с большим интересом рассматривать двух молоденьких хорошеньких женщин, вошедших к ней в дом.

Насупившись, она подняла голову и встретила глазами с обеими смеющимися женщинами.

– Эй, сударыни, эй! Вы зачем сюда пришли?

– Мой брат снял здесь для нас квартиру, сударыня, – проговорила Шон, пытаясь изобразить безутешную вдову. – Неужели вы его не видели? Быть может, мы ошиблись адресом?

– Нет, нет, это в пятом этаже, – воскликнула старуха-хозяйка, – ах, бедняжка, такая молоденькая, – и уже вдова!

– Увы! – вздохнула Шон, поднимая глаза к небу.

– Вам будет хорошо на улице Платриер, здесь очень мило. Сюда не доносится городской шум: окна вашей комнаты выходят в сад.

– Эго то, о чем я мечтала, сударыня.

– Впрочем, из коридора можно видеть и улицу, когда проходят траурные процессии или проезжает бродячий цирк.

– Для меня это будет большим утешением, сударыня, – вздохнула Шон и начала подниматься.

Старуха провожала ее взглядом до пятого этажа. Когда Шон заперла за собой дверь, она проговорила:

– У нее вид порядочной женщины.

Едва захлопнув дверь, Шон бросилась к выходившим в сад окнам.

Жан не ошибся: почти точно под окном снятой квартиры находился указанный кучером павильон.

Скоро в этом не осталось никаких сомнений: у окна села девушка с вышиванием в руках. Это была Андре.

Глава 29. КВАРТИРА НА УЛИЦЕ ПЛАТРИЕР

Шон едва успела разглядеть девушку, как вдруг виконт Жан, перескакивавший через четыре ступени подобно прокурорскому клерку, возник на пороге квартиры пресловутой вдовы.

– Ну что? – спросил он.

– Это ты, Жан? Ты меня напугал.

– Что скажешь?

– Отсюда все прекрасно видно, жаль только, что ничего не услышу.

– Ну, ты слишком многого требуешь. Кстати, еще одна новость.

– Какая?

– Чудесная!

– Да что ты?

– Просто восхитительная!

– Ты меня просто убиваешь своими восклицаниями!

– Философ...

– Ну что еще? Какой философ?

– Напрасно говорится: «Умный всегда ко всему готов». Хоть я и умен, а к этому не был готов.

– Интересно, ты когда-нибудь договоришь до конца? Может, вас смущает эта девушка? В таком случае пройдите, пожалуйста, в комнату, мадмуазель Сильви!

– Да нет, не надо, прелестное дитя ничуть не помешает, напротив! Оставайся, Сильви, оставайся.

Виконт провел пальцем по подбородку хорошенькой служанки: она уже хмурила брови при мысли, что сейчас скажут нечто такое, чего она не услышит.

– Хорошо, пусть остается. Говорите же!

– Да я ничего другого не делаю с тех пор, как я у вас.

- Но так ничего и не сказали... Тогда молчите и не мешайте мне смотреть, так будет лучше.
- Не будем ссориться. Итак, я проходил, как я уже сказал, мимо фонтана.
- Вот как раз об этом-то вы и слова не сказали.
- Ну вот, вы меня перебиваете.
- Прохожу я мимо фонтана... Я там хотел купить какую-нибудь старую мебель для этой ужасной квартиры... Вдруг – чувствую, что кто-то обрызгал мне чулки.
- Подумаешь, как интересно!..
- Погодите, не торопитесь, дорогая. Смотрю и вижу... Угадайте, кого?.. Голову даю на отсечение, что не догадаетесь!
- Продолжайте.
- Я вижу, как молодой человек заткнул куском хлеба кран фонтана, вот отчего во все стороны полетели брызги.
- Ах, как интересно! – пожав плечами, промолвила Шон.
- Потерпите. Я громко выругался, почувствовав, что меня обрызгали. Человек оборачивается, и я вижу...
- Кого?..
- Моего философа, то есть, вернее, нашего.
- Кого, Жильбера?
- Его самого: с непокрытой головой, в куртке нараспашку, в стоптанных туфлях, одним словом – в милом неглиже!
- Жильбер!.. Что он сказал?
- Я его узнаю – он меня узнает, я приближаюсь – он отступает, я протягиваю руки – он бросается со всех ног и бежит, как заяц, между каретами, разносчиками воды...
- И вы потеряли его из виду?
- Еще бы, черт побери! Вы что же, думаете, что я должен был бежать за ним?
- Вы правы. Ах, Боже мой! Конечно, не должны, я понимаю, но теперь мы его потеряли.
- Подумаешь, какое несчастье! – обронила Сильви.
- Еще бы! – проговорил Жан. – Я его должник: за мной хорошая порка. Если бы мне удалось ухватиться за его мятый воротник, ему не пришлось бы долго ждать, клянусь честью! Но он угадал мои добрые намерения и дал стрекача. Ничего, главное – он в Париже. Когда с начальником полиции состоишь в неплохих отношениях, всегда можно найти то, что ищешь.
- Он нам необходим.
- Когда он будет у нас в руках, мы заставим его поголодать.
- Только на этот раз придется ему выбрать местечко понадежнее! – вмешалась Сильви.
- Ну да, а Сильви будет носить ему в это надежное местечко хлеб и воду. Правда, мадмуазель Сильви? – заметил виконт.
- Дорогой брат, довольно шуток, – проговорила Шон, – мальчишка стал свидетелем ссоры из-за почтовых лошадей. Если у него будут основания на вас обидеться, он станет опасен.
- Я дал себе слово, пока поднимался к тебе по лестнице, что сегодня же отправлюсь к де Сартину и расскажу о своей находке. А де Сартин мне ответит, что человек с непокрытой головой, без чулок, в ботинках без шнурков, да еще макающий хлеб в фонтан, должен проживать неподалеку от того места, где его видели в таком неряшливом виде, после чего он займется его поисками.
- Что он может здесь делать без копейки денег?
- На посылках, должно быть.
- Он? Этот необузданный философ? Да что вы!
- Должно быть, отыскал какую-нибудь родственницу, старую богомолку, и она его подкармливает корками, слишком черствыми для ее мопса, – предположила Сильви.
- Довольно, довольно, сложите белье в этот старый шкаф, Сильви. А вас, дорогой брат, я прошу заняться наблюдениями.
- Они подошли к окну с большими предосторожностями. Андре оставила вышивание, небрежно положила ноги на кресло, потом протянула руку за книгой, лежавшей неподалеку на стуле; она раскрыла книгу и стала читать нечто весьма увлекательное, как показалось зрителям,

потому что она сидела не шелохнувшись.

– С каким увлечением она читает! – заметила Шон. – Что же это за книга?

– Вот что прежде всего необходимо! – отвечал виконт, достав из кармана зрительную трубу; он разложил ее, укрепил в углу подоконника и навел на Андре.

Шон с нетерпением за ним следила.

– Ну как, она в самом деле хороша собой? – спросила она виконта.

– Восхитительна! Изумительная девушка! Какие руки! А пальчики! До чего хороши глаза! Губы могли бы совратить святого Антония. Ножки, ах, божественные ножки! До чего хороша щиколотка в шелковом чулке.

– Ну что ж, влюбитесь в нее, вам сейчас только этого не доставало! – со смехом воскликнула Шон.

– А почему бы и не влюбиться?... Мы бы неплохо все разыграли, особенно если бы она хоть немножко меня полюбила. Это несколько успокоило бы нашу бедную графиню.

– Дайте мне трубу и перестаньте молоть вздор... Да, она действительно хороша, не может быть, чтобы у нее не было любовника... Да она не читает, взгляните!.. Она вот-вот выронит книгу... Ну вот, книжка выскальзывает.., падает... Видите, я была права, Жан: она не читает, она мечтает.

– Или спит.

– С открытыми глазами? До чего красивые глаза, черт возьми!

– Во всяком случае, – заметил Жан, – если у нее есть любовник, мы его отсюда увидим.

– Да, если он придет днем. А если ночью?..

– Дьявольщина! Об этом я и не подумал, а ведь надо было побеспокоиться об этом в первую очередь... Это доказывает, до какой степени я наивен.

– Да, наивен, как прокурор.

– Хорошо, что вы меня предупредили, я что-нибудь придумаю.

– Отличная труба! – похвалила Шон. – Я могла бы прочесть книгу.

– Прочтите и скажите мне название. Я попробую отгадать что-нибудь по книге.

Шон с любопытством направилась к окну, но еще быстрее отскочила.

– Ну, что там еще? – спросил виконт. Шон схватила его за руку.

– Посмотрите осторожно, брат, – сказала она, – взгляните, кто выглядывает вон из того служебного окна слева. Смотрите, чтобы вас не заметили!

– Хо, хо, это мой любитель сухарей, да простит меня Бог! – глухо проговорил Дю Барри.

– Он сейчас свалится.

– Нет, он держится за водосточную трубу.

– А куда он смотрит так пристально? Уж не пьян ли он?

– Кого-то подстерегает. Виконт хлопнул себя по лбу.

– Я понял! – вскричал он.

– Что понял?

– Он высматривает нашу мадмуазель, черт побери!

– Мадмуазель де Таверне?

– Да! Вот он, любовник из ее голубятни! Она едет в Париж – он бежит за ней. Она поселилась на улице Кок-Эрон – он сбегает от нас на улицу Платриер. Он смотрит на нее, а она мечтает.

– Могу поклясться, что это похоже на правду, – проговорила Шон. – Взгляните, как он смотрит, как пристально, как горят у него глаза: он влюблен так, что потерял голову.

– Сестрица! – сказал Жан. – Мы можем больше не высматривать птичку, влюбленный юнец сделает это за нас.

– Для себя – да.

– Нет, для нас. А теперь позвольте вас покинуть: пойду к дорогому Сартину. Черт побери! Какая удача! Будьте осторожны, Шон: философ не должен вас видеть. Вы знаете, как легко его спугнуть.

Глава 30. ПЛАН КАМПАНИИ

Де Сартин возвратился домой в три часа ночи. Он очень устал и в то же время был вполне удовлетворен вечером, который он сумел устроить для короля и графини Дю Барри.

Воодушевление народа было в немалой степени подогрето прибытием ее высочества Марии-Антуанетты, вот почему в честь его величества тоже раздавались приветственные крики «Да здравствует король!». Однако справедливости ради следует отметить, что восторженности народа поубавилось со времен знаменитой болезни короля в Меце, когда вся Франция была в церкви или в местах паломничества, молясь за здоровье юного Людовика XV, которого называли в то время Людовиком XV Возлюбленным.

А графиня Дю Барри, которую оскорбляли на улице, выкрикивая словечки особого сорта, была вопреки своим ожиданиям радостно встречена самыми разными слоями зрителей, ловко расставленных в первых рядах. Король был очень доволен и чуть заметно улыбнулся де Сартину; начальник полиции был уверен, что его ожидает щедрое вознаграждение.

Он подумал, что заслужил право не вставать с постели до обеда, чего с ним давно уже не случалось. Поднявшись, он решил воспользоваться неожиданным свободным днем, который он сам себе позволил, для того чтобы примерить две дюжины новых париков, принимая доклады о ночных происшествиях. Когда он мерил шестой парик и выслушал треть доклада, ему доложили о висконте Жане Дю Барри.

«Отлично! – подумал де Сартин, – вот и вознаграждение! Впрочем, кто знает? Женщины такие капризные!»

– Просите господина виконта в гостиную!

Уставший за утро Жан сел в кресло. Начальник полиции не замедлил явиться вслед за ним. Он убедился, что встреча не обещает ничего неприятного.

Жан и в самом деле казался приветливым.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Дорогой виконт! Что привело вас в столь ранний час? – спросил де Сартин.

– Прежде всего мне бы хотелось выразить вам свое восхищение тем, как вы устроили вчерашний праздник, – отвечал Жан, привыкший начинать с лести, когда он разговаривал с нужными ему людьми.

– Благодарю вас. Это официальное мнение?

– Что касается замка Люсьенн – да!

– Мне большего не нужно. Разве не там встает солнце?

– А иногда там же и садится.

И Дю Барри грубо расхохотался, что, однако, придало его лицу выражение добродушия, в чем он особенно нуждался.

– Помимо высказанного вам одобрения, я хотел бы попросить вас оказать мне услугу.

– Хоть две, если это выполнимо.

– Да, вы сами мне теперь же это и скажете. Если в Париже что-нибудь потерять, есть ли надежда отыскать эту вещь?

– Да, если она ничего не стоит или, наоборот, стоит очень дорого.

– То, что ищу я, стоит недорого, – отрицательно покачав головой, отвечал Жан.

– Что же вы ищете?

– Я пытаюсь отыскать восемнадцатилетнего юношу. Де Сартин потянулся за бумагой, взял карандаш и записал.

– Восемнадцать лет... Как его зовут?

– Жильбер.

– Чем он занимается?

– По возможности ничем.

– Откуда прибыл?

– Из Лотарингии.

– Где проживал?

– Он был на службе у Таверне.

- Они привезли его с собой?
- Нет, моя сестра Шон подобрала его на дороге, когда он умирал с голоду. Она посадила его к себе в карету и привезла в Люсьенн, а там...
- Что же произошло?
- Боюсь, что этот дурак злоупотребил гостеприимством.
- Что-нибудь украл?
- Я этого не утверждаю.
- Ну так...
- Я хочу сказать, что он сбежал при странных обстоятельствах.
- И теперь вы хотите его изловить?
- Да.
- Имеете ли вы хоть какое-то представление, где он может находиться?
- Я встретил его сегодня у фонтана на углу улицы Платриер и подумал, что он проживает где-нибудь неподалеку. Я даже мог бы показать дом.
- Ну что же! Если вы знаете дом, нет ничего проще, чем арестовать его в этом доме. Что вы собираетесь с ним сделать после ареста? Посадить его в Шарентон, в Бисетр?
- Нет, не совсем то.
- Господи! Да делайте с ним, что пожелаете! Не стесняйтесь.
- Мальчишка нравился моей сестре, она хотела бы оставить его при себе, он забавен. Вот если бы можно было доставить его к ней, это было бы прелестно!
- Мы попытаемся это сделать. Вы не узнавали на улице Платриер, у кого он живет?
- Нет! Понимаете, я боялся, что он меня заметит и смутится. Когда он меня увидел возле фонтана, он задал такого стрекача, словно, сам сатана его подгонял! Если бы он узнал, что я догадываюсь о его убежище, он, возможно, съехал бы.
- Справедливо! Улица Платриер, говорите? В конце, в середине, в начале улицы?
- Ближе к середине.
- Будьте покойны, я пошлю туда ловкого человека.
- Дорогой Сартин! Каким бы ловким ни был ваш человек, он ведь рассказывает хоть немножко о своих делах, не правда ли?
- Нет, у нас никто ничего не рассказывает.
- Мальчишка – большой хитрец.
- А-а, понимаю... Простите, что сразу об этом не подумал. Вы хотите, чтобы я сам?.. Вы правы..., это лучше... Там возможны трудности, о которых вы даже не догадываетесь!
- Жан был убежден, что начальник полиции набивает себе цену, но не стал его разубеждать:
- Вот именно из-за этих трудностей я и прошу вас лично этим заняться.
- Де Сартин позвонил в колокольчик. Явился лакей.
- Прикажите запрягать лошадей, – сказал он.
- У меня карета, – заметил Жан.
- Благодарю вас, я предпочитаю свою: она без гербов, это нечто среднее между фиакром и экипажем. Ее каждый месяц перекрашивают, поэтому ее очень трудно узнать. Пока запрягают лошадей, позвольте мне примерить новые парики.
- Пожалуйста, – сказал Жан.
- Де Сартин позвал своего мастера по изготовлению париков. Это был настоящий артист. Он принес хозяину большую коллекцию париков. Среди них были парики самых различных цветов, размеров и формы: парики «судейского крючка», адвоката, откупщика, кавалера. Де Сартину случалось иногда менять костюм три-четыре раза на день, и он в особенности дорожил тем, чтобы все этому костюму соответствовало.
- Когда начальник полиции перемерил две дюжины париков, лакей доложил, что карета подана.
- Вы узнаете дом? – спросил Жана де Сартин.
- Еще бы, черт возьми! Я его отсюда вижу.
- Вы успели разглядеть дверь?

- Это – первое, о чем я подумал.
- Ну и что же это за дверь?
- К ней ведет аллея.
- Ага! Аллея, выходящая ближе к середине улицы, так?
- Да, а дверь – с секретом.
- Ах, черт возьми, с секретом? Вы знаете, на каком этаже живет ваш беглец?
- В мансарде. Да вы скоро увидите, вон уже и фонтан.
- Кучер! Пошел шагом! – приказал де Сартин.
- Кучер придержал лошадей, де Сартин поднял стекла.
- Вот этот грязный дом! – указал Жан.
- А-а, это как раз то, чего я боялся! – всплеснув руками, вскричал де Сартин.
- То есть как? Разве вы чего-нибудь боитесь?
- Увы, да!
- Чего именно?
- Вам не повезло.
- Почему, скажите пожалуйста?
- Дело в том, что грязный дом, где живет ваш беглец, принадлежит господину Руссо из Женеви.
- Писателю Руссо?
- Да.
- Что это меняет?
- То есть как что меняет? Сразу видно, что вы не начальник полиции и не привыкли иметь дело с философами.
- Жильбер – у Руссо? Маловероятно...
- Вы же сами сказали, что ваш молодой человек – философ!
- Да.
- Ну вот: рыбак рыбака видит издалека.
- Хорошо, предположим, что он у Руссо.
- Предположим.
- Что из этого следует?
- Что вам его ни за что не взять, черт побери!
- Почему?
- Потому что Руссо – страшный человек.
- Отчего же он не в Бастилии?
- Я предложил это сделать третьего дня королю, но он не осмелился.
- Как не осмелился?
- Он хотел возложить ответственность за его арест на меня, а я, клянусь, ничуть не храбрее короля!
- Неужели?
- Можете мне поверить. Приходится все хорошенько взвешивать, прежде чем подставить свой зад этим собакам-философам. А вы говорите – похищение из дома Руссо! Нет, дорогой мой, это невозможно!
- Признаюсь откровенно, дорогой Сартин, я не совсем понимаю причину вашей робости. Разве король – уже не король, а вы не начальник его полиции?
- Нет, вы все просто очаровательны! Когда вы говорите: «Разве король
- уже не король?», вы полагаете, что этим все сказано. Так вот послушайте, дорогой виконт. Я бы скорее похитил вас у графини Дю Барри, чем вытаскивать Жильбера из логова Руссо.
- Что вы говорите! Благодарю за откровенность!
- Клянусь, шуму было бы гораздо меньше! Вы даже не представляете себе, до чего чувствительная кожа у всех этих писак. Они вопят по поводу малейшей царапины, словно их колесуют.
- Не так страшен черт, как его малюют. И потом, уверены ли вы в том, что подобрал нашего беглеца Руссо? Неужели ему принадлежат все пять этажей и он один живет в этом доме?

– Руссо гол, как сокол, у него не может быть дома в Париже; кроме него в этой лачуге, возможно, проживает десятка два жильцов. Однако вам стоит взять за правило следующее: всякий раз, как вы ожидаете несчастья, приготовьтесь к тому, что оно случится. Если же ждете удачи, то не настраивайтесь на веселый лад. В девяноста девяти случаях вас подстерегает неудача, и только в одном это будет счастье. Признаться, я подозревал, что с нами может случиться: я прихватил записи.

– Какие записи?

– Они касаются Руссо. Можете мне поверить, что любой его шаг известен.

– Неужели? Он в самом деле опасен?

– Нет, из-за него могут быть неприятности: этот сумасшедший способен в любую минуту сломать себе руку или ногу, а обвинят в этом нас.

– Да пусть хоть шею себе свернет!

– Боже сохрани!

– Позвольте вам заметить, что я не понимаю, о чем вы говорите.

– Народ время от времени бросает в женевого философа камни, но оставляет это право за собой. Если же мы позволим себе бросить в него хотя бы маленький камешек, народ обратит свои удары на нас.

– Прошу прощения, я не могу уловить все эти тонкости.

– Мы должны принять все меры предосторожности. Мы можем рассчитывать только на то, что у Руссо мальчишки нет. Сейчас мы это выясним. Спрячьтесь поглубже в карете.

Жан повиновался, Де Сартин приказал кучеру прогуляться по улице.

Он раскрыл портфель и достал оттуда бумаги.

– Посмотрим, находится ли ваш юнец у Руссо. Когда он должен был сюда прибыть?

– Шестнадцатого.

– «Семнадцатого: видели, как г-н Руссо в шесть часов утра собирает травы в Медонском лесу. Он был один».

– Один?

– Далее. «В два часа пополудни он продолжал собирать травы, но уже вместе с молодым человеком».

– Ага! – воскликнул Жан.

– Да, с молодым человеком, – повторил де Сартин, – слышите?

– Это он, тысяча чертей! Это он.

– Ну? Что вы на это скажете? «Молодой человек застенчив».

– Верно!

– «Он с жадностью ест».

– Все так.

– «Оба чудака срывают растения и укладывают их в цинковую коробку».

– Дьявольщина! – вскричал Дю Барри.

– Это еще не все. Слушайте дальше: «Вечером он привел молодого человека к себе, в полночь молодой человек еще не выходил от него».

– Прекрасно!

– «Восемнадцатого: молодой человек не выходил из дому и по всей видимости поселился у господина Руссо».

– Я не теряю надежды...

– Ну, в таком случае, вы – оптимист! Впрочем, поделитесь со мной вашими соображениями.

– Вполне вероятно, что в этом доме у него есть какие-нибудь родственники – Сейчас вы будете удовлетворены, вернее – разочарованы. Тише, кучер возвращается!

Де Сартин вышел из кареты. Не пройдя и десяти шагов, он встретился с одетым в серое, подозрительного вида, господином.

Увидав прославленного начальника полиции, он снял шляпу и опять надел ее с таким видом, будто не придавал своему приветствию особого значения, хотя глаза его засветились уважением и преданностью.

Де Сартин подал знак, человек приблизился. Начальник полиции шепнул ему на ухо приказание, и тот исчез за дверью Руссо.

Начальник полиции опять сел в карету.

Несколько минут спустя человек в сером подошел к карете.

– Я отвернусь, чтобы меня не было видно, – предупредил Дю Барри.

Де Сартин улыбнулся, выслушал доклад агента и отпустил его.

– Ну что? – спросил Дю Барри.

– Как я и подозревал, нам не повезло. Ваш Жильбер живет у Руссо. Уверю вас, что лучше было бы оставить ваши намерения.

– Чтобы я от этого отказался!..

– Да. Неужели вам хочется, чтобы ради пустой фантазии против нас восстали все парижские философы?

– Боже мой, что скажет Жанна?

– Так она очень дорожит этим Жильбером? – спросил де Сартин.

– Да!

– В таком случае вам остается действовать лаской, умаслите Руссо, и вам не придется красть молодого человека, он отдаст вам Жильбера по доброй воле.

– Могу поклясться, что легче было бы приручить медведя.

– Это, может быть, легче, чем вам представляется. Не будем терять надежды. Он любит привлекательные лица, графиня – первая красавица, да и мадмуазель Шон недурна собой. Как вы думаете, графиня готова была бы ради своей фантазии пойти на небольшую жертву?

– И не на одну!

– Согласится ли она влюбиться в Руссо?

– Если это необходимо...

– Это будет полезно. Однако, чтобы их познакомить, понадобится посредник. Не знаете ли вы кого-нибудь из поклонников Руссо?

– Принц де Конти.

– Плохо! Он не доверяет принцам. Надо бы какого-нибудь обыкновенного человека: ученого, поэта.

– Мы не поддерживаем отношений с этими людьми – Мне кажется, я встречал у графини господина де Жюсье.

– Ботаника?

– Да.

– Вы правы. Он действительно приезжает в Трианон, и графиня позволяет ему опустошать клумбы. – Вот и прекрасно! Жюсье – один из моих друзей.

– Можно считать, что все улажено?

– Почти так.

– Жильбер, стало быть, попадет ко мне? Де Сартин на мгновение задумался.

– Думаю, что да, – сказал он, – и это произойдет без всякого насилия, без единого крика. Руссо отдаст вам его со связанными руками и ногами.

– Вы так полагаете?

– Я в этом уверен.

– Что для этого нужно?

– Самую малость. У вас есть свободное местечко недалеко от Медона или Марли?

– Да, места там сколько угодно. Я знаю с десяток тихих уголков между замком Люсьенн и Буживалем.

– Прикажете там устроить... как бы это назвать?... Мышеловку для философов.

– Господи Боже мой! Как же это устроить?

– Я пришлю вам проект, не беспокойтесь. А теперь уедем, на нас смотрят... Кучер, поезжай домой!

Глава 31. ПРОИСШЕСТВИЕ С ДЕ ЛА ВОГИЙОНОМ, НАСТАВНИКОМ

КОРОЛЕВСКИХ ОТПРЫСКОВ, В ДЕНЬ ЖЕНИТЬБЫ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ДОФИНА

Великие исторические события для романиста – то же, что огромные горы для путешественника. Он на них смотрит, подходит к ним то с одной, то с другой стороны, почтительно раскланивается, проходя мимо, но не может на них взобраться.

Вот и мы посмотрим, походим вокруг, поклонимся при виде торжественной свадебной церемонии в Версале. Французский церемониал – единственная хроника, которой в этом случае следует доверяться.

А наша история, словно скромная спутница, отправится окольным путем, давая дорогу великой истории Франции, и не станет описывать ни величия Версаля времен Людовика XV, ни костюмов придворных тех лет, ни парадных ливреи, ни папских украшений, она попытается найти еще что-нибудь, не менее любопытное.

И вот церемония завершается в ярких лучах майского солнца, прославленные гости тихо расходятся, обсуждая чудесное зрелище, на котором они только что присутствовали. А мы вернемся к знакомым событиям и действующим лицам, имеющим с точки зрения истории некоторое значение.

Король, утомленный церемонией и, в особенности, праздничным ужином – долгим, проходившим в строгом соответствии с уже знакомым ему церемониалом свадебного ужина его высочества дофина, сына Людовика XIV, – его величество удалился к себе в девять часов и отпустил всех, кроме де ла Вогийона, наставника королевских отпрысков.

Герцог, большой друг иезуитов, надеявшийся на их водворение благодаря своим отношениям с графиней Дю Барри, считал свою задачу по воспитанию отчасти выполненной из-за женитьбы его высочества герцога де Берри.

Впрочем, впереди у наставника королевских отпрысков была не менее трудная задача: ему надлежало завершить воспитание графа де Прованс и графа д'Артуа; одному из них было в те времена пятнадцать, другому – тринадцать лет. Его высочество граф де Прованс был человек скрытный и замкнутый; его высочество граф д'Артуа – легкомысленный и своевольный. Ну, а дофин, помимо всех своих качеств, благодаря которым он прекрасно учился, был еще и дофином, то есть первым после короля лицом во Франции. Вот почему де ла Вогийон много терял, уступая свое влияние на него женщине.

Когда король попросил его задержаться, де ла Вогийон решил, что его величество понимает, какая это потеря, и хочет утешить его вознаграждением. Ведь когда воспитание закончено, наставника обыкновенно стараются отблагодарить.

Это заставило и без того чувствительного герцога де ла Вогийона расчувствоваться окончательно. Он и так подносил платок к глазам во время ужина, показывая, как он сожалеет о потере ученика. После десерта он всхлипнул. Впрочем, оставшись один, он скоро успокоился.

Когда же его вызвал к себе король, он снова достал из кармана платок и выдал слезу.

– Подойдите, мой бедный ла Вогийон, – обратился к нему король, поудобнее устраиваясь в кресле. – Подойдите, я хочу с вами поговорить.

– Я к услугам вашего величества, – молвил герцог.

– Садитесь вот сюда, дорогой мой, вы, должно быть, устали.

– Мне садиться, сир?

– Да, вот сюда, без церемоний.

Людовик XV указал герцогу на стул, стоявший таким образом, что лицо наставника было ярко освещено, тогда как король оставался в тени.

– Ну что же, дорогой герцог, вот воспитание и завершено.

– Да, сир.

Вогийон вздохнул.

– И прекрасное воспитание! – продолжал Людовик XV.

– Ваше величество слишком добры ко мне.

– Оно делает вам честь, герцог.

- Благодарю вас, ваше величество.
- Его высочество дофин – один из самых просвещенных принцев Европы, если не ошибаюсь?
- Надеюсь, сир.
- Он хороший историк?
- Очень хороший.
- Прекрасный географ?
- Сир! Его высочество дофин способен составить карту лучше инженера.
- Он прекрасно точит детали на станке?
- Сир, это не моя заслуга, я его этому не учил.
- Неважно, он умеет с ним обращаться?
- Да, он этим владеет в совершенстве.
- А часовое дело? Какая ловкость рук!
- Просто чудо, сир.
- Вот уже полгода все мои часы бегут одни за другими, как четыре колеса одной кареты, и одно другое не догоняет. А ведь он один за ними следит.
- Это – знание механики, сир, и я опять должен признаться, что я здесь ни при чем.
- Да, а математика, а навигация?
- Вот тут вы правы, сир, к этим наукам я всегда старался пробудить интерес его высочества дофина.
- Да, и он в этом очень силен. Я третьего дня слышал, как он разговаривал с де Лаперузом о перлинях, вантах и бригантинах.
- Это все морские термины... Да, сир.
- Он обо всем этом говорит, как Жан Барт.
- Да, он действительно тут очень силен.
- Всем этим он обязан вам...
- Я не заслуживаю похвал вашего величества... Я полагаю, что мои заслуги не столь велики... Его высочество дофин сумел извлечь пользу из моих уроков.
- Надеюсь, герцог, что его высочество в самом деле станет добрым королем, прекрасным правителем, хорошим отцом семейства... Кстати, герцог, – повторил король, – будет ли он хорошим отцом семейства?
- Сир! Его высочество преисполнен разнообразных достоинств! – наивно воскликнул де ла Вогийон.
- Вы меня не поняли, герцог, – сказал Людовик XV. – Я спрашиваю, может ли он стать хорошим отцом семейства.
- Сир! Признаюсь, я не понимаю вашего вопроса. Что вы хотите этим сказать?
- Я хочу сказать..., хочу сказать... Вы ведь должны знать Библию, не так ли, герцог?
- Разумеется, я ее читал, сир.
- Ну так вы знаете патриархов, правда?
- Конечно!
- Будет ли он настоящим мужем?
- Де ла Вогийон взглянул на короля так, словно тот говорил по-китайски. Он повертел в руках шляпу и вымолвил:
- Сир! Великому королю подвластно все, чего только он сам пожелает.
- Простите, герцог, – настаивая на своем король, – я вижу, что мы друг друга не понимаем.
- Сир! Я изо всех сил пытаюсь понять.
- Хорошо, – решил король, – я буду выражаться яснее. Вы знаете дофина, как свое дитя, не правда ли?
- Разумеется, сир.
- Вы знаете его вкусы?
- Да.
- Его страсти?

– О, что касается страстей, сир, это совсем другое дело: если бы они и были, я бы решительно их искоренил. Но мне, к счастью, не пришлось этим заниматься: его высочество не страдает этим недостатком.

– Вы сказали – к счастью?

– А разве это не счастье, сир?

– Стало быть, у него их нет?

– Страстей? Нет, сир.

– Ни одной?

– Ни единой, за это я ручаюсь.

– Этого-то я и боялся. Дофин будет отличным королем, прекрасным правителем, но никогда не станет хорошим мужем.

– Сир! Вы никогда не приказывали мне пробудить интерес его высочества к этой стороне жизни.

– И это было моей ошибкой. Мне следовало подумать о том, что настанет день, когда он женится. Однако, несмотря на то, что он не подвержен страстям, вы не ставите на нем крест?

– То есть как?

– Я хотел спросить вот о чем. Как вам кажется, есть ли надежда, что когда-нибудь они у него появятся?

– Сир, мне страшно!

– Отчего же?

– Признаться, сир, для меня этот разговор – пытка! – жалобно простонал бедный герцог.

– Господин де ла Вогийон! – воскликнул король, начинавший терять терпение. – Я вас ясно спрашиваю, будет ли его высочество хорошим супругом. Я оставляю в стороне вопрос о том, станет ли он настоящим отцом семейства.

– Вот именно на этот вопрос я не могу точно ответить вашему величеству.

– То есть почему же вы не можете ответить?

– Я и сам этого не знаю.

– Не знаете?! – вскричал Людовик XV в таком изумлении, что парик де ла Вогийона зашевелился у него на голове.

– Сир, его высочество герцог де Берри жил в доме вашего величества невинным ребенком, интересующимся науками.

– Ах, герцог, ребенок уже не учится, он женится!

– Сир, я был наставником его высочества...

– Вот именно, герцог! Вы должны были научить его всему, о чем ему следует знать.

Пожав плечами, король откинулся в кресле.

– Так я и думал, – со вздохом прибавил он.

– Боже мой, сир!..

– Вы знаете историю Франции, не так ли, герцог де ла Вогийон?

– Сир, я всегда так думал и буду так думать, если только ваше величество не прикажет мне поверить в обратное.

– В таком случае, вы должны знать, что со мной произошло накануне женитьбы.

– Нет, сир, этого я не знаю.

– Ах, Боже мой, так вам ничего не известно?

– Не угодно ли будет вашему величеству рассказать мне об этом?

– Слушайте, и пусть это послужит вам уроком для воспитания двух других моих внуков, герцог.

– Я вас слушаю, сир.

– Я был воспитан в доме моего деда так же, как вы воспитали дофина. Мой наставник, господин де Виллерау, был славный человек, очень славный, как вы, герцог. Эх, если бы он почаще позволял мне оставаться в обществе моего дяди-регента! Так нет же! Невинные занятия, как вы говорите, помешали мне заняться изучением невинности! Однако я женился, а когда король женится, герцог, это – важное событие для всего мира.

– Да, сир, я начинаю понимать.

– Ну и прекрасно! Итак, я продолжаю. Кардинал прощупал почву относительно того, что я смыслю в патриархате. Ничего! Я был добродетелен до такой степени, что появились опасения, как бы Франция не перешла в женские руки. К счастью, кардинал обратился за советом к Ришелье. Он был в этом вопросе большой мастер. Ему пришла в голову блестящая мысль. Существовала некая мадмуазель Лемор или Лемур, точно не помню, рисовавшая восхитительные картины. Ей заказали целую серию сцен..., ну..., вы понимаете...

– Нет, сир.

– Как бы выразиться? Пасторали.

– В стиле Теньера?

– Лучше: в стиле примитивистов.

– Примитивистов?

– Натуралистов... Мне кажется, я нашел удачное слово. Теперь понимаете?

– Как? – краснея, вскричал герцог де ла Вогийон. – Вашему величеству осмелились показывать...

– А кто говорит, что мне их показывали, герцог?

– Чтобы ваше величество могло их увидеть...

– Надо было, чтобы я их увидел, вот и все.

– И что же?

– Да ничего особенного: я их увидел.

– И?..

– Ну и так как человек по своей натуре любит подражать..., я все это и повторил!

– Да, сир, прекрасно придумано, великолепно, хотя это и опасно для юноши.

Король взглянул на де ла Вогийона с улыбкой, которую можно было бы назвать циничной, если бы она не появилась на устах одного из самых умных монархов.

– Оставим на сегодня опасения, – сказал он, – и вернемся к тому, что мы должны сделать.

– Что же?

– А вы не знаете?

– Нет, сир, и я буду счастлив, если ваше величество сообщит мне об этом.

– Пожалуйста! Вы отыщете его высочество дофина, получающего последние поздравления от кавалеров, в то время, как ее высочество выслушивает поздравления дам...

– Да, сир.

– Вы возьмете подсвечник и отведете его высочество в сторону.

– Да, сир.

– Вы сообщите своему ученику, – король подчеркнул два последних слова, – что его комната находится в конце нового коридора.

– Ни у кого нет ключа, сир...

– Потому что я его приберегал, герцог. Я предвидел то, что сегодня случится. Вот ключ.

Де ла Вогийон принял его дрожащей рукой.

– А вам я хочу сказать, герцог, – продолжал король, – что в этой галерее я приказал развесить два десятка полотен.

– Да, сир.

– Вы поцелуете своего ученика, отойдете дверь коридора, вручите ему подсвечник, пожелаете спокойной ночи и скажете, что он должен через двадцать минут дойти до своей комнаты: по минуте на каждую картину.

– Понимаю, сир.

– Ну и прекрасно. Спокойной ночи, господин де ла Вогийон!

– Прошу ваше величество простить меня.

– Не знаю, не знаю: хороших бы дел вы без меня натворили в моем семействе!

Дверь за наставником затворилась. Король взялся за особый звонок. Явился Лебель.

– Кофе! – приказал король. – Кстати, Лебель...

– Да, сир?

- После того, как принесете кофе, идите следом за господином де ла Вогийоном: он отправился к его высочеству дофину.
- Слушаю, сир.
- Погодите, я еще не сказал вам, зачем вы пойдете.
- Вы правы, сир. Но я так торопился исполнить приказание вашего величества...
- Прекрасно! Вы пойдете за господином де ла Вогийоном.
- Да, сир.
- Он так смущен, так опечален, что я опасаясь, что он расплечется, увидев его высочество.
- Что я должен сделать, если это произойдет?
- Ничего. Вы скажете мне об этом, вот и все. Лебель подал королю кофе, тот медленно, смакуя, отпил глоток Лакей, известный в истории, вышел. Спустя четверть часа он опять явился.
- Ну что, Лебель? – спросил король.
- Сир! Герцог де ла Вогийон проводил его высочество до коридора, держа его под руку.
- Что дальше?
- Было непохоже, что он готов заплакать, скорее напротив его маленькие глазки приняли игривое выражение.
- Хорошо. А потом?
- Он вынул из кармана ключ, протянул его высочеству, тот отпер дверь и ступил в коридор.
- Что было дальше?
- Герцог вложил подсвечник его высочеству в руку и сказал тихо, однако так, что я сумел разобрать: «Ваше высочество! Супружеское ложе находится в конце галереи, от которой я только что вручил вам ключ. Король желает, чтобы вы были в комнате через двадцать минут». – «Почему через двадцать минут? – спросил принц. – Мне довольно двадцати секунд». «Ваше высочество! – отвечал де ла Вогийон – На этом кончается моя власть. Мне нечему больше вас научить, однако позволю себе дать вам последний совет хорошенько рассмотрите обе стены галереи, и я обещаю вашему высочеству, что ему не придется скучать эти двадцать минут».
- Недурно.
- После этого, сир, де ла Вогийон отвесил низкий поклон, по-прежнему выразительно поглядывая на его высочество, казалось, он и сам был бы не прочь заглянуть в коридор. Затем он удалился.
- Ну, а его высочество вошел, я полагаю?
- Да, сир. Взгляните: видите свет в галерее? Он там ходит уже около четверти часа.
- Ну вот, огонек исчезает, – проговорил король после того, как несколько минут смотрел в окно. – Мне в свое время тоже дали двадцать минут, но я помню, что через пять минут я уже был у жены. Неужели о его высочестве скажут то же, что говорили об отпрыске Расина: «Ничтожный сын великого отца!»?

Глава 32. БРАЧНАЯ НОЧЬ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ДОФИНА

Дофин отворил дверь комнаты ее высочества, вернее, ее передней.

Облачившись в длинный белый пеньюар, эрцгерцогиня ожидала в золоченой кровати, едва осевшей под ее хрупким и нежным тельцем. Если бы можно было прочесть ее расположение духа по лицу, то сквозь легкую дымку скрывавшей ее лицо печали стало бы ясно, что вместо кроткого ожидания супруга девушка испытывает ужас: как все нервные натуры, она предчувствовала надвигавшуюся угрозу и боялась своих предчувствия гораздо больше, чем если бы ей пришлось встретиться с настоящей опасностью.

У постели сидела г-жа де Ноай.

Другие дамы находились в глубине комнаты, готовые удалиться по первому знаку фрейлины.

Согласно требованиям этикета, фрейлина невозмутимо ожидала прихода его высочества дофина.

Но на этот раз всем требованиям этикета и церемониала суждено было подчиниться небла-

гоприятным обстоятельствам. Оказалось, что придворные, которые должны были ввести его высочество дофина в комнату невесты, не знали, что его высочество по распоряжению короля Людовика XV пойдет новым коридором, поэтому они ожидали в другой приемной.

Передняя, куда только что вошел дофин, была пуста. Дверь, ведущая в спальню, была приотворена, и его высочество мог видеть и слышать все, что там происходило.

Он подождал, взглянул украдкой через щель и пугливо прислушался.

Послышался чистый, мелодичный, но немного дрожавший от волнения голос ее высочества:

– Откуда войдет его высочество?

– Через эту дверь, сударыня, – отвечала герцогиня де Ноай.

Она показала дверь, противоположную той, за которой стоял дофин.

– Что за шум доносится из окна? – продолжала принцесса. – Можно подумать, что это гудит море.

– Это гул бесчисленных зрителей, они вышли прогуляться при свете иллюминации и ждут праздничного фейерверка.

– Иллюминация? – грустно улыбнувшись, переспросила принцесса, – Она будет нелишней сегодня: вечернее небо мрачно, вы видели, герцогиня?

Дофин потерял терпение, легонько толкнул дверь, просунул голову и спросил, можно ли ему войти.

Герцогиня вскрикнула, потому что не сразу узнала принца.

Ее высочество, находившаяся под впечатлением испытанных одно за другим сильных волнений, впала в то нервическое состояние, когда все может напугать; она вцепилась герцогине в руку.

– Это я, сударыня, – проговорил дофин, – не бойтесь.

– А почему через эту дверь? – спросила герцогиня де Ноай.

– А потому, – отвечал король Людовик XV в свою очередь цинично просовывая голову в приотворенную дверь, – потому, что герцог де ла Вогийон, как истинный иезуит, прекрасно знает латынь, математику и географию, но ничего не смыслит кое в чем другом.

При виде столь внезапно прибывшего короля ее высочество выскользнула из постели и поднялась, завернувшись в огромный пеньюар, скрывавший ее с головы до ног так же надежно, как стела древней римлянки.

– Вот теперь хорошо видно, как она худа, – прошептал Людовик XV. – Чертов Шуазель! Надо же было среди всех эрцгерцогинь выбрать именно эту!

– Ваше величество! – заговорила герцогиня де Ноай. – Прошу обратить внимание на то, что я строго соблюдала этикет, а вот его высочество...

– Я принимаю вину за нарушение на себя, – отвечал Людовик XV, – и это справедливо, потому что совершил его я. Однако, принимая во внимание важность обстоятельств, дорогая герцогиня, я надеюсь испросить у вас прощение.

– Я не понимаю, что желает этим сказать ваше величество.

– Мы выйдем отсюда вместе, и я обо всем вам расскажу. А детям пора ложиться в постель.

Принцесса отступила на шаг от кровати и еще крепче, чем в первый раз, схватила герцогиню за руку.

– Умоляю вас! – прошептала она. – Я умру со стыда.

– Сир, – обратилась герцогиня к королю, – ее высочество умоляет вас разрешить ей лечь, как простой смертной.

– Дьявольщина! И это говорите вы, госпожа любительница этикета?

– Сир, я знаю, что это противоречит законам церемониала французского двора, однако взгляните на эрцгерцогиню...

Мария-Антуанетта, бледная, оцепеневшая, едва держалась на ногах, опираясь рукой на спинку кресла. Она напоминала статую, олицетворяющую Ужас, лишь легкое постукивание зубов да струившийся по ее лицу холодный пот свидетельствовали о том, что она еще жива.

– Я не хотел бы идти наперекор желаниям ее высочества, – отвечал Людовик XV. – Принцу тоже не по душе церемониал, который обожал Людовик Четырнадцатый. Давайте выйдем, герцо-

гиня. Кстати, в дверях есть замочные скважины, это будет еще забавнее.

Дофин услышал последние слова своего деда и покраснел.

Принцесса тоже их слышала, но ничего не поняла.

Король Людовик XV поцеловал невестку и вышел, уводя за собой герцогиню де Ноай. Он весело смеялся, но тем, кто не веселился вместе с ним, было очень тяжело слышать его смех.

Другие придворные вышли через вторую дверь.

Молодые люди остались одни.

Наступило молчание.

Юный принц подошел к Марии-Антуанетте: сердце его сильно билось, он почувствовал, как кровь застучала у него в груди, в висках, в руках. Это заговорили молодость и любовь.

Но он вспомнил, что, стоя за дверью, дед цинично заглядывает даже в семейное ложе; принц оцепенел, потому что был от природы робок и неловок.

– Вам плохо? – глядя на эрцгерцогиню спросил он. – Вы очень бледны и, кажется, дрожите.

– Я не стану от вас скрывать, что испытываю странное возбуждение, – отвечала она. – Должно быть надвигается буря: гроза обыкновенно оказывает на меня ужасное действие!

– Вы, наверное, думаете, что разразится ураган, – с улыбкой сказал дофин.

– Я в этом уверена, совершенно уверена: я вся дрожу, взгляните!

Принцесса и в самом деле дрожала будто под действием электричества.

В эту минуту, словно для того, чтобы подтвердить ее предчувствия, яростный порыв ветра, предвещавший бурю, такой мощный, что способен был всколыхнуть море и снести горы, вызвал во дворце суету, тревогу, беготню.

Ветер срывал с ветвей листья, с деревьев – ветви; с пьедесталов падали статуи; бесконечно долгий ропот ста тысяч зрителей пробежал по садам, в галереях и коридорах дворца стоял вой – все это слилось в мрачную гармонию, никогда дотоле не поражавшую человеческий слух.

Вой сменился ужасающим грохотом: то разлетались на мелкие осколки стекла и со звоном сыпались на мрамор лестниц и на карнизы.

Из оконной задвижки порыв ветра вырвал неплотно притворенный ставень, и он стал хлопать по стене подобно гигантскому крылу ночной птицы.

Повсюду, где окна были открыты, во дворце погасли свечи и комнаты потонули во мраке.

Дофин пошел было к окну, чтобы закрыть ставень, но принцесса его удержала.

– Умоляю вас, – заговорила она, – не раскрывайте окно: если свечи погаснут, я умру от страха!

Дофин остановился.

Он успел отдернуть занавеску, и через окно стали видны темные вершины деревьев в парке, раскачивавшихся и с треском ломавшихся, словно рука невидимого великана встряхивала их стволы в крошечной темноте.

Все праздничные огни погасли.

На небе можно было различить накатывавшие одно на Другое и словно клубившиеся огромные черные облака.

Побледневший дофин продолжал стоять у окна, держась за задвижку. Принцесса рухнула на стул и глубоко вздохнула.

– Вы, должно быть, очень испугались? – спросил дофин.

– Да! Впрочем, я чувствую себя спокойнее, когда вы рядом. Ах, какая буря! Какая буря! Все огни погасли.

– Да, – согласился Людовик, – это зюйд-зюйд-вест – ветер, приносящий самые сильные ураганы. Если он не стихнет, не знаю уж, как будет производиться фейерверк...

– Для кого же стали бы его устраивать? В такую погоду ни единая душа не останется в парке.

– Вы не знаете французов! Они ждут фейерверка! Сегодняшний обещает быть восхитительным. Я знаком с проектом. Ну вот, видите, я не ошибся, вот и первые ракеты!

И действительно, в небо устремились предупредительные ракеты, напоминавшие длинных огненных змей. Однако в ту же минуту буря словно приняла этот залп за вызов: яркая молния рас-

колола небосвод и прорезалась между красными огнями ракет, словно пытаясь затмить их своим голубоватым свечением.

– Это неуважение к Богу, когда человек пытается с ним бороться! – воскликнула принцесса.

Вслед за предупредительными ракетами почти тотчас же должен был начаться фейерверк: инженер чувствовал, что следовало поторопиться; он поднес огонь к первым ракетам, раздался оглушительный радостный крик.

Но между землею и небом и в самом деле, по-видимому, начиналась война, вероятно, права была эрцгерцогиня, когда говорила, что человек проявляет неуважение к Богу: разгневанная буря заглушила своим рокотанием радостные крики людей, с неба хлынули бесчисленные потоки и обрушились на землю.

Порывистый ветер погасил праздничное освещение, дождь залил огни фейерверка.

– Ах, какая жалость! – воскликнул дофин. – Фейерверк погас.

– Мне кажется, все во Франции гаснет с тех пор, как я сюда приехала,

– с грустью заметила Мария-Антуанетта.

– Что вы говорите?

– Вы видели Версаль?

– Разумеется. Вам не нравится Версаль?

– Почему же нет? Версаль понравился бы мне, если бы сегодня он был таким, каким его оставил ваш прославленный предок Людовик Четырнадцатый. А в каком состоянии нашла его я? Повсюду мрак и запустение. Да, буря прекрасно сочетается с празднествами в мою честь! До какой степени вовремя разразился ураган, скрыв нищету дворца! А как хорошо, что спустилась ночь, окутывая поросшие травой аллеи, тинистых тритонов, высохшие бассейны и изуродованные статуи! Да, да, дуй, южный ветер; вой, буря; наплывайте, тучи! Скройте от всех странный прием, который Франция оказывает наследнице цезарей в тот самый день, когда она отдает свою руку будущему королю!

Смущенный дофин не знал, что ответить на упреки, а, главное, на ее мрачное возбуждение, так не свойственное его нраву. Дофин протяжно вздохнул.

– Я вас огорчаю, – заметила Мария-Антуанетта, – однако не думайте, что во мне говорит гордыня. Нет, нет! Она здесь ни при чем. Уж лучше бы я не видела веселого, тенистого, цветущего Трианона, где, к сожалению, гроза безжалостно гнет к земле деревья и возмущает водную гладь. Меня бы вполне удовлетворило это прелестное гнездышко! А развалины меня угнетают, они вызывают у меня отвращение, а тут еще этот страшный ураган!

Новый, еще более яростный порыв ветра потряс дворец. Принцесса в ужасе вскочила.

– О Боже! Скажите, что я в безопасности! Скажите! Я умираю от страха!

– Никакой опасности нет, успокойтесь. Версаль весь состоит из галерей и террас, он невысок и не может привлечь молнию. Если молнии суждено ударить над дворцом, удар скорее всего придется на часовню, потому что у нее островерхая крыша, или на малый дворец с его кровлей разной высоты. Вам, вероятно, известно, что электрический заряд притягивают высокие предметы, а плоские тела, напротив, отталкивают.

– Нет! – вскрикнула Мария-Антуанетта. – Не знаю! Не знаю!

Людовик взял эрцгерцогиню за трепещущую ледяную руку.

В тот же миг тусклая вспышка залила комнату мертвенно-бледным синеватым светом; Мария-Антуанетта закричала и оттолкнула дофина.

– Да что с вами? – спросил он.

– Вы показались мне при вспышке бледным, осунувшимся, окровавленным. Я приняла вас за привидение.

– Это отблеск серной вспышки, – проговорил принц, – и я могу вам объяснить...

Раздался ужасающий удар грома; его раскаты с нарастающим ревом достигли высшей точки, а затем постепенно затихли вдали. Удар грома положил конец научному объяснению, которое молодой человек хладнокровно давал своей юной супруге.

– Ну, ну, не волнуйтесь, прошу вас, – снова заговорил он после минутного молчания. – Давайте оставим эти страхи простому народу: физическое движение является одним из условий разви-

тия природы. Не стоит удивляться ему больше, чем спокойствию. Они одно другое сменяют: спокойствие бывает нарушено движением, движение вновь сменяется спокойствием. В конце концов это всего лишь гроза, а гроза – одно из наиболее естественных явлений природы, очень часто случающееся. Вот почему я не могу понять, что вас так пугает.

– Если бы гроза случилась в другое время, я бы, может быть, так не испугалась. Но в день нашей свадьбы?! Не кажется ли это вам одним из зловещих предзнаменований, преследующих меня с той минуты, как я оказалась во Франции?

– Что вы говорите?! – вскричал дофин, невольно охваченный суеверным ужасом. – Какие предзнаменования?

– Да, да! Ужасные! Кровавые!

– Расскажите мне о них, меня считают стойким и хладнокровным. А вдруг мне удастся развеять ваши страхи?

– Я провела первую ночь в Страсбурге: меня ввели в большую залу, зажгли факелы, и они осветили прямо передо мной обгавленную кровью стену. Однако у меня хватило мужества подойти ближе и внимательнее рассмотреть то, что там было изображено. Стены залы были обтянуты gobеленом, представлявшим сцену избиения Невинных. Лица изображенных людей выражали отчаяние, в горящих глазах застыл смертельный ужас, то там, то здесь сверкали топоры и шпаги; слезы струились рекой, я будто слышала крики матерей; последние стоны рвались с этой пророческой стены; чем больше я ее разглядывала, тем больше она казалась мне живой. Объятая ужасом, я так и не заснула... Скажите, разве это не зловещее предзнаменование?

– Возможно, так могло показаться эллинке, но не принцессе наших дней.

– Наше время чревато несчастьями, – говаривала моя мать, – как небо, разгорающееся у нас над головами, переполнено серой, огнем и скорбью. Вот почему мне так страшно, вот почему в любом предзнаменовании мне чудится предостережение.

– Никакая опасность не угрожает трону, на который мы поднимаемся; царствующие особы словно живут в другом, заоблачном мире. Молния дремлет у наших ног, а если она и опускается на землю, то только с нашего ведома.

– К сожалению, мне предсказывали совсем иное!

– Что же вам предсказывали?

– Нечто ужасное, отвратительное!

– Вам так сказали?

– Нет, скорее, показали.

– Показали?

– Да, я видела, сама видела! И это видение отпечаталось в моем сердце. Оно так глубоко запало, что не проходит дня без того, чтобы я о нем не подумала, а подумав – не содрогнулась; каждую ночь оно вновь и вновь встает у меня перед глазами.

– А вы не могли бы описать то, что видели? Или с вас взяли слово молчать?

– Нет, с меня не брали никакого слова.

– Тогда скажите!

– Слушайте! Это невозможно описать: огромная машина, приподнятая над землей, словно эшафот, и к этому эшафоту будто приставлены две лестницы, а между ними – огромный нож, или лезвие, или гигантский топор. Я все это видела и, странное дело, в то же время я видела под ножом свою голову. Нож скользнул и отделил мою голову от тела; голова упала и покатилась по земле. Вот что я видела!

– Чистейшая галлюцинация, – заключил дофин. – Я знаю все орудия пыток и почти все механизмы умерщвления; такого, что вам привиделся, просто не существует. Успокойтесь, прошу вас!

– Увы, я не могу отогнать эту ужасную мысль, хотя стараюсь изо всех сил!

– Все будет хорошо, – сказал дофин, приблизившись к жене, – с этой минуты возле вас преданный друг и надежный защитник.

– Увы! – повторила Мария-Антуанетта, закрывая глаза и опускаясь в кресло.

Дофин подошел еще ближе, и она почувствовала на своей щеке его дыхание.

В этот момент дверь, в которую вошел дофин, тихонько приотворилась, и Людовик XV с неистощимым любопытством заглянул в просторную комнату, едва освещаемую двухрожковым подсвечником золоченого серебра.

Старый король раскрыл было рот, желая подбодрить внука, как вдруг оглушительный треск разорвал тишину дворца; вслед за ним сверкнула молния, хотя до этого она сверкала перед громовыми раскатами. В ту же секунду столб белого пламени с зеленоватыми искрами промчался мимо окна, после чего все стекла разом лопнули, а находившаяся на балконе статуя рассыпалась в пыль. С тем же оглушительным треском смерч поднялся в воздух и мгновенно исчез из виду.

В комнату ворвался ветер и погасил обе свечи. Испуганный, дрожащий, ослепленный дофин попятился, пока не уперся в стену и так и остался стоять.

Принцесса почти без сознания опустилась на скамеечку Для молитвы и оцепенела.

Задрожавший Людовик XV решил, что земля уходит У него из-под ног; в сопровождении Лебеля он поспешил вернуться в свои апартаменты.

А тем временем народ, напоминавший огромную стаю испуганных птиц, разбегался по дорогам, через леса и сады, подгоняемый градом; град обрушился на цветы в садах, па деревья, прибил рожь и пшеницу, повредил шифер на крышах и украшавшую здания изящную лепнину – это еще усилило всеобщее уныние.

Спрятав лицо в ладонях, принцесса молилась и плакала.

Дофин хмуро и безучастно смотрел на дождевые потоки, заливавшие комнату через разбитые стекла, а на паркете в голубоватых разводах отражались непрерывно следовавшие одна за другой несколько часов подряд вспышки молний.

Но вот настало утро, и ночному хаосу пришел конец. Первые лучи солнца пробились сквозь толщу свинцовых туч и открыли взгляду последствия ночного урагана.

Версаль невозможно было узнать.

Земля была затоплена водой точно так же, как деревья пострадали от огня. Всюду лежали в грязи деревья с изломанными ветвями, с обожженными молнией стволами в тех местах, где она пыталась, словно огненная змея, обвить дерево своими пылавшими кольцами.

Напуганный грозой Людовик XV так и не смог заснуть; на заре не покидавший его Лебель помог ему одеться, и король возвратился через ту же галерею, где в неясном свете занимавшейся зари стыдливо возникали уже знакомые нам картины среди цветов, хрусталя и горящих канделябров.

Уже в третий раз за последние сутки король толкнул дверь комнаты, где находилось брачное ложе, и содрогнулся, увидав на скамеечке будущую королеву Франции, лежавшую на спине, бледную, с запавшими веками, как у св. Мадлены Рубенса: сон избавил ее от мук, первые солнечные лучи озаряли белое платье, словно подчеркивая ее непорочность.

В глубине комнаты на прислоненном к стене стуле почивал дофин Франции, вытянув в луже ноги в шелковых чулках; он был столь же бледен, как и его супруга, на лбу его тоже блестела испарина – следствие пережитого ужаса.

Брачная постель оставалась в том виде, в каком король застал ее накануне.

Людовик XV нахмурился: неведомая ему доселе боль железным обручем сжала его голову. Только вакханалия могла бы в тот момент порадовать его, но он ее не увидел.

Он покачал головой, вздохнул и вернулся в свои апартаменты, еще более мрачный и напуганный, чем во время ночной грозы.

Глава 33. АНДРЕ ДЕ ТАВЕРНЕ

30 мая, то есть на третий день после той ужасной ночи, ночи, полной, по словам Марии-Антуанетты, предзнаменований и предостережений, дошла очередь и до Парижа отпраздновать женитьбу своего будущего короля. Вот почему все парижане устремились в этот день к площади Людовика XV, где должен был состояться праздничный фейерверк, сопровождавший, как правило, всякое большое торжество; парижане – большие любители поглазеть и не могут без этого обойтись.

Место было выбрано прекрасно. Шестьсот тысяч зрителей могли спокойно перемещаться на площади. Вокруг конной статуи Людовика XV опоры конструкции были расположены кольцеобразно, чтобы фейерверк был виден всем зрителям с площади; с этой же целью вся конструкция возвышалась над землей на двенадцать футов.

Согласно обычаю, парижане прибывали группами и долго выбирали лучшие места, не занятые теми, кто пришел раньше.

Дети взбирались на деревья, мужчины карабкались на каменные тумбы, женщины располагались у поручней, на краю канав и около подмостков, построенных на скорую руку бродячими актерами, которых полным-полно бывает на любом парижском празднике: богатое воображение позволяет им менять тему хоть каждый день.

К семи часам вечера вместе с первыми любопытными прибыло несколько групп лучников.

Французские гвардейцы на сей раз не принимали участия в охране порядка: городские власти сочли невозможным выделить для этой цели тысячи экю, которую потребовал командир полка его светлость герцог де Бирон.

Гвардейцы вызывали у населения ужас и, в то же время, пользовались его любовью, вот почему каждого офицера и солдата полка можно было принять то за Цезаря, то за Мандрена. Французские гвардейцы вызывали ужас на поле боя, были неумолимы при несении службы, а в мирное время в часы досуга вели себя как разбойники. Когда же они переодевались в штатское, они становились неприступными мужественными красавцами; их превращение нравилось женщинам и внушало почтение мужчинам. Но будучи свободными от службы и затерявшись в толпе, они становились грозой тех, у кого накануне вызывали восхищение, и отчаянно преследовали тех самых господ, которых на следующий день им предстояло охранять.

Итак, городские власти питали глубоко укоренившуюся ненависть к этим ночным гулякам и завсегдатаям притонов, и это явилось одной из причин того, чтобы не давать тысячи экю французским гвардейцам. Власти послали на площадь городских лучников под тем благовидным предлогом, что в семейном празднике, подобном тому, который готовился теперь, должно хватить обычного семейного сторожа.

Так французские гвардейцы оказались свободны от службы и смешались с группами зевак, о которых мы упоминали; они вели себя настолько же непристойно, насколько в другое время были бы строги; чувствуя себя в этот вечер простыми горожанами, они учиняли в толпе беспорядки, которые, будь они на службе, подавили бы ударом приклада, ногой, локтем или даже прибегли бы к аресту, если бы их командир Цезарь Бирон имел право называть их в тот вечер солдатами.

Крики женщин, недовольное ворчание мещан, жалобы торговцев, которым они отказывались платить за пирожки и пряники, – все это создавало суматоху, словно предварявшую настоящий беспорядок, совершенно неизбежный, когда шестьсот тысяч зевак соберутся на этой площади, и тогда к восьми часам вечера на площади Людовика XV словно оживет огромное полотно Теньера, только с французскими действующими лицами.

После того, как парижские мальчишки, самые занятые и, в то же время, самые ленивые во всем мире, устроились на своих обычных местах, а мещане и простой люд разместились по своему вкусу, стали прибывать в каретах знать и финансовые тузы.

Для них не было предусмотрено накануне никакого маршрута; они без всякого приказанья выезжали с улицы Мадлен или Сент-Оноре, подвозя к недавно выстроенным особнякам тех, кто получил приглашение занять место у окна или на балконе градоначальника, откуда был бы прекрасно виден фейерверк.

Те, у кого не было приглашений, оставляли кареты на углу площади и продолжали продвигаться пешком благодаря лакеям, расчищавшим путь в уже довольно плотной толпе; впрочем, толпа всегда готова расступиться перед тем, кто умеет завоевать ее сердце.

Было любопытно смотреть на то, с какой ловкостью жадные до зрелища парижане умеют в потемках пробираться вперед, пользуясь в своих интересах даже неровностями дороги. Очень широкая, но еще не законченная к тому времени Королевская улица была перерезана в нескольких местах глубокими канавами, по краям которых была насыпана вырытая земля. На каждой из этих возвышенностей располагалась небольшая группа зрителей, словно поднявшийся чуть выше дру-

гих морской вал среди бесконечного людского моря.

Время от времени этот вал, подталкиваемый другими волнами, скатывался вниз под оглушительный хохот еще не очень плотной толпы, так что в этих падениях не было пока никакой опасности, потому что упавшие могли подняться.

К половине девятого все взгляды, бродившие до этого времени по сторонам, устремились в одном направлении и остановились на конструкции, сооруженной специально для фейерверка. Тогда локти, не перестававшие отбиваться от соседей, как следует взялись за охрану своего места от новых посягательств.

Фейерверк, подготовленный Руджиери, должен был по замыслу автора соперничать, – а из-за недавней грозы это было несложно, – с версальским фейерверком, который устроил инженер Тор. Парижане знали, что в Версале щедрость короля, пожаловавшего на фейерверк пятьдесят тысяч ливров, ни к чему не привела: первые же ракеты были залиты дождем. Так как вечером 30 мая погода стояла прекрасная, жители Парижа заранее радовались своей победе над соседями – версальцами.

Кстати сказать, Париж больше доверял давно известному Руджиери, чем недавней популярности Тора.

Ну и, наконец, проект Руджиери был менее прихотливым по исполнению и не столь туманным по задумке, как план его собрата по роду занятий. Он отчетливо обнаруживал намерения пиротехника: аллегория – королева тех времен – сочеталась с изысканнейшей архитектоникой; сама конструкция символизировала древний храм Гименея, который для французов столь же дорог, как и храм Славы; его поддерживала гигантская колоннада, он был окружен парапетом, а на углах парапета дельфины с раскрытыми ртами ждали только сигнала, готовые в любой момент изрыгнуть огненные реки. Против каждого дельфина величаво поднималась декоративная ваза; каждая из четырех ваз символизировала Луару, Рону, Сену и Рейн – реку, которую французы упрямо считают своей вопреки всему свету, а если верить современным немецким песням, то вопреки даже самому Рейну, – все четыре реки были готовы излить вместо воды огонь – голубой, белый, зеленый и розовый – в тот самый миг, как вспыхнет колоннада.

Другие участки фейерверка должны были воспламениться одновременно со всем этим великолепием и изображать огромные цветочные горшки на террасе дворца Гименея.

А на крыше дворца возвышалась светящаяся пирамида, венчавшаяся глобусом; предполагалось, что, вспыхнув, глобус брызнет снопом разноцветных ракет.

Однако самой главной была заключительная часть фейерверка, ведь именно по ней парижане судят обо всем празднике; Руджиери решил произвести последний залп со стороны реки, из-за статуи; предполагалось, что взоры собравшихся будут привлечены благодаря тому, что залп будет произведен с высоты трех-четырёх туаз.

Город был занят обсуждением всех этих подробностей. Вот уже две недели парижане с восхищением взирали на Руджиери и его подручных, сновавших среди скупо освещенных строительных лесов и останавливавшихся лишь затем, чтобы привязать фитиль или закрепить запал.

Когда на террасу всей этой пирамиды были вынесены фонари, что означало приближение той минуты, когда начнется фейерверк, в толпе произошло движение: стоявшие впереди отшатнулись, и людское море всколыхнулось, волны прокатились до самых окраин площади.

Экипажи все прибывали, загораживая собою въезд на площадь. Лошади упирались мордами в спины стоявших позади зрителей, а те начинали волноваться из-за опасного соседства. Вскоре за каретами собралась все увеличивавшаяся толпа зевак; если бы кареты захотели покинуть площадь, им это не удалось бы: они оказались со всех сторон окружены плотной и шумной толпой. Французские гвардейцы, мастеровые, лакеи облепили со всех сторон экипажи, словно скалы во время кораблекрушения.

Огни бульваров издалека бросали красноватый свет на головы тысяч собравшихся людей, среди которых то здесь, то там поблескивал штык городского лучника; впрочем, они были так же редки, как колоски на скошенном поле.

Вдоль только что выстроенных особняков – ныне Крийон и Гардмебль – кареты приглашенных стояли в три ряда, тесно прижатые друг к другу; с одной стороны тройная вереница карет

протянулась от бульвара к Тюильри, с другой – к Елисейским Полям.

Вдоль карет блуждали, словно привидения по берегу Стикса, те из приглашенных, кому не удалось подъехать к площади; оглушенные, боясь ступить, в особенности разодетые в атлас женщины, на пыльную мостовую, гости натыкались на простолюдинов, смеявшихся над их изнеженностью, и пытались пробраться между колесами экипажей и лошадьми, продирались к назначенному месту подобно кораблям, стремящимся поскорее достичь гавани во время шторма.

Одна из карет прибыла к девяти часам, то есть всего за несколько минут до начала фейерверка, и попыталась пробиться поближе к двери градоначальника. Однако это уже было не только рискованно, но просто невозможно.

Экипажи начали образовывать четвертый ряд, измученные лошади вначале разгорячились, а потом и вовсе взбесились: при малейшем раздражении они били копытами то вправо, то влево, но крики пострадавших оставались пока не замеченными в гомоне толпы. За рессоры этой кареты, прокладывая себе путь сквозь толпу, держался молодой человек, отгонявший на ходу всех, кто пытался ухватиться рядом с ним за пружину и воспользоваться образовавшимся за каретой проходом. Едва карета остановилась, молодой человек отскочил, не выпуская, однако, спасительной рессоры, за которую он продолжал держаться одной рукой. Через распахнутую дверцу он мог слышать оживленный разговор хозяев экипажа.

Из кареты высунулась одетая в белое женщина, ее голова была украшена живыми цветами. В ту же минуту раздался крик – Андре! Провинциалка вы такая! Не высовывайтесь, черт побери! Не то вас приласкает первый попавшийся мужлан! Разве вы не видите, что наша карета застряла в толпе, словно посреди реки? Мы в воде, дорогая, и в грязной воде: будьте осторожны.

Девушка скрылась в карете.

– Но отсюда ничего не видно, – проговорила она, – если бы можно было развернуть лошадей, то мы бы увидели все через окно не хуже, чем из окна дома градоначальника.

– Поворачивай, кучер! – крикнул барон.

– Невозможно, господин барон, – отвечал кучер, – не то я раздавлю с десятков людей.

– Да черт с ними, дави!

– Что вы говорите! – воскликнула Андре.

– Отец!.. – попытался остановить барона Филипп.

– Что это там за барон, который собирается давить простых людей? – угрожающе прокричали сразу несколько голосов – Ну, я, дьявол вас разорви! – пробормотал Таверне, высунувшись из кареты и показав красную орденскую ленту на перевязи.

В те времена орденские ленты еще были в почете, возмущение постепенно стихло.

– Погодите, отец, я выйду и взгляну, нет ли возможности ехать дальше,

– предложил Филипп.

– Будьте осторожны, брат: слышите, как ржут лошади?

– Можно даже сказать, что они режут, – сказал барон. – Давайте выйдем; прикажите расступиться, Филипп, пусть нас пропустят вперед.

– Да вы не знаете теперешних парижан, отец, – возразил Филипп, – так командовать можно было раньше, а нынче ваши приказания скорее всего ни к чему не приведут. Не станете же вы унижать свое достоинство?

– Но когда эти олухи узнают, что я...

– Отец, – с улыбкой перебил его Филипп, – даже если бы вы были дофином, боюсь, что и в этом случае никто ради вас не пошевелился бы, особенно теперь: фейерверк вот-вот начнется.

– Мы так ничего и не увидим! – с раздражением заметила Андре.

– Это ваша вина, черт возьми! – проговорил барон. – Вы два часа одевались.

– Филипп! Нельзя ли мне опереться на вашу руку и встать в толпе? – спросила Андре.

– Да, да, мамзель! – разом прокричали в ответ несколько мужских голосов, так приглянувшись этим людям Андре, – идите к нам, вы худенькая, мы подвинемся.

– Хотите пойти, Андре? – спросил Филипп.

– Очень хочу, – отвечала она, и легко спрыгнула на землю, не коснувшись подножки.

– Идите, – проговорил барон, – а мне наплевать на фейерверки, я останусь здесь.

– Хорошо, оставайтесь, – согласился Филипп, – мы будем неподалеку.

Когда толпу ничто не раздражает, она почтительно расступается перед царицей мира – красотой. Народ пропустил Андре и ее брата вперед, а горожанин, занимавший со своим семейством каменную скамью, заставил жену и дочь подвинуться и уступить место Андре.

Филипп устроился у нее в ногах, а она положила руку ему на плечо.

Жильбер последовал за ними, остановившись в четырех шагах от Андре и не сводя с нее глаз.

– Вам удобно, Андре? – спросил Филипп.

– Прекрасно, – отвечала девушка.

– Вот что значит быть красивой, – с улыбкой заметил виконт.

– Да, да, она красивая, очень красивая! – прошептал Жильбер.

Андре услышала его слова, но подумала, что их произнес кто-нибудь из простолудинов, и обратила на них внимание не более, чем обратил бы индийский божок на поклонение жалкого паприи.

Глава 34. ФЕЙЕРВЕРК

Едва Андре и ее брат устроились на скамейке, как в воздух взвились первые ракеты, и над толпой пронесся оглушительный крик; с этой минуты все, как один, не сводили глаз с площади.

Начало фейерверка было великолепным и достойным великого Руджиери. Украшения храма Гименея постепенно загорались, и вскоре весь его фасад пылал. Послышались рукоплескания, и вскоре они переросли в неистовые крики «браво», когда лицо дофина и вазы с цветами брызнули разноцветными огнями.

Андре была потрясена при виде этого зрелища, не имевшего себе равных во всем мире, она и не пыталась скрыть свое удивление среди семисоттысячной толпы ревавших от восторга людей.

А всего в трех шагах от нее, спрятавшись за широкоплечим грузчиком, поднимавшим над головой своего сынишку, Жильбер смотрел на Андре и только на нее, не обращая внимания на фейерверк.

Жильбер видел Андре в профиль; при каждом очередном залпе ее прекрасное лицо освещалось, молодого человека охватывала дрожь: ему казалось, что всеобщее восхищение вызывает обожаемая им девушка, божественное создание, которому он поклонялся.

Андре никогда раньше не видела ни Парижа, ни толпы, ни больших праздников: ее оглушало разнообразие впечатлений.

Неожиданно вспыхнул яркий огонь и стал приближаться со стороны реки. Это была с треском рвавшаяся бомба, Андре продолжала любоваться ее разноцветными искрами.

– Взгляните, Филипп, как красиво! – проговорила она. Молодой человек встревожился.

– Боже мой! – вскричал он. – Эта ракета неправильно летит: она, должно быть, отклонилась от курса: вместо того, чтобы описать параболу, она несется почти горизонтально.

Едва Филипп выразил беспокойство, как толпа зашевелилась. Вдруг столб огня вырвался со стороны бастиона, где были сосредоточены ракеты для заключительного залпа и резерв пиротехнических средств. Невообразимый грохот сотряс всю площадь, огонь будто изрыгнул разрывную картечь и привел в полное замешательство близко расположенных зевак: они почувствовали, как жаркое пламя опаляет их лица.

– Заключительный залп! Так скоро?! – кричали далеко стоявшие зрители.

– Слишком рано!

– Как, это все? – повторила за ними Андре. – Слишком рано!

– Нет, – возразил Филипп, – нет, это не заключительный залп! Это несчастье, и через минуту вся эта пока спокойная толпа придет в страшное волнение, словно бушующее море. Идемте, Андре, пойдемте в карету, скорее!

– Давайте еще немножко посмотрим, Филипп. Как красиво!

– Андре, не стоит терять ни минуты, идите за мной. Это несчастье, которое я и предсказывал... Сорвавшаяся ракета угодила в бастион и подожгла его. Там уже началась давка. Слышите

крики? Это кричат не от радости, а от горя. Скорее, скорее в карету!.. Господа, господа, позвольте пройти!

Обхватив рукой сестру за талию, Филипп потащил ее к карете, где ждал их обеспокоенный отец, понявший по доносившимся крикам, что им грозит опасность. Он еще не знал, что произошло, и выглянул из кареты, ища глазами детей.

Однако было уже слишком поздно, предсказание Филиппа сбывалось. Заключительный залп, состоявший из пятнадцати тысяч ракет, воспламенился и разорвался, пронзая любопытных огненными стрелами, какие мечут на арене в быков, вызывая их на бой.

Поначалу удивленные, зрители пришли затем в ужас и отхлынули в едином порыве; под напором стотысячной толпы другие сто тысяч, задыхаясь, тоже отступили, нажимая на тех, кто стоял сзади. Теперь полыхал весь остов, кричали дети; женщины, задыхаясь, поднимали руки; лучники раздавали удары налево и направо, полагая, что так можно заставить крикунов замолчать и восстановить порядок силой. Все это привело к тому, что, как и предполагал Филипп, поднявшаяся волна, подобно смерчу, обрушилась на угол площади, где находились молодые люди. Филипп не успел добраться до кареты барона, как он рассчитывал: его подхватил людской поток, силу которого невозможно описать: сила эта удесят�ерялась из-за страха и боли, в сотни раз увеличивалась из-за всеобщего безумия.

В ту минуту, когда Филипп потащил за собой Андре, Жильбер отдался на волю подхватившего их потока, однако шагов через двадцать другой поток заставил его свернуть налево на улицу Мадлен; Жильбер взвыл от бессилия, боясь разлуки с Андре.

Повиснув на руке Филиппа, Андре оказалась в мечущейся толпе, пытавшейся избежать встречи с каретой, запряженной парой обезумевших лошадей. Филипп увидел надвигавшуюся опасность казалось, лошадиные глаза мечут огненные стрелы, из ноздрей вылетала пена. Он нечеловеческим усилием попытался свернуть с их пути. Но все оказалось тщетно, он увидел, как за его спиной расступилась толпа, и почувствовал возле себя горячее дыхание обезумевших коней. Они взвились на дыбы подобно мраморным коням у входа в Тюильри с пытающимся их обуздать рабом. Филипп выпустил руку Андре и оттолкнул ее как можно дальше от опасного прохода, а сам повис на удилах ближайшей к нему лошади. Конь вновь поднялся на дыбы. Андре видела, как брат рухнул наземь и исчез. Протянув руки, она закричала; ее оттолкнули, повернули, в следующее мгновение она уже была одна; она шаталась; ее, словно перышко, подхватило потоком; она больше не могла сопротивляться.

Оглушительные крики, еще более пугающие, чем во время сражения; громкое конское ржание; страшный грохот колес, переезжавших трупы; догоравшие синеватые огни; зловещий блеск сабель в руках обезумевших солдат, а над всем этим кровавым хаосом – бронзовая статуя в багровых отблесках, словно возглавлявшая резню. Этого было более, чем достаточно, чтобы помутить разум Андре и лишить ее последних сил. Впрочем, и Титан оказался бы бессильным в подобном сражении, в битве одного против всех, да еще против смерти.

Андре пронзительно закричала. В это время солдат стал прокладывать себе путь в толпе шпагой.

Сталь сверкнула у нее над головой.

Она сложила на груди руки подобно терпящему бедствие, над которым смыкается последняя волна, крикнула:

«Господи Боже мой!» – и упала.

Как только человек падает в толпе, он сейчас же оказывается мертвым.

Впрочем, ее необыкновенный, нечеловеческий крик услышали. Жильбер узнал ее голос и, несмотря на то, что он оказался в этот миг далеко от нее, он изо всех сил бросился на помощь Андре и скоро был около нее. Нырнув в волну, поглотившую Андре, он вновь поднялся, прыгнул на угрожавшую девушке шпагу и, вцепившись солдату в глотку, опрокинул его; возле солдата лежала девушка в белом; он схватил ее и легко поднял.

Когда он прижал ее к себе, столь прекрасную и, возможно, уже бездыханную, лицо его засветилось гордостью: он – он! – оказался на высоте, он был самым сильным и отважным! Он бросился в людские волны, поток подхватил его вместе с ношей; он шел, вернее плыл несколько ми-

нут. Вдруг движение прекратилось, словно волна разбилась о какое-то препятствие. Ноги Жильбера коснулись земли. Только тогда он ощутил вес Андре, поднял голову, пытаясь понять, что послужило причиной остановки, и увидел, что находится в трех шагах от особняка Гардмебль: каменная глыба остановила людскую массу.

В минуту вынужденной остановки он успел разглядеть Андре, уснувшую крепким сном, походившим на смерть: сердце ее не билось, глаза были закрыты, в лице появился мертвенный оттенок, как у увядающей розы.

Жильбер решил, что она мертва. Он закричал, прижался губами сначала к ее платью, потом к руке и, осмелев, стал осыпать поцелуями ее холодное лицо и прикрытые веками глаза. Краска бросилась ему в лицо, он зарыдал, потом завыл, изо всех сил пытаясь вдохнуть свою душу в бездыханную грудь Андре, и дивясь тому, что его поцелуи, способные, казалось, оживить мрамор, оказались бессильными перед смертью.

Вдруг Жильбер почувствовал, что сердце ее затрепетало под его рукой.

— Она жива! — вскричал он, глядя на разбежавшиеся темные и окровавленные фигуры и слыша проклятия, ругань, стоны умирающих. — Она жива! Я спас ее!

Прислонившись спиной к стене и устремив взгляд на мост, несчастный юноша не посмотрел направо; там стояли кареты, долгое время сдерживаемые толпой. И вот теперь, почувствовав, что капор ослабел, они двинулись наконец вперед. И коней, и кучеров словно охватило безумие: кареты, увлекаемые пущенными вскачь лошадьми, понеслись на несчастных, двадцать тысяч человек было искалечено и раздавлено.

Люди инстинктивно жались к стенам, где их и настигала смерть.

Эта масса увлекала за собой или давила всех, кто, достигнув особняка Гардмебль, уже считал себя в безопасности. Новый град ударов и мертвых тел обрушился на Жильбера. Он оказался около решетки и проринк к ней.

Стена затрещала под натиском толпы.

Задышавшись, Жильбер почувствовал, что готов прекратить сопротивление; однако ему удалось, собрав все силы, в последнем порыве обхватить Андре руками, прижавшись головой к ее груди». Можно было подумать, что он собирается зад) шить ту, которую он взялся защищать.

— Прощай! Прощай! — прошептал он, скорее кусая, нежели целуя ее платье. — Прощай!

Он поднял глаза, вымаливая последний взгляд. Его глазам представилось странное зрелище. Какой-то человек взобрался на каменную тумбу и уцепился правой рукой за вделанное в стену кольцо. Левоу рукой он будто пытался остановить бегущих. Глядя на бушевавшее у его ног море, он то бросал в толпу слово, то взмахивал рукой. И вот, благодаря его речам и движениям из толпы стали выделяться отдельные люди; они останавливались, преодолевали сопротивление и приближались к этому человеку. Собравшись вокруг него, люди словно узнавали друг в друге братьев; они помогали другим вырваться из потока, поднимали их, поддерживали, увлекали за собой. И вот уже из них образовалось ядро, которое, подобно пилону моста, рассекало толпу и противостояло массе бегущих.

С каждой минутой все новые борцы словно выходили из-под земли, подчиняясь его необычным словам, повторявшимся движениям, и смыкались плотными рядами вокруг необычного человека.

Жильбер приподнялся в последнем порыве: он чувствовал, что в этом человеке его спасение, потому что от него исходили спокойствие и сила. Последний отблеск угасавшего пламени осветил лицо этого человека. Жильбер вскрикнул от удивления.

— Пусть я умру, пусть я умру, — прошептал он, — только бы она была жива! Этот человек способен» ее спасти.

В порыве самоотречения он поднял девушку над головой.

— Господин барон де Бальзаме! — прокричал он. — Спасите мадмуазель Андре де Таверне!

Бальзаме услышал его голос, напоминавший библейский глас, доносившийся из самых глубин толпы. Он увидел над всепоглощающими волнами белую массу. Его свита расчистила ему дорогу, и он выхватил Андре аз слабеющих рук Жильбера, поднял ее и, подталкиваемый движениями едва сдерживаемой толпы, унес, не успев даже оглянуться.

Жильбер пытался что-то сказать, желая, вероятно, вымолить защиту у этого странного человека для Андре, а может быть, и для себя самого. Но ему хватило сил только на то, чтобы прижаться губами к руке девушки и оторвать клочок платья этой новой Эвридики, которую вырывала из его рук сама преисподняя.

После этого поцелуя, после этого прощания молодому человеку оставалась лишь умереть. Он и не пытался дольше сопротивляться. Он закрыл глаза и, умирая, вал на грудь мертвых тел.

Глава 35. ПОЛЕ МЕРТВЫХ

После сильной бури всегда наступает тишина, пугающая и, в то же время, целительная.

Было около двух часов ночи, над Парижем проносились огромные белые облака, бледная луна освещала неровности этого зловещего места, ямы, куда падали и где находили смерть разбегавшиеся люди.

На склонах, в оврагах, в неверном свете луны, время от времени скрывавшейся за клочковатыми облаками, смягчавшими ее свет, то здесь, то там показывались мертвые тела в рваной одежде, застывшие, бледные, тянувшие руки в страхе или в молитве.

Посреди площади от обломков остова поднимался желтый смрадный дым, и это делало площадь Людовика XV похожей на поле боя.

По залитой кровью унылой площади сновали таинственные тени; они останавливались, оглядывались, наклонялись и бежали прочь: это были мародеры, слетевшиеся, подобно воронам, на добычу; они не умели красть у живых, зато, предупрежденные братьями, пришли обкрадывать мертвецов. Они неохотно разбегались, спугнутые припозднившимися солдатами, угрожающе поблескивавшими штыками. Впрочем, среди длинных верениц мертвецов воры и патруль были не единственными живыми существами. Были там еще люди с фонарями в руках, их можно было принять за любопытных.

Увы, то были родственники и друзья, обеспокоенные отсутствием своих братьев, друзей, любовниц. Они все прибывали из отдаленных кварталов, потому что страшная новость, уже облетев Париж, привела весь город в уныние, и встревоженные люди бросились на поиски близких.

Это было, пожалуй, еще более ужасное зрелище, чем катастрофа.

О впечатлениях от поисков можно было прочесть на бледных лицах тех, кто разыскивал близких: от отчаяния тех, кто находил покойника, до томительного сомнения тех, кто никого не нашел и вопросительно поглядывал в сторону реки, спокойно несшей свои трепещущие воды.

Поговаривали, будто по приказу парижского прево в реку уже успели свалить немало трупов, дабы скрыть огромное число погибших по его вине людей.

Пресытившись бесплодным созерцанием, побродив по мелководью, они расходились в тоске от одного вида темной воды; они уходили с фонарями в руках, обследуя соседние с площадью улицы, куда, по слухам, многие раненые уползали за помощью или в надежде оказаться подальше от места их страданий.

Если они находили среди трупов любимого человека, потерянного друга, крики сменялись душераздирающими рыданиями.

Время от времени на площади раздавался звон — это падал и разбивался фонарь: живой очертя голову бросался на мертвого, чтобы слиться с ним в последнем поцелуе.

На огромном этом кладбище слышались и другие звуки.

Раненые с переломанными при падении руками и ногами, с пронзенной шпагой или раздавленной в толпе грудью, предсмертно хрипели или жалобно стонали; к ним подбегали те, кто надеялся найти знакомого и, не узнав его, удалялись.

Впрочем, на площади со стороны сада собирались самоотверженные люди для оказания помощи пострадавшим. Молодой хирург — по крайней мере, его можно было принять за хирурга благодаря обилию инструментов в его руках

— просил подносить к нему раненых мужчин и женщин; он перевязывал их и в то же время произносил слова, выражавшие скорее ненависть к тому, что послужило причиной, нежели сострадание к тому, что случилось с израненным.

У него было два помощника, крепких разносчика, подносивших ему окровавленные тела; он не переставая кричал им:

– Сначала давайте бедняков! Их легко узнать: почти всегда больше ран, ну и, разумеется, они беднее одеты!

Наконец при этих словах, повторявшихся после каждой перевязки пронзительным голосом, какой-то бледный молодой человек с фонарем в руке, ходивший среди мертвецов, в другой раз поднял голову.

Глубокая рана, проходившая через все его лицо, сочилась кровью, одна его рука была просунута между лапами застегнутого сюртука, лицо его, все в поту, выражало глубокое волнение.

Услыхав приказание врача, он поднял голову и с грустью взглянул на свои раны, на которые, казалось, хирург смотрел с наслаждением, – Сударь! – воскликнул молодой человек. – Почему вы приказали выбирать среди раненых бедняков?

– Да потому что никто о них не позаботится, если я о них не подумаю,

– подняв голову, отвечал врач, – а за богатыми всегда найдется кому ухаживать! Опустите фонарь и взгляните вниз: вы увидите, что на сотню бедняков приходится один богатый или знатный. А при этой катастрофе, от которой, к счастью, наконец-то сам Господь устал, знатные и богатые уплатили налог, какой они обыкновенно платят всегда: одну тысячную.

Молодой человек поднес фонарь к своему кровоточащему лицу.

– Я, стало быть, тот самый единственный затерявшийся в толпе дворянин, – проговорил он без всякого раздражения, – лошадь угодила копытом мне в голову, и я сломал левую руку, упав в канаву. Вы говорите, о богатых и знатных заботятся? Но вы же видите, что я даже не перевязан.

– У вас есть дом, домашний доктор... Возвращайтесь к себе, раз можете идти.

– Я не прошу у вас помощи, сударь. Я ищу сестру, красивую шестнадцатилетнюю девушку. Она, очевидно, уже мертва, хотя и не простого происхождения. На ней было белое платье и кольцо с крестиком на шее. Несмотря на то, что у нее есть и дом, и доктор, сжальтесь надо мною и ответьте: не видели ли вы, сударь, ту, которую я ищу?

– Сударь! Я руководствуюсь соображениями высшего порядка, – отвечал молодой хирург с горячностью, доказывавшей, что он давно вынашивал эти мысли, – я отдаю себя служению людям. Когда я прохожу мимо умирающего аристократа, спеша облегчить страдания человека из народа, я подчиняюсь истинному закону человечности, которую считаю своей богиней. Все случившиеся сегодня несчастья происходят от вас; причиной им – ваши излишества, ваша самонадеянность, ну, вот вам и последствия! Нет, сударь, я не видел вашей сестры.

После этого сердитого замечания хирург опять занялся своим делом. Ему только что поднесли бедную женщину, которой карета раздробила обе ноги.

– Взгляните, – крикнул он Филиппу вдогонку, – разве бедные приезжают на народные гуляния в каретах, разве они ломают ноги богачам?

Филипп принадлежал к молодому поколению знати, которое дало миру Лафайета и Ламета; он и сам не раз высказывал те же мысли, которые теперь, в устах молодого хирурга, привели его в ужас: претворенные в жизнь, они пали на него, как возмездие.

Отойдя от хирурга с истерзанным сердцем, он продолжал томительные поиски. Скоро его охватило такое отчаяние, что, не выдержав, он с рыданиями в голосе крикнул:

– Андре! Андре!

В это время мимо него торопливо шагал пожилой человек в сером драповом сюртуке и теплых чулках, опираясь правой рукой на трость, а в левой зажав нечто вроде фонаря, который он смастерил из подсвечника, обернув его масляной бумагой.

Услыхав стон Филиппа, человек понял, отчего он страдает.

– Бедный юноша! – прошептал он.

Казалось, он пришел с той же целью. Он пошел дальше.

Но, вдруг, словно упрекнув себя за то, что прошел мимо, не пытаясь утешить, он проговорил:

– Сударь! Простите, что я добавлю к вашему еще и свое страдание, но те, кто пострадал от одного и того же удара, должны поддерживать друг друга, чтобы не упасть. Кстати... Вы можете

мне помочь. Я вижу, вы давно ищете, ваша свеча почти догорела, вы, стало быть, знаете, где больше всего пострадавших.

– Да, сударь, знаю, – Я тоже ишу.

– Тогда вам надо прежде всего пойти к большой канаве, там около пятидесяти трупов.

– Пятьдесят! Боже правый! Столько жертв во время праздника!

– Да, столько жертв, сударь! Я просмотрел уже около тысячи лиц, но так и не нашел сестру.

– Сестру?

– Да, она была вот в этой стороне. Я потерял ее недалеко от скамейки. Я нашел то место, но от скамейки не осталось и следа. Я собираюсь возобновить поиски со стороны бастиона.

– А в каком направлении двигалась толпа, сударь?

– В сторону новых особняков, к улице Магдалины.

– Значит, это должно быть здесь?

– Несомненно. Я и искал вначале с этой стороны, но тут был страшный водоворот. Кроме того, толпа неслась сюда, однако потерявшаяся девушка, не понимающая, куда идет, может двигаться в любую сторону.

– Сударь! Маловероятно, чтобы она смогла двигаться против течения; я пойду искать на улицах; пойдемте со мной; может быть, вдвоем нам удастся найти.

– А кого вы ищете? Сына? – робко спросил Филипп.

– Нет, сударь, он – что-то вроде моего приемного сына.

– Вы отпустили его одного?

– Да это уже юноша: ему около девятнадцати лет. Он отвечает за свои поступки, он захотел пойти, я не мог ему помешать. Впрочем, кто мог себе представить, что произойдет!.. Ваша свеча гаснет.

– Да, сударь.

– Пойдемте со мной, я посвечу.

– Благодарю вас, вы очень добры, но мне не хотелось бы вам мешать.

– Не беспокойтесь, я должен искать для собственного спокойствия. Бедное дитя! Он возвращался обыкновенно вовремя, – продолжал старик, идя вдоль по улице, – а сегодня вечером меня будто что-то толкнуло. Я ждал его, было уже одиннадцать часов, жена узнала от соседки о несчастье. Я подождал еще часа два, надеясь, что он вернется. Однако, видя, что его все нет, я под) мал, что с моей стороны нечестно лечь в постель, не имея от него новостей.

– Мы идем к тем домам? – спросил молодой человек.

– Да, вы ведь сами сказали, что толпа должна была двигаться в ту сторону. Бедняжка несомненно побежал туда! Наивный провинциал, не знающий не только обычаев, но и парижских улиц... Может быть, он впервые оказался на площади Людовика Пятнадцатого.

– Моя сестра – тоже из провинции, сударь.

– Отвратительное зрелище! – пробормотал старик, отворачиваясь от сваленных в кучу трупов.

– А ведь именно здесь следовало бы искать, – заметил юноша, решительно поднося фонарь к нагроможденным одно на другое телам.

– Я не могу без содрогания на это смотреть. Я – обыкновенный человек, и разложение приводит меня в ужас.

– Мне этот ужас знаком, однако нынче вечером я научился его преодолевать. Смотрите, вот какой-то юноша, ему можно дать от шестнадцати до восемнадцати лет; должно быть, его задавили: я не вижу раны. Не его ли вы разыскиваете?

Старик сделал над собой усилие и подошел ближе.

– Нет, сударь, – ответил он, – мой моложе, черноволосый, бледнолицый.

– Да они все бледны сегодня вечером, – возразил Филипп.

– Смотрите, мы подошли к Гардмбель, – заметил старик, – вот следы борьбы: кровь на стенах, обрывки одежды на железных прутьях, на пиках решеток. Откровенно говоря, я просто не знаю, куда идти.

– Сюда, сюда, разумеется, – пробормотал Филипп.

– Сколько страдания!

– Боже мой!

– Что такое?

– Обрывок белого платья под трупами. Моя сестра была в белом платье. Дайте мне ваш фонарь, сударь, умоляю!

Филипп и вправду заметил и схватил клочок белой материи. Он бросил его, чтобы единственной здоровой рукой взяться за фонарь.

– Это обрывок женского платья, зажатый в руке молодого человека, – вскричал он, – белого платья, похожего на то, в каком была Андре. Андре! Андре!

Молодой человек заплакал навзрыд.

Старик подошел ближе.

– Это он! – всплеснув руками, воскликнул он. Восклицание привлекло внимание молодого человека.

– Жильбер?.. – крикнул Филипп.

– Вы знаете Жильбера, сударь?

– Так вы искали Жильбера? Эти два восклицания прозвучали одновременно. Старик схватил руку Жильбера: она была ледяной. Филипп расстегнул ему жилет, распахнул рубашку и прижал руку к его сердцу.

– Бедный Жильбер! – проговорил он.

– Мой дорогой мальчик! – вздохнул старик.

– Он дышит! Жив!.. Жив, говорят вам! – закричал Филипп.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен, у него есть пульс.

– Верно! – сказал старик. – На помощь! Помогите! Там есть хирург.

– Давайте спасать его сами, сударь. Я недавно просив помощи, но врач мне отказал.

– Он должен помочь моему мальчику! – в отчаянии воскликнул старик. – Он должен! Помогите мне, сударь, помогите мне донести туда Жильбера.

– У меня только одна рука, – отвечал Филипп, – но вы можете на нее рассчитывать, сударь.

– А я хоть и стар, но соберу все свои силы. Пойдемте! Старик схватил Жильбера за плечи, молодой человек зажал правой рукой его ноги, и они двинулись по направлению к группе людей, возглавляемых хирургом.

– На помощь! На помощь! – закричал старик.

– Сначала простые люди! – отвечал хирург, верный своему идеалу и уверенный в том, что, отвечая таким образом, он вызывает восхищенный шепот среди окружающих его людей.

– Я и несу простолудина, – горячо подхватил старик, поддаваясь чувству всеобщего восхищения.

– Тогда после женщин, – продолжал хирург, – мужчины сильнее женщин и легче переносят боль.

– Простое кровопускание, сударь, – проговорил старик, – кровопускания будет довольно.

– А-а, это опять вы! – пропел хирург, заметив Филиппа и не видя старика.

Филипп промолчал. Старик решил, что эти слова обращены к нему.

– Я не господин, – ответил он, – я из народа; меня зовут Жан-Жак Руссо.

Врач удивленно вскрикнул и жестом приказал окружающим подвинуться.

– Пропустите! Уступите место певцу природы! Дайте место освободителю человечества! Место гражданину Женевы!

– Благодарю вас, – сказал старик, – спасибо!

– С вами случилось несчастье? – спросил молодой хирург.

– Нет, не со мной, а вот с этим несчастным ребенком, взгляните!

– Так вы тоже!.. – вскричал врач. – Вы, как и я, помогаете человечеству!

Взволнованный неожиданным триумфом, Руссо в ответ бормотал нечто нечленораздельное.

Филипп совершенно потерялся, оказавшись лицом к лицу с вызывавшим его восхищение философом, и отошел в сторону.

Старику помогли положить Жильбера на стол. Жильбер по-прежнему был без сознания.

Руссо бросил взгляд на того, к чьей помощи он взывал. Это был юноша примерно одних лет с Жильбером, но ни одна черта не напоминала о его молодости. Желтая кожа на лице сморщилась, как у старика, дряблые веки нависли над немигающими глазами, губы были обкусаны, словно в приступе эпилепсии.

Рукава были по локоть закатаны, руки забрызганы кровью, всюду вокруг него лежали груды человеческих конечностей. Он скорее напоминал палача за любимой работой, чем врача, исполнявшего скорбный, но святой долг.

Однако имя Руссо произвело на него столь сильное действие, что он на минуту отказался от своей обычной грубости: он осторожно вспорол Жильберу рукав, затянул руку жгутом и кольнул вену.

Кровь сначала вытекала по капле, а через несколько секунд молодая горячая струя ударила из вены.

– Можно считать, что он спасен, – сказал хирург, – но потребуется тщательный уход, ему сильно помяли грудь.

– Мне остается лишь поблагодарить вас, сударь, – проговорил Руссо, – и выразить восхищение не только тем, что вы отдаете предпочтение бедным, но и преданности, с какой вы им служите. Но не забывайте, что все люди – братья, – Даже благородные, даже аристократы, даже богачи? – спросил хирург, сверкнув пронизательными глазами из-под тяжелых век.

– Даже благородные, даже аристократы, даже богачи, когда они страдают, – отвечал Руссо.

– Прошу прощения, сударь, – проговорил хирург, – я родился в Бодри, недалеко от Ньюкастля; я, как и вы – швейцарец, и поэтому отчасти демократ.

– Соотечественник! – воскликнул Руссо. – Швейцарец! Как вас зовут, сударь, как вас зовут?

– У меня скромнее имя, сударь, имя человека, посвятившего жизнь науке и надеющегося в будущем отдать ее ради счастья всего человечества. Меня зовут Жан-Поль Марат.

– Благодарю вас, господин Марат, – отвечал Руссо. – Однако разъясняя народу его права, не возбуждайте в нем чувство мести. Если когда-нибудь он начнет мстить, вы сами, возможно, ужаснетесь репрессиям.

На губах Марата заиграла страшная улыбка.

– Вот бы дожить до этого дня! – вскричал он. – Если мне посчастливится увидеть этот день...

Руссо ужаснулся тому, с каким выражением были произнесены эти слова, подобно путешественнику, приходящему в ужас от первых раскатов еще далекой грозы. Он обхватил Жильбера руками и попытался поднять.

– Два добровольца в помощь господину Руссо, два человека из народа! – выкрикнул хирург.

– Мы! Мы! – раздались голоса. Руссо оставалось только выбрать. Он указал на двух плечистых помощников, и те подхватили Жильбера на руки. Проходя мимо Филиппа, Руссо проговорил:

– Держите мой фонарь, сударь, мне он больше не нужен. Берите!

– Благодарю вас, сударь, благодарю! – отвечал Филипп.

Он схватился за фонарь. Руссо двинулся на улицу Платриер, а молодой человек возобновил поиски.

– Бедный юноша! – прошептал Руссо, оглянувшись и видя, как он удаляется по забитой людьми улице.

Он продолжал свой путь, вздрагивая время от времени, когда до него доносился пронзительный голос хирурга:

– Несите людей из народа! Только простых людей! Пусть пропадают благородные, богачи и аристократы!

Глава 36. ВОЗВРАЩЕНИЕ

В то время, как несчастья следовали одно за другим, барон де Таверне чудом избежал опасности.

Не имея возможности оказать физическое сопротивление этой всепожирающей силе, смевавшей все на своем пути, он, тем не менее, не терял спокойствия и ловко удерживался в самом центре толпы, катившейся к улице Магдалины.

Много людей было смято на парапетах площади, раздавлено на углу Гардмебль. Толпа эта оставляла за собой кровавый след, но, несмотря на большие потери, вынесла тех, кто находился в центре, в безопасное место.

Сейчас же народ с радостными криками рассыпался по бульвару.

Барон де Таверне оказался вместе с окружавшими его людьми в безопасности.

В то, что мы сейчас сообщим, было бы трудно поверить, если бы мы уже давно не описали характер барона, ничего не скрывая.

Во все это ужасное путешествие барон де Таверне – Да простит ему Господь – думал только о себе.

Мало того, что он был далеко не хрупкого сложения, барон был еще и человеком действия, а в трудную минуту такие люди руководствуются обыкновенно поговоркой Цезаря: *Age quod agis*.

Не будем утверждать, что барон де Таверне был эгоист; предположим, что он был человек рассеянный. Впрочем, как только он оказался на бульваре, как только он почувствовал себя свободнее, как только он понял, что избежал смерти и возвращается к жизни, как только обрел уверенность в себе, барон удовлетворенно крикнул. Но сразу вслед за тем он закричал.

Это был крик отчаяния.

– Дочь моя! Дочь моя!

Он застыл, уронив руки; глаза его смотрели в одну точку и ничего не выражали, он словно перебирал в памяти все подробности разлуки с дочерью.

– Бедный! – прошептали сочувствующие женские голоса.

Вокруг барона образовался кружок из людей, готовых его пожалеть и, в особенности, повысить.

Однако такие разговоры были не в обычае барона де Таверне. Ему было неловко перед окружавшими его сочувствовавшими людьми. Сделав над собой усилие, он разорвал этот круг и – к чести барона – зашагал по направлению к площади.

Впрочем, те несколько шагов, которые он успел сделать, были следствием неосознанного чувства родительской любви, а она не исчезает навсегда из человеческого сердца. Но здравый смысл в тот же миг пришел на помощь барону и остановил его.

Давайте проследим, если угодно читателю, за ходом его мыслей.

Прежде всего он подумал, что на площадь Людовика XV пробраться невозможно. Там были заторы, убийства; с площади одна за другой катились людские волны, и было бы так же нелепо пытаться идти им наперекор, как пловцу пытаться плыть вверх по Рейну Ну и, кроме того, раз уж десница Господня спасла его в толпе, как он может противиться Божьей воле и снова подвергать себя опасности, разыскивая женщину среди ста тысяч других?

Потом у него появилась надежда, напоминающая золотой луч, скрашивающий безнадежность самой мрачной ночи.

Разве Андре не была рядом с Филиппом, разве не держалась она за его руку, разве он не должен был бы защищать ее, как мужчина и как брат?

Ничего странного не было в том, что его, слабого, немощного старика, увлекла за собой толпа, но Филипп – страстная натура, он вынослив, живуч; у Филиппа – стальные мышцы; Филипп отвечает за сестру; нельзя себе представить, чтобы его могла подчинить себе кучка людей:

Филипп, конечно, боролся и победил.

Как всякий эгоист, барон приписывал Филиппу те качества, которых эгоист обыкновенно лишает себя, но ищет в других: не быть сильным, щедрым, отважным – для эгоиста в этом и заключается эгоизм; человек, обладающий этими качествами, для него – соперник, противник, враг, ведь он лишает его преимуществ, которые эгоист считает себя вправе не признавать.

Барон де Таверне убедил себя в том, что Филипп наверняка должен был спасти сестру, что он потерял какое-то время на то, чтобы потом отыскать отца и тоже его спасти. Но теперь, вероятно – и даже несомненно, – он уже отправился на улицу Кок-Эрон вместе с сестрой, утомленной

всей этой суматохой Он повернул назад и, спустившись по улице Капуцинов, вышел на площадь Конкет или Людовика Великого, ныне – площадь Виктории.

Однако, еще не дойдя до особняка, он увидел разговаривавшую с кумушками Николь. Она крикнула с порога:

– А где господин Филипп и мадмуазель Андре? Что с ними?

Всему Парижу было уже известно о случившейся беде от тех, кому удалось спастись; новость обрастала слухами.

– Ах, Боже мой! – вскричал барон. – Так они, значит, еще не возвращались, Николь?

– Нет, сударь, нет, их не видно.

– Должно быть, они пошли в обход, – предположил барон; его все сильнее охватывала дрожь по мере того, как рушились его предположения.

Барон остался ждать на улице с причитавшей Николь и простершим к небу руки Ла Бри.

– Вон господин Филипп! – закричала Николь в неописуемом ужасе, потому что Филипп был один.

Это и в самом деле был Филипп, он запыхался, на лице его было написано отчаяние.

– Сестра здесь? – издали крикнул он, заметив собравшихся на пороге людей.

– Боже мой! – заикаясь, проговорил бледный барон.

– Андре! Андре! – продолжал кричать молодой человек, подбегая к дому.

– Где Андре?

– Мы ее не видели, ее здесь нет, господин Филипп. Господи, помилуй! Милая барышня! Николь зарыдала.

– Как ты мог вернуться? – вскричал барон с несправедливой злобой.

Вместо ответа Филипп подошел ближе, показал на окровавленное лицо и перебитую и болтавшуюся, словно неживая, руку.

– Ах, Андре, – вздохнул старик, – бедняжка моя! Он опустился на каменную скамейку рядом с дверью.

– Я найду ее живую или мертвую! – с мрачным видом проговорил Филипп.

Он бросился бежать обратно, словно в лихорадке. На бегу он поддерживал правой рукой левую через прореху в куртке. Если бы эта ненужная рука помешала ему вернуться в толпу и у него был бы топор, он отрубил бы ее.

Тут-то он встретил на площади Руссо, нашел Жильбера, увидел мрачного, залитого кровью хирурга, более похожего на сатану, возглавлявшего убийство, чем благодетеля, облегчавшего страдания.

Филипп почти всю ночь бродил по площади Людовика XV.

Он никак не мог отойти от стен Гардмебль, где был найден Жильбер, поднося к глазам зажатый в кулаке клочок белого муслина.

Когда небо начало светлеть на востоке, изможденный Филипп был готов рухнуть среди трупов, не таких бледных, как он, испытывая странное головокружение. Он вдруг подумал, как в свое время его отец, что Андре уже вернулась или что ее доставили домой: Филипп поспешил на улицу Кок-Эрон.

Он издали заметил у дверей тех, кого оставил, уходя на поиски Андре.

Он понял, что Андре не появлялась, и остановился.

Барон его заметил.

– Ну, что там? – закричал он Филиппу.

– Как! Сестра еще не вернулась? – спросил Филипп.

– Увы!.. – в один голос вскричали барон, Николь и Ла Бри.

– Неужели ничего? Никаких новостей? Никаких сведений? Никакой надежды?

– Ничего!

Филипп рухнул на каменную скамейку у двери, барон завывал.

В это самое мгновение в конце улицы появился фиакр. Он неторопливо подъехал и остановился против особняка.

Через окно в дверце можно было заметить женщину, уронившую голову на плечо и нахо-

дившуюся словно в забытии. При виде ее Филипп очнулся и рванулся к экипажу.

Дверца фиакра распахнулась, и оттуда вышел какой-то человек, неся Андре на руках.

– Мертвая! Мертвая! Вот нам ее и принесли! – вскричал Филипп, падая на колени.

– Мертвая! – пролепетал барон. – Сударь! Неужто она и вправду мертва?

– Я другого мнения, господа, – спокойно отвечал державший Андре человек. – Надеюсь, что мадмуазель де Таверне всего-навсего лишилась чувств.

– Колдун! Это колдун! – воскликнул барон.

– Господин барон де Бальзамо! – прошептал Филипп.

– Он самый, господин барон, и я весьма рад, что мне удалось узнать мадмуазель де Таверне в этой ужасной давке.

– Где именно, сударь? – спросил Филипп.

– Около особняка Гардмебль.

– Совершенно верно, – заметил Филипп. Неожиданно выражение радости сменилось на его лице мрачной подозрительностью:

– А почему вы привезли ее так поздно, барон?

– Сударь! Вам нетрудно будет помнить мое затруднительное положение, – не удивившись вопросу, отвечал он. – Я не знал адреса вашей сестры и приказал своим людям доставить ее к маркизе де Савиньи, одной из моих приятельниц, она живет недалеко от королевских конюшен. А этот славный малый – вот он, перед вами, – это он помог мне поддерживать мадмуазель... Подойдите, Контуа.

Бальзамо махнул рукой, и из фиакра вышел лакей в королевской ливрее.

– Этот славный малый служит в королевских конюшнях, он узнал мадмуазель, потому что отвозил вас однажды из Ла Мюэт в ваш особняк. Мадмуазель обязана этой счастливой встречей своей необычайной красоте. Я приказал посадить ее в фиакр рядом со мной и вот теперь имею честь вам доставить со всем моим почтением мадмуазель де Таверне менее пострадавшей, чем вы ожидали.

Он почтительно передал девушку на руки барону и Николь.

Барон впервые ощутил на глазах слезы и, подивившись своей чувствительности, не стал их скрывать. Филипп подал здоровую руку Бальзамо.

– Сударь! – обратился барон к Бальзамо. – Вы знаете мой адрес, знаете, как меня зовут. Прошу вас пройти в дом, где бы я мог поблагодарить вас за оказанную нам услугу.

– Я лишь исполнил долг, сударь, – отвечал Бальзамо. – И потом, вы в свое время оказали мне гостеприимство.

Поклонившись, он пошел прочь, не отвечая на приглашение барона зайти в дом.

Обернувшись, он прибавил:

– Прошу прощения, я забыл оставить вам точный адрес маркизы де Савиньи; она живет в своем особняке на улице Сент-Оноре, рядом с Фейан. Я вам сообщаю это на тот случай, если мадмуазель де Таверне сочтет своим долгом нанести ей визит.

В его объяснениях, во всех этих подробностях, в нагромождении доказательств Филипп, да и барон чувствовали любезность, глубоко их тронувшую.

– Сударь, – заметил барон, – моя дочь обязана вам жизнью.

– Я знаю это, сударь, я счастлив и горд этой мыслью, – сказал Бальзамо.

На этот раз Бальзамо в сопровождении Контуа, отказавшегося от вознаграждения Филиппа, сел в фиакр и уехал.

Почти в ту же секунду Андре открыла глаза, будто приходя в себя с отъездом Бальзамо.

Некоторое время она не могла говорить, ничего не слышала и поводила вокруг испуганными глазами.

– Боже мой! Боже мой! – прошептал Филипп. – Неужто Господь вернул нам ее только наполовину? Уж не сошла ли она с ума?

Казалось, Андре поняла его слова и покачала головой. Однако она по-прежнему не произносила ни слова и будто находилась во власти сильнейшего возбуждения.

Она стояла возле скамейки и указывала рукой в ту сторону, где исчез Бальзамо.

– Довольно! Этому должен когда-нибудь наступить конец. Помогите сестре войти в дом, Филипп.

Молодой человек подхватил Андре здоровой рукой. Другой рукой девушка оперлась на Николь. Андре двигалась, словно во сне. Так они вошли в дом и добрались до своего павильона.

Только здесь к ней вернулся дар речи.

– Филипп!.. Отец! – проговорила она.

– Она нас узнает, она нас узнает! – вскричал Филипп.

– Конечно, узнаю! Господи! Что же это было?

Андре закрыла глаза, но на сей раз не потому, что потеряла сознание, а засыпая спокойным сном.

Николь, оставшись наедине с Андре, раздела ее и уложила в постель.

Вернувшись к себе, Филипп увидел врача: предупредительный Ла Бри сбежал за ним, как только нашлась Андре.

Доктор осмотрел руку Филиппа. Перелома не было, рука была только вывихнута. Доктор сильно надавил на руку и вернул плечо в первоначальное положение.

Беспокоясь за сестру, Филипп пригласил врача к постели Андре.

Доктор пощупал у девушки пульс, послушал ее и улыбнулся.

– Ваша сестра спит спокойно и безмятежно, как ребенок, – сказал он. – Пусть она спит, шевалье, ей ничего больше не нужно.

А барон, едва убедившись в том, что его дети живы, заснул крепким сном.

Глава 37. ГОСПОДИН ДЕ ЖЮСЬЕ

Давайте еще раз перенесемся в дом на улице Платриер, куда де Сартин посылал своего агента. Мы увидим там утром 31 мая Жильбера, лежащего на матрасе в комнате Терезы, а вокруг него – Терезу, Руссо и их многочисленных соседей, с ужасом наблюдающих за тем, каковы могут быть последствия большого праздника, от которого еще не оправился Париж.

Бледный, окровавленный Жильбер открыл глаза. Едва придя в себя, он приподнялся и попытался оглядеться, полагая, что все еще находится на площади Людовика XV.

Тревога сменилась на его лице радостью. Затем грусть опять затмила радость.

– Вам больно. Друг мой? – спросил Руссо, ласково взяв его за руку.

– Кому я обязан спасением? – проговорил Жильбер. – Кто вспомнил обо мне, одиноком страннике в этом мире?

– Вас спасло то, что вы были еще живы. О вас вспомнил Тот, кто думает о всех нас.

– Все-таки это неосторожно – разгуливать в такой толпе, – проворчала Тереза.

– Да, да, неосторожно, – хором стали поддакивать соседки.

– Как можно быть неосторожным там, где не ожидаешь опасности? А как можно предвидеть опасность, отправляясь поглазеть на фейерверк? Если в этом случае угрожает опасность, это не значит, что человек неосторожен, это говорит о том, что он несчастен. Вот мы рассуждаем об этом, а разве мы не поступили бы так же?

Жильбер огляделся и, заметив, что он лежит в комнате Руссо, хотел было заговорить.

Но в эту минуту кровь пошла у него горлом и носом, и он потерял сознание.

Руссо был предупрежден хирургом с площади Людовика XV, поэтому нисколько не растерялся. Он ожидал такого исхода, и сейчас уложил больного на голый матрас без простыней.

– А теперь можете уложить бедного мальчика в постель, – сказал он Терезе.

– Куда же это?

– Да сюда, на мою кровать.

Жильбер все слышал; крайняя слабость мешала ему немедленно ответить, однако он сделал над собою усилие и, открыв глаза, проговорил:

– Нет, нет! Наверху!

– Вы хотите вернуться в свою комнату?

– Да, да, пожалуйста.

Он ответил скорее взглядом, нежели губами. На его желание повлияло воспоминание более сильное, нежели его страдание, способное, казалось, победить даже его разум.

Руссо, будучи натурой весьма чувствительной, вероятно, понял его.

– Хорошо, дитя мое, мы перенесем вас наверх. Он не хочет нас стеснять, – сказал он Терезе; Тереза от души одобряла такое решение.

Итак, было решено, что Жильбер сию минуту будет перенесен на чердак, раз он этого требует.

После обеда Руссо пришел навестить своего ученика и провел возле него время, которое он убивал обыкновенно, перебирая любимые растения; молодому человеку стало немного лучше, и он тихим, тусклым голосом рассказывал о подробностях катастрофы.

Он не сказал, почему пошел смотреть фейерверк; он говорил, что на площадь Людовика XV его привело любопытство.

Руссо не мог заподозрить его в скрытности, ведь он не был колдуном. Вот почему он не выразил Жильберу удивления и довольствовался его ответами. Он посоветовал ему только не вставать с постели. Не стал он ему рассказывать и о найденном в его руке клочке материи, за который ухватился Филипп.

Однако этот разговор обоим собеседникам казался интересным и правдивым, они увлеклись им настолько, что не слышали шагов Терезы на лестнице – Жак! – окликнула она мужа. – Жак!

– Ну, что там такое?

– Наверное, теперь и ко мне пришел какой-нибудь принц, – слабо улыбаясь, прошептал Жильбер.

– Жак! – опять закричала Тереза, продолжая подниматься по лестнице.

– Что тебе от меня нужно? Тереза появилась на пороге.

– Внизу ждет господин де Жюсье, – сообщила она. – Он узнал, что вас видели ночью на площади, и пришел спросить, не ранены ли вы.

– Милый Жюсье! – воскликнул Руссо. – Превосходный человек, как, впрочем, и все, кто по доброй воле или по необходимости близок к природе – источнику всего доброго! Сохраняйте спокойствие, не двигайтесь, Жильбер, я сейчас вернусь.

– Благодарю, – проговорил молодой человек.

Руссо вышел.

Однако едва он покинул чердак, как Жильбер, собравшись с силами, приподнялся и пополз к слуховому оконцу, откуда было видно окно Андре.

Молодому человеку, совершенно обессиленному и ничего не соображавшему, было довольно трудно взобраться на табурет и приподнять решетку окна, а потом опереться на гребень крыши. Однако Жильберу это удалось проделать, но, оказавшись в этом положении, он почувствовал, что свет померк у него в глазах, руки задрожали, кровь подступила к горлу, и он рухнул на пол.

В эту минуту дверь чердака опять распахнулась, и вошел Жан-Жак, пропуская вперед г-на де Жюсье и рассыпаясь в любезностях.

– Будьте осторожны, дорогой мой! Здесь нагнитесь... Еще шаг вот сюда, – говорил Руссо. – Да, черт возьми, мы не во дворце.

– Благодарю вас, у меня отличное зрение и крепкие ноги, – отвечал ботаник.

– А вас пришли навестить, Жильбер, – проговорил Руссо, поворачиваясь к постели. – Господи! Где же он? Он поднялся, несчастный!

Обратив внимание на раскрытую раму, Руссо стал по-отечески журить молодого человека.

Жильбер с трудом поднялся и едва слышно пролепетал:

– Мне нужно было побольше воздуха... Ругать его было совершенно невозможно, его лицо исказилось от боли.

– Здесь в самом деле ужасно жарко, – вмешался де Жюсье. – Ну, молодой человек, давайте послушаем пульс, я тоже врач.

– Да еще лучше многих других, – прибавил Руссо, – он лечит не только тело, но и душу.

– Это такая честь для меня... – слабым голосом проговорил Жильбер, пытаясь укрыться от его глаз в жалкой постели.

– Господин де Жюсье настоял на том, чтобы вас осмотреть, – сообщил Руссо, – и я принял его любезное предложение. Ну, дорогой доктор, что вы скажете о его груди?

Опытный анатом ощупал кости, внимательно исследовал грудную клетку.

– Внутренних повреждений нет, – сказал он. – Кто же вас так стиснул в объятиях?

– Смерть, – отвечал Жильбер.

Руссо удивленно взглянул на молодого человека.

– Да, дитя мое, вы изрядно помяты. Тонизирующие средства, свежий воздух, покой – и все пройдет.

– Только не покой... Этого я не могу себе позволить, – глядя на Руссо, проговорил Жильбер.

– Что он хочет этим сказать? – спросил де Жюсье.

– Жильбер – настоящий труженик, дорогой мой, – отвечал Руссо.

– Понимаю. Но в ближайшие дни работать нельзя.

– Я должен работать каждый день, потому что нужно на что-то жить, – заметил Жильбер.

– Вы не будете много есть, а лекарство обойдется вам недорого.

– Как бы дешево это ни стоило, я не приму милостыню, – возразил Жильбер.

– Вы – сумасшедший, – проговорил Руссо, – это уж чересчур! Я вам говорю, что вы будете вести себя так, как скажет этот господин, потому что он будет вашим доктором вопреки вашему желанию. Поверите ли, – продолжал он, обращаясь к де Жюсье, – он умолял меня не приглашать врача!

– Почему?

– Да потому, что мне это стоило бы денег, а он слишком горд.

– Как бы ни был горд человек, он не может сделать больше того, что в его силах... – возразил де Жюсье, с большим любопытством разглядывая выразительное лицо Жильбера с тонкими чертами. – Неужели вы считаете себя способным работать? Ведь вы даже не смогли добраться до этого оконца!

– Вы правы, – прошептал Жильбер, – я слаб, да, я знаю.

– Вот и отдохните, в особенности – душой. Вы в гостях у человека, с которым считается весь мир, кроме его гостя.

Руссо был доволен столь изысканной вежливостью важного сеньора и пожал ему руку.

– Кроме того, вас окружают родительской заботой король и принцы, – прибавил де Жюсье.

– Меня? – вскричал Жильбер.

– Вас, как жертву этого праздничного вечера. Узнав о случившемся, его высочество дофин отложил поездку в Марли. Он остается в Трианоне, чтобы быть ближе к пострадавшим и помогать им.

– В самом деле? – спросил Руссо.

– Да, дорогой господин философ, сейчас только и разговоров, что о письме дофина де Сартину.

– Мне ничего об этом не известно.

– О, это наивно и прелестно! Дофин получает ежемесячно две тысячи экю. Утром деньги все не несут... Принц нервно расхаживал и несколько раз справлялся о казначее. Как только тот принес деньги, принц послал их в Париж де Сартину, сопроводив прелестной запиской. Она была мне сейчас же передана.

– Вы видели сегодня де Сартину? – спросил Руссо с оттенком беспокойства, вернее – недоверия.

– Да, я только что от него, – отвечал де Жюсье с некоторым смущением.

– Мне нужно было взять у него семена... Так вот, принцесса, – торопливо прибавил он, – остается в Версале ухаживать за больными и ранеными.

– За больными и ранеными?

– Да, ведь не один господин Жильбер пострадал. На сей раз народ лишь частично заплатил за удовольствие: говорят, что среди раненых много знати.

Жильбер слушал с неизъяснимым беспокойством; ему казалось, что имя Андре вот-вот сорвется с губ прославленного натуралиста.

Де Жюсье поднялся.

– Осмотр окончен? – спросил Руссо.

– Да, отныне вашему больному доктор не нужен. Свежий воздух, умеренный физический труд... Прогулки в лесу. Кстати..., я совсем забыл...

– Что именно?

– В это воскресенье я собираюсь заниматься ботаникой в лесу Марли. Не хотите ли пойти со мной, прославленный собрат?

– Скажите лучше – ваш недостойный почитатель, – поправил Руссо.

– Вот прекрасный повод прогуляться для нашего раненого... Берите его с собой.

– Так далеко?

– Это в двух шагах отсюда. Кстати, я отправлюсь в Буживаль в своей карете: я возьму вас с собой... Мы поднимемся по дороге Принцессы в Люсьенн, оттуда поедem в Марли. Мы будем делать частые остановки; наш раненый будет нести за нами складные стулья... Мы с вами будем собирать травы, а он подышит воздухом.

– Вы так любезны, дорогой друг! – воскликнул Руссо.

– Ах, оставьте! У меня тут свой интерес. Я знаю, что у вас готов большой труд, посвященный мхам, а я в этом направлении двигаюсь на ощупь: вы будете моим проводником.

– С удовольствием! – отвечал Руссо, пытаясь скрыть удовлетворение.

– Там нас будет ждать в тени завтрак среди прелестных цветов... – прибавил ботаник. – Ну как, условились?

– В воскресенье нас ожидает чудесная прогулка. Условились... Мне словно пятнадцать лет: я предвкушаю ожидающее меня удовольствие, – отвечал Руссо, радуясь, как ребенок.

– А вы, дружок, с сегодняшнего дня попробуйте понемножку вставать.

Жильбер пролепетал слова благодарности, но де Жюсье его не слышал: ботаники оставили Жильбера одного, и он погрузился в свои размышления, но преимущественно в область страхов.

Глава 38. ЖИЗНЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Руссо полагал, что совершенно успокоил своего больного. Тереза рассказывала всем соседкам, что, по мнению знаменитого доктора, г-на де Жюсье, Жильбер вне опасности. На самом же деле, в то время, когда все успокоились, Жильбер подвергся жесточайшей опасности, которой он избежал лишь благодаря своему упрямству и мечтательности.

Руссо не мог быть настолько доверчив, чтобы не таить в глубине души прочно укоренившейся подозрительности, основанной на каком-нибудь философском рассуждении.

Зная, что Жильбер влюблен, и застав его с поличным в то время, как он нарушал предписания врача, он рассудил, что Жильбер способен повторить ошибки, если предоставить ему свободу.

По-отечески заботясь о молодом человеке, Руссо хорошенько запер чердачную дверь на замок, предоставив ему возможность *in petto*

лазать в окошко, но не позволяя выходить из комнаты.

Нельзя себе представить, до какой степени эта опека разгневала Жильбера. Она заставила его задуматься о будущем.

На некоторых людей противоречие оказывает плодотворное влияние.

Все мысли Жильбера отныне занимала Андре. Он мечтал о счастье видеть ее, наблюдать хотя бы издали за ее выздоровлением.

Однако Андре не появлялась у окна павильона. Одна лишь Николь показывалась время от времени с горячим питьем на фаянсовом подносе, да барон де Таверне шагал взад и вперед по садику, сердито сопя, будто пытался прийти в себя, – вот и все, что мог видеть Жильбер, жадно вглядываясь в окна и пытаясь проникнуть сквозь толстые стены.

Впрочем, эти подробности немного его успокаивали, потому что свидетельствовали о болезни, но не о смерти.

«Там, за этой дверью или за этим ставнем, – говорил он себе, – дышит, страдает та, которую я страстно люблю, боготворю, та, при виде которой я начинаю дрожать, задохаться; та, от которой

зависит моя жизнь».

С этими мыслями Жильбер так высовывался из окошка, что любопытная Николь каждую минуту готова была поверить в то, что он собирается выброситься. Жильбер наметанным глазом прикидывал толщину перегородок, паркета и фундамента павильона и выстраивал в голове точный его план: там должна быть комната барона де Таверне, вон там – кладовая и кухня, в той стороне – комната Филиппа, здесь – спальня Николь и, наконец, комната Андре, святая святых, перед дверью которой он готов был отдать жизнь за право провести там на коленях один-единственный день.

Эта священная комната в представлении Жильбера была большой комнатой первого этажа, задуманной первоначально как приемная. По мнению Жильбера, из этой комнаты в спальню Николь должна была выходить застекленная дверь.

– Счастливы те, кто ходит в саду, куда выходят окна из моей комнаты и с лестницы! Счастливы те, кто равнодушно топчет землю недалеко от павильона! Должно быть, по ночам оттуда слышны стоны и жалобы Андре.

От мечты до ее исполнения – далеко! Однако люди с богатым воображением умеют сокращать это расстояние. Даже в невозможном они усматривают действительное, они умеют перебрасывать мосты через реки, приставлять лестницы к горам.

В первое время Жильбер предавался мечтаньям.

Потом он пришел к мысли, что вызывающие у него зависть счастливыцы – не более, чем простые смертные, которые топчут землю такими же, как у него, ногами и у которых руки умеют открывать двери. Он представил себе, как он был бы счастлив проскользнуть украдкой к этому запретному дому и подслушать под окнами, о чем говорят в комнатах.

Жильберу мало было мечтать, он должен был немедленно перейти к исполнению задуманного.

Кстати сказать, к нему быстро возвращались силы. Молодость плодотворна и щедра. Три дня спустя Жильбер вследствие возбуждения чувствовал себя как никогда сильным.

Он прикинул, что раз Руссо его запер, то одна из самых больших трудностей устранена: необходимость входить к мадмуазель Таверне через дверь.

И действительно, дверь выходила на улицу Кок-Эрон; Жильбер, запертый на улице Платриер, не мог попасть ни на одну из улиц; если бы ему удалось выбраться, ему не пришлось бы отворять двери.

Оставались окна.

Оконце его чердака находилось на высоте пятидесяти футов от земли.

Не будучи пьяным или сумасшедшим, вряд ли кто-нибудь отважился бы спуститься по этой отвесной стене.

«До чего же, все-таки, хорошее изобретение – дверь, – повторял он про себя, кусая кулаки, – а философ Руссо взял да и запер ее!»

Может, вырвать замок? Это нетрудно. Но уж тогда нет никакой надежды вернуться в гостеприимный дом.

Из замка Люсьенн – сбежал, с улицы Платриер – сбежал, из замка Таверне – сбежал. Если все время убегать, то это значит – не сметь смотреть людям в глаза из боязни услышать упрек в неблагодарности или легкомыслии.

«Нет, господин Руссо ни о чем не узнает».

Скорчившись у окошка. Жильбер продолжал:

«Ноги и руки – естественные инструменты свободного человека. С их помощью я зацеплюсь за черепицу и, держась за водосточный желоб – довольно узкий, правда, зато прямой и, следовательно, самый короткий путь между двумя точками, – я доберусь, если мне суждено добраться, до соседнего оконца. А это – окно на лестницу. Если не доберусь, я упаду в сад – это наделает шуму, из павильона прибегут люди, меня подымут, узнают; это будет красивая, благородная, поэтичная смерть; я вызову к себе жалость – превосходно!»

Если я доберусь – а я на это рассчитываю, – я пролезу через окно на лестницу, спущусь бо-сиком до второго этажа, откуда окно тоже выходит в сад; до земли от окна – пятнадцать футов. Я

спрыгну... Увы!.. У меня нет ни прежней силы, ни ловкости! Правда, я смогу держаться за балку... Да, но она вся источена червями и рассыплется; я покачусь кубарем – и где тогда моя благородная и поэтичная смерть? Я буду весь вывален в известке, оборван, – стыдно! – я буду похож на мелкого воришку. Об этом даже страшно подумать! Барон де Таверне прикажет привратнику вытолкать меня в шею или Ла Бри надерет мне уши. Нет, у меня здесь – двадцать бечевек, из них можно связать веревку; как говорит господин Руссо: из соломинок складывается сноп. Я позаимствую у госпожи Терезы бечевки всего на одну ночь, я свяжу их узлами и, добравшись до окна второго этажа, привяжу веревку к балкончику или даже за сточный желоб и спущусь в сад».

Осмотрев желоб, он отвязал бечевки, измерил их, прикинул на глаз высоту и почувствовал себя сильным и решительным.

Он свил из бечевек крепкую веревку, попробовал свои силы, подвесив ее за чердачную балку, и обрадовался, убедившись в том, что на губах выступило совсем немного крови: он решился на ночную вылазку.

Желая обмануть г-на Жака и Терезу, он притворился больным и не вставал с постели до двух часов, то есть, до того времени, когда Руссо имел обыкновение после обеда отправляться до самого вечера на прогулку.

Жильбер объявил, что хочет спать и не собирается вставать до утра.

Руссо предупредил, что будет ужинать в городе; он был рад, что у Жильбера такие благие намерения.

На том они и расстались.

Едва Руссо вышел, Жильбер опять отвязал бечевки и на сей раз свил их на совесть.

Он еще раз ощупал желоб и черепицу и стал дожидаться наступления темноты.

Глава 39. ПОЛЕТ

Итак, Жильбер был готов к путешествию во вражеский сад: так он мысленно называл дом Таверне. Из своего окошка он внимательно изучал местность, подобно опытному стратегу, собиравшемуся дать бой. Неожиданно в доселе молчаливом, тихом доме разыгралась сцена, привлекавшая внимание нашего философа.

Через садовую ограду перелетел камешек и ударил в стену дома.

Жильбер уже знал, что без причины не бывает следствия. Так как следствие он видел, то стал искать причину.

Впрочем, хотя Жильбер и высовывался, он так и не разглядел человека, который бросил с улицы камень.

Он догадался, что происходящее связано с недавними событиями. Он увидел, как осторожно приотворился один из ставней первого этажа и показалась голова Николь.

При виде Николь Жильбер нырнул в свою мансарду, ни на секунду, однако, не теряя из виду проворную служанку.

Окинув внимательным взглядом все окна, а окна павильона – особенно пристально, Николь вышла из своего убежища и побежала в сад к шпалере, где были развешаны на солнце кружева.

Камень, откатившись, оказался у нее на дороге по пути к шпалере; Жильбер, как и Николь, не сводил с него глаз. Жильбер увидел, как она подбила ногой камень, очень интересовавший ее в эту минуту, потом еще раз стукнула по нему, катя его перед собой, пока он не очутился возле клумбы под шпалерой.

Николь подняла руки, отцепляя кружева, и уронила одно из них, а потом стала медленно поднимать и в то же время схватила камень.

Жильбер еще ни о чем не догадывался. Однако, видя, с какой старательностью Николь очищает камень, словно гурман – орех, и снимает с него кожуру в виде бумаги, в которую он был завернут, он, наконец, понял действительную степень важности брошенного камня.

Николь и в самом деле подняла записку – ни больше, ни меньше, – в которую был завернут камень.

Плутовка проворно ее развернула, с живым интересом прочитала, опустила в карман, и кру-

жева перестали ее интересовать – они высохли.

Жильбер покачал головой и, будучи невысокого мнения о женщинах вообще, сказал себе, что Николь оказалась на самом деле порочной особой, а он, Жильбер, рассудил здраво и совершил нравственный поступок, порвав так смело и решительно с девицей, получающей через стену записки.

Жильбер, только что открыв причину и сделав правильный вывод, осудил следствие, причиной которого, возможно, был он сам.

Николь вернулась в дом, потом опять вышла, держа руку в кармане.

Она достала ключ; Жильбер видел, как он блеснул у нее в руке. Потом она проворно сунула ключ под садовую калитку, расположенную в другом конце стены, выходявшей на улицу параллельно главному входу.

– Отлично! – проговорил Жильбер. – Я понимаю: в записке назначено свидание. Николь не теряет времени даром. У Николь, стало быть, новый любовник?

Жильбер нахмурился; он испытывал разочарование человека, полагавшего, что разлука с ним будет невосполнимой потерей в сердце оставленной им женщины, но он видит, к вящему своему удивлению, что свято место пусто не бывает.

«Вот кто может нарушить все мои планы, – продолжал рассуждать Жильбер, пытаясь найти причину своего дурного расположения духа. – Неважно, я не сержусь, что нашелся счастливец, занявший мое место в сердце мадмуазель Николь».

Жильбер умел рассуждать здраво. Он сейчас же сообразил, что, став свидетелем этой сцены, о чем никто пока не знает, он получил преимущество перед Николь; он мог бы им при случае воспользоваться, потому что знал тайну Николь во всех подробностях, и она не могла бы их отрицать. В то же время она лишь догадывалась о его секрете, и ни одна подробность не могла бы обратить ее подозрения в уверенность.

Жильбер дал себе слово воспользоваться при случае своим преимуществом.

Наконец наступила долгожданная ночь.

Жильбер боялся теперь только одного: неожиданного прихода Руссо. Он опасался, что Руссо увидит его на крыше, на лестнице или просто окажется на пустом чердаке. В этом случае гнев жене-евского философа будет ужасен. Жильбер решил отвести от себя удары при помощи записки. Он оставил ее на столике, адресовав философу.

Записка была составлена в следующих выражениях:

«Дорогой и прославленный покровитель!»

«Не думайте обо мне плохо. Несмотря на ваши советы и даже приказания, я все-таки позволил себе выйти. Я должен скоро вернуться, если только со мной не приключится чего-нибудь вроде того, что произошло недавно. Но если бы даже мне грозило нечто подобное или даже хуже, я должен выйти на два часа».

«Не знаю, что я скажу, когда вернусь, – думал Жильбер, – но по крайней мере господин Руссо не будет волноваться и сердиться».

Ночь стояла темная. Было душно, как обычно бывает в первые жаркие весенние дни. Небо было облачным, и в половине девятого даже тренированный глаз ничего не мог бы различить в глубине темной пропасти, в которую заглядывал Жильбер.

Внезапно юноша заметил, что ему стало трудно дышать, голова и грудь – в испарине, а это означало слабость и вялость. Осторожность шептала ему, что в таком состоянии не стоит пускаться в рискованное предприятие, требовавшее от него собрать все силы не только для успеха предприятия, но и просто для безопасности. Однако Жильбер не послушался внутреннего голоса.

В нем еще громче говорила сила воли; молодой человек по своему обыкновению ее велениям и последовал.

Жильбер намотал веревку вокруг шеи и с сильно бьющимся сердцем стал выбираться из окошка, изо всех сил уцепившись за наличник. Потом ступил на желоб и осторожно двинулся вправо к окну на лестнице. Его отделяло от окна Жильбера расстояние примерно в два туза.

Итак, он переступал по желобу шириной не более восьми дюймов, который, хотя и поддерживался железными скобами, едва держался и оседал под тяжестью шагов. Руками Жильбер дер-

жался за черепицу, но это помогало ему лишь удерживать равновесие; в случае, если бы он сорвался, черепица не смогла бы ему помочь, потому что пальцам не за что было ухватиться. Вот в каком положении оказался Жильбер во время своего перехода по воздуху, занявшего две минуты, вернее, длившегося целую вечность.

Но Жильбер поборол страх, сила воли его была столь мощной, что он не пугался высоты. Он слышал однажды, как эквилибристу советовали смотреть не под ноги, а на десять шагов впереди себя, и если и думать о пропасти, то представляя себя орлом, то есть убеждая себя, что ее всегда можно перелететь. Кроме того, у Жильбера уже была практика: он пробирался по ночам к Николь, той самой Николь, которая обнаглела теперь до такой степени, что пользуется ключами и дверьми вместо крыш и труб.

Молодой человек вот так же переправлялся когда-то через мельничные шлюзы в Таверне и меж чердачных балок старого сарая.

Он достиг цели без малейшего трепета и проскользнул на лестницу.

И замер. С нижних этажей доносились голоса Терезы и ее соседок, разглагольствовавших о гениальности г-на Руссо, о достоинствах его книг и благозвучии его музыки.

Соседки прочитали «Новую Элоизу» и сознались, что считают эту книжку непристойной. В ответ на критику г-жа Тереза заметила, что они не понимают философского смысла этого прекрасного романа.

Соседкам нечего было возразить: не признаваться же в собственной неосведомленности!

Эта беседа на высокие темы велась между этажами, и пыл спора был не столь горяч, как жар печей, на которых готовился аппетитный ужин.

Жильбер слышал доводы споривших и, в то же время, вдыхал запах жарившегося мяса.

Его имя, прозвучавшее в шуме голосов, заставило его испуганно вздрогнуть.

– После ужина, – говорила Тереза, – схожу в мансарду посмотреть, не нужно ли чего дорогого мальчику.

Слова «дорогой мальчик» не могли доставить ему большого удовольствия: он испугался ее обещания навестить его. Впрочем, он сейчас же вспомнил, что когда Тереза ужинала в одиночестве, она любила подолгу беседовать с бутылочкой; жаркое казалось таким вкусным! А «после ужина» могло означать..., часов десять. Теперь же было, самое большее, без четверти девять. Кстати, после ужина мысли Терезы, по всей вероятности, примут совсем другой оборот и она станет думать о чем угодно, только не о «дорогом мальчике».

Однако, к большому сожалению Жильбера, время шло, а он бездействовал. Вдруг чье-то жаркое стало подгорать... Раздался предупреждающий крик встревоженной хозяйки, и все разговоры мигом прекратились.

Все разбежались к своим кастрюлям.

Жильбер воспользовался тем, что хозяйки занялись, наконец, ужином, и беззвучно проскользнул вниз по лестнице.

Во втором этаже он быстро отыскал желоб, за который он привязал веревку, и стал не спеша спускаться.

Он висел как раз между желобом и землей, как вдруг услышал под собой в саду торопливые шаги.

Он успел вскарабкаться назад, цепляясь за узлы на веревке, и стал высматривать, кто этот злополучный человек, помешавший ему спуститься.

Это был мужчина.

Он шагал со стороны садовой калитки, и Жильбер не сомневался, что это тот самый счастливчик, которого поджидала Николь.

Он обратил все свое внимание на помешавшего ему незнакомца. По походке и характерному профилю под треугольной шляпой, а также по тому, как треуголка была лихо надвинута на ухо, Жильбер узнал славного Босира, того самого французского гвардейца, с которым Николь познакомилась перед отъездом из Таверне. Босир тоже настороженно прислушивался.

Почти в ту же минуту Жильбер увидел, как Николь отворила дверь павильона, бросилась в сад, оставив дверь незапертой, и легко, словно трясогузка, метнулась к оранжерее, куда уже

направился Босир Это было, по всей вероятности, не первое их свидание, потому что ни он, ни она ни секунды не колебались в выборе места встречи.

«Вот теперь я могу спокойно спуститься, – подумал Жильбер, – если Николь в этот час принимает любовника, значит, она уверена, что ей ничто не помешает. Андре, стало быть, одна! Господи, она одна!..»

В самом деле, стояла полная тишина, и не видно было ничего, кроме слабого света в первом этаже.

Жильбер благополучно опустился на землю, но не захотел идти через сад напрямик. Он пошел вдоль забора, подошел к окружавшим дом деревьям, бросился сквозь их чащу бегом, пригибаясь к земле, и, оставаясь незамеченным, подбежал к незапертой двери.

Вся стена была увита плющом, свешивавшимся над дверью, поэтому его трудно было заметить. Он притаился и заглянул в первую комнату. Это была просторная прихожая, как он и предполагал, совершенно в этот час безлюдная.

Из этой комнаты во внутренние покои вели две комнаты: одна была заперта, другая – нет. Жильбер догадался, что незапертая дверь ведет в комнату Николь.

Он крадучись вошел в дом, вытянув руки перед собой, чтобы не натолкнуться на что-нибудь в темноте, потому что в прихожей не было ни одного огонька.

Впрочем, в конце коридора была видна застекленная дверь с занавесками, сквозь которые просачивался слабый свет. Муслиновые занавески колыхались от ветра.

Идя по коридору, Жильбер различил слабый голос, доносившийся из освещенной комнаты.

Это был голос Андре. Сердце Жильбера затрепетало.

Андре вторил другой голос – голос Филиппа.

Молодой человек заботливо справлялся о здоровье сестры.

Жильбер с опаской подошел к двери и встал за одной из полуколонн, украшенных бюстом, которыми принято было в те времена украшать двустворчатые двери.

Оказавшись в безопасности, он стал слушать и смотреть. Сердце его то прыгало от радости, то сжималось от страха.

Он все видел и слышал.